

Евразийский юридический журнал

№ 2 (69) 2014

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г. Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Члены редакционного совета

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н. (Судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке)

БУГЕРА Михаил Евгеньевич, к.э.н. (Государственное Собрание Республики Башкортостан, г. Уфа)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

ГАЙДУК Вадим Витальевич, доктор политических наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАМЕДОВ Рустам Фахретдинович, д.ю.н., профессор (Бакинский государственный университет)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич, д.ю.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОПОВ Лев Леонидович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

РАРОГ Алексей Иванович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

РАЯНОВ Фанис Мансурович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

СВЯТОЦКИЙ Александр Дмитриевич, д.ю.н., профессор, академик Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный юрист Украины

СУЛЕЙМЕНОВ Майдан Кунтуарович, д.ю.н., профессор (НИИ частного права, г. Алматы), академик Национальной Академии наук Республики Казахстан

СЫДЫКОВ Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, академик Международной академии наук педагогического образования (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забиорович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Zufar Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ШЕМИШУЧЕНКО Юрий Сергеевич, д.ю.н., профессор (Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины),

академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук

ШУМИЛОВ Владимир Михайлович, д.ю.н., профессор (Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России)

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забиорович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич, первый заместитель главного редактора, к.ю.н., доцент

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, заместитель главного редактора, к.ф.н., доцент

ДЗЮБА Ирина Валерьевна, научный редактор

КАРТАШОВА Ольга Робертовна, технический редактор

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна, литературный редактор

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н.

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

САЙМОВА Шолпан Алтынбековна, магистр юриспруденции, представитель ЕврАзЮж в Республике Казахстан (г. Астана)

АДИЛОВ Надир Адилоглы, к.ю.н., представитель ЕврАзЮж в Азербайджанской Республике (г. Баку)

ГАБИНЕТ Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Хмельницкого университета управления и права

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович, руководитель интернет-проектов

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забиорович (Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д.И.

Компьютерная верстка – Карташова О.Р.

Сдано в печать 27.02.2014.

Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11. Тираж 1500 экз.

Адрес редакции: 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9. Тел.: (495) 152-63-11, 8-917-401-08-89

e-mail: eurasiyalaw@mail.ru, website: <http://www.eurasiyalaw.ru>, www.eurasiapp.ru

Eurasian Law Journal

№ 2 (69) 2014

Journal is published with support of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007. Monthly Law Journal since January 2009.

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

BATKHIEV Rashid Husejnovich, Dr of Law (candidate) (Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement)

BUGERA Mikhail Evgenevich, Dr of Economics (State Assembly of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

DMITRIEVA Galina Kirillovna, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksumovich, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Jurevna, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GAIDUK Vadim Vitaljevich, LLD, Professor (Bashkir State University)

KAPUSTIN Anatolij Yakovlevich, LLD, professor (The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Dr of Law (candidate), associate professor (Yerevan State University)

KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

MALEEY Yury Nikolaevich, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAMEDOV Rustam Fakhretdinovich, Dr of Law, Professor (Baku State University)

MISHALCHENKO Yury Vladimirovich, Dr of Law, Dr of Economics, Professor (The Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

POPOV Lev Leonidovich, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

RAROG Aleksey Ivanovich, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

PASHENTSEV Dmitriy Alekseevich, Dr of Law, Professor (Financial University at the Government of the Russian Federation)

RAYANOV Fanis Mansurovich, Dr of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SHEMESHUCHENKO Yury Sergeevich, Dr of Law, Professor (V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine),

Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine, member of the Russian Academy of Sciences

SHUMILOV Vladimir Mikhailovich, Dr of Law, Professor (Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia)

SULEIMENOV Maidan Kuntuarovich, Dr of Law, Professor (Scientific-Research Institute of Private Law, Almaty),

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

SVJATOTSKY Alexander Dmitrievich, Dr of Law, Professor, Academician of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honoured Lawyer of Ukraine

SYDYKOV Yerlan Battashevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana)

TOLSTOPJATENKO Gennady Petrovich, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, LLD

Editorial board members

DANELYAN Andrey Andreevich, deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law (candidate), Associate Professor

BONDARENKO Alexander Viktorovich, deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy (candidate), Associate Professor

DZYUBA Irina Valerievna, scientific editor

VINOGRADOVA Iunis Aleksandrovna, copy editor

KARTASHOVA Olga, technical editor

WYSTOROBETS Eugene Anatolievich, Doctor of Law (candidate)

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, Doctor of Law (candidate)

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Doctor of Law (candidate)

MURZAGILDIN Nail Tashtimirovich

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Doctor of Law (candidate), Associate Professor

SAIMOVA Sholpan Altinbekovna, Master of Law, representative of ELJ in the Republic of Kazakhstan (Astana)

ADILOV Nadir Adiloglu, PhD of Law, representative of ELJ in Azerbaidjan (Baku)

GABINET Dmitriy Anatolyevich, Senior Lecturer of the Department of History and Theory of State and Law of the Khmelnytsky University of Management and Law

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich, internet-project

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich (Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции журнала.

© Евразийский юридический журнал, 2014

PERSONA GRATA

Правовая наука Таджикистана: вчера, сегодня, завтра
Наш собеседник – Шавкат Махмудович Исмаилов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники, государственный советник юстиции Республики Таджикистан 5

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Экспертный совет ВАК начинает действовать по-новому
Интервью с Игорем Михайловичем Мацкевичем, доктором юридических наук, профессором, заместителем председателя экспертного совета ВАК России по праву 9

ЕВРАЗИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Фархутдинов И.З., Высторобец Е.А.
Drang nach osten: Украина – возможно ли сохранить евразийское пространство? 14

Толстых В.Л.
События в Украине и реакция западных государств: попытка международно-правового анализа 28

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Малашко А.П.
К вопросу о компетенции экономического суда СНГ в условиях реализации положений Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. 35

Малько А.В., Елистратова В.В.
Об использовании правового опыта межгосударственной интеграции при создании Евразийского экономического союза 40

Гета М.Р., Рахимбердин К.Х.
Анализ законодательства по предупреждению насилия против детей в государствах Центральной Азии 44

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Нечевин Д.К.
Нюрнбергский эпилог и мировой правопорядок 48

Копылов С.М., Мохаммад С.А.
К вопросу об эволюции институциональной основы международной экологической политики 61

Данельян А.А.
Проблемы законности национализации и экспроприации иностранных инвестиций 65

Гусейнов О.Р.
Роль договоров об устранении двойного налогообложения в правовом регулировании международных инвестиционных отношений 68

Шушаева Т.А.
К вопросу об эффективности целеполагания в международном нормотворчестве 73

Батырь В.А.
Новые вызовы XXI века в сфере развития средств вооруженной борьбы 76

Зайцева Т.А.
Проблемы уголовного преследования и наказания морских пиратов 82

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Рябошапченко А.А.
Правовые аспекты конституционного реформирования в Австрийской Республике в связи со вступлением в Европейский Союз 87

Озюменко М.В.
Изменения регулирования страховой деятельности ЕС в соответствии с требованиями Директивы Solvency II 91

ПРАВО СТРАН СНГ

Арабаев А.А.
Конституция Кыргызской Республики 2010 г.: объекты и проблемы совершенствования механизма их регулирования 94

ИНТЕРЭКОПРАВО

Боклан Д.С.
Практика органа по рассмотрению споров ВТО и охрана окружающей среды 98

Коннова Е.В.
О критериях одностороннего характера актов государств 107

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Чимбеев А.Н.
Генезис правового регулирования предпринимательской деятельности в малых и средних формах в дореволюционной России 112

Поляков С.А.
Возникновение и развитие концепции международной безопасности России в дореволюционный период 115

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Рустамов А.А.
Универсальность прав человека – важный фактор развития 118

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Михеев Д.С.
Регулирование принципа гласности местного самоуправления в законодательстве Российской Федерации 120

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Красноярова Н.И.
Система цивилистических конструкций внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах делового оборота 122

Ганеев Р.Р.
Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права 130

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сердюк П.П.
Состояние применения реституции в уголовной юстиции государств мира 133

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Кудрявцева А.В., Петров А.В.
Учение о судебной экспертизе в трудах дореволюционных ученых 141

Макарова Н.Ю.
Типичные следственные ситуации, программы действий следователя и особенности планирования на первоначальном этапе расследования мошенничеств в сфере малоэтажного строительства 145

АГРАРНОЕ ПРАВО

Быстров Г.Е., Побежимова Н.И.
Государственное регулирование сельского хозяйства 148

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Толбузина Т.В.
О двух аспектах реформы в трудовом праве России 157

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Кирич Р.С.
Объекты геологических правоотношений: кодификационный аспект 160

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Шагиева Р.В., Шагиев Б.В.
Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования 166

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Иванов А.Н.
Изменение политических приоритетов административной реформы в современной России на различных этапах ее реализации 172

Султанова Л.Ю.
Типы регионального политического лидерства и трансформация механизмов элитарного рекрутинга 173

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Бондаренко В.Н.
Принципы философского постижения права 175

Сафина Л.Х.
Особенности динамики социальных отношений и их структура 177

Бреслер М.Г.
Социальная солидарность в информационном обществе 178

Вахитов Р.Р.
Евразийство Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого: этатизм и персонализм 180

ОБЗОРЫ

Корбут Л.В.
Обзор заседания комиссии по правовому положению семьи международного союза юристов 181

Алисиевич Е.С.
Зимняя академия по правам человека в Российском университете дружбы народов (10–12 февраля, 2014 г.) 186

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 189

PERSONA GRATA

Legal science of Tajikistan: past, present and future

Our interlocutor is Shaukat Makhmudovich Ismailov, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Technology, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan..... 5

ACTUAL INTERVIEW

The expert council of the Higher Attestation Commission begins to act in a new way

Interview with Igor Mikhaylovich Matskevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Russia on Law..... 9

EURASIAN GEOPOLITICS AND INTERNATIONAL LAW

Farkhutdinov I.Z., Wystorobets E.A.

Drang nach Osten: is it possible to save the Eurasian space?..... 14

Tolstykh V.L.

The events in Ukraine and the reaction of Western states: an attempt of international legal analysis..... 28

EURASIAN INTEGRATION

Malashko A.P.

Issues of the competence of the CIS Economic Court in the course of fulfillment of the provisions of the Treaty on Free-Trade Area dated October 18, 2011..... 35

Malko A.V., Elistratova V.V.

Towards the use of legal experience of interstate integration for creation of Eurasian Economic Union..... 40

Geta M.R., Rakhimberdin K.Kh.

Analysis of the legislation on the prevention of violence against children in the Central Asian states..... 44

INTERNATIONAL LAW

Nechevin D.K.

Nuremberg epilogue and a world order..... 48

Kopylov S.M., Mohammad S.A.

On the evolution of the institutional framework of international environmental policy..... 61

Danelyan A.A.

Legality problems of nationalization and expropriation of foreign investments..... 65

Guseynov O.R.

The role of double taxation treaties in the legal regulation of international investment relations..... 68

Shushayeva T.A.

On the efficacy of goal-setting in international law-making..... 73

Batyr V.A.

New challenges of the 21st century in the field of development of combat means..... 76

Zaytseva T.A.

Sea rovers criminal prosecution and punishment issues..... 82

EUROPEAN LAW

Ryaboshapchenko A.A.

Legal aspects of constitutional reforms in the Austrian republic in connection with European Union accession..... 87

Oziumenko M.V.

Changes in regulation of the insurance activities of the EU in accordance with the requirements of Solvency II Directive..... 91

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Arabaev A.A.

Constitution of the Kyrgyz Republic of 2010: objects and development challenges of the mechanism of their regulation..... 94

INTERECOLAW

Boklan D.S.

WTO dispute settlement body practice and environmental protection..... 98

Konnova E.V.

On the criteria of unilateral character of states' acts..... 107

HISTORY OF STATE AND LAW

Chimbeyev A.N.

Genesis of legal regulation of small and medium kinds of entrepreneurial activity in pre-revolutionary Russia..... 112

Polyakov S.A.

The emergence and development of the concept of international security in the Russian pre-revolutionary period..... 115

HUMAN RIGHTS

Rustamov A.A.

The universality of human rights as the important factor of the development..... 118

MUNICIPAL LAW

Mikheev D.S.

Regulation of the principle of publicity of local government in the legislation of the Russian Federation..... 120

CIVIL LAW

Krasnoyarova N.I.

The system of civil law constructions of creditor's extrajudicial remedy in treaty obligations of the business turnover..... 122

Ganeev R.R.

Features of civil liability for violations in urban law..... 130

CRIMINAL LAW

Serdiuk P.P.

Condition of restitution enforcement in the criminal justice of the countries worldwide..... 133

CRIMINAL PROCEDURE

Kudryavtseva A.V., Petrov A.V.

The doctrine of the juridical expertise in the pre-revolutionary works of legal scientists..... 141

Makarova N.Yu.

Typical investigative situations, programs of actions of an investigator, and peculiarities of initial stage planning of investigation of the fraud in the sphere of low-height constructions..... 145

AGRARIAN LAW

Bystrov G.E., Pobezhimova N.I.

State regulation of agriculture..... 148

LABOUR LAW

Tolbuzina T.V.

On the two aspects of the reform in the Russian employment law..... 157

NATURE RESOURCES LAW

Kirin R.S.

Objects of geological legal relationships: codification aspect..... 160

LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Shagieva R.V., Shagiev B.V.

Law enforcement activity as a kind of legal activity: problems of theoretical justification..... 166

LAW AND POLITICS

Ivanov A.N.

Changing of policy priorities of administrative reform in modern Russia at various stages of its realization..... 172

Sultanova L.Yu.

Types of regional political leadership and transformation of mechanisms of elite recruiting..... 173

PHILOSOPHY AND LAW

Bondarenko V.N.

Principles of philosophical comprehension of law..... 175

Safina L.H.

Specific features of dynamics of the social relations and their structure..... 177

Bresler M.G.

Social solidarity in the information society..... 178

Vakhitov R.R.

Eurasianism of N.S. Trubetsky and P.N. Savitsky: etatism and personalism..... 180

REVIEWS

Korbut L.V.

Review of the meeting of the Commission on Legal Status of Family of International Union of Lawyers..... 181

Alisievich E.S.

Winter Academy on Human Rights at the Peoples' Friendship University of Russia (February 10–12, 2014)..... 186

INFORMATION FOR AUTHORS

..... 188

ABOUT THE AUTHORS

..... 190

ПРАВОВАЯ НАУКА ТАДЖИКИСТАНА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Наш собеседник – **Шавкат Махмудович Исмаилов**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники, государственный советник юстиции Республики Таджикистан.

LEGAL SCIENCE OF TAJIKISTAN: PAST, PRESENT AND FUTURE

Our interlocutor is **Shaukat Makhmudovich Ismailov**, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Technology, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan.

Визитная карточка:

Профессор Исмаилов Шавкат Махмудович является одним из наиболее крупных ученых, чей вклад в разработку основополагающих документов Республики Таджикистан особенно неоченим в связи с уникальным историческим временем формирования независимого правового государства. Стоя у истоков одной из важнейших составляющих характеристик нового государства и права, профессор Ш.М. Исмаилов благодаря фундаментальным научным знаниям, глубоко нравственным личным качествам, опираясь на богатые традиции морали и права таджикского народа, сумел внести огромный научный вклад в разработку концептуальных теоретических вопросов конституционного, предпринимательского, земельного, аграрного, налогового права. Будучи организатором, крупным администратором, принял непосредственное участие в разработке важнейших нормативных документов, образовавших действующее законодательство Республики Таджикистан.

После успешного окончания юридического факультета Таджикского государственного университета Шавкат Махмудович был оставлен на работе в указанном учреждении в качестве ассистента, затем старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой и декана юридического факультета (1978–1993 гг.).

Глубокие и обширные знания, полученные им в университете, дали перспективному ученому возможность заниматься научно-исследовательской работой в области права. Безупречным свидетельством его успешной научной и организаторской деятельности является защита кандидатской (1978 г.) и докторской диссертации (1990 г.) в наиболее признанных как тогда, так и сейчас мировым научным сообществом диссертационных советах – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Института государства и права Академии наук Казахстана. Присвоение ему ученых званий доцента (1984 г.) и профессора (1993 г.) свидетельствуют о неуклонном росте его научной и научно-педагогической квалификации.

Круг научных интересов профессора Ш.М. Исмаилова разнообразен, но основные его исследования тесно связаны с ведущими секторами современной экономики страны – сельскохозяйственным производством и предпринимательством, их правовым регулированием. Переход государства к рыночной экономике, создание новых форм собственности потребовали научной проработки правовых аспектов законодательного регулирования самых разнообразных сторон нарождающихся правоотношений, связанных с созданием новых организационных структур в сельском хозяйстве, формированием и развитием предпринимательства, усилением роли налоговых инструментов, в том числе с учетом специфики государства и менталитета его населения.

И не случайно основные научные мысли и результаты научно-исследовательской работы профессора Ш.М. Исмаилова отражены в его монографиях «Теоретические проблемы правового регулирования сельскохозяйственной кооперации» (1990 г.), «Законодательство Республики Таджикистан о коммерческой и предпринимательской деятельности (очерк-комментарий, законодательные акты, рекомендации)» (1992 г.) «Правовое регулирование предпринимательской и налоговой деятельности в Республике Таджикистан» (1998 г.), «Аграрное право» (2000 г.), «Курс налогового права» (2002 г.), «Налоговое право» (2003 г.) «Правовое обеспечение предпринимательской деятельности в Республике Таджикистан» (2007 г.), Учебник «Экономическое право» (2010 г.). Им подготовлена и опубликована глава в монографии, посвященной вопросам малого и среднего предпринимательства, под редакцией профессора И.В. Ершовой (2014 г.).

Многие научные публикации отражены в российских научных журналах издательской группы «Юрист» – «Предпринимательское право», «Энергетическое право» и «Экологическое право». Всего им было опубликовано более 200 научных работ – книг, статей, пособий, тезисов выступлений на научных конференциях и др.

Одним из первых юристов Таджикистана Ш.М. Исмаилов обратил серьезное внимание на необходимость исследования и развития правовых отношений в области предпринимательства, аграрного права, энергетического права и вопросов налогообложения, возникающих в переходный к рынку период. По его инициативе в 1991 г. на юридическом факультете Таджикского государственного университета была образована кафедра предпринимательского и коммерческого права, заведующим которой он был назначен. Также при непосредственном участии Шавката Махмудовича образован Университет права, бизнеса и политики, предназначенный для подготовки специалистов с рыночной направленностью. В процессе проведенных исследований Ш.М. Исмаилов сотрудничает со многими известными учеными ближнего и дальнего зарубежья.

Находясь на посту Министра юстиции Республики Таджикистан (1993–2001 гг.), Ш.М. Исмаилов успешно сочетал государственную службу с педагогической и научной деятельностью. Приобретенные профессором Ш.М. Исмаиловым знания и опыт в области права позволили ему внести значительный вклад в становление и развитие национального законодательства.

Ш.М. Исмаилов был членом авторской группы по разработке проекта Конституции независимого Таджикистана, руководителем группы по разработке проекта первой части Гражданского кодекса Республики Таджикистан, руководителем группы по разработке законодательных и нормативных актов, связанных с реализацией Программы экономических преобразований Республики Таджикистан на 1995–2000 годы, являлся членом Правового консультативного совета государств – участников СНГ, Совета безопасности Республики Таджикистан, Совета юстиции Республики Таджикистан. Он является Государственным советником юстиции Республики Таджикистан, в составе официальной правительственной делегации неоднократно представлял Таджикистан в зарубежных странах.

В 1994 г. заслуги Ш.М. Исмаилова были отмечены присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Республики Таджикистан».

Исмаилов Ш.М.

В период избрания депутатом парламента (2001–2005 гг.) высокая квалификация и богатый опыт законотворчества позволили ему быстро вписаться в текущую работу Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан и активно участвовать в обсуждении законодательных предложений по всем отраслям права, а также выполнять работу председателя Комитета обороны, правопорядка и безопасности.

Знания и опыт профессора Ш.М. Исмаилова передаются им при чтении лекций в вузах и подготовке молодых ученых-юристов. Шавкатом Махмудовичем подготовлено семь кандидатов наук, две кандидатские работы, подготовленные под его руководством, представлены к защите, консультируется один докторант, четыре его аспиранта продолжают диссертационные исследования. Он является членом Специализированного ученого совета Таджикского государственного университета, постоянно рецензирует кандидатские и докторские работы по вопросам права. В то же время высокое звание профессора обязывает Ш.М. Исмаилова передавать свои знания и жизненный опыт студенческой молодежи и в настоящее время.

Начиная с 2001 г. и по настоящее время профессор Ш.М. Исмаилов работает в Финансово-экономическом институте Таджикистана (до 2006 г. – Налогово-правовой институт) на факультете менеджмента и экономического права, является заведующим кафедрой экономического и финансового права, одновременно читает лекции на факультете государственного и муниципального управления филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в Таджикистане.

Лекции профессора Ш.М. Исмаилова отличаются глубокой эрудицией, подлежащей усвоению молодыми специалистами, а также практической направленностью теоретических положений, что вызывает живой интерес будущих юристов к изучаемому материалу. Лекционный материал Шавката Махмудовича насыщен собственными научными исследованиями автора, что позволяет широко использовать его монографии при чтении лекций по курсам аграрного, предпринимательского и налогового права в вузах Таджикистана и других странах ближнего зарубежья.

Ш.М. Исмаилов пользуется большим авторитетом среди научной общественности не только Таджикистана, но и СНГ, а также в органах государственной власти и управления.

– Многоуважаемый Шавкат Махмудович, какие мысли овладевают Вами, когда Вы вспоминаете Советский Союз? Бывает ли у Вас ностальгия по тем временам, когда мы все дружно жили в едином многонациональном государстве?

– Конечно, как у всех людей, большая часть жизни которых прошла в советские годы, по прошлой жизни вспоминаются только наиболее светлые моменты. Советский Союз был мощным государством, в котором гарантировалась занятость и социальная защита, по сравнению с нынешним временем все жили в братстве. Теперь жизнь у многих людей стала более интересной, появилось больше возможностей увидеть другие страны, но люди больше отдалились друг от друга, стали эгоистичнее, равнодушнее к проблемам других людей, даже близких и родных, больше думают о своем.

Мне кажется, качество образования людей в среднем тогда было выше, они больше интересовались научной работой, хотя теперь имеется возможность учиться и работать в других странах, ближних и дальних, получать сведения непосредственно из мировых научных центров.

По различным обстоятельствам моя Родина – Таджикистан – стала самой бедной из всех прежних советских республик. Нынешнее поколение моих земляков в основном не владеет русским языком, который был и остается языком межнационального общения, появились границы между прежде братскими республиками (в прямом смысле, у меня сохранились связи с ребятами других национальностей, с которыми мы дружили и учились в Москве).

Я надеюсь, что в последующем новые поколения русских, таджиков и лиц иных национальностей объединятся в решении совместных научных, учебных, производственных и иных проектов и восстановят прежние близкие отношения между народами наших стран, в том числе укрепятся отношения между учеными-правоведами Таджикистана и России, а также всех стран СНГ. Уверен, такое тесное научное и научно-педагогическое сотрудничество будет способствовать дальнейшему развитию правовой науки Таджикистана.

– Что собой представляет, на Ваш взгляд, современная Республика Таджикистан? Какие успехи достигнуты за последние два десятилетия? Какие проблемы и перспективы развития сегодняшнего Таджикистана?

– После распада Союза каждая составляющая его республика решила идти своим путем, не повторяя опыт других государств. Мой горный Таджикистан, не имеющий запасов нефти и газа, пытается строить свою собственную экономику, идти к новой государственности, новым отношениям между людьми. Уже в советское время в Таджикистане численность трудоспо-

собного населения превышала число рабочих мест. А после приватизации государственных заводов и фабрик, разрушения прежней экономики в результате войны и не совсем продуманной экономической политики количество рабочих мест в Таджикистане еще больше сократилось, что вынуждает людей в поисках средств существования выезжать работать в другие страны. Эта ситуация, мне кажется, подобна большинству прежних социалистических стран, за некоторым исключением (Болгария, ГДР, Словакия, республики прежней Югославии).

Наибольшая трудность в настоящее время – дефицит электроэнергии (хотя Таджикистан занимает восьмое место в мире по запасам гидроэнергоресурсов), особенно в зимний период, что ухудшает уровень социальной защищенности людей и не позволяет создать условия для расширения собственного промышленного и сельскохозяйственного производства. Положение осложняется удаленностью Таджикистана от центров мирового развития, отсутствием доступа к морям, ограниченностью производственной инфраструктуры.

Главный достигнутый нами политический успех – прекращение гражданской войны, осуществление мер по обеспечению деятельности нового государства.

Экономический спад, имевший место в Таджикистане до 1997 г., сменился в 2000-е гг. сравнительно высоким экономическим ростом, однако до сих пор прежние дорыночные размеры производства не достигнуты. При поддержке донорских организаций и китайских кредитов построены сотни километров внутренних современных автодорог, имеются транспортные выходы в Китай, Иран, Афганистан и Пакистан. Несмотря на различные препятствия, строится Рогунская ГЭС, которая должна в целом обеспечить экономические и социальные потребности страны в электроэнергии.

В стране в целом сформирована новая законодательная база, приняты основные законы, определены правила ведения хозяйства и человеческого общежития. Главной задачей теперь становится единообразное понимание и выполнение принятых законов, норм и правил, недопущение правового нигилизма, обеспечение уважительного отношения к закону, что требует длительной праворазъяснительной работы на всех уровнях управления.

В то же время, мне кажется, во всех новых рыночных странах должны понять, что главная «священная корова» рынка – собственность, ее защита, и в первую очередь защита частной собственности. Придуманные псевдогосударственные формы собственности (передача государственной собственности в форме оперативного управления или хозяйственного ведения), не имеющие экономической основы, наверно, должны исчезнуть как переходные. После всемерного укрепления частной собственности, создающей реальную базу для развития свободного предпринимательства, могут появиться

различные разновидности публично-частной и частично-публичной собственности, основанные на реальных интересах людей. Одновременно возникает возможность глубже изучить природу самой частной собственности и ее особенности (учитывая сохранение государственной собственности на отдельные вещи, что уже недоступно в «старых» рыночных государствах).

Учитывая то, что наши государства все еще формируются, имеется реальная возможность создать такую правовую систему, которая бы смогла максимально учесть проблемы и недостатки рыночных стран, переориентировав право в сторону главных целей развития государства, в первую очередь – защиты интересов собственного народа. Этому должна способствовать и правовая наука Таджикистана.

– Многоуважаемый Шавкат Махмудович, Вы родились 12 мая 1951 г. в семье известного государственного деятеля Махмуда Исмаиловича Исмаилова, который долгое время возглавлял Верховный Суд Таджикской ССР, Юридическую комиссию при Правительстве, впоследствии преобразованную в Министерство юстиции Таджикистана. Вы пошли по стопам отца, выбрав профессию юриста?

– Честно говоря, я никогда не думал и не предполагал, что возникнет вопрос о моей работе в качестве первого министра юстиции независимого государства Таджикистан, так как изначально было желание заниматься только наукой. Так оно и произошло: в науке я был, и до поста министра я прошел путь от ассистента до декана факультета, заведующего кафедрой, доктора юридических наук, профессора. В общем, принимал и принимаю самое активное участие в дальнейшем развитии правовой науки Таджикистана.

Став министром, я понял, что пришел в коллектив, в котором работал мой отец, участник Великой Отечественной войны, глубоко порядочный, весьма скромный человек. О таких сегодня говорят: «Он был настоящим коммунистом». Но это было другое время, другая система государственности и общественных отношений.

И мне пришлось многое начинать с чистого листа. Не было опыта построения нового государства, но самое тяжелое – политическая нестабильность, отсутствие политической практики, появление новых политических и государственных институтов, которые требовали правовой регламентации. Пришлось формировать новую команду единомышленников, и в этом мне помогло знание юристов-профессионалов, которые в разные годы закончили юридический факультет. Это, безусловно, оказало огромную помощь при подборе кадров и в той работе, которую министерство юстиции проделало в то сложное время. В этом плане, в плане личностного роста как государственного деятеля – да, признаю, что я пошел по стопам своего уважаемого отца.

– В значительной степени Вы сформировались как ученый в советские времена. Что Вы считаете самым ценным и примечательным в советской науке с позиций сегодняшних времен?

– К сожалению, в советской науке чувствовался идейный контроль, который не всегда позволял выражать истинную научную точку зрения, противоречащую партийной идеологии того времени. В остальном научная школа советского времени была очень сильна. Мне посчастливилось иметь интересные научные контакты с весьма сильными и авторитетными учеными-юристами из разных регионов многих стран, что сегодня не так доступно для нынешних молодых ученых.

А что касается ценного и примечательного в советской науке, могу сказать, что была требовательность на всех уровнях научной и педагогической работы, в вузах хорошо подбирались профессорско-преподавательский состав, студентам давались глубокие системные знания, прививались навыки аналитического мышления. Была возможность прохождения хорошей практики в ведущих отраслях народного хозяйства. А главное – было стремление широких масс молодых людей заниматься научной деятельностью и изучать новое.

– В сложные переходные годы после распада Советского Союза, когда экстремизм и правовой нигилизм наблюдался повсюду, Вы, как первый министр юстиции молодого таджикского государства, становитесь одним из активных участников преобразования государственного устройства Таджикистана и правовой реформы в новых условиях. Вы являлись непосредственным участником конституционного процесса в Республике: были членом рабочей группы по разработке новой Конституции независимого Таджикистана. Не могли бы Вы более подробно рассказать о противоречиях и коллизиях того времени в становлении нового суверенного государства на политической карте мира?

– 6 ноября текущего года исполняется 20 лет со дня принятия Конституции Республики Таджикистан. Конституция сыграла важную роль в установлении мира в Таджикистане. До 1994 г. попытки принятия Конституции не дали положительного результата и даже привели к гражданскому противостоянию.

Новая наша Конституция писалась в тяжелое время противостояния, когда ещё не был избран Президент, в полной мере не были сформированы государственные органы власти. Была создана рабочая группа по подготовке проекта Конституции. При этом рабочая группа исходила из того, чтобы не допустить дальнейшего гражданского противостояния, и подготовила два варианта проекта Конституции – основанных на президентской и парламентской формах правления.

На протяжении шести месяцев рабочей группой из 11 человек готовились проекты, сопровождаемые серьезными спорами, дебатами, все разногласия решались большинством голосов. Сложная, серьезная работа требовала дополнительного изучения научной литературы и практической реализации конституционных основ передовых государств.

Для развития любого государства необходима, прежде всего, стабильность. И Конституция 1994 г. обеспечила эту стабильность в Таджикистане, что способствовало становлению других институтов государственности, демократизации общества, а также эволюции правовой науки Республики Таджикистан.

– В мае 2001 г. Вы, уважаемый Шавкат Махмудович, избираетесь депутатом Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан – Парламента Таджикистана – и возглавляете один из его комитетов – Комитет по обороне, правопорядку и безопасности. На посту Председателя этого важнейшего Комитета Вы продолжаете в те годы нужную и необходимую для молодого таджикского государства законотворческую деятельность. При Вашем участии подготовлены и приняты несколько законопроектов, в том числе Закон «Об экстремизме», который вобрал в себя лучшие традиции законотворческой деятельности.

– Тот опыт, который я приобрел, работая министром, пригодился в парламентской работе. Парламент – это второй этап моей государственной деятельности. Деятельность депутата отличается от деятельности министра более творческим подходом к делу. Законотворческая работа интересна тем, что в ней больше самостоятельности и независимости, а также совместной работы в коллективе.

Очень полезной была работа с парламентариями других стран в рамках Межпарламентской ассамблеи СНГ, где предоставлялась возможность обмена опытом между депутатами различных стран, участия в разработке модельных законов, их имплементации в национальном законодательстве.

Кроме подготовки законопроектов, я принимал участие в обсуждении тех из них, которые поступали в парламент по законодательной инициативе Правительства. По всем законопроектам было необходимо давать заключение, и здесь были неопределимы те научные знания, которые позволили определить векторные направления законотворческой деятельности.

Что касается законопроектов, над которыми работал я сам, могу сказать, что эти законопроекты, в том числе и законопроект «Об экстремизме», о котором Вы упомянули, были острейшим требованием времени. Я не мог не реагировать

на такое противоправное общественное явление «нового порядка», коим является экстремизм, особенно тогда, когда оно приобрело достаточно зримые масштабы и появились признаки угрозы безопасности государства. Могу сказать, что этот законопроект прошел всю процедуру законотворческой деятельности, начиная от включения в план законотворческой деятельности до официального опубликования в рекордно короткий срок – восемь месяцев.

– Уважаемый Шавкат Махмудович, начиная с 2001 г. и по настоящее время Вы заведуете кафедрой экономического и финансового права Финансово-экономического института Таджикистана. С 2005 г. Вы, уважаемый профессор, полностью сосредотачиваетесь на научной и педагогической работе... Не могли бы подробнее рассказать об этом?

– Несмотря на работу в правительстве и парламенте страны, я не прерывал связи со своими коллегами по научно-педагогической деятельности, публиковал научные статьи и выступал на научных конференциях, руководил диссертантами. По мере своих сил старался и стараюсь лично способствовать правовой науке и практике Таджикистана.

Это позволило после завершения депутатского срока плавно вернуться к прежней педагогической деятельности, которая дополнительно основывается на имеющемся опыте законотворческой работы.

Наш институт постоянно модернизируется, в нем постоянно внедряются новые технологии обучения, позаимствованные у крупнейших вузов мира. Это для меня очень интересно, с молодыми экспериментаторами я сам становлюсь молодым, таким же, как и мои ученики.

Ежегодно на протяжении 20 лет, благодаря коллегам из этих известных вузов, я постоянно принимаю непосредственное участие в конференциях, которые проводятся в МГУ имени М.И. Ломоносова, МГЮА имени О.Е. Кутафина. Являюсь членом редакционной коллегии журналов «Энергетическое право» и «Предпринимательское право», издающихся в Москве. Активно участвую в научно-исследовательской работе, многое для себя нахожу.

Так состоялась моя карьера ученого, государственного деятеля. Этот путь, как я отметил, не был устлан розами. Но сегодняшний путь таджикской науки, особенно для плодотворной научной деятельности, не менее тернист. Научным контактам, расширению научного кругозора, обсуждению злободневных научных проблем, столь необходимым для становления настоящего ученого, сегодня мешают искусственные барьеры, финансовые трудности. И всё же, несмотря на эти барьеры и трудности, мы ощущаем помощь и поддержку ученых Российской Федерации в развитии нашей отечественной юридической науки.

Беседовали

*И.З. Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор
«Евразийского
юридического журнала»*

*Абдуджабор Абдуджалилов,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии,
политологии и права
Академии наук Республики
Таджикистан*

При поддержке Высшей аттестационной комиссии России у нас с 1 января нынешнего года открыт специализированный диссертационный Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по правовым отраслям. Стала возможной защита научных работ непосредственно у нас, и, думаю, это поможет отечественной науке Республики Таджикистан в подготовке высококвалифицированных ученых-правоведов. В этом я вижу продолжение традиций, сложившихся в нашей с вами научной среде, по развитию фундаментальной науки, которая не знает границ, национальностей, других ограничений.

Отрадно отметить, что в деятельности нашего Совета в прошлые годы с нами активно сотрудничали в качестве оппонентов по кандидатским диссертациям такие известные ученые ведущих московских вузов, как профессора В.П. Мозолин, И.В. Ершова, Л.В. Андреева, Н.И. Михайлов, П.И. Дойников, В.П. Камышанский, А.Г. Диденко, академик М.К. Сулейменов, Р.Н. Салиева и другие.

– Уважаемый Шавкат Махмудович, что бы Вы хотели пожелать сотрудникам редакции, авторам и читателям «Евразийского юридического журнала»?

– Спасибо искреннее за приглашение выступить на страницах вашего журнала.

«Евразийский юридический журнал», которому недавно исполнилось шесть лет, у нас в Таджикистане знают и уважают. Мы намерены более активно расширять сотрудничество с вашим ежемесячным научно-практическим правовым изданием.

Своим добрым коллегам – авторам и читателям «Евразийского юридического журнала» – хотелось бы пожелать новых научных открытий и свершений в правовой сфере, которые также отражались бы на страницах вашего издания.

Редакции журнала я желаю успехов в распространении правовых знаний и консолидации ученых-правоведов различных стран нашего Содружества, а также выражаю свою большую личную благодарность главному редактору и всем его сотрудникам за совместное плодотворное взаимовыгодное сотрудничество.

За дружбу народов, за развитие евразийской интеграции на различных уровнях!

– Спасибо за доброе, содержательное интервью Вам, многоуважаемый Шавкат Махмудович, от имени всех наших читателей! Желаем новых успехов в развитии правовой науки Таджикистана!

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ВАК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ПО-НОВОМУ

Интервью с Игорем Михайловичем Мацкевичем, доктором юридических наук, профессором, заместителем председателя экспертного совета ВАК России по праву.

THE EXPERT COUNCIL OF THE HIGHER ATTESTATION COMMISSION BEGINS TO ACT IN A NEW WAY

Interview with Igor Mikhaylovich Matskevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Expert Council of Higher Attestation Commission of Russia on Law.

Визитная карточка:

Мацкевич Игорь Михайлович — российский ученый-юрист, криминолог, доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя экспертного совета ВАК России по праву.

Родился в Москве 23 февраля 1964 г. После окончания юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1986 г. был призван на действительную военную службу и проходил ее в должности следователя военной прокуратуры Тамбовского, а с мая 1988 г. — Московского гарнизона.

В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблемам преступного насилия среди военнослужащих («дедовщина»).

С 1994 г. работает в Московской государственной юридической академии на различных административных должностях:

с 1994 г. — заместитель декана Московского заочного факультета, заместитель декана Московского вечернего факультета;

с 1996 г. — декан Московского вечернего факультета.

В мае 2000 г. защитил докторскую диссертацию по проблемам преступности военнослужащих (социально-правовой и криминологический анализ).

В ноябре 2000 г. назначен на должность директора Института прокуратуры в составе МГЮА приказом Генерального прокурора РФ.

С 2001 г. — ректор Первого московского юридического института. С 2002 г. — проректор по научной работе Московской государственной юридической академии.

С октября 2009 г. — первый проректор-проректор по научной работе Московской государственной юридической академии.

С 2014 г. заместитель председателя экспертного совета ВАК России по праву.

— Уважаемый Игорь Михайлович, буквально два месяца назад, 1 января 2014 г., вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2013 г. № 836 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации». В общем, случилось то, чего так долго ждали представители научно-педагогической общественности. С чем же было связано, на Ваш взгляд, то, что уже через два года прежний законодательный акт перестал отвечать потребностям подготовки ученых высших квалификаций? Стало ли это частью реформирования системы отечественного образования в целом?

— Хотел бы отметить, что одновременно с Положением о ВАК было принято Положение о порядке присуждения учёных степеней. Второй документ, как мне представляется, носит более важный концептуальный характер, хотя недооценивать значение Положения о ВАК, конечно, тоже нельзя. С моей точки зрения, то, что новое постановление принято спустя 2 года после предыдущего, в действительности свидетельствует о том, что происходят динамичные изменения в системе аттестации научных кадров высшей квалификации. Так что это дело нормальное. Хотя я никогда не скрывал, что предыдущее Положение о порядке присуждения учёных степеней было неудачным с точки зрения не только его качества, но и даже юридической техники. Ну, и, наверное, действительно в связи с вступлением в силу нового закона об образовании потребовалось приведение в соответствие этому закону подзаконных нормативных актов, к которым и относятся документы, о которых мы говорим.

— Можно ли считать, что Постановление Правительства № 836 стало своего рода логическим развитием Указа Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического

Мацкевич И.М.

образования в Российской Федерации»? Вспомним, что президентский Указ от 26 мая 2009 г. был принят в целях повышения качества образовательных программ высшего профессионального образования в области юриспруденции, усиления контроля деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров в Российской Федерации...

— Не вижу здесь связи. Положения, о которых мы говорим, касаются подготовки научно-педагогических работников (мне больше нравится термин — кадры высшей квалификации, поскольку речь идёт о людях, которые, без преувеличения, несут ответственность за движение общества и государства вперёд по пути прогресса) не только в области юриспруденции, но и для других областей знаний. Проблем с подготовкой юридических кадров высшей квалификации конечно много, но беда в том, что таких, если не больших, проблем хватает и в других науках. Не секрет, что имеет место определённый кризис в самой системе такой подготовки. Причин этого кризиса много, назову, как мне представляется, одну из основных — непродуманный и непросчитанный переход (в действительности, приспособление) отечественной системы подготовки кадров высшей квалификации на зарубежные, так называемые цивилизованные, стандарты.

— Не могли бы сказать, каковы в целом итоги затянувшегося почти на четверть века реформирования системы юридического образования?

— Я уже как-то говорил, что те позитивные изменения в системе образования вообще и юридического в частности связаны с объективными процессами, происходящими в обществе и в мире, и в меньшей степени с деятельностью, например, чиновников. С другой стороны, задача чиновников заключа-

ется в том, чтобы грамотно определять тенденцию развития образования и не мешать по своей сути всегда продуманной инициативе профессорско-преподавательского состава. Автономия определения методики преподавания дисциплин даже в советские времена оставалась за профессорско-преподавательским составом. Попытки централизованного управления каждым преподавателем мне представляются не просто губительными, а бессмысленными, а бессмысленные действия в образовательной политике, как говорится, хуже ошибки. В России, как известно, реформы нельзя начинать, а если их начали, то их нельзя останавливать. Поэтому я не считаю, что реформа юридического образования, как и образования вообще, завершена. Много говорят об ошибках этих реформ, я не хочу повторять уже сказанное об этом не раз. Полагаю большим достижением, что в последние примерно лет десять в вузовскую науку вкладываются довольно большие деньги. Задача профессорско-преподавательского состава – грамотно и с пользой распорядиться этими деньгами, что, увы, происходит не всегда, в том числе из-за несовершенства системы научных грантов (нередко тематика грантов разрабатывается кулуарно, а потому результаты научных разработок оказываются никому не нужными). Мне кажется, что важные количественные показатели итогов научных грантов, по которым оценивается их результативность, идут в ущерб их качеству. А наука – это в первую очередь качество. Количество здесь носит второстепенный характер и, более того, не обязательно переходит, вопреки известному закону, в качество.

Промежуточным итогом реформирования юридического образования для себя я бы назвал понимание того, что единого мирового юридического образовательного стандарта не существует, и то, что молодым российским учёным юристам в обязательном порядке нужно знать не менее двух иностранных языков с юридической лексикой. Кстати, попутно я, интересуясь этой проблемой, разрушил для себя множество мифов. В числе прочих – что юридическое образование на «западе» ис-

ключительно платное, что государство не финансирует научную работу учёных-юристов, что дипломы юридических вузов разных стран Европы автоматически между собой признаются и т. д. и т. п.

– **Уважаемый профессор, тут, полагаю, самый раз вернуться к президентскому Указу № 599 от 26 мая 2009 г., который предусматривает целую программу усовершенствования юридического образования России. Этот акт начинается с вопросов разработки и внедрения в практику механизма общественной аккредитации федеральных государственных и негосударственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров, а также касается разработки и общественного обсуждения федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) «юриспруденция», предусматривающих увеличение объема практической части основной образовательной программы высшего профессионального образования, формирование у обучающихся нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону.**

Как Вы могли бы прокомментировать эти важные цели и задачи, направленные на дальнейшее развитие системы юридического образования Российской Федерации?

– В упомянутом указе реализация этих своевременно поставленных задач возлагается на общественную организацию – Ассоциацию юристов России. Всегда говорил, что я сам возлагаю на эту организацию большие надежды. Во многих странах именно общественные организации сами решают свои проблемы, и кому, как не Ассоциации юристов, знать все недостатки в области их подготовки. Но кардинального изме-

И.М. Мацкевич в кругу семьи

нения качества юридического образования в лучшую сторону, как мне кажется, не произошло. Причин здесь как всегда много, но обращу внимание на следующее — юридическое сообщество крайне разобщено. Даже там, где даётся «классическое» юридическое образование, среди профессорско-преподавательского состава нет принципиального понимания, какие дисциплины и в каком объёме следует давать. А ведь есть ещё те, кто готовит полицейских, работников национальной безопасности и даже судебных экспертов. Интересы этих групп весьма специфичны, если не сказать различны. Свести всё это воедино, тем более в единые образовательные стандарты, невозможно, а как мне кажется, и не нужно. Я бы оставил то самое «классическое» юридическое образование, а всех лиц, которые по тем или иным причинам получили другое образование, обязал бы идти в юридическую магистратуру и аспирантуру. Более того, перечень видов образования, с которым можно поступать в юридическую магистратуру и аспирантуру, я бы тоже ограничил, отдав это «на откуп» именно Ассоциации юристов. Сейчас происходят действительно странные вещи, например, теоретически химик-технолог (ни в коей мере не хочу обидеть эту важнейшую специальность), имея диплом бакалавра, совершенно спокойно может поступить в юридическую магистратуру и после её окончания пойти работать (тоже, конечно, теоретически) судьёй. Понятно, что за два года обучения в магистратуре вряд ли он сможет ликвидировать дефицит базовых знаний по праву (теория права и государства, юридическая техника, основы цивилистики и т. д.).

Юрист, как и врач, несёт ответственность за самое ценное, что есть в нашем обществе — за человека. Здесь не может быть места понижению планки качества подготовки юриста. Как я слышал, предполагалось, что общественную аккредитацию в Ассоциации юристов должны пройти не более 100 юридических вузов страны. Но сейчас таких вузов уже больше 100, и, смею предположить, что их количество вскоре сравняется с общим количеством вузов, в которых готовят юристов. Тогда в чём смысл этой общественной аккредитации? Получается только в том, чтобы подтвердить государственную. А зачем?

— **Дальнейшее, более радикальное реформирование российской системы юридического образования не может не потребовать определенного времени и определенной осторожности, поскольку затрагивает интересы многих, в том числе в связи с возможным сокращением излишнего штата преподавателей, а также закрытием ряда вузов, как заведомо не способных осуществить подготовку специалистов в соответствии с новыми требованиями. Согласны ли Вы, уважаемый Игорь Михайлович, с этим утверждением?**

— Это действительно очень сложная социальная проблема. Потеря человеком своего рабочего места — это всегда серьёзное социальное потрясение. Причём не только для него, но и для окружающих его людей. Тем более, когда мы говорим, что собираемся сократить кадры высшей квалификации. Общество и государство потратило на их подготовку огромные средства, а теперь, оказывается, они не нужны? С другой стороны, качество подготовки юристов настолько разное в разных вузах, что просто «закрывать» глаза на это больше нельзя. Думаю, что сокращение вузов, в которых готовят плохих юристов — неизбежно. Другое дело, что процесс этот должен быть проведён крайне продуманно и неспешно. Знаете, в чём опасность совершения ошибки? В том, что сделав ошибку, человек скорее стремится исправить её и практически тут же делает следующую ошибку, потом начинает исправлять вторую ошибку и делает третью — и т. д. Так вот, сделав в своё время принципиальную ошибку и позволив всем, кому ни попадя, готовить юристов, надо не сделать другую ошибку и не «зарезать» вузы, в которых за 10–15 лет сложились хорошо зарекомендовавшие себя традиции в этом вопросе. При этом

я предвижу, сколько сложностей на пути закрытия даже откровенно плохих юридических вузов предстоит преодолеть. Ведь для многих руководителей таких вузов, извините за прямоту, юридическое образование стало той самой «коровой», которая приносит стабильный материальный доход. Я уверен, что решать эту проблему необходимо не только с участием общественности и, в первую очередь, Ассоциации юристов, но и под непосредственным руководством Министерства образования и науки. Здесь в полной мере на первое место должны выступить стратегические задачи, которые стоят перед всем обществом, а не кулуарные интересы отдельных и самых замечательных личностей. Насколько я могу судить, ни в одной стране в одном и том же регионе не может существовать три и более вуза, в которых готовят одних и тех же специалистов. У нас же есть областные центры, в которых существует до пяти юридических вузов. Если кто-то это называет образовательной конкуренцией, то я это называю образовательной глупостью.

— **Позволит ли, на Ваш взгляд, проведение необходимых изменений системы высшего образования в России реально повысить статус и зарплату профессоров и преподавателей вузов, стимулировать их к тому, чтобы они эффективно занимались своим непосредственным делом — преподаванием и научными исследованиями, а не искали дополнительных источников заработка на почасовых подработках...**

— Я думаю, что это одна из главных задач всей реформы. Перефразируя известное выражение, что народ, не желающий кормить собственную армию, будет кормить чужую, скажу, что общество, которому не нужны кадры высшей квалификации, станет обществом, которому не нужно будущее. Вопрос не только в оплате и социальных гарантиях, хотя они, как говорил один известный юрист, архиважны (мне жаль тот вуз и тех студентов, у которых преподаёт профессор, имея годовую учебную нагрузку в 800 и более академических часов, ведь у него нет времени на постоянное собственное самосовершенствование), но и в отношении всех институтов общества и государства к званию профессора. Был свидетелем, когда полицейские одной европейской страны (не важно какой, поскольку эта ситуация могла произойти во многих европейских странах) предъявили в общем обоснованные претензии к российской коллеге из-за проблем с визовым оформлением документов, после чего местный профессор, вступив с полицейскими в диалог, сказал, что они своими действиями могут сорвать важное научное мероприятие, и полицейские не посмели перечить профессору. Спорная ситуация была решена в пользу профессора, и это не необычное дело, а норма жизни.

— **С Вашего позволения, многоуважаемый профессор, возвращаемся теперь, если так можно выразиться, к своего рода «священной корове» — Высшей аттестационной комиссии. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что в течение многих десятилетий в советские времена о ВАК СССР говорили чуть ли не шепотом или с особым пиететом... Но вот в последние примерно два года ВАК попала в острейшую широкую общественной критики. Ругали все, ругали везде, не ругал ВАК только ленивый... Вы, известный ученый, который возглавлял годами Экспертный совет ВАК РФ по юридическим наукам, то есть Вы знали многое, как говорится, изнутри. Почему так случилось?**

— Я не думаю, что если сейчас кому-то из соискателей учёной степени сказать, что его приглашают в ВАК, то он не будет испытывать определённого трепета. Но, конечно, известная доля правды в ваших словах есть. К сожалению, период «революционных» преобразований 1990-х годов коснулся и ВАК. Многие, наверно, забыли, но в течение некоторого времени

ВАКу даже места не было в образовательной и научной среде. ВАК то был в Рособназдоре, то ещё где-то, и только относительно недавно его вернули в Министерство образования и науки. Это сопровождалось определённой дискуссией, поскольку были идеи включить ВАК непосредственно в структуру министерства. Но, слава богу, хватило мудрости оставить ВАК при министерстве, что, конечно, даёт ему значительно больше свободы выбора при принятии самостоятельных решений. Что касается критики ВАКа, то она была, есть и пусть она обязательно будет. Другое дело, что бывает критика, а бывает шельмование и сведения счетов. К моему большому сожалению, настоящей критики мало. Ну и самое главное, меня угнетает, когда среди претензий к ВАКу в качестве основной выдвигается претензия, что учёную степень и звание присудили не настоящему учёному. Можно подумать, что учёная степень свалилась в ВАК с потолка, что не было защиты на диссертационном совете, что учёные не голосовали, и что присвоение учёного звания конкретному человеку не обсуждалось на учёном совете вуза. Так к кому тогда претензии? Я, например, убеждён, что в сложившейся ситуации, когда учёные степени кандидатов и докторов наук по юриспруденции получили лица, которые не занимаются наукой, в том числе чиновники разного уровня, практики, общественные деятели и политики, виноваты, в первую очередь, мы сами, те профессора, которые не ценят собственного профессорского звания и молчат, когда на рассмотрение диссертационного совета выносятся очередная диссертация человека, явно далёкого от науки. Очень плохо, что нас ставят в ситуацию выбора рассмотрения такой диссертации и такого человека. Но, в конечном счёте, каждый для себя решает индивидуально, что для него важнее, личное спокойствие или своё имя и звание профессора.

– В пункте 21 Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации прописано: «Для осуществления экспертизы соответствия диссертаций и аттестационных дел установленным критериям и требованиям, для подготовки заключений по вопросам присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий... подготовки заключений по апелляциям, поданным на решения диссертационных советов по вопросам присуждения ученых степеней, по вопросам лишения (восстановления) ученых степеней и ученых званий профессора и доцента Комиссией формируются экспертные советы из числа ведущих ученых и специалистов...». Вот Вы теперь полноправный заместитель Председателя этого самого Экспертного совета ВАК при Минобразования РФ. Какие цели и задачи стоят теперь перед Вами, уважаемый Игорь Михайлович?

– Деятельность любого общественного организма, общественной организации, чем является экспертный совет ВАК по праву, во многом определяется его руководителем. Я пробыл в статусе руководителя чуть более 6 лет, то есть полный, предусмотренный нормативными документами цикл. Изменение моего статуса считаю совершенно нормальным делом, и уверяю (хотите верьте, хотите нет), не стал бы нарушать предписанное ограничение по сроку пребывания ни при каких условиях, даже если бы такое предложение гипотетически поступило бы (если мы, юристы, не будем соблюдать закон, то кто тогда его вообще будет соблюдать?). Сейчас председателем экспертного совета стал профессор Эбзеев Борис Сафарович, который не нуждается в дополнительных рекомендациях. В своё время, когда я только начинал работу в экспертном совете, в моём становлении в качестве эксперта больше всего мне помогли два человека: это профессор Шульженко Юрий Леонидович и Борис Сафарович. Поэтому цели и задачи, которые сейчас стоят передо мной, как экспертом, определяются профессором Эбзеевым. Впрочем, должен заметить, что эти цели и задачи нормативно урегулированы в положениях, о которых

мы говорили в самом начале. Главное, и об этом профессор Эбзеев сказал на одном из первых заседаний экспертного совета в новом составе, – не пропускать плохие диссертации и случайных, не имеющих отношения к науке людей. Кстати, экспертный совет по праву – единственный совет, который регулярно организует координационное совещание руководителей профильных диссертационных советов для обсуждения спорных позиций, выслушивания критики в свой адрес и формирования единого понимания повышения уровня требовательности к подготовке кадров высшей квалификации. Борис Сафарович подтвердил, что в этом году такая практика будет продолжена.

– Уверен, что многих читателей нашего журнала интересует данное положение: «Лица, имеющие высшее образование, подтвержденное дипломом бакалавра, специалиста или магистра, не освоившие основные профессиональные образовательные программы послевузовского профессионального образования в аспирантуре (адъюнктуре), допускаются к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук до 1 сентября 2015 г. при условии сдачи указанными лицами кандидатских экзаменов, перечень и программы которых утверждаются Министерством образования и науки Российской Федерации». Не могли бы вкратце его прокомментировать?

– Речь идёт о переходном положении, когда человек подготовил диссертационное исследование по старому положению, но защититься до 1 января 2014 г., когда в законную силу вступило новое положение о порядке присуждения учёных степеней, по независящим от него причинам не успел. Ему даётся возможность сделать это до обозначенного срока, в противном случае ему пришлось бы полностью переделывать диссертацию и проходить тот путь, который он уже фактически прошёл, ещё раз. Согласитесь, это было бы, по меньшей мере, не справедливо, он же не виноват, что мы (учёные и чиновники) в очередной раз поменяли правила игры. Такое переходное положение – очень важный составляющий элемент реформы, и я предлагал в своё время сразу его прописать в самом новом положении.

– Основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук должны быть опубликованы не менее чем в 15 рецензируемых изданиях, а кандидатов наук – в 3 рецензируемых изданиях. Какое значение имеет для соискателей данное положение?

– Только то, что публикаций надо написать больше, и всё. Не вижу в этом проблем, при грамотном руководстве соискателем. (Докторанту, имеющему на момент защиты меньше 20–30 публикаций в рецензируемых журналах, не считая, естественно, других публикаций, на мой взгляд, должно быть просто стыдно). Сейчас журналов много, и если по времени точно рассчитать за три года обучения, например, в аспирантуре, сколько, когда и в каких журналах соискатель должен опубликовать статей, то никаких проблем не будет, даже при условии, что какая-то статья не пройдёт с первого раза (что, честно говоря, нормально) рецензирования. Если же откладывать публикацию статей на последний год, то вполне можно и не успеть. Я сам постоянно сталкиваюсь с ситуацией, когда ко мне обращаются знакомые профессора и просят в «пожарном» порядке помочь с публикацией статьи. Не скрою, часто бывает, что отказываю, в том числе из-за низкого качества передаваемого материала (каждую статью, которую я рекомендую в тот или иной журнал, я обязательно смотрю сам). Я полагаю, проблема заключается в том, что при написании диссертации довольно часто соискатель забывает о необходи-

мости апробации результатов своего исследования. Он как бы «варится» в собственном соку, наслаждается самим процессом, упуская из вида, что нередко он изобретает велосипед. Чтобы этого не произошло, нужно публиковать статьи в ведущих журналах и выступать на значимых научных конференциях. Не бояться критики, а стремиться, чтобы теоретические выводы, к которым пришёл, обсуждались возможно большим числом учёных. Меня раздражает, когда в автореферате я читаю, что апробация результатов исследования проходила на круглом столе той организации, где писалась диссертация, и всё. Знаю я эти круглые столы...

– В старом Положении о ВАК не было подробного разъяснения процедуры отказа в приеме защищаемой диссертации. А во вступившем в силу с января текущего года Положении о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации мы находим подробную регламентацию данного вопроса. Чем это объясняется?

– Возросшим количеством обращений не состоявшихся обладателей учёных степеней в разнообразные органы, включая суды, на то, что им неправильно не присудили учёную степень. Заметьте, не необоснованно, а именно неправильно. Почему-то многие из них полагают, что получение степени — это некий процесс, который при относительном соблюдении требуемых процедур должен неизбежно приводить к успешной защите диссертации и выдаче соответствующего диплома. Примерно так же, как студент, поступив в вуз, должен обязательно получить диплом. Но если отчисление студента против его воли — это всё-таки событие неординарное, то защита диссертации соискателем или отрицательная защита — событие неприятное, но его нельзя назвать неординарным. Строго говоря, это нормальная практика. Не всякий может и должен защититься. Поскольку оспорить мнение учёных, что диссертация не получилась, бывает довольно сложно, соискатели идут на хитрость и «цепляются» к процедурным нарушениям. В ранее действующем положении эти моменты были прописаны не вполне чётко, что давало известную возможность недобросовестным людям спекулировать этим. Сейчас эта проблема отчасти решена.

– Уважаемый Игорь Михайлович, на какие еще новации нового Положения о ВАК Вы хотели бы обратить внимание читателей «Евразийского юридического журнала»?

– Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на то, что соискатели учёных степеней, особенно их много почему-то среди юристов, совершенно не знают нормативной докумен-

тации, которая регламентирует творческий процесс подготовки и защиты диссертаций. Как минимум, два законодательных акта они должны знать в обязательном порядке: Положение о порядке присуждения учёных степеней и Положение о ВАК. Что касается содержательной стороны этих положений, то, не вдаваясь в некий ликбез, скажу о нескольких новеллах. 1. ВАК теперь смотрит не только аттестационные дела докторов наук, но и дела кандидатов наук; 2. Диссертационный совет может принять диссертацию к рассмотрению только при наличии положительного кафедрального заключения (заключения организационной комиссии); 3. Диссертация в полном объёме должна быть размещена в сети Интернет; 4. В состав комиссии диссертационного совета, разрабатывающей заключение о принятии диссертации к защите, могут быть включены не только не члены диссертационного совета, но даже не члены вуза, на базе которого действует совет; 5. Назначение оппонентов происходит только после их письменного согласия; 6. Оппоненты могут участвовать в заседании диссертационного совета посредством интерактивных форм (в режиме видеоконференции); 7. В случае если диссертация будет отклонена ВАКом из-за научной недобросовестности автора, такая диссертация в обязательном порядке размещается на сайте вуза, где она защищалась, и будет находиться там для всеобщего обозрения (своего рода «позорный столб») в течение 10 лет; 8. Срок рассмотрения заявлений о лишении учёных степеней увеличен с 3 до 10 лет.

– Многоуважаемый Игорь Михайлович, в заключение наш традиционный вопрос, что бы Вы хотели пожелать редколлегии, авторам и многочисленным читателям «Евразийского юридического журнала»?

– «Евразийский юридический журнал», как один из ведущих русскоязычных научных и научно-практических правовых журналов в евразийском пространстве, аккумулирует в себе в каждом номере интересные мысли и взгляды ученых-правоведов из разных регионов Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Ваше ежемесячное издание вот уже седьмой год активно сближает ученых-правоведов из разных стран СНГ, способствует евразийской интеграции, что позволяет развивать его многочисленным авторам как уже сложившиеся юридические школы, так и зарождающиеся новые направления, возникающие в силу современных евразийских тенденций. Неся в себе идеалы научного самосовершенствования и гуманизма, журнал через своих авторов способствует развитию юридического просвещения, без которого невозможно существование ни одного государства современности.

– Уважаемый Игорь Михайлович, большое спасибо за Ваше несомненно очень интересное и полезное интервью!

Интервью брали

И.З. Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор
«Евразийского
юридического журнала»

А.В. Бондаренко,
кандидат философских наук,
заместитель главного редактора
«Евразийского юридического
журнала»

Фархутдинов И.З., Высторобец Е.А.

DRANG NACH OSTEN: УКРАИНА – ВОЗМОЖНО ЛИ СОХРАНИТЬ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО?

За единство без противостояния. Когда будет напечатан этот материал, мы надеемся, что народ вернется к жизни. Старшие поколения ответственны за то, чтобы фашизм никогда не поднял голову, они должны неустанно рассказывать молодежи о дружбе народов, о традициях гостеприимства, об общих победах и общей великой судьбе.

Ключевые слова: Украина, территория, население, экономика, власть, кто виноват и что делать.

Farkhutdinov I.Z., Wystorobets E.A.

DRANG NACH OSTEN: IS IT POSSIBLE TO SAVE THE EURASIAN SPACE?

For unity without confrontation. We hope that people have come back to life, when we will have this material printed. Older generations are responsible for ensuring that fascism could never lift its head up, they need to continue to educate young people about the friendship of nations, of the traditions of hospitality, on common victories and common great destiny.

Key words: Ukraine, territory, population, economy, power, and who is to blame and what is to be done.

*Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах?
Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего?
Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда — тот и сильнее.
Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал?
Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет.*

Данила – герой С. Бодрова в к/ф А. Балабанова «Брат 2»

Вступление

Русский народ и его братские народы на евразийском пространстве испытывают глубокое чувство скорби по убитым, а также пострадавшим защитникам правопорядка и легитимно избранной власти на Украине. Мы скорбим по всем, кто защищал Конституцию Украины, и тем, кто погиб не ради личной выгоды, и искренне верил, что сражается за свой народ, для блага всего населения без исключений, независимо от того, на какой из сторон он был. Мы выражаем соболезнование родным и близким жертв и пострадавших, и желаем благополучия и единства нашей многострадальной земле.

Перераспределение власти безболезненнее для людей, когда новая власть – преемник предыдущей власти, когда она выражает сложившиеся экономические отношения, традиции и волеизъявление большей части населения.

В целях передела сложившегося распределения материальных благ враждебные силы, выражающие собственные экономические интересы, заинтересованы в разделении народа по различным признакам и ослаблении легитимной власти. Чем меньше единства, тем проще паразитировать. Чем больше ложных ценностей, тем глубже скрывается правда. Они планомерно насаждают представления о различии интересов разных территорий, ведут информационную войну, достают из прошлого образы, которые извращают в отрыве от конкретно-исторического контекста, превращая их в инструмент разобщения. Для захвата и удержания власти история каждый раз переписывается. В далеком прошлом такие силы не всегда были внешними. Но всегда междоусобицы князей приводили к смуте, нестабильности и страданиям народа.

Новая власть собирает земли, приносит процветание и славу своему народу, удерживает то, что есть, или напротив – теряет земли, обрекает свой народ на прозябание, а иногда на нищету и поругание, когда она не выражает интересы народа.

Жизнь людей тем благополучнее, чем больше власть уделяет внимания объединению народа на основе общих ценностей. В действительности все люди равны от рождения и хотят одного – нормальной жизни. Не важно, какие различия имеют люди, – культурное разнообразие обогащает цивилизацию, а

все люди просто хотят иметь возможность обеспечивать свои семьи и каждый имеет право честно делать все возможное для этого, если не лишает другого равного права.

Никакому населению не понравится рост насилия, разрушение учреждений власти, незарегистрированное оружие в руках части населения, которое используется для грабежей, дестабилизации общественного устройства.

Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Чечня, Приднестровье и многие другие кровопролития, бесчисленные потери территории по границам бывшего СССР, территориальные споры, катастрофическое сокращение населения, межнациональная и межэтническая рознь, упадок экономики – вот что мы получили в результате перемен, которых мы якобы ждали, и борьбы за власть и собственность в течение последних 22 лет.

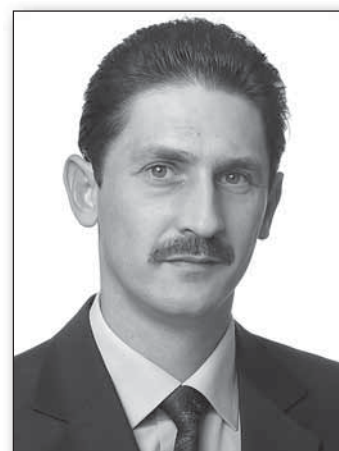
Напомним, 17 марта 1991 г. 76% населения СССР высказались за сохранение союзного государства¹.

Катализатором распада, причиной глубокого разрушения всего богатства, стимулом для геростратов и разной другой клиентуры стало внешнее воздействие. Теперь на ослабление власти идут все средства, к Вам приходят в дом, угрожают жизни детей, физически устраняют или принуждают к сложению полномочий губернаторов, глав администраций, депутатов, которые мешают паразитировать на народе.

Основные параметры, характеризующие жизнь народа, включают территорию, население, экономику, которые связаны с властью.

Фархутдинов И.З.

Высторобец Е.А.

1 Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 года. Справка // РИА Новости. 11:4515.03.2011. – URL: http://ria.ru/history_spravki/20110315/354060265.html#13939674951243&message=resize&erto=register&action=addClass&value=registration

Территория

«Збигнев Бжезинский достаточно давно и открыто написал, что воссоединение Украины и России недопустимо, ибо с Украиной Россия – всегда великая держава, а без нее – никогда ею не была»¹. Это справедливо и в отношении евразийского пространства.

Легендарные, темные и жестокие времена – эра великих переселений народов. Аборигены уходили или ассимилировали переселенцев. В результате соединения возникал новый народ, новая культура, уже не такая, как была до переселения, и не такая, которую имели аборигены, а трансформированная, с элементами от многих своих предшественников. Масштаб и глубина перемен, произошедших за исторически короткий период в сто лет, могут быть настолько велики, что говорить о преемственности не то, что власти, но и какого-либо одного этноса можно только в историческом смысле, с пониманием всей абсолютной условности таких построений. Также условно измеряется продолжительность существования власти в период Средневековья и до него. Изменяется буквально все, в том числе, и прежде всего, – язык. Торговля, обмен ремесленниками, кулиарами, скоморохами, наложницами и слугами способствовали преобразованиям. Кардинальные перемены происходят с изменением системы ценностей, отношения к религии, к патриотизму – от того, к какой группе относит себя большинство населения определенной территории.

Само название «Украина» появилось в Киевских (1187 г., 1189 г.) и Галицко-Волыньских (1213 г., 1280 г.) летописях², и, разумеется, имело не современное значение.

Историки отмечают, что Причерноморье Украины заселяли киммерийцы (VI в. до н.э.), потом скифы, позже ираноязычные сарматы. О пребывании иде сарматов свидетельствует распространенный теперь сарматский топоним «дн» (вода): Днепр, Днестр, Дунай, Дон. В III–IV вв. нынешнюю лесостепную и лесную зоны заселяли восточнославянские племена. А в VI в. территория от зоны смешанных лесов к Черному морю и от Дона до Карпат была занята славянскими племенами антами.

В.О. Ключевский отмечает, что «наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. <...> И так, – продолжает он, – мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. <...> Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат»³.

В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, Н.М. Карамзин обращают внимание на участие многих племен, совершенно не славянских, в создании Древнерусского государства – Киевской Руси. Кроме полян, древлян, северян, лютичей, кривичей, тиверцев, дулебов, угличей, белых хорватов в крупное по тем временам государство объединились части финских племен. В.О. Ключевский прямо пишет «Киевское <...> княжество этих князей стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать первоначальной

формой Русского государства»⁴. С.М. Соловьеву «известно, что везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебодородные пространства, а финны же – низменные, болотистые», он отмечает вхождение в состав русских владений голяди из литовских племен и ятвягов⁵.

В.О. Ключевский отмечает, что Бергинская летопись относит к 839 г. приход послов Киева в Царьград (Константинополь, Стамбул)⁶; Н.М. Карамзин считает историю Государства Российского с 862 г.⁷; С.М. Соловьев признает: «Призыв Кирилла и Мефодия, полагаемый в 862 г., совпадает со временем основания Русского государства»⁸.

Необходимо упомянуть, что основное направление развития европейской цивилизации в исторический период определяло соотношение сил германских, романских, славянских и, на юге, тюркских народов. Документально засвидетельствовано, что через создание менее благоприятных условий для этноса или его отдельных групп по сравнению с населением, принадлежащим к другим этносам, западные, южные и частично восточные славяне терпели лишения или вынуждены были ассимилироваться. Так остались в истории полабские славяне на территории современной Германии, на Балканах появилась национальность этнических славян «мусульмане», произошло размежевание других, славяне постоянно отходили с запада на восток, совсем недавно оставлены провинции Косово и Метохия. Восточнославянские языки, включая русинский, стали исчезающими на землях, где ранее доминировали: в Угорской Руси, Червоной Руси (Галиции, Прикарпатской Руси), Черной Руси (верхнее Принеманье, Гроднен, Новгородок, Слоним, Мозырь). Составлявшие в середине XIV в. 40% населения территории современной Молдавии, русины в основном ассимилировавшись, стали одним из слагаемых в развитии молдавской нации⁹.

Надо сказать, что были времена, когда русское оружие побеждало в ответ на внешнюю агрессию. Обратим внимание на то, каким оно было и в значительной мере является сегодня.

2012 г. – год двухсотлетия победы русского оружия, одержанной благодаря народному патриотизму, благодаря тому, что одной силой выступали Могилевский пехотный полк, гренадерские, гусарские малороссийские полки¹⁰, сибирские егеря, казаки, в том числе оренбургские, башкирские, калмыки и другие¹¹. В Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. от башкиро-мещеряцкого войска приняло участие 20 башкирских и 2 мещеряцких пятисотенных конных полка. Башкиры остались в большей степени традиционалистами, сохраняя в качестве основы вооружения средневеково-

1 Черняховский С. Украинцы должны понять: даже Гитлер был честнее, чем руководство ЕС // © ООО «КМ онлайн», 1999–2014 (осн. в 1998 г. с электронной «Энциклопедией Кирилла и Мефодия»). – URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/12/14/evromaidan-2013/727758-po-sravneniyu-s-nyneshnim-rukovodstvom-es-gitler-et-al>
2 Олійник Я.Б., Шищенко П.Г., Степаненко А.В., Масляк П.О. Географія: Навч. посіб. для старшокласників та абітурієнтів. Відповіді на всі питання нової програми. – 5-те вид., перероб. і доп. – К.: Т-во «Знання», КОО, 2006.
3 Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. I Курс русской истории. Ч. I / Под. ред. В.Л. Янина; Предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; Послеслов. и коммент. составили В.А. Александров и В.Г. Зимина. – М.: Мысль, 1987. – С. 49, 124.

4 Там же. – С. 159.

5 Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. – Кн. I. – Т. 1-2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; Вступ. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. – М.: Мысль, 1988. – С. 61, 113.

6 Ключевский В.О. Там же. – С. 157.

7 Карамзин Н.М. История государства российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. Кн. Первая. ТТ. I, II, III, IV. (СПб.: Издание И. Эйнерлинга, 1842.) – М.: «Книга, 1988. – С. 31.

8 Соловьёв С.М. Там же. – С. 126.

9 Суляк С. Осколки Святой Руси // Русины Молдавии. – URL: <http://rusyn.md/>

10 В целом Украина дала 13 358 конных казаков, 47 493 пеших. – см.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года // Сборник документов. – М., 1962; Макарова Н.В. Народы России в Отечественной войне 1812 года. Заграничные походы русской армии. Фрагменты учебного пособия «История России: люди, нравы, события, взгляды и оценки». – URL: <http://his.1september.ru/2002/31/1.htm>

11 Грузин по происхождению в этой войне участвовало более 10 генералов – см.: Грузинские генералы в Отечественной войне 1812 года – видеомост // Россия-Грузия: информационный паритет – совместный проект «РИА Новости» и «Новости-Грузия» 17:51 14/07/2012. URL: http://www.georusparitet.com/official_statement/20120714/151549014.html

вый комплекс, предназначенный для лучного боя, чем немало удивляли Европу, к тому времени позабывшую лук и стрелы. «40 шагов есть среднее расстояние для верного выстрела. В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и пускает мгновенно одну за другую; при нападении крепко нагибается к лошади и с пронзительным криком, раскрытой грудью и засученными рукавами смело кидается на врага и, пустивши 4 стрелы, колет пиккою»¹.

2014 г. – год столетия Первой мировой войны. В истории Галиции за этот период особое место занимают труды, посвященные деятельности униатского митрополита Андрея Шептицкого, чья деятельность согласно А.Ю. Бахтуриной – шаг Рима по насаждению унии в России. «Немецкий историк Э. Винтер в своей монографии “Папство и царизм” со ссылкой на политический архив в Вене приводит извлечения из текста письма митрополита Шептицкого австрийскому императору Францу-Иосифу I, озаглавленного “Памятная записка архиепископа Андрея графа Шептицкого”. По мнению Винтера, эта записка представляла собой развернутый план по присоединению Украины к Австро-Венгрии в случае успешных военных действий. Шептицкий писал императору о том, что “как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации края. Решение этих задач должно отчасти предшествовать какой бы то ни было мирной конференции, не только для того, чтобы благоприятствовать действиям нашей армии, но и для того, чтобы возможно полнее отторгнуть эти области от России”»².

Считается, что язык, быт и хозяйство восточных славян до 1132 г. были едины, по крайней мере, близки друг другу и могут рассматриваться как общая пракультура.

С определенной долей условности отметим продолжительность существования государств на территории современной Украины.

272 года (считая с 860 г.) просуществовало с IX в. до 1132 г. Древнерусское государство – Киевская Русь.

193 года – Галицко-Волынское княжество (с 1199 г. до середины XIV в.).

220 лет – казачья республика – Запорожская Сечь (с 1489 г. до 1709 г.).

337 лет – начиная с Переяславской Рады – собрания представителей запорожского казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким, состоявшегося 8 (18) января 1654 г. в Переяславе, на котором было всенародно принято решение о воссоединении Украины (Гетманщины) с Россией, развитие экономики современных Украины, России, Белоруссии, а позднее и народов других земель, в составе СССР, шло совместно.

Это самый длительный период в истории украинской государственности, период собирания земель и развития.

Границы Русско-Литовского княжества, Золотой Орды и других государств, в состав которых до XV в. входили земли Украины, значительно не совпадают с ее современной территорией. По этой причине в эти периоды украинская государственность не существовала и они не рассматриваются.

По Андрусовскому перемирию 1667 г. – соглашению между Россией и Польшей Левобережье с Киевом отошло к Московскому государству, Правобережье – к Польше. В XVIII в.

1 Рахимов Р.Н. Эволюция вооружения Башкирской конницы в эпоху наполеоновских войн // Militerra.com. – URL: http://militerra.com/index.php/index.php?option=com_content&task=view&id=919&Itemid=48

2 Винтер Э. Папство и царизм. – М., 1964. – С. 490. – Цит. по: Бахтурина А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой Мировой войны / Предисл. В.В. Шелохаева. – М.: АИРО-XX, 2000. – С. 14, 15, 150. (Серия «Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).

западноукраинские земли вошли в Австро-Венгрию. Данные потери нельзя оценивать как предательство. Россия затрачивала значительные силы на юге – еще в конце XVI в. крымцы жгли Козельск, поворачивали лишь в 45 верстах от Москвы, их последний набег произошел в 1769 г. на Новую Сербию (северная часть Кировоградской области Украины). Позднее опасность на юге исходила от Османской империи – с 1568 г. по 1918 г. прошло 12 русско-турецких войн, в 8 из которых Россия победила, получив выход к Черному морю, которое, после имени Понт Евксинский, данного ему греками, называлось в VI–XVII вв. Русским морем.

Южные степные земли современной Украины, включая Крым, колонизировали и населяли попеременно тавры, после них киммерийцы (с XII в. до н.э.), даки (на западе с V в. до н.э.); греки (с VIII–IV вв. до н.э.), скифы, сарматы, готы, языги, роксоланы, бастарны (на западе, III в. до н.э.), римляне (63 год до н.э.), аланы (257 г. –), гунны (375 г. –), византийское владычество (IV–V вв.), хазары (конец VII в.), армяне (XII–XV вв.), владычество Золотой Орды (1239 г. –), караймы (XIII–XIV вв.), генуэзцы (XIV – сер. XV в.), адыги (XIV – сер. XV в.), власть Крымского Ханства, выделившегося из Золотой Орды (1441 г. –), владычество Османской империи (1475 г. –). 19 апреля 1783 г. земли присоединены к Российской империи..

В 1917–1920 гг. прошлого века на различных частях территории современной Украины и вне ее возникали непродолжительные, непризнанные квази-государства:

- Великое Войско Донское;
 - Вольная территория (Махновщина);
 - Галицийская Советская Социалистическая Республика;
 - Донецко-Криворожская Советская Республика;
 - Крымская Советская Социалистическая Республика;
 - Республика Команча (Восточно-Лемковская Республика);
 - Русская Краина (Подкарпатская Русь, Закарпатье);
 - Русская Народная Республика Лемков;
 - Советская Социалистическая Республика Тавриды; и др.
- Начинался период собирания земель.

7 ноября 1917 г. в Киеве была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР), в которую вошли земли Центральной и Восточной Украины. В противоположность этому акту 25 декабря 1917 г. в Харькове был проведен I Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил Украину Республикой Советов. 13 ноября 1918 г. во Львове была провозглашена Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР). 22 января 1919 г. произошло объединение (воссоединение) ЗУНР и УНР в единое государство. С 1917 по 1920 гг. власть в Киеве менялась не менее 14 раз, включая его захват войсками С.В. Петлюры, германскими войсками, частями Войска Польского.

3 года (менее трех лет) с перерывами просуществовала УНР.

Восточная Украина – Украинская Советская Социалистическая Республика в 1922 г. вошла в состав Союза ССР. В 1939 г. земли Западной Украины вошли в состав СССР и воссоединились с Украинской ССР. В 1940 г. Румыния вернула Северную Буковину и Южную Бессарабию, и они стали частью УССР. По договору 1945 г. между Чехословакией и Советским Союзом в УССР вошла Закарпатская область.

Какое пространство занимала территория Украины в целом в 1923 г., показано в известном атласе немецкого производства (Рис. 1). Обращают на себя внимание северная, юго-восточная границы и де-факто включение в территорию Украины Крыма, обозначенного на карте такой же тональной заливкой, как и остальные ее территории.

В 1954 г., учитывая удобство управления и экономические связи, Крымская область и Иловайск (Донецкая область) были переданы в состав УССР, и одновременно РСФСР от Украины были переданы земли Брянской, Белгородской, Курской областей. Этим закончилось формирование территории современной Украины. Ныне в состав Украины входят 24 административные области и Автономная Республика Крым.

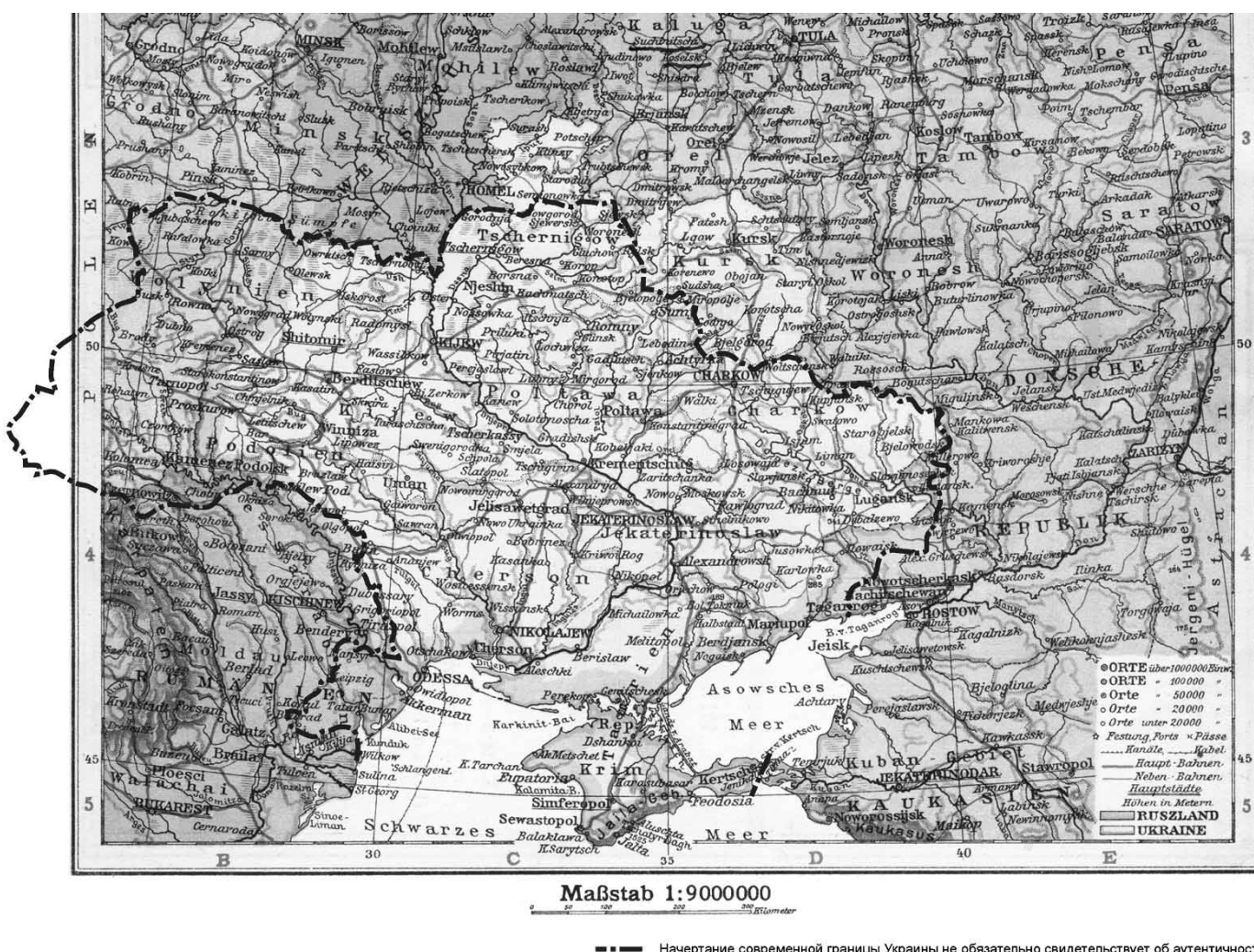

Рис. 1. Средняя и Южная Россия¹

22 года¹ существует современная независимая Украина на фоне шести веков совместного развития с Россией (правобережье менее продолжительное время), выросло новое поколение, лингвисты модернизировали язык.

Современная Украина (при В.А. Ющенко, женатом тогда на гражданке США), выбрав заокеанского судью, основываясь на формальном праве и не учитывая практику, потеряла часть исключительной экономической зоны и континентального шельфа у острова Змеиный – бывшей базы ВМФ СССР в Черном море. Согласно решению Суда ООН под юрисдикцию Бухареста перешло 79,34% спорных территорий в Черном море. По оценкам румынских экспертов, там находится около 12 миллионов тонн нефти и 70 миллиардов кубометров газа. В частности, Румыния получила 90% перспективного нефтегазоносного месторождения на геологической структуре «Олимпийская» (размещенной на расстоянии 40 км на юг от острова Змеиный)². Пожалуй, это самое меньшее, что можно потерять.

1 Mittel- und Südrußland // Adolf Liebers. Westermanns Atlas der Weltwirtschaft und Weltgeographie / Adolf Liebers, Teil 2. – Braunschweig: Westermann, 1923. – С. 63; начертание современной границы Украины не обязательно свидетельствует об аутентичности.

2 Дело острова Змеиный о разграничении морских пространств в Черном море (Румыния против Украины) реш. МС ООН 03.02.2009 № 132 – Case concerning Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine) Judgment of the International Court of Justice of 03.02.2009 General List No. 132. – URL: http://www.worldcourts.com/iccj/eng/decisions/2009.02.03_black_sea.htm; Гагіна О. Процес

Мы живем в век модернизированных способов захвата территории и колонизации. Неокolonизация не столько связана с вооруженной интервенцией и переделом границ на местности, сколько с борьбой за души людей, за изменение сознания, с внушением людям надуманных представлений об отличиях одних территорий от других, одних людей от других, превосходства зарубежных товаров над отечественными.

Современный патриотизм не национальный, не религиозный, а территориально-государственный. Проявляется этот патриотизм в поддержке отечественного производителя. Например, канадцы покупают кислые вина, произведенные в Канаде в разы дороже, чем они платят за вина, импортируемые из Франции. А наша общая территория – Евразийское пространство, и поэтому нам естественно покупать произведенное у нас дома.

Трагизм средневекового периода в истории земель Украины в том, что власть устанавливалась без участия ее населения, без всенародного волеизъявления для формирования органов управления на основе всенародного волеизъявления. Однако после 1654 г. союзнический долг России стал защитой от внешних угроз, ход общей истории, прерванный потерей земель древних предков на юго-западе и юго-востоке, был воз-

«Румунія проти України»: справа про розмежування морських просторів між Україною та Румунією в Чорному морі // Юридичний авангард. – 2009. – № 1. – С. 224. – Цит. по: Дело «Румыния против Украины» – причины поражения // Федерация адвокатов Украины. – URL: <http://vash-advokat.com/index.php?page=delorumuniya-protiv-ukrainy-prichiny-porazheniya>

обновлен. Киевское право, культура и технологии были восприняты, Россия понесла наследие киевской цивилизации на север и восток. В сознании народа отношения истории и современности выразили аксиомы. Киев – мать городов русских. Украина – житница России.

Население

На Украине живут и работают представители более 100 национальностей и основных мировых религий. Все они составляют украинский народ. Доля украинцев во всем населении Украины до 73%, большинство из них, кто выражает отношение к религии – православные.

В состав украинской нации входят отдельные этнографические и этническо-территориальные группы, сравнительно однородные или изначально полиэтнические – литвины, полищуки, гуцулы, бойки, лемки, карпатские русины, сотаки, ополяне, покутяне, коломишцы, днестровьяны, волыняне, черкасы, слобожане, подоляне, севрюки, харьковчане, донетчане, казаки, крымчане (тавричане) и т. д.

По М.С. Грушевскому, пороком исторического времени для украинского народа является IV в. До этого можно говорить об украинских племенах как части славянских племен¹. Подтверждение этой цифре автор не приводит. Документальные свидетельства в его работе относятся к тем же явлениям, событиям, фактам, что и у других ученых-историков. Также автор не приводит документальных свидетельств и расшифровки других своих утверждений. Об отличии вокализма и графики языка «филологи спорят <...> самостоятельный ли язык составляют украинские диалекты или только наречие русского языка, обнимающего также диалекты белорусские и великорусские, то это собственно спор больше формальный», – пишет он и применяет самовнушение, например, через такие слова (дореформенная орфография частично сохранена): «Украинский этнический тип отличается от своих ближайших родственников – Великороссов и Белороссов также и в других отношениях: особенностями антропологическими в тесном смысле, т. е. физическим устройством тела (формой черепа, ростом, соотношением частей тела), и чертами психофизическими, проявляющимися в народном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений. В сфере фольклора и этнографии, формах частного и общественного быта украинская народность запечатлена многими характеристическими особенностями и эти последние, как физические так духовные черты, также имеют за собою не во всем одинаковую, но значительную давность»². Вместе с тем М.С. Грушевский указывает на «украинский элемент»: «Еще в XVII в. этнографическая украинская граница проводилась современниками до окрестностей Кракова и дальше на север до Вислы, в окрестности Люблина, который еще в XVII в. считался городом почти украинским* / * Например, канонник Красинский († 1612), описывая западную границу украинской колонизации обозначает ее так: *quae Carpathios montes non longe ubi urbe attingit Cracovia*, а между провинциями ее называет и землю Люблинскую – *Mizleri Historiarum Poloniae collectio*, I, p. 418»³.

На каких основаниях автор полагает, что в XVII в. на указанных землях жили именно украинцы, а не русские, не белорусы, русины, поляки или другие народы, остается им не раскрытым. Позвольте обратить Ваше внимание, уважаемый читатель на авторские слова в скобках: «(формой черепа, ростом, соотношением частей тела)». Не очевидно, что имея доказанность этих и более подробных генетических данных во всей их полноте и качественной совокупности, если они представ-

лены достаточно массово, можно утверждать, что язык, психология этих потомков древних восточных славян были непременно украинскими. Также проблематично утверждать, что именно современные украинцы унаследовали от этих древних более, чем другие народы. Слова, которые взяты в скобки, привычны для антрополога, анатома, а М.С. Грушевский являлся признанным историком, одним из лидеров украинского национального движения, председателем Украинской Центральной Рады, профессором Львовского университета (1894–1914), членом Чешской АН, академиком ВУАН и АН СССР, членом Научного общества им. Т. Шевченко, но не был антропологом.

Н.М. Карамзин пишет, что «самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Трояном, могли быть нашими предками» (VI в. до н.э.), он приводит доступные обоснования, однако отвергает возможность утвердительного решения вопроса «откуда пришли славяне?» из-за недостаточности данных. Геродот назвал фракийское племя гетов теми, «кто верит в свое бессмертие» (*getas tous athanatizontas*), «потому что согласно их вере они не умрут, а отправятся к Салмоксису». Салмоксис (Гебелейзис) «учил, что ни он, ни его гости, ни их потомки не умрут, а лишь попадут в иное место, где будут жить вечно, пользуясь всеми благами»⁴. Греческий философ Ксенофан описывает фракийцев внешне отличными от греков вследствие светлых волос и голубых глаз: «Черными мыслят богов и курносими все эфиопы, Голубоокиими их же и русыми мыслят фракийцы...»⁵.

Рис. 2. Салмоксис (предположительно)⁶

С.М. Соловьев отмечает, что «в наших предках мы не замечаем вовсе национальной нетерпимости: немец, лях, татарин, бурят становились полноправными членами русского

1 Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – Издание второе, дополненное. – СПб: Типография товарищества Общественная польза, 1906. – 512 с. + карты. – С. 17.

2 Грушевский М.С. Там же. – С. 14–15.

3 Грушевский М.С. Там же. – С. 6–7.

4 Геродот. Книга IV. Мельпомена. 93, 94, 95 // Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1287899831#093>

5 Дератани Н., Тимофеева Н. Хрестоматия по античной литературе. – Т. I. Греческая литература / Пер. Ф.Ф. Зелинского. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.

6 Геродот. Книга IV. Мельпомена. 93, 94, 95 // Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1287899831#093>

общества <...> поклонник Тора так легко становился поклонником Перуна, потому что различия было только в названиях»¹.

Нет необходимости напоминать, кто именно увлекается измерениями формы черепа, не являясь антропологами. Но существенно сказать о влиянии рельефа и водных путей на этногенез. В горах, на равнине, вдали от водных путей, между цивилизациями и поблизости с ними скорость этногенеза совершенно разная. Горы – этнические заповедники особого рода, здесь ближе связь веков, здесь хуторское хозяйство, децентрализация власти, здесь как бы сжимаются пространство и время. Это объективно следует из их транспортной сложности и сложности масштабного экономического использования. Горы сами по себе – крепость, но уязвимая при сильном воздействии, хотя бы и в малой части посягающем на привычный уклад, и потому ожесточенно обороняющаяся. Вместе с тем, понимая в определенный момент, что формальное подданство неотвратимо, что в любом случае основы для кардинального изменения уклада нет, что это задача на века, горы легко примыкают то к одной, то к другой стороне – той, которая сильнее, оставляя верными традиции своего полного индивидуализма. Равнина и степь, напротив, – легко объединяются вокруг центральной власти, легче в управлении, здесь быстротечнее перемены, они к ним привычны, они восприимчивы ко всему новому, хозяйства крупные, общинные. Еще интенсивнее ход истории вдоль водных путей, ведущих в другие цивилизации, и на территориях, где пересекаются торговые пути, – что способствует заимствованиям в культуре, технике, быту и других областях.

При децентрализации власти (дроблении территории на уделы по различным основаниям) равнины «превращаются» в горы – их легче формально и экономически эксплуатировать извне. Великий и сильный народ, в этом случае, становится разделенным на много небольших и слабых территорий.

Отличия гор и равнин иллюстрируют многочисленные примеры. В Тибете рабство просуществовало до 1971 г. Еще в XVII в. благополучные сегодня швейцарцы участвовали в крупнейшей в швейцарской истории крестьянской войне 1653 г., обращаясь к патриотической символике в борьбе за экономические права. В XIX в. (в 1840-е гг.) состоялся последний, не считая мелких эпизодов, вооруженный конфликт на территории Швейцарии – развязанный Радикальной Партией католических кантонов в противостоянии с протестантскими кантонами. Как известно, сегодня в конфедеративной и нейтральной Швейцарии четыре основных языка (немецкий, французский, итальянский, ретророманский), на которых говорит ее население, раскол «в последней войне» произошел не по этническому или языковому признаку и не столько по религиозному, сколько из-за борьбы за власть, поощряемой из за рубежа.

Счастлив тот народ, который объединяет горы, равнины, степи и пустыни, преодолевает различия между ними, и превозносит общее в жизни людей.

Украина притягивала многие народы, о чем сохранена память в именах поселений и самоуправляемых административных единиц, и принимала гонимых и бежавших за лучшей долей от социального и национального гнета. Так, в XVIII в. на Запорожье, в областях на севере Донбасса и центральной Луганщины появились соответственно Новая Сербия (Новомиргород) и Славяносербия (Бахмут, Славянск, Луганск). Они стали новой родиной для вытесненных с запада граничар – сербов, выходцев из Сербии, Черногории, Валахии, Македонии, Хорватии, Воеводины, Славонии, Сербской Краины, Далмации и других балканских территорий.

Значительную роль в формировании современной Украины сыграли космополитичные народы, пример которых, вероятно, воспринимался и воспринимается частью украинцев,

ищущих лучшую долю далеко от пределов исторической Родины.

Древние дославянские жители территории Украины остались в истории. Имело место литовское, польское, романское, финское, угорское, немецкое влияние. Значительное влияние на генотип оказал период противостояния между славянским ядром украинского этноса и монголо-татарами. У русских, украинцев и белорусов есть еще более раннее генетическое родство с ираноязычными народами. Каждый этнос, побывавший на Украине, независимо ни от чего оставил определенный след в чертах народа.

Серьезно говорить сегодня о связи любого современного этноса с характером общественного производства, ритуалами и обычаями древней старины довольно проблематично. Это означало бы отрицание прогресса и коренных изменений, происходящих в обществе и экономике минимум не реже, чем каждые сто лет. Страны Аравийского полуострова за 50 лет прошли путь от семейного костра, на котором готовили пищу, чтобы потом всем одновременно ее съесть из одного блюда, до небоскребов. На планете осталось мало труднодоступных или изначально очень бедных ресурсами уголков, куда не проник капитал, где еще сохранились наивные культуры и патриархальный уклад. Как бы нам ни хотелось сохранить наследие предков, с развитием мировой экономики, под нашествием массовой культуры различия между людьми стираются. Близость и отличия людей сегодня более всего проявляются в роде их деятельности, способе присвоения материальных благ, отношении к культуре, чем в национальном или расовом происхождении. Если Вы физик-ядерщик, или живете на проценты от банковских вкладов, или, например, поклонник театрального искусства, то у Вас гораздо больше общего с подобным вам ученым, рантье, или театралом, чем с представителем одной с Вами национальности. Очень скоро, с уходом старшего поколения, изменится кулинария, через несколько ближайших поколений останется в прошлом народная песенная культура, и никогда на проводы предка в последний путь не соберутся уже представители всего рода до четвертого колена, никогда городские жители в третьем поколении не станут вкушать общую пищу с одного блюда, расположившись вокруг него. Это невозможно изменить, время необратимо вспять.

Продолжим беседу о населении Украины и об украинской национальности.

В украинском вопросе необходимо учитывать различия гор и равнины. Желательно принимать во внимание изменение содержания понятий в ходе эволюции. Такое понимание показывает М.С. Грушевский, говоря, что «конечно, в IX–X вв. не существовало украинской народности в ее полном сформированном виде – как не существовало и в XII–XIV вв. великорусской или украинской народности в том виде, как мы ее теперь себе представляем» (начало XX в.)².

Также автор пишет: «Уцелевшее на крайнем западе в горной области Карпат украинское население – это обглоданный скелет более значительной древней колонизации»³. Большая часть авторов XIX–XXI вв. солидарно отмечает, что именно в этих краях сохраняется национальная самобытность украинцев в наименее измененном виде.

Неогъемлемая черта русского, украинского и белорусского характера – терпимость к другим народам (сегодня она несколько слабее выражена на крайнем западе Украины, поскольку тот сильнее других земель Руси в прошлом и до последнего времени настрадался от вторжений захватчиков). Мысль об отсутствии неприязни к другим народам и готовно-

1 Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. I. Т. 1-2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; Вступ. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. – М.: Мысль, 1988. – С. 61, 113, 119.

2 Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. – Издание второе, дополненное. – СПб: Типография товарищества Общественная польза, 1906. – 512 с. +карты. – С. V.

3 Там же. – С. 6.

сти принимать к себе всех косвенно подтверждается М.С. Грушевским: «Радушие и гостеприимство Руси, как и вообще славян, было общепризнанно»¹.

М.С. Грушевский — российский, украинский и советский историк, общественный и политический деятель, родился в городе Холм Царства Польского (Хелм, Chelm) — в 25 км от границы современной Украины 29 сентября 1866 г., а умер 25 ноября 1934 г. в Кисловодске, где был похоронен с почестями. Он осуждал свою контрреволюционную националистическую деятельность и получил в 1924 г. разрешение вернуться из эмиграции, преподавал и работал в Киеве, а с 1930 г. — в Москве. Русский историк И.А. Линниченко (родился в Киеве 12 октября 1857 г., умер в Симферополе 9 июня 1926 г.) выпустил в 1917 г. брошюру «Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо к профессору Грушевскому», в котором дал критический разбор исторической концепции Михаила Грушевского и предложил тому полемику. Грушевский вызова не принял. Но портрет именно М.С. Грушевского с 1992 г. изображается на украинских банкнотах достоинством 50 гривен. Правильно ли потомки прочли один из его основных трудов — «Історія України-Руси». Тт. 1–4. Львів, 1904–1907, кому потребен обглоданный скелет (по М.С. Грушевскому) или воскрешение Салмоксиса?

«Население Украины составляет 47,78 млн. человек. По этому показателю наша страна находится на 5-м месте в Европе после Германии, Великобритании, Италии и Франции. По плотности населения (более 80 чел/км²) Украина уступает только Германии, Италии, Великобритании и Франции»² (ранее, здесь и далее учебник Я.Б.Олейника и др., если специально не указан иной источник; авторы явно не упомянули Молдавию, где плотность населения, хоть и снизилась с 1991 г., но сейчас более 110 чел/км²).

Население 12 государств СНГ (отдельные данные за 2006–2014 гг.) — 280,713 млн. чел.³ (для Грузии⁴), от этой численности доля населения Украины составляет 17 % (около 1/5).

Авторы упомянутого учебника (Олейник Я.Б. и др., 2006) сообщают, что в годы советской власти украинский народ потерял более 25 млн. человек и отнесит эти потери на геноцид (действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить группу населения по национальному или иному признаку).

Известно, что в те же исторические периоды страдали многие народы. По расчетам доктора исторических наук И.Е. Зеленина, сравнительный анализ материалов переписей 1926 и 1937 гг. следующим образом показывает сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом 1932–1933 гг.: в Казахстане — на 30,9, в Поволжье — на 23, на Украине — на 20,5, на Северном Кавказе — на 20,4%⁵.

27 апреля 2010 г. президент Украины В.Ф. Янукович заявил, что массовый голод в 1930-х годах нельзя считать геноцидом украинцев и что он был общей трагедией народов, входящих в СССР⁶.

Не стоит даже предполагать, с какой целью вопрос голода на Украине поднимался в мире с начала 1970-х гг.

21 марта 1984 г. в Сенат США был внесен законопроект о создании Комиссии Конгресса по расследованию украинского голода⁷.

Таблица 1

Народы СССР в Великой Отечественной войне

№	Национальность	Численность в СССР на 1939г.	Число погибших военнослужащих	% в населении СССР на 1939 г.	% от общего числа погибших военнослужащих	% погибших военнослужащих от общей численности данной национальности
1	Русские	99.591.520	5.756.000	58,39	66,40	5,78
2	Украинцы	28.111.007	1.377.400	16,48	15,89	4,90
3	Белорусы	5.275.393	252.900	3,09	2,92	4,79
4	Узбеки	4.845.140	117.900	2,84	1,36	2,43
5	Татары	4.313.488	187.700	2,53	2,17	4,35
6	Казахи	3.100.949	125.500	1,82	1,45	4,05
7	Евреи	3.028.638	142.500	1,78	1,64	4,71
8	Азербайджанцы	2.275.678	58.400	1,33	1,33	2,57
9	Грузины	2.249.636	79.500	1,32	0,92	3,53
10	Армяне	2.152.860	83.700	1,26	0,97	3,89
11	Чуваши	1.369.574	63.300	0,80	0,73	4,62
12	Таджики	1.229.170	22.900	0,72	0,26	3,37
13	Киргизы	884.616	26.600	0,51	0,31	3,01

1 Фрагмент погребальной росписи фракийского захоронения в караваеобразном кургане Александрово в Болгарии. Предположительно Салмоксис (король, или священник, или бог фракийского племени гетов), около IV в. до н.э. — URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Zalmoxis>

2 Олійник Я.Б., Шищенко П.Г., Степаненко А.В., Масляк П.О. Географія: Навч. посіб. для старшокласників та абітурієнтів. Відповіді на всі питання нової програми. — 5-те вид., перероб. і доп. — К.: Т-во «Знання», КОО, 2006.

3 Население стран СНГ // © 2003—2014 СоюзПравоИнформ. — URL: <http://www.spinform.ru/cis-countries/population.html>

4 Population // National Statistics Office of Georgia. 2014, GEOSTAT Official Website. — URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=473&lang=eng

5 Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов - общая трагедия народов СССР / В.В. Кондрашин; д.и.н., кафедра отечественной истории и методики преподавания истории email: vikont37@yandex.ru // Известия ППТУ им. В. Г. Белинского. — 2009. — № 11 (15). — С. 117-120. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/golod-1932-1933-godov-obschaya-tragediya-narodov-sssr>; http://www.famhist.ru/famhist/all_st/0005be1b.htm

6 Янукович: массовый голод в СССР в прошлом веке нельзя считать геноцидом украинского народа // Интерфакс, 27 апреля 2010 г. — URL: <http://www.interfax.ru/news/134454>

7 Бердник М. Минь голодомора в окопах информационной войны // пт, 14/11/2008 - 15:50 © Copyright 2008–2014 «Русский Обозреватель». — URL: <http://www.rus-obr.ru/idea/1175>

14	Народы Дагестана	857.499	11.100	0,50	0,13	1,29
15	Башкиры	843.648	31.700	0,49	0,37	3,76
16	Туркмены	812.404	21.300	0,48	0,25	2,62
17	Удмурты	606.326	23.200	0,36	0,27	3,83
18	Чеченцы / Ингуши	500.088	2.300	2,70	0,03	0,46
19	Марийцы	481.587	20.900	0,28	0,24	4,34
20	Осетины	354.818	10.700	0,21	0,12	3,02

Одновременно отметим, что в Великой Отечественной войне потери каждого народа СССР сопоставимы с долей его численности в населении (Таблица 1)¹, кроме того, значительно пострадало невоенное население западной части страны.

Население по территории современной Украины распределено неравномерно. Оно многочисленно в Донецкой, Киевской (с Киевом), Днепропетровской и Харьковской областях. Высокая плотность населения в Донецкой области. В Черниговской – низкая. Природные условия определяют низкую плотность населения в высокогорных районах Карпатских и Крымских гор. Сравнительно низкая заселенность характерна для отдельных частей Закарпатской, Львовской, Черновицкой областей и Автономной Республики Крым.

Для Украины характерен процесс депопуляции – уменьшения численности населения. В 2004 г. общий показатель рождаемости составил 9,0 на 1000 человек, а смертности – 16,0 на 1000 человек, то есть произошло уменьшение населения на 7 человек на каждую тысячу населения. Особенно интенсивно уменьшается население Черниговской, Винницкой, Житомирской и других центральных областей.

Происходит типичное для Северной и Западной Европы старение нации – растет доля пожилых людей. Средний возраст украинского народа уже достиг 37 лет и продолжает расти. По этому показателю Украинское государство входит в 15 самых старых стран мира.

По средней продолжительности жизни – 68,2 года – Украина стоит позади многих стран Европы. Женщины же живут в среднем 74,1 года, а мужчины – только 62,6 года.

Украинская диаспора за пределами Украины составляет от 11 до 15 млн. украинцев².

Приходится признать, что демографические показатели после голода 30-х гг., войны 1941–1945 гг. менее тяжелы, чем сопоставимые с ними тенденции мирного времени в течение последних 22 лет.

Кратко остановимся на соотношении действительных масштабов бедствий и мифических образов. Одним из мифов истории являются масштабы жестокости Ивана Грозного. Для сравнения по его решению уничтожено около 400 человек, а помещица садистка Салтычиха самолично загубила сотни душ, масштабы сопоставимы, но содержание разное.

Новая власть отрицает старых правителей. В массовых репрессиях собственного народа винят И.В. Сталина, его сравнивают с А. Гитлером. Последний уничтожил 50 миллионов, а во время власти И.В. Сталина – не более 5 миллионов человек, включая казненных и перемещенных. Общие демографические потери России (без Украины, Белоруссии и других республик) с 1991 г. по 2010 г. по неофициальным данным составили около 32 млн человек³. Количество получено методом временных рядов, с неточностями в вычислениях. Реалистичнее оценивать убыль с 1991 г. по 2014 г. до 25 миллионов, она частично компенсирована межгосударственной миграцией.

По официальным данным⁴ зафиксирована следующая убыль (1989–2010 гг.): 1989–1993 гг.: –1,6; 1993–1996 гг.: –0,3; 1996–2003 гг.: –3,3; 2003–2008 гг.: –3,0; (далее данные ученого⁵) 2008: – 0,362; 2009 г.: –0,250; 2010 г.: –0,241 – итого 9,053 млн человек.

По текущим официальным данным от 23 февраля 2014 г. убыль населения Российской Федерации с 1990 г. по 2012 г. (без вычета компенсации убыли за счет межгосударственной миграции) составила 8346265 человек⁶.

По официальным данным от 23 февраля 2014 г. с 1997 г. по 2012 г. в РФ прибыло 4654680, а выбыло 1644652 человека, итого положительное сальдо: 3010028 человек⁷.

В отсутствие доступа к данным о сальдо с 1991 по 1997 гг. по имеющимся официальным сведениям можно сказать, что убыль населения Федерации с 1991 г. по 2014 г. составила более 5 млн. человек и она была бы более 8 млн. человек, если бы ее частично не компенсировало прибытие мигрантов.

Информация ученого отличается погрешностью до 1000 человек в год в сравнении с официальной статистикой за те же годы. Официальные данные при несовпадении периодов на один год различаются почти на миллион человек.

На основании приведенных выкладок можно констатировать, что Россия потеряла с 1991 г. от 5 до 32 млн. человек.

Иначе говоря, только Россия в послеперестроечные годы потеряла по официальным данным больше населения, чем было казнено и перемещено в годы репрессий во всем СССР. Близкая демографическая динамика на Украине, однако Государственная служба статистики Украины в сетях общего доступа не предоставляет данные о естественном движении населения (сколько родилось и умерло) за весь период.

1 Народы СССР в Великой Отечественной войне [таблица] // «Международный Информационный Центр», некоммерческое партнерство, созданное в 2004 году в г. Екатеринбург (Свердловская область); Этноифо. Информационное агентство. – URL: <http://www.ethnoinfo.ru/narody-sssr-v-vojne>.

2 Прим.: ранее, здесь и далее учебник Я.Б.Олейника и др., если специально не указан иной источник.

3 Неофициальный источник. Расчеты приведены, но количество представляется завышенным. – URL: <http://red-army-1917.livejournal.com/23076.html>.

4 См.: Федеральная служба государственной статистики (Российской Федерации) – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-01.htm.

5 Рыбаковский Л.Л. Динамика населения России и ее компоненты в 2001–2025 гг. // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 43–49. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/2012/04/19/1271940749/Rybakovskiy.pdf>.

6 Таблица «Рождаемость, смертность и естественный прирост населения». Обновлено 3.07.2013 – вызывается нажатием на первый знак регламентной таблицы (адрес прямой ссылки: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls) // Сайт Федеральной службы государственной статистики (Российской Федерации). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

7 Таблица «Международная миграция». Обновлено 04.12.2013 – вызывается нажатием на первый знак регламентной таблицы (адрес прямой ссылки: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1.xls) // Сайт Федеральной службы государственной статистики (Российской Федерации). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

Якобы есть социальная база у фашизма на Украине. Это не правда. Ею является мелкая буржуазия, которой на Украине нет. Внуки бандеровцев? Нет, их мало и все они не могут быть настроены радикально. Кроме того, рядом с ними живут люди, вернее, у них есть другая половина родственников, которые не имеют ничего общего с бандеровцами и помнят, как те линчевали соседей, которые отказывались уйти с ними в лес. Земли, пополнявшие ряды УНА-УНСО в годы лихолетья, малы по площади и малонаселенны. Кроме того, были и власовцы, что не означает, будто все их потомки против советской власти. Длительное время бандеровцы отсиживались в схронах – своих логовах. А вот Сидор Артемьевич Ковпак с партизанами прошел более 10 тысяч км. в тылу врага по Сумской, Курской, Орловской, Брянской, Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской, Киевской областям и Карпатам, увеличив численность партизанского соединения до партизанской дивизии.

Невозможность найти работу, получить образование, медицинскую помощь, купить жилье, недостаточная работа с молодежью и стариками, непредсказуемость будущего, страх и маргинализация – это «социальная база» евроинтеграции и коллаборационизма. Вот настоящие проблемы, которые надо решать. Эти проблемы отражаются в демографии, на рождаемости.

Теперь нет голода, нет войны, но наша земля не родит детей – идет разрушение семейных и духовных ценностей, народ лишен веры в будущее, нет роста экономики.

Вывод: стремительные цивилизационные процессы в той части мира, которая участвует в международном разделении труда, сделали в целом незначительными различия между людьми, принадлежащими к одним социальным группам, независимо от политики в отношении языков и религии. Между людьми общего больше, чем различий, особенно в масштабе отдельных государств.

Формальные основания разобщения правобережной и левобережной Украины отсутствуют. Вопрос о различии между западом и востоком, севером и югом намеренно раздувается недалевидными деятелями при поддержке извне в целях дестабилизации порядка, передела власти и усиления эксплуатации природных ресурсов и населения. Всему миру и самой Украине необходимо понять: противопоставление частей Украины безосновательно – всюду живут люди, которые хотят жить достойно, подавляющее большинство населения, независимо от областей его расселения – за порядок в стране, за законно избранную власть и против мракобесия в любом облики.

Суть не в том, что Украина якобы разная, что велика часть населения, имеющая фашистскую идеологию, как можно неверно понять слова О.А. Царева, который, конечно, не вкладывает в них смысла заявления о массовом фашизме¹. Информация о том, что якобы отдельные части страны по-разному представляют себе ее развитие – тоже неправда. Украина едина в видении своего будущего развития, процент людей, мнение которых отличается от мнения большинства, несопоставимо мал. СМИ не отражают массовые демонстрации во всех регионах Украины в поддержку законно избранной власти, получившей по итогам свободного волеизъявления народа парламентское большинство. 45 миллионов граждан Украины майдан не уполномочивали. Не надо никого и себя вводить в заблуждение, будто майдан может представлять мнение украинского народа, будучи инспирированным извне.

Экономика

По такому показателю, как, например, отношение площади пахотных земель ко всей площади сельскохозяйственных угодий, Украина превосходит Германию, Францию, Италию, США, Японию. Характерна высокая степень изменения природного ландшафта. [В советский период] Украина занимала первое место в мире по добыче железной и марганцевой руд, сбору сахарной свеклы и подсолнечника, четвертое – по объемам добычи угля, производства стали, сбора картофеля, пятое – по производству серной кислоты, шестое – по производству минеральных удобрений. Кроме того, по абсолютным размерам производства некоторых видов продукции ранее Украина входила в десятку крупнейших производителей мира. Это касается выпуска телевизоров, шелковых тканей, производства электроэнергии, цемента, зерна, мяса, масла и некоторой другой продукции. Следовательно, с точки зрения наличия производственного потенциала, есть все предпосылки для того, чтобы Украина имела достойное положение в мировом экономическом сообществе². Из текста учебника Я.Б. Олейника и др. (2006) очевидно, что украинская держава имеет богатые природные условия и ресурсы, однако истинные причины состояния ее экономики, главные внешнеэкономические партнеры и возможные пути экономического роста не называются.

Экономика Украины находится на 37 месте в мире по размеру ВВП (валового внутреннего продукта) по ППС (паритету покупательной способности) на 2011 г. Согласно данным за прошлый год ВВП на душу населения составил 7800 долл. США³.

«По данным на 2008 г. в структуре ВВП Украины первое место занимала перерабатывающая промышленность. По итогам года ее доля составила 24%. Доля торговли, ремонта автомобилей и предметов личного потребления достигла 15% ВВП. Удельный вес транспорта и связи составляет 12%. Меньше всего приходится на производство и распределение электроэнергии, газа и воды и на охрану здоровья – всего по 3% ВВП. На долю остальных видов экономической деятельности приходится 21% ВВП Украины»⁴.

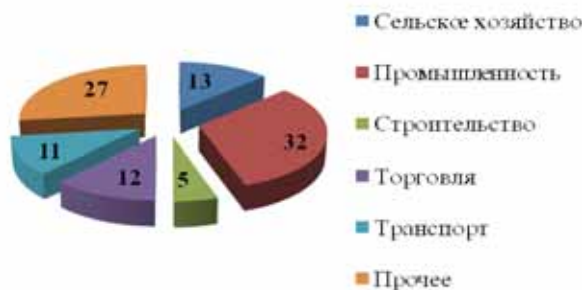

Рис. 3. Структура экономики Украины в 1990–2010 гг. (%)⁵

1 См.: Царев восхищается Путиным [видео] // UAINFO вся правда из блогосферы. 02.01.2014. 17:36. – URL: <http://uainfo.org/yandex/256484-carevtak-voshischaetsya-putinyim-cto-azh-prichmokiaet-video.html>

2 Олійник Я.Б., Шищенко П.Г., Степаненко А.В., Масляк П.О. Географія: Навч. посіб. для старшокласників та абітурієнтів. Відповіді на всі питання нової програми. – 5-те вид., перероб. і доп. – К.: Т-во «Знання», КОО, 2006.

3 Структура экономики Украины до 2012 г. // © 2011–2014 г. Международная финансовая лига - Finliga.com. – URL: <http://finliga.com/news/764.html>

4 Там же.

5 Рыбаковский Л.Л. Динамика населения России и ее компоненты в 2001–2025 гг. // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 43–49. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/19/1271940749/Rybakovskiy.pdf>.

По среднему проценту макроэкономических показателей стран СНГ к уровню 1991 г. Украина в 2000 г. была на девятом месте из 11 государств (Таблица II)¹.

Средний процент макроэкономических показателей оценен в сравнении 1991 и 2000 гг., он не отражает абсолютный экономический потенциал, но дает представление о том, насколько государства, вошедшие в третье тысячелетие, оказались отброшенными назад в своем развитии.

В 2012 г. объем экспорта Украины составлял (млн дол. США) 25 302,6 – со странами СНГ; 17 081,3 – со странами ЕС².

В 2012 г. объем импорта составлял (млн дол. США) 34 452,6 – со странами СНГ; 26 156,4 – со странами ЕС (там же).

Товарная структура внешней торговли за январь – ноябрь 2013 г. показывает, что Украина вывозит (экспорт) (указаны номера в номенклатуре): черные металлы (72); зерновые культуры (10); руды, шлак и зола (26); реакторы ядерные, котлы, машины (84); электрические машины (85); топлива минеральные (27); нефть и продукты ее перегонки;

Украина ввозит (импорт): топлива минеральные (27); нефть и продукты ее перегонки; газ естественный; реакторы ядерные, котлы, машины (84); электрические машины (85); средства наземного транспорта, кроме железнодорожного (87); пластмассы, полимерные материалы (39)³.

Таблица II.

Основные макроэкономические показатели стран СНГ (2000 г. в % к 1991 г.) [18]

Страна	ВВП	Продукция промышленности	Продукция сельского хозяйства	Инвестиции основной в капитал	Перевозка грузов	Розничный товарооборот	Δ %
Азербайджан	60	35	64	174	28	69	71
Армения	77	56	112	0	4	60	51
Белоруссия	90	102	75	47	20	109	73
Грузия	48	23	90	26	17	33	39
Казахстан	78	58	68	29	35	66	55
Кыргызстан	72	51	101	54	8	53	56
Молдова	60	37	56	13	5	14	30
Россия	68	59	64	31	21	90	55
Таджикистан	58	42	73	0	5	0,9	29
Узбекистан	100	122	102	81	102	113	103
Украина	47	54	60	24	17	35	39
СНГ в целом	66	60	72	33	24	76	55

Важнейшие торгово-экономические партнеры согласно структуре внешней торговли товарами за январь – ноябрь 2013 г. (первые 16 стран)⁴:

по экспорту: Россия, Турция, Китай, Египет, Польша, Италия, Казахстан, Белоруссия, Индия, Германия, Венгрия, Нидерланды, Молдавия, Испания, Азербайджан, США;

по импорту: Россия, Китай, Германия, Польша, Белоруссия, США, Италия, Турция, Франция, Венгрия, Великобритания, Нидерланды, Чехия, Япония, Австрия, Литва.

Всего в январе – ноябре 2013 г., согласно официальным данным, Украина торговала со 180 странами мира, показатели торговли с которыми даны для каждой страны в отдельности, и с некоторыми другими странами, которые отнесены к категории «другие».

Отрицательное внешнеторговое сальдо свидетельствует о низкой доле высокотехнологичных и наукоемких изделий и услуг, продаваемых Украиной за рубеж, что является следствием упадка наукоемкой и высокотехнологичной промышленности, произошедшего после распада Советского Союза. Украина в целом еще не достигла уровня экономического развития, на котором находилась в 1991 г.

Украина является развитым государством мира, обеспеченным богатым ресурсным потенциалом, развивающим человеческие ресурсы, образование, фундаментальную науку, туристический сектор, некоторые области культуры, транспортный сектор.

Украина больше закупает, чем продает, что ограничивает возможности развития экономики и закабалает будущие поколения украинцев.

В 2012 г. ВВП по ППС стран бывшего СССР от большего к меньшему (тыс. долл. США): Литва 24,374; Эстония 23,631; Российская Федерация 23,501; Латвия 21,905; Белоруссия 15,327; Казахстан 13,667; Туркменистан 10,411; Азербайджан 10,125; Армения 8,417; Украина 7,298; Грузия 5,806; Узбекистан 3,533; Молдавия 3,368; Киргизия 2,370; Таджикистан 2,192⁵.

1 Зиядуллаев Н. Современная экономическая ситуация СНГ // Экономист. – 2002. – № 1. – С. 82. – Цит. по: Касьянов А.М. Экономические проблемы СНГ: Курсовая работа по дисциплине «Мировая экономика» / Минобразования России; Пензенский ГУ; Кафедра экономической теории и мировой экономики; Науч. рук. к.э.н., доцент Дралин А.И. – Пенза, 2003. – URL: <http://www.referat.ru/referats/view/16297>

2 Ukrstat.org - публикация документов Державної Служби Статистики України // – URL: http://ukrstat.org/uk/operativ/oper_new.html ; http://ukrstat.org/operativ/operativ2005/zd/zd_rik/zd_r/g_s_r.html

3 Таблица «Международная миграция». Обновлено 04.12.2013 – вызывается нажатием на первый знак регламентной таблицы (адрес прямой ссылки: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1.xls) // Сайт Федеральной службы государственной статистики (Российской Федерации). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

4 Там же. – URL: http://ukrstat.org/uk/operativ/operativ2013/zd/ztt/ztt_u/ztt1113_u.htm

5 GDP per capita, PPP (current international \$) // © 2014 The World Bank Group. – URL: <http://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.pcap.pp.cd>

Вывод: Россия и государства СНГ в целом – основной внешнеэкономический партнер Украины; тяжелую экономическую ситуацию на Украине усугубил неурожай 2012 г.; украинцы экономически унижены – будучи самой богатой республикой Союза ССР в 1990 г. Украина оказалась на грани невхождения в успешную десятку из 15 стран.

Як тебе не любити, Києве мій!

Потрудимся реально оценивать события новейшего времени. Ирак, Югославия, Греция¹, Ливия, Египет, Сирия, Украина (это неполный список). Формальные поводы и способы внешнего воздействия различны, а последствия во всех случаях – полная катастрофа, смена или попытка смены конституционной власти. Это *drang nach osten* – прорыв на восток, который пришел в наш дом и все ближе к Российской Федерации.

Назовем основные факты истории Украины этих месяцев:

1) Верховной Радой (выражающей волю украинского народа) вопрос о недоверии Кабмину проголосован, и, таким образом, 3 декабря 2013 г. подтверждено доверие Правительству и Президенту Украины;

2) с трибуны Верховной Рады названа сумма 100 000 долл. (занижена в разы), направленная Госдепом на «ускорение европейской интеграции Украины» (только по одному проекту)²;

3) требования «оппозиции» безосновательны, так как по одной их части Правительство имеет соответствующий курс, а другая (отставка Президента) невыполнима;

4) «оппозиция» является идеологическим наследником тех, кто в послевоенное время (1945–1956 гг.) физически уничтожил 250 000 советских граждан (меньшие цифры представляются заниженными)³;

5) «оппозиционеры» захватили здания власти, привели в полный упадок все окружающее пространство (вырвана брусчатка, скамейки, урны, уничтожен музей, разворованы предметы внутреннего убранства зданий и т. д.), и у них не отключили свет, тепло и воду;

6) «оппозиционеры» составляют ультраправые националисты, прошедшие подготовку в лагерях для боевиков (как было в Чечне), подготовленные и экипированные для применения силы, разгромившие на месте в миг более 30 курсантов в легкой форме (тяжкие телесные повреждения);

7) «Беркут», который пришел на смену курсантам в легкой форме одежды (уже в снаряжении и шлемах), в течение 4 часов давили бульдозером, поджигали коктейлями Молотова, забрасывали камнями, а он стоял, так как был приказ «никого не трогать». Позже спецназ потеснил многих;

8) за приличной едой (по сравнению с тем, чем кормили митингующих в поддержку), одеждой и впечатлениями к «оппозиции» съехались разного рода люди, в большинстве введенные в заблуждение;

9) на поддержку Правительства и Президента автоколоннами и поездами приезжали жители в том числе западных областей (из Львова, Ивано-Франковска, Ровно и других мест), которым, в отличие от «оппозиционеров», не выплачивали огромные суточные;

1 Прим.: пострадала за сильные госсектор, социальные программы, и за то, что не брала кредитов.

2 См.: Воскресное Время. Первый канал. 08 декабря 2013 г., Воскресенье, 21:15. / д.и.н. Милош Кович, режиссер Эмир Кустурица; депутат Олег Царев (продолжительность 08:28 мин.). – URL: <http://www.itv.ru/news/world/247862>

3 Терещенко А.С. СМЕРШ против бандеровцев. Война после войны. – М.: Язуа, Эксмо, 2013. – URL: <http://lib.rus.ec/b/442738/read>; Бандеровщина (Продолжение. Начало в N 12) // Дуэль. – 2001 (27 марта). – № 13 (208). – URL: http://www.duel.ru/200113/?13_6_1; Возвращение оуновцев из заключения и ссылки. Справка. Сов. секретно. – URL: <http://politicon1.at.ua/forum/34-1746-11>; Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма // Без права на реабилитацию. Книга 2. – URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/bezprava-kniga2-5.1.html> и другие.

10) экономика Украины переживает не самые лучшие свои времена, производство падает, резервов мало и подобные события, отвлекающие время и силы, несут непоправимый вред всему народу Украины, ослабляют ее независимость;

11) «оппозиционеры» «признали утратившим силу» действующий (согласно сайту Верховной Рады) Закон Украины от 3 июля 2012 г. № 5029-VI «Об основах государственной языковой политики»⁴, что противоречит нормам Совета Европы; не выполняют договоренностей с легитимно избранной властью, продолжая поддержку оппозиции, не обращают внимания на эти договоренности и европейцы, чьи официальные представители выступали участниками переговоров;

12) Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров назвал попыткой силового захвата власти последние события на Украине⁵, председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что «легитимность целого ряда органов власти, которые там функционируют, вызывает большие сомнения», а «когда легитимным называется то, что по своей сути является результатом вооруженного мятежа», то это Д.А. Медведев назвал «аберрацией сознания» (отклонение от нормы, ошибка, нарушение, погрешность)⁶.

О законно избранной власти на Украине и «оппозиционерах»

Прочитываем слова народного депутата Украины, уроженца г. Днепропетровска, О.А. Царева (лексика сохранена): «Знаете, что первым делом сделали фашисты, когда захватили Киев? Они разрушили памятник Ленину. У меня есть это черно-белое фото: немецкий офицер держит лестницу, по которой взбирается немецкий солдат с кувалдой. Что сделали эти новые фашисты, когда захватили наш с вами Киев? Они тоже разрушили памятник Ленину! <...> У нас было четыре президента. Первый отдал третий в мире ядерный потенциал бесплатно. Второй распродав страну за копейки – все что строилось. Третий – вообще командовал из-за границы, получал команды, что получал, то делал, и только Виктор Федорович Янукович впервые сказал: “Нет: мы будем делать так, как выгодно стране!” И что мы получили? Мы получили шабаш, там танцуют, скачут. “Хто не скаче – той москаль”. И скачут, представляете, на полном серьезе, все начинают скакать»⁷.

При В.Ф. Януковиче сделана безуспешная попытка отмены указов В.А. Ющенко о героизации националистов, сотрудничавших с СС⁸.

4 Закон України від 03.07.2012 № 5029-VI «Про засади державної мовної політики», чинний, поточна редакція – Редакція від 01.02.2014 // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2013. – № 23. – Ст. 218. – URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/5029-17>

5 Лавров назвал попыткой государственного переворота столкновения на Украине // Харьков. Новостное Агентство. 20.02.2014 17:05. – URL: <http://nahnews.com.ua/lavrov-nazval-popytkoj-gosudarstvennogo-perevorota-stolknoveniya-v-ukraine/>

6 Маташева Д. Медведев: признание новой власти Украины – «абберация сознания» // 12 полос. Новости. 2014-02-24. – URL: <http://nahnews.com.ua/lavrov-nazval-popytkoj-gosudarstvennogo-perevorota-stolknoveniya-v-ukraine/>

7 Речь депутата Верховной рады Украины О.Царева на «антимайдане» [видео] // Комсомольская правда. 16 декабря 2013 г., 21:21. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26172.5/3061287/?sr=2>

8 Обращение об отмене указов Президента Украины от 20 января 2010 года № 46/2010 «О присвоении С. Бандере звания Герой Украины», от 28 января 2010 года № 75/2010 «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX веке» // Верховная Рада Автономной Республики Крым, г. Симферополь, 17 февраля 2010 г. № 23-5/10-ВР. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/krym/show/rb023a002-10>; Постановление Конституционного Суда Украины «Об отказе в открытии конституционного производства по делу № 2-17/2010 по конституционному представлению Верховной Рады Автономной Республики Крым относительно соответствия Конституции Украины (конституционности) Указа Президента Украины “О присвоении С.Бандере звания Герой Украины”»

Не вызывает сомнений, что В.Ф. Янукович, правительство Н.Я. Азарова и вместе с ними большинство населения Украины стали заложниками непонимания того, на что готовы и как далеко готовы идти их «оппоненты»¹. МВД, СБУ не убергли. Одних людей физически лишили возможности действовать или устранили, других запугали, третьих купили. Кто получил деньги на стороне «оппозиции» – продали благополучие всего народа. Обесценивание гривны из-за массовой сдачи долларов, например, напоминает преднамеренное стимулирование инфляции в Чили в 1973 г., позволившее установить там фашистскую диктатуру. Сценарии опробованы. Выбран самый изощренный. Активизация незаконных выступлений назначается после неурожайного года, во время Зимних Олимпийских игр. Сначала под контроль берутся СМИ, потом МВД, и цель внешних сил достигнута – наступает хаос.

«Оппозиционеры» обвиняют В.Ф. Януковича и других в массовых убийствах мирных граждан. Такое обвинение безосновательно. Именно в эскалации насилия власть обвинить невозможно. Золото не только «разрушает стены», но и «связуется по рукам и ногам». Оказавшись под массивным международным давлением, будучи лишенной экономических резервов, которые могли бы уравновесить средства, направленные на оплату беспорядков извне, власть не смогла использовать мирные возможности разрешения ситуации: прекратить снабжение майдана оружием, электроэнергией, топливом, продовольствием, новыми силами; предложить протестующим переместиться в другое место, подальше от правительственных учреждений, ввести комендантский час. В случае безрезультативности мирных возможностей, разгон демонстрации был бы полностью оправдан, поскольку преследует законную цель предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц и все другие средства снижения напряженности использованы.

Невозможно установить, кто сделал первый смертоносный выстрел. Ни одна из сторон не заинтересована в эскалации насилия. Напротив, власти приняли ряд мер для недопущения кровопролития. У защитников Конституции не было оружия. Применение оружия было предусмотрено исключительно как мера самозащиты в ответ на потери личного состава. Итог противостояния можно было бы считать следствием неблагоприятного стечения обстоятельств: нервозности, возбуждения, подозрительности сторон, если это был бы эпизод исключительно двусторонний. Но это не так. В поддержку антиконституционных выступлений сделано более 50 заявлений первых лиц, министров, представителей западных государств и международных организаций. Отдельные западные государства и международные организации оказали наибольшее влияние на события. Поддержка вооруженных повстанцев является вмешательством во внутренние дела государства. Российская Федерация, другие государства евразийского пространства на этом фоне долгое время оставались совершенно вне событий, и чаша весов в информационной войне склонилась на сторону противников власти. Действующих избранников народа Украины, ее Президента можно только винить в нерешительности, в том, что не смогли отстоять волеизъявление большинства населения Украины, давшего им власть еще до того, когда начались захваты арсеналов с оружием. Очевидно, силы были не равными. Но именно Президент и министры не допустили эскалации насилия. Действует приказ о невмешательстве армии. По условиям договоренностей боевики должны снять маски и разоружиться.

Что делать

Единственное, что необходимо и еще возможно сохранить всеми возможностями – это сильные государства и возможность реального народовластия. Для этого народы объединяют свои державы в союзы, основанные на объективной близости их экономических отношений и интересов, «стартового» состояния, языка, культуры, истории и других возможностей. Иначе мировой капитал просто развеет малые народы по ветру. Народы оказываются особенно незащищенными, когда власть представляет интересы крупного олигархического капитала. Она в принципе не может защитить интересы народов. Сильные государства имеют значительную долю государственного сектора в экономике. После 70 лет совместной жизни жители территории бывшего СССР имеют намного больше общих черт, примеры которых приведены выше, чем этнографических особенностей. Особенно это справедливо для жителей городов.

Общие для России и Украины причины экономического состояния, во всяком случае, некоторые из них, ёмко описывает С. Черняховский в своей статье от 15 января 2014 г.² Автор высказывается за переход от индустриального общества к постиндустриальному, за отказ от сырьевой модели экономики в пользу производства высокотехнологичных и наукоемких товаров, услуг, других результатов производительного труда.

В настоящее время при стремлении к достижению и сохранению такого уровня производства, который обеспечивает собственные потребности, необходимо мобилизационное увеличение доли новейших секторов в экономике на основе наукоемкого технологического подхода, современного образования и социальной справедливости.

Оптимальным для развития экономики и благодаря этому – для повышения благосостояния народа Украины представляется осторожное, взвешенное и постепенное вхождение на равноправных условиях в интеграционные объединения государств, соединенных единой судьбой своих народов на общей земле, – сближение с Россией, Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Киргизией, Молдавией, Таджикистаном, Узбекистаном и другими государствами, которые объединяют свои экономики в Евразии.

Представляется необходимым интенсифицировать культурный и научный международный обмен, а также торгово-экономическое и, возможно, гуманитарное сотрудничество для реализации потенциала и закрепления общих евразийских ценностей:

1) прекратить противопоставлять отдельные регионы Украины, украинская ультраправая, неофашистская, радикально-националистическая политическая партия «Свобода» на пределе своего успеха набрала немногим более 10% голосов избирателей, уважать мнение этой части электората в рамках конституционного поля;

2) не брать займы, особенно у зарубежных финансовых организаций;

3) никаких переговоров с террористами, а постепенная точечная их изоляция;

4) официально прекратить героизацию фашистов, радикальных националистов, обнародовать все факты внешнего вмешательства во внутренние дела и имена коллаборационистов, привлекать к ответственности за использование символики и пропаганду фашизма в других формах;

6 апреля 2010 г. № 19-у/2010 // Верховная Рада Украины. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v019u710-10>.

1 Панкина Д., Черняк М., Галеев А., Никитенко И. Майдан глазами очевидца [видео] / Отставка правительства Украины провалилась: Верховная Рада выразила доверие кабинету Азарова // Комсомольская правда. 3 декабря 2013 г., 16:23. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26166.5/3053442>

2 Терещенко А.С. СМЕРШ против бандеровцев. Война после войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2013. – URL: <http://lib.rus.ec/b/442738/read>; Бандеровщина (Продолжение. Начало в N 12) // Дуэль. – 2001 (27 марта). – № 13 (208). – URL: http://www.duel.ru/200113/?13_6_1; Возвращение оуновцев из заключения и ссылки. Справка. Сов. секретно. – URL: <http://politicon1.at.ua/forum/34-1746-11>; Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма // Без права на реабилитацию. Книга 2. – URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/bezprava-kniga2-5.1.html> и другие.

5) сохранить территориальную целостность, для этого Россия должна официально призвать население юго-востока Украины не допускать водружение только российских флагов над объектами инфраструктуры Украины, квалифицировать это как провокацию;

6) предложить интеллигенции на западе Украины рассмотреть в рамках развития народной дипломатии вопрос о приглашении интернациональных групп авторитетных общественных деятелей, их коллег и убежденных сторонников мирного разрешения ситуации, способных разъяснять населению через выступления и дискуссии в прямом эфире роль внешних сил в кровопролитии на Украине, которую трудно переоценить;

7) пригласить украинских детей из труднодоступных и малонаселенных районов, особенно детей пострадавших граждан, провести каникулы в детских международных домах отдыха за счет принимающих сторон;

8) предусмотреть адресное информирование всех украинских абитуриентов о возможностях бесплатного обучения в вузах стран СНГ;

9) подвергнуть критическому научному анализу полноту, соразмерность и точность отдельных фактов, иллюстрирующих учебники истории государств СНГ, способствовать выпуску и массовому распространению достоверной информации, поддержке изучения языков народов СНГ, изучения русского языка;

10) оказывать государственную поддержку всем инициативам, особенно научных СМИ, по распространению евразийских идей на территории стран СНГ и особенно на Украине;

11) активизировать и развивать институт городов-побратимов, исследовать и пропагандировать факты неразрывной связи и общности между населением Украины и населением других государств – членов СНГ;

12) рассмотреть возможность упрощенной процедуры предоставления украинского гражданства и предоставления статуса заграничных украинцев всем, кто основательно пожелает жить на Украине, участвовать в выборах органов государственной власти или иным образом обеспечивать уважение свободного выбора народа;

13) согласовать сроки, номенклатуру, объемы и цены дополнительных закупок украинских товаров, а также приглашение украинских специалистов, ученых, деятелей культуры для работы в необеспеченных квалифицированными кадрами отраслях экономики или в рамках научного и культурного обмена;

14) не поощрять покупку товаров, произведенных вне пределов евразийского пространства, возрождать и сохранять естественное качество и стимулировать количество товаров, производимых в странах СНГ, развивая территориальный патриотизм населения по отношению к ним, их престиж и их предпочтение товарам из других стран;

15) разработать и выполнять план повышения зарплат ученых, врачей, учителей, милиции, доходы которых не должны быть ниже среднего уровня по стране;

16) призвать религиозные общины к межконфессиональному диалогу в целях выработки общих этических взглядов, составляющих основу братского союза народов на евразийском пространстве;

17) не бойкотировать товары, производимые на западе Украины; при желании областей на западе Украины, наладить экономическое сотрудничество, в том числе в области социального, горнолыжного, этнографического, агро- и других видов туризма;

18) рассмотреть вопрос о размещении части оборонного заказа на Украине, о длительном сроке аренды Севастополя и совместно развивать его инфраструктуру;

19) рассмотреть возможность предоставления отдельных украинских земельных участков для развития курортной инфраструктуры, выращивания традиционных культур и на-

лаживания производства товаров народного потребления в срочную аренду центрально-азиатским и среднеазиатским партнерам по СНГ (точно не москалям) в уплату за участие специалистов и личного состава контртеррористических спецподразделений, если потребуется их участие в совместных учениях по сохранению конституционного порядка;

20) не допускать контактного противостояния сторонников мирного решения ситуации и радикалов, пригласив миротворцев из центральноазиатских и среднеазиатских государств – членов СНГ (не москалей);

21) ввести госмонополию на алкоголь, национализировать добывающие отрасли, рыбное хозяйство и некоторые другие; расширить социальные программы, заботу о ветеранах и молодежи, государственные субсидии малообеспеченным слоям населения и на созидательную деятельность, ввести карточную систему.

Без этих мер вероятность хаоса в Российской Федерации станет реальной. Евразийский Союз – возможность сохранения суверенитета и благополучия народов на евразийском пространстве.

В заключение дополнительно повторим основную мысль. Ради благополучия народов евразийского пространства недопустимо противопоставлять отдельные территории между собой. Важно не допустить контактного противостояния радикалов и сторонников мирного решения ситуации. Третьей силой на нейтральной полосе могут быть новые граждане Украины, или, по согласию центральноазиатских и среднеазиатских государств СНГ, их спецподразделения, по приглашению Украины, в рамках мандата, который будет им установлен.

Пристатейный библиографический список

1. Бандеровщина (Продолжение. Начало в № 12) // Дуэль. – 2001 (27 марта). – № 13 (208). – URL: http://www.duel.ru/200113/?13_6_1;
2. Бердник М. Мины голодомора в окопах информационной войны // пт, 14/11/2008 - 15:50 © Copyright 2008–2014 «Русский Обзоратель». – URL: <http://www.rus-obr.ru/idea/1175>
3. Винтер Э. Папство и царизм. – М., 1964. – С. 490. – Цит. по: Батурина А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой Мировой войны / Предисл. В.В. Шелохаева. – М.: АИРО-XX, 2000. (Серия «Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
4. Возвращение оуновцев из заключения и ссылки. Справка. Сов. секретно. – URL: <http://politicon1.at.ua/forum/34-1746-11>;
5. Воскресное Время. Первый канал. 08 декабря 2013 г., Воскресенье, 21:15. / д.и.н. Милош Кович, режиссер Эмир Кустурица; депутат Олег Царев (продолжительность 08:28 мин.). – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/247862>
6. Гаріна О. Процес «Румунія проти України»: справа про розмежування морських просторів між Україною та Румунією в Чорному морі // Юридичний авангард. – 2009. – № 1. – С. 224. – Цит. по: Дело «Румыния против Украины» – причины поражения // Федерация адвокатов Украины. – URL: <http://vash-advokat.com/index.php?page=delorumeniia-protiv-ukrainy-prichiny-porazheniya>
7. Геродот. Книга IV. Мельпомена. 93, 94, 95 // Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского, под общей редакцией С. А. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1287899831#093>
8. Грузинские генералы в Отечественной войне 1812 года – видеомост // Россия-Грузия: информационный паритет – совместный проект «РИА Новости» и «Новости-Грузия» 17:51 14/07/2012. – URL: http://www.georusparitet.com/official_statement/20120714/151549014.html
9. Грушевський М.С. Очерк історії українського народу. – Изданиє друге, доповнене. – СПб: Типографія товарищества Общественная польза, 1906.
10. Дело острова Змеиный о разграничении морских пространств в Черном море (Румыния против Украины) реш. МС ООН 03.02.2009 № 132 – Case concerning Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine) Judgment of the International Court of Justice of 03.02.2009 General List No. 132. – URL: http://www.worldcourts.com/icj/eng/decisions/2009.02.03_black_sea.htm
11. Дератани Н., Тимофеева Н. Хрестоматия по античной литературе. – Т. I. Греческая литература / Пер. Ф.Ф. Зелинского. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.

12. Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бан- дитизма // Без права на реабилитацию. Книга 2. – URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/bezprava-kniga2-5-1.html>
13. Закон України від 03.07.2012 № 5029-VI «Про засади державної мовної політики», чинний, поточна редакція – Редакція від 01.02.2014 // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2013. – № 23. – Ст. 218. – URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/5029-17>
14. Зиядуллаев Н. Современная экономическая ситуация СНГ // Экономист. – 2002. – № 1. – С. 82. – Цит. по: Касьянов А.М. Экономические проблемы СНГ: Курсовая работа по дисциплине «Мировая экономика» / Минобразования России; Пензенский ГУ; Кафедра экономической теории и мировой экономики; Науч. рук. к.э.н., доцент Дралин А.И. – Пенза, 2003. – URL: <http://www.referat.ru/referats/view/16297>
15. Карамзин Н.М. История государства российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. Кн. Первая. ТТ. I, II, III, IV. (СПб.: Издание И. Эйнерлинга, 1842.) – М.: «Книга, 1988. – С. 31.
16. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. – Т. I Курс русской истории. Ч. I / Под. ред. В.Л. Янина; Предисл. В.А. Янина, В.А. Александрова; Послеслов. и коммент. составили В.А. Александров и В.Г. Зимина. – М.: Мысль, 1987.
17. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР / В.В. Кондрашин; д.и.н., кафедра отечественной истории и методики преподавания истории email: vikont37@yandex.ru // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 117-120. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/golod-1932-1933-godov-obschaya-tragediya-narodov-sssr>; http://www.famhist.ru/famhist/all_st/0005be1b.htm
18. Лавров назвал попыткой государственного переворота столкновения на Украине // Харьков. Новостное Агентство. 20.02.2014 17:05. – URL: <http://nahnews.com.ua/lavrov-nazval-popytkoj-gosudarstvennogo-perevorota-stolkoveniya-v-ukraine/>
19. Макарова Н.В. Народы России в Отечественной войне 1812 года. Заграничные походы русской армии. Фрагменты учебного пособия «История России: люди, нравы, события, взгляды и оценки». – URL: <http://his.1september.ru/2002/31/1.htm>
20. Маташева Д. Медведев: признание новой власти Украины – «абerrация сознания» // 12 полос. Новости. 2014-02-24. – URL: <http://nahnews.com.ua/lavrov-nazval-popytkoj-gosudarstvennogo-perevorota-stolkoveniya-v-ukraine/>
21. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года // Сборник документов. – М., 1962;
22. Народы СССР в Великой Отечественной войне [таблица] // «Международный Информационный Центр», некоммерческое партнерство, созданное в 2004 году в г. Екатеринбург (Свердловская область); Этноинфо. Информационное агентство. – URL: <http://www.ethnoinfo.ru/narody-sssr-v-vojne>.
23. Население стран СНГ // © 2003–2014 СоюзПравоИнформ. – URL: <http://www.spinform.ru/cis-countries/population.html>
24. Неофициальный источник. Расчеты приведены, но количество представляется завышенным: – URL: <http://red-army-1917.livejournal.com/23076.html>.
25. Обращение об отмене указов Президента Украины от 20 января 2010 года № 46/2010 «О присвоении С. Бандере звания Герой Украины», от 28 января 2010 года № 75/2010 «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX веке» // Верховная Рада Автономной Республики Крым, г. Симферополь, 17 февраля 2010 г. № 23-5/10-ВР. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/krym/show/rb023a002-10>;
26. Олійник Я.Б., Шищенко П.Г., Степаненко А.В., Масляк П.О. Географія. Навч. посіб. для старшокласників та абітурієнтів. Відповіді на всі питання нової програми. – 5-те вид., перероб. і доп. – К.: Т-во «Знання», КОО, 2006.
27. Панкина Д., Черняк М., Галеев А., Никитенко И. Майдан глазами очевидца [видео] / Отставка правительства Украины провалилась: Верховная Рада выразила доверие кабинету Азарова // Комсомольская правда. 3 декабря 2013 г., 16:23. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26166.5/3053442>
28. Постановление Конституционного Суда Украины «Об от- казе в открытии конституционного производства по делу № 2-17/2010 по конституционному представлению Верховной Рады Автономной Республики Крым относительно соответствия Конституции Украи- ны (конституционности) Указа Президента Украины «О присвоении С.Бандере звания Герой Украины»» 6 апреля 2010 г. № 19-у/2010 // Верховная Рада Украины. – URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v019u710-10>.
29. Рахимов Р.Н. Эволюция вооружения Башкирской конницы в эпоху наполеоновских войн // Militerra.com. – URL: http://militerra.com/index.php/index.php?option=com_content&task=view&id=919&Itemid=48
30. Речь депутата Верховной рады Украины О.Царева на «анти- майдане» [видео] // Комсомольская правда. 16 декабря 2013 г., 21:21. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26172.5/3061287/?cp=2>
31. Рыбаковский А.Л. Динамика населения России и ее компо- ненты в 2001–2025 гг. // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/19/1271940749/Rybakovskiy.pdf>.
32. Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. – Кн. I. – Т. 1-2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; Вступ. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. – М.: Мысль, 1988.
33. Структура экономики Украины до 2012 г. // © 2011–2014 г. Международная финансовая лига – Finliga.com. – URL: <http://finliga.com/news/764.html>
34. Суляк С. Осколки Святой Руси // Русины Молдавии. – URL: <http://rusyn.md/>
35. Таблица «Международная миграция». Обновлено 04.12.2013 – вызывается нажатием на первый знак регламентной та- блицы (адрес прямой ссылки: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1.xls) // Сайт Федеральной службы государственной статистики [Российской Федерации]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
36. Таблица «Рождаемость, смертность и естественный прирост населения». Обновлено 3.07.2013 – вызывается нажатием на первый знак регламентной таблицы (адрес прямой ссылки: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem021.xls) // Сайт Федеральной службы государственной статистики [Российской Федерации]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
37. Терещенко А.С. СМЕРШ против бандеровцев. Война после войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2013. – URL: <http://lib.rus.ec/b/442738/read>;
38. Черняховский С. Рыночная экономика не спасет Россию от распада // 13:53 15.01.2014. © ООО «КМ онлайн», 1999–2014. (осн. в 1998 г. с электронной «Энциклопедией Кирилла и Мефодия»). – URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2014/01/15/ottok-i-pritok-kapitala-v-rossiyu/729862-rynchnaya-ekonomika-ne-spaset-rossiyu->
39. Черняховский С. Украинцы должны понять: даже Гитлер был честнее, чем руководство ЕС // © ООО «КМ онлайн», 1999–2014. (осн. в 1998 г. с электронной «Энциклопедией Кирилла и Мефодия»). – URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/12/14/evromaidan-2013/727758-po-sravnenuyu-s-nyneshnim-rukovodstvom-es-gitler-et-al>
40. Янукович: массовый голод в СССР в прошлом веке нель- зя считать геноцидом украинского народа // Интерфакс, 27 апреля 2010 г. – URL: <http://www.interfax.ru/news/134454>
41. GDP per capita, PPP (current international \$) // © 2014 The World Bank Group. – URL: <http://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.pcap.pp.cd>
42. Mittel- und Südrußland // Adolf Liebers. Westermanns Atlas der Weltwirtschaft und Weltgeographie / Adolf Liebers, Teil 2. – Braunschweig: Westermann, 1923
43. Population // National Statistics Office of Georgia. 2014, GEOSTAT Official Website. – URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=473&lang=eng

Толстых В.Л.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И РЕАКЦИЯ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ: ПОПЫТКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Статья содержит юридический анализ противостояния украинских властей и сторонников европейской интеграции в конце ноября – начале декабря 2013 г. и реакции на него западных государств. Автор рассматривает силовой разгон демонстрантов и реакцию на него западных стран с позиций принципа пропорциональности и пытается определить природу невоенного вмешательства во внутренние дела. Автор также затрагивает проблему злоупотребления правом в публичной сфере.

Ключевые слова: международное право, права человека, свобода собраний, принцип невмешательства во внутренние дела, принцип пропорциональности.

Tolstykh V.L.

THE EVENTS IN UKRAINE AND THE REACTION OF WESTERN STATES: AN ATTEMPT OF INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS

This paper contains a legal analysis of confrontation between Ukrainian authorities and supporters of European integration at the end of November – beginning of December 2013 and reaction of the Western states to it. The author considers the forceful dispersal of demonstrators and reaction of Western countries to it from the standpoint of the principle of proportionality and tries to determine the nature of non-military intervention into internal affairs. The author also addresses the problem of abuse of rights in the public sphere.

Key words: international law, human rights, freedom of assembly, the principle of non-interference in internal affairs, the principle of proportionality.

1. События, происходившие в Украине в конце ноября – начале декабря 2013 г., – очень важны. Они очень важны для самой Украины, выбирающей геополитический и культурологический вектор развития. Они очень важны и для России, заинтересованной в добрососедских отношениях с Украиной. Краткое описание данных событий выглядит следующим образом¹. В течение последних лет Украина и ЕС готовились заключить Соглашение об ассоциации, в конце ноября 2013 г. планировалось его подписание в Вильнюсе на саммите ЕС. В последний момент президент Украины отказался от подписания, мотивировав это отсутствием анализа возможных последствий и неготовностью ЕС предоставить Украине финансово-экономическую помощь. После этого в стране начались протесты; президента и правительство обвинили в нежелании учитывать европейские устремления общества. В ночь на 30 ноября власти попытались ликвидировать лагерь сторонников европейской интеграции на Майдане Независимости, применены силы было явно непропорциональным. После этого акции протеста приобрели массовый характер; во главе протестующих встали три оппозиционных партии, к требованиям о подписании Соглашения были добавлены требования о наказании виновных за силовой разгон, отставке правительства и перевыборах. Протестующие построили баррикады, захватили несколько зданий и заблокировали доступ к правительственным зданиям. 1 декабря радикалы предприняли попытку штурма здания администрации президента, 8 декабря – снесли памятник Ленину. Власти признали, что применение силы было несоразмерным, и согласились возобновить действия по подписанию Соглашения. Одновременно они сконцентрировали в центре Киева правоохранительные формирования для защиты и деблокирования правительственных зданий. 11 декабря эти формирования попытались вытеснить демонстрантов, однако не добились успеха.

2. Особенностью данного противостояния стало пристальное внимание к нему со стороны западных государств. Многие западные политики осудили применение силы против протестующих и призвали власти не применять ее снова, провести расследование и соблюдать свободы слова и собраний. Многие призвали к диалогу, некоторые предложили

¹ Использовалась информация с сайтов РИА «Новости», ИТАР-ТАСС, Интерфакс, ИА «Униан». Анализ сделан по состоянию на 18 декабря 2013 г.

Толстых В.Л.

помощь в урегулировании. Одни констатировали неспособность властей наладить диалог и разрешить кризис. Другие выразили поддержку европейским устремлениям Украины и готовность возобновить процедуры подписания Соглашения об ассоциации. Соответствующие заявления были сделаны послами (США, Великобритании, ЕС), главами и представителями МИД (Литвы, Польши, Германии, Чехии, Венгрии, Словакии, Хорватии, Швейцарии, Швеции, Италии, Франции, Канады, США), главами государств и правительств (Эстонии, Литвы, Польши), отдельными парламентариями (США, Польша), другими должностными лицами (министром Великобритании по делам Европы, министром обороны США, вице-президентом США, представителем президента США, представителем Кабинета министров Германии). От имени международных организаций выступили должностные лица ЕС (Комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства, Верховный представитель по иностранным делам, председатель Европейского парламента, председатель Европейской комиссии), Совета Европы (Генеральный секретарь), НАТО (Генеральный секретарь), ООН (Генеральный секретарь). Часть заявлений была адресована властям, часть – обеим сторонам конфликта, часть – протестующим. Германия, Литва, Польша, Швеция, США и ЕС проявили наибольший интерес к событиям; другие государства ограничились одним или двумя заявлениями.

Наиболее резким заявлением стала Резолюция Европейского парламента от 12 декабря 2013 г. «Последствия вильнюсского саммита и будущее «Восточного партнерства», в частности в отношении Украины». Европейский парламент назвал отказ от подписания Соглашения об ассоциации «упущенной возможностью для украинских устремлений» и призвал подписать его как можно скорее. Он приветствовал «европейские устремления украинцев, проявившиеся во время демонстраций», и выразил солидарность с протестующими. Он осудил применение силы и призвал власти уважать права человека, освободить арестованных и вступить в переговоры с протестующими. Европейский парламент также осудил «политическое и экономическое давление» России в отношении Украины и призвал государства ЕС и Комиссию к «адекватному ответу», в том числе в форме контрмер. Он высказался за досрочные выборы в Украине и призвал к созданию посредни-

ческой миссии ЕС¹. Представители США и ЕС также заявили о возможности введения санкций против украинских властей. Особняком стоят немногочисленные заявления, осуждающие действия оппозиции, вмешательство западных стран, попытки решить вопросы неконституционным путем (депутат Литовского сейма, глава МИД Польши). Наиболее последовательной в этом смысле является реакция России (Президент, Государственная дума, глава МИД).

Помимо заявлений имели место иные формы реагирования. В МИД Литвы, Польши и Швеции были вызваны украинские послы. Некоторые западные политики посетили Киев и Майдан и встретились с представителями властей, оппозиции и протестующими (главы МИД Хорватии, Польши, Канады, ФРГ²; экс-президенты Грузии и Молдавии, заместитель Государственного секретаря США, парламентарии США и Польши, Верховный представитель ЕС по иностранным делам). Часть из них выступила на Майдане, а члены польского парламента установили там свою палатку. Глава МИД Украины заявил, что европейские политики должны не подбадривать манифестантов, а призывать их к диалогу; с другой стороны, власти не уклонились от контактов с иностранными представителями, не воспрепятствовали их встречам с оппозицией и протестующими и возобновили переговоры о подписании Соглашения.

3. Объектами международно-правового анализа могут выступать как действия украинских властей, так и реакция иностранных государств. В первом случае следует рассмотреть отказ от подписания Соглашения, соблюдение властями свобод слова и собраний, усилия властей по расследованию правонарушений и установлению диалога с оппозицией. В большинстве случаев квалификация не вызывает проблем. Так, отказ от подписания Соглашения, безусловно, является правом Украины, как суверенного государства, даже если он не соответствовал ожиданиям части нации и ЕС. Установление диалога с оппозицией не является международно-правовым обязательством властей, хотя, конечно, является мерой, способствующей урегулированию кризиса. Расследование правонарушений можно рассматривать как позитивное обязательство, вытекающее из ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция 1950 г.). От государства в данном случае требуется проявить «должную заботливость» (*due diligence*), т.е. принять все необходимые и разумные в данных обстоятельствах меры для установления виновных и их наказания. Эти меры в настоящий момент принимаются: власти сделали ряд заявлений, возбудили уголовные дела и осуществили первичные процессуальные действия.

4. Свобода собраний провозглашается в ст. 20 Всеобщей декларации прав человека, ст. 21 Пакта о гражданских и политических правах, ст. 11 Конвенции 1950 г.; свобода слова – в ст. 19 Всеобщей декларации, ст. 19 Пакта, ст. 10 Конвенции 1950 г. Обе свободы не относятся к *jus cogens* и могут быть ограничены в интересах безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, нравственности и прав других лиц. Ограничения должны соответствовать принципу пропорциональности, т.е. преследовать законные цели, быть адекватными (обеспечивать достижение целей); быть необходимыми (осуществляться в наиболее мягких формах) и пропорциональными *stricto sensu* (соответствовать важности целей). Европейский суд по правам человека вынес несколько решений, конкретизирующих положения ст. 10 и ст. 11 Конвенции 1950 г., некоторые из них могут оказаться полезными (по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции» от 30 января 1998 г.; по делу «Станков и Объединенная македонская органи-

зация «Илинден» против Болгарии» от 2 октября 2001 г.; по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» от 14 февраля 2006 г.; по делу «Ойа Атаман против Турции» от 5 декабря 2006 г.)³. ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что национальные власти обладают дискрецией при определении характера вмешательства, тем не менее, ЕСПЧ может определять, было ли вмешательство пропорциональным, являлись ли доводы властей достаточными, а их оценка приемлемой. Вмешательство допускается только тогда, когда имеется необходимость, возникающая из нужд демократического общества (неотложные социальные нужды). Если демонстранты не участвуют в актах насилия, государственным органам важно продемонстрировать определенный уровень толерантности. В Решении по делу «Эва Мольнар против Венгрии» от 7 октября 2008 г. Суд счел, что разгон демонстрации преследовал законную цель предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц. Он отметил, что рассматриваемые события имели место в результате незаконной демонстрации, блокировавшей главный мост в центре Будапешта, и что заявитель участвовал в последующей демонстрации на площади Кошута, цель которой заключалась в поддержке тех, кто проводил незаконную демонстрацию на мосту. Суд подчеркнул, что демонстранты собрались на площади Кошута около часа дня и что заявитель к ним присоединился около 7 вечера, в то время как полиция не разогнала демонстрацию примерно до 9 вечера. Суд счел, что в этих обстоятельствах заявитель имел достаточно времени, чтобы показать свою солидарность с другими демонстрантами. В итоге он установил, что вмешательство в свободу собраний заявителя не было необоснованным.

5. В свете практики ЕСПЧ действия украинских властей 30 ноября 2013 г. могут быть квалифицированы как нарушение обязательств по ст. 11. Данные действия могут быть обоснованы законной целью (первое условие). В центре Киева сосредоточены государственные и негосударственных учреждения, находятся важные транспортные развязки, проживает большое количество людей. Постоянное нахождение на центральной площади города лагеря протестующих затрудняло функционирование данных учреждений и создавало очевидные неудобства для жителей. Ликвидация лагеря могла устранить соответствующие затруднения и неудобства (второе условие). У властей, однако, имелись альтернативные средства защиты законных целей: они могли ввести пространственные и временные ограничения (например, запретить ночные протесты), установить зоны безопасности возле правительственных объектов, предложить протестующим переместиться в другое место. Эти средства не были использованы в полной мере. С другой стороны, власти могли счесть, что, поскольку свобода собраний была реализована, а требования протестующих были озвучены, дальнейшее занятие центральной площади столицы не было необходимым. Такой вывод имел право на существование, однако, не имел своим автоматическим следствием вывод о необходимости силового разгона, поскольку в распоряжении властей имелись иные средства, способные обеспечить ликвидацию лагеря, главное место среди которых занимал диалог с протестующими и оппозицией. Власти, однако, не попытались использовать иные средства, по всей видимости, такая возможность даже не рассматривалась. Оценке подлежит и сам характер операции: она была неожиданной и стремительной; она была предпринята в ночное время, т.е. тогда, когда протестующие являлись наиболее беззащитными; правоохранители использовали резиновые дубинки; имели место случаи избиения протестующих⁴. Все это свидетельству-

1 European Parliament resolution of 12 December 2013 on the outcome of the Vilnius Summit and the future of the Eastern Partnership, in particular as regards Ukraine // <http://www.europarl.europa.eu>

2 Кризис совпал с проходящим в начале декабря заседанием Совета министров иностранных дел ОБСЕ.

3 Избранные решения Европейского суда по правам человека. Статья 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Сост.: К. Баранов, В. Громова, Н. Звягина, Д. Макаров. – М.: Московская Хельсинская группа, 2012.

4 Сам факт применения специальных средств против протестующих не может считаться нарушением Конвенции 1950 г. 25 марта

ет о том, что операция была предпринята не только для разгона лагеря, но и для устрашения противников власти. В этих обстоятельствах условие минимального вмешательства (третье условие) является не соблюденным. Равным образом, не соблюдено и условие пропорциональности *stricto sensu*: власти не попытались обеспечить баланс между защищаемыми ими интересами и интересами протестующих.

6. После неудачной попытки властей акции протеста приобрели более постоянный, организованный и массовый характер. Фактически на Майдане было организовано небольшое поселение – с палатками, налаженной системой обогрева, питания и медицинских услуг, административными центрами, размещенными в захваченных зданиях, насыщенной публичной жизнью, включающей политические выступления и культурные мероприятия. Для многих Майдан стал символом стремления к свободе, отражением казацких традиций, высоким проявлением народной солидарности. Эстетика Майдана, однако, не должна затмевать его политических и юридических аспектов. Во-первых, Майдан стал пространством, на которое не распространяется юрисдикция государства, что само по себе является вызовом властям и демонстрацией пренебрежения по отношению к принципу всеобщности права. Во-вторых, Майдан стал опорой оппозиции, использующей его в борьбе за власть и заинтересованной в том, чтобы конфликт между протестующими и властями продолжался до тех пор, пока она не получит желаемые выгоды. В-третьих, Майдан стал местом принятия важнейших внешнеполитических решений; причем в процессе принятия этих решений участвуют не только внутренние, но и внешние акторы. Наконец, в-четвертых, Майдан не стал и изначально не мог стать альтернативой государственным институтам; в этом смысле, каким бы большим ни было его влияние, оно должно не исключать, но скорее стимулировать поиск решений в рамках существующих конституционных механизмов либо создание новых механизмов, способных обеспечить такой поиск.

7. Особенности противостояния делают возможной эскалацию конфликта. В международных отношениях есть примеры подобных противостояний, служащие предостережением участникам украинских событий. Одним из них является инцидент в Уал-Уал, рассмотренный в Решении третейского суда от 3 сентября 1935 г. Власти итальянского Сомали контролировали район Уал-Уал, а Эфиопия полагала, что он является частью ее территории. В ноябре 1934 г. в этот район прибыл эфиопский отряд, у которого возник конфликт с уже находящимся там итальянским отрядом. Для разрешения разногласий было предложено провести расследование. На период расследования между отрядами была проведена разграничительная линия. В течение 10 дней эфиопский и итальянский отряды оставались на своих позициях, которые иногда разделяло не более двух метров, с оружием в руках, испытывая недоверие друг к другу и провоцируя друг друга. Оба отряда получили подкрепления. 5 декабря, вследствие выстрела, происхождение которого является спорным, началось общее сражение. В конце концов эфиопы бежали, оставив на поле боя 130 погибших и значительное число раненных. Итальянские потери составили 30 погибших и сотню раненных. Поскольку происхождение рокового выстрела было спорным, арбитры сочли, что инцидент является следствием неблагоприятного стечения обстоятельств: данный выстрел мог быть случайным, так же как и другие выстрелы, которые раздавались до него; вполне объяснимо то, что в условиях нервозности, возбуждения и подозрительности он повлек столь прискорбные

последствия. Арбитры пришли к выводу, что Италия не несет ответственности за данный инцидент; ее власти предприняли ряд мер для его предотвращения и не были заинтересованы в нем. Эфиопия также не была заинтересована в данном инциденте, однако ее местные власти, концентрируя силы вблизи итальянских позиций, могли произвести впечатление наличия у них агрессивных намерений.

8. После 30 ноября квалификация протестов с позиций ст. 11 Конвенции 1950 г. выглядит несколько иной, чем до этой даты. С одной стороны, требования протестующих приобрели более значимый и обоснованный характер, степень публичности отстаиваемых интересов резко возросла. С другой стороны, массовость и сила протестов создали серьезную угрозу для других интересов, которые власть обязана защищать: интересов всего населения Украины, заинтересованного в бесперебойном осуществлении государственных функций (во время протестов власти вряд ли уделяют должное внимание социальному обеспечению, образованию, обороне и т.д.); интересов жителей центральных районов Киева; интересов предприятий и учреждений, размещенных в центре Киева. В поддержку протестующих можно привести авторитетное мнение М. Вальцера, в соответствии с которым сила или слабость внутреннего сопротивления тирании является индикатором легитимности сопротивления и внешней помощи. В свою очередь защитники властей могли бы опереться на мнение К. Хадсона, полагающего, что сила сопротивления отражает лишь силу оппозиции, но не действительные предпочтения и устремления народа¹. К. Хадсон обращает также внимание на то, что следствием подхода М. Вальцера является признание легитимным государства, способного принудить своих граждан к повиновению. Как бы то ни было, баланс между двумя группами интересов должен быть предметом постоянного внимания, обсуждения и согласования. В Решении ЕСПЧ по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции» от 30 января 1998 г. ЕСПЧ указал: «Одной из основных черт демократии является возможность, которую она предоставляет для решения проблем страны путем диалога, не прибегая к насилию, даже в случае многолетних, затянувшихся проблем. Демократию питает свобода выражения мнения» (пар. 57).

9. Перспективы Майдана пока не ясны, однако в случае, если главные проблемы, вызвавшие протесты, будут решены, их продолжение может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Действие концепции злоупотребления правом в публичной сфере не является общепринятым и четким, однако она не выглядит несовместимой с конституционным и международным правом. Примером ее нормативного закрепления является ст. 12 Конституции Японии 1947 г. («Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»). Необходимость обращения к этой концепции в целом не вызывает сомнений. Неспособность определить отношение к акциям сексуальных меньшинств и экологов (инцидент с судном «Arctic Sunrise»), признанию репродуктивных прав, самоидентификации религиозных и национальных меньшинств, использованию интернета для распространения безнравственной информации, – свидетельствует о том, что баланс прав человека и государственных интересов должен быть переосмыслен. Ж. Бодрийяр справедливо указывает: «Свобода слова существует лишь тогда, когда это слово является «свободным» выражением индивидуума. Если же под словом понимать двойственную, сопричастную, анта-

2013 г. французская полиция применила слезоточивый газ в отношении участников трехсоттысячной демонстрации против однополых браков. 14 ноября 2012 г. власти Испании использовали слезоточивый газ, дубинки и резиновые пули против профсоюзных демонстраций в Барселоне и Мадриде, десятки человек были ранены и задержаны.

1 Hudson K.A. Justice, Intervention, and Force in International Relations. Reassessing just war theory in the 21st century. – Routledge, 2009. – P. 33.

гонистическую, оболыстительную форму выражения, тогда понятие свободы слова теряет всякий смысл»¹.

10. Основой квалификации действий западных стран является принцип невмешательства, закрепленный в Декларации о принципах международного права 1970 г. В соответствии с данным принципом ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине по внутренние и внешние дела любого другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права. Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ. В Решении по делу о военной деятельности в Никарагуа от 27 июня 1986 г. Международный суд ООН сделал попытку уточнить содержание этого принципа: «...В соответствии с общепринятыми формулировками, данный принцип запрещает любому государству или группе государств вмешиваться прямо или косвенно во внутренние или внешние дела другого государства. Запрещенное вмешательство должно, таким образом, касаться вопросов, которые в соответствии с принципом государственного суверенитета каждое государство вправе решать самостоятельно. Одним из них является вопрос о выборе политической, экономической, социальной и культурной системы и об определении внешней политики. Вмешательство незаконно, когда для того, чтобы повлиять на данный выбор, который должен быть свободным, используются средства принуждения. Этот элемент принуждения, являющийся конститутивным для запрещенного вмешательства и составляющий саму его сущность, особенно очевиден в случае вмешательства, связанного с применением силы, будь то в прямой форме военных действий либо в косвенной форме поддержки подрывной или террористической вооруженной деятельности внутри другого государства» (пар. 205).

11. Принцип невмешательства запрещает как военные, так и невоенные формы вмешательства, однако практика его применения касается главным образом первых: нарушением признается и непосредственное применение силы, и поддержка вооруженных повстанцев (Решение МС ООН по делу о военной деятельности в Никарагуа, Решение МС ООН по делу о военной деятельности на территории Конго от 19 декабря 2005 г.). Этот аспект принципа невмешательства является вполне ясным. Запрет невоенных форм вмешательства был продекларирован, однако так и не был уточнен посредством судебной практики или иным официальным образом. Причин – несколько. Во-первых, принцип невмешательства вошел в международное право тогда, когда границы государств еще были прочными. Ограниченная международная коммуникация, высокий авторитет государства и холодная война ставили естественный заслон невоенным формам вмешательства. Широкие возможности для невоенного вмешательства открылись только в эпоху глобализации. Во-вторых, конец XX в. охарактеризовался относительным консенсусом сверхдержав, и в целом государств, способных влиять на развитие международного права. Вмешательство западных стран в события в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии не вызвало серьезных международных разногласий, способных стимулировать развитие теории невоенного вмешательства. В-третьих, и это самое важное, во второй половине XX в. права человека завоевали себе статус

важнейшей международной ценности, способной оправдать почти любое невоенное вмешательство.

12. Обоснование невоенного вмешательства часто осуществляется при наличии «скрытой повестки дня». Несоответствие между заявленными целями гуманитарной интервенции и ее действительными мотивами является важнейшей проблемой современного международного права, нуждающейся в широком обсуждении, в процессе которого вполне возможна реабилитация некоторых марксистских тезисов. Ф. Аллот справедливо указывает: «Так называемые “права человека” в легалистических формулировках и технократических программах “хорошего управления” проявили себя как новые формы вековой маски, которая скрывает эксплуатацию и угнетение многих немногими. Демократический капитализм является социальной системой, в которой многие ведут неудовлетворительную жизнь для того, чтобы немногие могли иметь возможность вести удовлетворительную жизнь. Немногие затем находят сотни путей для того, чтобы обернуть эту возможность в источник страдания для них самих и для других. XX век преподнес нам еще раз урок, который является таким же старым, как и человеческое общество. Единственной константой в человеческой социальной истории является безжалостная (ruthless) самозащита социальной привилегии. Единственное человеческое право, которое является универсально обеспеченным, – это право богатого стать еще богаче»². А. Карти пишет: «...Тенденция все больше склоняется к манипуляции согласием посредством заинтересованных групп, которые отражают экономические и военные интересы. Результатом является насильственный консенсус. Поскольку права человека не могут быть основаны на объективном понимании ценности человека или разума, консенсус, необходимый для достижения решений в демократиях, является все более подверженным принудительной манипуляции (общезвестной как spin), вызывающей отчуждение и выход из политического процесса»³.

13. Сложность определения невоенного вмешательства неоднократно подчеркивалась доктриной. Х.Э. де Аречага указывает: «Существует, несомненно, какая-то разделительная линия между законным убеждением и переговорами, посредством которых государства стараются повлиять друг на друга, и принуждением или насилием, противоречащими нормам международного права». При определении принуждения, по мнению автора, могут помочь принципы доброй воли, добрососедства, сотрудничества, а также законность конкретных практических действий⁴. А. Кассесе пишет: «Встает вопрос о том, охватывает ли запрет вмешательства во внутренние дела других государств также такие вмешательства, которые не принимают форму посылки или угрозы посылки военных самолетов и кораблей, но включают: экономическое давление или даже экономическое принуждение; действия, направленные на политическую дестабилизацию; провоцирование, разжигание и финансирование беспорядков в иностранном государстве. Кроме того, можно задаться вопросом, запрещает ли международное право использование сильными государствами более тонких форм недолжного вмешательства, таких как радиопропаганда, экономический бойкот, неказание экономической помощи или воздействие на международные валютные и финансовые институты с целью экономического удушения слабых государств»⁵.

14. Невоенное вмешательство в дела другого государства, безусловно, отличается от вмешательства в область прав чело-

2 Allott Ph. *The Health of Nations. Society and Law beyond the State.* – Cambridge University Press, 2004. – P. 92.

3 Carty A. *Philosophy of International Law.* – Edinburgh University Press, 2007. – P. 198.

4 Де Аречага Х.Э. *Современное международное право.* – М.: Прогресс, 1983. – С. 176.

5 Cassese A. *International Law.* – 2nd ed. – Oxford University Press, 2005. – P. 54–55.

1 Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской.* – М.: Добросвет, 2000. – С. 127.

века. Первое не основывается на применении силы: государства вынуждены соотноситься с принципом суверенного равенства и действовать в рамках горизонтальных правоотношений. Второе же всегда является действием, основанным на реальном или потенциальном применении силы. Тем не менее, в обоих случаях имеет место один и тот же феномен: вмешательство в волевую сферу. Воля определяется как «сознательное и целенаправленное регулирование человеком своей деятельности»¹, «способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления»². При этом «по своей структуре волевое поведение распадается на принятие решения и его реализацию»³. Вмешательство в волевую сферу в этой связи можно определить как ситуацию, при которой один субъект препятствует другому субъекту принимать решение (формировать волю) и/или реализовывать его (реализовывать волю). Вмешательство в сферу прав человека преимущественно препятствует реализации воли. Государство не может препятствовать формированию воли человека; оно, как правило, не обладает необходимыми для этого ресурсами. Особенностью же вмешательства во внутренние дела другого государства является то, что оно может состоять не только в создании препятствий для реализации воли⁴, но и в создании препятствий для ее формирования. В этом смысле международное право сталкивается с феноменом, не известным праву прав человека.

15. Формирование воли государства представляет собой сложный политический процесс, участниками которого являются государства, политические партии, религиозные организации и другие элементы политической системы. Также как и формирование воли человека, формирование воли государства представляет собой внутренний процесс, т.е. процесс, ограниченный пределами политического организма, из которого исключены внешние по отношению к этому организму субъекты и воздействия. Наличие внешних субъектов и их поведение, безусловно, учитываются внутренними субъектами, однако учет не означает инкорпорации, – внешние факторы остаются динамическими источниками информации. Внутренние субъекты при этом обладают монополией на взаимодействие с нацией, являющейся источником государственного суверенитета. Аналогией данной монополии является естественная монополия человека согласовывать действия органов своего тела. Вмешательство во внутренние дела представляет собой преодоление границ политического организма и проникновение в него. Такое проникновение имеет место, когда иностранное государство взаимодействует с одними частями политического организма и создает помехи для функционирования других частей (при этом взаимодействие с государством в целом, конечно, является правомерным, будучи взаимодействием двух автономных организмов). Оно представляет собой нарушение естественных законов функционирования политического организма, оно неизбежно вызывает разбалансировку, разединение, разобщение политического организма, отдаление его элементов друг от друга, и, в крайнем случае, – распад организма либо атрофию его отдельных элементов. В этом состоит механистический эффект проникновения. Меняя характер взаимодействия элементов политического организма, такое проникновение неизбежно влияет на результаты взаимодействия, в том числе на принимаемые политические решения. В этом состоит интеллектуальный эффект проникновения. Непосредственный интеллектуальный эффект может

быть не достигнут, это, однако, не должно создавать иллюзии отсутствия проникновения. Такой иллюзии не должны создавать и согласие политического организма на проникновение или его пассивность по отношению к проникновению. Таким образом, в качестве невоенного вмешательства можно рассматривать взаимодействие иностранного государства с отдельными субъектами внутреннего политического процесса.

16. Рассматриваемое в этом ключе поведение западных государств в Украине, безусловно, является вмешательством. Его проявлениями стали: комментирование и определение легитимности действий отдельных участников внутреннего политического процесса; проведение с ними встреч и заключение с ними политических договоренностей; солидаризация с отдельными участниками политического процесса и участие в организуемых ими акциях; обращения к нации в отсутствие разрешения со стороны государства, эту нацию представляющего; синхронизация собственных требований с требованиями оппозиции; использование средств массовой информации, в том числе украинских, для поддержки отдельных участников внутреннего политического процесса и дискредитации других. Конкретными результатами вмешательства стали изменение соотношения политических сил и пересмотр решения о подписании Соглашения об ассоциации.

17. Вмешательство во внутренние дела, так же как и вмешательство в сферу прав человека, может быть правомерным. При определении его правомерности также может применяться принцип пропорциональности, выступающий в качестве общего принципа права цивилизованных наций⁵. В этой связи действия западных стран подлежат рассмотрению в свете четырех условий пропорциональности. Цели вмешательства могут быть признаны законными только в том случае, если они не затрагивают внутренние дела государства. В Резолюции «Определение внутренней сферы и ее последствий» от 29 апреля 1954 г. Институт международного права указал: «Внутренняя сфера – это сфера государственной деятельности, где компетенция государства не ограничена международным правом. Содержание этой сферы зависит от международного права и изменяется по мере его развития... Принятие международного обязательства по вопросу, относящемуся к внутренней сфере, исключает для стороны данного обязательства возможность ссылаться на внутреннюю сферу в отношении любого вопроса, относящегося к толкованию или применению данного обязательства» (статьи 1, 3). Западные страны обосновывали свое вмешательство заботой о правах человека, что позволяет им ссылаться на договорные обязательства Украины (Конвенция 1950 г. и Пакт 1966 г.), региональные обычаи в сфере прав человека и универсальные обычаи *in stato nascete*, отражающие концепции гуманитарной интервенции⁶ и ответственности за защиту.

5 Идею отнесения данного принципа к принципам права цивилизованных наций поддерживает Энцо Канницаро (Cannizzaro E. Diritto Internazionale. – Torino, G. Giappichelli Editore. 2012. – P. 128–131), из отечественных авторов – А.В. Должиков (Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система / Под ред. Д.В. Красикова. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006. – С. 47–48).

6 Еще Ф. де Витория (1486–1546) писал: «...Бог дал каждому заповедь, касающуюся его соседа. Все варвары являются нашими соседями, – следовательно, любой, особенно принцы, может защищать их от тирании и угнетения. Следующее доказательство гласит: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение? (Притчи Соломона. 24.11). Это касается не только настоящего момента, когда кого-то придают смерти; также можно принуждать варваров полностью отказаться от таких обычаев. Если они откажутся сделать это, им может быть объявлена война... их владыки могут быть заменены, а новые владыки поставлены. Не имеет значения, что все варвары согласны с такого рода ритуалами и жертвами, или то, что в данном случае они отказываются принимать испанцев как своих освободителей». Цит. по: Hudson K.A. Op. cit. – P. 24–25.

1 Философская энциклопедия // Под ред. Ф.В. Константинова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 284.

2 Философский энциклопедический словарь // Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 90.

3 Там же.

4 Государство, оккупировавшее территорию другого государства, препятствует последнему реализовывать властные предписания в отношении данной территории.

Одновременно некоторые действия западных государств позволяют предположить, что главной целью вмешательства было заключение Соглашения об ассоциации. Решение о заключении Соглашения, безусловно, является внутренним делом Украины, при этом делом очень ответственным. В настоящее время существует зона свободной торговли между Украиной и странами Таможенного союза. В случае заключения Соглашения будет установлена зона свободной торговли между Украиной и ЕС. Европейские товары, цены на которые резко упадут, станут доминировать на украинском рынке. Для вытеснения украинских товаров главным станет рынок стран ТС. Защищая своих производителей, страны ТС должны будут отказаться от зоны свободной торговли и ввести в отношении украинских товаров таможенный тариф. Это лишит украинскую промышленность российского рынка и приведет ее к кризису; результатом станет большая экономическая и политическая зависимость от ЕС. Это объясняет осторожность украинских властей и усугубляет противоправность действий, направленных на принуждение Украины к подписанию Соглашения.

18. Вопрос о соотношении гуманитарных целей и целей, связанных с Соглашением, является очень важным. Если доказать, что цели, связанные с правами человека, выдвигались лишь как предлог для достижения экономических целей, и, соответственно, покрывались последними, тогда вмешательство западных государств в целом может быть квалифицировано как противоправное. В соответствии с Декларацией ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 г. принцип невмешательства включает «обязанность государства воздерживаться от использования или искажения вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств» (II, "1"). Косвенных доказательств данного тезиса – довольно много: стремление западных государств решить вопрос о подписании Соглашения до урегулирования кризиса; несоответствие реакции европейских государств на нарушения прав человека их реакции на нарушения в других странах; привязывание вопроса о правах человека к вопросу об экономическом сотрудничестве. Прямые доказательства первичности экономических целей, однако, отсутствуют, – ясно, что западные страны будут настаивать на первичности гуманитарных целей и на том, что их заявления по поводу Соглашения осуществлялись в рамках нормального переговорного процесса. В этой связи точка зрения, в соответствии с которой первое условие пропорциональности (законность целей) является выполненным, имеет право на существование (равно как и противоположная точка зрения).

19. Некоторые действия западных государств не являются непосредственно связанными с заявленными гуманитарными целями: к их числу относятся выступления на Майдане, установление контактов с оппозицией, комментирование общей политики украинских властей в украинских средствах массовой информации, предложения о посредничестве. Данные действия окончательно утратили смысл после того, как власти предоставили гарантии неприменения силы¹ и начали расследование нарушений, совершенных 30 ноября. В этой связи второе условие пропорциональности (адекватность вмешательства) не соблюдено.

20. Несмотря на невоенный характер, вмешательство западных государств носило серьезный характер. Реакция на нарушения не ограничилась требованиями проведения расследования и соблюдения гражданских свобод; наряду с этим были поставлены вопросы о перевыборах, пересмотре усло-

вий политического консенсуса, переориентации внешней политики, крупномасштабных экономических реформах. Были созданы условия для усиления давления на правительство со стороны оппозиции, часть которой выдвигает откровенно националистические лозунги. Действия западных государств производили впечатление системных и согласованных, что значительно усиливало их эффект. В совокупности с другими факторами они вызвали следствия, не имеющие отношения к гуманитарной сфере или имеющие к ней косвенное отношение (возобновление процедур подписания Соглашения; парламентский кризис, изменение условий диалога между властями и оппозицией, разрастание протестов и приобретение ими постоянного характера). Установление сравнительной силы вмешательства и других факторов не является необходимым; достаточно установить, что вмешательство представляло собой один из главных факторов. В этих обстоятельствах третье условие пропорциональности (необходимость вмешательства) нельзя считать соблюденным.

21. Нарушение третьего условия становится очевидным при сравнении реакции западных государств на украинские события и их реакции на события в Турции летом 2013 г. Столкновения властей и протестующих в Турции носили гораздо более ожесточенный характер, чем столкновения в Украине. Турецкие волнения начались вследствие попытки властей уничтожить парк Гези, после разгона демонстрации они приобрели массовый и политический характер. Полиция неоднократно применяла силу (газ, резиновые пули и водометы), протестующие строили баррикады. В ходе столкновений были арестованы тысячи человек, некоторые – в своих квартирах, около восьми тысяч были ранены, пятеро человек погибли в столкновениях с полицией. Тем не менее, правительство так и не отказалось от уничтожения парка, а премьер-министр Турции назвал протесты антидемократическими. Реакция ЕС и США на события в Турции заключалась в следующем. Представитель государственного департамента США заявил: «Мы верим, что долгосрочная стабильность, безопасность и процветание Турции наилучшим образом гарантируются поддержанием фундаментальных свобод слова, собраний и ассоциаций, которые, как представляется, и реализуют эти люди»². Европейский парламент выразил соболезнования семьям погибших, осудил чрезмерное применение силы, призвал к соблюдению гражданских прав, освобождению задержанных и уважению свободы прессы, осудил реакцию турецкого правительства и одобрил реакцию турецкого президента, сделал несколько общих замечаний относительно принципов демократии и социальной политики³. Европейская комиссия осудила непропорциональное применение силы, призвала к соблюдению гражданских прав и указала, что ограничения должны соответствовать Конвенции 1950 г. МИД Голландии, Венгрии, Великобритании, Италии, Германии, Австрии, Франции, Ирака, Ирана и Сирии осудили чрезмерное применение силы и призвали к соблюдению гражданских прав и диалогу. Глава МИД Испании заявил, что ЕС не должен «стараться давать уроки». Относительная мягкость реакции вполне может быть объяснена тем, что Турция является членом НАТО, государством, связанным с ЕС соглашением об ассоциации, и одним из главных стратегических партнеров США и ЕС в исламском мире. Данное сравнение ясно демонстрирует опосредованность реакции на нарушения прав человека глобальными политическими и экономическими соображениями.

22. Пропорциональность *stricto sensu* предполагает поддержание баланса между интересами, – в данном случае интересом Украины в невмешательстве в ее внутренние дела, и интересом западных государств в обеспечении прав человека. В данном случае баланс выглядит смещенным: интерес запад-

1 Президент Украины сделал соответствующие заявления 13 декабря по итогам Общенационального круглого стола и 15 декабря по итогам встречи с американскими сенаторами.

2 <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-22732139>

3 European Parliament resolution of 13 June 2013 on the situation in Turkey // <http://www.europarl.europa.eu>

ных государств был защищен ценой умаления достоинства суверенного государства и создания препятствий для свободного определения им целого спектра вопросов внутренней и внешней политики. В то время как правительство Украины старалось (пусть не всегда и не в полную меру) выполнить свои обязательства в сфере прав человека и предоставило западным государствам все возможности для мониторинга ситуации и участия в урегулировании, западные государства не проявили встречной сдержанности и уважения к украинскому суверенитету.

23. Украинские события актуализировали на постсоветском пространстве принцип невмешательства, нуждающийся в уточнении с учетом новой конфигурации международного правопорядка. Дела, связанные с нарушением данного принципа, имеют определенные судебные перспективы, в этой связи соответствующее уточнение может быть осуществлено не только доктриной, но и международными судами. Украинские события также показали хрупкость государственного суверенитета в современном мире и незащищенность государства от воздействия со стороны наднациональных объединений, крупных государств и средств массовой информации. В этой связи возникают вопросы об определении границ противодействия вмешательству, действию концепции злоупотребления правом, четком разграничении ответственности наднационального объединения и его членов, а в более широком смысле – вопрос об изменении вектора развития международного права в сторону своего изначального публичного начала.

Пристатейный библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000.
2. Де Аречага Х.Э. Современное международное право. – М.: Прогресс, 1983.
3. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Статья 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Сост.: К. Баранов, В. Громова, Н. Звягина, Д. Макаров. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2012.
4. Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система / Под ред. Д.В. Красикова. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006.
5. Философская энциклопедия // Под ред. Ф.В. Константинова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960.
6. Философский энциклопедический словарь // Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
7. Allott Ph. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. – Cambridge University Press, 2004.
8. Cannizzaro E. Diritto Internazionale. – Torino, G. Giappichelli Editore, 2012.
9. Carty A. Philosophy of International Law. – Edinburgh University Press, 2007.
10. Cassese A. International Law. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2005.
11. European Parliament resolution of 12 December 2013 on the outcome of the Vilnius Summit and the future of the Eastern Partnership, in particular as regards Ukraine // <http://www.europarl.europa.eu>
12. Hudson K.A. Justice, Intervention, and Force in International Relations. Reassessing just war theory in the 21st century. – Routledge, 2009.

Монография посвящена исследованию теоретических и практических проблем реализации норм водного и земельного права в условиях рыночных отношений в Республике Казахстан. В работе даны понятия и раскрыты содержания механизма реализации норм водного и земельного права и их составных элементов; выявлены особенности водного процесса и дана классификация процессуальных форм реализации норм водного права; изучены вопросы правоприменения как особой формы реализации норм водного права и предложены пути повышения его эффективности; изложены проблемы международного сотрудничества в области охраны и использования водных ресурсов, его роли и места в механизме реализации норм водного права, исследованы историко-политические вопросы развития земельных правоотношений в Республике Казахстан. Авторами рассмотрены широкий круг правовых норм, институтов водного и земельного права, выявлены их взаимодействие с другими отраслями права. Раскрыты такие темы, как водно-земельные правоотношения, управление водным процессом, различные виды его целевого использования, аренда земельных участков и арендная плата за землю.

Монография

Сауле Сулейменова
Шолпан Саймова

Водно-земельные правоотношения Республики Казахстан

Монография

Сауле Сулейменова

Сулейменова Сауле Жусупбековна, доктор юридических наук, профессор КазНУ им. Аль-Фараби. Автор совместно с Шолпан Саймовой опубликовали ряд научных работ и статей в области водного и земельного права Республики Казахстан в отечественных и зарубежных изданиях.

978-3-659-26372-9

Сулейменова, Саймова

Малашко А.П.

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУДА СНГ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ДОГОВОРА О ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ОТ 18 ОКТЯБРЯ 2011 г.

В Договоре о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. правила, касающиеся функционирования зоны свободной торговли в Содружестве Независимых Государств, нормы Всемирной торговой организации и положения, связанные с участием отдельных государств в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, образуют единый механизм правового регулирования отношений Сторон. При разрешении спорных вопросов, касающихся применения данного Договора, Экономический Суд СНГ анализирует содержащиеся в нем правовые предписания в совокупности с договоренностями, связанными функционально с положениями Договора о зоне свободной торговли и достигнутыми в рамках иных международных организаций и интеграционных объединений.

Ключевые слова: Экономический Суд СНГ, зона свободной торговли, Таможенный союз, Всемирная торговая организация, таможенные пошлины.

Малашко А.П.

Malashko A.P.

ISSUES OF THE COMPETENCE OF THE CIS ECONOMIC COURT IN THE COURSE OF FULFILLMENT OF THE PROVISIONS OF THE TREATY ON FREE-TRADE AREA DATED OCTOBER 18, 2011

In the Treaty on Free-Trade Area dated October 18, 2011, the rules concerning the functioning of the Free-Trade Area of the Commonwealth of Independent States along with the rules of the World Trade Organization and with provisions on the participation of separate states in the Customs Union and the Common Economic Space institute a united mechanism of legal regulation of relations between the Parties. As regards the cases dealing with application of this Treaty, The CIS Economic Court analyzes its legal rules together with the agreements that are functionally connected with the provisions of the Treaty on Free-Trade Area and were reached within the other international organizations and integration associations.

Key words: CIS Economic Court, Free-Trade Area, Customs Union, World Trade Organization, custom duties.

Реализация потенциала экономического сотрудничества в комплексном решении социально-экономических и других вопросов является первоочередной задачей Содружества Независимых Государств¹.

К числу приоритетных направлений взаимодействия государств Содружества в сфере экономики относятся завершение формирования и функционирование зоны свободной торговли в соответствии с нормами и правилами Всемирной торговой организации (далее – ВТО), формирование предпосылок для создания общего экономического пространства, развитие общих рынков отдельных видов продукции².

С учетом этих задач 18 октября 2011 г. восемь государств – участников СНГ (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Украина), на долю которых приходится свыше 90% взаимной торговли стран Содружества³, подписали Договор о зоне свободной торговли⁴ (далее – Договор от 18 октября 2011 г., Договор).

Договор вступил в силу для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации и Украины.

Договор от 18 октября 2011 г. заключен в рамках Содружества Независимых Государств: согласно преамбуле этого международного договора его Сторонами являются государства – участники СНГ, положения Договора применяются к торговле товарами между Сторонами.

31 мая 2013 г. подписан Протокол о применении Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. между его Сторонами и Республикой Узбекистан⁵ (далее – Протокол). Протокол ратифицирован Республикой Узбекистан⁶ и вступает в силу в соответствии с п. 1 ст. 7 данного международного договора по истечении 30 дней с даты получения депозитарием уведомлений от Республики Узбекистан и не менее двух Сторон Договора о выполнении ими внутрисударственных процедур, необходимых для вступления его в силу.

Уникальность Договора от 18 октября 2011 г. состоит в том, что Стороны определили условия функционирования зоны свободной торговли в Содружестве с учетом участия отдельных государств в иных универсальных и региональных международных организациях, а также интеграционных образованиях (ВТО, Международный валютный фонд, Таможенный союз и Единое экономическое пространство в рамках ЕвразЭС), предусмотрели в самом Договоре отсылки к нормам международных договоров, заключенных в рамках иных международных организаций, использовали характерную для этих соглашений специальную терминологию.

В преамбуле Договора от 18 октября 2011 г. подчеркивается, что при его заключении государства – участники Содру-

1 Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества: утв. Решением Совета глав государств СНГ, 5 дек. 2012 г. // Исполнительный комитет СНГ: официальный сайт // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=1094>.

2 Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года: утв. Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, 14 ноября 2008 г. // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2533>.

3 Аналитический материал о Договоре о зоне свободной торговли // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18968>.

4 Договор о зоне свободной торговли, 18 окт. 2011 г. // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/printPreview/text?id=3183&serverUrl=http://cis.minsk.by/reestr/ru>.

5 Протокол о применении Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года между его Сторонами и Республикой Узбекистан, 31 мая 2013 г. // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/#reestr/view/text?doc=3868>.

6 Новости Содружества / 08.01.2014 // [Электронный ресурс] / Сайт Экономического Суда Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <http://sudsng.org/news/1665.html>.

жества Независимых Государств ориентируются на нормы соглашений ВТО, в частности ГАТТ 1994, включая ст. XXIV ГАТТ. В свою очередь ст. XXIV ГАТТ «Территориальное применение. Приграничная торговля. Таможенные союзы и зоны свободной торговли» регулирует особенности торговых отношений применительно к различным формам экономической интеграции.

Анализ норм Договора от 18 октября 2011 г. в совокупности с положениями преамбулы позволяет сделать следующий вывод: Стороны как участники зоны свободной торговли Содружества определили свои обязательства в условиях перехода отдельных государств-участников к более тесной экономической интеграции в рамках Таможенного союза.

Механизм правового регулирования отношений Сторон Договора от 18 октября 2011 г. сконструирован таким образом, что цель зоны свободной торговли – ликвидация препятствий во взаимной торговле государств Содружества – реализуется во взаимосвязи с участием отдельных Сторон в ином межгосударственном интеграционном объединении – Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, который кроме вышеуказанной цели (устранение тарифных, количественных, технических и иных барьеров во взаимной торговле) принимает меры таможенной и налоговой защиты своего внутреннего рынка от конкуренции с товарами третьих стран, не участвующих в Таможенном союзе.

Наиболее ярким подтверждением данного тезиса являются положения статей 8 «Применение специальных защитных мер во взаимной торговле» и 9 «Применение антидемпинговых мер во взаимной торговле» Договора от 18 октября 2011 г., в которых фактически зафиксировано право Таможенного союза, действующего внутри зоны свободной торговли Содружества, применять единые меры нетарифного регулирования для защиты промышленности Таможенного союза от конкуренции с товарами других государств – участников зоны свободной торговли.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Договора от 18 октября 2011 г. «ничто в настоящем Договоре не ограничивает право Стороны (таможенного союза) применять специальные защитные меры». В последующих пунктах этой статьи применение таких мер в отношении товара, происходящего с территории другой Стороны Договора, установлено в зависимости от того, наносит ли импорт товара ущерб и/или создает ли угрозу нанесения ущерба национальной промышленности Стороны (таможенного союза).

В силу ст. 9 Договора от 18 октября 2011 г. ничто в настоящем Договоре не препятствует Стороне (таможенному союзу) применять в отношении импорта товара, происходящего из другой Стороны, антидемпинговые или компенсационные меры.

Для целей статей 8 и 9 Договора под таможенным союзом понимается объединение Сторон, в рамках которого предусмотрено применение единых специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Данному признаку в полной мере соответствует Таможенный союз, созданный Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией в рамках ЕврАзЭС. С 1 июля 2010 г. в отношениях между названными государствами действует Соглашение о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам от 25 января 2008 г.¹

Возможность участия Сторон в Таможенном союзе прямо предусмотрена в ст. 18 Договора от 18 октября 2011 г., п. 1 которой предусматривает, что «настоящий Договор не препятству-

ет Сторонам участвовать в соглашениях о таможенном союзе, свободной торговле и/или приграничной торговле в соответствии с правилами ВТО, в частности, Статьи XXIV ГАТТ 1994».

Заслуживает внимания следующее обстоятельство: если в статьях 8, 9 и п. 1 ст. 18 Договора таможенный союз и соглашения о таможенном союзе упомянуты в обобщенном виде, в то в других нормах Договора от 18 октября 2011 г. речь идет о конкретном таможенном союзе, а именно – о Таможенном союзе между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Таможенный союз не является Стороной Договора от 18 октября 2011 г., в этом качестве выступают Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация как самостоятельные участники зоны свободной торговли. Правовое положение названных Сторон согласно Договору специфично: в части изъятий из режима свободной торговли каждым государством установлены индивидуальные перечни товарных позиций и соответствующие им ставки таможенных пошлин (приложение 1 к Договору от 18 октября 2011 г.), в то же время в содержании отдельных норм Договора прослеживается осуществление государствами – участниками Таможенного союза единой тарифной политики по отношению к третьим странам (например, приложение 6 к Договору, являющееся его неотъемлемой частью).

Согласно приложению 6 к Договору от 18 октября 2011 г. в случае если участие одной из Сторон в соглашении, предусмотренном п. 1 ст. 18, ведет к росту импорта из такой Стороны в таких объемах, которые наносят ущерб или угрожают нанести ущерб промышленности Таможенного союза, то государства – участники Таможенного союза без ущерба для применения статей 8 и 9 настоящего Договора после проведения соответствующих консультаций Сторонами оставляют за собой право ввести пошлины в отношении импорта соответствующих товаров из такой первой Стороны в размере ставки режима наибольшего благоприятствования.

Особенности отношений Сторон, связанные с существованием Таможенного союза и участием в нем Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, определены пунктами 2–3 ст. 18 Договора (регулируют вопросы выполнения Сторонами обязательств по Договору от 18 октября 2011 г. в соотношении с обязательствами, вытекающими из их членства в Таможенном союзе), а также разделом II «Таможенные пошлины, применяемые в отношении экспорта товаров в государствах – участниках СНГ в соответствии со ст. 2 Договора о зоне свободной торговли» приложения 1, приложением 3 «Изъятия на переходный период в части статей 5 “Национальный режим” и 10 “Предоставление субсидий”» к Договору.

В целом хотелось бы отметить, что в большинстве норм Договора от 18 октября 2011 г. имеются ссылки на положения соглашений, действующих в рамках иных международных организаций и интеграционных образований.

Необходимость интеграции государств – участников СНГ в мировую экономику и международную торговую систему предопределила использование в Договоре отдельных положений права ВТО.

Отсылки к нормам ГАТТ 1994 содержатся в п. 8 ст. 2 «Применение таможенных пошлин и платежей, эквивалентных таможенным пошлинам», пунктах 1 и 6 ст. 3 «Отмена количественных ограничений во взаимной торговле», ст. 5 «Национальный режим», п. 1 ст. 6 «Государственные закупки», п. 1 ст. 7 «Свобода транзита», п. 1 ст. 8 «Применение специальных защитных мер во взаимной торговле», п. 1 ст. 9 «Применение антидемпинговых и компенсационных мер во взаимной торговле», п. 1 ст. 10 «Предоставление субсидий», п. 1 ст. 14 «Ограничения в целях обеспечения платежного баланса», ст. 15 «Общие исключения», ст. 16 «Исключения по соображениям безопасности», ст. 17 «Вопросы администрирования», п. 1 ст.

1 Соглашение о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, 25 янв. 2008 г. // [Электронный ресурс] / Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/default.aspx>.

18 «Соглашения о таможенных союзах, свободной торговле, приграничной торговле».

В Договоре от 18 октября 2011 г. имеются также указания о применении в отношениях между Сторонами в полном объеме следующих соглашений ВТО:

- Соглашение по защитным мерам (п. 1 ст. 8 Договора);
- Соглашение ВТО по применению статьи VI ГАТТ 1994 (п. 1 ст. 9 Договора);
- Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (п. 1 ст. 9, ст. 10 Договора);
- Соглашение о технических барьерах в торговле (ст. 11 Договора);
- Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер (ст. 12 Договора);
- Понимание положений о платежном балансе ГАТТ 1994 (п. 1 ст. 14 Договора).

Кроме того, положения Договора от 18 октября 2011 г. указывают на обязательства Сторон, вытекающие из членства в Международном валютном фонде в соответствии с Соглашением о Международном валютном фонде (ст. 13 Договора), и применение норм этого Соглашения к отношениям в рамках зоны свободной торговли (пункты 4 и 6 ст. 14 Договора).

Изложенное свидетельствует о том, что в Договоре от 18 октября 2011 г. нормы относительно функционирования зоны свободной торговли, правила ВТО и положения, связанные с участием отдельных государств в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, образуют единый механизм правового регулирования отношений Сторон.

Применение Договора от 18 октября 2011 г. в отрыве от соответствующих соглашений, действующих в отношениях между Сторонами, не представляется возможным.

Закономерности функционирования зоны свободной торговли Содружества могут быть выявлены и изучены с помощью метода системно-функционального анализа. При этом точный смысл правового предписания определяется исходя из содержания нормы Договора в сопоставлении и в комплексе с другими функционально связанными нормами.

Данный подход к правовому регулированию отношений, связанных с формированием и функционированием зоны свободной торговли в Содружестве Независимых Государств, позволяет обозначить новый ракурс в вопросе о компетенции Экономического Суда СНГ, созданного в целях обеспечения единообразного применения соглашений государств – участников Содружества и основанных на них экономических обязательств и договоров.

К ведению Экономического Суда СНГ согласно пунктам 3 и 5 Положения об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств¹ относится:

– разрешение межгосударственных экономических споров, возникающих при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями, решениями Совета глав государств, Совета глав правительств Содружества и других его институтов;

– толкование применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов.

Толкование международных договоров осуществляется Экономическим Судом СНГ при принятии решений по конкретным делам, а также по запросу высших органов власти и управления государств, институтов Содружества, высших хозяйственных, арбитражных судов и иных высших органов, разрешающих в государствах экономические споры.

1 Положение об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств: утв. Соглашением Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 6 июля 1992 г. // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=123>.

Общее правило толкования, закрепленное в ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция 1969 г.)², заключается в том, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Подпункт с) п. 3 названной статьи предусматривает, что наряду с контекстом учитываются любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

Таким образом, толкование и применение положений Договора от 18 октября 2011 г. должно основываться на интерпретации его норм в свете положений соответствующих соглашений и договоренностей, достигнутых в рамках иных международных организаций, что предполагает изучение практики их применения и официального толкования, а в отсутствие таковой – самостоятельное осмысление субъектом правоприменительной деятельности содержания и целей соответствующих договоренностей.

На наш взгляд, данный тезис справедлив не только в отношении норм ВТО, но и в части использования при толковании Договора от 18 октября 2011 г. положений международных договоров, заключенных Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией как членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Например, в п. 2 ст. 18 Договора от 18 октября 2011 г. установлено, что в отношениях между Сторонами, являющимися участниками Таможенного союза и Единого экономического пространства, положения Договора применяются в той части, в которой они не противоречат международным договорам, заключенным ими в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, включая двусторонние договоры, а также решения органов Таможенного союза.

Следовательно, ответ на вопрос о наличии либо отсутствии обязательств по Договору от 18 октября 2011 г. в отношениях между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией невозможен без анализа положений международных договоров, заключенных ими в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Обозначенные нами подходы к применению Договора от 18 октября 2011 г. актуальны для всех субъектов правоприменительной деятельности, включая органы, уполномоченные на разрешение споров, связанных с исполнением обязательств по Договору³.

Толкование Договора от 18 октября 2011 г. и разрешение споров, связанных с выполнением обязательств по данному Договору, относятся к компетенции Экономического Суда СНГ⁴.

2 Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. // [Электронный ресурс] / Сайт СПС КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

3 Статья 19 Договора от 18 октября 2011 года предусматривает урегулирование спорных вопросов посредством консультаций, а в случае недостижения согласия по итогам консультаций возможны: 1) обращение в Экономический Суд СНГ, если обе стороны спора являются государствами-участниками Соглашения о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 года, или 2) передача спора комиссии экспертов в соответствии с процедурой разрешения споров, предусмотренной приложением 4 к настоящему Договору, являющимся его неотъемлемой частью. Кроме того, споры между государствами – членами ВТО по вопросам, которые в Договоре от 18 октября 2011 года регулируются путем ссылки на положения соглашений ВТО, могут разрешаться в порядке, предусмотренном соответствующими соглашениями ВТО.

4 Договор от 18 октября 2011 года содержит юрисдикционную оговорку (пункт 2 статьи 19) о разрешении Экономическим Судом СНГ споров, касающихся выполнения обязательств по данному Договору, но не предусматривает специальных положений относительно его толкования. Тем не менее именно Экономический Суд СНГ вправе дать официальное толкование Договора от 18 ок-

Учитывая названные выше особенности правового регулирования зоны свободной торговли в Содружестве, выполнение Экономическим Судом СНГ возложенных на него функций обязывает Суд в силу пп. е) п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. использовать при разрешении спорных вопросов по Договору положения иных международных договоров, действующих между его участниками, включая договоры в рамках Таможенного союза, ВТО и т. д.

Имеющаяся практика¹ толкования международных актов, обеспечивающих создание и функционирование в Содружестве зоны свободной торговли, свидетельствует о том, что Экономический Суд эффективно разрешает проблемы, связанные с применением международных соглашений по экономическим вопросам.

В судебных актах Экономического Суда содержатся разъяснения порядка применения норм международных договоров, формирующих правовую базу зоны свободной торговли, в частности Соглашения о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994 г.² (далее – Соглашение от 15 апреля 1994 г.), обозначены причины неоднозначного понимания этих норм государствами и правоприменительными органами.

Не обладая правом самостоятельно инициировать внесение изменений и дополнений в действующие международные договоры, Экономический Суд СНГ неоднократно обращал внимание государств на несовершенство актов Содружества, касающихся создания и функционирования зоны свободной торговли. Рекомендации Экономического Суда СНГ в основном реализованы государствами при внесении изменений и дополнений в международные договоры, учтены в Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств, являющихся неотъемлемой частью Соглашения от 20 ноября 2009 г., что способствовало развитию права Содружества³.

Примечательно, что даже на начальном этапе становления зоны свободной торговли в Содружестве Независимых Государств Экономический Суд СНГ при толковании Соглашения от 15 апреля 1994 г. учитывал положения права ВТО.

В качестве примера можно привести консультативное заключение Экономического Суда СНГ от 2 ноября 1998 г. № 01-1/4-98⁴ о толковании п. 1 ст. 3 Соглашения от 15 апреля

1994 г., в котором Суд по запросу Совета Министров Республики Беларусь разъяснил значение понятия «таможенные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие». Экономический Суд исходил из того, что в основу Соглашения от 15 апреля 1994 г. положены принципы и цели, соответствующие принципам и целям, закрепленным в международных договорах о свободной торговле, в частности в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ) от 30 октября 1947 г.

В целях единообразного применения Соглашения от 15 апреля 1994 г. Экономический Суд СНГ рекомендовал государствам-участникам уточнить формулировку п. 1 ст. 3 указанного Соглашения в соответствии с аналогичными положениями договоров, апробированных мировой практикой, в частности Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) от 30 октября 1947 г., а также дополнить Соглашение от 15 апреля 1994 г. нормами, устанавливающими механизм косвенного налогообложения и процедуру его унификации, либо заключить отдельное соглашение по указанному вопросу.

Дальнейшая история развития правовой базы зоны свободной торговли в рамках Содружества свидетельствует о своевременности, актуальности и практической значимости разъяснений, содержащихся в консультативном заключении Экономического Суда СНГ от 2 ноября 1998 г.

Полагаем, что опыт Экономического Суда СНГ будет востребован и в дальнейшем – при возникновении спорных вопросов, связанных с применением и Договора от 18 октября 2011 г.

Первое рассмотренное Экономическим Судом СНГ дело, связанное с применением положений Договора от 18 октября 2011 г., подтверждает вывод о том, что интерпретация положений данного Договора невозможна без учета иных договоренностей, имеющихся между отдельными Сторонами.

Экономический Суд СНГ 24 декабря 2013 г. вынес консультативное заключение № 01-1/2-13⁵ по запросу Исполнительного комитета СНГ о толковании п. 1 ст. 2 Договора от 18 октября 2011 г., регулирующего основополагающее условие функционирования зоны свободной торговли – неприменение тарифных ограничений в торговых отношениях между Сторонами.

Основанием для запроса послужило обращение Бизнес союза предпринимателей и нанимателей имени профессора М.С. Куныявского, который заинтересован в уснении условий свободного (без тарифных и нетарифных ограничений) перемещения товаров в соответствии с положениями Договора.

Наряду с общим запретом на применение таможенных пошлин и платежей, эквивалентных таможенным пошлинам, в торговле товарами между Сторонами п. 1 ст. 2 Договора от 18 октября 2011 г. предусматривает исключения из этого правила – в отдельных, указанных в приложении 1 к настоящему Договору, случаях применяются таможенные пошлины в отношении импорта и экспорта определенных товаров в государствах – участниках СНГ.

В запросе о толковании заявитель обратил внимание, что в разделе II приложения 1 к Договору от 18 октября 2011 г. определены таможенные пошлины при вывозе товаров с территории Республики Казахстан и Российской Федерации за пределы таможенной территории Таможенного союза и просил разъяснить, что считать таможенной территорией Стороны Договора, являющейся членом Таможенного союза, для целей неприменения таможенных пошлин и иных платежей,

5 Консультативное заключение Экономического Суда СНГ по запросу Исполнительного комитета СНГ о толковании пункта 1 статьи 2 Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года, 24 дек. 2013 г., № 01-1/2-13 // [Электронный ресурс] / Сайт Экономического Суда Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: http://sudsng.org/download_files/rh/2013/zk_01-1_2-13_24122013.pdf. – Дата доступа: 27.01.2014.

тября 2011 года в соответствии со статьей 32 Устава Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года и пунктом 5 Положения об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств.

1 Обзор судебной практики по делам о толковании международно-правовых актов, обеспечивающих создание и функционирование в Содружестве Независимых Государств зоны свободной торговли // [Электронный ресурс] / Сайт Экономического Суда Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <http://sudsng.org/analytics/sudobzor/review-2012-3/>.

2 Соглашение о создании зоны свободной торговли, 15 апр. 1994 г. // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=321>.

3 Подробнее об этом см. Малашко, А.П. Роль Экономического Суда СНГ в обеспечении единообразного применения и совершенствовании актов Содружества, касающихся создания и функционирования зоны свободной торговли // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Экономического Суда Содружества Независимых Государств (6 июля 2012 г.) / Экономический Суд СНГ. – Минск: Арго-графикс, 2012. – С. 153–166.

4 Консультативное заключение Экономического Суда СНГ по запросу Совета Министров Республики Беларусь о применении положений пункта 1 статьи 3 Соглашения о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994 года, 2 ноября 1998 г., № 01-1/4-98 // Экономический Суд Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://sudsng.org/download_files/rh/1998/zk_01-1_4_98_021198.pdf. – Дата доступа: 27.01.2014.

эквивалентных таможенным пошлинам, в отношении экспорта товара, предназначенного для таможенной территории другой Стороны, и/или импорта товара, происходящего с таможенной территории другой Стороны.

В консультативном заключении Экономического Суда СНГ от 24 декабря 2013 г. отмечается: «Из контекста положений пункта 1 статьи 2 Договора от 18 октября 2011 года усматривается, что при экспорте товара речь идет о его предназначении для таможенной территории другой Стороны, а при импорте товара – о происхождении этого товара с таможенной территории другой Стороны».

Экономический Суд СНГ исходил из того, что на момент подписания Договора Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация являлись членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества и создали Единую таможенную территорию Таможенного союза.

В разделе II «Таможенные пошлины, применяемые в отношении экспорта товаров в государствах – участниках СНГ в соответствии со статьей 2 Договора о зоне свободной торговли» приложения 1 к Договору определены таможенные пошлины при вывозе товаров с территорий Республики Беларусь (только для нефти сырой и нефтепродуктов), Республики Казахстан и Российской Федерации за пределы таможенной территории Таможенного союза, при этом для каждой из названных Сторон установлены индивидуальные перечни товарных позиций и соответствующие им ставки вывозных таможенных пошлин.

В упомянутом разделе II приложения 1 в отношении экспорта товара из Украины – Стороны Договора, не участвующей в Таможенном союзе, страной назначения товара является другая Сторона Договора. При этом в отношении каждого из государств, в том числе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, установлены конкретные перечни товарных позиций и ставки вывозных таможенных пошлин.

Проанализировав все положения приложения 1 к Договору, Экономический Суд также обратил внимание, что при установлении таможенных пошлин, применяемых в отношении импорта товаров, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация в отношениях с Украиной рассматриваются в отдельности как государства ввоза товара и как государства, из которых товар вывозится (раздел I приложения 1).

Использование в приложении 1 специальной терминологии «таможенная территория Таможенного союза» дало основание Экономическому Суду в соответствии с пп. с) п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. наряду с контекстом Договора при толковании учитывать «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками».

В данном случае Судом учитывались положения п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса таможенного союза, являющегося приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 г.¹ (вступил в силу для Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации). Согласно данному пункту «единую таможенную территорию таможенного союза (далее – таможенная территория таможенного союза) составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств – членов таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией».

С созданием Единой таможенной территории таможенного союза понятия «таможенная территория Республики Казахстан» и «таможенная территория Российской Федерации»

в национальных законодательствах не используются. В международных договорах Российской Федерации, заключенных после вступления в силу Договора о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года, используется понятие «территория Российской Федерации».

Вышеизложенное в совокупности с информацией таможенных служб государств – участников Договора от 18 октября 2011 г. позволило Экономическому Суду СНГ прийти к выводу о том, что понятие «таможенная территория» в контексте п. 1 ст. 2 Договора имеет особенности применения в зависимости от участия Стороны Договора в Таможенном союзе.

При экспорте товара с таможенной территории Стороны, не участвующей в Таможенном союзе, этот товар предназначается для территории Стороны, участвующей в Таможенном союзе, а при импорте товар происходит с территории Стороны, участвующей в Таможенном союзе, и ввозится на таможенную территорию Стороны, не участвующей в Таможенном союзе.

В случае экспорта товара с территории Стороны Договора, участвующей в Таможенном союзе, товар вывозится за пределы таможенной территории Таможенного союза, как указано в разделе II приложения 1 к настоящему Договору. При импорте товар, происходящий с таможенной территории Стороны, не участвующей в Таможенном союзе, предназначается для территории Стороны Договора, участвующей в Таможенном союзе.

Данный подход является общим как для целей неприменения таможенных пошлин и иных платежей, эквивалентных таможенным пошлинам, так и для исключений, предусмотренных в приложении 1 к указанному выше Договору, являющемся его неотъемлемой частью.

Подводя итог проведенного исследования, необходимо отметить, что положения Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. сформулированы Сторонами с учетом участия отдельных государств Содружества в иных интеграционных объединениях (Таможенный союз и Единое экономическое пространство) и международных организациях (ВТО, Международный валютный фонд); в Договоре имеются отсылки к праву иных международных организаций, используется специальная терминология, содержащаяся в международных договорах, составляющих правовую базу Таможенного союза. Все эти нормы в совокупности образуют единый механизм правового регулирования зоны свободной торговли в Содружестве Независимых Государств по Договору от 18 октября 2011 г.

По этой причине точный смысл правовых предписаний, закрепленных в данном Договоре, может быть уяснен посредством анализа иных норм, связанных функционально с положениями Договора от 18 октября 2011 г.

С вступлением в силу Договора от 18 октября 2011 г. компетенция Экономического Суда СНГ не изменилась. Вместе с тем при разрешении спорных вопросов, связанных с применением этого международного договора, заключенного в рамках Содружества Независимых Государств, Экономический Суд СНГ вправе и обязан использовать соответствующие нормы права ВТО, Соглашения о международном валютном фонде, международные договоренности в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитический материал о Договоре о зоне свободной торговли // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18968>.
2. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. // [Электронный ресурс] / Сайт Спс КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.
3. Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества: Утв. Решением Совета глав государств СНГ, 5 дек. 2012 г. // Исполнительный комитет СНГ: официальный сайт // [Электронный ресурс] / Сайт Исполнительного комитета СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=1094>.

1 Договор о Таможенном кодексе таможенного союза, 27 ноября 2009 г. // [Электронный ресурс] / Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/default.aspx>.

Малько А.В., Елистратова В.В.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВОВОГО ОПЫТА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена проблеме формирования основ эффективного правового обеспечения деятельности новой наднациональной структуры на основе положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и организаций, а также Европейского Союза. Подчеркивается необходимость четкого определения правовой природы новой межгосударственной модели.

Ключевые слова: интеграция, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, форма межгосударственного объединения, правовая политика в сфере объединения государств, Европейский Союз.

Malko A.V., Elistratova V.V.

TOWARDS THE USE OF LEGAL EXPERIENCE OF INTERSTATE INTEGRATION FOR CREATION OF EURASIAN ECONOMIC UNION

The article is devoted to the formation problem of efficient legal framework for activity of a new supranational structure based on existing good practice of the post-Soviet interstate associations and organizations, as well as the European Union. Requirement for clear definition of the legal nature of a new interstate model is stressed.

Key words: integration, post-Soviet space, the Eurasian Economic Union, a form of interstate association, legal policy in the sphere of state association, the European Union.

В условиях глобализации наблюдается неразрывная связь национальных и интернациональных интересов. Коренные национальные интересы могут быть обеспечены лишь в контексте общих интересов государств, значение которых становится все более определяющим. Неслучайно межгосударственные интеграционные процессы приобретают сегодня особую значимость. Эффективное государственное строительство невозможно без адекватной, равноуровневой правовой политики в сфере равноправного сотрудничества стран мирового сообщества. Достижения в рамках внутрисоюзного реформирования теснейшим образом связаны с межгосударственной интеграцией. При решении задач планетарного масштаба глобализационные процессы должны иметь управляемый характер, чему призвана способствовать правовая политика в сфере объединения государств¹.

Главная проблема современной российской государственности – проблема суверенитета. Сущность суверенитета сегодня не сводится лишь к свободе государства независимо осуществлять свою власть, но дополняется стремлением к полноценному сотрудничеству в рамках межгосударственных объединений на благо человека и всего общества. Оптимальным является сочетание суверенитета государств и новых форм межгосударственного общения с созданием наднациональных структур.

Вопрос о суверенитете государств-членов неслучайно вызывает серьезные разногласия и усиливает центробежные тенденции в межгосударственных интеграционных процессах. Наглядным примером является опыт европейской интеграции в связи с проектом Конституции Европейского Союза. Государства-члены усмотрели угрозу размывания государственного суверенитета и национальной самобытности в процессе интеграции, что и привело к провалу Конституции. Основная причина этого состоит в отсутствии компромиссного решения по вопросам суверенитета.

В межгосударственном объединении с наднациональными органами принцип субсидиарности призван охранять суверенные интересы наций и их идентичность. Этот принцип является гарантией защиты национального суверенитета государств-членов от посягательств наднациональных органов. С другой стороны, он придает позитивную динамику интеграционному процессу, так как на определенных этапах интеграции служит укреплению наднациональных структур.

В интеграции стран на постсоветском пространстве ведущая роль отводится именно России как естественному ядру объединительных процессов. Идеи о возможной интеграции бывших советских республик стали возникать практически сразу после развала СССР. Содружество Независимых Государств, выполнив достаточно важную историческую миссию, не создало условий для эффективного механизма правового регулирования отношений между странами постсоветского пространства. Союзное государство России и Белоруссии, продемонстрировав достаточно высокий уровень сближения стран, касается лишь двусторонних связей.

Формирование и функционирование межгосударственных структур на постсоветском пространстве – процессы, имеющие свои уникальные особенности и специфические черты. СНГ, Союзное государство России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и другие объединения представляют собой различные формы межгосударственного общения. Однако сегодня еще не найдена действенная модель взаимоотношений государств на постсоветском пространстве.

Будущее государств постсоветского пространства связано с процессом их дальнейшего единения, установлением прочных, взаимовыгодных многосторонних отношений. Важно определить приемлемую форму межгосударственного объединения с передачей ему определенных надгосударственных полномочий. Идея Евразийского союза представляется достаточно оптимистичной и реализуемой, поскольку сегодня имеют место как желание государств развиваться в рамках новой интеграционной структуры, так и воля их политических лидеров².

Владимир Путин предлагает «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»³. Предполагается, что Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов.

1 Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Астрахань, 2006. – С. 464–465.

2 Малько А.В., Елистратова В.В. К проблеме формирования Евразийского экономического союза как новой модели межгосударственного объединения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1. – С. 8–10.

3 Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 октября.

«Тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе – это веление времени»¹.

Российская Федерация будет способствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников СНГ. Наша страна готова содействовать международному позиционированию новых интеграционных структур.

Введение принципа поэтапной, разноуровневой и разнотемпной интеграции на постсоветском пространстве обусловлено специфическими особенностями протекающих здесь процессов. Следует согласиться с мнением В.Ю. Лукьяновой, что региональная экономическая интеграция наиболее успешно развивается между государствами относительно сопоставимого уровня развития, тогда как объединение стран с различным уровнем экономического развития в рамках одного интеграционного образования делает межгосударственное объединение уязвимым для мировых экономических кризисов². «Наша задача – сделать Евразийский союз более устойчивым, не подвергать его рискам»³.

Евразийский экономический союз представляет уникальный проект, который призван реализовать новые возможности в интеграции на постсоветском пространстве. Он впитает многое от Европейского Союза, но не станет его аналогом. Это не есть попытка воссоздания СССР. В связи с интенсивным развитием интеграционных процессов ситуация в мире изменилась, поэтому возврат к прошлому невозможен. Сложилось новое мировоззрение, отсюда нет и желания возрождать бывший Советский Союз. Это будет новая форма межгосударственного объединения со свойственными ей специфическими чертами и особенностями.

Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 6 октября 2007 г.⁴, Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., создание Единого экономического пространства с 1 января 2012 г., а также подписание Договора о зоне свободной торговли в рамках СНГ⁵ способствовали становлению реальной правовой основы для функционирования будущего Евразийского экономического союза.

Таможенный союз заложил правовой фундамент для создания условий в целях формирования общего экономического пространства и выхода государств-членов на мировой рынок. Эта задача в основном успешно решена. Можно с уверенностью констатировать, что Таможенный союз является достаточно действенным интеграционным образованием.

Особо следует подчеркнуть значение Единого экономического пространства. О.Ю. Бакаева отмечает, что цель создания ЕЭП превосходит приоритеты предыдущего этапа альянса,

расширяет границы правовой политики, не ограничиваясь только таможенными вопросами. Это: формирование эффективной транспортной инфраструктуры, благоприятного инвестиционного климата; свободное движение товаров, капитала, рабочей силы и услуг на основе унифицированного законодательства; расширение рынков сбыта, обеспечение устойчивого и сбалансированного развития трех стран⁶.

Вступление России в ВТО позволит стабилизировать российское законодательство, которое должно соответствовать международным нормам. Основопологающей характеристикой обновленного российского законодательства должно стать оптимальное соотношение частных и публичных интересов⁷.

Сознательное и целенаправленное правовое регулирование государственного развития посредством творческого использования инструментария интеграционного права и передового правового опыта межгосударственных структур становится одним из важнейших способов обеспечения стабильности государств, адаптации их к изменяющимся условиям и обеспечения жизнеспособности человечества⁸.

Формирование основ эффективного правового обеспечения деятельности Евразийского экономического союза с применением положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и Европейского Союза связано, прежде всего, с четким определением правового статуса и юридической природы новой межгосударственной модели. От этого зависит успех дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве.

В процессе развития межгосударственных структур на постсоветском пространстве проявляются и некоторые особенности модели Европейского Союза. При формировании Евразийского экономического союза следует учитывать опыт как межгосударственных объединений с участием Российской Федерации, так и опыт Европейского Союза, который представляет большую практическую ценность. Европейский Союз – крупнейшее современное интеграционное объединение, не имеющее аналогов в мире. Это новое и уникальное явление в современном мире, которое находится в процессе постоянных изменений⁹.

Значимость опыта Европейского Союза и его активное использование в интеграционных процессах объясняется его влиянием как на международное, так и на конституционное право. В его рамках уже заложены общие тенденции развития современного права, позволяющие делать прогнозы в сфере объединения государств. Именно в ЕС более масштабно происходит процесс наднациональной конституционализации права. С одной стороны, имеет место усиление эффективности права за счет его универсализации и гармонизации на большем пространстве, с другой – осуществляется разработка механизмов обеспечения единства и консенсуса посредством максимального учета разнообразия участников и использования новых источников права или приспособления к новым условиям старых¹⁰. Следует согласиться с мнением С.Ю. Кашкина, что с появлением наднациональной правовой системы

1 Там же.

2 Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. – 2012. – № 9. – С. 109.

3 Глава Нацбанка Казахстана Григорий Марченко рассказал «РГ», как должна называться единая валюта Таможенного союза // Российская газета. – 2012. – 4 мая.

4 Федеральный закон от 27 октября 2008 г. № 187-ФЗ «О ратификации Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза» // Российская газета. – 2008. – 29 октября.

5 Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. Ратифицирован Федеральным законом от 1 апреля 2012 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 14. – Ст. 1547.

6 Бакаева О.Ю. Правовая политика Российской Федерации в преддверии формирования Евразийского экономического союза // Правовая политика и модернизация государственности / Материалы международной научно-практической конференции 13–14 декабря 2012 года. – Пятигорск, 2012. – С. 211.

7 Там же. – С. 212–213.

8 Кашкин С.Ю. Тенденции развития интеграционного права в контексте глобализации // Законы России. – 2013. – № 1. – С. 5.

9 Костенко М.Л., Лавренова Н.В. ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация? // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 105.

10 Кашкин С.Ю. Тенденции развития интеграционного права в контексте глобализации // Законы России. – 2013. – № 1. – С. 7.

Европейского Союза прежнюю двухуровневую структуру сменила новая современная структура, включающая три уровня взаимоотношений: национального права государств, наднационального интеграционного права и международного права.

Европейский Союз не только творчески переработал многие достижения права, но и использовал организационное и идейное наследие СССР. Это отражено в новом для европейского права понятии «ценности ЕС». Виды нормативно-правовых актов ЕС также представляют интерес. Например, директива превратилась в универсальный инструмент европейской политико-правовой интеграции. Изучение права Европейского Союза дает возможность познакомиться с новейшими тенденциями, идеями и методами, представляющими собой последние достижения мировой правовой мысли¹. Таким образом, есть основания говорить о достаточной гибкости европейского права, что и делает его достойным для подражания, в том числе и в процессах евразийской интеграции.

Осуществление эффективной межгосударственной интеграции в рамках будущего Евразийского союза обязательно предполагает создание организационно-правового механизма гармонизации законодательства государств-членов. Опыт европейского межгосударственного объединения показывает, что именно законодательная деятельность органов ЕС на основе гармонизации права привела к наиболее высокой степени интеграции². Благодаря процессам гармонизации в рамках ЕС удалось создать общий, а затем единый рынок.

Характерной чертой современного уровня межгосударственной интеграции является использование и повышение роли такого средства согласования международного и национального права, как унификация³. Если унификация права предполагает создание единых правовых норм, одинаковых моделей поведения государств – членов межгосударственной структуры, то гармонизация, являясь одним из средств унификации, способствует выработке схожих норм национального права, обеспечению тем самым согласованности частей в системе, системы в целом и устранению существенных противоречий. Ю.А. Волошин отмечает, что универсальная схема гармонизации национального права государств Европы не сложилась. Механизмы варьируются в разных государствах, функционируют с учетом особенностей политической и правовой систем, специфики исторического развития каждого народа и статуса государства⁴. Следовательно, и законодательная деятельность органов Евразийского экономического союза потребует поиска соответствующих форм и методов гармонизации права.

Важнейшей проблемой правового обеспечения деятельности и функционирования Евразийского союза должно стать создание в его структуре наднационального парламента. Здесь важно учесть явно недостаточную эффективность простой формы парламентского органа в практике СНГ и других региональных организаций на постсоветском пространстве, а именно ор-

гана межпарламентского сотрудничества. Его недостаток связан с рекомендательным характером принимаемых решений.

Евразийскому союзу требуется более «авторитетный» парламентский орган. Следует согласиться с мнением С.Е. Нарышкина и Т.Я. Хабриевой, что создание органа нового типа позволит придать необходимый импульс интеграционному процессу, особенно в части укрепления его правовой основы и повышения его легитимности, а также будет способствовать усилению демократических начал концепции организационно-правового механизма евразийской интеграции⁵. Опыт ЕС показывает, что формирование наднационального парламентского органа не должно приводить к полному исключению национальных парламента из процесса подготовки и принятия решений в интеграционной организации, поскольку государства-члены не утрачивают своего суверенитета, а национальные парламента сохраняют право контроля внешней политики своих государств. В будущих учредительных актах Евразийского союза необходимо четко закрепить положение об отнесении парламента к числу основных органов Союза. Наряду с основной функцией – правотворчеством, необходимо выделить и его задачу выступать представительным органом, выражающим интересы народов государств – членов Евразийского союза⁶.

На современном этапе следует разработать основы эффективного правового обеспечения деятельности новой наднациональной структуры именно с применением положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и организаций, а также Европейского Союза. Необходимо выявить эффективные средства правового обеспечения деятельности Евразийского Союза на основе продуманной правовой политики. Требуется научное осмысление правовой основы и четкое определение правовой природы новой межгосударственной модели, правовое прогнозирование развития интеграционных процессов. Большое значение будут иметь рекомендации и предложения ученых, направленные на совершенствование организационно-правового механизма Евразийского союза. Важно также определение основных тенденций в сфере межгосударственного объединения⁷.

Вопрос об организационно-правовой форме новой модели объединения на постсоветском пространстве, особенно с учетом трансформации форм его существования на различных этапах интеграции, требует детального научного анализа, в том числе с позиций государственно-правового подхода.

Научное теоретическое изучение новой формы межгосударственного объединения представляет особую важность, поскольку именно от формы межгосударственного объединения зависит реализация его целей и задач. При этом необходимо учитывать, что форма межгосударственного объединения теснейшим образом связана с элементами формы государства.

Совершенно естественно, что процесс формирования Евразийского союза не будет и не может быть простым и беспроблемным. Это будет путь с множеством препятствий, путь «интеграции интеграций» с широким использованием проверенных правовых моделей и методов интеграционного регулирования, а также внедрением нового опыта на основе лучших достижений юридической науки. Только при таком подходе

1 Кутафин О.Е. К читателю // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М., 2008. – С. 6.

2 Дороница Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 58.

3 Волошин Ю.А. Средства взаимодействия правопорядков межгосударственных объединений и государств-членов: проблемы теории и практики // Новая правовая мысль. – 2011. – № 6. – С. 47.

4 Волошин Ю.А. Проблемы теории и практики правоприменения модельных норм в условиях межгосударственной интеграции // Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления: материалы Международного круглого стола, г. Волгоград, 16 мая 2013 г. – Волгоград, 2013. – С. 65.

5 Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 13.

6 Там же. – С. 11, 13.

7 Малько А.В., Елистратова В.В. К проблеме формирования Евразийского экономического союза как новой модели межгосударственного объединения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1. – С. 8–10.

имеют место большие перспективы дальнейшего интеграционного развития в рамках этого нового межгосударственного объединения.

Пристатейный библиографический список

1. Бакаева О.Ю. Правовая политика Российской Федерации в преддверии формирования Евразийского экономического союза // Правовая политика и модернизация государственности / Материалы международной научно-практической конференции 13–14 декабря 2012 года. – Пятигорск, 2012.
2. Волошин Ю.А. Проблемы теории и практики правоприменения модельных норм в условиях межгосударственной интеграции // Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления: материалы Международного круглого стола, г. Волгоград, 16 мая 2013 г. – Волгоград, 2013.
3. Волошин Ю.А. Средства взаимодействия правопорядков межгосударственных объединений и государств-членов: проблемы теории и практики // Новая правовая мысль. – 2011. – № 6.
4. Глава Нацбанка Казахстана Григорий Марченко рассказал «РТ», как должна называться единая валюта Таможенного союза // Российская газета. – 2012. – 4 мая.
5. Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. Ратифицирован Федеральным законом от 1 апреля 2012 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 14. – Ст. 1547.
6. Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – 1998. – № 6.
7. Кашкин С.Ю. Тенденции развития интеграционного права в контексте глобализации // Законы России. – 2013. – № 1.

8. Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Астрахань, 2006..
9. Костенко М.Л., Лавренова Н.В. ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация? // Государство и право. – 1994. – № 4.
10. Кутафин О.Е. К читателю // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. – М., 2008.
11. Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. – 2012. – № 9.
12. Малько А.В., Елистратова В.В. К проблеме формирования Евразийского экономического союза как новой модели межгосударственного объединения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1.
13. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2012. – № 8.
14. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 октября.
15. Федеральный закон от 27 октября 2008 г. № 187-ФЗ «О ратификации Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза» // Российская газета. – 2008. – 29 октября.

Бондаренко Виктор Николаевич

родился в 1953 году в гор. Петухово Курганской области, доктор философских наук, профессор. Опубликовал более семидесяти научных произведений, а также шестнадцать поэтических сборников: «Времена жизни» (Уфа, 2000); «Мгновения жизни» (Уфа, 2001); «Перед лицом вечности» (Уфа, 2001); «Ритмы одиночества и любви» (Уфа, 2001); «Ритмы отчуждения и гармонии» (Уфа, 2001); «Ритмы рабства и свободы» (Уфа, 2002); «Золотые купола» (Уфа, 2002); «Малиновый звон» (Уфа, 2002); «Обращение к королеве» (Уфа, 2002); «Признание королевы» (Уфа, 2003); «Сердце на кресте» (Уфа, 2003); «Песня неповторимой казачки» (Уфа, 2004); «Вечерние беседы со Святой» (Уфа, 2004); «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Гегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перемен» (Уфа, 2008). Публиковался в республиканской прессе, литературно-художественных альманахах: «От Невы до Ангары» (Санкт-Петербург, 2003); «От Невы до Камчатки» (Санкт-Петербург, 2004); «Русское слово» (Санкт-Петербург, 2003-2010); «Невский альманах. КП» (Санкт-Петербург, 2010); в журнале «Сфинкс. Выпуск XX» (Санкт-Петербург, 2010). В стихах и поэмах В.Н. Бондаренко особое внимание уделяется переживанию и осмыслению красоты природной, социальной и космической, положению человека в современном мире, соотносению рационализма и иррационализма в поэтической и философской мысли.

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

**НЕБЕСНЫЕ БЕСЕДЫ
С ЛАО-ЦЗЫ**

УФА – 2010

Гета М.Р., Рахимбердин К.Х.

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАСИЛИЯ ПРОТИВ ДЕТЕЙ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье проведен анализ национального законодательства государств Центральной Азии в области профилактики насилия в отношении детей, даны конкретные предложения по дальнейшей организации профилактической работы в сфере борьбы с преступностью в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние, закон, Казахстан, Центральная Азия, осужденный, реформа, наказание, права человека, гуманизация, ювенальная юстиция, профилактика.

Geta M.R., Rakhimberdin K.Kh.

ANALYSIS OF THE LEGISLATION ON THE PREVENTION OF VIOLENCE AGAINST CHILDREN IN THE CENTRAL ASIAN STATES

The article analyzes the national legislation of Central Asia in the field of prevention of violence against children, specific suggestions are given for further preventive work organization in the fight against juvenile crime.

Key words: violence, juvenile law, Kazakhstan, Central Asia, the convict, reform, punishment, human rights, humanization, juvenile justice, prevention.

Республика Казахстан

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) уделяет несовершеннолетним достаточно большое внимание, регламентируя их статус как подозреваемых (обвиняемых) в преступлении. Кроме того, несовершеннолетние могут выступать в качестве потерпевших и свидетелей в уголовном деле. Важной гарантией защиты прав несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) является обязательное участие защитника в уголовном деле (п. 2 ч. 1 ст. 71 УПК РК). Последствием нарушения данного требования закона будет признание недопустимыми доказательств, полученных и рассмотренных без участия защитника, а действий органов предварительного расследования – незаконными. К сожалению, уголовно-процессуальный закон не предусматривает обязательного участия адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего. Полагаем, что в целях защиты прав несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве следовало бы предусмотреть в УПК самостоятельную норму – «Обязательное участие представителя несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве». В настоящее время фактически несовершеннолетним, признанным потерпевшими в уголовном процессе, адвокатская помощь не гарантирована, а в силу трудного имущественного положения их родителей, не способных оплатить услуги адвоката, – и вовсе недоступна. В отношении несовершеннолетних могут применяться меры процессуального принуждения, в том числе задержание по подозрению в совершении преступления. Согласно ч. 1 ст. 132 УПК РК, «задержание подозреваемого в совершении преступления – мера процессуального принуждения, применяемая с целью выяснения его причастности к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде ареста». Срок задержания по подозрению в совершении преступления (в том числе в отношении несовершеннолетних) не превышает 72 часов. В соответствии с ч. 1 ст. 138 УПК РК, «...о задержании подозреваемого и месте его нахождения дознаватель, следователь обязаны в течение 12 часов уведомить кого-либо из совершеннолетних членов его семьи, а при отсутствии их – других родственников или близких лиц, или предоставить возможность такого уведомления самому подозреваемому или обвиняемому». Иными словами, должностное лицо органов уголовного преследования обязано уведомить о факте задержания родственников несовершеннолетнего в течение 12 часов. Это значит, что уведомление может состояться и через час и через одиннадцать часов после задержания. И в том, и в другом случае нарушения закона не будет. Однако очевидно, что чем более продолжителен срок уведомления, тем больше возрастает вероятность нарушения прав задер-

жанного, оказания на него психологического давления и даже применения пыток. Статья 491 УПК РК, «смешивая» институт мер пресечения и иных видов процессуального принуждения, устанавливает что «...о задержании, аресте или продлении срока содержания под стражей немедленно ставятся в известность родители несовершеннолетнего или другие его законные представители, а при их отсутствии – близкие родственники» (ч. 5 ст. 491 УПК РК). Имеет место явная правовая коллизия: обязаны сообщить в течение 12 часов или немедленно? Полагаем, что она преодолевается в пользу последнего, хотя не вполне ясно, что означает «немедленно». Полагаем, что сразу же, вслед за оформлением протокола задержания, но представляется, что было бы лучше указать на это в самой ст. 491 УПК РК или снабдить ее примечанием, в котором бы четко разъяснялся срок, в течение которого родителям или законным представителям несовершеннолетнего должно быть сообщено о его задержании органами уголовного преследования.

Учитывая возрастные, индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних, ст. 215 УПК РК закрепляет процессуальные правила допроса свидетеля и потерпевшего, относящегося к данной возрастной группе. Согласно ч. 1 ст. 215 УПК, следователь обязан при допросе малолетнего свидетеля или потерпевшего, вызвать педагога. Не совсем понятно, почему применительно к подросткам в возрасте от 14-18 лет педагог приглашается по усмотрению следователя. По-видимому, было бы целесообразно, чтобы педагог присутствовал при проведении допроса несовершеннолетнего в обязательном порядке, поскольку ребенку, оказавшемуся участником уголовного процесса, особенно перенесшему перед этим витимную ситуацию, помощь педагога-психолога была бы как нельзя кстати. Полагаем оправданным предложить дополнить следующим положением ст. 215 УПК РК: «В процессе допроса малолетнего и несовершеннолетнего свидетеля учитываются возрастные, индивидуально-психологические особенности его личности. Продолжительность допроса свидетеля и потерпевшего, не достигшего 14 лет, устанавливается не более одного часа с предоставлением допрашиваемому лицу необходимой психолого-педагогической помощи».

Важнейшим юридическим источником, тесно связанным со сферой ювенальной юстиции, является Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК).

В качестве наказания несовершеннолетних правонарушителей УК РК предусматривает лишение свободы. Оно отбывается в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Представляется, что целесообразно в перспективе закрепить в уголовном законе допустимость применения к несовершеннолетним лишения свободы лишь за особо тяжкое престу-

пление, а в случаях высокой криминогенной пораженности личности, установленной по результатам социально-правового исследования – за тяжкое преступление. За другие преступные деяния подростков лучше всего свободы не лишать, применяя к ним меры социальной помощи и психолого-педагогической коррекции.

Помимо форм реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, уголовный закон содержит также конструкции составов преступлений, совершаемых против несовершеннолетних, и средства, направленные на предупреждение посягательства против детей. В Особой части УК РК предусмотрена самостоятельная глава 2 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», в которой находится 8 составов уголовно-наказуемых деяний, причиняющих вред ребенку: вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст. 131 УК РК), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 132 УК РК), вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (ст. 132-1 УК РК), торговля несовершеннолетними (ст. 133 УК РК), подмена ребенка (ст. 134 УК РК), разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 135 УК РК), злостное уклонение от уплаты средств содержания детей или нетрудоспособных родителей (ст. 136 УК РК), ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 138 УК РК), злоупотребление правами опекуна или попечителя (ст. 139 УК РК). В принципе, эти составы отражают современные криминологические реалии в сфере преступности против детей. Однако в отдельных аспектах действующие уголовно-правовые нормы целесообразно улучшить. Так, например, ст. 133 УК РК «Торговля несовершеннолетними», исходя из ее предупредительного смысла, более корректно назвать «Торговля и иные сделки в отношении ребенка». Кроме того, в статьи 131–133 УК РК необходимо включить дополнительный квалифицирующий признак – «совершение данных действий в отношении лица, не достигнувшего четырнадцатилетнего возраста». Это обуславливается тем обстоятельством, что буквальное толкование названия главы УК РК – «Преступление против семьи и несовершеннолетних» не включает в состав потерпевших при данных преступлениях детей малолетнего возраста. Вполне очевидно, что вред, причиненный такому ребенку, исключительно опасен и разрушителен, поэтому важно установить режим повышенной, более строгой уголовной ответственности за его причинение малолетнему ребенку и его благополучию.

Нельзя не упомянуть и такие опасные преступления, жертвами которых нередко оказываются дети, как изнасилование (ст. 120 УК РК), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 122 УК РК), понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст. 123 УК РК), развращение малолетних (ст. 124 УК РК). В действующем УК РК имеет место явная несбалансированность уголовно-правовых санкций. Трудно, например, понять, почему мошенничество, совершенное в крупном размере (ч. 3 ст. 177 УК РК), наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет, а развращение малолетних (ч. 1 ст. 124 УК РК) – лишением свободы на срок от трех до пяти лет. Представляется, что ссылка на то, что сравнивается основной и особо квалифицированный состав, в данном случае оправданной не будет. Преступления против половой неприкосновенности детей относятся к той криминальной ситуации, когда уместны строгие меры уголовно-правового воздействия. Наряду с этим представляется оправданным создание института полицейского надзора для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, который может осуществляться по месту их жительства, как меры безопасности.

Исследуя ювенальную составляющую национального законодательства Республики Казахстан, необходимо обратиться к положениям уголовно-исполнительного законодатель-

ства, затрагивающим правовой статус несовершеннолетних. Важнейшим источником рассматриваемой отрасли права и законодательства является Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан (далее – УИК РК). В нём предусмотрена отдельная глава 17, посвященная особенностям отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными несовершеннолетними. Основным пенитенциарным учреждением, в котором содержатся названные осужденные к наказанию в виде лишения свободы, являются воспитательные колонии для несовершеннолетних. В соответствии с ч. 1 ст. 128 УИК РК «в воспитательных колониях устанавливаются обычные, облегченные, льготные и строгие условия наказания». Таким образом, в УИК РК предусмотрена прогрессивная система исполнения наказания в виде лишения свободы, основывающаяся на последовательной смене условий отбывания наказания, которая, по расчетам ее разработчиков, должна стимулировать осужденных к социально-правомерному поведению. При этом «перевод осужденных с одних условий отбывания наказания в другие производится начальником колонии по предоставлению учебно-воспитательного совета колонии, кроме перевода с обычных на облегченные условия, который проводится по представлению совета воспитателей отряда» (ч. 1 ст. 126 УК РК). Рассматриваемая норма не предполагает какого-либо общественного, «надсистемного» контроля за справедливостью и законностью подобного перевода, изменяющего условия, в которых несовершеннолетний находится в пенитенциарном учреждении. Отсутствует и четкий, транспарентный механизм изменения условий отбывания наказания, не упоминается о социальном исследовании личности несовершеннолетнего осужденного, что не способствует эффективной реализации идеи «прогрессивной системы» и, более того, создает риск манипулирования несовершеннолетними администрацией воспитательной колонии.

Обращение к нормам уголовно-исполнительного законодательства позволяет отметить, что в Казахстане сохраняется «колонийская» модель исполнения наказания в виде лишения свободы, исторически закрепившаяся в ряде государств современного постсоветского пространства. В рамках «колонийской» модели весьма проблематично обеспечить безопасность осужденного, его защищенность от окружающей криминальной микросреды, поскольку осужденный (воспитанник колонии) постоянно находится среди других осужденных, отнюдь не влияющих на него в положительном смысле. Несомненно, воспитательная колония должна быть исключительным местом пребывания подростка-правонарушителя, ибо изоляция для психики и нравственного развития ребенка еще более негативна и разрушительна, чем для психики взрослого человека. Поэтому наилучшим вариантом было бы именно исключительное применение наказания в виде лишения свободы к несовершеннолетним правонарушителям.

Кыргызская Республика

В Кыргызстане несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые, вопреки п. 134 Минимальных стандартных правил ООН по отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних, могут «...в исключительных случаях с письменного согласия прокурора содержаться в одних камерах со взрослыми лицами». При этом ст. 29 Закона Кыргызской Республики «О порядке и условиях содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению и обвинению в совершении преступлений» не разъясняет, в чём заключаются подобные «исключительные случаи». Очевидно, что это содержание может привести к негативному криминальному влиянию взрослых преступников на несовершеннолетних, способствовать насилию по отношению к ним. Как избежать в названных условиях трансляции криминального опыта в подростковую среду, данный Закон не определяет.

И хотя Правила внутреннего распорядка ИВС органов национальной безопасности Кыргызстана предусматривают, что

«несовершеннолетние размещаются в маломестных камерах с учётом их возраста, физического развития, особенностей их личности и психологической совместимости», не ясно, кто и каким образом будет оценивать психологическую совместимость и личностные особенности несовершеннолетних. Это позволяет сделать вывод об определённой декларативности упомянутого положения подзаконного нормативного акта. Нетрудно заметить, что «совместное содержание в маломестных камерах», при условии формального установления психологической и иной совместимости несовершеннолетних и взрослых, становится опасным источником проявлений насилия и криминальных конфликтов.

Вопреки Правилам ООН от 14 декабря 1990 г. (Резолюция 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН), касающимся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы, киргизское законодательство допускает одиночное заключение несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Однако даже если оно мотивировано интересами безопасности жизни и здоровья либо невозможностью раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых, такое помещение, в соответствии с международным стандартом ООН, является формой жестокого, негуманного обращения и наказания, так же, как и водворение в дисциплинарный изолятор, разрешаемое ст. 108 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызстана (далее – УИК Кыргызстана). В этом случае имеет место насилие и жестокое обращение со стороны государства, какими бы соображениями упомянутые меры ни оправдывались.

Позитивным моментом является то обстоятельство, что согласно ст. 11 УИК Кыргызстана несовершеннолетние осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и условиях отбывания назначенного судом вида наказания. Статья 14 УИК Кыргызстана содержит право на жалобу, заявление, иное обращение осужденного. Эти материалы не подлежат перлюстрации и не позднее, чем в суточный срок (за исключением выходных и праздничных дней), направляются администрацией исправительного учреждения адресату. Несомненно, эта мера направлена на защиту прав несовершеннолетних осужденных, в том числе ставших жертвами насилия и дискриминации. Однако явно недостаточен механизм реализации данной меры. Законодательство не устанавливает, каким образом несовершеннолетний заключённый получит сведения о местонахождении государственных органов, международных организаций, в которые можно направить жалобу, кто должен предоставлять им адреса (на администрацию пенитенциарного учреждения эту обязанность законодатель не возложил).

Представляется, что для эффективного предупреждения насилия в отношении несовершеннолетних в пенитенциариях и других «закрытых» учреждениях необходимо создание механизма расследования насилия, его виктимологической профилактики и противодействия пыткам и жестокому обращению. Элементами такого механизма могут стать:

1) законодательные изменения, исключающие совместное покамерное содержание взрослых и несовершеннолетних, использование таких дисциплинарных наказаний, как помещение в карцер, в одиночное заключение;

2) внедрение в практику методов установления психологической совместимости несовершеннолетнего и оказание ему помощи в межличностной коммуникации с окружающими. Имеющих повышенный виктимный риск несовершеннолетних не следует содержать совместно с несовершеннолетними, склонными к агрессии, насилию;

3) создание надлежащих правовых основ осуществления общественного контроля, позволяющего институтам гражданского общества участвовать в превенции пыток и жестокого обращения, в том числе посредством внезапных посещений исправительных учреждений, организации общественного расследования случаев пыток, жестокого обращения и иного

насилия в отношении несовершеннолетних в местах лишения свободы;

4) закрепление в законодательстве чёткого алгоритма подачи несовершеннолетним жалобы, заявления путём конструирования норм, обязывающих должностных лиц исправительных учреждений предоставлять несовершеннолетним информацию о наименовании, местонахождении адресатов направления жалоб и иных обращений;

5) использование технических средств противодействия пыткам и жестокому обращению, в том числе путём установления видеокамер наблюдения в помещениях исправительных учреждений, изготовления для сотрудников этих учреждений специальных памяток, напоминающих об их роли в защите несовершеннолетних от насилия, об уголовной ответственности за различные формы насильственного поведения в отношении несовершеннолетних;

6) разработка и реализация программы противодействия агрессии и насилию, использования ненасильственных способов разрешения межличностного конфликта.

Республика Таджикистан

Надлежащие гарантии защиты от насилия несовершеннолетних, лишённых свободы в рамках осуществления государством уголовного преследования, должны содержаться в уголовно-процессуальном законодательстве. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК Республики Таджикистан), как и соответствующее законодательство других государств Центральной Азии, предусматривает самостоятельную главу – «Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних». Однако в ней не закреплён запрет пыток и жестокого обращения в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, отсутствуют гарантии защиты от подобного обращения. Следовательно, не обозначена парадигма недопустимости пыток и жестокого обращения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, особенно учитывая высокий риск такого обращения в условиях задержания и заключения под стражу несовершеннолетних лиц. Статья 427 УПК Республики Таджикистан хотя и устанавливает исключительный характер заключения под стражу несовершеннолетнего обвиняемого, но сводит данную «исключительность» только к тяжким преступлениям.

Представляется, что помимо тяжести (ещё не доказанного) преступления, при решении вопроса об избрании названной меры пресечения необходимо исходить из исключительных обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого (повышенным риском совершения им нового преступления, высоким уровнем агрессивности, негативным криминогенным влиянием на других несовершеннолетних и т. п.). Но главное, необходимо отразить в законодательстве такое основание, как наличие у суда фактических данных, позволяющих считать, что заключение под стражу конкретного несовершеннолетнего обвиняемого не повлечёт для него большего вреда и опасности, чем оставление на свободе. Полагаем, что для получения подобных данных и сведений об особенностях личности несовершеннолетнего следует привлекать психологов, социальных работников, которые могли бы осуществить «социальное исследование» личности обвиняемого и подготовить заключение для суда.

Уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана не предусматривает незамедлительного уведомления родителей или других законных представителей несовершеннолетнего лица о его задержании и заключении под стражу. Это, несомненно, создаёт высокую вероятность пыток, насилия по отношению к задержанному, делает его беззащитным в ситуации возможного произвола со стороны должностных лиц органов уголовного преследования. Необходимо чётко оговорить в УПК Республики Таджикистан, что близкий родственник или иной законный представитель уведомляются в срок не позднее трёх часов с момента задержания об этом факте.

Кроме того, несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) в обязательном порядке должен предоставляться защитник. Он и близкий родственник несовершеннолетнего обвиняемого должны приглашаться в судебное заседание, где разрешается вопрос о заключении обвиняемого под стражу. Проблему незамедлительного допуска защитника к участию в уголовном деле, по-видимому, можно решить посредством создания и деятельности ювенальной адвокатуры.

В Уголовном кодексе Таджикистана (далее – УК РТ) проблемам защиты несовершеннолетних от насилия посвящена глава «Преступления против семьи и несовершеннолетних», но сконструированные в ней составы уголовно-наказуемых деяний не предусматривают специального субъекта – лица, выполняющего воспитательные функции.

Положительным моментом, связанным с уголовно-правовым предупреждением насилия в отношении несовершеннолетних, является введение в Уголовный кодекс Таджикистана нормы об ответственности за пытки. Однако практика применения этой нормы в сфере деятельности пенитенциарных учреждений неизвестна. Следует отметить, что указание в ч. 2 ст. 1431 УК РТ на применение пыток в отношении заведомо несовершеннолетнего не только создаёт определённую возможность избежать уголовной ответственности более строгого характера в случае использования пыток. Оно является излишним, так как трудно представить, что должностное лицо полицейских структур, службы исполнения наказания не осведомлено о несовершеннолетии содержащегося под стражей или в исправительном учреждении заключённого. Представляется, что применительно к данным условиям целесообразно исходить из презумпции осведомлённости должностных лиц, осуществляющих контроль за несовершеннолетними в пенитенциарных учреждениях, о недостижении ими 18-летнего возраста.

Действенным средством борьбы с пытками является возможность подачи жалоб на незаконные действия (бездействие) должностных лиц, своевременное реагирование на эти жалобы и возможность независимого общественного расследования каждого случая жестокого обращения с ребенком в пенитенциарном учреждении.

В 2009 г. Комиссией по правам ребенка в Таджикистане принимается документ под названием «Процедура подачи жалоб детьми в закрытых учреждениях». Однако не ясно, насколько эффективно применяется данный документ и имеют ли несовершеннолетние реальную возможность использовать

его положения, насколько они информированы о механизме подачи, принятия и рассмотрения жалоб. Кроме того, силу официального документа «Процедура подачи жалоб детьми в закрытых учреждениях» так и не получила.

Общие выводы

Противодействие насилию над детьми в пенитенциарных и иных закрытых учреждениях должно носить системный характер. Оно должно включать совокупность мер воздействия на такие источники повышенной криминальной опасности, как:

- противоправное поведение персонала пенитенциарных учреждений;

- противоправное поведение иных лиц (в том числе и других несовершеннолетних и взрослых осужденных).

Средства данного предупреждения разнообразны. К ним относятся:

- законодательные изменения, связанные с принятием универсальных нормативно-правовых актов в сфере прав ребенка (в Казахстане подобный закон имеется, в Таджикистане – отсутствует);

- установление строгой уголовной ответственности за пытки и жестокое обращение с несовершеннолетними и создание условий для ее фактического применения, а не малосодержательного декларирования;

- обеспечение процессуального механизма раннего доступа несовершеннолетних к получению квалифицированной помощи адвоката (во всех трех государствах, рассмотренных в настоящем обзоре, такой механизм еще не создан);

- установление четкого алгоритма обжалования любых случаев насилия, который будет понятен и доступен несовершеннолетним, находящимся в пенитенциарных учреждениях;

- создание системы мер социально-психологической и иной помощи детям, направленной на защиту от насилия, профилактику первичной и вторичной виктимизации;

- использование инструментария общественного расследования пыток и жестокого обращения.

Данные меры, а также дальнейшая гармонизация национальных законодательств с международно-правовыми актами, посвященными защите детей, несовершеннолетних, позволят достичь необходимых результатов в противодействии насилию над детьми.

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248), а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov

**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:

globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Нечевин Д.К. НЮРНБЕРГСКИЙ ЭПИЛОГ И МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК

В статье анализируются правовые (международно-правовые) вопросы Нюрнбергского процесса, который стал эпохальным мировым событием правовой цивилизации. Он не только подвел и юридически закрыл итоги Отечественной войны, где Советский Союз сыграл главную роль в разгроме германского фашизма, но и послужил основой рождения нового международного правопорядка в мире, заложил основу правовой цивилизации – права и свободы личности.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, мировой правопорядок, цивилизация, Отечественная война, фашистская Германия, международный военный трибунал, преступление против личности.

Nechevin D.K. NUREMBERG EPILOGUE AND A WORLD ORDER

The article is devoted to the analysis of legal (international legal) problems of Nuremberg trial. It did not only sum up the legal results of the Patriotic war, where the Soviet Union played the main part in the defeat of German fascism, but it became basic for new international law and order in the world and basic for lawful civilization – personal rights and freedoms.

Key words: Nuremberg trial, international law and order, civilization, the Patriotic war, fascist Germany, international military tribunal, crime against personality.

Нечевин Д.К.

*Итак, во всем, как хотите,
чтобы с Вами поступали люди,
так поступаете и Вы с ними;
ибо в этом закон и пророки.*

Евангелие от Матфея 7:12

1. В новой истории Нюрнбергский процесс¹ стал эпохальным мировым событием правовой цивилизации. Он не только подвел и юридически закрепил итоги Отечественной войны, где Советский Союз сыграл главную роль в разгроме германского фашизма, но и послужил основой рождения нового международного правопорядка в мире, заложил основу правовой цивилизации – права и свободы личности. Нюрнберг дал импульс всестороннему развитию межгосударственных отношений, активизировал процесс международного сотрудничества в правовой и гуманитарной сфере, но главное – это формирование договорно-правовой базы коллективной безопасности и противодействия новым военным вызовам и угрозам.

Это событие состоялось 68 лет назад в городе Нюрнберг (Германия)². В ночь на 16 октября 1946 г. был приведен в исполнение приговор над главными военными преступниками фашистской Германии, суровый приговор, вынесенный им Международным военным трибуналом.

Он и сегодня служит предупреждением тем, кто вынашивает планы мирового господства, говоря о своей исключительности и превосходстве, пытаясь развязать локальные и новые мировые войны.

2. Важность этого приговора заключается в том, что впервые в истории человечества и мировой юридической науки и практики документально было зафиксировано: «Война по са-

1 На Нюрнбергском процессе обвинение свелось к одному слову – геноцид.

2 История Нюрнберга – это не только и даже не столько история развития науки и культуры. В нем жили и действовали не одни лишь мастера, творцы и умельцы. В нем обитали и действовали еще и другие лица – хищные, властолюбивые, жестокие. В течение столетий Нюрнберг служил символом захватнической политики «Священной Римской империи». С 1356 года, согласно «Золотой Булле» Карла IV, каждый новый император свой первый имперский сейм должен был собирать именно в Нюрнберге. Именно этот город очень любил и жаловал Фридрих I Барбаросса, всю жизнь бредивший мировым господством и бесславно погибший на подступах к Палестине во время Третьего Крестового похода

тому своему существу – зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими сторонами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера – оно является тягчайшим международным преступлением».

3. В наш ядерный век это утверждение приобрело необычайную актуальность. Вот почему в настоящее время важное значение имеет борьба за реализацию принципов, сформулированных Нюрнбергским трибуналом. Кроме того, неуклонное соблюдение этих принципов – необходимая предпосылка предупреждения агрессии, соблюдения прав человека, укрепления международного правопорядка, норм и принципов международного права.

Принцип первый. Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию.

Принцип второй. Отсутствие во внутреннем праве наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву.

Принцип третий. То обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву.

Принцип четвертый. Совершение каким-либо лицом действия во исполнение приказа своего правительства или начальника не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен.

Принцип пятый. Каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права.

Принцип шестой. Преступления, указанные ниже, наказуемы как международно-правовые преступления:

1) преступления против мира:

а) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений;

б) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в подпункте.

2) военные преступления:

Нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью.

3) преступления против человечности:

Убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо военного преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми.

Принцип седьмой. Соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности, о которых гласит принцип шестой, есть международно-правовое преступление.

Следует особо отметить, что Нюрнбергским процессом впервые в мировой истории агрессия была признана тягчайшим преступлением. Поэтому он стал важным шагом к созданию новой международной системы правосудия, а в международное право были введены такие понятия, как «международный заговор», «планирование, подготовка и ведение агрессивной войны», «пропаганда войны». Деятельность, охватываемая этими понятиями, была признана преступной, то есть уголовно наказуемой.

Кроме того, Международный трибунал указал роль промышленных монополий в захвате нацистами власти в Германии, отметив, что в самый ответственный момент борьбы за власть именно монополии оказали решительную поддержку Гитлеру. Достаточно сказать, что еще в августе 1936 г. Рехлинг направил Гитлеру свой меморандум, озаглавленный «Предложения для подготовки к войне и их претворение в жизнь».

4. Германские монополисты еще до передачи власти в стране Гитлеру и другим лидерам нацистской партии оказывали им колоссальную финансовую поддержку, всячески пропагандировали национал-социализм внутри Германии и далеко за ее пределами, активно участвовали в идеологической, экономической и военной подготовке реализации разбойничьих планов германского фашизма.

Особую активность в этом отношении проявляли руководители гигантского химического концерна «И.Г. Фарбениндустри» и военно-промышленного комплекса «Крупп», который более 130 лет был «кузницей войны», символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе¹.

В разделе «Мероприятия по перевооружению» приговора Международного трибунала было особо отмечено, что в стране проводилась подготовка экономики к войне. При этом Трибунал установил, что «при этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. Густав Крупп фон Болен от имени имперского объединения германских промышленников представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью».

5. Полностью было доказано, что монополии приступили к тому, ради чего они привели нацистских главарей к власти – подготовке Германии к агрессивным войнам. Тиссен, Флик,

Клекнер... Имена этих промышленных магнатов тоже были хорошо известны еще до Второй мировой войны. Кстати говоря, Фриц Тиссен вступил в нацистскую партию еще в 1923 г. Промышленным магнатам принадлежала власть в Германии, они поставили Гитлера во главе государства, вложили оружие в его руки, с их благословения, ради их целей и интересов германский фашизм зажег кровавый факел войны. Международный трибунал неопровержимо доказал, что они не только не были напуганы гитлеровским тоталитаризмом, но, напротив, объединили свое фактическое господство с фашистской диктатурой.

6. 5 июня 1945 г. в Берлине была подписана Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и Франции. Именно в ней были намечены первые шаги по организации судебного процесса над главными немецкими военными преступниками, заключавшиеся в подходе к определению состава «скамьи подсудимых» будущего процесса: «Главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться представителями союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов и проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников».

Дальнейшие шаги по определению круга подсудимых были предприняты в решениях Потсдамской конференции трех держав, состоявшейся 17 июля – 2 августа 1945 г., где было предельно ясно записано: «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду».

При этом правительства всех трех стран заявили, что «они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее».

7. В августе 1945 г. правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили в Лондоне Соглашение между правительствами указанных государств «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран Оси», которым был учрежден Международный военный трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Одновременно был утвержден Устав Трибунала и Соглашение четырех держав об учреждении Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников². В его состав на паритетных началах вошли: от СССР – генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко, подполковник юстиции А.Ф. Волчков; англичане лорд Биркетт и лорд Д. Лоуренс; американцы Биддл и Паркер; французы Доннедьё де Вабр и Роббер Фалько.

Ниже судейского стола, параллельно ему, расположился секретариат, еще ниже – стенографистки.

Далее справа – большие столы сотрудников прокуратуры четырех держав, руководимых главными обвинителями: от СССР – государственным советником юстиции второго класса Р.А. Руденко; от США – Робертом Джексонсом, членом Верховного суда; от Великобритании – Хартли Шоукроссом, генеральными прокурором Англии; от Франции – профессором Франсуа де Ментоном, членом Французского Правительства.

8. Председательствующим на заседаниях Международного военного трибунала был избран англичанин лорд Лоуренс, который подчеркнул, что процесс в Нюрнберге³ «является

2 Создание Комитета предусматривалось Уставом Международного военного трибунала.

3 Международным военным трибуналом была принята англо-американская система: суд приступает к рассмотрению дела... без особого дела. Судейский стол чист, и обе стороны – обвинение и защита – уже в ходе процесса представляют собранные доказа-

1 Густав Крупп фон Болен был предан суду военного трибунала как один из главных военных преступников.

единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре». Уникальность данного судебного процесса заключалась в том, что впервые в истории не какой-то отдельно взятый народ, а все мировое сообщество, Объединенные Нации выразили готовность законно покарать тех, кто преступно попрал общепризнанные нормы международного права, совершил злодеяния против мира и человечества, и добиться, чтобы подобное никогда не повторилось.

9. Перед международным военным трибуналом предстали 24 высших государственных и военных «деятели» фашистской Германии, оставшихся к этому времени в живых, в том числе:

1. Геринг – рейхсмаршал, второе лицо в гитлеровской правительственной верхушке.

Геринг (Göring) Герман (12.1.1893–15.10.1946), кавалер ордена Pour le Merite (2.6.1918), РК (3.9.1939), Большого креста Железного креста (19.7.1940), рейхсмаршал Великогерманского рейха (19.7.1940), обергруппенфюрер СА (1.1.1933). Сын высокопоставленного чиновника. Окончил военное училище в Берлине-Лихтерфельде (1914). 20.1.1914 поступил лейтенантом в пехоту. Участник Первой мировой войны; 13.10.1914 переведен в авиацию. С 17.5.1917 командир 27-й истребительной эскадрильи, с 7.7.1918 – первый истребитель эскадры. Лично сбил 22 самолета противника. С декабря 1922 член НСДАП, с 1.3.1923 – верховного руководства СА. Во время «Пивного путча» 9.11.1923 был ранен; вывезен в Австрию. В январе 1927 вернулся в Германию. С 20.5.1928 – депутат, с 30.8.1932 – председатель Рейхстага, с 30.1.1933 – член имперского министерства без портфеля, имперский комиссар авиатранспорта (с 2.2.1933 – авиации). 10.4.1933–23.4.1945 министр-президент Пруссии, 11.4.1933–30.4.1934 прусский министр внутренних дел. 25.4.1933 создал государственную тайную полицию (гестапо). С 27.4.1933 встал во главе имперского министерства авиации. 8.7–23.4.1933 президент Прусского государственного совета. 3.7.1934–23.4.1945 имперский лесничий и земельный лесничий Пруссии, а также имперский егермейстер. 7.12.1934–23.4.1945 заместитель рейхсканцлера во всех установлениях государственного управления, 30.1.1935–23.4.1945 – имперский наместник Пруссии. С 9.3.1935 – шеф, с 1.6.1935 – главнокомандующий люфтваффе (с 1.4.1935 также главнокомандующий зенитной артиллерией). С 18.10.1936 также уполномоченный по 4-летнему плану и председатель малого Совета министров. С 4.9.1938 постоянный заместитель Гитлера в Совете министров по обороне рейха. Законом 29.6.1941 официально назначен наследником Гитлера на случай его смерти или недееспособности. 23.4.1945 обратился к Гитлеру по радио, прося его согласия на принятие им – Герингом – на себя функций руководителя правительства. В тот же день по приказу Гитлера арестован отрядом СС по обвинению в государственной измене, после чего лишен званий и наград и 29.4.1945 исключен из НСДАП. 5.5.1945 освобожден, 7.5.1945 сдался американцам. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни через повешение. За 2 часа до исполнения приговора отравился цианистым калием.

2. Гесс – заместитель Гитлера по фашистской партии.

Гесс (Hess) Рудольф (26.4.1894 – 17.8.1987), рейхслейтер (1933), обергруппенфюрер СС (1.7.1933). Сын владельца экспортно-импортной фирмы. Окончил Высшую коммерческую школу в Нейштателе (1912). Участник Первой мировой войны, летчик; лейтенант (8.10.1917). После демобилизации поступил на экономический факультет Мюнхенского университета.

С 1920 член НСДАП. Участник «Пивного путча»; приговорен к 18 месяцам тюрьмы и помещен в тюрьму Ландсберг вместе с Гитлером, выполнял при фюрере секретарские обязанности. С 1925 секретарь Гитлера. С 1932 начальник Политического отдела в Имперском руководстве НСДАП, комиссар НСДАП по политическим вопросам. С 21.4.1933 заместитель фюрера по партии, одновременно с 1.12.1933 имперский министр без портфеля. 1.9.1939 Гитлер официально назначил Гесса своим вторым преемником после Геринга. 10.5.1941 вылетел на самолете в Шотландию, где был арестован; в Германии объявлен сумасшедшим. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному тюремному заключению. Найден повешенным в камере.

3. Риббентроп – министр иностранных дел.

Риббентроп (Ribbentrop) Иоахим фон (30.4.1893 – 16.10.1946), дипломат, обергруппенфюрер СС (20.4.1940). Сын майора артиллерии. В 1914 поступил фаненюнкером в гусарский полк. Участник Первой мировой войны; обер-лейтенант. В 1919 демобилизован. Основал фирму по торговле шерстью, а затем – шампанским. В 1920 представитель фирмы «Джонни Уокер», в 1920–1924 – фирмы Хенкелля в Берлине. В 1924 владелец фирмы по торговле импортными алкогольными напитками Schonberg and Ribbentrop. С 1932 член НСДАП, с 1933 – СС. С апреля 1933 руководитель «Бюро Риббентропа», подчиненного лично Гитлеру и занимавшегося внешнеполитическими вопросами. С ноября 1933 депутат Рейхстага. С 24.4.1933 имперский уполномоченный по вопросам разоружения. С осени 1934 уполномоченный по вопросам внешней политики в Штабе заместитель фюрера по партии. С 11.8.1936 посол в Лондоне. С 4.2.1938 имперский министр иностранных дел. 14.6.1945 арестован американскими войсками. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге приговорен к смертной казни. Повешен.

4. Лей Роберт – один из главных руководителей фашистской партии, возглавлявший «Германский трудовой фронт».

5. Кейтель – фельдмаршал, начальник верховного командования вооруженных сил Германии.

Кейтель (Keitel) Вильгельм (22.9.1882–16.10.1946), кавалер РК (30.9.1939), генерал-фельдмаршал (19.7.1940). Из прусского дворянского рода, сын помещика. 9.3.1901 поступил в артиллерию; лейтенант (18.8.1902). Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере. С 1.10.1929 начальник Организационного отдела Войскового управления Военного министерства. С 1.10.1933 командовал пехотой III военного округа (Потсдам), с 1.10.1934 комендант Бремена и командир 22-й пехотной дивизии. С 1.10.1935 начальник Военного управления Военного министерства. С 4.2.1938 начальник Верховного командования вермахта (ОКВ). ОКВ не стало верховным руководящим органом вооруженных сил, как это планировал Кейтель, а превратилось скорее в военную канцелярию А. Гитлера. В 1943 вместе с М. Борманом и Г. Ламмерсом составил так называемый «Комитетт трех», через который Гитлеру поступали абсолютно все доклады. В провале покушения на Гитлера 20.7.1944 принял решительные и жестокие меры по подавлению выступления заговорщиков, санкционировал арест около 7 тысяч офицеров. 8.5.1945 подписал Акт о капитуляции Германии. 13.5.1945 арестован британскими властями. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге приговорен к смертной казни. Повешен.

6. Кальтенбруннер – начальник главного имперского управления безопасности и начальник полиции безопасности и СД.

Кальтенбруннер (Kaltenbrunner) Эрнст (4.10.1903–16.10.1946), кавалер DKiS (22.10.1943), обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21.6.1943), генерал войск СС (1.12.1944), доктор права (1926). Потомственный юрист. Изучал право в Грацком университете. С 1926 работал в адвокатских конторах в Линце и Зальцбурге. С 1930 член австрийской НСДАП, с 1931 – полулегальных австрийских СС. В январе – апреле 1934

тельства. Тем не менее даже с позиции догматически мыслящего юриста Международного трибунала самым строжайшим образом подошел к отбору доказательств виновности каждого подсудимого. Как это ни парадоксально звучит, но и в отношении этих людей суд применил известный юридический принцип: никто не признается виновным, пока иное не будет доказано судом.

арестован австрийскими властями. Вновь арестован в мае 1935 и 6 месяцев провел в тюрьме. В мае 1935 арестован по обвинению в государственной измене; в ноябре 1935 приговорен к 6 месяцам тюремного заключения. В 1936–1938 один из руководителей СС в Австрии. С 11.3.1938 государственный секретарь по вопросам безопасности в правительстве А. Зейсс-Инкварта. 20.1.1937–31.1.1943 командующий оберабшнита СС «Дунай», с 11.9.1938 высший руководитель СС и полиции на Дунае. С января 1939 депутат Рейхстага. Когда после убийства Р. Гейдриха Г. Гиммлер 28.5.1942 принял на себя исполнение обязанностей начальника РСХА, Кальтенбруннер был вызван в Берлин и фактически стал постоянным заместителем рейхсфюрера СС на этом посту. С 30.1.1943 шеф СД и полиции безопасности. После 20.7.1944 принимал активное участие в расследовании и аресте участников антигитлеровского заговора, однако в данном случае главная роль принадлежала Г. Мюллеру, который только формально являлся его подчиненным. 12.5.1945 арестован американскими войсками. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге 1.10.1946 приговорен к смертной казни. Повешен.

7. Розенберг – имперский министр по делам оккупированных восточных территорий с 1941 по 1945 гг., идеолог фашизма и активный проповедник «расовой» теории.

Розенберг (Rosenberg) Альфред (12.1.1893–16.10.1946), рейхслейтер (1934), обергруппенфюрер СА. Сын немца-башмачника и матери-эстонки. Учился в Высшем техническом училище в Риге и Москве. В 1918 уехал в Германию. С 1920 член НСДАП. С конца 1923 соредактор центрального органа НСДАП «Фёлькишер Беобахтер». Участник «Пивного путча». В 1929 основал Боевой союз за германскую культуру (Kampfbund für deutsche Kultur). С 1930 депутат Рейхстага. В 1930 опубликовал труд «Миф XX века», считавшийся теоретическим обоснованием национал-социализма. С апреля 1933 руководитель Внешнеполитического управления НСДАП, одновременно в 1934–1945 уполномоченный по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП, по вопросам Германского трудового фронта и всех связанных с ним организаций и глава Ведомства Розенберга. С 29.1.1940 руководитель Центра исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания. С 17.7.1941 имперского министерства оккупированных восточных территорий. После окончания войны арестован. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни. Повешен.

8. Франк Ганс – рейхслейтер фашистской партии по правовым вопросам и президент германской академии права, имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши. Франк Ганс – юрист по образованию, любил говорить о «праве избранных» на уничтожение народов и государств. Именно этому человеку Гитлер вверил судьбу порабожденной Польши. Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами. Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

9. Фрик Вильгельм – имперский министр внутренних дел, протектор Богемии и Моравии в 1943–1944 гг. С именем Фрика Вильгельма неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев. В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д. В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (ге-

стапо). Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 г. был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых. Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

10. Штрейхер Юлиус – один из организаторов фашистской партии, идеолог антисемитизма, гауляйтер Франконии (1925–1940 гг.) организатор еврейских погромов в Нюрнберге, издатель еженедельной антисемитской газеты «Дер-Штюрмер». Он непосредственно связан с осуществлением массовых казней. Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, всеми теми, кто замышлял, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма. Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

11. Функ – имперский министр экономики, президент имперского банка и генеральный уполномоченный по военной экономике.

Функ (Funk) Вальтер Эмануэль (18.8.1890 – 31.5.1960), государственный деятель. Сын предпринимателя. В 1908–1912 изучал юриспруденцию, национальную экономику, литературу и музыку в Берлине и Лейпциге; доктор права. В 1912–1916 журналист Berliner National-Zeitung, Leipziger Neuesten Nachrichten и Handelskorrespondenz Julius Stringe (Берлин); специалист по экономике и биржевым вопросам. С 1.7.1916 – редактор, с 1921 – главный редактор Berliner Vor sen-Zeitung. С 1927 председатель пресс-службы Берлинского биржевого общества и Берлинской промышленной и торговой палаты. В 1928–1932 руководящий член правления «Общества германской промышленности и социальной политики». С 1931 член НСДАПА, с июля 1931 экономический советник Гитлера. С декабря 1932 по февраль 1933 руководитель Комиссии экономической политики в Имперском руководстве НСДАП. С 1931 – депутат Рейхстага. С 30.1.1933 – пресс-секретарь правительства, одновременно с 13.3.1933 – младший статс-секретарь Имперского министерства народного просвещения и пропаганды и с 15.11.1933 вице-президент Имперской палаты культуры. С 26.11.1937 имперский министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики, одновременно с 1.1939 – президент Имперского банка. В июне 1945 арестован британскими войсками. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному тюремному заключению. 16.5.1957 освобожден по состоянию здоровья.

12. Шахт Гельмар – основной советник Гитлера по вопросам экономики и финансам, президент имперского банка в 1933–1943 гг., имперский министр экономики. Шахт Гельмар играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора. Не кто иной, как именно подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он был организатором обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером. После прихода к власти в 1933 г. Гитлер сразу назначил Шахта председателем Рейхсбанка, а затем – министром экономики и, наконец, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. Материалами обвинения и судебным следствием доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и в развязывании агрессивных войн. Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях – роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством Второй мировой войны.

13. Круп Густав фон Болен унд Гальбах – крупнейший немецкий промышленный магнат, организатор перевооружения германской армии, директор и совладелец заводов Круша.

14. Дёниц – гросс-адмирал, главнокомандующий военно-морскими силами Германии в 1943–1945 гг., преемник Гитлера на посту главы государства с 1 мая 1945 г.

Дёниц (Dönitz) Карл (16.09.1891–25.12.1980), кавалер РК (21.04.1940), RK-EL (6.04.1943) гросс-адмирал (30.01.1943). Сын инженера-оптика. 1.10.1912 поступил в ВМФ; лейтенант (27.09.1913). Участник Первой мировой войны; с 1917 служит в подводном флоте, с февраля 1918 – командир подлодки. 4.10.1918 взят в плен англичанами. В лагере симулировал сумасшествие и был освобожден. В июле 1919 вернулся в Германию и был принят на службу в ВМФ. С 24.09.1928 командир 4-й полуфлотилии 1-го дивизиона миноносцев, с 30.09.1930 1-й офицер Адмирал-штаба военно-морской станции Нордзее. С 29.09.1934 командир легкого крейсера «Эмден». С 7.06.1935 командир подводной флотилии «Веддингген», с 1.10.1935 фюрер подводных лодок. В 1938 разработал тактику действия подводных лодок – тактику «волчьих стай». Добился строительства необходимых ему подводных лодок, создав мощнейший подводный флот. С 19.09.1939 командующий подводным флотом (этот пост занимал до конца войны). С 30.01.1943 главнокомандующий ВМФ Германии. С 17.04.1945 также верховный главнокомандующий вермахта на Севере. Перед тем как покончить жизнь самоубийством, Гитлер 29.04.1945 назначил Дёница своим преемником на посту рейхспрезидента и верховного главнокомандующего. Предпринимал активнейшие попытки добиться скорейшего заключения перемирия с западными союзниками и вывести как можно больше войск и гражданского населения с территорий, которые могли быть заняты советскими войсками. 23.05.1945 арестован американскими военными властями. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к 10 годам тюремного заключения. 1.10.1956 освобожден.

15. Редер Эрик – главнокомандующий военно-морскими силами Германии в 1935–1943 гг., гросс-адмирал, адмирал-инспектор военно-морского флота.

16. Ширах – организатор и руководитель гитлеровской молодежной организации «Гитлерюгенд» в 1933–1940 гг., имперский наместник Вены с 1940 г. Ширах (Schirach) Бальдур фон (9.3.1907–8.8.1974), рейхслейтер (13.5.1932), обергруппенфюрер СА (1941). Сын директора театра в Веймаре, мать – американка Эмма Мидлтон. В 1918 вступил в Германский молодежный союз. С 1924, переехав в Мюнхен, изучал историю искусств и германистику. С 1925 член НСДАП, с 1927 – СА. С 20.7.1928 руководитель Национал-социалистического германского союза студентов, имперский руководитель студентов в Имперском руководстве НСДАП. С 30.10.1931 имперский руководитель молодежи НСДАП. С 1932 депутат Рейхстага (самый молодой член парламента). С 16.6.1932 руководитель молодежи Германского рейха (Jugendführer des Deutschen Reiches). 11.8.1939 по договоренности с Верховным командованием вермахта (ОКВ) обязался проводить допризывную подготовку молодежи в соответствии с требованиями, установленными в армии. В декабре 1939 добровольцем вступил в вермахт, служил в полку «Великая Германия», лейтенант. В июне 1940 по требованию Гитлера отозван из армии. С 7.8.1940 гауляйтер и имперский наместник Вены, имперский комиссар обороны XVII военного округа. С 16.11.1942 имперский комиссар обороны Вены. В мае 1945 арестован американцами. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к 20 годам тюрьмы. 30.9.1966 освобожден.

17. Заукель – генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Заукель (Sauckel) Фридрих (27.10.1894–16.10.1946), обергруппенфюрер СА (9.11.1937), обергруппенфюрер СС (30.1.1942). Сын почтового служащего. С 1909 служил на торговом флоте;

4.8.1914 его корабль интернирован во Францию. В ноябре 1918 вернулся в Германию; сменил много профессий – работал на фабриках, рыбаком и др. С 1920 руководитель Германского стрелкового и охранного союза в Нижней Франкони. С 1922 член НСДАП и в СА. С 1922 ортсгруппенлейтер Ильменау, руководитель района НСДАП в Ильменау (Тюрингия). С 1.3.1925 гаушэфтсфюрер Тюрингии. С 20.9.1927 по 8.5.1945 гауляйтер Тюрингии. С 10.2.1929 член ландтага Тюрингии, с 10.2.1930 руководитель фракции НСДАП в ландтаге. С 26.8.1932 министр-президент и министр внутренних дел Тюрингии. С 5.5.1933 имперский наместник Тюрингии. С 12.11.1933 депутат Рейхстага. С 1934 член СС. С 1.9.1939 имперский комиссар обороны XI военного округа (Кассель). С 27.2.1942 комиссар по рабочей силе в Управлении по 4-летнему плану, с 21.3.1942 генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы. Получив 30.9.1942 неограниченные полномочия, Заукель наладил невиданное ранее по размаху использование подневольного труда. С 16.11.1942 имперский комиссар обороны Тюрингии. В мае 1945 арестован. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге приговорен к смертной казни. Повешен.

18. Йодль – начальник штаба оперативного руководства верховного командования германских вооруженных сил.

Йодль (Jodl) Альфред (10.5.1890–16.10.1946), кавалер РК (6.5.1945), RK-EL (10.5.1945), генерал-полковник (1.2.1944). Внебрачный сын полковника, до свадьбы родителей в 1899 носил фамилию Баумгэртлер. 10.7.1910 поступил в артиллерию; лейтенант (28.10.1912). Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере; окончил секретные курсы офицеров Генштаба (1922, 1924). С 1.7.1935 начальник Отдела обороны страны Военного управления Военного министерства. С 1.6.1938 начальник Штаба оперативного руководства ОКВ (с перерывом 10.11.1938–23.8.1939, когда был командиром 44-го артиллерийского командования в Вене). С 1.5.1945 исполняющий обязанности начальника ОКВ и одновременно начальник Генштаба сухопутных войск. От имени Германии 7.5.1945 подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии в Реймсе. 23.5.1945 арестован. Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к смертной казни. Повешен.

19. Папен – немецкий дипломат, посланник в Вене в 1934–1935 гг., посол в Турции в 1939–1944 гг. один из организаторов захвата власти гитлеровцами в 1933 г.

Папен (Papen) Франц фон (29.12.1879–2.5.1969). Сын крупного землевладельца, зять богатого промышленника. 15.03.1898 поступил лейтенантом в кавалерию. Окончил Военную академию (1910). С 13.01.1914 военный атташе в США и Мексике. В декабре 1915 выслан из страны по обвинению в шпионаже. Участник Первой мировой войны. В 1918 начальник штаба 4-й турецкой армии. 3.11.1919 демобилизован. С 1920 член католической партии «Центр». С 20.02.1921 депутат прусского ландтага. Принял активное участие в президентских выборах 1925, на которых победил Пауль фон Гинденбург (впоследствии Папен пользовался большим его доверием). 1.06–3.12.1932 рейхскандлер; после назначения партия «Центра» посчитала его согласие на занятие этого поста предательством по отношению к Г. Брюнингу и единогласно исключила его из своих рядов. С 30.01.1933 вице-канцлер и имперский комиссар Пруссии в правительстве А. Гитлера. С 5.03.1933 депутат Рейхстага. 7.04.1933 Гитлер назначил себя имперским наместником Пруссии, лишив тем самым П. всех прерогатив по должности имперского комиссара. 30.06.1934 во время «Ночи длинных ножей» Папен официально отстранился от выполнения своих служебных обязанностей и в тот же день был арестован. 26.07.1934–4.02.1938 руководитель специальной миссии в Вене. С 14.02.1938 член НСДАП. С 29.04.1939 по август 1944 посол в Турции. 9.04.1945 арестован американскими войсками. Оправдан Международным военным трибуналом в Нюрнберге и 1.10.1946 освобожден. 1.02.1947 комиссией по денацифика-

ции приговорен к 8 годам тюремного заключения, а 26.01.1947 по решению суда освобожден.

20. Зейсс-Инкварт – видный руководитель фашистской партии, организатор захвата Австрии, имперский уполномоченный по оккупированным Нидерландам в 1940–1945 гг.

Зейсс-Инкварт (Seyss-Inquart) Артур (22.07.1892–16.10.1946), обергруппенфюрер СС (20.04.1941). Сын директора гимназии. Получил юридическое образование в Венском университете. Участник Первой мировой войны; обер-лейтенант. Работал адвокатом; сторонник объединения Австрии и Германии. В 1925 принимал участие в создании Немецко-австрийского народного союза. С июля 1936 государственный советник. С 1938 член НСДАП и СС. 16.02.1938 под давлением Германии был назначен министром внутреннего управления и безопасности Австрии, 11.03.1938 стал главой правительства Австрии, 12 марта принял на себя президентские полномочия, а 13 марта подписал документ об аншлюсе Австрии.

С 30.04.1939 имперский наместник Австрии, с 1.05.1939 имперский министр без портфеля. С 24.10.1939 статс-секретарь генерал-губернаторства. С 19.5.1940 имперский комиссар Нидерландов. 4.5.1945 взят в плен канадскими войсками. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни. Повешен.

21. Шпеер – близкий друг Гитлера, имперский министр вооружения и всей военной промышленности. Шпеер (Speer) Альберт (19.3.1905–19.1981), государственный деятель, архитектор. Сын архитектора. Учился в Высших технических училищах в Карлсруэ, Мюнхене, Берлине-Шарлоттенбурге (1927). С 1931 член НСДАП. В 1933 руководил перестройкой Рейхканцелярии. В начале 1934 г. Шпееру было поручено создание в Нюрнберге грандиозной трибуны для партийных митингов (390 метров длиной и 24 высотой). Одновременно начальник отдела в Штабе; заместитель фюрера и ответственный за организацию массовых манифестаций. С 30.1.1934 начальник отдела «Эстетика труда» и «Сила через радость». С января 1937 генеральный уполномоченный по строительству новой столицы Рейха. С 25.8.1941 депутат Рейхстага. После начала войны Шпееру было поручено руководство строительством для военных нужд, возглавил штаб строительных работ «Шпеер». С 9.2.1942 имперского министерства вооружений и боеприпасов (с 2.3.1943 возглавлял имперское министерство военной промышленности), а с 1.3.1942 был уполномоченным по вопросам вооружения в Ведомстве 4-летнего плана. 23.5.1945 арестован британскими войсками. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге приговорен к 20 годам тюрьмы; 1.10.1966 освобожден.

22. Нейрат Константин – министр иностранных дел в 1932–1933 гг., протектор Богемии и Моравии. Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов. На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появлялся со своим многолетним опытом в области внешней политики Нейрат – нацистский дипломат в чине генерала СС. Это он в августе 1939 г. положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных.

23. Фриче – ближайший соратник Геббельса, начальник отдела внутренней прессы министерства пропаганды.

Фриче (Fritzsche) Ганс (21.4.1900–27.9.1953), журналист, штандартенфюрер НСКК (20.4.1941). Сын почтового служащего. В 1918 призван в армию, участник Первой мировой войны. В 1919 демобилизован. Изучал гуманитарные науки в нескольких университетах. Окончил Берлинский университет германской истории и народного хозяйства (1923). С 1923 редактор журнала «Прус, ежегодник», в 1924–1933 – Германского

телеграфного агентства, главный редактор Международной службы новостей; С 1932 руководитель Германской службы радионовостей. С 1.5.1933 начальник службы новостей отдела прессы Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. С 1933 член НСДАП. После разделения отдела 2.12.1938 стал руководителем Службы внутренней прессы. С 3.11.1942 начальник отдела радиовещания министерства, под его руководством оказалась вся радиосеть Германии. Стал самым популярным радиокomentатором Германии. 2.5.1945 захвачен советскими войсками. На процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге 1.10.1946 Фриче был оправдан, но вскоре немецким судом по денацификации был приговорен к 9 годам трудовых лагерей. Освобожден в 1950 г. по состоянию здоровья.

24. Борман – заместитель Гитлера по руководству фашистской партией. Борман (Bormann) Мартин (17.6.1900–2.5.1945), рейхслейтер (10.10.1933), обергруппенфюрер СС (20.4.1940). Сын почтового служащего. В 1918–19 служил в армии. Окончил курсы специалистов по сельскому хозяйству (1920). С 1920 поместный инспектор имени Герцберг. 15.5.1924 приговорен к 11 месяцам тюрьмы за участие в подготовке убийства. С 1927 член НСДАП. С 15.11.1928 служил в штабе Высшего командования СА, сотрудник службы страхования СА. С августа 1930 организовал и возглавил Кассу взаимопомощи НСДАП. С 3.7.1933 начальник Штаба заместитель фюрера по партии Гесса. С ноября 1933 депутат Рейхстага. С 1937 член СС. С 1938 фактически возглавил руководство кадровой политикой НСДАП. В руках Бормана сконцентрировалось также руководство частью финансов партии – «фондом Адольфа Гитлера», он также контролировал личные расходы Гитлера. С 12.5.1941 начальник Партии, канцелярии, одновременно с 13.5.1941 секретарь фюрера, с 29.5.1941 имперский министр без портфеля и член Совета обороны рейха. С 12.4.1942 также личный секретарь фюрера. В 1944 стал главным и единственным приближенным Гитлера. Перед смертью Гитлер назначил Бормана руководителем НСДАП. Погиб, пытаясь прорваться из окруженного Берлина. Заочно приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни.

10. На скамье подсудимых, таким образом, оказалась почти вся правящая верхушка нацистской Германии, за исключением: главы государства А. Гитлера, Г. Гиммлера и М. Геббельса.

Гитлер (Hitler) Адольф (20.04.1889–30.04.1945 гг.) – фюрер и рейхсканцлер (Führer und Reichkanzler), кличка «Волк» (Wolf), автор книги «Mein Kampf» («Моя борьба»), он воплощал alter ego руководителя управления имперской безопасности рейхсфюрера СС Гиммлера.

Гиммлер (Himmler) Генрих (7.10.1900 – 26.05.1945), рейхсфюрер СС, рейхслейтер (30.07.1934). Сын директора гимназии. В январе – декабре 1918 служил в армии. В 1919 член Добровольного корпуса. С 1921 член СА. Участник «Пивного путча». С 1925 член НСДАП, с 1927 – в СС. С 6.10.1929 рейхсфюрер СС. С 1933 полицейский-президент Мюнхена, с 20.04.1934 шеф гестапо. С 17.06.1936 рейхсфюрер СС и шеф германии полиции. Одновременно с 7.10.1939 имперский комиссар по вопросам консолидации германского народа, с 23.08.1943 имперский министр внутренних дел, с 20.07.1944 главнокомандующий Армией резерва и начальник вооружений сухопутных войск, 10.12.1944 – 22.30.1945 командующий группой армий «Верхний Рейн» (с 29.01.1945 – «Висла»). Перед смертью Гитлер сместил Гиммлера со всех государственных постов и исключил его из НСДАП. 23.05.1945 задержан британским патрулем (состоявшим из советских военнопленных). Покончил жизнь самоубийством.

Геббельс – министр пропаганды. Геббельс (Göbbels) Магда (11.11.1901 – 1.5.1945). Жена Й. Геббельса – внебрачная дочь Августа Беренд (Behrend), затем ее мать вышла замуж за отца Геббельса, состоятельного инженера Оскара Ритшеля (Ritschel). Когда Геббельсу было 3 года, ее родители расстались, а затем мать вышла замуж за фабриканта Фридлэндера

(Friedlander), фамилию которого она получила. 4.1.1921 в Бад-Годесберге обвенчалась с миллионером Гюнтером Квандтом (Quandt). Имела длительную связь (1928–1931) с одним из лидеров сионистского движения Хаймом Арлозоровым (1899–1933). В 1930 развелась (получив одновременно 50 тыс. марок на покупку дома, 20 тыс. на воспитание сына и 4 тыс. марок ежемесячной пенсии) и поступила на работу к Й. Геббельсу секретарем. 12.12.1931 они поженились. В браке родились 6 детей. Вместе с мужем покончила жизнь самоубийством в Имперской канцелярии, перед смертью супруги убили всех своих детей.

Борман был привлечен к суду заочно, так как скрылся от правосудия, и место его пребывания не было установлено. Дело разбитого параличом Круппа было выделено в отдельное производство и приостановлено. Лей избежал скамьи подсудимых, повесившись в тюремной камере до начала процесса.

11. В соответствии с п. «б» Устава Международного военного трибунала всем им были предъявлены следующие обвинения: 1) убийства и жестокое обращение с гражданским населением на оккупированной территории и в открытом море; 2) обращение гражданского населения оккупированных территорий в рабство и использование его для других целей; 3) убийства и жестокое обращение с военнопленными и другими военнослужащими, с которыми Германия находилась в состоянии войны, а также лицами, находящимися в открытом море; 4) убийства заложников; 5) наложение колониальных штрафов; 6) бесцельные разрушения городов, поселков и деревень и опустошения, не оправданные военной необходимостью; 7) принудительная вербовка гражданской рабочей силы; 8) германизация оккупированных территорий; 9) совершение иных тяжчайших военных преступлений.

12. Лица, преданные суду, обвинялись в развязывании агрессивной войны в целях установления мирового господства – то есть в преступлениях против мира; в убийствах и истязаниях военнопленных и мирных жителей оккупированных стран, угоне гражданского населения в Германию для принудительных работ, убийствах заложников, ограблении общественной и частной собственности, бесцельном разрушении городов и деревень, бесчисленных разорениях, не оправданных военной необходимостью, – то есть в военных преступлениях; в истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, совершенных в отношении гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам – то есть в преступлениях против человечности. Здесь следует сказать, что идеологи фашизма всегда считали, что захват чужих земель всегда должен сопровождаться зверствами, жестокостью, истреблением целых народов, уничтожением их материальных и духовных ценностей. Так и германский милитаризм был особенно безжалостен. Кровавую сущность довольно отчетливо выразил еще в 1900 году кайзер Вильгельм II, который, напутствуя германских солдат, отправляющихся на китайский фронт, сказал: «Пошады не давать, пленных не брать. Кто попадет к вам в руки – должен погибнуть. Как тысячу лет тому назад гунны под предводительством короля Атиллы создали свое имя, так пусть и имя “немцы” станет в Китае через вас таким знаменитым, что и через тысячу лет ни один китаец не осмелится косо взглянуть на немца». В первые дни войны 1914–1918 годов Вильгельм в письме к императору Францу Иосифу писал: «Все должно быть утоплено в огне и крови. Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставлять ни одного дома, ни одного дерева».

Гитлер развязал против СССР не просто войну, а войну на истребление целых народов, в первую очередь славянского, русского. Войну без правил. Был разработан план «Ост» – чудовищная программа геноцида на оккупированной территории СССР. Цель этой программы – создание Великой Германии до Урала. «Для нас, немцев, – говорилось в одном из обоснований плана “Ост”, – важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немец-

кое господство в Европе». Рассчитывали с ходу уничтожить 30–40 млн человек, прежде всего интеллигенцию. Начинали с военнопленных, евреев и цыган.

Немецкий историк Вольфрам Ветте описывает цель и смысл войны за «жизненное пространство» против СССР: «По окончании завоевания страны на Востоке численность славян должна быть сокращена, а выжившие должны были стать рабами “германских господ”. Чтобы они не роптали под этим новым господством, их культурный уровень должен был впредь удерживаться на низком уровне». Ветте приводит предписания М. Бормана, постоянного истолкователя воли фюрера. «Спустя год после начала войны против Советского Союза, – пишет историк, – (Борман) так уточнил антиславянскую политику нацистского режима: «Славяне должны работать на нас. Когда они нам больше не понадобятся, они могут умирать... Мы господа, и они уступят нам дорогу».

«Памятка немецкому солдату», которая вручалась в вермахте каждому, требовала: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивая всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек».

Напомню тем, кто пытается поставить на одну доску нацистскую Германию и Советский Союз: советские солдаты вступали на немецкую землю с прямо противоположной памятью: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается». И это был лозунг не фронтовой газеты, а приказа Верховного главнокомандующего Сталина.

Потому жителям Берлина наши повара и раздавали еду из походных котлов, оказывал медицинскую помощь и т. п.

Кроме жертв, связанных с фашистским террором, ужасом оккупации, большие потери население понесло от боевого воздействия врага в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах. В Ленинграде умерло от голода 641 тыс. человек, от артиллерийских обстрелов – 17 тыс. А ведь был еще полностью разрушенный Сталинград, Смоленск, Минск и 1710 городов и поселков городского типа, 70 тыс. сожженных деревень, в том числе сотни сел, которые постигла участь белорусской Хатыни. С учетом этих жертв гражданское население потеряло 17,9 млн человек.

Эта программа действий была написана для нацистов всех времен.

Наша программа заключалась в другом, она четко была сформулирована в обращении И. Сталина к народу:

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции, 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волею повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажной, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это – действительная капитуляция вооруженных сил Германии.

...Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный

труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Векковая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами...

13. Обвинительный акт содержал также требование о признании преступными следующих групп и организаций гитлеровской Германии: 1) имперского кабинета министров; 2) руководящего состава фашистской партии; 3) охранных отрядов фашистской партии (СС), включая службу безопасности (СД); 4) государственной тайной полиции (гестапо); 5) штурмовых отрядов фашистской партии (СА); 6) генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил (ОКВ). Также трибунал поставил вопрос о признании преступными шести организаций фашистской Германии, включая Национал-социалистскую партию (НСДАП), ее штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды, службу безопасности (СД) и государственную тайную полицию (гестапо).

У главного обвинителя от СССР были все основания заявить, что перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений. Обвинительное заключение, подписанное главными обвинителями от СССР, США, Великобритании и Франции, более чем за месяц до начала судебного разбирательства было вручено подсудимым. Таким образом, они имели все возможности, чтобы заблаговременно подготовиться к защите. В интересах справедливого суда с самого начала права подсудимых соблюдались строжайшим образом – каждый из них располагал адвокатами-немцами, которые с согласия обвинителей получали копии всех документальных доказательств на немецком языке, защите также оказывалась помощь в розыске и получении документов, доставке свидетелей.

14. Нюрнбергский процесс отличался невиданной гласностью: все 403 судебных заседания были открытыми. На них присутствовали более 60 тыс. человек, в том числе немцев. Процесс велся одновременно на четырех языках, включая немецкий. В мировой прессе его ход освещали около 250 корреспондентов. Важнейшей чертой процесса также стала безукоризненная правовая обоснованность. Суд заслушал 116 свидетелей, вызванных как обвинителями, так и защитниками, было исследовано более 4 тыс. документальных доказательств. При этом решающая роль принадлежала официальным документам, составленным в свое время подсудимыми.

15. Трибунал с полным основанием указал, что преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права. Привлечь к ответственности конкретных виновников позволило и признание трибуналом преступными организациями таких структур германского фашизма, как СС, СД, гестапо, а также руководящего состава национал-социалистской партии. Это дало право национальным судам привлекать отдельных лиц за принадлежность к организациям, признанным преступными. Был реализован основополагающий принцип: «уголовной ответственности подлежат конкретные физические лица». При этом признание преступного характера организации Международным трибуналом не могло быть подвергнуто пересмотру судами отдельных стран.

16. По оценкам российских ученых и мнению автора, «криминализация агрессии как тягчайшего международного преступления обрела прочную легитимную базу. В этом главная заслуга Нюрнберга. Здесь была законодательно установлена и проведена в жизнь ответственность тех, кто формировал, направлял и реализовывал политику войны как источника ненависти и массовых злодеяний».

17. На процессе были заложены новые принципы международного права: введено понятие «международные преступления»; установлено, за какие преступления они должны отвечать; определены сроки давности преступления (не имели сроков давности преступления нацистов).

Нюрнбергский процесс заложил основы новых правовых идей, была создана Организация Объединенных Наций (ООН) для предотвращения войны в будущем».

18. Трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, а также Бормана (заочно) к смертной казни через повешение, Гесса, Функа и Редера – к пожизненному заключению, Шираха и Шпеера – к 20, Нейрата – к 15 и Дёница – к 10 годам тюремного заключения. Фриче, Папен и Шахт были оправданы. В ночь на 16 октября 1946 г., после отклонения Контрольным советом ходатайств осужденных на смертную казнь о помиловании, приговор был приведен в исполнение.

19. Р.А. Руденко высказал предусмотренное процедурой особое мнение, заявив о несогласии с оправданием Фриче, Папена и Шахта и непризнанием генерального штаба и членов правительственного кабинета преступными организациями, хотя доказательств их виновности у трибунала было более чем достаточно. В данном случае на судебном решении, видимо, отразился политический фактор – нараставшее охлаждение между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции.

20. Как проходила процедура казни военных преступников, мне рассказал много лет назад Виктор Антонович Темин, освещавший этот процесс из Нюрнберга:

«...Перед нами камеры одиннадцати осужденных Международным военным трибуналом. У каждой камеры стоит американский солдат и через окошко в двери внимательно наблюдает за поведением заключенного. Нас предупреждают: «Говорит тихо!»».

Через маленькое решетчатое окошко в двери видно, чем заняты осужденные. Они еще не знают, что приговор будет приведен в исполнение сегодня.

Геринг лежит на койке, закрывшись одеялом: в углу камеры стоят его большие сапоги. Риббентроп разговаривает с пастором. Кейтель разбирает постель перед сном. Йодль пишет, вокруг него множество листов бумаги. Кальтенбруннер читает лежа. Заукель нервно ходит по камере...

Раздается удар гонга. 21 час 30 минут – время, официально установленное в тюрьме для отхода ко сну.

Мы проходим через двор, вернее, тюремный сад, к небольшому одноэтажному зданию, утопающему в зелени.

Здесь должна состояться казнь.

Время – 22 часа.

Полковник Эндрюс оставляет нас и идет в камеры, чтобы через некоторое время объявить каждому осужденному об утверждении Контрольным советом по Германии смертного приговора, об отказе в помиловании... Но вот он вбегает в комнату журналистов и растерянно восклицает:

– Геринг умер!

Несколько успокоившись, Эндрюс рассказывает:

– Геринг молча встретил сообщение об отклонении его ходатайства о помиловании. Но когда узнал, что казнь состоится сегодня, яростно сжал кулаки. Затем пошел к койке и сел, опустив голову. Примерно в половине одиннадцатого американский солдат, дежуривший у камеры, услышал странный хрип. Он сейчас же вызвал дежурного офицера и врача. Когда они вошли в камеру Геринга, тот уже был в предсмертной агонии. Врач обнаружил у него во рту мелкие кусочки стекла и констатировал смерть от цианистого калия.

Еще один испытал смерть.

Я вспомнил Геринга, каким увидел впервые: толстый, злой, властный. Он яростно и энергично защищался на процессе, охотно давал интервью журналистам буржуазных газет,

позировал перед фотокорреспондентами. Он собирался жить и властвовать. Он знал, что деньги – огромная сила, а он сказочно богат. Награбленные им сокровища запрятаны в банках нейтральных стран. Он не хотел думать, что за преступления придется расплачиваться жизнью. А когда понял, что надежды больше нет, испугался виселицы...

В 0.55 всех нас, восьмерых журналистов, проводят к месту казни, и мы останавливаемся в 3–4 метрах от эшафота. Входят члены комиссии, медицинские эксперты, офицеры американской охраны.

Первым вводят под руки Иоахима фон Риббентропа. Он бледен, пошатывается, секунду-две стоит с полузакрытыми глазами, как бы в состоянии полной прострации.

Его спрашивают:

– Имя?

– Иоахим фон Риббентроп...

Ему предлагают сказать последнее слово. Риббентроп говорит о том, что желает мира и союза между Западом и Востоком. До сих пор этот человек играет роль великого дипломата. А на его совете спланированные массовые убийства и ограбление стран Европы.

Затем вводят Вильгельма Кейтеля. Впервые я увидел генерал-фельдмаршала Кейтеля в Карлсфорсте, под Берлином, когда он подписывал акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Но тогда он не знал, что путь позора приведет его сюда.

Кейтель бледен. Поднявшись на эшафот, говорит:

– Я призываю всемогущего бога и прошу его сжалиться над немецким народом. Больше двух миллионов немецких солдат умерли за родину до меня, я ухожу теперь за моими сыновьями.

Это звучит кощунственно. Немецкий народ страдал только потому, что правители фашистской Германии, в том числе и он, Кейтель, развязали эту бесчеловечную бойню. Не два миллиона, а значительно больше немецких солдат полегли на полях Европы и России, они погибли не за Германию, а по прихоти обезумевших завоевателей...

Вводят Эрнста Кальтенбруннера. Этот изверг был правой рукой Гиммлера. У него бегающие глаза и огромные руки душегубителя. Фашист с ученой степенью доктора был организатором СС в Австрии, затем начальником полиции безопасности и СД. Генерал полиции Кальтенбруннер был одним из самых изобретательных, самых изощренных убийц. Под его руководством осуществлялись казни людей по расовым и политическим мотивам. По его распоряжению уничтожались все, кто совершал побеги из концлагерей. Преступления, в которых он повинен, трудно перечислить... Кальтенбруннер бросает умоляющий взгляд на пастора. Тот читает молитву. Кальтенбруннер блуждающим взглядом смотрит вокруг...

В дверях – Альфред Розенберг, автор бесчеловечной «расовой теории». Едва слышно, с трудом он произносит свое имя. На предложение сказать последнее слово отрицательно качает головой, невнятно произносит: «Нет...». Краснобай, демагог, отправивший на смерть миллионы невинных людей, теряет здесь дар речи...

Один за другим проходят эти люди-изверги, как тени мрачного прошлого.

Последний из осужденных – Зейс-Инкварт, прихрамывая, идет к эшафоту.

Фашистский палач с интеллигентной внешностью ученого, он проводил жестокую оккупационную политику в Польше и в Нидерландах, свирепо насаждая гитлеровский «новый порядок». Теперь, в час расплаты, он бормочет что-то о полученном уроке...

2 часа 46 минут 30 секунд. Все кончено. Два американских солдата вносят на носилках покрытый черным одеялом труп Германа Геринга и присоединяют к телам казненных. «Приговор народов приведен в исполнение».

21. И все же, какова неотвратимость наказания военных преступников?

Можно с огорчением отметить, что очень многим военным преступникам, бежавшим на Запад, удалось остаться безнаказанными. «Вашингтон пост» писала, что всего в мире насчитывается до 50 тыс. беглых нацистских преступников, причем 10 тыс. из них скрывается от возмездия в Соединенных Штатах. США, как правило, отказываются их выдавать, фактически обеспечивая им убежище.

По сведениям газеты «Тат», только 7% из представленных в ФРГ перед судами лиц были признаны виновными и осуждены. Из 10 тыс. охранников концлагеря Освенцим, где было умерщвлено более 4 млн. человек, до сего времени только 30 привлекались к ответственности в 5 процессах и только 5 из них до сих пор отбывают наказание. Пять с половиной лет длился в Дюссельдорфе процесс в отношении 16 нацистских преступников, виновных в уничтожении в концлагере Майда-нек более 250 тыс. человек. В результате 11 подсудимых были оправданы или освобождены из-за «отсутствия доказательств, 4 – приговорены к незначительным срокам лишения свободы», таковы факты.

22. Советский народ, разгромивший шестьдесят восемь десятилетий назад фашистский рейх¹, наглядно и убедительно показал всю нелепость и несбыточность претензий гитлеровцев с их лозунгом «Германия превыше всего» на перестройку мира по национал-социалистской модели. Тем не менее, после завершения второй мировой войны появились новые претенденты. 19 декабря 1945 г. Трумэн в своем высту-

1 Великая Отечественная война, как утверждают историки, унесла 26 млн 600 тыс. жизней советских людей. Для нас самыми тяжелыми были первые полтора года войны из четырех, особенно 1941-й. На этот период приходится 56,7 процента безвозвратных потерь за всю войну и 86 процентов пленных и пропавших без вести. Трагичной оказалась судьба советских военнопленных. Из 4 млн 559 тыс. человек, попавших в плен, вернулись на Родину 1 млн 836 тыс. (40 процентов). Около 2,5 млн человек погибли и умерли в плену (55 процентов). Разгром немецкой армии начался под стенами Москвы, Сталинграда и Курска, и далее по нарастающей. Не говоря уже о полном разгроме и капитуляции. Только в начале мая 1945 года перед Красной армией сложили оружие более 1,6 млн солдат и офицеров вермахта. На нашу Родину вторглась самая сильная на тот момент армия мира. За год до этого она легко и молниеносно разгромила французские, польские вооруженные силы, которых, как тогда считали специалисты, не было равных, о чем еще в 60-е годы говорил маршал Г. Жуков в беседе с К. Симоновым. «Надо оценивать по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны, – говорил он. – Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы, немецкие командующие лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны...», а если вспомнить историю, то после Полтавской битвы Петр I провозглашал тост за шведских генералов – своих учителей. Пожалуй, об учителях говорил он больше на радостях. Учился Петр I на собственных ошибках, на собственных поражениях. Так, в Великую Отечественную нам тоже пришлось учиться на собственных поражениях. Война провела «естественный отбор» командующих уже в первые месяцы войны, в конечном итоге они и стали маршалами Победы. Известный английский историк и военный теоретик Лиддел Гарт сразу после войны получил возможность общаться с пленными немецкими генералами, расспрашивать о прошедших сражениях. Показательны их высказывания о советских военачальниках и советской армии. Фельдмаршал Рундштедт: «Очень хорошо был Жуков». Фельдмаршал Клейст: «Их командиры моментально усвоили уроки первых поражений и в короткий срок стали действовать на удивление эффективно». Генерал Дитмар: «Жуков считался (в немецком генералитете) выдающейся личностью». Генерал Блюментрит: «Первые бое в июне 1941 года показали нам новую советскую армию» и т.д.

плении в Белом доме заявил: «Хотим мы того или нет, но мы должны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром». В таком же духе разглагольствовал и Д. Эйзенхауэр: «Постоянной базой руководства миром... должны быть Соединенные Штаты». А вице-президент в администрации демократов Г. Хэмфри патетически восклицал: «В заштатной Америке я вижу истинную столицу мира!».

23. В течение 1946–1947 годов в США друг за другом последовал ряд документов, выступлений и статей, составивших концептуальную основу длительной борьбы США с Советским Союзом: «длинная телеграмма» дипломата американского посольства в Москве Дж. Кеннана; речь У. Черчилля о «железном занавесе» и объявлении «холодной войны» в Фултоне; меморандум государственного департамента США Х. Фримена Мэтьюза; доклад специального советника президента США К. Клиффорда «Американская политика в отношении Советского Союза»; статья Дж. Кеннана «Истоки советского поведения» и др.

24. В данных документах Россия была представлена как морально ущербное государство с врожденным, унаследованным с древних времен чувством экспансионизма, присущего всем русским царям и современному руководству, традиционным, инстинктивным русским чувством неуверенности в собственной безопасности, постоянным страхом «перед более компетентными, более могущественными, более высоко организованными сообществами».

Конкретно были определены цели и задачи по внутренней трансформации и уничтожению советского общества: дискредитация коммунистической идеологии; перемена образа мыслей советского руководства; разрушение единства коммунистической партии; формирование недовольства советского народа деятельностью партии и правительства; навязывание коммунистическим «соискателям верховной власти», привыкшим к железной партийной дисциплине и не обладавшим «искусством компромисса и взаимного приспособления»; демократического порядка передачи власти в среде «политически незрелых и неопытных масс».

25. Безусловно, последствия от проводимой в СССР такой войны подтверждают алгоритм информационно-психологического влияния, разработанный А. Даллесом – руководителем политической разведки США в Европе, ставшего в последствие директором ЦРУ, против СССР.

Данный алгоритм поражения СССР (Директива № 20/1 «Цели США против России» от 18.08.48 г.) был впервые публично опубликован в Сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг.» (США, 1978 г.) в котором раскрывались основные направления подрыва общественно-политического строя в России, а именно:

- постепенная подмена российских нравственных и культурных ценностей на фальшивые ценности;

- насаждение культа секса, насилия садизма и предательства;

- разрушение представлений о необходимости ведения плановой системы экономики и развития новых способов промышленного производства в СССР;

- рекламирование необходимости создания в СССР социальной прослойки (мелких собственников), которая могла бы свободно распоряжаться государственной собственностью, как своей собственной, т.е. создание коррупционной системы в государственном управлении (в этот период как раз начали формироваться основы понятия «демократия вместо коммунизма»);

- постоянное вытравливание из русской литературы и искусства социальной сущности русского народа;

- уничтожение понятия «культурное наследие русского народа»;

- культивация национализма и вражды народов, живущих в России и т.п.

26. Сегодня ведущие российские политологи выделяют в проекте А. Даллеса три этапа низвержения русских, а именно – первый этап – низвержение русского народа на уровень народов трехстепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа;

- второй этап – направление русского народа на путь биологической деградации и вымирания, вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительной группы.

Интересен тот факт, что сегодня планы США предполагают сокращение русского народа до пятидесяти и даже тридцати миллионов человек, а также стимулирование детских заболеваний, алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности.

Более того, планируется «сжатие» русских в сравнительно небольшом пространстве Европейской России. Возможно введение закона пропорционального разделения территорий в зависимости от числа людей. Тогда на «законных» основаниях русских просто согнут в резервации, как индейцев в Северной Америке;

- третий этап – вычеркивание русских как народа из мировой истории.

В директиве президента США «СНБ-68» от 30 сентября 1950 г. были поставлены задачи вести «открытую психологическую войну» с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушить иные замыслы Кремля.

27. В апреле 1951 г., при активном участии в том числе и российских ученых, тесно сотрудничавших с ЦРУ, для президента США был подготовлен документ «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи». В нем предлагалось, прежде всего, убедить советский народ в отсутствии враждебности США по отношению к нему (хотя именно в это время шла интенсивная подготовка США к коалиционной атомной войне против Советского Союза), внушить ему мысль о возможности иного, более «справедливого» строя, альтернативного коммунистическому.

Для этого рекомендовалось на основе внимательного изучения духовных ценностей, моральных и этических концепций советского народа установить, какие из ценностей советского общества идентичны ценностями западного мира. Затем предлагалось использовать эту идентичность в пропагандистских материалах (радиопередачах, кинофильмах, книгах, газетных и журнальных статьях), предназначавшихся советскому народу, для подстройки к нему и постепенному изменению его ценностей, навязывания стремления к американской системе ценностей, а затем и к тому социальному устройству общества, которое обеспечит реализацию этих ценностей. Безусловно, теоретические основы «психологической войны» против Советского Союза, разработанные госдепартаментом, научными структурами Центрального разведывательного управления и министерства обороны США в течение первых лет после окончания второй мировой войны, оказались недостаточно эффективными для решения поставленных задач и были существенно модифицированы и пополнены новым психологическим инструментарием.

28. Так, появились многочисленные исследования и книги, посвященные разработке отдельных аспектов «Пособие по ведению психологической войны» У. Догерти и М. Яновица; «Психологическая война» Лайнбарджера; «Психологическая война» Подовера и Ласвелла; «Характер психологической войны» Шрамма и др.

29. Идеологическая война, изначально сориентированная на реализацию политики «с позиций силы», открытую борьбу с коммунистическими идеями, выразившись в доктрине «отбрасывания коммунизма», сменилась в конце 50-х гг. доктриной «сдерживания», а в начале 1960-х гг. дополнилась теориями «размягчения коммунизма», концепциями «пробуждения», «обволакивания», «градуализма».

В соответствии с этими теориями путь к разрушению социализма лежал через два направления ликвидации строя в Советском Союзе:

во-первых, сопровождение марксистской и партийной фразеологией «объективной» и «доброжелательной» критики социалистического строя;

во-вторых, разложение социалистических государств через длительный период «инfiltrации» антисоциалистических элементов в коммунистические партии, руководящие государственные органы, в аппарат средств.

Психологической доктриной и иных государств, заинтересованных в максимальной полезности для себя, является дестабилизация национального бытия, превращение наций в «атомизированных индивидуумов», готовых ради «финансового успеха» на любые действия.

30. Ещё в 70-е годы З. Бжезинский в книге «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» заявил, что США для осуществления вышеназванного плана разрушения СССР должны будут решить три главные задачи:

внести (при помощи дезинформирования) изменения в структуру, приоритеты и шкалу базовых национальных ценностей русских;

обеспечить «распад связи времен», т.е. сделать очевидным разрыв поколений;

сделать жизнь в стране невыносимой, одновременно соблазняя её население «химическими благостями иноземного быта», якобы доступных при другом политическом режиме.

Кроме этого, американский президент Рейган санкционировал проект «Истина», нацеленный на пропагандистскую кампанию по объединению всех западных сил против «советской военной угрозы» (заложенная в проекте идея «крестового похода» была развита в программе «Демократия и публичная дипломатия»).

31. Как подчеркивает в своих работах А.Е. Тарас, важный вклад в развитие теоретических основ психологической войны, внесли также стратегическая концепция «соперничества», разработанная Министерством обороны (во времена правления президента Рейгана), и «Доктрина освобождения», подготовленная исследовательским центром «Фонд наследия» администрации Д. Буша.

В соответствии с концепцией «соперничества», дезинформационные мероприятия, осуществлявшиеся с помощью открытых публикаций, были выбраны в качестве одного из решающих средств экономического изматывания Советского Союза, перенапряжения его сил в военном противостоянии с США, а информационно-психологическое воздействие на сознание, чувства и волю советского народа с учетом новых условий гласности предполагалось сделать максимально активным и наступательным, особенно в направлении искажения целей и задач советской внешней и внутренней политики, «раздувания» существующих объективных и субъективных трудностей.

Таким образом, целью внешнего информационно-психологического воздействия западных государств на Советский Союз была ликвидация его политического режима и развал «советской империи».

32. Если США опирались на методы информационно-психологического воздействия на все жизненно важные стороны существования и характеристики общественного сознания в нашей стране, то в СССР не было даже настоящего понимания сути происходящего, что привело к тому, что к концу 80-х годов страна была подведена к порогу разрушения. В России к началу XXI в. с созданием информационного общества ситуация резко изменилась и возникли уже противоречия иного уровня: между стремлением развитых держав мира управлять Россией по собственному сценарию развития и самостоятельным существованием государства; между существующей так называемой российской идеологией и идеологией ориентированной на Запад и т. п.

33. Более того, сегодня существующие противоречия переросли в разряд психологической войны против России, в которой иностранными государствами применяются различные методы влияния на общественное сознание российских граждан, порождающие кризисные ситуации в общественно-политической жизни общества.

Их можно разделить, по мнению автора, на три уровня: верхний, основной и глубинный:

– к верхнему уровню можно отнести общественное мнение, которое носит изменчивый характер (оно относительно неустойчиво и имеет сравнительно малое время жизни);

– основной уровень является аналогом картины мира у отдельного человека;

– глубинный уровень (или подоснову общественного сознания) можно грубо сравнить со слоями индивидуального сознания, формируемыми в раннем детстве и накладывающими свой отпечаток на всю жизнь (данный уровень находит свое выражение в морали, идеалах, целях, ценностях, понятиях добра и зла, а также в духовных традициях народов).

Сегодня на фоне созданного эмоционального состояния «ошеломления» и «сомнения» в правильности целей, поступков, ценностей как раз и осуществляется внедрение иностранными государствами в сознание российского общества ориентиров извне. Причем делается это замаскировано, скрытно, так, чтобы не заметили те, на кого оказывается информационно-психологическое воздействие.

34. Вследствие этого начало XXI в. в России по существу и характеризуется потерей старинных русских традиций, преемственности поколений, связи времен и в целом изменением духовной среды.

Кроме того, в конце XX в. возникло серьёзное противоречие между двумя сторонами общественного сознания: личной и общественной, где в конечном итоге определяющей стала первая и в Российской Федерации установился новый культ – культ потребления (если у тебя есть доллары и ты силен, то имеешь все, что хочешь, но, если нет веры, то «все дозволено», как писал Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»). Сегодня в России суть психологического воздействия иностранных государств составляет воздействие на общественно-политическую сферу способное управлять людьми, заставить их действовать против своих интересов, и это можно рассматривать как определенный аналог вирусного заболевания, внедряющийся в клетку организма (в нашем случае в общественно – политическую сферу государства) и встраивающийся в управляющие процессы молекулы ДНК, при котором клетка внешне остается такой же, как и была и даже процессы в ней идут такого же типа, но управляет ею вирус. Болезнь же при этом проходит три фазы: внедрение, выделение токсинов (на данном этапе появляются противоречия, ведущие к разрушению структуры клетки) и гибель.

35. Со своей стороны, в таких условиях пропаганда, шпионаж, диверсии могут иметь лишь вспомогательное значение, а роль вируса в России играет управляемая извне «пятая колонна» внутри страны, которая должна внедриться именно в управление общественным сознанием, в идеологическую сферу и, как вирус в ДНК, быть неотличимой от окружения.

Интересен тот факт, что представители «пятой колонны» в России как бы и нет. В СССР они делали то же, что и все (встраиваясь в процессы, они не только не критиковали существующие порядки, но, напротив, выглядели «суперпатриотами» или «сверхкоммунистами», выражали высшую преданность режиму, клеймили империализм).

36. Идеологическая сфера СССР в результате закрепления в ней «пятой колонны» стала ядром, основой психологического воздействия, ведущейся внутри страны. Среди применявшихся ею методов один из наиболее эффективных – постепенное доведение идеологических кампаний и лозунгов до абсурда, что компрометировало существующий режим

в общественном сознании и вызывало противоречия между существующим строем и массовым сознанием населения.

К примеру, в последние годы XX в. нарушались взаимосогласованные сверстанные планы. Вождям давался совет вставить еще (и еще) одно супернеобходимое мероприятие в пятилетку.

37. Более того, вирусное заболевание имеет скрытый латентный период, но после его окончания наступает острая стадия – весь организм (в нашем случае государство) переходит в возбужденное неустойчивое состояние. И именно в этот период возникает вероятность гибели организма. Точно так же при организации изменения существующего строя необходимо подвести общество к неустойчивости к возникновению противоречий в общественно-политической сфере государства. Примером служат действия гитлеровцев в начале 30-х годов и полное бездействие многих наших безответственных политиков перед страной и ее народом в конце XX и начале XXI вв.

Именно в создании и раздувании кризисных ситуаций и состоит основной механизм действия идеологического вируса в Российской Федерации, способствующий росту противоречий в общественно-политической сфере общества (это позволяет использовать многих людей «в темную», когда они, борясь с конкурентом, фактически выполняют задачи «пятой колонны»).

Если вдуматься в содержание происходящих в России процессов в общественно-политической сфере, то необходимо отметить, что конец XX в. и начало нынешнего, особенно последние 20 лет, характеризуются постоянным усилением роли информационно-психологического влияния иностранных государств на все важнейшие сферы жизни нашего государства, целью которого является перераспределение власти и, в конечном счете – ресурсов (материальных, интеллектуальных и т.п.), с одной стороны, с другой – бездействие властей Российской Федерации.

38. В результате идеологической войны к началу нового столетия произошло разрушение структурированности общества, его «атомизация». Это способствует замене декларируемого для демократического общества социального управления через систему согласования и учета интересов основных социальных групп – социального партнерства на «информационное управление» – управление посредством манипулирования.

История убедительно свидетельствует: любая идеологическая война или насилие – постоянные и неизбежные спутники великодержавного шовинизма, и допустить, чтобы они диктовали свою волю России или мировому сообществу, – это означало бы только одно – сползание к ядерной войне.

39. Приговор Трибунала, признавший агрессию тягчайшим международным преступлением и покаравший организаторов и исполнителей преступных планов агрессивной войны, справедливо расценивается всеми прогрессивными людьми мира как приговор истории. Удалось достичь главного: фашистские главарь сели на скамью подсудимых и понесли кару в соответствии с тяжестью содеянного. Удалось утвердить в международном праве положение о том, что, поскольку фашистские военные преступники и их преступления против мира по самой своей природе являются преступлениями международными, к ним неприменима общеуголовная давность. Проще говоря, преступник должен понести неотвратимое наказание, сколько бы времени не отделяло суд от момента совершения преступления.

40. Актуальность Нюрнбергского процесса сегодня, прежде всего, в том, что состоялся суд над фашизмом – теми силами, которые развязали Вторую мировую войну, породили массовые чудовищные преступления против мира и человечества. Основная задача процесса заключалась не только в наказании преступных руководителей гитлеровской Германии. Главный обвинитель от США Р. Джексон 21 ноября 1945 г. сказал: «Мир мало волнуется их судьба как отдельных личностей».

Восстановление международного правопорядка, исключаящего агрессивные войны как источник преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, утверждение норм и принципов международного права и прав человека там, где они были попорчены массовыми убийствами, насилием, пытками и порабощением – вот цель Нюрнберга. Нельзя допустить, чтобы сегодня люди рассматривали фашизм в любых его формах как уже преодоленную для мира опасность. Поэтому спустя 68 лет мы должны в полной мере отдавать себе отчет в том, что вынесенный Международным трибуналом в Нюрнберге приговор и в наши дни может служить юридической основой пресечения агрессивных войн и привлечения к уголовной ответственности физических и юридических лиц за преступления против мира и человечества.

41. Планируя создание Международного военного трибунала и проведение международного судебного процесса над главными нацистскими военными преступниками, державы антигитлеровской коалиции руководствовались принципами неотвратимости ответственности и наказания всех нацистских преступников, виновных в массовых злодеяниях против народов Европы и самого немецкого народа. Нюрнбергский процесс должен был создать международно-правовую основу уголовной ответственности всех физических лиц и организаций, виновных в тягчайших преступлениях. Его опыт и решения должны были в дальнейшем лечь в основу деятельности немецких судов по преследованию и наказанию нацистских преступников. С этой целью четыре оккупационные державы в лице их высшего органа власти на территории оккупированной Германии – Союзного контрольного совета – создали правовую основу судебного преследования и наказания нацистских преступников.

42. 20 декабря 1945 г. был издан Закон № 10, по которому к уголовной ответственности немецкими судами должны были привлекаться виновные не только в преступлениях, определенных Лондонским статусом от 8 августа 1945 г. как военные преступления, преступления против мира и человечности, но и в преступлениях, совершенных до начала войны. Кроме того, закон объявлял уголовно наказуемым деянием членство в организациях, признанных Нюрнбергским военным трибуналом преступными, что считалось доказанным и не могло оспариваться в других судебных процессах. Это позволяло в дальнейшем ликвидировать сложности при доказывании вины подсудимых. В закон входили положения, определявшие деятельность немецких судов в области восстановления правовой культуры и нормализации государственно-правовых отношений в послевоенной Германии на базе права и морали. С самого начала он подвергался резким нападкам со стороны консервативных немецких юристов. Его критиковали за то, что он был якобы плохо составлен и не соответствовал традициям немецкой юридической мысли, был отягощен расплывчатыми определениями составов преступлений и неясными дефинициями вины. Нападкам подвергались также решения Верховного суда, учрежденного в британской зоне оккупации, за будто бы имевшие место нарушения принципов о запрете обратной силы закона и неприменении сроков давности, допускаявшихся судом вопреки заповедям германского уголовного права и вследствие Закона № 10.

43. После образования ФРГ западногерманские судебные органы при расследовании дел о нацистских преступлениях стали пользоваться только германским уголовным правом, произвольно отказавшись от применения закона № 10. Этому способствовало и общее политическое развитие страны, приведшее к тому, что западные оккупационные власти по настоянию правительства К. Аденауэра в 1951 г. упразднили действие упомянутого закона. Таким образом, была ликвидирована не только единая правовая основа наказания нацистских преступников, созданная Союзным контрольным советом. Фактически суды ФРГ и в политическом отношении

были избавлены от необходимости руководствоваться важными принципами Нюрнбергского процесса, признанными к тому времени во многих документах ООН нормами международного права. Тем самым подчеркивались особо значимые в плане осуждения нацистских преступников положения ст. 7 и 8 Устава Международного военного трибунала: должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания; тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности и может рассматриваться лишь как довод для смягчения наказания.

44. Большое значение имела квалификация Нюрнбергским трибуналом массовых уничтожений узников концлагерей и в целом деятельности лагерей смерти как «механизма убийств». Это было единственно верное определение. Участие в такой деятельности, по мнению Международного военного трибунала, служит достаточным основанием для обвинения в пособничестве или соучастии в убийстве и в дополнительных доказательствах не нуждается, как и в случае участия в признанных трибуналом преступных организациях – СС, гестапо, НСДАП и др. Руководствуясь данными принципами, западно-германская юстиция в ходе судебных процессов над нацистскими преступниками могла бы с самого начала избежать ставших характерными для нее сложностей с предъявлением доказательств, приводивших к донесению многочисленных неправомερных оправдательных приговоров и назначению до смешного мягких наказаний. Этому же способствовали и длительные проволочки и затягивания судебных разбирательств. Нацистские преступники зачастую избегали наказания по той причине, что к ним применялись сроки давности на основании обычного уголовного права. Игнорирование Нюрнбергских принципов противоречит и ст. 25 Основного закона ФРГ, в которой общепризнанные нормы международного права провозглашаются в качестве составной части права страны.

45. Еще до оглашения приговора Международного военного трибунала его заявлением от 20 сентября 1945 г. и Законом № 2 Союзного контрольного совета от 10 октября 1945 г. были запрещены основные нацистские организации, в том числе СС, и их подразделения. Несмотря на то, что все они были объявлены преступными, а членство в них – уголовно наказуемым деянием, это не смогло предотвратить восстановление их деятельности и активности в ФРГ. Постоянные требования демократической общественности запретить эсэсовские союзы и объединения отклонялись властями под тем несостоятельным предлогом, будто отсутствует законное основание для их запрета. Очевидно, и приговор Нюрнбергского трибунала таким законным основанием ими не признается. Между тем ст. 139 Основного закона ФРГ содержит четко сформулированное предписание, по которому решения союзников, «принятые в целях освобождения германского народа от национал-социализма и милитаризма, остаются в силе и не могут затрагиваться постановлениями Основного закона», что служит юридическим обоснованием положения о запрете СС, содержащегося в Законе № 2 Союзного контрольного совета и приговоре Нюрнбергского трибунала. Именно исходя из этих юридически забытых положений следовало бы запретить любую деятельность эсэсовских организаций, в том числе собрания и демонстрации, проводимые союзами ветеранов СС,

которые не вправе ссылаться на гарантируемую Основным законом свободу собраний. Нежелание запретить эсэсовские организации выявляет не слабость права, а отсутствие политической воли.

Историческая ценность же процесса состоит в том, что его материалы решительно разоблачают всякие попытки реабилитировать преступную германскую военщину. Нацистская партия была вытеснена монополистическим капиталом и милитаристскими кругами, рассматривавшими ее как свою опорную организацию. По сути, осуждено само фашистское государство, превращенное в орудие преступлений.

Нюрнбергский процесс и сегодня остается острейшим оружием в борьбе за мир, против агрессоров.

Нюрнбергский процесс действительно стал водоразделом в истории Международного права. Приговор Международного военного трибунала покончил не только с наиболее тяжкими военными преступниками, но что гораздо важнее, – с вековой безнаказанностью агрессии и агрессоров.

Суровый, но справедливый суд в Нюрнберге и его уроки – предостережение всем тем силам, которые намерены вернуть человечество в пучину ядерного безумия.

Победа в Великой Отечественной войне далась Советскому народу ценой жизни миллионов своих лучших сыновей и дочерей. Но не только это побуждает нас сохранять память о величайших испытаниях; павшие и безмерные страдания выживших продолжают незримо присутствовать в душах людей. Это подчас неосоздаемое и, во всяком случае, нематериальное присутствие учит нас думать и сострадать. Это и есть одна из краеугольных основ национальной идеи России.

Но духовная память только тогда обладает животворящей силой, когда сочетается с мудрой и беспристрастной оценкой суровых уроков, оставленных нам в назидание. Потеряв в Великой Отечественной войне и в ходе истребления собственного народа десятки миллионов человек, в конце XX в. страна потерпела новую катастрофу, не менее, а возможно, и более разрушительную. Кроме распада некогда великой державы, кроме несвойственных мирному времени людских потерь, утрате значительной части экономического и военного потенциала, мы понесли трудновосполнимые утраты в нравственной и моральной сфере, допустили вымывание таких общественных ценностей, как единство и общность народа, целенность людей на созидательный труд. Последствия этой катастрофы не преодолены до сих пор, а объективный взгляд на вещи показывает, что потребуется еще не одно десятилетие упорного и настойчивого труда, чтобы, по крайней мере, восстановить утраченное.

Наша святая обязанность, наш неоплатный долг перед памятью героев, в жесточайших битвах отстоявших свободу и независимость нашей Родины, состоит в обязанности неустанным трудом укреплять могущество Российского государства, бережно и настойчиво воссоздавать систему общественной нравственности и народных традиций.

Прав был Р. Эмерсон, сказавший, что «истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной»

Копылов С.М., Мохаммад С.А.
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируются особенности экологической политики, начиная с 1990-х гг. Проводится сравнительно-правовое исследование принципов и институциональной основы экологической политики 1990-х гг. и экологической политики 1970–1980-х гг. Экологическая политика стала носить многосторонний характер. В ее выработке стали принимать участие как государства и государственные учреждения, так и неправительственные организации, транснациональные корпорации и отдельные индивиды. Выявлены и проанализированы основные концепции экологического управления: концепции институционализации, модернизации и многоуровневого управления.

Ключевые слова: экологическая политика, межсекторальная ответственность, институционализация, многоуровневое управление, многосторонняя политика.

Kopylov S.M., Mohammad S.A.
ON THE EVOLUTION OF THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF INTERNATIONAL
ENVIRONMENTAL POLICY

The article analyzes the characteristics of environmental policy since the 1990s. A comparative study of the principles and institutional bases of environmental policy of the 1990s and environmental policy of the 1970–1980s is conducted. Environmental policy has become multilateral. Not only states and governmental bodies but also non-governmental organizations, multinational corporations and individuals became involved in it. The basic concepts of environmental management were identified and analyzed: the concepts of institutionalization, modernization and multi-level governance.

Key words: environmental policy, cross-sectoral responsibility, institutionalization, multi-level governance, multilateral policy.

Как неоднократно отмечалось в трудах специалистов в области международного экологического права, экологическая политика с начала 1990-х гг. претерпела существенные изменения по сравнению с экологической политикой 1970–1980-х гг.

С начала 1980-х гг. человечество было вовлечено в ряд фундаментальных политически ориентированных исследовательских проектов по таким вопросам, как национальная и европейская политика по отходам, охране окружающей среды, грунтовыми водами, экологическая политика в отношении отраслей, конкретных регионов экологического планирования и т. д. Эти проекты, в одних случаях более ограниченные, в других – более всеобъемлющие, выявили некоторые общие изменения в экологической политике с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Суть этих изменений сводится к следующему: внедрение и более широкое использование таких понятий, как «устойчивость», «биоразнообразие», «комплексная оценка воздействия на окружающую среду», «качество окружающей среды» и других, отражающих дискурс экологической политики. Это в свою очередь указывает на существенное изменение в определении проблем, в их наименовании и обрамлении, в предпочтительном пути их решения.

Так, экологические проблемы все чаще оказываются связанными с другими областями социальной обеспокоенности, например, с социальными, экономическими и технологическими вопросами и, соответственно, их решение почти всегда обусловлено решениями в других сферах политики, таких как сельское хозяйство, инфраструктура, транспорт, технологии и т. д.¹ Следовательно, ответственность за их решение возлагается уже не только и не исключительно на экологические ведомства и агентства. Начиная с 1990-х гг. экологическая политика постепенно стала многоотраслевой, призывая к общей ответственности в этой сфере различных секторов через координацию и интеграцию.

Эти изменения и их последствия происходили параллельно с относительно успешным введением второго набора понятий: «заинтересованные стороны (подходы)», «разде-

ление ответственности», «комплексное управление», «совместное производство» и т. д. Эти понятия явно указывают как на возобновление роли и обязанности участвующих учреждений, так и на новые конфигурации и коалиции между ними. Разработкой экологической политики занимались преимущественно сами государства. Теперь это стало предметом общей ответственности не только на словах, но и привело к новой социальной практике. Наблюдаются усиливающаяся заинтересованность в решении экологических проблем – *Con Amore* или *Contresoeur* – у индустриальных предприятий и их попытки устанавливать частные стандарты, с одной стороны, и активное вовлечение в различные процессы выработки политики различных экологических групп, ранее противостоявших друг другу, с другой стороны.

Экологическая политика превращается в сферу взаимодействия все большего числа акторов, что означает не только количественное расширение круга субъектов. Кроме того, это привело к качественным изменениям роли и взаимоотношений участвующих учреждений в распределении обязанностей между ними и т. д.

Вдохновленное и легитимизированное этими новыми существенными стратегическими концепциями, взаимодействие учреждений в более крупных масштабах привело к появлению новых форм и практик в разработке политики. Экологическая политика изначально не являлась областью доминирования государства, она также в основном строилась на стратегии регулирования и управлялась в соответствии с ранее преобладавшими принципами планирования.

С конца 1980-х гг., однако, наблюдались различные региональные и местные инициативы и проекты с заинтересованными в разного рода переговорах сторонами. Мы стали свидетелями появления новых подходов к участию и наблюдали переговоры между государственными предприятиями и частными предприятиями с неправительственными организация-

Копылов С.М.

Мохаммад С.А.

1 См.: Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1 (77). – С. 110–130.

ми, зачастую оканчивавшиеся добровольными соглашениями или частно-государственными партнерствами¹.

Не стремясь оценивать эти новые стили и практики экологической политики с точки зрения повышения их эффективности, тем не менее отметим, что экологическая политика стала заключать в себе большое разнообразие в части, касающейся ее выработки, организации и управления².

Наконец, укажем на все более трансграничный и транснациональный характер экологической политики. В то время как Европейский Союз постепенно разработал свою собственную экологическую политику, местные и транснациональные операционные частные компании и неправительственные организации призвали заинтересованные государства координировать свою политику по примеру Рейна и Северного моря. Это лишь один из примеров, которые способствовали быстрой интернационализации экологической политики. Интернационализация, однако, сама по себе не означает ослабления роли на местном уровне и все возрастающее значение глобального уровня. Скорее, мы наблюдаем многоуровневый характер экологической политики. Последнее означает, что политика все чаще разрабатывается, обсуждается и реализуется на разных уровнях государственного управления одновременно. Так как эти уровни используют различные определения проблемы, позволяют различным учреждениям принять участие и работают в разных правовых системах, наиболее вероятно, что они придумывают различные подходы и, возможно, противоречивые стратегии, но создают при этом новые возможности для заинтересованных групп включиться в процесс на разных этапах. Это, в свою очередь, лишним раз подчеркивает необходимость в координации политики.

Выявленные изменения касаются как содержания политики, так и ее стратегии и организации.

Отмеченные изменения в экологической политике стран Западной Европы и других регионов в различные годы анализировались в работах ученых различных стран: Б. Артса, П. Лероя³, Дж. Барри⁴, Ю. Бэка, Д. Богарта и многих других.

В первую очередь эти подходы в значительной степени, хотя и неявно, были основаны на рациональной парадигме выбора и, соответственно, на синоптических взглядах на экологическую политику. И лишь небольшая часть исследователей обратила внимание на политический и институциональный аспекты⁵.

Говоря же в целом, задуманная с 1980-х – начала 1990-х гг. реформа экологической политики в Западной Европе была продиктована соображениями повышения ее эффективности и легитимности. При этом наиболее существенные изменения коснулись экологической политики в Нидерландах, которые послужили отправным пунктом для их последующего распространения на всю Европу.

Говоря так, мы не претендуем на разработку какой-либо уникальной теории экологической политики в рамках международного экологического права. Мы стремимся больше по-

казать практические результаты произошедших изменений с некоторой коррекцией основных институтов этой отрасли международного права. Отсюда и условное название нашего подхода – «двойные амбиции».

Во-первых, на базе классической социологии и пересмотренных идей А. Гидденса мы стремились достичь баланса между смыслом и рациональным поведением учреждений и ведомств, ответственных за экологическую политику, с одной стороны, и структурными факторами, способствующими инновационной политике, с другой. Предлагаемая институциональная динамика рассчитана на усредненные показатели, в которых должно внимание уделяется ведомствам и структурам.

Во-вторых, мы относим экологические проблемы к числу таких, с которыми приходится сталкиваться высокомодернизированным обществам и на которые таким обществам приходится искать ответы. Из этого следует, что экологические проблемы, как нам представляется, являются более фундаментальными и всеобъемлющими и в этом качестве стоят перед всеми современными обществами. Все они должны анализироваться соответствующим образом, равно как и реакция на них должна быть адекватной. Поэтому и экологическая политика должна рассматриваться с позиций более широких перспектив, нежели это делает западная классическая концепция общественного администрирования.

Иными словами, мы как бы преследуем двойную цель:

– проанализировать последние изменения и модели стабильности по вопросам экологической политики, институциональной динамики;

– связать эти «специфические» изменения в повседневной экологической политике в приемлемой форме с общественными и политическими тенденциями.

Ключевыми понятиями в нашем подходе стали: «институционализация», «политическая модернизация», «политические договоренности».

Во-первых, мы имеем в виду основную концепцию социологической традиции: концепцию учреждения. Эта концепция рассматривалась и пересматривалась тысячи раз, пока в 1980–1990-е гг. не появилась концепция неоинституционализма⁶.

Другие авторы рассматривают эту концепцию в диапазоне между такими экстремальными величинами, как институционализм, ориентированный на акторов, и структурно-ориентированный институционализм, пытаясь их примирить⁷.

Преимуществом такого представления является то, что оно позволяет позиционировать ряд парадигм и подходов в области социальных наук в целом и с учетом экологического анализа политики в частности.

Для начала попытаемся ограничить наши рассуждения дуализмом подхода «актор-структура». Основным звеном в этом подходе являются агентства, которые по замыслу разработчиков должны быть хорошо осведомленными и отличаться рациональным поведением.

С этой точки зрения вопросы окружающей среды в первую очередь проявляются как «трагедия ресурсов общего пользования», «трагедия общин» в глобальном масштабе⁸, как краткосрочные сбои рыночного механизма из-за непредвиденных последствий агрегированного индивидуального поведения. Эти рыночные сбои должны выправляться экономии-

1 См.: The voluntary approach to environmental policy: joint environmental approach to environmental policy-making in Europe / A.P.J Mol, V. Lauber, D. Liefferink (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2000.

2 См.: Leroy P., Nelissen N.J.M. The paradigm shift in environmental policy research // *Greening society – the paradigm shift in Dutch environmental politics* / P.P.J. Driessen, P. Glasbergen (eds). – Kluwer, Dordrecht, 2002.

3 См.: *Verandering van politiek, vernieuwing van milieubeleid: klassieke en post-moderne arrangementen* / B. Arts, P. Leroy (eds). – Nijmegen: Nijmegen University Press, 2003.

4 См.: Barry J. *Environment and social theory*. – Routledge, London, New York, 1999.

5 См.: Frows J. *Mest en macht: een politiek-sociologische studie naar belangenbehartiging en beleidsvorming inzake de mestproblematiek in Nederland vanaf 1970*. – Wageningen: Landbouwniversiteit Wageningen, 1993.

6 См.: Hall P.A. and Taylor R.C.R. *Political science and three new institutionalisms* // *Political studies*. – 1996. – Vol. 44. – № 4. – P. 936–957.

7 См.: Hirsch P.M. *Ending the family quarrel: towards a reconciliation of “old” and “new” institutionalism* // *American Behavioural Scientist*. – 1997. – Vol. 40. – P. 406–418.

8 См.: Hardin G. *The Tragedy of the Commons* // *Science*, 1968, December 13. – № 168. – P. 1243–1248; Soroos M.S. *Garrett Hardin and Tragedies of Global Commons* // *Handbook of Global Environmental Politics* / P. Dauvergne (ed.). – Cheltenham(UK), 2005. – P. 35–40.

ческой политикой, которая в своей основе должна опираться на рациональную модель поведения¹.

Структурно-ориентированный подход, напротив, рассматривает проблему охраны окружающей среды больше с инструментальных позиций, чисто механистически, не доверяя экологической политике в вопросе внесения каких-либо корректив в состояние качества окружающей среды.

Многие авторы, находящиеся на позициях неоконмунизма и критической теории (Уил², Барри³, Шнайберг⁴ и др.) скептически оценивают возможности природоохранных мер политики, которые они рассматривают как «реформистские», так как они не учитывают системные причины деградации окружающей среды.

Как результат, в этих исследованиях ведущая роль отводится общественному экологическому управлению, которое, например, доминирует в Нидерландах и в котором отсутствует какая-либо идеологическая подоплека. Через конструктивистские подходы эти теории были перенесены на международную арену⁵. Хайер, в свою очередь, обращается к идеино-организационной двойственности при оценке относительного успеха «экологической модернизации» и других инновационных концепций и их влияния на организацию и стратегию в области экологической политики⁶.

В экологическом анализе политики эта парадигма не очень хорошо представлена, хотя проведенный Р. Сайрином анализ экологической политики Финляндии сочетает в себе традиционный анализ политики с властным подходом. Наконец, имеется достаточно большая группа авторов, вдохновляемых критической теорией. Но в их трудах чаще можно встретить политические заявления, чем эмпирический анализ экологической политики. Например, в трудах У. Бека экологические риски рассматриваются как следствие простой модернизации.

Мы не стремимся преодолеть различия и каким-то образом примирить представленные концепции и подходы, но, выдвигая идею институциональной динамики, мы осознаем необходимость опираться при этом на все изложенные концептуальные модели. Это позволяет нам не рассматривать односторонне имеющиеся подходы к реформированию экологической политики и не позволяет каким-либо идеям и оценкам занять доминирующие позиции в дискурсе.

Впитав в себя все многообразие, разнообразие и богатство имеющихся подходов, наши идеи институционализации относятся к постепенной стабилизации определения проблем и подходов, стратегий и решений в конкретных областях политики. Они также относятся к более или менее фиксированным формам подразделения задач и взаимодействий, которые складываются между участниками процесса, к стабилизации более или менее фиксированных правил игры и т.д.

Пример институционализации экологической политики в Нидерландах показывает, что она включает в себя познавательные, интерактивные и нормативные параметры, в рамках которых происходит укрепление институциональных моделей поведения, которые ограничивают возможности и создают дополнительные препятствия, порой непреодолимые для агентств.

Теперь что касается второго ключевого понятия – «модернизация». Это тем более важно, поскольку ряд известных ученых (У. Бек⁷, С. Лаш⁸ и др.) полагает, что западное общество вышло на качественно новый, более высокий уровень развития. Как нам представляется, это указывает на новые векторы долгосрочной модернизации западных обществ.

Этот новый поворот, как говорят, был вызван технологическими, экономическими, социальными и политическими изменениями. Ученые называют это глобализацией⁹, дематериализацией наших экономик, ростом потоков по ИКТ; другие относят его к рискам и необратимым экологическим последствиям¹⁰.

Поразительно, что почти все авторы сегодня обсуждают вопрос о том, что экологические трудности наилучшим образом иллюстрируют современную модернизацию и те проблемы, которые она порождает. Вне зависимости от того, называют ли они происходящие изменения политической модернизацией, или экологической модернизацией, они относятся к последним социальным изменениям как к наиболее выдающимся демонстрацией новой модернизации, включающей в себя создание новых политических и социальных образований, которые в состоянии организовать новые возможности и легитимность, необходимые для адекватного решения этих вопросов.

Политологи действительно назвали серию недавних изменений в западной политике сдвигами в управлении.

Общее управление в сфере охраны окружающей среды сегодня больше уже не является исключительной привилегией государственных органов и агентств. Оно в большинстве случаев *de facto*, а еще чаще *de jure* представляет собой зону общей ответственности правительственных органов и учреждений, представителей рыночной экономики и гражданского общества. И хотя, как показывает нео-корпоративистская концепция принятия решений, теория принятия решений множественным числом авторов давно прижилась в ряде европейских государств, мы являемся свидетелями ее распространения на новые области политики, одной из которых является экологическая политика, и появления новых форм управления в этих областях. Поэтому управление является многомерной концепцией, относящейся к новым практикам политики, к руководству обработкой, организацией и взаимодействием.

Эмпирически новые правила и образцы взаимодействия между правительственными учреждениями, представителями рыночной экономики и организациями гражданского общества, разнообразные соглашения, пакты и договоры между частным и государственным секторами требуют их скорейшего восприятия и сферой экологии. Иными словами, эмпирические наблюдения со всей очевидностью представляют собой более объемные изменения, которые требуют анализа представителями политологии, не входящими в сферу действия науки об экологии. Некоторые из этих ученых предлагают новые образцы управления, которые в состоянии обеспечить большую подвижность, нежели предшественники нынешних правительств. Мы считаем, однако, что еще предстоит оценить практику эмпирических доказательств того, до какой степени эти формы многостороннего управления действительно представляют собой изменения в легитимности и ответственности и насколько они повышают способность нашего общества решать стоящие перед ним проблемы.

Одновременно ученые-политологи обращаются к многоуровневой системе управления. Беря свое начало в европей-

1 См.: Weale A. The new politics of pollution. – Manchester: Manchester University Press, 1992.

2 Там же.

3 См.: Barry J. Environment and social theory. – Routledge, London, New York, 1999.

4 См.: Shnaiberg A. The environment. – Oxford: Oxford University Press, 1980.

5 См.: Dryzek J. The politics of the Earth, environmental discourses. – Oxford: Oxford University Press, 1997.

6 См.: Hajer M.A. The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

7 См.: Beck U. Risk society – towards a new modernity. – Sage, London, 1992.

8 Risk, environment and modernity / S. Lash, B. Szerezinsky, B. Wynne (eds). – Sage, London, 1996.

9 См.: Castells M. The information age: economy, society and culture. – Vol. II The power of identity. – Malden, Oxford: Blackwell Publishers, 1998.

10 См.: Spaargaren G., Mol A.P.J., Bittel F.H. Environment and global modernity. – Sage, London, 2000.

ских исследованиях, эта концепция с годами существенно расширилась¹. В настоящее время она выступает за то, что многосторонняя политика может вырабатываться и развиваться одновременно на разных уровнях, что эти уровни могут взаимопересекаться, могут отличаться друг от друга и даже вступать в конфликт между собой и что учреждениям следовало бы определить свою роль применительно к различным уровням. Концепции институционализации, модернизации и многоуровневого управления оказываются все вместе на вооружении ученых, когда местные экологические группы вступают в контакт с экспертами и политиками на европейском уровне, минуя национальный правительственный уровень и процедуры принятия решений, создавая тем самым новые политические пространства или политические институты в процессе становления. В этом случае мы имеем дело с изменениями, которые выходят далеко за границы только экологической политики. Тем не менее, мы ограничимся анализом и оценкой их характера в эмпирических исследованиях в области окружающей среды.

Выше мы уже указывали на двойную цель, которую мы преследуем: 1) взглянуть на процессы экологической политики с точки зрения институциональных перспектив, балансируя между учреждениями и структурой, отдавая должное существенным, равно как и институциональным, аспектам политических процессов; 2) принять во внимание долгосрочные процессы, характеризующие современное общество, объединенные на начальном периоде «зонтичной» концепции модернизации. Через эти две амбициозные цели приходим к третьей ключевой концепции: политическим договоренностям. Политику договоренностей можно определить как временную стабилизацию содержания и организации конкретной области политики на одном уровне или сразу на нескольких уровнях в условиях многостороннего управления. Это определение подразумевает два предположения. 1. Отталкиваясь от концепции институционализации мы предлагаем, чтобы каждодневные политические процессы и взаимодействия между учреждениями в конечном счете развились в более устойчивые закономерности, в то, что мы называем «политические договоренности», когда такие институциональные образцы или политические договоренности включали бы в себя как существенные, так и организационные вопросы и проблемы их взаимодействия; 2. Отталкиваясь от идеи модернизации и составляющих ее процессов, которые являются характерными для более поздних современных обществ, мы предлагаем, чтобы стратегические договоренности являлись не только результатом стратегического поведения, но и отражали также долгосрочные содержательные социальные и политические тенденции и процессы.

Таким образом, политические договоренности являются институциональной концепцией. В этом своем качестве концепция не стремится объяснить ежедневные политические процессы, а направлена на анализ институциональных моделей изменений и стабильности в среднесрочной перспективе. Наша задача поэтому состоит, прежде всего, в описании и характеристике договоренностей во многих случаях в сравнительном плане, и, во-вторых, в толковании и понимании относительной стабильности или изменений, а также механизма, лежащего в основе такой динамики. Чтобы разобраться в упомянутых выше двух предположениях, мы выделяем четыре измерения политических мероприятий, каждое из которых в равной степени является источником стабильности и изменений:

— субъекты, вовлеченные в политическую сферу, их коалиции, равно как и оппозиция;

— распределение между этими субъектами ресурсов, приводящее к различиям во власти и влиянии;

— правила игры в рамках договоренности либо с точки зрения формальных процедур или неформальных правил и процедуры взаимодействия;

— политические дискурсы вовлеченных субъектов, касающиеся норм и ценностей, определения проблем и подходов к решению.

И хотя первые три измерения относятся к вопросам организационным, а последние к существенным аспектам политических договоренностей, тем не менее их сочетание ставит своей целью идейно-организационную двойственность.

Пристатейный библиографический список

1. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1 (77).
2. Barry J. *Environment and social theory*. – Routledge, London, New York, 1999.
3. Beck U. *Risk society – towards a new modernity*. – Sage, London, 1992.
4. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. – Vol. II *The power of identity*. – Malden, Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
5. Dryzek J. *The politics of the Earth, environmental discourses*. – Oxford: Oxford University Press, 1997.
6. Frows J. *Mest en macht: een politiek-sociologische studie naar belangenbehartiging en beleidsvorming inzake de mestproblematiek in Nederland vanaf 1970*. – Wageningen: Landbouwniversiteit Wageningen, 1993.
7. Hajer M.A. *The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process*. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
8. Hall P.A. and Taylor R.C.R. *Political science and three new institutionalisms* // *Political studies*. – 1996. – Vol. 44. – № 4.
9. Hardin G. *The Tragedy of the Commons* // *Science*, 1968, December 13. – № 168.
10. Hirsch P.M. *Ending the family quarrel: towards a reconciliation of «old» and «new» institutionalism* // *American Behavioural Scientist*. – 1997. – Vol. 40.
11. Leroy P., Nelissen N.J.M. *The paradigm shift in environmental policy research* // *Greening society – the paradigm shift in Dutch environmental politics* / P.P.J. Driessen, P. Glasbergen (eds). – Kluwer, Dordrecht, 2002.
12. Marks G., Hooghe L. *European integration from the 1980s: State-centric versus multi-level governance* // *Journal of Common Market Studies*. – 1996. – Vol. 34. – № 3.
13. *Risk, environment and modernity* / S. Lash, B. Szerszynski, B. Wynne (eds). – Sage, London, 1996.
14. Scott W.R. *Institutions and organizations*. – Sage, Thousand Oaks, 2001.
15. Shnaiberg A. *The environment*. – Oxford: Oxford University Press, 1980.
16. Sooro M.S. *Garrett Hardin and Tragedies of Global Commons* // *Handbook of Global Environmental Politics* / P. Dauvergne (ed.). – Cheltenham(UK), 2005.
17. Spaargaren G., Mol A.P.J., Buttel F.H. *Environment and global modernity*. – Sage, London, 2000.
18. *The voluntary approach to environmental policy: joint environmental approach to environmental policy-making in Europe* / A.P.J. Mol, V. Lauber, D. Liefferink (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2000.
19. *Verandering van politiek, vernieuwing van milieubeleid: klassieke en post-moderne arrangementen* / B. Arts, P. Leroy (eds). – Nijmegen: Nijmegen University Press, 2003.
20. Weale A. *The new politics of pollution*. – Manchester: Manchester University Press, 1992.

1 См.: Marks G., Hooghe L. *European integration from the 1980s: State-centric versus multi-level governance* // *Journal of Common Market Studies*. – 1996. – Vol. 34. – № 3. – P. 341–378.

Данельян А.А.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ЭКСПРОПРИАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Право собственности становится предметом международного права, когда между государствами возникают правоотношения по поводу защиты частной собственности граждан и юридических лиц. Современная доктрина международного права признает, что экспроприация и национализация иностранной собственности не являются нарушением международного права, если они носят недискриминационный характер, осуществляются на благо общества и при этом частному инвестору выплачивается быстрая, эффективная и адекватная компенсация.

Ключевые слова: национализация, экспроприация, собственность, иностранные инвестиции, компенсация.

Danelyan A.A.

LEGALITY PROBLEMS OF NATIONALIZATION AND EXPROPRIATION OF FOREIGN INVESTMENTS

Ownership becomes a subject of international law, when the relationships between states concern protecting private property of citizens and legal entities. Modern doctrine of international law recognizes that expropriation and nationalization of foreign ownership do not constitute a violation of international law, if they are non-discriminatory in nature, performed for the benefit of society and in addition a private investor gets a quick, effective and adequate compensation.

Key words: nationalization, expropriation, property, foreign investment, compensation.

Право любого государства на принудительное изъятие иностранных инвестиций, частной собственности, принадлежащей иностранным физическим и юридическим лицам, вытекает из такого общепризнанного принципа международного права, как суверенитет государства¹.

Сегодня не потеряло своей актуальности определение экспроприации, приведенное известным российским дореволюционным исследователем Г.Ф. Шершеневичем: «Экспроприация (национализация – прим. А.Д.) есть принудительное возмездное отчуждение или ограничение прав, которое производится государственной властью ввиду общепольной цели»².

Правовым последствием национализации является возникновение права собственности на национализированное имущество у государства. С этой точки зрения национализация – обычный правовой акт, входящий во внутреннюю компетенцию государства. В принципе принудительный переход права собственности, иностранной или национальной, в государственный сектор не является проблемой международного права, поскольку условия проведения национализации определяются не международным правом, а внутренним правом суверенного государства. Международное право не регулирует и не может регулировать отношения прав собственности, возникающие между государством и частными физическими и юридическими лицами. В первую очередь, инвестиционные гарантии обеспечиваются национально-правовыми инструментами.

Но переход права собственности может попасть под действие международного права в силу заключенного международного универсального, регионального или двустороннего договора. Например, национализация или реквизиция российским государством частного предприятия, принадлежащего российским юридическим и физическим лицам, которые имеют национальное происхождение, может стать международно-правовой проблемой в силу того, что Российская Федерация является участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а эта Конвенция в Первом дополнительном протоколе к ней защищает право собственности, включая случаи действия государства против своих граждан.

Данельян А.А.

Дело в том, что право собственности становится предметом международного права, когда между государствами возникают правоотношения по поводу защиты частной собственности граждан и юридических лиц. Поэтому возникает не вопрос о праве государства на национализацию вообще, поскольку это право, безусловно, входит в его внутреннюю компетенцию, а о том, существует ли в международном праве обязанность государства придерживаться определенных международных правил при осуществлении национализации, в частности, при национализации собственности иностранных лиц.

В правовой теории и практике возможность национализации частной собственности иностранных лиц была общепризнана. Таким образом, право государства национализировать частную собственность, в том числе и собственность, принадлежащую иностранцам и находящуюся под юрисдикцией государства, в настоящее время в принципе не оспаривается³.

Государства в силу своего суверенного равенства самостоятельно регулируют во внутреннем праве вопросы, возникающие по поводу права собственности. Как следствие, международное право признает, что право регулирования отношений собственности, установление экономической и социальной системы согласно нуждам государства входит во внутреннюю компетенцию каждого государства.

Для обозначения действий государства по принудительному переходу права собственности в литературе используются разные термины: изъятие собственности⁴, национализация⁵, экспроприация⁶, реквизиция, конфискация и др. Были предложены и разные определения данных понятий. Так, Д. Карро и П. Жюйар полагают, что экспроприация является результатом административной меры, национализация вытекает из законодательного акта, а конфискация представляет собой меру ответственности (санкцию)⁷.

3 Бараташвили Д.И. Новые государства Азии и Африки и международное право. – М., 1968. – С. 20.

4 Карро Д. Международное экономическое право: Учебник / Д. Карро, П. Жюйар; пер. с франц. В.П. Серебрянникова, В.М. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 431.

5 Богуславский М.М. Международное частное право. – М.: Юрист, 2004. – С. 185; Перетерский И.С. Международное частное право / И.С. Перетерский, С.Б. Крылов. – М., 1959. – С. 105.

6 Seid S.H. Global Regulation of Foreign Direct Investment. – Aldershot, 2002. – P. 46.

7 Карро Д. Международное экономическое право: Учебник / Д. Карро, П. Жюйар; пер. с франц. В.П. Серебрянникова, В.М. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 432.

1 Богуславский М.М. Международное частное право. – М.: Юрист, 2004. – С. 199.

2 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907г.).

Сеульская конвенция в ст. 11 обозначает экспроприацию как любое законодательное действие или административное действие или бездействие, исходящее от принимающего правительства, в результате которого владелец гарантии лишается права собственности над своим капиталовложением, контроля над ним или существенного дохода от такого капиталовложения, за исключением общеприменимых мер недискриминационного характера, обычно принимаемых правительствами с целью регулирования экономической деятельности на своей территории.

Такая же терминология применяется в Руководстве по регулированию прямых иностранных инвестиций, разработанном под эгидой Международного банка реконструкции и развития (МБРР)¹. Говоря о понятиях «национализация», «экспроприация», «реквизиция», «конфискация», необходимо верно определить правовое содержание данных определений. Юридическая природа данных понятий неодинакова, поскольку речь идет о различных методах ограничения и аннулирования права собственности. Но все эти понятия объединяет одно юридическое содержание: лицо, осуществляющее инвестиционную деятельность в условиях чужого государства, не добровольно, а вынужденно лишается своих капиталов и дивидендов. Другими словами, речь идет о принудительном изъятии иностранной собственности.

Экспроприация в двусторонних международных соглашениях о поощрении и взаимной защите капиталовложений (ДИД) трактуется как национализация, экспроприация или иные меры, равные по последствиям национализации или экспроприации. Указанная формула использована в ДИД России с Данией, Швецией, Венгрией, Албанией, Китаем, Германией, Японией. В ст. 6 ДИД Российской Федерации со Швейцарией предусмотрено альтернативное использование двух критериев: «...меры по экспроприации, национализации или иные меры, имеющие ту же природу или те же последствия, в отношении капиталовложений, принадлежащих инвесторам...», где речь идет о гарантии неприкосновенности иностранных инвестиций на территории Российской Федерации.

Традиционная западная доктрина также признает право государства на экспроприацию, но требует, чтобы она осуществлялась: а) в общественных интересах; б) на законном основании; в) без дискриминации; г) сопровождалась быстрой, адекватной, эффективной компенсацией.

В Российской Федерации возможность осуществления государством принудительного изъятия собственности физических и юридических лиц предусмотрена в п. 2 ст. 235, статьях 242 и 243 Гражданского кодекса РФ, статьях 9–11, 50, 51 и 55 Земельного кодекса РФ, ст. 8 Закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и иных положениях российского законодательства. Однако они не определяют какие-либо условия и порядок её проведения, но отсылают к не принятому до сих пор федеральному закону.

Следует признать, что указанные положения российского законодательства являются недостаточными и нуждаются в дальнейшей детализации. В частности, необходимо установить порядок перехода права собственности и осуществления государственной регистрации права на недвижимое имущество, порядок определения размера и срок выплаты компенсации (возмещения).

Особо следует подчеркнуть, что в правовой теории и практике возможность национализации частной собственности иностранных лиц была общепризнана благодаря международно-правовой арбитражной практике. Именно в ходе правоприменительной практики в международных арбитражных судах, в первую очередь Международном центре по урегулированию инвестиционных споров, в международном

праве государство национализировать частную собственность находило все большее подтверждение².

В современной практике все более весомое значение приобретают вопросы о так называемой «косвенной», «ползучей» экспроприации (национализации) *de facto* или «мерах, соответствующих экспроприации».

До настоящего времени в современном международном праве ведутся дискуссии по двум важнейшим проблемам национализации: об определении размера компенсации за национализированную собственность и об экстерриториальном действии закона о национализации³.

Компенсацию убытков в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности на территории чужого государства можно назвать основной проблемой при национализации иностранной собственности. Стандарт выплаты компенсации по последствиям принудительного изъятия иностранной собственности в течение многих десятилетий вызывал наибольшее количество дискуссий, не считая вопрос о применении силы в международном праве.

Принцип обязательной выплаты компенсации при экспроприации разделяется не всеми странами, в частности, развивающимися, которые выступают в роли принимающих государств. Именно право последних обычно является применимым правом. Считается, что вопрос о компенсации (платить или нет и в каком размере) должен решаться государством самостоятельно⁴.

Страны, экспортирующие капитал, неизменно выступали за то, что международное право допускает принудительное изъятие иностранной собственности только при условии, если этого требуют «общественные интересы», и за выплату «незамедлительной, достаточной и действительной компенсации» в соответствии с так называемой формулой Халла. Государственный секретарь США Корделл Халл в 1938 г. по поводу возникшего спора между США и Мексикой в связи с национализацией нефтяных месторождений, находившихся в собственности иностранных, в том числе американских, компаний утверждал, что международное право требует, чтобы Мексика выплатила «достаточную, действительную и незамедлительную компенсацию». Сокращенно норматив, на который ссылались Соединенные Штаты Америки, стали именовать формулой Халла⁵.

Напомним, что тогда госсекретарь К. Халл потребовал, чтобы Мексика незамедлительно заплатила инвесторам США за их экспроприированные нефтяные концессии, просто применив правила, которые правительства США и западноевропейских государств использовали в отношениях между собой не один десяток лет.

Государства-реципиенты капитала требуют, чтобы вопросы права собственности были, прежде всего, прерогативой национального законодательства, которое может допускать изъятие собственности иностранных инвесторов, например, по цене ниже рыночной. Этот аргумент использовался в продолжающихся спорах вокруг иностранных инвестиций в Латинской Америке, по поводу массовых национализаций в

1 Русский неофициальный текст этого международного документа помещен в кн.: Доронина Н.Г. Комментарий к Закону об иностранных инвестициях. – М., 2000. – С. 63–74.

2 Бараташвили Д.И. Новые государства Азии и Африки и международное право. – М., 1968. – С. 20.

3 Щербина М.В. Международно-правовые вопросы национализации и защиты частной собственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.

4 См., например: Ибрагим А. Х. Правовые вопросы национализации иностранной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С. 13; Контех Э. Международно-правовые аспекты национализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 1973. – С. 4; Хамза М.М. Международно-правовые проблемы национализации иностранной нефтяной собственности в арабских государствах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – С. 19, 20.

5 Щербина М.В. Международно-правовые вопросы национализации и защиты частной собственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.

освободившихся от колониального режима странах Азии и Африки.

Примером международной судебной практики в пользу отрицания доктрины Халла в качестве общепризнанной нормы является решение судьи Дупая по делу 1977 г. по иску Техасской внешнеторговой компании по продаже бензина (ТОРСО) против правительства Ливии, в котором судья постановил, что требование «подходящей (справедливой) компенсации» было «*opinio juris communis*», которое отразило «состояние обычного права в данной области». В поддержку своего решения Дупай процитировал признание данного принципа в резолюции 1803/XVII Генеральной Ассамблеи ООН, которая получила поддержку как среди развитых, так и среди развивающихся государств. При этом судья отметил, что речь не идет о доктрине Халла¹.

Споры между собственником и государством по последствиям национализации иностранной собственности разгораются вокруг двух вопросов: 1. Обязано ли государство выплачивать какую-либо компенсацию за экспропрированную (национализированную) собственность? 2. Если такая обязанность существует, то каков принцип выплаты компенсации, как определить размер компенсации?

В разделе 4 Руководства Всемирного банка по режиму для прямых иностранных инвестиций 1992 г. раскрывается содержание этой компенсации. Так, компенсация является:

адекватной, если она основана на справедливой рыночной стоимости актива на дату, предшествующую принятию решения об экспроприации (или накануне, когда подобное решение стало известно общественности);

эффективной, если она выплачивается в валюте инвестирования (если валюта является конвертируемой) или в другой валюте, указанной как свободно конвертируемая МВФ, или в другой валюте с согласия инвестора;

быстрой, если она выплачивается без задержки. В исключительных случаях, когда государство испытывает сложности финансового характера, оно может выплатить компенсацию в рассрочку в течение короткого периода времени, который не должен превышать пять лет с момента экспроприации, с условием уплаты процентов.

Во взаимоотношениях стран СНГ вопрос о национализации рассматривается многосторонним Соглашением о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности 1993 г. Согласно Соглашению иностранные инвестиции пользуются полной правовой защитой и не подлежат национализации, которая возможна лишь в исключительных, предусмотренных законом случаях. При этом выплачивается «быстрая, адекватная и эффективная компенсация». 8 марта 1997 г. в рамках СНГ была подписана Конвенция о защите прав инвестора², ст. 9 которой также предусматривает, что «инвестиции не подлежат национализации и не могут быть подвергнуты реквизиции, кроме исключительных случаев (стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер), предусмотренных национальным законодательством Сторон, когда эти меры принимаются в общественных интересах, предусмотренных Основным законом (Конституцией) страны-реципиента. Национализация или реквизиция не могут быть осуществлены без выплаты инвестору адекватной компенсации».

Нынешняя тенденция по вопросу компенсации развивается в направлении учета реальной стоимости экспроприруемого или национализируемого имущества. Безусловно, не все меры по экспроприации или национализации обязательно сопровождалась такой компенсацией. Однако оспари-

вался не столько принцип, сколько сумма компенсации. Это свидетельствует о важности с точки зрения права определения суммы компенсации.

При отсутствии соглашения между сторонами относительно метода оценки или самой оценки справедливая рыночная стоимость считается приемлемой, если она определена государством на основе разумных критериев в соответствии с рыночной стоимостью инвестиций, то есть если она соответствует цене, которую честный покупатель обычно готов заплатить честному продавцу, принимая во внимание характер инвестиций, обстоятельства, при которых будет происходить использование инвестиций в будущем, черты, присущие самим инвестициям, особенно сроки их существования.

Таким образом, международное право признает принудительное изъятие суверенным государством иностранной собственности при определенных обстоятельствах, обговоренных в законодательном порядке, правомерным и справедливым. Право государства контролировать допуск иностранных инвестиций не ограничено, так как проистекает из самого понятия государственного суверенитета. Поэтому современная доктрина международного права признает, что сама по себе экспроприация (национализация) и подобные ей принудительные меры изъятия иностранной собственности не являются нарушением международного права, если они не носят дискриминационный характер, осуществляются на благо общества и при этом частному инвестору выплачивается быстрая, эффективная и адекватная компенсация.

Пристатейный библиографический список

1. Бараташвили Д.И. Новые государства Азии и Африки и международное право. – М., 1968.
2. Богуславский М.М. Международное частное право. – М.: Юрист, 2004.
3. Ибрагим А.Х. Правовые вопросы национализации иностранной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972.
4. Карро Д. Международное экономическое право: Учебник / Д. Карро, П. Жюйар; пер. с франц. В. П. Серебренникова, В. М. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2001.
5. Контек Э. Международно-правовые аспекты национализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 1973.
6. Хамза М. М. Международно-правовые проблемы национализации иностранной нефтяной собственности в арабских государствах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.).
8. Щербина М.В. Международно-правовые вопросы национализации и защиты частной собственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
9. Seid S.H. Global Regulation of Foreign Direct Investment. – Aldershot, 2002.
10. Texas Overseas Petroleum Co/California Asiatic Oil Co. v. Government of the Libyan Arab republic // International Legal Materials. – 1978. – № 17.

1 Texas Overseas Petroleum Co/California Asiatic Oil Co. v. Government of the Libyan Arab republic // International Legal Materials. – 1978. – № 17. – P. 29.

2 Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 8.

Гусейнов О.Р.

РОЛЬ ДОГОВОРОВ ОБ УСТРАНЕНИИ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Настоящая статья посвящена международно-правовым проблемам налогообложения, связанным с договорами, заключенными между Российской Федерацией и другими странами по вопросам избежания двойного налогообложения с иностранными инвесторами. В статье исследуется история создания таких соглашений, виды таких договоров. Изучаются различные типовые модели (ООН, ОЭСР и т. д.). Выдвигаются предложения по подписанию договоров по устранению двойного налогообложения в рамках СНГ.

Ключевые слова: Европейский Союз, Типовая модель ОЭСР, устранение двойного налогообложения, налог на прибыль, подоходный налог, доход.

Guseynov O.R.

THE ROLE OF DOUBLE TAXATION TREATIES IN THE LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL INVESTMENT RELATIONS

This article is devoted to the international legal issues of taxation related to tax treaties concluded between the Russian Federation and other countries with foreign investors on the avoidance of double taxation. This article explores the history of creation of such arrangements, the types of such treaties, examines the various templates (UN, OECD, etc.). A proposal for the signing of agreements to eliminate double taxation in the framework of the CIS is made.

Key words: European Union, OECD Model, eliminating double taxation, profits tax, income tax, income.

Международно-правовыми документами, регулирующими международные инвестиционные отношения, являются следующие многосторонние договоры и конвенции: Вашингтонская конвенция 1965 г. «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами», Сеульская конвенция 1985 г. «Об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций»¹, Кодекс либерализации движения капиталов ОЭСР от 1961 г., разработанный в ОЭСР проект Многостороннего соглашения по инвестициям (МСИ) от 1995 г., Руководящие принципы по регулированию иностранных инвестиций МБРР от 1992 г.

Важную роль в правовом регулировании международных инвестиционных отношений сыграли принятые в рамках ВТО документы: Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС) от 15 апреля 1994 г., Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС) и Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (ТРИПС)².

Кроме международных документов как универсального, так и регионального характера в международно-правовом регулировании инвестиционных отношений важную роль играют двусторонние договоры. Наряду с договорами о защите и поощрении иностранных инвестиций, имеющих самое непосредственное отношение к регулированию иностранных инвестиций, очень важную роль играют соглашения об устранении двойного налогообложения доходов и имущества. Когда происходит реальное инвестирование из одной страны в другую страну, то, чтобы избежать двойного налогообложения иностранных инвесторов, подписываются двусторонние договоры об устранении налогообложения. То есть сами иностранные инвесторы становятся инициаторами подписания такого договора между принимающей страной и своей страной. Почему иностранные налогоплательщики инвестируют капитал в СНГ, а страны СНГ не только позволяют, но еще и поощряют иностранных инвесторов?

Инвестиции улучшают положение обеих сторон (экспортирующих и импортирующих стран). В этом отношении иностранные инвестиции не отличаются от международной торговли. В случае ведения торговли правительства обеих тор-

Гусейнов О.Р.

гующих сторон могут пожелать взимать налог с доходов от этой торговли. В случае иностранных инвестиций происходит то же самое.

Взаимные претензии на право налогообложения, именуемые тогда в юридическом смысле двойным налогообложением, могут создавать проблемы координации.

Для того, чтобы показать необходимость координации, предположим, что Россия облагает 50% налогом любые получаемые в России доходы, а в стране инвестора, допустим, в США, – облагаются 50% налогом любые доходы, получаемые в любом месте компанией (или резидентом) США. При таком предположении общая ставка налога составит 100%, весь доход от инвестирования уйдет на уплату налогов и, скорее всего, инвестирование не состоится. Потеря от инвестирования нанесет ущерб обеим сторонам, а также бюджетам США и России.

В вышерассмотренном примере потенциальное двойное налогообложение возникает потому, что одна страна (страна инвестора) претендует на право налогообложения на основании факта регистрации (или гражданства) налогоплательщика, а другая (принимающая страна) – на основании места получения дохода. Страны обычно стараются предотвращать двойное налогообложение либо односторонним внутренним законодательством, либо путем двусторонних договоров о налогообложении с другими странами.

Изучение международного налогообложения – это изучение координации налоговых прав суверенных государств.

Двойное налогообложение увеличивает издержки налогоплательщиков, что заставляет инвесторов сдерживать деловую активность. Это, в свою очередь, неблагоприятно воздействует на экспорт капитала и инвестиционные отношения. Поэтому проблему устранения или минимизации двойного налогообложения и его последствий пытается решить каждое государство, намеревающееся участвовать в международных инвестиционных процессах. Заключение двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения является одним из необходимых правовых инструментов решения данной проблемы.

Основная цель заключения таких договоров – урегулирование прав налогоплательщиков двух государств и решение проблемы налоговых поступлений в доход каждого из договаривающихся государств. В вопросах регулирования налогообложения инвестиционной деятельности указанные договоры призваны решать следующие проблемы взаимоотношений государств:

1 Гусейнов О.Р. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

2 Гусейнов О.Р. Инвестиционное право ЕС // Правовые основы экономического и социального регулирования ЕС: Учеб. пособие / Под ред. А.О. Иншаковой. – Волгоград, 2010.

– установление порядка раздела поступлений от налогообложения в доход государства – экспортера и государства – импортера инвестиций;

– закрепление способов, методов или систем мер, необходимых для осуществления должной правовой защиты государства, принимающего инвестиции;

– регламентация методов, направленных на привлечение и поощрение поступлений иностранных инвестиций¹.

Кроме того, подписание этих договоров способствует международному инвестированию путем уменьшения налоговых барьеров, препятствующих свободному международному обмену товарами и услугами. Облегчение налогового бремени стимулирует инвестирование. При этом каждое государство, вовлеченное в международное инвестирование, с точки зрения налогообложения выступает в двух качествах. В одних ситуациях государство утверждает свое право на налогообложение, как страна места пребывания налогоплательщика, т. е. уплаты налога в государстве, где постоянно находится налогоплательщик. В других же ситуациях государство отстаивает право на налоговую юрисдикцию как государства источника дохода, получаемого компанией (или нерезидентом), т. е. уплаты налога в государстве, где был получен доход от предпринимательской деятельности. Иногда такие соглашения предусматривают возможность уплаты налога в обоих государствах, но при этом государству, являющемуся местом пребывания налогоплательщика, предписывается предоставить последнему надлежащие средства правовой защиты от последствий двойного налогообложения. Налоговые системы США и некоторых стран в вопросах налогообложения исходят из первой ситуации, где гражданство физического лица и место регистрации юридического лица играют важную роль. Налоговые системы некоторых стран Южной Америки, а также ЮАР и Китая традиционно придерживаются второго варианта.

В настоящее время соглашения об избежании двойного налогообложения имеют широкое распространение в отношениях между различными государствами. Число таких договоров возросло на протяжении последнего десятилетия. На сегодняшний день подписано около 3000 таких международных договоров между государствами. Россия является участницей около 70 соглашений об избежании двойного налогообложения.

Первоначально договоры заключались преимущественно между развитыми странами и во многом инспирировались типовыми конвенциями, разработанными в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1963 и 1977 гг. Положения этих конвенций носят рекомендательный характер и полностью зависят от признания их национальными налоговыми властями, однако многие страны в заключаемые между собой соглашения вводят ряд положений почти дословно. Это создает единую терминологию и позволяет единообразно толковать их содержание. Типовые конвенции ОЭСР в основном учитывают интересы промышленно развитых стран, особенно экспортеров капитала².

Государства, экспортирующие капитал (т. е. государства местопребывания – residence state), заключают такие конвенции, целью которых является создание благоприятных условий в отношении налогообложения для деятельности своих физических и юридических лиц в принимающих странах (т. е. в государствах – источниках дохода). Импортирующие капитал страны (в основном развивающиеся страны) идут на заключение подобного рода конвенций, хотя заранее ясно, что такими правами и привилегиями при налогообложении не будут пользоваться физические и юридические лица этих стран. Но, учитывая роль иностранных инвестиций для развития экономики страны, они идут на это.

Обычно положения договоров об устранении двойного налогообложения:

1) устанавливают цели урегулирования проблем налогообложения между договаривающимися государствами и пределы применения норм, содержащихся в договорах, в отношении физических и юридических лиц и налогов;

2) перечисляют налоги, на которые распространяется соглашение;

3) содержат нормы недискриминации, оказания взаимной правовой помощи и обмена информацией;

4) устанавливают надлежащую процедуру разрешения споров между налоговыми органами заключивших договор государствами;

5) предусматривают оказание помощи при сборе налогов³.

Международные договоры об избежании двойного налогообложения могут быть многосторонними (например: Соглашение об устранении двойного налогообложения доходов и имущества юридических лиц (между НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СРР), подписанное 19 мая 1978 г.) и двусторонние (например: Соглашение между Правительствами Республики Польша и Азербайджанской Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество, подписанное 8 сентября 1997 г. в Варшаве. Большинство подписанных международных договоров составляют двусторонние договоры между государствами.

По кругу регулируемых вопросов такие договоры можно разделить на четыре большие группы:

соглашения об устранении двойного налогообложения по общим вопросам;

соглашения об устранении двойного налогообложения в области морского транспорта;

соглашения об устранении двойного налогообложения в области воздушного транспорта;

соглашения об устранении двойного налогообложения в области железнодорожного транспорта.

Первую группу составляют соглашения и конвенции, непосредственно посвященные избежанию двойного налогообложения доходов и имущества. При применении этих документов следует иметь в виду, что само существование «общих» соглашений не препятствует заключению «специальных» договоров, посвященных различным вопросам, в которых наряду с другими вопросами регулируется и проблема избежания двойного налогообложения. В «специальных» актах возможен иной, более благоприятный режим налогообложения доходов и имущества граждан.

В настоящей работе, учитывая важность для стимулирования инвестиционной деятельности, будут рассматриваться соглашения об избежании двойного налогообложения по общим вопросам, т. е. те договоры, которые заключены между государствами в целях регулирования вопросов налогообложения при экспорте и импорте капитала между странами. Государство стремится заключить такое соглашение о налогообложении, которое наилучшим образом способствовало бы, прежде всего, экспорту и импорту капитала, так как налогообложение является одним из наиболее действенных рычагов инвестиционного процесса и позволяет, таким образом, существенно влиять на инвестиционные отношения внутри страны и на международный инвестиционный процесс в целом. Государство, подписавшее такое соглашение, принимает на себя обязательство полностью или частично освобождать предприятия, контролируемые иностранным капиталом, от налогообложения⁴.

3 Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 79.

4 Гусейнов О.Р. Соглашения об устранении двойного налогообложения в международных инвестиционных отношениях (на примере таких соглашений Азербайджанской Республики с другими госу-

1 Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 78.

2 Там же. – С. 77.

В отношениях между развитыми и развивающимися странами эти договоры связаны с национальными законами договаривающихся государств. Так, США, подписывая двусторонние договоры, преследуют двойную цель: привести внутренние налоговые законы в соответствие с законами других государств и в то же время сохранить внутреннюю налоговую юрисдикцию над гражданами и резидентами, а в Англии по Закону о финансах 1945 г. (Finance Act) предусматриваются такие мероприятия, которые позволяют избежать двойного налогообложения в отношении подоходного налога, налога на прибыль и других налогов подобного типа в разных государствах. Затем эти положения были развиты и отражены в Законе о подоходном налоге 1952 г. (Income Tax Act). Соответствующие разделы этого закона были приспособлены для регулирования инвестиционных отношений с развивающимися странами. Раздел 17 (I) Закона о финансах 1961 г. (Finance Act) закрепил положение, по которому в будущих договорах об избежании двойного налогообложения предусматривались статьи не только относительно подоходного налога и налога на прибыль, но также и нормы, касающиеся всякого рода денежных сумм, облагаемых налогом по законам иностранных государств. Эти положения закона были отражены в договоре об избежании двойного налогообложения между Соединенным Королевством и Пакистаном¹.

В целях избежания двойного налогообложения в договоры, прежде всего, включаются положения по облегчению бремени налогов. Как правило, повсеместно применяются два основных метода устранения двойного налогообложения государством, резидентом которого является налогоплательщик.

Двусторонние договоры об избежании двойного налогообложения решают проблему налогообложения в международных отношениях следующими методами: полным или частичным освобождением от подоходного налога частных инвесторов, вкладывающих свои капиталы в принимающие страны. Таким методом руководствовались при заключении договоров об избежании двойного налогообложения между Турцией и Азербайджаном. В этом случае налогами облагаются доходы и прибыли частных инвесторов один раз, т. е. в принимающих странах или по месту получения указанных доходов и прибылей. Это означает, что государство местопребывания инвестора предоставляет налоговое освобождение в отношении определенных категорий доходов, полученных из иностранных источников. Обычно налоговое освобождение предоставляется прямым доходам, косвенные же (проценты, гонорары и дивиденды) облагаются налогом. Данный метод встречается в соглашениях с участием Австралии, Бельгии, Германии, Франции, Швейцарии и других стран.

Освобождение от налогов иностранных источников дохода предусматривается в развитых государствах. Такое освобождение от налогов распространяется на прибыли и доход, а также дивиденды, получаемые постоянно из-за рубежа. Они стимулируют приток иностранных инвестиций в развивающиеся страны. Кроме того, в этих государствах существует система кредитования иностранного налога. Эта система применяется в США, ФРГ и Англии. Суть ее состоит в том, что эти страны облагают налогом прибыли, получаемые из-за рубежа, в зависимости от размера налога на эти прибыли.

Налогообложение в развивающихся странах может быть ниже, чем в государствах-экспортерах, и это может привести к решению о предпочтительности для инвестирования в развивающиеся страны. Озабоченные этой проблемой, некоторые страны, такие, как США, Англия, Япония, ввели метод налогового кредита вместо метода исключения для освобождения от двойного налогообложения, а именно: предоставляют кредит

инвесторам для уплаты налогов, взимаемых в развивающихся странах. В качестве примера налогового зачета по российскому законодательству можно привести ст. 232 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), в соответствии с которой суммы подоходного налога, выплаченные в соответствии с законодательством иностранных государств налоговыми резидентами Российской Федерации, засчитываются при внесении этими лицами подобного налога в России, если это предусмотрено соответствующим международным соглашением об избежании двойного налогообложения. Аналогичная норма содержится и в ст. 311 НК РФ в отношении избежания двойного налогообложения для российских юридических лиц. Суммы налога, выплаченные в соответствии с законодательством иностранных государств российской организацией, засчитываются при уплате этой организацией налога в Российской Федерации. При этом размер засчитываемых сумм налогов, выплаченных за пределами Российской Федерации, не может превышать сумму налога, подлежащего уплате этой организацией в Российской Федерации.

Реже применяется метод налоговой скидки, которая рассматривает налог, уплаченный в иностранном государстве, в качестве расходов, вычитаемых из суммы доходов, подлежащих налогообложению. Так как налоговая скидка уменьшает на сумму уплаченного за рубежом налога лишь налогооблагаемую базу, а не сам налог, то пользование ею менее выгодно, чем пользование налоговым зачетом².

Долгое время разрабатывалась и, наконец, в 1980 г. была утверждена Модель ООН, предназначенная как руководство для составления договоров между развитыми и развивающимися странами. Кроме этого, как мы уже отметили, существует Модель ОЭСР (за основу принята многими европейскими странами)³. Несмотря на это, отдельные страны разрабатывали свои модели. Из разработанных ими моделей широко распространена Американская модель (разработанная в основном в 1977 и 1981 гг.). Если Модель ООН благоприятствует государствам, импортирующим капитал, передавая государству – источнику дохода большие налоговые полномочия в отношении доходов от инвестиций и от хозяйственной деятельности, то Модель ОЭСР и Американская модель имеют тенденцию благоприятствовать экспортерам капитала. Поэтому развивающаяся страна, проводя переговоры с Соединенными Штатами Америки, скорее всего, предпочтет принять за основу Модель ООН. Хотя Модель ОЭСР и Американская модель имеют много общего, между ними есть и различия. В случае спорных утверждений о местопребывании согласно Американской модели местопребыванием корпорации является государство, где она зарегистрирована, а согласно Модели ОЭСР местопребывание – это место фактического управления корпорацией. Кроме этого, в случае потенциальной возможности двойного налогообложения для облегчения налогового давления Американская модель опирается на кредитный метод (т. е. договаривающееся государство кредитует налоги, уплаченные другому договаривающемуся государству на доход, полученный в другом договаривающемся государстве), в то время как Модель ОЭСР признает метод предоставления льгот (exemption method) (т. е. договаривающееся государство освобождает от налога доход, полученный в другом договаривающемся государстве) и кредитный метод⁴.

Несмотря на то, что эти модели (ООН, ОЭСР, Американская) служат отправным пунктом для переговоров отдельных

2 Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 80.

3 Абашидзе А.Х., Сорокина Е.Я. Основы современного международного права в области налогообложения // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – М.: РУДН, 2000. – № 1. – С. 155–159.

4 Дёрнберг Р.Л. Международное налогообложение. – М., 1997. – С. 99.

дарствами) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – М.: РУДН, 2000. – № 1. – С. 149–154.

1 Double Taxation Agreement between the United Kingdom and Pakistan, 24.04.1961.

стран (например, Американская – для США и т. д.) о двустороннем договоре об избежании двойного налогообложения, подписанные различными странами (например, американские) двусторонние договоры в значительной мере отличаются.

В настоящее время двусторонние соглашения о налогообложении, способствующие инвестированию иностранного частного капитала, заключены (на основе различных моделей) между многими государствами.

Трудности и особенности подобных отношений между развитыми и развивающимися странами состоят в том, что в силу большой разницы в уровнях экономического развития названных групп стран в этих отношениях нет взаимного притока инвестиций, а поэтому в договорах между этими странами нет взаимности в отношении налогообложения договаривающихся государств. Соглашения об избежании двойного налогообложения направлены на то, чтобы согласовать национальное законодательство договаривающихся государств в отношении налогообложения доходов и прибылей при инвестировании частного капитала в других странах и, таким образом, избежать двойного налогообложения инвестиций. Так, в п. 3 ст. 2 Договора между Турцией и Азербайджанской Республикой указывается, что настоящий договор распространяется на налог на прибыль, налог на юридических лиц в Турции, налог на прибыль и подоходный налог в Азербайджанской Республике. В п. 4 того же Договора отмечается, что настоящий договор применяется в отношении любых других налогов подобного характера, включая налог на сверхприбыль.

Как правило, все современные договоры об избежании двойного налогообложения содержат положения, устанавливающие иерархию правил толкования, которые применяются к терминам договора. Например, в ст. 3 Договора Азербайджанской Республики с Турцией дается самый полный перечень значений терминов, употребляемых в договорах. Сюда относятся определения территории договаривающихся государств, понятий «налог», «компания», «процент», и др. Если термин не имеет четкого определения и если контекст договора не требует частного (конкретного) определения, то договаривающееся государство применяет свои внутренние налоговые законы. Положения данных статей договоров об избежании двойного налогообложения играют большую роль при регулировании сложных отношений, связанных с налогообложением, так как они позволяют в будущем избежать споров по толкованию и применению конвенций.

Конвенции также включают положения о том, в каких случаях и какой вид налога взимается с дохода, прибылей или сверхприбылей, дивидендов, а также положения о снижении или освобождении от налогов.

Вопросы налогообложения играют важную роль в деле инвестирования частного капитала. Сущность регулирования этих вопросов состоит в том, что государства стремятся с помощью соглашений о налогообложении создать условия благоприятного иностранного инвестирования для частных собственников и таким образом стимулировать инвестиционный процесс как основу экономического развития.

Рассматривая различные двусторонние договоры об избежании двойного налогообложения, можно сделать вывод, что эти соглашения дают ощутимые выгоды как для инвесторов, так и для принимающего государства. Это улучшает инвестиционный климат в стране и приводит к увеличению поступления иностранных инвестиций.

Кроме этого, такие договоры обеспечивают некоторую степень определенности и предсказуемости, позволяющую иностранным инвесторам (налогоплательщикам) планировать свои действия. Уточнение налоговой юрисдикции и процедур взаимных соглашений помогают сгладить острые углы, угрожающие налогоплательщику, осуществляющему деятельность в различных государствах с различными законами. Содержащиеся в договорах положения, предусматривающие обмен информацией между странами, помогают договарива-

ющимся сторонам обеспечивать правоприменение положений внутреннего налогового законодательства.

Согласно вышеизложенному анализу двусторонних договоров можно сделать вывод о том, что в основе критерия стимулирования инвестиций должны лежать меры по созданию налоговых льгот и преимуществ для иностранных инвесторов, а именно: льготы при налогообложении, освобождение от налога на добавленную стоимость и специального налога на импортируемое технологическое оборудование и запасные части к нему, а также предоставление льготных кредитов в иностранной валюте, полученных от иностранных банков и кредитных учреждений.

В двусторонних договорах необходимо предусмотреть льготный режим иностранных инвестиций в зависимости от суммы вклада и четко определить приоритетные отрасли инвестирования и связанные с ними налоговые льготы.

Для стимулирования участия иностранного капитала в приватизации российских государственных предприятий должна четко работать налоговая система, указывая предоставление налоговых льгот в зависимости от объема сделанных технических и денежных вложений. Вместе с тем следовало бы установить вопросы, которые имеют некоторую специфику: развивающиеся государства, заинтересованные в притоке иностранного капитала, предоставляют ему налоговые льготы в соответствии с национальным законодательством (кодексы или законы) об иностранных инвестициях в различных формах.

Эти льготы могут выражаться в освобождении от налогообложения доходов, имущества, прибыли инвесторов и др. Таким образом, в отношениях между развитыми и развивающимися государствами нет необходимости заключать соглашения о налогообложении с включением в них положений о налоговых льготах. Однако, несмотря на это, соглашения подобного рода заключаются. Эти соглашения имеют целью избежание двойного налогообложения для инвесторов капитала как у себя в стране, так и за рубежом. Поэтому соглашения подобного рода называются соглашениями «Об избежании двойного налогообложения».

Международные двусторонние соглашения о налогообложении давно привлекают внимание деловых кругов и юристов.

Еще в Лиге Наций с 1921 по 1945 гг. работало несколько групп экспертов по этим вопросам, которые подготовили доклады и представили их в Комитет по финансам Лиги Наций. В докладах указывалось на то, что правовое регулирование налоговых проблем можно осуществить с помощью заключения международных налоговых конвенций как многосторонних, так и двусторонних. Лига Наций разработала два проекта примерных налоговых конвенций между заинтересованными государствами.

Финансовый комитет ООН, который продолжает работу Лиги Наций, также сделал несколько исследований по этому вопросу. Кроме того, этими вопросами занимаются и другие международные организации, такие как Международная торговая палата и Организация экономического сотрудничества и развития.

Экономический и Социальный Совет ООН в резолюции 486 (XVI) от 9 июля 1953 г. констатировал, что налоговые льготы для частных инвесторов, предоставляемые как высокоразвитыми, так и слабо развитыми государствами, имеют большое практическое значение. В этой резолюции высокоразвитым странам было рекомендовано в одностороннем порядке или при заключении налоговых соглашений предусмотреть специальные положения, при которых доход от иностранных инвестиций облагался бы только первоначально в той стране, где он был получен. Эта рекомендация была поддержана Международной торговой палатой¹.

1 Богатырев А.Г. Инвестиционное право. – М., 1992. – С. 177.

Договоры по устранению двойного налогообложения являются действенным механизмом по устранению правовых пробелов в отношении налогообложения инвесторов, как в государстве экспортирующим капитал, так и в государстве, импортирующем капитал. Независимо от изменений в системе налогообложения государства – импортера инвестиций, иностранный инвестор не может быть подвержен налогообложению более обременительному, чем предусмотрено в договоре.

Для решения вопроса о праве государства взимать налог с доходов в соглашениях об избежании двойного налогообложения в практике Российской Федерации еще с начала 90-х годов XX в. в основном используется концепция постоянного представительства. Согласно этой концепции представительства иностранных компаний аккредитуются (в течение одного, двух и трех лет) как при Торгово-промышленной палате (ТПП), так и в Государственной регистрационной палате (ГРП) при Министерстве юстиции Российской Федерации¹ (ранее аккредитовались в РАМСИРе в течение одного года)². Это понятие касается исключительно налогового статуса иностранного юридического лица и не имеет организационно-правового значения, но характеризует деятельность этого лица на территории другого государства.

В связи с ускорением процессов евразийской региональной экономической интеграции очень важное значение приобретает вопрос изучения мирового и регионального опыта по регулированию определенных экономических отношений. Особенно нужно использовать опыт Европейского Союза по решению проблемы двойного налогообложения, взяв за основу Типовой договор ОЭСР и Конвенцию Европейского Союза об устранении двойного налогообложения³. Кроме того, следует подумать об использовании положительного опыта правового регулирования налоговых отношений в Европейском Союзе в рамках Таможенного союза. Налоговое право Европейского Союза могло бы служить примером для развития налогового права Таможенного союза стран СНГ⁴, особенно в сфере устранения двойного налогообложения для подготовки Евразийской модели типового договора.

- 1 В области аккредитации представительств иностранных фирм продолжает действовать порядок, установленный Постановлением Совета Министров СССР от 30 ноября 1989 г. № 1074 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в СССР представительств иностранных фирм, банков и организаций» и Федеральным законом Российской Федерации от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешне-торговой деятельности».
- 2 Постановлением Правительства РФ от 6 июня 1994 г. № 655 установлено, что Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ наделена функциями аккредитации представительств иностранных компаний, выполнявшимися Рос-сийским агентством международного сотрудничества и развития.
- 3 Гусейнов О.Р. Налоговое право ЕС // Правовые основы экономического и социального регулирования ЕС: Учебное пособие / Под ред. проф. А.О. Иншаковой. – Волгоград, 2010.
- 4 Гусейнов О.Р. Налоговое право ЕС // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 57–62.

Для увеличения эффективности евразийской экономической интеграции и для взаимовыгодного сотрудничества стран региона следует срочно подписать многостороннее соглашение об устранении двойного налогообложения доходов и имущества юридических лиц стран СНГ или двусторонние договоры между правительствами всех стран СНГ. Если подписание таких эффективных для экономики стран СНГ договоров будет затягиваться, то тогда можно предоставить инвесторам из стран СНГ пакет налоговых льгот, таких как долгосрочное освобождение от налогообложения доходов и имущества юридических лиц из стран СНГ, упрощение таможенных процедур, беспошлинный ввоз оборудования и материалов для инвестирования на территории импортирующей страны, право на найм персонала из стран СНГ, минимальный срок аренды земли для физических и юридических лиц из стран СНГ под сельские хозяйства и промышленные назначения на 50 лет и другие. Благодаря таким шагам по взаимопроникновению иностранных инвестиций можно рассчитывать на создание реально работающего интеграционного механизма в рамках СНГ, опирающегося на совместные инвестиции стран региона.

Кроме того, следует подписать реально работающее многостороннее соглашение по инвестициям в рамках СНГ (Россия вышла из состава участников Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 1993 г. и не присоединилась к Конвенции о защите прав инвесторов 1997 г., в которой участвуют всего 6 стран региона), что способствовало бы взаимопроникновению иностранных инвестиций и росту взаимной торговли.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Сорокина Е.Я. Основы современного международного права в области налогообложения // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Юридические науки. – М: РУДН, 2000. – № 1.
2. Ботатырев А.Г. Инвестиционное право. – Москва, 1992.
3. Гусейнов О.Р. Инвестиционное право ЕС // Правовые основы экономического и социального регулирования ЕС: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.О.Иншаковой. – Волгоград, 2010.
4. Гусейнов О.Р. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
5. Гусейнов О.Р. Соглашения об устранении двойного налогообложения в международных инвестиционных отношениях (на примере таких соглашений Азербайджанской Республики с другими государствами) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – М: РУДН, 2000. – № 1.
6. Дерберг Р.Л. Международное налогообложение. – М., 1997.
7. Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
8. Double Taxation Agreement between the United Kingdom and Pakistan, 24.04.1961.

Шушаева Т.А.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

В статье рассматривается вопрос целеполагания как части эффективности нормы международного права. Приводится классификация целеполаганий в зависимости от субъективных и объективных условий: заданное (пассивное), конкурентное (состязательное) и ценностное. Обосновывается необходимость применения ценностного целеполагания как наиболее эффективного, полезного и выгодного.

Ключевые слова: эффективность норм международного права, классификация целей, целеполагание, прогнозирование в праве, клонирование.

Шушаева Т.А.

Shushayeva T.A.

ON THE EFFICACY OF GOAL-SETTING IN INTERNATIONAL LAW-MAKING

The article considers goal-setting as part of effectiveness of international legal provisions. The classification of goal-setting, depending on the subjective and objective conditions: given (passive), competitive (controversial) and value goal-setting is set, the use of value based goal-setting to make effective, useful and economically rewarding international law is substantiated.

Key words: efficacy of international law norms, classification of purposes, goal-settings, forecasting in law, cloning.

Вопросы эффективности права перестают быть актуальными разве что во внеправовой области отношений. Интересно наблюдать эволюцию научной мысли о понимании эффективности. По мнению современных ученых, эффективность права зависит от успешной реализации права и качества самой нормы права. В свою очередь, эффективность нормы права подразумевает наличие таких составляющих, как: актуальность, объективное отражение реальности в норме, оптимальность структуры нормы, полезность, выгодность, правильно поставленная цель и др. В статье предлагается рассмотреть вопросы эффективности целеполагания на примере международного нормотворчества.

Если обратиться к исследованию профессора А.И. Пригожина о целях, то можно увидеть особенности их формирования и классификацию в зависимости от обстоятельств (субъективных и объективных), влияющих на цель. В своей работе¹ он приводит классификацию целей в зависимости от источника их возникновения: заданное (пассивное), конкурентное (состязательное) и ценностное целеполагания. Они, в свою очередь, также подразделяются на подтипы:

Таблица «Типология целей»

Заданное (пассивное) целеполагание		Конкурентное (состязательное) целеполагание		Ценностное целеполагание	
I		II		III	
От проблем	а	От взаимного сравнения	а	От миссии	а
От угроз	б			От идеалов, идеологем	б
От потребностей	в	От борьбы интересов	б	От «VISION»	в
От заданий	г				

Далее приводится подробный анализ каждого типа. Обозначим лишь основные идеи сквозь призму международного нормотворчества.

I. Заданное (пассивное) целеполагание. Происходит «встраивание» целей в процессе формирования нормы права «объективно». Включает в себя целеполагание от заданий, от потребностей, от угроз и от проблем. Это простейший уровень целеполагания, который формируется директивно или пассивно: от потребности выживания, проблемы полного уничтожения вида, угрозы возрастания насилия, а также директивы, лоббирующей свои интересы прослойки общества или личности. Такие цели не являются личным выбором нормодателя, выбор диктуется сложившимися обстоятельствами.

II. Конкурентное (состязательное) целеполагание. Предполагает уже более свободный выбор, но сфокусированный на конкретных заранее определенных задачах. Это целеполагание должно быть более актуальным в сфере международного нормотворчества, поскольку оно предполагает постановку и достижение цели в единении двух и более сторон посредством достижения согласия на договорной основе, что так характерно для всех международных норм (за исключением малой группы норм одностороннего характера).

III. Ценностное целеполагание. Наиболее свободное (от вынужденного следования обстоятельствам и внешнего принуждения) целеполагание. Как раз тот тип, в котором закладывается не только цель, но и прогноз будущего или даже его формирование, планирование и конструирование. «Происходит из следующих источников:

а) целеполагание от "vision". Это образ желаемого будущего для себя, своей организации, города, региона, страны. Именно образ, а не проект или план, поскольку так проявляются амбиции или мечты. Основные вопросы в таком целеполагании: каким я хочу стать, к какому состоянию хочу привести организацию или страну, когда это будет достигнуто, какие стадии для этого надо пройти?

б) целеполагание от идеалов и идеологем. Социальные ценности можно разделить на идеалы и идеологемы. Первые есть ценности абсолютные, ценности сами по себе, по отношению к которым невозможно ответить на вопрос "зачем?", — здоро-

¹ Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — С. 40.

вье, счастье, справедливость, любовь и т. п. Вторые суть прикладные ценности практического назначения: качество, законность, конкурентность, демократия. Целеполагание этого типа отвечает на вопросы: что в жизни главное, для чего стоит жить, к чему надо стремиться?

в) целеполагание от миссии. Редко, но оно проявляется на уровне личности, организации, государства, озабоченных своим предназначением, стремящихся сделать какой-то важный вклад в развитие города, региона, отрасли, страны, человечества. Миссионеры отталкиваются от вопроса: в чем мое, наше предназначение, что мы должны осуществить, что и зачем изменить вокруг себя?»¹.

Причем А.И. Пригожин осознает, что главная цель может состоять из «мотиваторов» различных типов. Однако, он не очень высокого мнения об уровне целеполагания на государственно-правовом уровне: «В основном цели нашего государства (Российская Федерация – прим. Т.А. Шушаева) обнаруживаются на уровне заданных, т.е. в пассивном слое целеполагания, идут от витальных потребностей прежде всего»².

Как известно, цели государства содержатся и закрепляются в нормах права (различного типа), а цели международного права закрепляются в международных нормах права. Вопросы телеологии права, в том числе международного, изучали ряд юристов. И наиболее распространенным мнением остается то, что цель права заключается в регулировании существующих общественных отношений. Причем под существующими отношениями подразумеваются отношения, регулирование которых возможно и реально необходимо, актуально. Под актуальностью или реальной потребностью подразумеваются насущные проблемы и интересы общества, а возможность зависит от сферы правового воздействия. Если обратиться к вышеназванной классификации целей по А.И. Пригожину, то мы увидим, что такие цели относятся к первой категории (пассивному типу).

Таким образом, современное понимание целей права предполагает пассивное закрепление действительности в нормах права. Можно ли говорить в таком случае об эффективности права, если первый уровень целеполагания (самый низкий, пассивный) есть предел возможностей правового регулирования? Будет ли право являться эффективным, если оно ориентировано только на решение насущных проблем, угроз, потребностей и заданий? Эффективность любого процесса предполагает, в том числе, максимальное использование имеющихся ресурсов. Тогда можно сформулировать более правильный вопрос – реализуется ли весь потенциал права (правового феномена, явления) только в сфере пассивного целеполагания? Существует ли возможность использовать ресурсы права на более высоком уровне постановки цели – на уровне конкурентного или даже ценностного целеполагания?

Международное право в сфере конкурентного целеполагания – распространенное явление и наблюдается в конкурентной борьбе интересов между коалициями государств, например (Антанта и Тройственный союз, НАТО и коалиция Варшавского договора, Евросоюз и ЕврАзЭС и др.). Целеполагание от сравнения также распространено в сфере международного регулирования (например, рецепция римского права), но часто совмещено с целями преодоления угроз (существующих или возможных): расцвет колонизации (угроза мирового господства), гонка вооружений (угроза нападения), объединение в международные региональные экономические союзы (угроза экономической отсталости и изоляции) и др.

На наш взгляд, ориентация в процессе нормотворчества именно на ценностное целеполагание будет являться наиболее полезной формой реализации всего потенциала возможностей права. Целеполагание от «vision» предполагает видение (и если это видение будет закреплено в праве, то и форми-

рование) будущего таким, каким его хотят видеть участники международных отношений. Конечно, есть опасность впасть в иллюзию и бесполезные размышления о многочисленных вариантах развития будущего. В этой форме нужно уметь отличить возможную реальность будущего от утопии³.

Применение целеполагания от идеалов в принципе и есть наиболее правильный вид международного правотворчества, поскольку они уже закреплены в основополагающих принципах международного права. Нужно признать, что мировое сообщество проделало достаточно длительный путь своего развития, чтобы прийти (в договоре) к таким основным и непоколебимым принципам как: принцип неприменения силы и угрозы силой, территориальной целостности государств, принцип разрешения международных споров мирными средствами, принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, принцип уважения прав человека и основных свобод, которые вытекают из возведения человеческой жизни в важнейшие ценности человечества и права на мир; принцип суверенного равенства государств, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву и др. Тот факт, что данные принципы являются позитивным, действующим международным правом и даже трансформировались в так называемое императивное право (то есть распространяются на всех участников международных отношений независимо от их согласия) говорит о наличии потенциала международного права реализовываться на самом высоком уровне целеполагания – ценностном.

Далее, если попытаться приложить ценностный уровень целеполагания к любой будущей норме права (непосредственно в процессе нормотворчества, когда происходит формирование целей), то вероятность ее эффективности значительно возрастет. Конечно, нет необходимости вообще отказываться от решения уже существующих задач и проблем общества (то есть целеполагание от угроз, проблем и потребностей), но необходимо использовать весь потенциал возможностей права, в том числе и ценностное целеполагание.

Рассмотрим, как это будет выглядеть на практике. Возьмем, к примеру, «Всеобщую декларацию о геноме человека и о правах человека». Первое объявление об успешном клонировании животного (овечки Долли) появилось в прессе 22 февраля 1997 г.⁴, а Декларация (о запретах клонирования человека) была принята уже 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференцией ЮНЕСКО⁵. Из чего можно сделать вывод не только о мгновенной реакции международной общественности (выраженной в норме права) на уже свершившийся факт (клонирование животных), но и о предвидении и прогнозировании исследований и экспериментов по клонированию человека. Само прогнозирование заложено, в том числе, в ст. 11 Декларации: «Не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая, как практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи...». То есть не владея информацией (если судить о широкой общественности) о намерениях клонировать человека, о работах над клонированием человека, об успешных опытах по клонированию человека и т. п., нормодатель в конкретном случае воспользовался

3 См.: Кальней М.С. Утопия и прогнозирование как виды социального предвидения: автореф. дисс. канд. философских наук: 09.00.11. – М., 2009.

4 Wilmut I., Schnieke A.E., McWhir J., Kind A.J., Campbell K.H. Viable offspring derived from fetal and adult mammalian cells. // [Электронный ресурс] / Сайт «NCBI». – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9039911?dopt=Abstract>

5 Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Одобрена резолюцией 53/152 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г.

1 См.: там же. – С. 42–43.

2 См.: там же. – С. 44.

ценностным целеполаганием от идеалов (которые закреплены в преамбуле Декларации) и, опережая реальное положение вещей и отношений (нет прецедента нарушения прав человека посредством его клонирования), закрепил новую цель в норме международного права – защитить геном человека от клонирования путем наложения запрета на эксперименты и исследования по клонированию человека. Этот факт является доказательством более широкого потенциала права, чем отражение существующей реальности и объективных потребностей.

Насколько полезно и эффективно такое прогнозирование и опережение реальности в праве? Допустим, что Декларация 1997 г. провозглашала бы только регулирующие принципы по клонированию животных. В этом случае Декларацию можно было бы считать достаточно актуальной и востребованной уже сейчас (поскольку есть прецедент не только опытов и исследования клонирования животных, но и удачное клонирование овечки Долли, также есть отношения, которые складываются по поводу прав и обязанностей клонированных животных и их хозяев и др.). Но в этом случае оставалась бы полностью неурегулированной сфера экспериментов и исследований в области клонирования человека. Так как защита прав человека входит в сферу регулирования международного права (и внутригосударственного), а геном человека является «частью» человека, тогда образовалось бы пространство, не урегулированное правом, проще говоря, пробел в международном праве. И в случае наступления возможного будущего (успешного клонирования человека), такое событие не нарушило бы никакое право и считалось бы вполне правомерным (что не запрещено законом – разрешено). Если мы допустим сейчас работу и исследования по клонированию человека (надеясь на провал подобных экспериментов, что также является прогнозированием), то, по достижении успеха в этой области, уже будет достаточно сложно «свернуть» всю деятельность в этом направлении хотя бы потому, что финансирующим структурам нужно будет каким-то образом компенсировать затраты за многолетнюю деятельность исследовательских учреждений, а ученым, достигшим «успеха», получить свою долю славы. Если наше предвидение об успешном клонировании человека окажется ошибочным, и в будущем обнаружится, что такая возможность нереальна, то мы потеряем только затраченные ресурсы на опережающее создание ст. 11-й Всеобщей декларации о геноме человека и о правах человека, но сэкономим ресурсы, которые необходимы на исследовательскую и практическую деятельность по клонированию человека. Таким об-

разом, с экономической точки зрения выгодно даже создание ошибочной опережающей нормы, что является также признаком эффективности международного права, поскольку большинство ученых сходятся во мнении, что нормотворчество должно быть экономически выгодным¹.

Итого применение ценностного целеполагания в процессе международного нормотворчества является одним из средств достижения эффективности его норм, которое должно заключаться в предвидении и прогнозировании развития отношений и явлений, опережающем закреплении их регулирования в праве.

Такой вывод основан на том, что на международное право возлагается обязанность задавать наиболее высокие, идеальные цели и стандарты для всего международного сообщества, в связи с чем эффективное использование потенциала целеполагания в процессе нормотворчества оказывает влияние на уровень эффективности не только международных, но и внутригосударственных норм права.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Одобрена резолюцией 53/152 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г.
2. Кальней М.С. Утопия и прогнозирование как виды социального предвидения: автореф. дисс. канд. философских наук: 09.00.11. – М., 2009.
3. Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. – Иркутск: Изд.-во Иркут. ун-та, 1988.
4. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. – Казань: Изд.-во Казанск. Ун-та, 1999.
5. Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
6. Wilmut I., Schnieke A.E., McWhir J., Kind A.J., Campbell K.H. Viable offspring derived from fetal and adult mammalian cells. // [Электронный ресурс] / Сайт «NCBI». – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9039911?dopt=Abstract>

1 См.: Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. – Иркутск: Изд.-во Иркут. Ун-та, 1988.- С. 31–32. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. – Казань: Изд.-во Казанск. Ун-та, 1999 г. – С. 44–48.

Батырь В.А. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

В статье анализируется правомерность существующих и новых средств вооруженной борьбы, определены основные направления развития и совершенствования вооружения и военной техники, военные возможности стран в киберпространстве, киберсредства поражения.

Ключевые слова: средства вооруженной борьбы, киберпространство, кибероружие.

Batyr V.A. NEW CHALLENGES OF THE 21st CENTURY IN THE FIELD OF DEVELOPMENT OF COMBAT MEANS

The article examines the legality of existing and new means of armed struggle, defines main directions of development and improvement of weapons and military equipment, military capacities of countries in cyberspace, cyber weapons.

Key words: combat means, cyberspace, cyber weapons.

Батырь В.А.

*Дел людских постигая безумную суть...
Омар Хайям*

В 2013 г. исполнилось 145 лет со дня принятия Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г. Тогда целью работы военной международной комиссии являлось определение «технических границ, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия». И сегодня представляется важным рассмотреть проблематику, связанную с международно-правовым регулированием средств вооруженной борьбы, в том числе новыми вызовами XXI в. в этой сфере.

Предварительные замечания могут быть сведены к следующему: 1) в рамках указанной темы могут быть рассмотрены лишь те вопросы, которые не связаны с государственной тайной, поскольку информация в данной области преимущественно носит конфиденциальный характер, однако такая деликатность не означает дилетантизм; 2) предполагается сужение проблематики до средств поражения (боеприпасов и иных средств), последствий их возможного применения и оставление без должного внимания не менее важных проблем, связанных с развитием средств доставки, защиты, разведки (обнаружения); 3) юридикация проблематики, деление средств поражения на «запрещенные» и условно «разрешенные» означает, что запреты облекаются в правовую оболочку и предполагают санкции за их нарушения; парадокс заложен в том, что метод использования «разрешенных» средств может быть противоправным; 4) существование в международном гуманитарном праве (далее – МГП) обычных норм делает проблему открытой, в ней присутствуют оценочные категории, которые втягивают в дискуссию широкий круг государств (из 188 государств – участников Женевских конвенций 1949 г. 31 страна не участвует в Дополнительном протоколе I 1977 г.); 5) предполагается формулирование прогноза развития ситуации на основе экспертных оценок (поиск ответа на вопрос «что делать»), построение сценариев развития ситуации (правовое моделирование) в сфере разработки новых средств поражения, превентивное определение их правомерности (оценки).

В этом контексте могут быть выдвинуты и обоснованы 10 тезисов.

1. Весьма важными в МГП представляются вопросы терминологии. Под «средствами вооруженной борьбы» следует понимать оружие и иные устройства и средства, применяемые вооруженными силами воюющих для нанесения вреда и поражения противнику. Оружие включает в себя боевые припасы (боеприпасы) и средства их доставки. Боеприпас («средство поражения») – это расходуемая часть оружия; снаряд, который выпускают, выбрасывают, выстреливают, взрывают с помощью энергии, аккумулированной в какой-либо фор-

ме и высвобождаемой с помощью процесса инициирования. Боевые припасы предназначены для поражения живой силы и техники, разрушения сооружений и выполнения других задач. Подчеркнем, что конвенции в сфере МГП с XIX в. устанавливали запреты применения именно средств поражения (боеприпасов). Регулирование в области средств доставки имеет свою специфику.

2. С тем чтобы избежать излишних страданий, ничем не оправданных жертв среди мирного населения, связанных с военными действиями, МГП устанавливает ограничения в выборе воюющими средств и методов ведения вооруженной борьбы. Этот принцип выражается в формуле: «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю» (ст. 22 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.). Это положение нашло подтверждение в Дополнительном протоколе (далее – ДП I) 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.: «право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным» (ст. 35).

Отправной точкой исследования правомерности новых средств вооруженной борьбы, равно как и правомерного порядка применения уже существующих, служит ст. 36 ДП I. Безусловно, для государств, не участвующих в ДП I, данная норма должна рассматриваться как международный обычай. Протокол направлен на защиту жертв лишь международных вооруженных конфликтов. При этом международно-правовая оценка, т. е. отнесение новых видов оружия к запрещенным (при некоторых или при всех обстоятельствах), возложена на сами государства-участники. Тем самым установлен достаточно прозрачный режим «соблюдай или объясни», который приводит к общественному давлению и общественному осуждению, прокладывает путь к глобальной осведомленности о проблеме, оптимизации ситуации. Запрет применения оружия, снарядов, веществ, способных причинять излишние повреждения или излишние страдания (п. 2 ст. 35 ДП I), а также тех, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде, носит абсолютный характер. Иными словами, государство может иметь в своих арсеналах подобные средства вооруженной борьбы, но они не должны применяться в условиях вооруженных конфликтов.

1 При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне (ст. 36 ДП I).

3. Открытие новых физических законов и источников энергии приводит к появлению более эффективных или новых видов оружия, что вызывает значительные, а иногда и коренные изменения в способах и формах ведения боевых действий и в организации войск. В свою очередь, оружие развивается под влиянием военного искусства, которое выдвигает требования по улучшению характеристик существующего оружия и созданию его новых видов. Быстрый прогресс в области вооружений, совершенствование военной техники (и ее продажа третьим странам) в настоящее время намного опережают развитие международного права.

В постановочном плане возможно сформулировать два вопроса: 1) является ли дозволенным новое оружие, применение которого в случае вооруженного конфликта еще не урегулировано МГП; 2) имеют ли право вооруженные силы сражающегося государства использовать средства вооруженной борьбы, специально не запрещенные МГП? Предварительно на оба вопроса можно дать положительный (утвердительный) ответ.

4. С точки зрения традиционных представлений о средствах поражения возможно проведение следующей классификации современных вооружений (средств поражения): I. По масштабам поражающего действия: 1) оружие массового поражения (оружие массового уничтожения, оружие неизбирательного воздействия) (далее – ОМП) – ядерное, химическое, бактериологическое; 2) обычное оружие – а) огнестрельное (артиллерийское, стрелковое, средства ближнего боя); б) реактивное; в) ракетное; г) минное; д) торпедное; е) холодное. II. По масштабам применения: 1) стратегическое; 2) оперативно-тактическое; 3) тактическое. III. По степени мобильности: 1) стационарное (установленное на неподвижном основании – отдельные типы ракетных комплексов, береговые и казематные артиллерийские орудия и др.); 2) стационарное с подвижным основанием (авиационное, танковое и др.); 3) самоходное (самоходные орудия, подвижные ракетные комплексы и др.); 4) буксируемое (артиллерийские орудия, минометы); 5) возимое (носимое). IV. В зависимости от количества обслуживающего персонала (состава боевого расчета): 1) индивидуальное; 2) групповое.

Безусловно, для целей правового регулирования МГП определяющее значение имеет первая группа классификации (ОМП и обычное оружие). Рассмотрим отмеченные виды средств поражения (оружия) подробнее.

5.1. Когда в 1911 г. основатель ядерной физики Э. Резерфорд открыл атомное ядро, на вопрос журналиста о возможном использовании этого открытия в деле производства энергии великий физик ответил, что не ожидает никаких практических последствий от своих открытий. Но открытие привело не только к появлению нового источника энергии, но и нового вида оружия.

Ядерное оружие (атомное оружие) – это совокупность ядерных боеприпасов, средств их доставки к цели и средств управления¹. Деятельность, связанная с разработкой, изготовлением, испытанием, эксплуатацией и утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, регулируется многосторонними международными договорами.

Отмечая важное значение консультативного заключения Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, вынесенное 8 июля 1996 г., подчеркнем, что следует стремиться² к скорейшему заключе-

нию Конвенции по ядерному оружию, предусматривающей запрещение разработки, производства, испытания, развертывания, накопления запасов, передачи, применения и угрозы применения ядерного оружия и его ликвидацию. Следует стремиться к заключению двусторонних договоров между государствами, входящими в «ядерный клуб», и «неофициальными ядерными державами». Следует приветствовать создание и расширение зон, свободных от ядерного оружия³. Нужно положить конец «вертикальному» и «горизонтальному» распространению ядерного оружия, особенно распространению тактических сверхмалых боеприпасов / нейтронных боеприпасов (менее 1 кг) как средства террора.

Ядерное оружие продолжает рассматриваться всеми его обладателями как основное средство сдерживания широко-масштабной агрессии. Наличие ядерного оружия, с одной стороны, будет накладывать ограничения на военное планирование, а с другой – будет стимулом усиления гонки вооружений по «нетрадиционным» направлениям (например, кибероружия, космические средства нападения), роль стратегического баланса ядерных сил в сдерживании агрессии и хаоса будет постепенно снижаться.

5.2. Химическим оружием называют отравляющие вещества и средства, с помощью которых они применяются на поле боя. Основу поражающего действия химического оружия составляют отравляющие вещества. В данной сфере запрещены разработка, производство, накопление и применение химического оружия, принимаются меры к его уничтожению, что прямо предусмотрено Конвенцией 1993 г. Следует наращивать усилия по скорейшей ликвидации запасов химического оружия, совершенствовать международный контроль за странами, обладающими его запасами.

5.3. Бактериологическое (биологическое) оружие – это специальные боеприпасы и боевые приборы со средствами доставки, снаряженные бактериальными (биологическими) средствами. Запрещение обладать бактериологическим оружием обязательно подразумевает запрещение его использования. Однако это не исключает производство и хранение в ограниченных количествах биоматериалов в научных и медицинских целях.

5.4. Средства воздействия на природную среду – любые средства для изменения путем преднамеренного управления природными процессами динамикой, состава или структуры Земли (включая ее биосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу) или космического пространства.

Запрещено использовать в военных целях искусственно вызываемые явления: землетрясения, цунами, нарушение экологического баланса какого-либо района, изменения в элементах погоды и климата, в океанических течениях, в состоянии озонового слоя и ионосферы (т.е. речь идет о запрете геофизической войны). Это связано с возможными перспективами разработки оружия на новых физических принципах. Конвен-

сплющивающиеся в человеческом теле; б) снаряды весом менее 400 граммов, начиненные взрывчатыми или горючими веществами; в) яды или отравленное оружие; г) снаряды, имеющие единственное назначение – распространять отравляющие вещества; д) удушающие и другие ядовитые газы и бактериологические средства; е) бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие; ж) средства воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда; з) конкретные виды обычного оружия неизбирательного действия и оружия, использование которого вызывает чрезмерные повреждения или страдания.

3 В ряде регионов, включая Латинскую Америку и Карибский бассейн, южную часть Тихого океана, Юго-Восточную Азию и Африку, Центральную Азию созданы зоны, свободные от ядерного оружия, в которых обладание ядерным оружием, его разработка, производство, привнесение и развертывание, а также применение или угроза его применения запрещены.

1 При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне (ст. 36 ДП I).

2 К запрещенным средствам ведения вооруженной борьбы МГП относят те, которые причиняют излишние страдания своими поражающими свойствами: а) пули, легко разрывающиеся или

ция 1977 г. запрещает использование средств воздействия на природную среду и носит превентивный характер.

5.5. В международно-правовых актах нет единого определения понятия «оружие (средства) массового поражения». К нему следует отнести оружие, применение которого: 1) ведет к массовому уничтожению как комбатантов, так и гражданского населения, не вовлеченного в военные операции; 2) разрушает основы существования человека не только в районе его использования, но и далеко за его пределами; 3) оказывает уничтожающее действие не только в момент его применения, но и продолжительное время спустя. Именно под такое определение подпадает ядерное, химическое, бактериологическое оружие, а также использование окружающей среды в качестве средства ведения вооруженной борьбы.

К новым видам ОМП (с некоторыми оговорками) относятся, по разным источникам, до 19 видов оружия. Наиболее часто отмечаются следующие виды: инфразвуковое¹; акустическое (психотронное)²; радиологическое³; генетическое⁴; геофи-

- 1 Инфразвуковое оружие – оружие, использующее в качестве поражающего средства достаточно сильный инфразвук. В зависимости от силы инфразвукового воздействия результаты могут варьироваться от возникновения у объекта чувства страха, ужаса или паники и психозов на их почве до соматических расстройств (от расстройств зрения до повреждения внутренних органов, вплоть до летального исхода). Опытные образцы инфразвукового оружия уже применялись в Югославии. Так называемая «акустическая бомба» производила звуковые колебания очень низкой частоты.
- 2 Устройство «звуковых пушек», снабженных компьютером, позволяет транслировать любой оцифрованный звук, в том числе и закодированные смысловые сообщения. Однако до появления LRAD все попытки создать эффективное акустическое оружие заканчивались провалом. LRAD – Long Range Acoustic Device (звуковое устройство дальнего действия) – это звуковое оружие («акустическая пушка»), которое относится к разряду «нелетальных». Вот уже несколько лет устройство применяется на судах ВМФ США, которые находятся в Персидском заливе, и гражданских судах. «Звуковая пушка» использовалась во время боевых действий в Ираке. Установки, которые использовались 7 ноября 2007 г. в Тбилиси для разгона митинга оппозиции, по внешнему виду были очень похожи на LRAD, однако они не издавали звуков, а воздействовали непосредственно на психику человека. На демонстрациях, видимо, испытывались два варианта психотехнологий, относящихся к психотронному оружию: первый связан с использованием «акустических пушек», во втором нужная программа загружалась через мобильный телефон.
- 3 Радиологическое оружие – гипотетическая разновидность оружия массового поражения (ОМП), использующая в качестве поражающего элемента ионизирующее излучение радиоактивных материалов. В СССР для ракеты Р-2 были созданы радиологические боевые части «Герань», но нет сведений об их фактическом принятии на вооружение.
- 4 Генетическое оружие или этническое оружие – гипотетический вариант биологического оружия, предназначенный для избирательного поражения населения по расовому, половому или иному генетически обусловленному признаку. Будучи оружием массового поражения, а именно разновидностью биологического оружия, запрещено согласно Женевскому протоколу 1925 г. Действие генетического оружия основано в первую очередь на избирательном поражении (истреблении) искусственно выведенными патогенными микроорганизмами избранной части населения – мужчин, как потенциальных солдат, или определенных наций целиком, носителей определенных аллелей в хромосомах. На «нецелевых» людей действует гораздо меньше или не действует совсем. Патогенный эффект целенаправленно усилен. Лекарственные препараты, существовавшие до создания любой из разновидностей генетического оружия, против неё практически неэффективны. Объектами воздействия этнического оружия могут стать также животные, растения, микрофлора почвы, специфичные для данного района Земли и составляющие важное условие существования человека в этом районе.

зическое⁵; тектоническое⁶; климатическое оружие⁷; аннигиляционное⁸; сверхрадиочастотное; лазерное; электромагнитное⁹ (особенно в сочетании с графитовыми бомбами¹⁰); микроволновые излучатели¹¹.

В этой связи представляется важной выработка и юридическое (конвенционное) закрепление понятия «средства массового поражения». Основные проблемы в сфере ОМП связаны с организацией действенного международного контроля по выполнению принятых государствами международно-правовых обязательств.

6. В сфере «обычных» средств поражения под запрет поставлены конкретные виды оружия неизбирательного действия и оружие, использование которого вызывает чрезмерные повреждения или страдания¹². Следовательно, иные виды

- 5 Геофизическое оружие – гипотетическое оружие, объектом воздействия которого является окружающая природная (геофизическая) среда – гидросфера, литосфера, приземные слои атмосферы, озоносфера, магнитосфера, ионосфера, околоземное космическое пространство. Геофизическое оружие позволяет наносить урон противнику путем воздействия на окружающую среду. Гипотетически оружие этого типа можно разделить на несколько видов: погодное, гидросферное, тектоническое, биосферное, а также оружие, воздействующее на верхние слои атмосферы и космос. Доказательства существования такого оружия в настоящее время отсутствуют.
- 6 Тектоническое оружие – гипотетическое устройство или система, при помощи которых можно искусственно вызвать землетрясения, извержения вулканов или похожие явления в определенных местностях путём воздействия на естественные геологические процессы. Термин «тектоническое оружие» был определен в 1992 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР А.В. Николаевым, который определил его как нечто, способное привести к разрушительному землетрясению, используя накопленную тектоническую энергию недр. При этом он отметил, что «поставить себе целью вызвать землетрясение – это затея крайне сомнительная».
- 7 Климатическое оружие – гипотетическое оружие массового поражения и разрушения экономики отдельно взятой страны или группы стран, использующее в качестве поражающего фактора искусственное воздействие на природные ресурсы, погоду и климат отдельно взятой территории, страны, государства, материка, континента. В качестве механизма «пуска» могут быть использованы различные технологии и средства, искусственно созданные техногенные катастрофы, влекущие за собой экологические катастрофы и, как следствие, создающие экономические проблемы (кризисы).
- 8 Бомба из Антиматерии, ускоритель релятивистских электронов, гамма-лазер.
- 9 Электромагнитные бомбы (Е-бомбы), созданные специально для этого и доставляемые соответствующими средствами, являются очень эффективным инструментом для этой цели. При взрыве электромагнитной бомбы происходит выброс мощного электромагнитного поля, которое и оказывает негативное воздействие на электронику и системы связи противника. Сейчас электромагнитные бомбы делятся на два вида: низкочастотные и высокочастотные. Ограничения электромагнитного оружия определяются конкретным исполнением и средствами доставки.
- 10 Подобное оружие было впервые использовано в 1991 г. во время войны в Персидском заливе. Позже американцы применили его еще раз – в Югославии, но уже в сочетании с графитовыми бомбами, которые при взрыве расплываются в воздухе тонкие графитовые нити, накоротко замыкающие линии электропередачи.
- 11 В частности, разработанная и испытанная в конце 1990-х годов система активного отбрасывания (Active Denial System, ADS) относится именно к такому виду оружия.
- 12 Генетическое оружие или этническое оружие – гипотетический вариант биологического оружия, предназначенный для избирательного поражения населения по расовому, половому или иному генетически обусловленному признаку. Будучи оружием массового поражения, а именно разновидностью биологического оружия, запрещено согласно Женевскому протоколу 1925 г. Действие генетического оружия основано в первую очередь на избирательном поражении (истреблении) искусственно выведенными патогенными микроорганизмами избранной части населения – мужчин, как потенциальных солдат, или определенных наций целиком, носителей определенных аллелей в хромосомах. На «нецелевых» лю-

обычных вооружений являются допустимыми (разрешенными) для целей ведения боевых действий.

Основной комплекс проблем в сфере обычных вооружений связан с потенциально дестабилизирующим их накоплением и перепроизводством. Критическое состояние физической сохранности опасных материалов и объектов (особенно в странах с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией), неконтролируемое государствами распространение обычных вооружений могут привести к обострению существующих и возникновению новых вооруженных конфликтов.

Генеральная Ассамблея ООН 27 марта 2013 г. одобрила соглашение о торговле традиционными вооружениями (154 страны проголосовали «за», воздержались – 23, в том числе Россия, против – 3: Сирия, Иран и Северная Корея). Ратификация началась 3 июня 2013 г. Страны должны будут ввести жесткий контроль за тем, чтобы экспортируемое ими оружие не попадало на черный рынок или в руки режимов, которые могут использовать его для нарушения прав человека, ударов по гражданским целям, массовых репрессий, геноцида и прочих преступлений против человечности. Также страны должны будут отчитываться перед ООН о тех шагах, которые они предприняли в этой области. Россия остается вторым после США экспортером оружия.

Важнейшее значение приобретает заключение региональных договоров в данной сфере¹. Представляется, что следует активизировать переговорный процесс в рамках разработки Конвенции о «негуманном» оружии (КНО). Следующим шагом могло бы стать запрещение переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), которые по своей сути являются диверсионным оружием (в строевых частях на вооружении есть стационарные комплексы). Такая озабоченность вызвана угрозой, которую представляет для гражданской авиации незаконное обладание ПЗРК.

7. На современном этапе основными направлениями развития и совершенствования вооружения и военной техники являются: 1) ограничение непосредственного вооруженного соприкосновения сторон, особенно ближнего огневого контакта; 2) избирательное и точное огневое поражение противника; 3) повышение роли информационной составляющей при ведении боевых действий (развитие технических средств разведки, управления, связи, радиоэлектронного поражения и т. п.); 4) применение беспилотных летательных аппаратов как носителей различных средств разведки и средств поражения; 5) повышенные требования к средствам обеспечения защиты личного состава; 6) создание для личного состава максимально комфортных условий участия в военных действиях.

Малочисленность современных армий компенсируется насыщением их различными системами высокоточного оружия, что позволяет значительно уменьшить количество используемых боевых средств и одновременно достичь избирательности поражения цели.

действует гораздо меньше или не действует совсем. Патогенный эффект целенаправленно усилен. Лекарственные препараты, существовавшие до создания любой из разновидностей генетического оружия, против неё практически неэффективны. Объектами воздействия этнического оружия могут стать также животные, растения, микрофлора почвы, специфичные для данного района Земли и составляющие важное условие существования человека в этом районе.

1 Геофизическое оружие – гипотетическое оружие, объектом воздействия которого является окружающая природная (геофизическая) среда – гидросфера, литосфера, приземные слои атмосферы, озоносфера, магнитосфера, ионосфера, околоземное космическое пространство. Геофизическое оружие позволяет наносить урон противнику путем воздействия на окружающую среду. Гипотетически оружие этого типа можно разделить на несколько видов: погодное, гидросферное, тектоническое, биосферное, а также оружие, воздействующее на верхние слои атмосферы и космос. Доказательства существования такого оружия в настоящее время отсутствуют.

Дальнейшее совершенствование оружия идёт по линии повышения скорострельности, дальности и точности стрельбы, зоны поражения, повышения мощности и эффективности действия боеприпасов (в том числе создания управляемых пуль), манёвренных качеств средств доставки (скорость передвижения, запас хода и др.), живучести и других боевых и технических свойств. По мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия всё более чётко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте.

8. Лучшими военными изобретениями первого десятилетия XXI в. являются 1) средства доставки: гиперзвуковая ракета Boeing X-51A Waverider; беспилотный орбитальный самолет Boeing X-37B; система разведки и наблюдения для беспилотников Gorgon Stare (по версии журнала Popular Science); 2) средства защиты: экзоскелет нового поколения; безопасная взрывчатка; устройство для уничтожения самодельных бомб; пленочное бронирование стен – обои X-Flex (по версии журнала Time). Определенные новации проявляются и в области разминирования. При этом, как представляется, разработчики новых видов вооружений исходят из следующей юридически значимой формулы: «Оружие, действие которого направлено против другого оружия, оружием не является».

9. Особого внимания заслуживают проблемы оружия нелетального воздействия. Его действие направлено на то, чтобы сделать невозможной осознанную деятельность человека в зоне воздействия. Наиболее известными сегодня видами такого оружия являются травматические пистолеты, водометы и различные газы – слезоточивый, перечный или успокаивающий (чаще применяется в США и включает в состав валиум), психофизическое оружие (в том числе так называемая «любовная бомба»). Все эти средства являются одними из наиболее распространенных мер борьбы с беспорядками. К несмертельным видам оружия относятся также светозумовые гранаты, способные ослепить и оглушить противника, термические пистолеты, специальная быстротвердеющая пена, вязкие или скользкие полимеры, сильнопахнущие вещества (так называемая «вонючая бомба» – Stink Bomb). За последние несколько лет были придуманы десятки новых видов оружия (например, робот-комар, или «бионический шершень»), которое с каждым годом все чаще применяется в ходе вооруженных конфликтов.

В XXI в. государства будут делать ставку на интенсивное техническое и технологическое развитие. В числе приоритетных направлений рассматривается развитие или создание следующих систем вооружения²: высокоточного (высокоинтеллектуального) оружия с приданием ему способности интегрирования в межвидовые разведывательно-ударные системы (комплексы); сил и средств информационного противоборства; базовых информационно-управляющих систем, интегрированных с системами управления оружием и комплексами средств автоматизации органов управления стратегического, оперативно-стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического уровней; систем и комплексов ВВСТ на основе технологий робототехники и интеллектуальных процессов управления; систем и комплексов нетрадиционного вооружения; малогабаритных и сверхмалых средств вооруженной борьбы на основе микроминиатюризации и

2 Тектоническое оружие – гипотетическое устройство или система, при помощи которых можно искусственно вызвать землетрясения, извержения вулканов или похожие явления в определённых местностях путём воздействия на естественные геологические процессы. Термин «тектоническое оружие» был определен в 1992 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР А.В. Николаевым, который определил его как нечто, способное привести к разрушительному землетрясению, используя накопленную тектоническую энергию недр. При этом он отметил, что «поставить себе целью вызвать землетрясение – это затея крайне сомнительная».

нанотехнологий, особенно для решения задач разведки, контрразведки и боевого управления.

10.1. В XXI в. большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в киберпространстве. Концептуальная проблема формулирования парадигмы безопасности заключается в определении понятия «кибероружие». Многие страны (США, Россия, Китай, Израиль, Великобритания, Пакистан, Индия, Северная и Южная Корея) развили сложное кибероружие, которое может проникать в компьютерные сети и способно разрушать их.

Под «кибероружием» следует понимать технические и программные средства поражения (устройства, программные коды), созданные государственными структурами, которые конструктивно предназначены для воздействия на программируемые системы, эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и обработки информации или программно-технических системах, с целью уничтожения людей, нейтрализации технических средств либо разрушения объектов инфраструктуры противника. Данное понятие является специальным и может быть соотнесено с более общим понятием «информационное оружие».

Характерными чертами кибероружия являются: 1) отсутствие физического вмешательства при воздействии на систему; 2) эксплуатация уязвимостей внутри конкретной системы (или определенного типа систем); 3) точно предусмотренный результат воздействия; 4) нарушение нормально функционирующих систем и комплексов, действующих по установленным алгоритмам. Киберсредства поражения представляют собой вирусы (типа Flame) или зомби-сети, используемые для рассылки спама и организации распределенных атак, направленных на перегрузку информационных систем и следующий из нее отказ в обслуживании (DOS и dDOS-атаки). В принципе, любое киберсредство является специальной программой, разработанной в единичном экземпляре и предназначенной для однократного использования при осуществлении конкретной операции.

За рамки правового регулирования выходят следующие признаки киберсредств поражения: 1) необходимость обеспечения секретности разработки (НИОКР), самого факта наличия и доставки; 2) отсутствие предупреждения при применении; однократность применения; 3) избирательность поражения (нейтрализация критической инфраструктуры противника в целях повышения эффективности первого удара либо ослабления способностей противника противостоять ему); 4) практически мгновенное воздействие; 5) отсутствие потенциала сдерживания.

Способы массированного применения киберсредств поражения могут быть сходны со структурой первого обезоруживающего удара, что позволяет причислить их к наступательным вооружениям. Однако это не означает, что использование киберсредств приводит к возникновению особого вида международных вооруженных конфликтов – сама категория «кибервойна» / «информационная война» не имеет правового содержания. Иногда под этим понимаются различные аспекты информационного противоборства. Противостоять кибернападению должна кибероборона. Однако неразумно и опасно считать вооруженными конфликтами те, которые не несут угрозу жизни человека.

10.2. Следует отличать киберсредства поражения (например, червь (вирус) Stuxnet, троянская программа Wiper, вирус «Шамун») и средства кибершпионажа (как метод противоборства – например, программа-шпион Duqu, многофункциональные программы слежения и шпионажа Flame и Gauss, Worm.Win32.Flame). Показательным примером является операция Red October («Красный октябрь»).

10.3. Посредством Интернета и его технических сервисов создаются новые виртуальные формы общественных отношений. Они складываются в киберпространстве. Применительно к установлению правового регулирования в данной сфере

четко обозначились два противоположные подхода: авторитарный (легистский)¹ и либертарный². Однако различие в доктринальных подходах существовало до тех пор, пока киберпространство не стало использоваться в политических, в том числе военных целях. Новые угрозы вынудили приверженцев второго подхода пересмотреть свои позиции, искать способы установления адекватных запретов новым вызовам. Вместе с тем действенных международно-правовых норм, направленных на предотвращение использования киберпространства в военных целях, пока не выработано. Для целей правового регулирования киберпространство следует отнести к территории со смешанным правовым режимом (по аналогии с исключительной экономической зоной или континентальным шельфом), где действуют одновременно нормы международного права и внутригосударственного законодательства, а государствам предоставлены «суверенные права на разведку и разработку ресурсов». Киберпространство представляет собой среду, из которой, при помощи которой и в рамках которой могут осуществляться военные операции. Киберпространство становится таким же потенциальным полем боя, как суша, море и воздух, в ответ на кибератаку в рамках самообороны жертва может «забросить ракету в дымоход». Однако проблема репрессалий заслуживает отдельного исследования. Особенности построения киберпространства на современном этапе таковы, что сейчас ни одна страна не может гарантировать, что ее сегмент сети Интернет не будет использован для компьютерных атак. Наибольшее число зараженных компьютеров (так называемых «ботов» или «зомби»), используемых для проведения кибератак типа «отказ в обслуживании», находится в США и Китае³.

10.4. Источниками международно-правового регулирования отдельных аспектов киберпространства являются: 1) документы, принятые международными организациями, осуществляющими социальную координацию, в частности: а) в сфере прав человека, принятые до возникновения компьютерной сети ARPANET, предшествовавшей появлению Интернета; б) принятые ЮНЕСКО; в) акты ВОИС, касающихся охраны интеллектуальной собственности, и др.; 2) документы, принятые международными организациями, от которых зависит общее развитие отрасли информационно-коммуникационных технологий: Международным союзом электросвязи (МСЭ, ITU), Международной организацией по стандартизации (МЭС, ISO), Международной электротехнической комиссией (МЭК, IEC). Осуществление связи с помощью Интернета и других телекоммуникационных сетей подпадает под определение электросвязи, данное в Уставе МСЭ. С 3 по 14 декабря 2012 г. в Дубае проходила Конференция МСЭ, на которой 89 стран-участниц подписали новую редакцию договора по телекоммуникациям (последний раз обновлялся в 1988 г.). Договор вступит в силу в январе 2015 г., он содержит несколько положений, допускающих возможность государственного контроля над сетью.

Принятие Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (Convention on Cybercrime CETS № 185, Будапештская конвенция) от 23 ноября 2001 г. (вступила в силу 1 июля 2004 г.) можно признать точкой отсчета, с которой начинаются реальные меры по международ-

1 Авторитарная (легистская) модель характеризуется установлением запретов в рамках внутригосударственной компетенции. Данной модели правопонимания соответствует ограничение возможности доступа пользователей в Интернет и (или) установление цензуры.

2 Либертарная модель получила распространение в США в середине 90-х гг. XX в., основана на строгом соблюдении конституционных прав личности, гарантирующих отсутствие цензуры и свободу самовыражения.

3 В 2011 г. Пентагон совместно с китайскими коллегами тайно проводил киберуничтожения, в рамках которых обрабатывались действия во время возможных атак на объекты критической инфраструктуры, крупного бизнеса и государственных учреждений.

но-правовому регулированию отношений в Интернете¹. США пытаются навязать указанную Конвенцию как документ «глобального» характера в вопросах кибербезопасности. Россию категорически не устраивает в Будапештской конвенции ст. 32 о «трансграничном доступе», позволяющая спецслужбам одних стран проникать в компьютерные сети других стран и проводить там операции без ведома национальных властей.

Во многом российский проект Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности является противовесом Будапештской конвенции и направлен на урегулирование всего комплекса мер, связанных с возможным противоправным (враждебным) использованием информации или информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)².

При выработке конвенционных норм важно учитывать наличие триады взаимосвязанных компонентов: 1) киберпреступность (без политической мотивации); 2) кибертерроризм (с политической мотивацией); 3) кибероружие (разработка и применение средств деструктивного информационного воздействия в военно-политических целях). Можно предположить, что оптимальной формой решения комплекса вопросов, связанных с юридизацией статуса Интернета, станет Международное соглашение об использовании глобальной сети Интернет, открытое для подписания всеми заинтересованными государствами.

10.5. Запретить разработку кибероружия невозможно. По разным оценкам, для создания эффективных киберсредств поражения необходимо от 3 до 5 лет, то есть его может иметь любая страна, задавшаяся соответствующей целью. Отметим доступность разработки таких средств поражения в сравнении с обычными и их неизбирательность (возможность причинения косвенного ущерба объектам, на которые атака не была рассчитана), способность ввода специальных кодов, даже при отключенной аппаратуре; создание микрочипов для выполнения специальных команд в управляющих программах. Поэтому концепции киберобороны должны исходить из предположения, что противник имеет канал связи с любой системой, а любая сеть не является доверенной. Следует полагать, что в обозримом будущем все более частыми будут кибершпионаж и таргетированные атаки. Кибероружие не вытеснит традиционное, но будет неотъемлемой частью арсенала страны.

Вызывают обоснованное беспокойство вопросы о том, когда будет применяться это оружие и кто будет санкционировать его применение, возможность его продажи третьим странам, создание теневого оборота таких вооружений. Кибероружие будет стимулировать не только производство и сбыт технических средств защиты информации, но и ограничение гражданских свобод. Универсальность, скрытность или обезличенность, возможность широкого трансграничного применения, экономичность и общая эффективность делают кибероружие чрезвычайно опасным средством воздействия. Россия должна наращивать усилия по заключению разумных соглашений, минимизирующих угрозу применения кибероружия. В обозримом будущем исходным должен стать посыл установления кибермира – целевого принципа деятельности в киберпространстве. Следует добиваться выработки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной кибербезопасности. Основой могут стать выработанные принципы Эриче 2009 г.³

1 Авторитарная (легистская) модель характеризуется установлением запретов в рамках внутригосударственной компетенции. Данной модели правопонимания соответствует ограничение возможности доступа пользователей в Интернет и (или) установление цензуры.

2 Либертарная модель получила распространение в США в середине 90-х гг. XX в., основана на строгом соблюдении конституционных прав личности, гарантирующих отсутствие цензуры и свободу самовыражения.

3 Проект Декларации Эриче по принципам киберстабильности и кибермира (http://cyberpeace.org.ua/files/i_20.pdf) был создан По-

В XXI в. большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь – в киберпространстве. А в более отдаленной перспективе – создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Всё это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей. Подобные системы вооружений будут сопоставимы по результатам применения с ядерным оружием, но более «приемлемы» в политическом и военном плане.

Сотрудничество в противодействии новым вызовам и угрозам должно осуществляться последовательно, без применения двойных стандартов, через строгое соблюдение норм международного права. Органы государства должны: а) определить, нарушает ли использование конкретного вида средств поражения запрещение о применении средств ведения войны, которые носят неизбирательный характер, наряду с запретом на средства вооруженной борьбы, связанные с «предавательством» или с «вероломством»; б) заниматься вопросами специальных запретов безотносительно к тому, произведена ли ратификация соответствующих договоров, поскольку речь идет об обычных нормах МГП; в) устанавливать ограничения методов применения конкретных средств поражения «при некоторых обстоятельствах» (например, против личного состава или в густонаселенных районах).

Новые вызовы XXI в. в сфере развития средств вооруженной борьбы должны быть поставлены под строгий международно-правовой контроль, контроль разума над силой.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1868 г. // Действующее международное право: В 3-х т. / Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Т. 2. – М.: Изд. Московского независимого института международного права, 1997.
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Гаага, 5 (18) октября 1907 г. // Действующее международное право: В 3-х т. / Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Т. 2. – М.: Изд. Московского независимого института международного права, 1997.
3. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. В соответствии со Статутом Конвенция вступила в силу 21 октября 1950 г. Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. с оговорками, сделанными при подписании // СДД СССР. – Вып. XVI. – М., 1957.
4. Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // СДД СССР. – Вып. XVI. – М., 1957.
5. Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // СДД СССР. – Вып. XVI. – М., 1957.
6. Конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // СДД СССР. – Вып. XVI. – М., 1957.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 2001 г.
8. Международный договор о торговле оружием от 27 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/disarmament/ATT/>
9. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>

стоянной группой по мониторингу Всемирной федерации ученых (WFS), Женева, и утвержден на Пленарном заседании WFS по случаю 42-й Сессии Международных семинаров по вопросу чрезвычайных ситуаций глобального масштаба в Эриче (Сицилия) 20 августа 2009 г. Всемирная федерация ученых (<http://www.federationofscientists.org/>) создана в Эриче (Сицилия) в 1973 г. В ее работе участвуют более 10 тыс. ученых из 110 стран.

Зайцева Т.А.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И НАКАЗАНИЯ МОРСКИХ ПИРАТОВ

В статье рассматриваются особенности привлечения морских пиратов к уголовной ответственности, материально-технические проблемы, возникающие при передаче подозреваемых для уголовного преследования и наказания государствам региона, а также при возвращении в их страны гражданства после отбытия наказания. В качестве примера приводится состояние судебной системы Сейшельских Островов. В статье отображены критерии оценки достоинств и недостатков при выборе механизма для решения проблемы уголовного преследования морских пиратов.

Ключевые слова: уголовное преследование, передача подозреваемых, судебная система, морские пираты.

Zaytseva T.A.

SEA ROVERS CRIMINAL PROSECUTION AND PUNISHMENT ISSUES

The article deals with the peculiarities of prosecution and punishment of the pirates, material and technical issues which arise during the transfer of the suspects to the states in the region for prosecution and punishment, as well as their return to their citizen countries after serving punishment. The condition of the Seychelles court system is given as example. The author highlights the criteria of positive and negative features in the process of instrument selection for the solution of pirates prosecution problem.

Key words: prosecution, delivery suspects, court system, pirates.

Несмотря на сотрудничество в водах Аденского залива военно-морских сил различных государств, применение превентивных мер на самих судах, проблему пиратства не удается решить уже много лет. Это связано с тем, что решение нужно находить в применении комплекса мер. Только военными усилиями пиратство не побороть. В комплекс антипиратских мер должны входить:

- наведение порядка на суше;
- пресечение связи пиратов с базами на суше;
- выявление заинтересованных лиц и пресечение их деятельности (нейтрализация);
- пресечение финансовых связей, используемых для отмывания денежных средств, полученных в качестве выкупа;
- выявление и ликвидация источников информации о движении судов, груза, находящегося на борту, оснащенности средствами защиты;
- неминуемое наступление уголовной ответственности;
- создание механизма репатриации осужденных пиратов.

«Проблема усугубляется неурегулированностью многих правовых аспектов борьбы с современным морским разбоем и пиратством – от применения силы до уголовного преследования и наказания.

В старые добрые времена, если верить приключенческим романам и классическим юридическим трактатам, все было проще. Военных моряков не заботил статус пиратов с точки зрения международного гуманитарного права – комбатанты они или гражданское население, находятся ли они под защитой Женевских конвенций и пактов о правах человека. Отнесение пиратов к *hostis humanis generis* – «врагам рода человеческого» – понималось буквально как санкция на огонь главным калибром. Пойманных пиратов вздергивали на рее или сбрасывали за борт без особых церемоний, и не заботясь о предоставлении им адвоката и возможности быть судимыми беспристрастным и справедливым судом»¹.

В наши дни для основания установления ответственности с разделением между международным правом, с одной стороны, и отдельными внутригосударственными законодательствами – с другой, в отношении состава преступления пиратства

внутригосударственным законодательством уже давно закреплено право осуществлять уголовное наказание пиратов.

Когда дело касается законодательства, оно запрещает или наказывает за определенные формы поведения; соответственно, это законодательство предусматривает также и меры наказания лиц, на которых это законодательство распространяется и которые его нарушают. Здесь имеются три элемента:

1. Должен быть четко установлен состав преступления, т. е. должно быть установлено, какие человеческие поступки в отдельности должны быть запрещены и наказаны.
2. Должны иметься санкции, т. е. должны быть установлены правила о том, каким образом каждый, кто совершил преступные действия, несет за них ответственность.
3. Необходимо позаботиться о том, чтобы злоумышленник, уличенный в преступлении, действительно понес наказание.

Таким образом, отдельные государства, если они хотят наказать пойманных пиратов, должны добиться того, чтобы их национальное законодательство в отношении состава преступления «пиратство» располагало вышеуказанными тремя элементами. При исследовании законодательства отдельных государств видно, что в действительности большинство стран мира обладает схожими уголовными правовыми нормами в отношении пиратства.

Естественно, что у государств, не имеющих выхода к морю, отсутствовали правовые нормы в отношении пиратства (Афганистан, Австрия, Швейцария). Государства на практике сталкивались с большими трудностями при принятии соответствующего законодательства, направленного против пиратства. Это касается, прежде всего, казалось бы, беспроblemного первого элемента уголовного закона. Это – вопрос состава преступления лица, подлежащего наказанию, так как в связи с этим все время возникает проблема отношения этого внутригосударственного состава преступления к определенному международному правому понятию пиратства.

Существуют и другие проблемы как теоретического, так и прикладного характера: установление соотношения норм международного права и норм уголовно-процессуального законодательства государств; унификация их законодательства; необходимость дальнейшего совершенствования норм международного права, имеющих уголовно-процессуальные элементы².

Зайцева Т.А.

1 Тузмухамедов Б.Р. Сомалийских пиратов следует судить и наказывать в Африке // Независимое военное обозрение. [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-01-22/11_pirates.html

2 Подробнее см.: Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями, совершенными на море. – М.: Рос. Консультант, 2001. – С. 67–69.

В то же время необходимо отметить, что это лишь одна из сторон борьбы с пиратством, и она затрагивает случаи, когда факт пиратства уже произошёл, своевременно выявлен, и у компетентных органов есть возможность пресечь это преступление, а лиц, виновных в его совершении, привлечь к уголовной ответственности. Так, например, положения Конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. предусматривают ситуацию, когда военный корабль или судно, уполномоченное на осуществление подобных действий, находится в месте совершения акта пиратства, в состоянии преследовать, остановить, а в случае, если оказывается сопротивление со стороны пиратов, захватить их судно, задержать его и арестовать находящихся на нем лиц для принятия в отношении них дальнейших мер. К сожалению, огромные площади морских пространств, недостаточные поисковые возможности кораблей и авиации обуславливают слишком малую вероятность возникновения подобного события. Своевременная помощь потерпевшим судам, даже если от них получено сообщение об акте пиратства, возможна лишь при осуществлении государствами систематических действий по защите морского судоходства с использованием как своих сил и средств на море, так и с привлечением сил и средств других государств.

Обязанность государств сотрудничать в пресечении пиратства, закреплённая в Конвенции 1982 г., призыв Международной морской организации (ИМО) к координации их усилий по предотвращению и пресечению таких явлений в настоящее время, по сути, декларативны. Государства официально от этого не отказываются, но на практике, как правило, исходят из своих интересов и возможностей¹.

Одной из наиболее сложных юридических проблем является несовершенство процедуры привлечения к ответственности захваченных пиратов. Конвенция о борьбе с незаконными актами против безопасности морского судоходства от 1988 г. предусматривает право, а не обязанность государства устанавливать свою юрисдикцию в отношении актов пиратства, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства. При этом судебные учреждения государства, захватившего пиратов, могут (но не обязаны) выносить постановления об их наказании и мерах в отношении используемых ими плавательных средств или имущества, не нарушая права третьих лиц. Поэтому вся ответственность за проведение следственных действий и организацию судебного преследования возлагается на государство, захватившее пиратов. Однако в случае применения ст. 105 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. возникают проблемы как процессуального характера (установление личности, осуществление перевода на различные языки в ходе проверки и следствия, сбор доказательств в целях получения правовой помощи от других государств), так и экономического (транспортировка подозреваемых, содержание задержанных и осуждённых, возвращение их в государство гражданства после отбытия наказания).

С учетом этого многие государства уклоняются от привлечения пиратов к уголовной ответственности на своей территории (даже если это позволяет их законодательство) и стремятся передать их властям прибрежных стран, которые имеют соответствующие правовые возможности. В декабре 2009 г. датские военные отпустили на свободу тринадцать пиратов в связи с тем, что ни сомалийские власти, ни Кения, с которой был заключен соответствующий договор, не согласились принять их на своей территории для проведения судебного разбирательства из-за отсутствия возможности разместить задержанных. Отсутствие у государств региона такой возможности представляет собой серьёзную проблему. Если к этому добавить длительные сроки лишения свободы, к которым приговариваются обвиняемые в пиратстве (вплоть до по-

жизненного заключения), то становится понятным нежелание многих государств региона, которые в целом готовы к сотрудничеству, размещать у себя осуждённых.

Приверженцы такого подхода ссылаются на нецелесообразность транспортировки пиратов в далекие страны и на то, что они станут обузой после отбытия наказания и освобождения – ведь куда-то их надо будет пристраивать, отправка же назад в Сомали даже не рассматривается.

Начиная с 2006 г. 20 государств мира либо занимаются сейчас, либо занимались судебными разбирательствами в отношении в общей сложности 1063 подозреваемых в пиратстве лиц².

Судебное преследование за акты пиратства в настоящее время осуществляется в десяти следующих государствах: Испания, Йемен, Кения, Мальдивские Острова, Нидерланды, Сейшельские Острова, Сомали (в районах Сомалиленд и Пунтленд), Франция, ФРГ и США. Судебное преследование в государствах региона проводится либо после задержания и передачи осуществляющими морское патрулирование государствами, либо после ареста сотрудниками правоохранительных органов или военнослужащими государств, которые осуществляют судебное преследование³.

Несколько осуществляющих морское патрулирование государств и Европейский Союз договорились непосредственно с государствами региона о том, чтобы иметь возможность передавать подозреваемых и все соответствующие доказательства государствам региона. Канада, Китай, Дания, Великобритания, США, Европейский Союз заключили «соглашения о передаче» с Кенией⁴, а Великобритания и Европейский Союз — соглашения с Сейшельскими Островами. В соответствии с этими соглашениями осуществляющие морское патрулирование государства или организации арестовывают, содержат в море под стражей подозреваемых, и запрашивают разрешение на их передачу принимающему государству. Принимающее государство решает, следует ли согласиться на передачу, в том числе на основании предварительной оценки имеющихся доказательств. Эти соглашения также предусматривают, что обращение с подозреваемыми должно соответствовать международным стандартам в области прав человека. В настоящее время другие осуществляющие морское патрулирование государства и организации также стремятся к заключению таких соглашений с государствами региона. Сохраняется острая потребность в нахождении новых государств, которые соглашались бы на передачу подозреваемых. Сейшельские Острова, которые располагают весьма ограниченным пенитенциарным потенциалом, обусловили свое согласие на принятие подозреваемых в пиратстве лиц тем, что они будут передаваться в Сомали для отбывания наказания⁵.

2 См.: Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона. СБ ООН 6719-е заседание 22 февраля 2012 г. S/PV.6719. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6719>

3 См.: Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона, СБ ООН S/2012/50. [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2012/50/>

4 Правительство Великобритании подписало меморандум о взаимопонимании с Кенией о передаче пиратов 11 декабря 2008 г..

5 См.: Доклад Генерального секретаря о возможных вариантах содействия достижению цели судебного преследования и заключения в тюрьму лиц, ответственных за акты пиратства и вооруженного разбоя на море у побережья Сомали, включая, в частности, варианты, предусматривающие создание специальных национальных палат с возможными международными компонентами, регионального трибунала или международного трибунала и оформление сопутствующего тюремного заключения, учитывая при этом работу Контактной группы по борьбе с пиратством у берегов Сомали, существующую практику учреждения международных и смешанных трибуналов, а также сроки и ресурсы, необходимые для до-

1 Подробнее см.: Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями, совершаемыми на море. – М.: Рос. Консультант, 2001. – С. 211–212.

В Кении с 2006 г. прошло 14 процессов по делам 123 подозреваемых. Девять из этих процессов касаются подозреваемых, переданных Европейским Союзом; три процесса — подозреваемых, переданных США; два процесса — подозреваемых, переданных Великобританией. Два процесса завершены: десять пиратов, переданных США, были приговорены к лишению свободы на восемь лет каждый, и восемь пиратов, переданных Великобританией, были приговорены к лишению свободы на 20 лет каждый¹.

Что же касается соглашений, заключенных с Кенией, некоторые комментаторы предположили, что их необходимо рассматривать в качестве сдерживающих мер, имея в виду неудовлетворительный послужной список в области прав человека в Кении, неэффективность и отсутствие независимости судей, ее пенитенциарные условия и случаи пыток и плохого обращения при задержании².

На неформальном заседании министров обороны Европейского Союза в Пальма-де-Майорка (24–25 февраля 2010 г.) была достигнута договоренность усовершенствовать применение соглашений, существующих с Кенией и Сейшельскими Островами, и заключить аналогичные соглашения с другими странами региона, такими как Танзания, Маврикий и ЮАР.

Правительство Сейшельских Островов в 2012 г. выразило готовность разместить у себя региональный центр для судебного преследования по делам о пиратстве и координации разведанных под эгидой Индоокеанской комиссии. Центр будет накапливать специальные знания и опыт, необходимые для отслеживания каналов финансирования пиратов и подготовки дел для судебного преследования на Сейшельских Островах или в другом месте.

На Сейшельских Островах действует система обычного права. Раздел 65 Уголовного кодекса, пересмотренного при содействии Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) в марте 2010 г., охватывает преступление пиратства и отражает определение и положения о юрисдикции в отношении пиратских преступлений, изложенные в статьях 101–107 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые следует читать вместе с ст. 58(2). Его положения позволяют осуществлять судебное преследование в связи с самыми различными преступлениями, включая покушение на них, подстрекательство к ним и сговор. Таким образом, по мнению Генерального прокурора Сейшельских Островов, закон позволяет проводить расследования и осуществлять судебное преследование в отношении иностранных граждан, участвующих в финансировании, планировании или организации актов пиратства. Такое судебное преследование зависит от выдачи подозреваемых Сейшельским Островам. Положения Уголовно-процессуального кодекса Сейшельских Островов оказались пригодными в плане содействия судебному преследованию обвиняемых в пиратстве лиц и не нуждаются в поправках.

Верховный Суд Сейшельских Островов является высшим судом на Сейшельских Островах и судом первой инстанции, занимающимся серьезными уголовными делами, включая дела о пиратстве. Апелляции рассматриваются Апелляционным судом Сейшельских Островов, однако на сегодняшний день апелляций по делам о пиратстве не поступало. Основными проблемами для Сейшельских Островов являются малая численность сотрудников и небольшой объем ресурсов ее судебной системы, а не какие-либо сложности в плане прове-

дения судебных процессов в соответствии с международными стандартами.

Расследованием актов пиратства занимаются полиция и береговая охрана Сейшельских Островов. В стране в целом насчитывается 35 следователей, пятерым из которых поручено расследовать серьезные преступления, включая акты пиратства.

В состав Верховного Суда входят шесть судей, в том числе Главный судья, и при этом никто из них не занимается исключительно делами, касающимися пиратства. В Верховном Суде почти за два года скопились как уголовные, так и гражданские дела, однако дела о пиратстве рассматриваются в приоритетном порядке.

Управление ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) полагает, что с учетом малочисленности штата и ограниченности ресурсов судебной системы Сейшельских Островов для специального суда по делам о пиратстве потребуются дополнительные судьи Верховного Суда, которых необходимо будет набирать на международной основе. Законы и судебная практика Сейшельских Островов позволяют судьям и адвокатам из других юрисдикций Содружества осуществлять судебную практику на Сейшельских Островах. Поэтому Секретариат Содружества выступает в роли естественного посредника, и правительство уже обратилось к нему с просьбой начать процесс подбора необходимых кадров. Правительство страны хотело бы, чтобы направляемые Содружеством судьи рассматривали прежде всего, но не исключительно, дела о пиратстве.

На Сейшельских Островах есть одна тюрьма, в которой может быть размещено не более 420 заключенных. По оценкам ЮНОДК, в главном тюремном блоке в недостаточной мере обеспечена терапевтическая помощь и нет адекватных возможностей в плане реабилитации и профессиональной подготовки заключенных, а само здание не позволяет в полной мере обеспечить безопасность и охрану.

Сейшельские Острова смогут дополнительно принять весьма ограниченное число заключенных, отбывающих наказание за пиратство. Кроме того, правительство Сейшельских Островов считает, что для того, чтобы страна играла более действенную роль в обеспечении преследования за пиратство, необходимо создать механизм репатриации осужденных пиратов в Сомали.

На практике передача подозреваемых с военных кораблей властям Сейшельских Островов осуществляется напрямую. Условия такой передачи несколько различаются, но в целом они связаны с соответствующими правами и обязанностями ведущих патрулирование держав и Сейшельских Островов, обращением с подозреваемыми, преданием их суду и проведением судебного разбирательства в соответствии с международными стандартами в области прав человека, а также с требованием о том, чтобы ведущая морское патрулирование держава давала свое согласие до того, как подозреваемый будет передан либо в целях судебного разбирательства, либо для отбывания наказания в тюрьме третьего государства.

ЮНОДК оказало властям Сейшельских Островов содействие в подготовке проекта Руководящих принципов в отношении процедурных требований и требований, касающихся сбора доказательств в рамках дел о пиратстве. Эти Руководящие принципы являются основой для передачи военно-морскими силами доказательств полицейским силам Сейшельских Островов. Передача осуществляется напрямую, и при этом для приема доказательств направляется один полицейский, которому они передаются из рук в руки. Изначальные проблемы, связанные со сбором доказательств военно-морскими силами и их передачей государствам региона, осуществляющим преследование, в частности Кении и Сейшельским Островам, отныне устранены благодаря применению этих Руководящих принципов³.

стижения и поддержания существенных результатов S/2010/394 от 26.07.2010 г. [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2010/394>

1 См.: Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона, СБ ООН S/2012/50. [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2012/50/>

2 Подробное см.: Келеш Б. Пиратство – преступление и вызов демократиям // Парламентская Ассамблея Совета Европы, 10.03.2010 г.

3 См.: Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона, СБ

Осуществляющие морское патрулирование государства возвращали подозреваемых в свои собственные страны для судебного преследования, когда в значительной степени были затронуты национальные интересы, например, если нападению подвергались суда их стран или если их граждане были членами экипажей. Однако на практике большинство судебных процессов проводится в вышеуказанных государствах региона. Возникают значительные проблемы материально-технического характера, когда осуществляющие морское патрулирование государства возвращают подозреваемых для судебного преследования в их страны. Возникает озабоченность относительно правозащитных аспектов, касающихся последствий длительного содержания в море под стражей, а также проблемы с обеспечением оперативного доступа к юридической консультативной помощи и судебного надзора в период пребывания в море. Существует озабоченность относительно возможности того, что подозреваемые будут ходатайствовать о предоставлении убежища, если они будут доставлены на территорию осуществляющих морское патрулирование государств для целей судебного преследования. Наконец, некоторые осуществляющие морское патрулирование государства считают, что, выделяя военные корабли, что сопряжено с крупными расходами, они в достаточной степени поддерживают международные усилия для борьбы с пиратством.

В ходе рассмотрения доклада Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности ООН 25 августа 2010 г. РФ выступила за создание международного трибунала для сомалийских пиратов, а Франция и Нигерия поддержали идею создания в среднесрочной перспективе сомалийского суда за пределами Сомали. Индия же и Дания выступили за создание специальных палат в судах государств региона. Представители остальных государств высказали достаточно сдержанную позицию в отношении создания специального судебного органа для преследования пиратов, ссылаясь на необходимость интенсификации поддержки Сомали и государств региона, которые соглашаются принимать задержанных лиц на своей территории.

После этого заседания работа по поиску путей решения правовых проблем, связанных с преследованием сомалийских пиратов, была продолжена, и 24 января 2011 г. Генеральный секретарь ООН направил в Совет Безопасности ООН доклад своего специального советника, в котором было сформулировано предложение создать систему из трех специализированных сомалийских судов для преследования пиратства:

один экстерриториальный суд – в Аруше (Танзания), который должен с течением времени переместиться в Могадишо (Сомали);

второй – в Сомалиленд;

третий – в Пунтленд. Предполагается, что эти суды будут национальными как по кадровому составу, так и по применимому праву.

Международное участие и поддержка при этом должны способствовать реформированию сомалийского права, созданию необходимой инфраструктуры, повышению квалификации кадров, а также включать в себя оказание экспертной поддержки. Совет Безопасности ООН в своей Резолюции 1976 (2011) от 11 апреля 2011 г. поддержал предложение о создании специальных сомалийских судов.

Взятая за основу модель базируется на готовности и желании сомалийских властей сотрудничать с другими государствами в области преследования пиратства. При этом вполне оправдано создание нескольких судов, включая один, расположенный за пределами Сомали. Это позволяет не ставить ход судебных процессов в прямую зависимость от ситуации в данном государстве. Исходя из соображений безопасности, в более стабильные государства региона будет гораздо легче

привлечь большее количество зарубежных экспертов. Кроме того, параллельное функционирование нескольких судов может ограничивать возможность манипулирования и попытки шантажа как со стороны регионов Сомалиленд или Пунтленд, так и со стороны федерального правительства. Акцент на национальном характере судов, которые планируется создавать с учетом международных стандартов защиты прав человека, и повышение квалификации сомалийских юристов должны оказать долгосрочный позитивный эффект на юридическую систему Сомали в целом.

В то же время внедрение модели, предложенной специальным советником Генерального секретаря ООН, связано и с некоторыми рисками. В первую очередь, успех функционирования нового суда будет зависеть от желания сомалийских властей сотрудничать с ООН. Это будет предопределять скорость и эффективность реформирования национального законодательства, готовность направлять сотрудников на повышение квалификации, а также их отношение к помощи зарубежных экспертов и советников. И даже несмотря на возможные изменения в законодательстве, повышение профессионального уровня кадров, улучшение условий содержания лиц, находящихся под стражей или отбывающих наказание, нельзя гарантировать соблюдение международных стандартов прав человека на практике. Поэтому потребуются постоянный мониторинг и контроль со стороны международных организаций¹.

При выборе механизма решения проблемы уголовного преследования морских пиратов следует оценивать достоинства и недостатки каждого варианта, исходя из следующих четырех критериев:

- эффективность предлагаемого механизма, которая выражается в эффективном преследовании лиц, подозреваемых в приготовлении или совершении акта пиратства и пойманных в ходе морских или сухопутных операций в рамках полицейского расследования;

- уважение норм международного права прав человека, что предполагает, с одной стороны, в юрисдикционном отношении наличие решения независимого и беспристрастного суда, вынесенного в разумные сроки при должной защите прав обвиняемых, а в пенитенциарном отношении – наличие условий содержания, соответствующих международным стандартам, механизма ресоциализации и уголовного наказания, исключающего смертную казнь;

- необходимость в таком решении, которое содействовало бы укреплению верховенства права в Сомали при уважении территориальной целостности и суверенитета этой страны;

- эффективность механизма в плане затрат и сроков создания и функционирования².

Сомали должно вести реальную борьбу с пиратством в судебном порядке, которая не сводится к простому увеличению вместимости тюрем в Сомалиленд и Пунтленд.

Центр на Сейшельских Островах должен поддерживать непосредственный контакт с сомалийскими властями³. Для наращивания потенциала и развития инфраструктуры Со-

1 Подробнее см.: Русина В.Н. Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море // Международное правосудие. – 2011. – № 1. – С. 119–121.

2 См.: Доклад Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали, Приложение к письму Генерального секретаря от 24 января 2011 г. на имя Председателя Совета Безопасности ООН, S/2011/30. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2011/30>

3 См.: Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона. СБ ООН 6719-е заседание 22 февраля 2012г. S/PV.6719. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6719>

мали было бы важно сосредоточить создание судов на своей территории, но ситуация в области безопасности существенно осложняет эту перспективу.

Судебное преследование пиратов представляется чрезвычайно сложной задачей не только для Сомали и ее соседей, но и для международного сообщества в целом.

Во-первых, во многих странах имеют место серьезные пробелы в национальном законодательстве, связанном с проблемой пиратства.

Во-вторых, проведение расследований, обмен информацией и поиск свидетелей, большинство из которых является моряками, регулярно меняющими корабли и судоводные компании, и проведение с ними работы на всем протяжении периода разбирательства представляются затруднительными.

В-третьих, одной из серьезных проблем, препятствующих обеспечению судебного преследования пиратов, стало не отсутствие государств, которые были бы готовы обеспечить такое преследование, а нежелание государств обеспечивать отбытие долгосрочного тюремного заключения пиратами на их территории.

И, в-четвертых, необходимо пресекать деятельность международных сетей финансирования морского пиратства¹.

Наконец, наряду с проблемами выбора механизма по уголовному преследованию пиратов необходимо уделять особое внимание обеспечению получения доказательств в судах. Для этого важно наладить эффективное сотрудничество со страховыми компаниями, судовладельцами и банковским сектором.

Пристатейный библиографический список

1. Келеш Б. Пиратство – преступление и вызов демократиям // Парламентская Ассамблея Совета Европы, 10.03.2010 г.
2. Доклад Генерального секретаря о возможных вариантах содействия достижению цели судебного преследования и заключении в тюрьму лиц, ответственных за акты пиратства и вооруженного разбоя на море у побережья Сомали, включая, в частности, варианты, предусматривающие создание специальных национальных палат с возможными международными компонентами, регионального трибунала

1 См.: Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 1897 (2009) Совета Безопасности ООН от 27 октября 2010 г. S/2010/556. [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2010/556>

или международного трибунала и оформление сопутствующего тюремного заключения, учитывая работу Контактной группы по борьбе с пиратством у берегов Сомали, существующую практику учреждения международных и смешанных трибуналов, а также сроки и ресурсы, необходимые для достижения и поддержания существенных результатов S/2010/394 от 26.07.2010. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2010/394>

3. Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона. СБ ООН 6719-е заседание 22 февраля 2012 г. S/PV.6719. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6719>

4. Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона, СБ ООН S/2012/50. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2012/50/>

5. Доклад Генерального секретаря о специализированных судах по делам о пиратстве в Сомали и других государствах региона. Совета Безопасности ООН 6719-е заседание 22 февраля 2012 г. S/PV.6719. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.6719> (дата обращения: 03.09.2013)

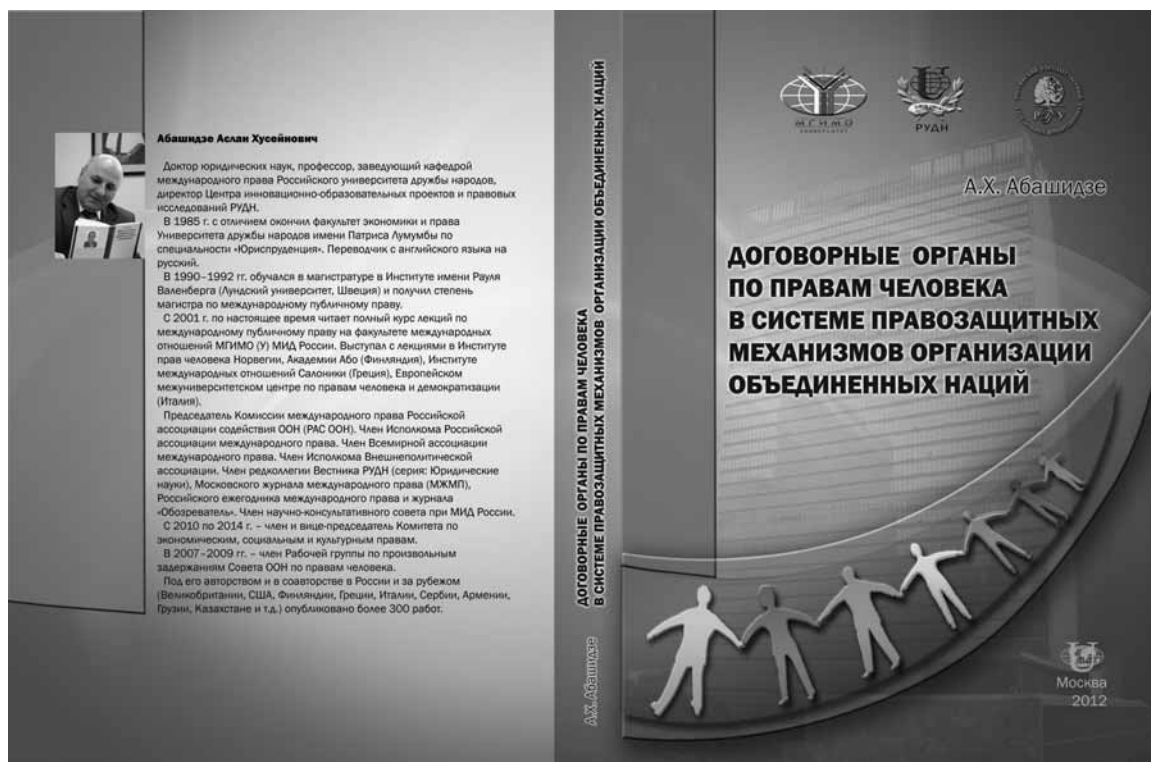
6. Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 1897 (2009) Совета Безопасности ООН от 27 октября 2010 г. S/2010/556. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2010/556>

7. Доклад Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали, Приложение к письму Генерального секретаря от 24 января 2011 г. на имя Председателя Совета Безопасности ООН, S/2011/30. // [Электронный ресурс] / Сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2011/30>

8. Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями, совершенными на море. – М.: Рос. Консультант, 2001.

9. Рушинова В.Н. Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море // Международное правосудие. – 2011. – № 1.

10. Тузмухамедов Б.Р. Сомалийских пиратов следует судить и наказывать в Африке // [Электронный ресурс] / Сайт «Независимое военное обозрение». – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-01-22/11_pirates.html

Рябошапченко А.А.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СВЯЗИ СО ВСТУПЛЕНИЕМ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

В статье рассматриваются правовые аспекты конституционной и административной реформы в Австрийской Республике в связи с ее вступлением в Европейский Союз, а также изменения в составе главных органов ЕС после вступления Австрии. Проводится анализ дополнений, внесенных в полномочия федерального правительства и органов самоуправления федеральных земель в свете принципа конкурентной компетенции. Исследуется опыт Австрийской Республики по реформированию системы государственной службы с учетом стандартов ЕС. Рассмотрены основные правовые акты, подготовившие вступление Австрии в Европейский Союз, а также изменения в составе центральных органов ЕС в связи с принятием в 1995 году новых членов.

Ключевые слова: Австрийская Республика, Европейский Союз, Вступление в ЕС, Австрийский федерализм, принцип конкурентной компетенции, расширение ЕС.

Рябошапченко А.А.

Ryaboshapchenko A.A.

LEGAL ASPECTS OF CONSTITUTIONAL REFORMS IN THE AUSTRIAN REPUBLIC IN CONNECTION WITH EUROPEAN UNION ACCESSION

The article deals with legal aspects of constitutional and administrative reforms in the Federal Republic of Austria with relation to its accession to the European Union, as well as changes in the composition of EU primary institutions after accession of Austria. The article analyses the amendments to the powers of the federal government and municipal authorities of the federal lands in the light of competing competence principle. The article investigates the experience of the Austrian Republic in reformation of public service with view of the EU standards. It considers the legal acts, which enabled accession of Austria to the EU, as well as changes in the EU central bodies, connected with accession of new members in 1995.

Key words: Austrian Republic, European Union, Accession to the EU, Austrian federalism, competing competence principle, expansion of the EU.

Предварительные замечания

Современная система международных отношений характеризуется преобладанием тенденции к интеграции, что находит свое выражение в создании тесных межгосударственных объединений. Самым известным и показательным примером такого объединения является Европейский Союз. Созданные шесть западноевропейскими государствами Европейские сообщества на сегодняшний день превратились в союз 27 государств. Высочайший уровень интеграции этих государств позволяет говорить о том, что ЕС обладает некоторыми свойствами конфедеративного государства.

Австрийская Республика является членом Европейского Союза с 1995 г. Правовое регулирование вопросов, связанных со вступлением Австрии в ЕС, представляет научный и практический интерес в двух аспектах. Во-первых, Австрия сама является федеративным государством, построенным по принципу конкурирующей компетенции федерального правительства и субъектов федерации. Таким образом, ее вступление в ЕС можно рассматривать не только как действие единого государства, но и как присоединение к ЕС девяти самостоятельных субъектов, выразивших единую волю и обладающих в рамках Союза некоторыми самостоятельными полномочиями, отличными от полномочий центрального правительства. Во-вторых, опыт Австрии ценен для понимания механизмов дальнейшего расширения ЕС, основанных на Маастрихтском договоре 1992 г. Австрия, Швеция и Финляндия стали первыми государствами, присоединившимися к ЕС именно как к союзу, а не как к экономическому сообществу. При этом именно механизм присоединения Австрии особенно важен для государств Восточной Европы, поскольку такие государства, как Молдавия и Украина, заявляющие о своем стремлении к теснейшей интеграции с ЕС, а также Российская Федерация, стремящаяся к налаживанию теснейшего взаимодействия с ЕС, сталкиваются со схожими проблемами, в которых можно отметить экономический кризис и недостаточную эффективность системы управления.

Целью настоящей статьи является исследование правовых аспектов реформирования государственного устройства в Австрийской Республике, а также установление правовых последствий присоединения к ЕС для ее государственного устройства. В статье рассматриваются предпосылки вступления Австрии в ЕС, конституционная реформа и реформа государственной службы, а также изменения в структуре органов ЕС, вызванные вступлением Австрийской Республики и полномочия Республики в этих органах.

Предпосылки вступления Австрийской Республики в Европейский Союз

На момент подписания Римского договора об образовании Европейского экономического сообщества в 1957 г. Австрийская Республика являлась своеобразным форпостом Западной Европы на границе с новообразованной Организацией Варшавского Договора. Окруженная с трех сторон Чехословакией, Венгрией и Югославией, с которыми ее связывали тесные исторические и экономические связи, корни которых уходят в период совместного существования в рамках Австро-Венгерской империи, разоруженная и нейтральная Австрия не могла позволить себе отгородиться от соседей экономическими барьерами ЕЭС. С другой стороны, Австрия всегда являлась частью европейской цивилизации и стремилась к сближению с европейскими институтами. Среди прочего, Австрийская Республика сыграла заметную роль в образовании ОБСЕ, стала членом Совета Европы, подписала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В 1972 г. Австрия заключила соглашение об ассоциации с ЕЭС. Непростое международное положение и стремление сохранить связи с государствами социалистического лагеря при приоритете сотрудничества с Европейскими сообществами заставили Австрию «позиционировать себя в международном сообществе как маленькую и нейтральную европейскую страну»¹.

1 Philipp T. The Preparation of Austria for Its Accession to the European Union with Respect to Constitutional and Administrative Reforms // EIPASCOPE. – 1995. – № 1. – P. 2.

Ситуация изменилась с началом политических преобразований в Восточной Европе во второй половине 1980-х годов. Падение торгового оборота с государствами социалистического лагеря поставило Австрию на грань экономического кризиса, выход из которого виделся в присоединении к успешному европейскому экономическому блоку¹. Уже в 1989 г. Австрия направила Европейскому Совету заявку о вступлении в Европейские сообщества. Данная заявка была принята к рассмотрению, однако, вследствие противодействия СССР, стремившегося к сохранению статуса-кво в Восточной Европе, отвлечения внимания Европы на события, связанные с объединением Германии, а также вследствие внутренней дискуссии по вопросу присоединения в самой Австрии, рассмотрение данной заявки затягивалось². Работа над ней началась в 1990 г. после объединения Германии и падения социалистических режимов в пограничных с Австрией государствах. При этом основной проблемой как для Европейского Совета, так и для самой Австрии стал вопрос о необходимости реформирования австрийского федерального устройства, что обусловило проведение в Австрии конституционной и административной реформ.

Конституционная реформа в Австрийской Республике

С момента основания в 1918 г. Австрийская Республика является федеративным государством, состоящим из девяти федеральных земель. При этом австрийский федерализм существенно отличается от более известного германского федерализма. Если ФРГ исходит из того, что государство является свободным объединением земель, то в Австрии имеет место передача полномочий центральной власти властям земель. Действующий Федеральный конституционный закон 1920 г. сохраняет за центральным правительством все основные законодательные функции, а федеральные земли рассматриваются как правоприменители федерального закона³. В частности, к ведению Федерации относятся любые международные сношения.⁴ Вместе с тем австрийский законодатель образца 1920 г. находился под сильным влиянием монистических идей выдающегося австрийского юриста Ганса Кельзена, чем, по всей видимости, объясняется признание частью права Республики не только ратифицированных международных договоров, но и вообще всех общепризнанных норм международного права⁵. Таким образом, именно на федеральные земли возлагалось бы обязательство обеспечить применение норм права Европейских сообществ при вступлении в них всего государства. С другой стороны, конституционная реформа 1988 г. гарантировала федеральным землям право, с согласия центрального правительства, самостоятельно заключать договоры с находящимися на границе этой земли государствами или их административными единицами. Возникла так называемая конкурирующая компетенция федеральных земель и центральной власти в вопросах внешних сношений⁶.

Вследствие того, что часть федеральных земель имела общую границу с ЕС, возник целый комплекс правовых вопросов, требовавших разъяснения. Особую сложность представляло закрепленное Конституцией право федеральных земель общим

согласием обязать федеральное правительство к совершению или несвершению любых действий, в том числе, на международную арене. В частности, в свете ст. 146 Маастрихтского договора, возник вопрос о праве федеральных земель направлять своих представителей в представительские органы ЕС.

Данный комплекс проблем был разрешен путем принятия в 1994 г. Федерального Конституционного Закона «О вступлении Австрии в Европейский Союз». Закон получил поддержку обеих палат парламента, что позволило подписать Договор о Вступлении в Европейский Союз и внести изменения в Конституцию⁷. Были введены новые статьи 23а–23f, урегулировавших взаимоотношения федеральных земель, федерального правительства и ЕС. В частности, было установлено, что при проведении выборов в Европейский парламент вся территория Австрийской Республики составляет единый избирательный округ, а организация самих выборов относится к исключительной компетенции федерального правительства⁸. Вместе с тем был сохранен принцип конкурирующей компетенции. Федерация была обязана информировать правительство земель о действиях, проводимых в рамках общей политики ЕС, а земли сохранили право обязывать Федерацию своим единогласным мнением⁹. Особого внимания также заслуживает п. 5 ст. 23d, согласно которому в случае, если какая-либо из федеральных земель не будет исполнять европейских обязательств Австрии в целом, и это будет установлено Судом Европейского Союза, то полномочия по выполнению таких обязательств переходят к Федерации. Таким образом, земли были лишены возможности проводить политику, противоречащую политике ЕС.

Вступление в ЕС повлекло за собой также необходимость пересмотра австрийской политики нейтралитета, закрепленной конституцией Республики. 31 июля 1991 г. Европейская комиссия приняла положительное решение относительно заявки Австрийской Республики о вступлении в ЕЭС. В 1992 г. последовали положительные решения по заявкам Швеции и Финляндии. При этом Комиссией было указано на то, что вступление трех новых государств возможно только на условиях безоговорочного признания ими Маастрихтского договора¹⁰. Для Австрии это означало фактическую обязанность отказаться от традиционного нейтралитета и участвовать в общей внешней политике и политике безопасности, являвшихся одной из «опор» формирующегося Союза.

Нейтралитет Австрии был установлен немедленно после восстановления ее независимости в 1955 г. соответствующим Федеральным конституционным законом, согласно которому Австрия обязалась не вступать ни в какие военные союзы и не допускать создания на своей территории иностранных военных баз¹¹. Данный закон не был отменен в ходе конституционной реформы, однако, сама Конституция была дополнена ст. 23f, согласно которой Австрия участвует в общей внешней политике и политике безопасности ЕС. Хотя упор в статье делается на невоенные вопросы безопасности (в частности, экономическую безопасность), имеется также и положение об использовании вооруженных сил Республики для участия в мероприятиях по совместной обороне ЕС. При этом делается оговорка о том, что дальнейшее углубление сотрудничества с ЕС в сфере безопасности относится к компетенции Федерального канцлера и Федерального министра иностранных дел¹². Формулировка статьи представляется достаточно обтекаемой и, очевидно, предназначена для сохранения фактического ней-

1 Круглашов А.М., Астапенко Т.С., Русу В.В. Європейська інтеграція на початку нового тисячоліття: довідник. Чернівці, 2010. – С. 32.

2 Goebel R.J. The European Union Grows: The Constitutional Impact of the Accession of Austria, Finland and Sweden // Fordham International Law Journal. – 1994. – № 18. – P. 1097.

3 Волошин Ю.О. Конституційно-інституційні реформи в Австрійській Республіці в контексті європейської міждержавної інтеграції // Вісник Центральної Вибірчої Комісії. – 2008. – № 11. – С. 69.

4 Конституция Австрийской Республики, 1920. – Ст. 10.1.

5 Конституция Австрийской Республики, 1920. – Ст. 9.1.

6 Водяницкая Е.А. Конституционно-правовой механизм внешней политики Австрийской Республики. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва: МГИМО, 2011. – С. 12.

7 Волошин Ю.О. Указ. соч. – С. 70.

8 Конституция Австрийской Республики, 1920. – Ст. 23а–23b.

9 Конституция Австрийской Республики, 1920. – Ст. 23d.

10 Goebel R.J. Указ. соч. – P. 1113.

11 Федеральный конституционный закон «О нейтралитете Австрии», 1955. – Ст. 2.

12 Конституция Австрийской Республики. – 1920. – Ст. 23f.

тралитета государства при формальном декларировании участия в общей внешней политике и политике безопасности ЕС¹.

Реформа государственной службы в Австрийской Республике

Подтверждение и обновление принципа конкурирующей компетенции означало предоставление права участвовать в разработке европейской политики государства широкому кругу местных чиновников, причем как назначаемых федеральным правительством, так и избираемых в органы местного самоуправления. В результате конституционная реформа обусловила также необходимость определенного реформирования административной системы. В первую очередь, это касалось переподготовки и обучения гражданских чиновников с целью обеспечить возможность их участия в европейских делах, а также разъяснения им особенностей европейских процессов.

Для обеспечения такого переобучения была введена государственная образовательная программа. Реализация этой программы была возложена на Академию государственного управления, в рамках которой в 1991 г. началось чтение курсов, объединенных общим названием «Европейская академия» (Europaakademie). Курсы были построены таким образом, чтобы обучение происходило без отрыва от управленческой деятельности. При наличии такой возможности чиновникам было рекомендовано пройти шестнадцатинедельную общую образовательную программу по вопросам евроинтеграции (именно этот курс изначально назывался «Европейской академией»). В случае если характер службы чиновника не позволяет длительного отсутствия на рабочем месте, рекомендовалось участие в серии семинаров, получивших название «Программа обучения ЕС» (EU-Curriculum).

Прохождение курса в Европейской академии стало обязательным условием для лиц, впервые поступивших на государственную службу. В течение первого года работы чиновник обязан пройти один из двух предлагаемых курсов и сдать соответствующие экзамены.

Образовательная программа Академии включает в себя курсы по структуре ЕС, политике ЕС, экономическим и правовым вопросам участия в ЕС, а также занятия по развитию навыков коммуникации, ведения переговоров и иностранным языкам. После окончания Академии и сдачи экзаменов чиновник получает соответствующий диплом, дающий право на продолжение профессиональной деятельности. Помимо обязательного курса, также читаются лекции для государственных служащих, желающих повысить степень своей осведомленности в вопросах евроинтеграции. Для удобства обучения, филиалы Академии созданы в каждой федеральной земле.

Реформирование структуры органов ЕС в связи с принятием новых членов

Вступление Австрийской Республики в ЕС дало ей право направлять своих представителей в основные органы Союза, что повлекло структурные изменения в этих органах. Однако такие изменения невозможно рассматривать исключительно в контексте Австрии. В 1995 г. членами ЕС стали также Финляндия и Швеция. Произошло так называемое «третье расширение» Союза (в результате первого расширения в ЕС были приняты Дания, Великобритания и Ирландия, в результате второго «срединоморского» расширения – Греция, Испания и Португалия). Третье расширение увеличило территорию Союза почти на треть, однако население возросло всего на 6,2%, а ВВП – на 7%². Расширение также стало первым с момента заключения Маастрихтского договора и должно было послужить показателем действенности его положений относительно принятия новых членов, в особенности, с учетом пер-

спективы дальнейшего вступления в ЕС новых членов из числа государств Восточной Европы.

Окончательное решение о принятии Австрии, Швеции, Норвегии и Финляндии в ЕС было принято в марте 1994 г. 24 июня 1994 г. в ходе переговоров правительственных делегаций на о. Корфу был подписан Договор о присоединении четырех новых государств к Союзу. В договоре содержалось обязательство Совета ЕС по внесению изменений в уставные документы Союза с целью обеспечить представительство в его органах новых государств³. Такое обязательство должно было быть исполнено после ратификации каждым из новых государств Договора. Однако, поскольку Норвегия Договор не ратифицировала, реформирование органов Союза происходило с учетом вступления только трех новых членов.

Изменения коснулись Европейского совета, Европейской комиссии, Европейского парламента и Суда Европейского Союза. Эти изменения можно рассматривать как количественные (расширение состава органов ЕС за счет представителей принимаемых государств), так и качественные, проявившиеся в некотором изменении устоявшегося порядка деятельности европейских институций.

До 1995 г. в Европейской комиссии действовало правило, согласно которому «большие» страны (Великобритания, Франция, ФРГ) имели в Комиссии 8–10 мест, «средние» (Испания, Италия) – 4–5 мест, «малые» (Нидерланды, Люксембург, Португалия, Греция) – 2–3 места. При расширении 1995 г. Австрия и Швеция были определены как «средние» и получили по 4 места, а Финляндия – как «малая» и получила три места. Таким образом, общее число мест в Комиссии возросло на 11 и составило восемьдесят семь. Если говорить в категориях «размеров» государств, то число «больших» государств осталось неизменным (пять государств), число средних возросло на два и составило шесть, число малых возросло на одно и составило четыре.

Претерпела изменения и система ротации председательствующих в Комиссии государств, установленная Маастрихтским договором⁴. Три новых государства были не просто добавлены в список, но было введено два шестилетних цикла с разными порядком чередования государств, призванные обеспечить периодическую смену «больших» государств «средними» или «малыми» и наоборот, что гарантировало бы баланс их интересов.

Введение новых членов в Комиссию не потребовало изменений в Маастрихтском договоре.

Европейский совет определил, что каждое новое государство должно получить по одному месту в Европейской комиссии, доведя, таким образом, число членов Комиссии до двадцати. В 1995 г. представители Австрии, Швеции и Финляндии присоединились к уже существующему составу Комиссии, чьи полномочия продолжались до 1999 г. Представителем Австрийской Республики стал Ф. Фишлер, ранее бывший министром сельского и лесного хозяйства, а в Комиссии занявший пост Комиссара по сельскому хозяйству и сельскохозяйственному развитию.

Вышеупомянутым Договором о Присоединении было установлено, что в момент вступления в Союз новые члены должны направить в Европейский парламент временных представителей. Необходимость в таких представителях возникла в связи с тем, что выборы в Парламент произошли в 1994 г., и «довыборы» могли бы поставить под сомнение легитимность действующего парламента. Представители от Австрии были назначены Федеральным Советом до момента проведения новых выборов в Европейский парламент в 1996 г., которые произошли в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию.

1 Сахаренко О.В. *Европейська політика Австрійської Республіки*. Автореф. дис. канд. політол. наук. – Київ: КІМО, 2007. – С. 15.

2 Goebel R.J. *Указ. соч.* – P.1095.

3 Treaty Concerning the Accession of Norway, Austria, Finland and Sweden to the European Union, 24th June, 1994. – Art. 2.

4 Договор о Европейском Союзе, 1992. – Ст. 146.

С учетом представителей трех новых государств, число депутатов Европейского парламента возросло с 518 до 624. Согласно принципу пропорционального представительства в зависимости от численности населения, восьмимиллионная Австрийская Республика получила в Европейском парламенте 21 место.

Особо следует остановиться на изменениях в составе Суда Европейского Союза. Согласно правилу Римского договора, подтвержденному Маастрихтским договором, в состав Суда входит по одному судьей от каждого государства-члена. До 1995 г. государств-членов было 12, таким образом, в состав Суда входило четное количество судей, и существовала возможность равного распределения голосов. Разрешить эту проблему помогло введение дополнительного судьи, направлявшегося при каждой смене состава суда по жребию одним из «больших» государств¹. С вступлением трех новых членов число судей возросло до 15, в результате чего дополнительный судья оказывался «лишним», и число судей составило 15 при кворуме в девять судей. Те же изменения коснулись Суда первой инстанции. Исключение «лишнего» судьи повысило доверие государств-членов к Суду и облегчило процедуру его работы.

Помимо судей, в состав Суда входило шесть генеральных адвокатов, причем четырех назначали «большие» государства (Франция, ФРГ, Италия и Великобритания), а еще двоих по жребию назначали остальные государства. Договором о присоединении количество генеральных адвокатов было доведено до восьми. Право назначать собственного генерального адвоката получила Испания, таким образом приравненная в статусе к «большому» государству. «Средние» и «малые» государства, в том числе Австрийская Республика, получили право избирать по жребию трех генеральных адвокатов.

Выводы

В течение более чем 30 лет Австрийская Республика поддерживала взаимовыгодное сотрудничество с Европейскими сообществами, основанное, в первую очередь, на экономических интересах, а также на признании общих фундаментальных ценностей, таких как права человека. Более тесное сближение было обусловлено меняющейся внешнеполитической ситуацией во второй половине 1980-х годов, а также экономическим кризисом в Австрии. Выход из кризиса виделся исключительно во вступлении в ЕС, однако для этого необходимо было внести существенные изменения в существующий конституционный строй Австрийской Республики. Конституционная реформа сохранила основы австрийского конституционализма, основанного на конкурентной компетенции федерального правительства и органов местного самоуправления.

Полномочия по ведению внешней политики в Австрии принадлежат к ведению центральной власти, однако федеральные земли могут влиять на них при наличии единоглас-

ного решения. При вступлении в ЕС полномочия земель были непрямым образом ограничены двумя путями. Во-первых, для целей проведения выборов в Европейский парламент вся территория Австрии считается единым избирательным округом. Во-вторых, Конституция страны была дополнена таким образом, что решения федеральных земель, даже принятые единогласно всеми землями, могут быть отменены в случае, если они будут признаны противоречащими праву ЕС решением Суда Европейского Союза. Таким образом, земли лишились возможности проводить отличную от федеральной политику в вопросах, связанных с членством Австрии в ЕС.

С другой стороны, федеральные земли сохранили свою ключевую роль по имплементации положений законодательства, в том числе международных договоров. Обеспечению решения землями этой задачи была призвана способствовать реформа государственной службы, а именно, всеобщее обучение государственных чиновников и чиновников в органах местного самоуправления основам европейской интеграции. Такое обучение стало обязательным условием приема на государственную службу.

Вступление Австрии в Европейский Союз вызвало не только внутригосударственные реформы, но и изменения в составе основных органов ЕС. В частности, в рамках расширения ЕС 1995 г. произошел пересмотр состава и порядка формирования Европейской комиссии, Европейского парламента, Европейского совета и Суда Европейского Союза. Данные изменения стали моделью для дальнейшего реформирования органов ЕС при принятии новых государств-членов.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Австрийской Республики, 1920.
2. Федеральный конституционный закон «О нейтралитете Австрии», 1955.
3. Договор о Европейском Союзе, 1992.
4. Treaty Concerning the Accession of Norway, Austria, Finland and Sweden to the European Union, 1994.
5. Commission of the European Communities, Fifteenth General Report on the Activities of the European Communities, 1981.
6. Водяницкая Е.А. Конституционно-правовой механизм внешней политики Австрийской Республики. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва: МГИМО, 2011.
7. Волошин Ю.О. Конституційно-інституційні реформи в Австрійській Республіці в контексті європейської міждержавної інтеграції // Вісник Центральної Вибірчої Комісії. – 2008. – № 11. – С. 68–72.
8. Круглашов А.М., Астапенко Т.С., Русу В.В. Європейська інтеграція на початку нового тисячоліття: довідник. – Чернівці, 2010.
9. Сахаренко О.В. Європейська політика Австрійської Республіки. Автореф. дис. канд. політол. наук. – Київ: КІМО, 2007.
10. Goebel R.J. The European Union Grows: The Constitutional Impact of the Accession of Austria, Finland and Sweden // Fordham International Law Journal. – 1994. – № 18. – P. 1092–1190.
11. Philippi T. The Preparation of Austria for Its Accession to the European Union with Respect to Constitutional and Administrative Reforms // EIPASCOPE. – 1995. – № 1. – P. 1–5.

1 Commission Of The European Communities, Fifteenth General Report On The Activities Of The European Communities 1981. – P. 82.

Озюменко М.В.

ИЗМЕНЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ДИРЕКТИВЫ SOLVENCY II

Данная статья посвящена текущему реформированию законодательства Европейского Союза в сфере регулирования страховой деятельности. Анализируются направления проводимых реформ, основными из которых являются установление требований к капиталу страховых компаний, управлению рисками и обеспечению прозрачности. Данные меры направлены на создание единого общеевропейского рынка страхования, усиление финансовой стабильности и защиту интересов полисодержателей посредством пересмотра пруденциального режима страховых компаний. Рассматриваются основные нормы, закрепленные в директиве о Платежеспособности (Solvency II) 2009/138/EC от 2011 г., вступление в силу которой планируется в 2016 г.

Ключевые слова: страховая деятельность, требования к капиталу, управление рисками, прозрачность, регулирование, Европейский Союз.

Oziumenko M.V.

CHANGES IN REGULATION OF THE INSURANCE ACTIVITIES OF THE EU IN ACCORDANCE WITH THE REQUIREMENTS OF SOLVENCY II DIRECTIVE

This article is focused on the ongoing reform of European Union legislation in the field of regulation of insurance activities. It analyzes the main line of the reforms which is the establishing of capital requirements for insurance companies, risk management and transparency. These measures are aimed at creating a single European insurance market, enhancing financial stability and protecting the interests of policyholders by reviewing the prudential regime for insurance undertakings. Basic norms, enshrined in the directive on solvency (Solvency II) 2009/138/EC of 2011, which will come into force in 2016 are considered.

Key words: insurance activities, capital requirements, risk management, transparency, regulation, European Union.

Создание устойчивого финансового рынка и защита интересов потребителей финансовых услуг является первоочередной задачей регулятивных органов, важным направлением деятельности которых является и регулирование страховой деятельности. Законодательство ЕС, регулирующее страховую деятельность, направлено на создание единого общеевропейского рынка страхования и обеспечение защиты потребителей. Важным фактором создания безопасного, устойчивого рынка страхования является обеспечение платежеспособности страховых компаний, так как только платежеспособная страховая компания может своевременно выполнять свои обязательства, прежде всего, перед полисодержателями.

Первоначально нормы, регулирующие страховую деятельность в ЕС, были закреплены в Директиве о платежеспособности (Solvency I) 73/239/ЕЕС от 1973 г. С момента появления первоначальной Директивы Solvency I была разработана более детализированная система оценки рисков. Стоит отметить, что многими государствами-членами были сделаны выводы о том, что действующие общеевропейские требования не являются достаточно эффективными, в результате чего отдельные страны стали проводить собственные реформы страхового регулирования, что нарушило единообразие законодательства и стало препятствовать развитию единого общеевропейского рынка страхования.

Мировой финансовый кризис стал предпосылкой ускоренного внедрения новых норм, содержащих более детализированные требования оценки рисков страховых компаний, усиливающих надзор и закрепляющих более широкие требования к раскрытию информации. В меморандуме Европейской комиссии, обосновывающем необходимость принятия Solvency II, было заявлено, что действующие требования к платежеспособности устарели, так как они не чувствительны к рискам, слишком большой объем регулирования остается на национальном уровне, они не справляются с регулированием деятельности групп страховых компаний. Помимо этого, отсутствует возможность делать выводы о платежеспособности страховых компаний на основе раскрываемой ими информации¹, что препятствовало регулированию и оценке страхового рынка.

Озюменко М.В.

Разработка законопроекта основана на положениях Лиссабонского договора, которые являются правовой основой разработки общеевропейских мер, направленных на создание внутреннего рынка финансовых услуг, и являются частью процесса Ламфалусси.

Работа над проектом Solvency II была начата существовавшим в то время Комитетом европейских регуляторов по страхованию и профессиональным пенсиям (CEIOPS) и продолжена заменившим его Европейским агентством по страхованию и профессиональным пенсиям (EIOPA) в соответствии с полномочиями, закрепленными в Регламенте (ЕС) № 1094/2010 от 24 ноября 2010 г. о создании Европейского надзорного агентства (Европейское агентство по страхованию и профессиональным пенсиям). Новая законодательная программа заменяет существовавшие ранее 13 отдельных директив, регулирующих страховую деятельность.

Solvency II была принята Европейским советом и Парламентом в ноябре 2009 г. В 2013 г. Европейским советом была принята Директива, откладывающая вступление в действие Solvency II на 2016 г., так как стало очевидно, что для страховых компаний требуется дополнительное время для приведения своей деятельности в соответствие с новыми требованиями. К 2016 г. требования Solvency II должны быть имплементированы всеми странами ЕС, включая Великобританию.

Хотя требования Директивы ещё не вступили в силу, с момента их принятия в 2009 г. возникла необходимость их дополнения. Сделанные дополнения закреплены в проекте Директивы Omnibus II 2011 г.²

Пересмотр содержания Solvency II направлен на следующие цели:

- учесть современные изменения в страховании, управлении рисками, в финансовых технологиях и пруденциальных стандартах;
- рационализировать надзор за деятельностью страховых групп с учетом их экономической деятельности;
- обеспечить взаимодействие между надзорными органами;

2 Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on markets in financial instruments amending Directives 2003/71/EC and 2009/138/EC in respect of the powers of the European Insurance and Occupational Pensions Authority and the European Securities and Markets Authority // COM(2011). Brussels, 19.01.2011.

1 O'Donovan G. Solvency II: Stakeholder Communications and Change. – Aldershot: Gower Publishing, Ltd., 2012. – P. 188.

– уделять больше внимания проблемам регулирования групп страховых компаний.

В общих чертах требования Solvency II основаны на идее о том, что риск допустим в тех случаях, когда есть достаточный капитал, необходимый для его покрытия. Определение этого минимально необходимого капитала зависит от предполагаемого риска и времени. Учет и прогноз предполагаемых рисков особенно важен для долгосрочных обязательств, таких как страхование жизни или пенсионное страхование. Solvency II закрепляет новые принципы оценки риска, требования к уставному капиталу и управлению рисками. По сравнению с первоначальной Директивой от 1973 г. объем регулирования Solvency II существенно расширен. Директива имеет много общих черт с Базелем-3, в том числе и по структуре. Как и Базель-3, она состоит из трех глав, закрепляющих основные направления регулирования, и охватывает три основных направления. Первая часть Директивы содержит конкретные количественные требования, прежде всего, к достаточности собственного капитала страховых компаний. Вторая часть содержит требования к управлению рисками страховых компаний и закрепляет полномочия регулирующих органов в отношении надзора за их рисками. Третья часть содержит нормы, устанавливающие порядок раскрытия информации в целях обеспечения прозрачности. Также существенное внимание уделено соответствию раскрываемой страховыми компаниями информации Международным стандартам финансовой отчетности.

Части II и III новой Директивы (Solvency II) основываются на принципе так называемого структурированного процесса раннего вмешательства и разрешения (Structured Early Intervention and Resolution process). Данный подход представляется более эффективным и гибким, чем применение требований только к капиталу.

Установление новых требований к уставному капиталу служит следующим целям:

- уменьшить риск того, что страховщик не сможет удовлетворить предъявленные к нему требования;
- уменьшить потери застрахованных лиц в случаях, когда страховая фирма не в состоянии выполнить все требования в полном объеме;
- обеспечить своевременное информирование надзорных органов о финансовом состоянии страховой компании, чтобы обеспечить возможность их своевременного вмешательства в тех случаях, когда капитал опускается ниже установленного уровня;
- обеспечить уверенность в стабильности страхового сектора.

Новые требования к капиталу, закрепленные в Solvency II, основываются на концепции рискованного капитала (Risk-Based Capital – RBC). Данная концепция была применена в США, Канаде, Австралии, Японии и Сингапуре еще в 1990-х гг.¹ Основа требований концепции RBC состоит в том, что компания должна обладать достаточным капиталом для покрытия каждого вида риска.

Положения о формировании резервов и размере собственного капитала, закрепленные в первой части, включают два вида требований. Это требования к капиталу для обеспечения платежеспособности (Solvency Capital Requirement – SCR) и минимальные требования к капиталу (Minimum Capital Requirements – MCR)².

SCR представляет собой объем средств, который должен быть в наличии у страховых компаний для покрытия всех

рисков страховой компании, включая риски, связанные как с осуществлением страховой деятельности, так и рыночные, кредитные риски и иные риски, связанные с осуществлением инвестиционной деятельности и состоянием финансового рынка в целом. SCR рассчитывается по специальной формуле, чтобы покрывать как существующие риски, так и возможные риски на ближайшие 12 месяцев. Формула предполагает модульный подход. Это означает первоначально индивидуальную оценку воздействия каждой категории риска, после чего их объединение. Целью стандартной формулы SCR является достижение баланса между учетом рисков и практичностью. SCR можно рассчитывать как по стандартной формуле, так и по внутренней модели отдельного страховщика, но только в том случае, если данная модель была одобрена органом страхового надзора.

Минимальные требования к капиталу (MCR) – это объем капитала, необходимый для удовлетворения интересов полисодержателей. Уменьшение капитала ниже установленного минимума означает, что продолжение деятельности страховой компании может угрожать интересам полисодержателей.

Новые требования к капиталу, закрепленные в части I, играют важную роль для инвестиционной деятельности, так как теперь страховые фирмы должны создавать резервы, способные покрывать не только риски, связанные непосредственно со страховой деятельностью, но и риски, связанные с осуществлением инвестиционной деятельности. Изменения требований к капиталу могут сподвигнуть страховщиков изменить соотношение активов. Новые требования к достаточности капитала вносят изменения и в порядок лицензирования страховой деятельности, так как соблюдение минимальных требований к капиталу является необходимым условием получения лицензии. Нарушение установленных требований может повлечь приостановление деятельности страховой компании в случае неустранения ею нарушений.

Новая Директива закрепляет и конкретизирует понятия различных видов риска, применимых к страховой деятельности. Вводятся следующие категории рисков: операционный риск, подразумевающий под собой организационные издержки компании, стратегический риск, правовые риски; риски, возникающие из страхования жизни; риски, возникающие из иных видов страхования, чем страхование жизни; риск несостоятельности контрагента; риски, связанные с нематериальными активами. Страховой риск означает риск потери или неблагоприятного изменения стоимости страховых обязательств.

Важным нововведением стало понятие рыночного риска, который означает риск потери или неблагоприятного изменения финансового положения в результате, прямо или косвенно, колебаний уровня и волатильности рыночных цен активов, обязательств и финансовых инструментов. Рыночный риск имеет особое влияние на стратегии инвестирования, так как учитывает волатильность инвестиций. Регулирование риска означает возможность покрыть риски, связанные с предъявленными претензиями.

Комиссией была выработана специальная стандартная модель классификации рисков, при этом страховые компании могут применять и свои собственные модели. Такой подход представляется достаточно гибким, так как позволяет учитывать особенности конкретной компании и избегать лишних затрат.

При осуществлении регулирования страховой деятельности приходится сталкиваться с такими моментами, как агентская проблема и информационные затраты³. Агентская проблема заключается в противоречиях между интересами владельцев страховых фирм, а также менеджмента, с одной стороны, и держателями полисов – с другой. При этом су-

1 Jacobs J. Applying lessons learnt from difference in the Basel accords to Solvency II. // Journal of Economic and Financial Sciences. – 2013. – 6(2) – P. 309–328.

2 Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) // OJ. – L 335. – 17/12/2009. – P. 0001 – 0155.

3 Doff R.A Critical Analysis of the Solvency II Proposals // The Geneva Papers on Risk and Insurance. Issues and Practice, 2008. – P. 193–206.

существует асимметрия в отношении доступа к информации. Эта асимметрия может быть решена посредством раскрытия более широкого перечня информации, что требует определенных затрат. В то же время одним из ключевых элементов эффективного конкурентного рынка является обеспечение свободного доступа к информации всех его участников. Таким образом, одной из регулятивных целей является обеспечение раскрытия информации в отношении управления рисками для всех участников рынка.

В соответствии с Solvency II компетентные национальные органы должны обеспечить раскрытие страховыми фирмами информации, касающейся внутренней структуры управления, финансовой отчетности, объема минимального капитала и капитала платежеспособности, а также информации об используемых моделях оценки рисков и схемы операций¹. Информация о достаточности капитала и финансовом состоянии должна раскрываться на ежегодной основе. Страховые компании, входящие в группу, главная организация которой находится за пределами ЕС, подлежат такому же режиму регулирования, что и европейские компании, но с учетом необходимости взаимодействия с надзорными органами третьих стран.

Следует отметить, что новые требования к прозрачности и отчетности устанавливаются не только в отношении страховых компаний, но и в отношении надзорных органов. В частности, ст. 30 Директивы устанавливает, что надзорные органы должны обеспечить прозрачность процедур назначения и увольнения членов правления или органа управления надзорными органами. Данная мера имеет большое значение, так как прозрачность и подотчетность повышают легитимность и целостность надзора, а также укрепляют доверие к системе надзора.

Проведенный анализ позволяет заключить, что Solvency II представляет собой достаточно амбициозный проект, нормы которого направлены на получение выгоды как страховыми фирмами, так и полисодержателями². Хотя существует много параллелей между Solvency II и Базелем-3, есть и различия. Так, если ранее объем капитала, который компания должна была иметь в резерве, определялся страховыми выплатами, то теперь требования к капиталу учитывают и риски компании, связанные с осуществлением инвестиционной деятельности. Так как страховые компании являются крупными институциональными инвесторами в банковские облигации, возможно взаимное воздействие сфер регулирования. Solvency II ориентирована на то, чтобы изменить способы размещения капитала страховых компаний; предполагается, что предпочтение

при инвестировании будет отдаваться краткосрочным высоколиквидным инструментам, в частности, банковским бондам.

Если сравнивать требования Solvency II с российским законодательством, то следует заметить, что между ними имеются существенные различия. В частности, согласно Приказу Минфина РФ от 2 ноября 2001 г. № 90н нормативный размер маржи платежеспособности страховщика по страхованию иному, чем страхование жизни, рассчитывается на основании данных о страховых премиях (взносах) и о страховых выплатах по договорам страхования (основным договорам), со-страхования и по договорам, принятым в перестрахование, относящимся к страхованию иному, чем страхование жизни³. Данный подход представляется недостаточно полным, так как не учитывает всех рисков страховых компаний, что препятствует созданию системы раннего предупреждения банкротства страховых компании и, следовательно, не обеспечивает надлежащей защиты интересов полисодержателей. Применение формулы расчета капитала, основанной на рисках, предлагаемой Solvency II, должно мотивировать менее устойчивые в финансовом отношении компании наращивать резервы и снижать риски, при этом такой подход не требует от финансовоустойчивых участников рынка изменения стратегий своей деятельности.

С учетом того, что в России уже внедрены требования Базель-3 к достаточности капитала банков, внедрение схожих принципов в отношении регулирования страховых компаний также представляется весьма актуальным для создания устойчивого финансового рынка и предупреждения возможных рисков.

Пристайный библиографический список

- 1 Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) // OJ. – L 335. – 17/12/2009. – P. 0001–0155.
- 2 Buckham D. Executive's Guide to Solvency II. – Chichester: John Wiley & Sons, 2010. – P 208.

1. Buckham D. Executive's Guide to Solvency II. – Chichester: John Wiley & Sons, 2010.
2. Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) // OJ. – L 335. – 17/12/2009.
3. Doff R.A Critical Analysis of the Solvency II Proposals // The Geneva Papers on Risk and Insurance. Issues and Practice, 2008.
4. Jacobs J. Applying lessons learnt from difference in the Basel accords to Solvency II. // Journal of Economic and Financial Sciences. – 2013. – 6(2).
5. O'Donovan G. Solvency II: Stakeholder Communications and Change. – Aldershot: Gower Publishing, Ltd., 2012.
6. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on markets in financial instruments amending Directives 2003/71/EC and 2009/138/EC in respect of the powers of the European Insurance and Occupational Pensions Authority and the European Securities and Markets Authority I // COM(2011). Brussels, 19.01.2011.
7. Приказ Минфина РФ от 2 ноября 2001 г. № 90н «Об утверждении Положения о порядке расчета страховщиками нормативного соотношения активов и принятых ими страховых обязательств».
- 3 Приказ Минфина РФ от 2 ноября 2001 г. № 90н «Об утверждении Положения о порядке расчета страховщиками нормативного соотношения активов и принятых ими страховых обязательств».

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),

а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Арабаев А.А.

КОНСТИТУЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 2010 г.: ОБЪЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящей статье автором проводится исследование Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. с целью выявить и показать недостатки в ее содержании.

Ключевые слова: Конституция, парламентская форма правления, взаимоотношения и статутное положение органов государственной власти.

Arabaev A.A.

CONSTITUTION OF THE KYRGYZ REPUBLIC OF 2010: OBJECTS AND DEVELOPMENT CHALLENGES OF THE MECHANISM OF THEIR REGULATION

In this paper the author studies the Constitution of the Kyrgyz Republic of 27 June 2010 in order to identify and demonstrate the shortcomings in its content.

Key words: Constitution, parliamentary form of government, the relationship and the statutory position of public authorities.

Конституция Кыргызской Республики¹, принятая на референдуме 27 июня 2010 г., заложила основы парламентской формы правления в стране, на что указывают, в частности, следующие положения:

- выборы депутатов Жогорку Кенеша (парламента Кыргызской Республики) по партийным спискам по пропорциональной системе;
- объединение депутатов Жогорку Кенеша во фракции;
- формирование Правительства парламентским большинством;
- подотчетность Правительства перед Жогорку Кенешем.

Особенности перехода к парламентской республике объективно отражаются прежде всего в статутном положении Жогорку Кенеша. С одной стороны, качественно изменилось положение Жогорку Кенеша в конституционной системе органов государственной власти. С другой стороны, возросла его роль в формировании правовых основ парламентской формы правления.

В то же время произошло качественное изменение и статуса Президента в качестве Главы государства. Так, положения, закрепляющие за Президентом права, в частности, определять основные направления внутренней и внешней политики государства; обеспечивать единство и преемственность государственной власти, согласованное функционирование и взаимодействие государственных органов, их ответственность перед народом – были исключены из Конституции.

Согласно Конституции у Президента отсутствует также право роспуска парламента. При этом Жогорку Кенеш вправе уволить его с должности.

Кроме этого, право на назначение референдума перешло от Президента к Жогорку Кенешу.

В качестве отличительной особенности кыргызстанской парламентской модели можно выделить, в частности, избрание Президента независимо от Жогорку Кенеша на всеобщих выборах, тогда как в парламентской республике президент, как правило, избирается парламентом.

Очевидно, что особенности современной конституционно закрепленной модели парламентского правления обусловлены обстоятельствами переходного периода становления Кыргызстана в качестве суверенного и независимого государства, где все еще идет поиск оптимальной и устойчивой модели его устройства.

Вместе с тем Конституция Кыргызской Республики 2010 г. в рассматриваемом аспекте содержит ряд принципиальных противоречий². Прежде всего, обратимся к положениям ч. 4

1 См.: Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. – 2010. – 6 июля.

2 См.: Арабаева А. Политические партии, Парламент, депутатские объединения (Под ред. А.А. Акунова. – Бишкек: Право и политика, 2010. – С. 100–103.

Арабаев А.А.

ст. 4 Конституции. Согласно им, в Кыргызстане запрещается слияние государственных и партийных институтов, образование и деятельность партийных организаций в государственных учреждениях, осуществление государственными служащими партийной работы.

Данные конституционные положения, в сущности, ставят под сомнение законность проведения выборов в Жогорку Кенеш по партийным спискам, образование парламентских фракций, которые сами по себе уже являются партийными органами, и, конечно же, их деятельность.

Во-первых, как показывает анализ, будучи партийным институтом, фракции формируются в парламенте и в рамках этого государственного института проводят политику партии в жизнь. В этой связи возникает вопрос: не слияние ли это государственных и партийных институтов?

Во-вторых, любая политическая партия, прошедшая в парламент, обязана выполнять свою предвыборную программу, используя для этого права и возможности своей фракции. Если партия окажется правящей, в которой лидер – президент, абсолютное большинство депутатов – члены фракции данной партии, а главного исполнителя – премьер-министра – определяет эта фракция, то не есть ли это подчинение государственной деятельности партийным программам и решениям?

Причем вопрос-то не только в том, фракция это правящей партии или нет. То же самое может случиться и с любой фракцией парламентского большинства. Тем более что в силу ст. 84 Конституции фракция или коалиция фракций с ее участием, составляя парламентское большинство, тем самым уполномочивается не только выдвигать кандидата на должность премьер-министра, но непосредственным образом влиять на структуру, состав Правительства и, соответственно, на его деятельность. Безусловно, такая фракция или коалиция фракций постарается выдвинуть на эту должность своего однопартийца или, во всяком случае, лицо, связанное с партией этой фракции, даже если это будет коалиция фракций.

В-третьих, депутаты Жогорку Кенеша являются государственными служащими. В то же время они являются членами той или иной фракции и, соответственно, партии. В таком качестве они осуществляют одновременно и парламентскую, и партийную работу. Тем самым не нарушают ли они Конституцию?

На самом деле, проведение выборов в парламент по партийным спискам по пропорциональной избирательной системе, образование фракций и организация их деятельности, формирование правительства партией парламентского большинства либо коалицией фракций, обеспечивающей такое большинство, политическая ответственность правительства перед парламентом, – все это в совокупности составляет обя-

зательные сущностно-содержательные элементы парламентской формы правления.

При этом следует признать, что сам факт законодательного закрепления участия партий на парламентских выборах, с одной стороны, предоставляет партии позитивное право, с другой стороны, обязывает ее, если она пройдет в парламент, выполнять свою предвыборную программу, используя для этого права и возможности своей фракции.

Это вытекает из сущностных особенностей парламентских выборов по партийным спискам, где партии выступают связующим звеном между депутатами и электоратом, а избиратели отдадут предпочтение программе той или иной партии. Таким образом социальные ожидания избирателей, народа в целом связаны с реализацией партийных программ, в которых отражаются, как правило, проекции переустройства общества, перспективы социально-экономического развития страны и просто обещания наилучшей жизни для граждан.

Соответственно, парламентская политическая партия, хотя бы того или нет, будет влиять на решения парламента, правительства, добиваясь принятия таких решений, которые исходят из своей предвыборной программы.

Поэтому, поскольку мы избрали парламентскую форму правления, то обязаны создать правовые условия и гарантии для полноценной деятельности парламентских партий.

На основании вышеизложенного считаем вполне оправданным исключение из Конституции Кыргызской Республики указанные положения ч. 4 ст. 4.

Противоречия заложены и в положениях Конституции Кыргызской Республики о депутатском мандате. Так, ч. 1 ст. 73 гласит: «Депутат Жогорку Кенеша не связан императивным мандатом. Отзыв депутата не допускается».

По смыслу данной нормы депутат Жогорку Кенеша, с формально-юридической точки зрения, обладает свободным мандатом.

Но научно доказано, что политико-правовая природа, сущностные и функционально-содержательные характеристики депутатского мандата, сама практика формирования Жогорку Кенеша и обладания мандатом однозначно указывают на императивный, причем партийно-императивный характер мандата депутата Жогорку Кенеша¹.

Непризнание этого юридического факта в парламентской практике нередко становится основанием выхода депутатов из состава фракции политической партии, по списку которой они избраны.

Более того, в данном контексте проблема усугубляется еще и тем, что в соответствии с поправками в Закон «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» отныне депутат при несовпадении политических взглядов вправе оставаться свободным и не входить в состав какой-либо парламентской фракции. Более того, депутаты Жогорку Кенеша, имеющие иное политическое воззрение, имеют право объединиться в депутатские группы как внутри фракции, так и вне ее².

Пользуясь таким правом, в Жогорку Кенеше пятого созыва отдельные депутаты уже вышли из фракций «Ата-Журт», «Ата Мекен», «Республика». Так, 16 мая 2013 г. на заседании Жогорку Кенеша о своем создании официально объявили депутатские группы: «Өнүгүү», объединившая членов фракции «Республика» Б. Торобаева (лидер), Т. Шайназарова, М. Бакирова и А. Режавалиева; «За реформы», объединившая депутатов фракции «Ата-Журт» Х. Кормазова (лидер), Р. Шина и

Н. Молдобаева; «Ынтымак», состоящую из депутатов фракций «Республика» и «Ата-Журт»: К. Исаева (лидер), Ш. Абдыкеримова, А. Баатырбекова, Э. Джумалиевой, Э. Иманалиевой и Б. Сулейманова³.

Вполне возможно объяснение ситуации, когда депутаты внутри фракции объединяются в отдельную группу с целью совместной выработки и отстаивания решения в определенной сфере, например, экономики.

Но как могут депутаты объединиться в депутатские группы вне фракции в парламенте, который образован по фракционному принципу?

Когда депутат, избранный по списку политической партии, обнаруживает, что его политические взгляды не совпадают с позицией этой партии?

Ответы на подобные вопросы следует искать, скорее всего, не в правовой, а в политической плоскости.

С юридической точки зрения вышеуказанные положения Закона «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» противоречат ч. 3 ст. 70 Конституции Кыргызской Республики.

По этому поводу справедливо замечено, что такие законодательные новеллы негативно скажутся на гарантиях ответственности депутатов Жогорку Кенеша и, конечно же, парламентских фракций. Вместе с тем эти новшества в корне противоречат конституционной конструкции формирования партийного Жогорку Кенеша и организации его деятельности во фракционном режиме; правовым принципам кыргызстанского парламентаризма и социальной сущности парламентской республики в целом⁴.

Конституция Кыргызской Республики в ч. 3 ст. 70 предписывает, что депутаты Жогорку Кенеша объединяются во фракции.

Смысл такого конституционного предписания заключается в создании таким образом правовых условий парламентской партии для реализации своей предвыборной программы, с которой она выходила на выборы. Именно в программах парламентских партий, по определению, отражаются принципы и основные направления развития общества и государства. При этом сущность политического плюрализма в парламенте проявляется в поиске наиболее оптимального подхода в данном вопросе, безусловно, в интересах страны, при наличии разноаспектных партийных позиций.

Иначе нет никакого смысла в проведении парламентских выборов по партийным спискам.

Говоря другими словами, фракция выступает законным парламентским органом политической партии, не только призванным защищать и отстаивать интересы партии в Жогорку Кенеше, но и ответственным за проведение политики партии, ее предвыборной программы. Реализуя предвыборную программу, партии тем самым защищают и отстаивают интересы избирателей, которые и отдали за них свои голоса в ходе выборов.

А как парламентская фракция должна выполнять свои социальные и функциональные задачи, если депутатам предоставлено право не входить в состав фракции этой партии, и, что еще хуже, объединяться в депутатские группы вне своих фракций, руководствуясь личными интересами?

Ведь перед избирателями, народом в целом ответственность за результаты деятельности парламентской фракции и

1 См.: Арабаев Р.А. Конституционно-правовое регулирование мандата депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2011.

2 См.: Закон «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 18 декабря 2008 г. № 267 в редакции законов Кыргызской Республики от 18 июля 2011 г. № 110, 4 февраля 2013 г. № 12; см. также: // [Электронный ресурс] / Сайт «President». – Режим доступа: <http://www.president.kg/ru/news/zakony/1544>.

3 См.: Отчет Торага Жогорку Кенеша А. Жээнбекова о деятельности Жогорку Кенеша Кыргызской Республики за период с 1 сентября 2012 г. по 30 июня 2013 г. // [Электронный ресурс] / Официальный сайт Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.kenesh.kg/RU/13034>.

4 См.: Арабаев Р.А. Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики: политико-правовая природа, сущность и содержание мандата. – Бишкек: Право и политика, 2013. – С. 150–151.

каждого депутата, включенного в партийный список, несет политическая партия.

Поэтому и Конституция предписывает депутатам объединяться во фракции.

Тем самым положениями самой Конституции ставятся под сомнения права избранного по списку политической партии депутата Жогорку Кенеша: оставаться свободным; не входить в состав парламентской фракции; объединиться в депутатские группы вне фракции.

Вместе с тем конституционная конструкция формирования партийного Жогорку Кенеша предопределяет политическую и организационно-институциональную структуру парламента, где проводится четкая линия между парламентским большинством и парламентской оппозицией с присущим им специфическим назначением.

Согласно данной конструкции недопустима правовая ситуация, когда депутаты, состоящие в оппозиционной фракции, выходят из нее и, объединившись в депутатскую группу, входят в состав коалиции парламентского большинства, поскольку Конституция Кыргызской Республики в ч. 3 ст. 70 однозначно закрепляет положение, согласно которому правом на создание коалиции парламентского большинства и официального ее объявления обладает только фракция. Следовательно, лишь фракция в целом, по Конституции, вправе выйти, скажем, из состава парламентской оппозиции и войти в коалицию парламентского большинства либо наоборот.

На основании изложенного считаем правомерным исключить вышеуказанные положения ч. 1 ст. 14 Закона «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» ввиду их несоответствия Конституции Кыргызской Республики.

Еще одна проблема, связанная с пробелами в Конституции 2010 г.: как быть, если президент и Торага Жогорку Кенеша стали представителями одной парламентской партии, когда кандидатуру премьер-министра определяет фракция этой же партии?

К чему может привести такое доминирование одной парламентской партии над остальными мы уже видели в Жогорку Кенеше предыдущего созыва.

В Жогорку Кенеше пятого созыва в ходе обсуждения кандидатуры Ж. Сатыбалдиева на должность Премьер-министра депутат Жогорку Кенеша М. Абдылдаев поставил перед парламентом вполне резонный вопрос: не узурпация ли это высшей государственной власти одной партией?

В Основном законе отсутствуют нормы, позволяющие решать эти вопросы.

Между тем в Конституции заложены нормы-принципы, которые выступают основаниями для законного их решения. Таковы положения ч. 1 ст. 1 Конституции (Кыргызстан – демократическое, правовое государство), ч. 5 ст. 2 (государство создает условия для представительства различных социальных групп в государственных органах и органах местного самоуправления, в том числе на уровне принятия решений), ч. 1 ст. 4 (в Кыргызстане признается политическое многообразие и многопартийность), ч. 2 ст. 5 (никакая часть народа, никакое объединение, никакое отдельное лицо не вправе присваивать власть в государстве).

С учетом данных конституционных принципов и норм, вполне обоснованным представляется прописание в Конституции положений, согласно которым Президент не вправе передавать мандат на формирование коалиции парламентского большинства фракции своей партии, а также не допускается одновременное замещение должностей Торага Жогорку Кенеша и Премьер-министра представителями одной парламентской партии.

Много проблем возникает и в процессе формирования правительства.

Главная проблема заключается в игнорировании депутатами принципов и норм действующей Конституции. При создании коалиции парламентарии, увлекшись перераспре-

делением министерских и иных государственных должностей, грубо нарушают Основной закон. Так, в ст. 84 Конституции записано, что фракция, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций с ее участием выдвигает кандидата на должность Премьер-министра, который вносит в Жогорку Кенеш программу, структуру и состав Правительства. После их утверждения Президент издает указ о назначении Премьер-министра и остальных членов Правительства.

В чем смысл и назначение данных конституционных положений?

Во-первых, выдвижение кандидата на должность Премьер-министра относится к прерогативе коалиции фракций, составляющей парламентское большинство.

Вопрос об определении и выдвижении кандидата на должность Премьер-министра имеет существенное значение для формирования Правительства, поскольку именно он определяет программу, структуру и состав Правительства и вносит их в Жогорку Кенеш для утверждения. Поэтому очень важно, какое количество депутатов Жогорку Кенеша будет поддерживать такого кандидата.

Вполне очевидно, что коалиция фракций, определяя и выдвигая кандидатуру конкретного лица на должность Премьер-министра, должна понимать, что от этого зависит не только формирование Правительства, но и его будущая деятельность. Тем самым такая коалиция выступает неким гарантом стабильности в деятельности Правительства, что очень важно для последнего в плане реализации им программы своей деятельности.

В то же время коалиция берет на себя ответственность перед Жогорку Кенешем и обществом в целом за результаты деятельности будущего Правительства. Иначе говоря, коалиция несет солидарную ответственность вместе с Правительством.

Во-вторых, компетенция коалиции ограничивается лишь определением и выдвижением кандидата на должность Премьер-министра.

Далее только кандидат на должность премьер-министра уполномочен определять программу, структуру и состав Правительства и внести их в Жогорку Кенеш для утверждения.

Для чего это делается?

Для того чтобы создать правовую гарантию для кандидата на должность премьер-министра самостоятельно, на принципах единой команды сформировать Правительство. Говоря другими словами, в нашей Конституции заложен принцип единой команды при формировании правительства. Такая практика присуща парламентской республике, что является одной из ее отличительных черт.

Принцип единой команды означает, что при отставке премьер-министра уходят с поста все члены правительства.

Но на практике мы этого не видим.

К большому сожалению, у нас становится традицией, когда фракции – члены коалиции в нарушение данного конституционного принципа пропорционально распределяют между собой министерские должности, а далее и все более или менее значимые места в исполнительных и иных структурах власти. О недопустимости такого положения дел, в корне противоречащего принципам парламентской республики и политической ответственности фракции парламентской партии, официально заявляли в свое время члены фракции «Ата-Мекен», когда на основании коалиционного соглашения разделу между фракциями подверглась практически вся инфраструктура и экономика Кыргызстана, включая регионы и города страны, госпредприятия, типографии, телеканал и даже газеты¹.

1 См.: Арабаев Р.А. Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики: политико-правовая природа, сущность и содержание мандата. – С.135-136; см. также: // [Электронный ресурс] / Официальный сайт Социалистической политической партии «Ата Мекен». – Режим доступа: <http://www.atamekenkg.com/9365:2010-12-23-10-48-45/110>.

Безусловно, данная незаконная практика отрицательно сказывается на эффективности работы Правительства, созданного таким путем. Как после этого требовать от премьер-министра выполнения тех или иных обязательств, если его заместители и министры представляют интересы разных партий, пусть даже в рамках одной коалиции? Любопытно, выдвинутый той или иной партией, так или иначе связан определенными обязательствами перед соответствующей партией: корпоративными ее интересами, партийно-фракционной дисциплиной, в конце концов. И он обязан прежде всего выполнять поручения и «просьбы» партии. А если учесть тот факт, что абсолютное большинство наших парламентских партий, по сути, являются партиями одного лидера, то очевидное решающее значение указаний и рекомендаций лидеров партии для таких министров – «назначенцев» от партии.

Поэтому если мы хотим стабильности, эффективной работы правительства, то должны потребовать от лидеров и членов фракций, чтобы при создании новой коалиции и формировании правительства они отказались от такой порочной практики. Тем более что такая практика противоречит Основному закону.

Проблема видится и в принципе формирования местных кеңешей в городах. Согласно принципам демократии, закрепленным в статьях 1, 2 и 3, и положениям восьмого раздела Конституции (статьи 110–113), местное самоуправление – это гарантированное Конституцией право и реальная возможность местных сообществ самостоятельно в своих интересах и под свою ответственность решать вопросы местного значения, в том числе формировать представительные органы и их исполнительные структуры.

В Конституции четко записано, что единственным источником государственной власти является народ Кыргызстана. И принцип демократического государства, и принцип народовластия, и принципы выборов означают, что в выборах вправе участвовать все граждане на равных основаниях. Кроме того, по Конституции все имеют право участвовать не только в выборах, но и в управлении государством, избирать и быть избранными.

Таким образом, здесь широкое участие должны принимать все институты местного самоуправления. Это не только политические партии, но и союзы граждан, различные социальные группы (молодежные, женские и т. д.). Иначе говоря, на выборах все такие социальные группы и институты местного самоуправления и гражданского общества, которые находятся на территории данного местного сообщества, должны получить равные права на выдвижение своих кандидатов представительные органы и участие во всем избирательном процессе.

И то, что законодательно введено положение, согласно которому на выборах в представительные органы в городах участвуют только политические партии, в корне противоречит Конституции. И самое главное – принципам формирования и организации органов местного самоуправления.

В данном случае граждане, не являющиеся членами той или иной партии, оказались ущемлены в своих правах, а именно – быть избранными. Очевидно, что нужно изменить соответствующие положения Конституции с тем, чтобы предоставить право участия на выборах в парламент и местные представительные органы и другим институтам гражданского общества, в том числе общественно-политическим движениям, социальным группам, а также гражданам путем самовыдвижения.

Следовательно, нужно отказаться от такой практики.

Конечно, здесь определенную роль сыграли результаты выборов в местные кеңешы в городах Токмок, Каракол, где «авторитетные» парламентские партии проиграли выборы

именно таким институтам местного самоуправления – общественно-политическим движениям. А это заставило законодателей – депутатов из этих партий пойти на такой шаг.

С политической точки зрения их можно было бы оправдать.

Но с точки зрения правовой – никак, поскольку нарушаются основные принципы демократии и народовластия, закрепленные в статьях 1 и 3 Конституции. Насколько оправданно положение, когда искусственно создаются преференции лишь политическим партиям в ущерб интересам остальных институтов и социальных групп местного сообщества?

Бессмысленным видится и то положение, согласно которому нельзя менять Конституцию до 2020 г. Дело в том, что Конституция – это прежде всего закон, хотя и Основной. А закон есть регулятор общественных отношений. Согласно принципам правового регулирования, закон призван регулировать те общественные отношения, которые складываются в обществе. Сами эти общественные отношения находятся в постоянной динамике. Если отношения меняются, то, соответственно, должны меняться и инструменты их регулирования, а в нашем случае – законы. Значит, должна меняться и Конституция, с тем чтобы она соответствовала реальным общественным отношениям.

Следует подчеркнуть, что общественные отношения меняются не столько по желанию отдельных политиков, сколько по объективным основаниям, связанным с развитием общества, изменением той ситуации, в которую вовлечены не только политические, но и социально-экономические, духовные и иные составляющие нашего общества. Тем самым конституция должна соответствовать реальным общественным отношениям и стать адекватной. Отсюда – понятия «фиктивная» и «реальная» конституция. Если конституция не соответствует реальной правовой действительности, не адекватна реальным общественным отношениям, то это уже противоречит принципам правового регулирования. Это следует учитывать при изменении Конституции.

Мы должны признать, что путем недопущения изменения Конституции до 2020 г. обеспечить ее стабильность неправомерно. Для этого есть разработанный и доказанный наукой разнообразный правовой инструментарий. Здесь одной политической воли не то что недостаточно, эта ситуация даже абсурдна.

Конституция требует решения таких вопросов лишь с точки зрения права, основным ядром которого она и является.

Пристатейный библиографический список

1. Арабаев Р.А. Депутат Жогорку Кеңеша Кыргызской Республики: политико-правовая природа, сущность и содержание мандата. – Бишкек: Право и политика, 2013.
2. Арабаев Р.А. Конституционно-правовое регулирование мандата депутата Жогорку Кеңеша Кыргызской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2011.
3. Арабаева А. Политические партии, Парламент, депутатские объединения /Под ред. А.А. Акунова. – Бишкек: Право и политика, 2010.
4. Закон «О статусе депутата Жогорку Кеңеша Кыргызской Республики» от 18 декабря 2008 г. № 267 в редакции законов Кыргызской Республики от 18 июля 2011 г. № 110, 4 февраля 2013 г. № 12; см. также: // [Электронный ресурс] / Сайт «President». – Режим доступа: <http://www.president.kg/ru/news/zakony/1544>.
5. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. – 2010. – 6 июля.
6. Отчет Торага Жогорку Кеңеша А. Жээнбекова о деятельности Жогорку Кеңеша Кыргызской Республики за период с 1 сентября 2012 г. по 30 июня 2013 г. // [Электронный ресурс] / Официальный сайт Жогорку Кеңеша Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.kenesh.kg/RU/13034>.

Боклан Д.С.

ПРАКТИКА ОРГАНА ПО РАССМОТРЕНИЮ СПОРОВ ВТО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

С момента учреждения ВТО несколько решений Органа по рассмотрению споров (ОРС), касающихся окружающей среды, вступили в силу, и несколько дел, связанных с защитой окружающей среды, находятся в производстве. Анализируя решения ОРС по этим делам, можно увидеть, как развивалась практика ОРС с учетом деградации природных ресурсов и экосистемы в целом.

Ключевые слова: ВТО, Орган по рассмотрению споров, охрана окружающей среды, третейская группа, Апелляционный орган, систематическое толкование, возобновляемый природный ресурс, утилизационный сбор.

Boklan D.S.

WTO DISPUTE SETTLEMENT BODY PRACTICE AND ENVIRONMENTAL PROTECTION

From the moment of establishing WTO the Dispute Settlement Body (DSB) has adopted several decisions concerning environment protection and several cases are pending at present. Analysis of those decisions of DSB gives us possibility to see the development of practice of DSB under condition of degradation of natural resources and ecosystem on the whole.

Key words: WTO, Dispute Settlement Body, environmental protection, panel, Appellate Body, comparative interpretation, renewable natural resource, disposal charge.

Дело «Стандарты для очищенного и обычно применяемого бензина. Бразилия и Венесуэла против Соединенных Штатов Америки» (1996 г.)

Обстоятельства дела заключались в следующем. Спор возник между Бразилией и Венесуэлой, с одной стороны, и США, с другой стороны, в связи с принятием США Закона о чистом воздухе 1990 г. (Clean Air Act, the «CAA») и нормативно-правового акта под названием «Регулирование стандартов топлива и топливных добавок для очищенного и обычно применяемого бензина» («Regulation of Fuels Additives – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline»), так называемого «Бензинового правила» («Gasoline Rule»)¹. В соответствии с указанными актами национального законодательства США были предусмотрены две программы. В первой программе были определены «районы, не соответствующие экологическим требованиям». К таким районам были отнесены девять районов с наибольшим уровнем загрязнения воздуха, расположенных в городах, и ряд районов был отнесен к таковым по просьбе губернаторов штатов. Весь бензин, который продавался в такие районы, подлежал «очистке», а продажа неочищенного бензина в этих районах запрещалась. Вторая программа была посвящена бензину, который мог продаваться в остальных районах США. Бразилия и Венесуэла заявили, что указанные нормы национального законодательства США противоречат статьям I (режим наибольшего благоприятствования) и III (национальный режим внутреннего налогообложения и регулирования) ГАТТ-94, а также ст. 2 Соглашения по техническим барьерам в торговле.

В соответствии со ст. III ГАТТ «товарам с территории любой договаривающейся стороны, ввозимым на территорию другой договаривающейся стороны, предоставляется режим не менее благоприятный, чем тот, который, предоставлен аналогичным товарам отечественного происхождения в отношении всех законов, правил и требований, затрагивающих их внутреннюю продажу, предложение к продаже, покупку, транспортировку, распределение или использование. Положения этого пункта не препятствуют применению дифференцированных внутренних сборов за перевозку, которые основаны исключительно на экономических показателях средств

1 WTO. Report of the Appellate Body. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 1996. Introduction. – P. 6.

транспорта, а не на национальном происхождении товара». Указанными нормативными актами национального законодательства США были введены некоторые ограничения, касающиеся как химического состава, так и правил использования бензина. В частности, были установлены такие характеристики бензина, как минимальные нормы содержания кислорода и предельные нормы содержания тяжелых металлов, включая свинец и марганец. Были введены требования по снижению уровня летучих органических соединений, токсичных веществ и оксидов азота, содержащихся в бензине².

Третейская группа ОРС пришла к следующим выводам. Рассматриваемые нормативные акты внутреннего законодательства США «не соответствуют ст. III ГАТТ и пунктам (b), (d) и (g) ст. XX ГАТТ»³. В качестве обоснования указанного вывода Третейская группа в своем решении указала на то, что меры, предусмотренные законодательством США, «не соответствуют п. (b) ст. XX ГАТТ, так как не являются “необходимыми для защиты жизни и здоровья человека, животных и растений”»⁴. Однако Третейская группа согласилась с доводом о том, что «чистый воздух является истощаемым природным ресурсом в соответствии с п. (g) ст. XX ГАТТ»⁵. Вместе с тем Третейская группа пришла к выводу, что меры, предусмотренные законодательством США, «не были, главным образом, направлены на сохранение исчерпаемого природного ресурса, и, следовательно, не соответствуют положениям п. (g) ст. XX ГАТТ»⁶. Третейская группа рекомендовала США «привести эту часть Бензинового правила в соответствие с обязательствами, предусмотренными ГАТТ»⁷. В результате США обратились с жалобой на решение Третейской группы в Апелляционный орган. Рассмотрев жалобу США и материалы дела, Апелляционный орган пришел к выводу, что Третейская группа сде-

2 Там же.
3 WTO. Report of the Appellate Body. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 1996. Introduction. – P. 6.
4 Там же.
5 WTO. Report of the Appellate Body. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 1996. Introduction. – P. 6.
6 Там же. – С. 13.
7 WTO. Report of the Appellate Body. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 1996. Introduction. – P. 6.

Боклан Д.С.

лала ошибочный вывод о несоответствии норм американского законодательства положениям п. (g) ст. XX ГАТТ¹. То есть Апелляционный орган признал, что некоторые ограничения, касающиеся как химического состава, так и правил использования бензина, в частности установление минимальных норм содержания кислорода и предельных норм содержания тяжелых металлов, включая свинец и марганец в бензине, а также требования по снижению уровня летучих органических соединений, токсичных веществ и оксидов азота в бензине направлены на сохранение такого истощаемого природного ресурса, как чистый воздух. Однако Апелляционный орган пришел к выводу, что указанные ограничительные меры не соответствуют преамбуле ст. XX ГАТТ. То есть такие меры применялись как «неоправданная дискриминация между странами»². Тем не менее, Апелляционный орган в своем решении указал на следующее. Данное решение не представляет собой ограничения «возможности какого-либо члена ВТО принимать меры по контролю над загрязнением воздуха или вообще по защите окружающей среды. В Преамбуле Соглашения об учреждении ВТО и Решении о торговле и окружающей среде особо подчеркивается большое значение координации торговой политики и защиты окружающей среды. Членам ВТО предоставляется широкая автономия для определения собственной политики в области защиты окружающей среды (включая взаимосвязь с торговлей) и для принятия и применения законодательства о защите окружающей среды. Эта автономия для членов ВТО ограничена только необходимостью соблюдать требования ГАТТ и других соглашений (принятых в рамках ВТО – Д.Б.)»³.

Рассмотренное решение является первым вступившим в силу решением ОРС, касающимся охраны окружающей среды. Некоторые специалисты рассматривают это решение как принятое в пользу либерализации торговли и противоречащее интересам защиты окружающей среды. В частности, Н.А. Пискулова указывает на следующее: «Ряд решений ВТО не соответствовал идее защиты окружающей среды и был направлен на отмену или смягчение экологических запретов, поскольку они противоречили правилам этой организации о снятии ограничений на торговлю. США были вынуждены изменить проект Закона о чистом воздухе, поскольку иностранные нефтяные компании выступили против его принятия под предлогом их дискриминации на американском рынке»⁴. Действительно, и Третейская группа, и Апелляционный орган ОРС в своем решении обязали США изменить свое внутреннее законодательство и снять «экологические» ограничения торговли бензином. Тем не менее, в данном решении было осуществлено толкование положений ст. XX ГАТТ (параграфы b, d, g), и возникла первая практика применения этой статьи при решении торговых экономических споров. ОРС данным решением признал чистый воздух в качестве истощаемого природного ресурса и подтвердил право стран – членов ВТО принимать меры, ограничивающие торговлю, с целью сохранения исчерпаемых природных ресурсов. Однако, несмотря на такие выводы, меры, предпринятые США, были расценены как неоправданная дискриминация.

Дело «Индия, Малайзия, Пакистан и Таиланд против Соединенных Штатов Америки. Запрет импорта креветок и продуктов из креветок» (1998, 2001 гг.)

Обстоятельства дела состояли в следующем. Внутренним законодательством США предусматривался запрет на импорт креветок, вылов которых осуществлялся способом, опасным для морских черепах. США требовали от импортеров осущест-

влять вылов креветок с помощью таких устройств, которые исключали бы возможность попадания в них черепах. Право на импорт креветок в США получали только те государства, которые использовали устройства, соответствующие стандартам, предусмотренным внутренним законодательством США.

Индия, Малайзия, Пакистан и Таиланд отказались от выполнения указанных требований США и обратились с жалобой в ОРС на действия США. Указанные государства обвиняли США в нарушении ст. XI ГАТТ, в соответствии с которой «ни одна из договаривающихся сторон не устанавливает или не сохраняет на ввоз любого товара из территории другой договаривающейся стороны или вывоз или продажу для экспорта любого товара, предназначенного для территории другой договаривающейся стороны, никаких запретов или ограничений, будь то в форме квот, импортных или экспортных лицензий или других мер, кроме пошлин, налогов или других сборов».

В свою очередь США ссылались на положения Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. В соответствии с Приложением 1 к указанной конвенции морские черепахи относятся к видам, находящимся под угрозой исчезновения. Также США ссылались на п. (g) ст. XX ГАТТ, в соответствии с которым ничто в ГАТТ не препятствует принятию или применению любым государством – участником ГАТТ мер, «относящихся к консервации истощаемых природных ресурсов, если подобные меры проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления».

Рассмотрев дело, Третейская группа ОРС признала, что запрет со стороны США на импорт креветок нарушает положения ст. XI ГАТТ и не соответствует исключению, предусмотренному в п. (g) ст. XX ГАТТ⁵, после чего США обратились с апелляцией на решение Третейской группы в Апелляционный орган ОРС.

Одним из оснований апелляции США было неправильное применение и толкование ст. XX ГАТТ. В соответствии с п. 7.61 Доклада Третейской группы «даже если ситуация с черепахами является серьезной, мы полагаем, что Соединенные Штаты, независимо от своих природоохранных целей, приняли меры, являющиеся очевидной угрозой для многосторонней торговой системы»⁶. В качестве аргументов США ссылались на то, что «природоохранная цель является основанием применения ст. XX, и такую цель нельзя игнорировать, особенно учитывая, что в соответствии с преамбулой Марракешского Соглашения об учреждении ВТО правила торговли должны «соответствовать цели устойчивого развития» и должны быть направлены на «защиту и сохранение окружающей среды»⁷. Более того, США считали неверным толкование ст. XX, указывая на то, что «является юридической ошибкой утверждение о том, что ГАТТ – это торговое соглашение, и из этого можно сделать вывод, что отношения, связанные с торговлей, должны превалировать над всеми другими отношениями, регулирование которых предусмотрено ГАТТ. В соответствии со ст. XX интересы государства, для защиты которых предназначена данная статья, имеют преимущественное значение перед обеспечением доступа на рынок»⁸.

Еще одним противоречием, возникшим при толковании ст. XX, стало определение понятия «истощаемые природные ресурсы». Индия, Пакистан и Таиланд настаивали на том, что данный термин относится к «не возобновляемым ресурсам, таким, как минералы, а не к биологическим возобновляемым

1 Там же. – С. 26

2 Преамбула ст. XX ГАТТ.

3 WTO. Report of the Appellate Body. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 1996. – P. 27.

4 Пискулова Н.А. Экологические аспекты развития международных экономических отношений. – М.: МГИМО, 2005. – С. 65.

5 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. Para. 12.

6 Там же.

7 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. Para. 12.

8 Там же. Para. 16.

ресурсам»¹. Малайзия в свою очередь добавила, что «морские черепахи являются живыми существами и не подпадают под определение п. (g) ст. XX»².

Апелляционный орган не согласился с аргументацией ответчиков по апелляции и в своем решении (1998 г.) указал на следующее: «Мы не считаем, что “истощаемые” природные ресурсы и “возобновляемые” природные ресурсы – взаимои-ключающие понятия. В соответствии с данными современной биологической науки живые виды, которые, в принципе, способны размножаться и в этом смысле являются “возобновляемыми”, при определенных обстоятельствах могут истощаться и вымирать зачастую в результате деятельности человека»³. Далее в подтверждение этой позиции Апелляционный орган в своем докладе сослался на преамбулу Марракешского соглашения об учреждении ВТО, в которой закрепляется принцип устойчивого развития, и указал на необходимость толкования ст. XX ГАТТ в контексте указанной преамбулы (пп. 129 и 130 доклада). Более того, в обоснование своих выводов Апелляционный орган в своем докладе ссылается на Конвенцию о биологическом разнообразии 1994 г. (п. 130) и Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (п. 132). В п. 134 Апелляционный орган приходит к выводу, что «морские черепахи являются “истощаемыми природными ресурсами” для целей применения ст. XX ГАТТ 1994»⁴.

Апелляционный орган оставил решение Третейской группы в силе, однако в своем докладе он указал на следующее: «Мы не принимали решение о том, что охрана и защита окружающей среды не является важной задачей для членов ВТО. Очевидно, что это так. Мы не принимали решение о том, что суверенные государства – члены ВТО не могут применять эффективные меры для защиты видов, находящихся под угрозой исчезновения, таких как морские черепахи. Очевидно, что могут. И мы не принимали решение о том, что суверенные государства – члены ВТО не могут на двусторонней или многосторонней основе, как в рамках ВТО, так и за ее пределами, принимать меры по защите видов, находящихся под угрозой исчезновения, или иным образом защищать окружающую среду. Очевидно, что они должны это делать и делают это»⁵.

Таким образом, из положений доклада очевидно, насколько большое значение в системе ВТО придается защите окружающей среды. Более того, в рассматриваемом споре толкование положений многосторонних соглашений ВТО, в частности ГАТТ, осуществлялось с учетом положений многосторонних соглашений по защите окружающей среды (Конвенции о биологическом разнообразии 1994 г. и Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г.). Апелляционный орган при рассмотрении данного дела применил систематическое толкование норм международного права.

Систематическое толкование – это анализ нормы во взаимосвязи с иными нормами международного права⁶. Апелляционный орган действовал в соответствии с п. 2. ст. 3 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее – Договоренность): «Члены признают, что система урегулирования споров имеет целью охранять

права и обязанности членов по охваченным соглашениям и вносить ясность в отношении действующих положений этих соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права» и п. 9 указанной статьи: «Положения настоящей Договоренности не наносят ущерба правам членов искать авторитетное толкование положений охваченного соглашения, используя механизм принятия решений Соглашения о ВТО или охваченного соглашения»⁷. Апелляционный орган также действовал в соответствии со ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. В указанной статье как раз предусмотрены «обычные правила толкования международного права». В соответствии с п. с) данной статьи для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения, «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». Так как в обеих упомянутых выше многосторонних конвенциях о защите окружающей среды участвуют все участники спора (Индия, Пакистан, Малайзия, Таиланд и США), то Апелляционный орган совершенно правомерно сослался в своем докладе на указанные конвенции и действовал в соответствии с Конвенцией о праве международных договоров 1969 г. Как указывал И.И. Лукашук, «согласовывать одни законы с другими – лучший способ их толкования (concordare leges legibus optimus interpretandi modes). Современное международное право характеризуется быстрым ростом количества как универсальных и региональных, так и особенно двусторонних норм. Возможности их согласования на стадии создания оказываются ограниченными в силу интенсивности и динамизма правотворческого процесса. В результате значительную долю согласования приходится проводить на стадии реализации норм»⁸. Таким образом, Апелляционный орган ВТО толковал нормы ГАТТ, принятые в 1947 г., с учетом положений многосторонних соглашений по защите окружающей среды, принятых значительно позже. И именно на основании такого толкования принял решение.

Последующая практика ОРС пошла еще дальше в заданном направлении. Это подтверждается решением Апелляционного органа, принятым в 2001 г. в рамках того же спора. Суть дела состоит в следующем. Малайзия вновь обратилась в Апелляционный орган с жалобой на то, что США не исполняют решение ОРС. В обоснование своего требования Малайзия указала на то, что ОРС рекомендовал США привести положения своего законодательства, предусматривающие запрет на импорт креветок, в соответствие с Марракешским соглашением об учреждении ВТО и сообщила, что не удовлетворена выполнением США решения ОРС⁹.

Для выполнения решения ОРС США внесли изменения во внутреннее законодательство, в соответствии с которыми страны могут обращаться за разрешением, даже при условии несоответствия американским стандартам. В таких случаях страна, осуществляющая вылов креветок, должна продемонстрировать внедрение и применение «сравнительно эффективной» программы защиты морских черепах без использования американских стандартов¹⁰. Страна – экспортер креветок может получить разрешение на экспорт, при условии что вылов креветок осуществляется без причинения ущерба мор-

1 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. Para. 127.

2 Там же.

3 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. Para. 128.

4 Там же. Para. 129, 130, 132, 134.

5 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. Para. 185.

6 Лукашук И.И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 635.

7 В соответствии со ст. 1 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, к «охваченным соглашениям» относятся соглашения, перечисленные в Дополнении 1 к настоящей Договоренности. К ним относятся: Соглашение об учреждении ВТО, ГАТТ, ГАТС, ТРИПС и некоторые другие.

8 Лукашук И.И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 637.

9 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. Recourse to article 21.5 of the DSU by Malaysia. WT/DS58/AB/RW. Para. 2.

10 Там же. Para. 6

ским черепахам, в случае их случайного вылова¹. Апелляционный орган счел указанные изменения соответствующими ст. XX ГАТТ. В своем докладе Апелляционный орган указал: «Теперь мера, принятая США, соответствует ст. XX ГАТТ, мы не даем никаких рекомендаций ОРС, предусмотренных ст. 19.1 Договора»². Таким образом, ОРС был найден компромисс между необходимостью охраны окружающей среды и либерализацией международной торговли. Меры, принятые США с целью защиты вида, находящегося под угрозой уничтожения, были признаны соответствующими правилам ВТО, в частности, исключениям, предусмотренным ст. XX ГАТТ, и не были признаны мерами, ограничивающими торговлю.

Дело «О мерах, затрагивающих транзит и импорт меч-рыбы.

Европейские сообщества против Чили» (2000 г.)

Суть дела заключается в следующем. В апреле 2000 г. Европейские сообщества (далее ЕС) обратились в ОРС с просьбой о консультациях с Чили, касающихся запрета на выгрузку меч-рыбы в портах Чили, предусмотренного национальным законодательством Чили (декрет 598 от 15 октября 1999 г.). ЕС заявили о том, что судам ЕС запрещается осуществлять выгрузку, хранение, а также транзит меч-рыбы через порты Чили в соответствии с национальным законодательством Чили. ЕС обвиняли Чили в нарушении статей V (свобода транзита) и XI (общая отмена количественных ограничений) ГАТТ-1994. Однако, начиная с марта 2001 г., ЕС и Чили информировали ОРС о договоренности отложить указанный спор. 28 мая 2010 г. обе стороны сообщили ОРС о том, что Трибунал по морскому праву Указом от 16 декабря 2009 г. по делу «О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана. Чили против Европейского сообщества» (2000 г.) прекратил производство по просьбе сторон (Чили и ЕС), вследствие чего ЕС и Чили проинформировали ОРС в своем совместном заявлении о том, что обе стороны обязуются не реализовывать какие-либо процессуальные права, вытекающие из дела «О мерах, затрагивающих транзит и импорт меч-рыбы. Европейские сообщества против Чили» (2000 г.), находящегося в производстве ОРС.

Суть дела «О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана. Чили против Европейского сообщества» (2000 г.) сводится к следующему.

Чили и Европейское сообщество обратились в Международный трибунал по морскому праву³. Спор касался сохранения и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана. Перед специальной Камерой Международного трибунала по морскому праву был поставлен вопрос о выполнении Европейским сообществом своих обязательств, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. в отношении обеспечения сохранения популяции меч-рыбы при осуществлении ее вылова судами под флагами любого из государств – членов Европейского сообщества в открытом море, прилегающем к исключительной экономической зоне Чили. Также перед специальной Камерой Международного трибунала по морскому праву был поставлен вопрос о том, соответствует ли акт национального законодательства Чили (Декрет), распространяющий меры, направленные на сохранение популяции меч-рыбы, предус-

мотренные национальным законодательством Чили, на территорию открытого моря, положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В ноябре 2009 г. Стороны в своем совместном заявлении обратились в Специальную Камеру с просьбой о прекращении производства по делу. Совместное заявление было подано 15 декабря 2009 г. В нем стороны информировали Специальную Камеру о наличии подписанной и утвержденной Договоренности между ними от 16 октября 2008 г. Содержание указанной договоренности сводилось к следующему. Стороны обязались осуществлять сотрудничество в сфере рыболовства на основе принципа долгосрочного сохранения и управления запасами меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана. Уровни вылова меч-рыбы не должны наносить ущерба устойчивости ее популяции, а также морской экосистеме в целом. Интенсивность промысла обеих сторон не должна превышать уровень 2008 г. или максимальный исторический уровень. Необходимо создание Двустороннего научно-технического комитета, в задачи которого будет входить: обмен информацией и данными относительно интенсивности промысла и размера улова, а также о состоянии запасов, подготовка заключений о состоянии запасов в целях содействия управлению для обеспечения устойчивого состояния. При условии соблюдения описанных выше положений суда Европейского сообщества получают права доступа в порты Чили в целях подхода к берегу, перегрузки, заправки и ремонта.

Таким образом, практика ОРС по данному делу свидетельствует о том, что решение другого органа международной юстиции (в данном случае Международного трибунала по морскому праву), касающееся защиты окружающей среды, а именно, сохранения популяции меч-рыбы, имеет преюдициальную силу для ОРС. То есть на основании решения, принятого Трибуналом по морскому праву, целью которого было сохранение популяции меч-рыбы, и по просьбе сторон ОРС прекратил производство по делу, касающемуся торговых ограничений меч-рыбы.

Дело «Канада против Европейских сообществ.

Меры, оказывающие влияние на асбест и продукцию, содержащую асбест» (2001 г.)

В соответствии с принципом 10 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию «на национальном уровне каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты»⁴. В соответствии с принципом 14 Декларации Рио-де-Жанейро «государства должны эффективно сотрудничать с целью сдерживать или предотвращать перенос и перевод в другие государства любых видов деятельности и веществ, которые наносят серьезный экологический ущерб или считаются вредными для здоровья человека». В систему нормативов качества окружающей среды входят: основные требования к нормированию качества окружающей среды, нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ, вредных микроорганизмов, загрязняющих атмосферный воздух, почвы, воды, нормативы предельно допустимых уровней шума, вибрации, магнитных полей и иных вредных физических воздействий⁵. На протяжении многих лет «безопасное производство» определялось как производство, убивающее не более одного человека на мил-

1 WTO. Report of the Appellate Body. United States – import prohibition of certain shrimp and shrimp products. Recourse to article 21.5 of the DSU by Malaysia. WT/DS58/AB/RW. Para. 7

2 WTO. United States – Import prohibition of certain shrimp and shrimp products. Recourse to article 21/5 of the DSU by Malaysia. WT/DS58/RW. Para. 154.

3 Дело «О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана (Чили/Европейское сообщество)». Годовой доклад Международного трибунала по морскому праву за 2007 год. – Нью-Йорк, 2008. – С. 11.

4 Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). – С. 5.

5 Ерофеев Б.В. Экологическое право России. – М.: Б.И., 2002. – С. 137.

лион подвергшихся воздействию в течение года. В настоящее время в развитых странах наблюдается движение в сторону либерализации этого правила и введения соотношения «одна смерть на 100 тысяч» или даже «одна смерть на 10 тысяч» в год¹. Жизнь людей не должна укорачиваться из-за игнорирования экологических требований. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья человека до 80% определяется условиями среды его обитания². Под экологическими правами человека понимаются признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение его разнообразных потребностей при взаимодействии с природой³. При этом фундаментальным экологическим правом является право на благоприятную окружающую среду. К иным экологическим правам, являющимся одновременно гарантиями фундаментального экологического права, можно отнести: право на экологическую информацию, право на участие в принятии экологически значимых решений, право на возмещение экологического вреда, право требовать прекращения экологически вредной деятельности, право граждан на благоприятную среду жизнедеятельности, право на охрану здоровья и ряд других прав⁴. Для анализа реализации и защиты указанных прав, а также предотвращения риска причинения вреда здоровью человека особенно показательным является дело, рассмотренное ОРС о мерах в отношении асбеста и асбестосодержащих товаров.

Обстоятельства дела заключались в следующем. Внутренним законодательством Франции (Декрет № 96-1133 в отношении асбеста и асбестосодержащих продуктов 1997 г., далее – Декрет)⁵ был введен запрет на «производство, обработку, продажу, импорт на внутренний рынок Франции всех видов асбеста с целью защиты потребителей»⁶. Канада является крупнейшим экспортером асбеста в Евросоюз. Введение такого запрета послужило основанием обращения Канады в ОРС. В обоснование своей позиции Канада ссылалась на то, что нормы внутреннего законодательства Франции «противоречат обязательствам ЕС, предусмотренным ст. 2 Соглашения о технических барьерах в торговле (далее – СТБ), статьям III и XI ГАТТ 1994, и что в соответствии с п. 1 (b) ст. XXIII ГАТТ 1994 Декрет аннулирует преимущества, предусмотренные для Канады непосредственно или опосредовано Марракешским соглашением об учреждении ВТО»⁷. Третьей группой постановлено, что «часть Декрета, предусматривающая “запрет”, не подпадает под действие Соглашения ТБТ; асбестоцементные продукты и фиброцементные продукты являются аналогичными товарами в соответствии с п. 4 ст. III ГАТТ-94; Декрет нарушает положения п. 4 ст. III ГАТТ-94; к Декрету применимы положения п. (b) и преамбула ст. XX ГАТТ 1994»⁸. Апелляционный орган оставил в силе последние два положения, а все остальные отменил. С точки зрения применения норм, предусматривающих защиту окружающей среды, особенно показательными являются выво-

ды Апелляционного органа, сделанные в отношении интерпретации понятия «аналогичные товары» и применения ст. XX ГАТТ. В соответствии с п. 3 ст. 4 ГАТТ «товарам с территории любой договаривающейся стороны, ввозимым на территорию другой договаривающейся стороны, предоставляется режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставлен аналогичным товарам (выделено авт. – Д.Б.) отечественного происхождения в отношении всех законов, правил и требований, затрагивающих их внутреннюю продажу, предложение к продаже, покупку, транспортировку, распределение или использование»⁹. Европейский Союз приводил доводы, в соответствии с которыми Третьей группой ошибочно интерпретировано понятие «аналогичные товары». В частности, третья группа анализировала «доступ на рынок» для характеристики так называемых «аналогичных товаров» и основывалась на единственном критерии, а именно критерии «конечного назначения», и не принимала во внимание критерий «риска для здоровья» при использовании асбеста¹⁰. Апелляционный орган согласился с указанным доводом и указал на то, что «по нашему мнению, было нецелесообразно для Третьей группы делать вывод только на основании одного критерия. Мы считаем, что физические свойства заслуживают отдельного исследования и не должны входить в исследование, касающееся конечного назначения. Мы также не разделяем убеждение третьей группы в том, что если два товара могут быть использованы для одного и того же конечного назначения, то их “свойства можно считать эквивалентными, если не одинаковыми”. Товары с достаточно разными физическими свойствами могут, в определенных ситуациях, использоваться с одинаковыми конечными целями. Мы абсолютно убеждены, что понятие “риск причинения вреда здоровью товаром” является необходимой составляющей понятия “аналогичного товара” в соответствии с п. 4 ст. III ГАТТ 1994. В случае с асбестом его молекулярное строение, химический состав и свертываемость имеют большое значение, так как его составные части канцерогенны для человека в случае попадания в органы дыхания. Канцерогенность или токсичность составляет определяющий аспект физических свойств асбеста. Мы не понимаем, как такое существенное физическое отличие не может быть учтено при анализе физических свойств товара как части определения “аналогичности” в соответствии с п. 4 ст. III ГАТТ 1994»¹¹. Показательно, что такая точка зрения ОРС во многом сходна с выводом, сделанным Комиссией международного права ООН (далее – Комиссия) во время работы над проектом статей по теме «Предупреждение трансграничного вреда, причиняемого опасной деятельностью» (далее – Проект)¹². В докладе Комиссии указывается, что виды деятельности, охватываемые Проектом, должны сами иметь физическое качество, а их последствия должны вытекать из этого качества. Например, создание запасов оружия не имеет своим последствием то, что накопленное оружие будет использоваться в военных целях. Однако создание такого запаса может характеризоваться как деятельность, которая вследствие взрывоопасных или зажигательных свойств накопленных материалов сопряжена с внутренне присущим ей риском возникновения катастрофического несчастного случая¹³. Дать количественную оценку такого риска не представляется возможным. Поэтому в Проекте Комиссия преследовала цель по возможности идентифицировать такой риск. Риск – основной компонент опасных видов деятельности. Он связан со степенью вероятности возникновения вредных последствий в результате соответствующей деятельности. Опас-

1 Бертел Р. Доклад на конференции министров окружающей среды «Рио+5» «Здоровье и окружающая среда: пять лет спустя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://localstrategy.seu.ru/LA21/health-and-environmental.html>

2 Бринчук М.М. Экологическое право. – М.: Юрист, 2005. – С. 122.

3 Там же. – С. 116.

4 См. более подробно Солнцев А.М. Современное международное право о защите окружающей среды и экологических правах человека. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 22.

5 Decree № 96-1133 concerning asbestos and products containing asbestos. WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para. 1.

6 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para. 2.

7 Там же. Para. 3.

8 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para. 4.

9 Россия и ВТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc>

10 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para 104.

11 Там же. Paras. 104, 105, 111, 112, 113, 114.

12 Доклад Комиссии международного права 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. А/СН.4/509. – Женева, 2000 – С. 5–8.

13 Там же.

ность того или иного вида деятельности определяется степенью риска возникновения ущерба и размером этого ущерба. Следовательно, оценка риска должна включать в себя оценку воздействия деятельности на людей, имущество и окружающую среду. Апелляционный орган пришел к выводу о том, что «физические свойства товара могут влиять на порядок его использования, потребительский спрос и тарифную классификацию»¹. Апелляционный орган оставил в силе решение Третейской группы в части, касающейся «требования о “необходимости защиты человека... жизни или здоровья”» в соответствии с п. (b) ст. XX ГАТТ, и определил, что вывод третейской группы соответствует ст. 11 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров². В соответствии с п. (b) ст. XX ГАТТ к общим исключениям относятся меры, направленные на ограничение торговли, «необходимые для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений». Таким образом, третейская группа, во-первых, определяла, «влечет ли за собой использование хризотил-асбеста риск причинения вреда здоровью человека и, во-вторых, является ли рассматриваемая мера «необходимой для защиты жизни и здоровья человека»³. Позиция Канады заключалась в том, что запрет, предусмотренный Декретом, не является исключением в соответствии со ст. XX ГАТТ и что вывод Третейской группы о том, что использование хризотил-асбеста влечет риск причинения вреда, является ошибочным. В частности, Канада ссылалась на «анекдотичное» утверждение доктора Хендерсона, в соответствии с которым у рабочих-строителей и даже людей, неоднократно подвергшихся воздействию хризотил-асбеста, были зафиксированы случаи заболевания мезотелиомой⁴. В свою очередь Европейский Союз настаивал на том, что «запрет на импорт асбеста был “необходим”, в результате серьезных, объективных и различных заключений, сделанных на основании детальной и тщательной оценки представленных фактических и научных доказательств»⁵. Более того, ЕС указал на то, что для принятия решения о «необходимости» введения запрета третейская группа «не была обязана принимать во внимание “количественную” оценку возможного риска. Оценка риска может быть выражена как количественными, так и качественными показателями»⁶. Позицию ЕС поддержали США, выступавшие

в качестве третьей стороны в споре и поддержавшие вывод третейской группы о том, что «декрет был необходим для защиты здоровья человека»⁷. Третейская группа согласилась с выводами ЕС о существовании риска причинения вреда здоровью человека в результате использования хризотил-асбеста, «в частности, в отношении рака легких и мезотелиомы, возникающих у работников сферы переработки и производства, и для общества в целом при использовании товаров из хризотил-асбеста. Третейская группа пришла к выводу о том, что мера (о запрете на импорт асбеста – Д.Б.), была принята в соответствии со ст. XX ГАТТ»⁸. Апелляционный орган согласился с таким выводом Третейской группы и указал на следующее: «...относительно “количественной” оценки риска, мы считаем, что в соответствии с Соглашением по применению санитарных и фитосанитарных мер, ст. XX ГАТТ не предусматривает обязательного требования количественной оценки риска здоровью человека. Риск может быть определен как в количественном, так и в качественном измерении... Как было установлено Третейской группой, патологии, связанные с использованием хризотил-асбеста, имеют очень серьезную природу, а именно рак легких и мезотелиому, которая также является формой рака»⁹. «Мы отмечаем, что не подлежит обсуждению тот факт, что члены ВТО вправе определять уровень защиты здоровья, который они считают необходимым в соответствующей ситуации. Франция определила, а Третейская группа подтвердила, что соответствующим уровнем защиты здоровья во Франции будет предотвращение риска причинения вреда здоровью, вызванного использованием асбеста. <...> Мы считаем абсолютно правомерным для члена ВТО стремиться к предотвращению высокого риска причинения вреда в результате использования товара путем замены такого товара товаром с меньшим риском причинения вреда в результате его использования»¹⁰.

Таким образом, практика применения норм права ВТО демонстрирует взаимосвязь норм, целью которых является защита окружающей среды, то есть норм международного экологического права, с нормами международного экономического права, регулирующими импорт товара, его доступ на рынок, потребительский спрос на товар и тарифную классификацию товара.

В данном деле ОРС обусловил регулирование международных экономических отношений риском причинения вреда жизни или здоровью человека и вынес решение, в соответствии с которым риск причинения вреда здоровью имеет приоритетное значение по сравнению с коммерческими целями. ОРС подтвердил право государств – членов ВТО на применение мер, ограничивающих торговлю, с целью установления соответствующего уровня защиты здоровья человека, животных и растений, применив п. (b) ст. XX ГАТТ. Такое решение также направлено на то, чтобы экспортно-импортные отношения изначально строились с учетом оценки влияния на окружающую среду и здоровье человека. Решение ОРС вынесено в соответствии с одним из отраслевых принципов международного экологического права – принципом должной осмотрительности. В соответствии с этим принципом на государство, осуществляющее деятельность, связанную с риском причинения ущерба, возлагается обязанность принимать все надлежащие меры для сведения к минимуму риска причинения этого ущерба.

Данное дело должно послужить прецедентом и учитываться при регулировании аналогичных экспортно-импортных отношений. Особенность рассмотренного решения заклю-

1 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para 114.

2 Там же. Para. 192. В соответствии со ст. 11 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, «функция третейских групп состоит в оказании помощи ОРС в выполнении его обязанностей на основе настоящей Договоренности и охваченных соглашений. Соответственно, третейской группе следует объективно оценить вопрос, поставленный перед ней, включая объективную оценку фактических обстоятельств дела, применимость соответствующих охваченных соглашений и соответствие им, и сформулировать такие другие выводы, которые помогут ОРС дать рекомендации или принять решение, как это предусмотрено в охваченных соглашениях. Третейским группам следует регулярно консультироваться со сторонами спора и предоставлять им адекватные возможности для выработки взаимодовольствующего решения». Россия и ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc>

3 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para 155.

4 Там же. Para. 19. Мезотелиома – злокачественное образование в плевре. Латентный (скрытый) период может достигать десятков лет. При этом канцерогенные свойства, скорее всего, связаны не с составом асбеста, а с формой его волокон и их высокой химической инертностью. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/0/05/1011587>

5 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para 27.

6 Там же.

7 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para. 49.

8 Там же. Para. 157.

9 WTO. Report of the Appellate Body. European communities – measures affecting asbestos and asbestos-containing products. WT/DS135/AB/R. 2001. Para. 167.

10 Там же. Para. 168.

чается еще и в том, что ОРС принял решение, в том числе, с целью предотвращения онкологических заболеваний, вызванных загрязнением воздуха. Такие заболевания имеют длительный и латентный период развития. Это в значительной степени усложняет процесс доказывания причинно-следственной связи между воздействием загрязнения окружающей среды (в данном случае воздуха) и причиненным вредом (в данном случае раком легких или мезотелиомой). Однако ОРС посчитал достаточным наличие риска причинения вреда здоровью и руководствовался «качественным» критерием такого риска, то есть серьезностью возможного причинения вреда здоровью.

Дело «О мерах, касающихся импорта, маркировки и продажи тунца и продукции из тунца. Мексика против США» (2012 г.)

Суть данного дела заключается в следующем. Промысел тунца в восточной части тропической зоны Тихого океана имеет особенности, по сравнению с промыслом тунца в других районах. Над косяками тунца собираются стада дельфинов. Это один из критериев, которым руководствуются рыболовецкие суда, оценивая объем потенциального улова тунца. Крупнейшим экспортером тунца, лов которого осуществляется в восточной части тропической зоны Тихого океана, является Мексика. Большинство мексиканских судов использует для лова тунца так называемый кошельковый невод¹, который накрывает не только косяк тунца, но и стадо дельфинов. Во время подъема кошелькового невода на борт судна дельфины задираются и погибают. Причем такая гибель является массовой.

Например, численность пантропического дельфина в северо-восточной части Тихого океана насчитывала около 737 000 животных в 2003 г., что на 76% меньше по сравнению с популяцией 1959 г. Признаки восстановления популяции не проявляются и сегодня, несмотря на резкое снижение смертности дельфинов в последние годы².

В октябре 2008 г. Мексика обратилась в ОРС с просьбой о консультациях с США. Основанием обращения были нормы национального законодательства США³, предусматривающие обязанность использования маркировки «безопасно для дельфинов» на продукции из тунца для продажи на рынке США. Однако национальное законодательство США не позволяло использовать указанную маркировку для продукции из тунца, выловленного кошельковым неводом в восточной части тропической зоны Тихого океана, основным экспортером которого является Мексика. Мексика обвиняла США в нарушении статей I (режим наибольшего благоприятствования), III (национальный режим) ГАТТ-94, а также статей 2.1, 2.2 и 2.4 Соглашения по техническим барьерам в торговле. 20 марта 2009 г. была учреждена третейская группа. 15 сентября 2011 г. доклад третейской группы был распространен между участниками спора. Третейская группа установила, что действия США соответствуют ст. 1 Приложения I к СТБ. В соответствии с данной статьей, под техническим регламентом понимается «документ, в котором устанавливаются характеристики товара или связанные с ними процессы и методы производства, включая применимые административные положения, соблюдение которых является обязательным. Он может также включать или исключительно содержать требования к терминологии,

обозначениям, упаковке, маркировке или этикетированию в той степени, в которой они применяются к товару, процессу или методу производства». Также третейская группа установила, что действия США не являются дискриминационными по отношению к мексиканской продукции из тунца и соответствуют параграфу 2.1 ст. 2 СТБ, в соответствии с которым «члены обеспечивают применительно к техническим регламентам, чтобы товарам, импортируемым с территории любого члена, предоставлялся режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется подобным товарам национальной происхождения и подобным товарам, происходящим из любой другой страны». Вместе с тем, третейская группа согласилась с аргументами Мексики о том, что действия США нарушают параграф 2.2 ст. 2 СТБ, в соответствии с которым «члены обеспечивают, чтобы технические регламенты не разрабатывались, не принимались или не применялись таким образом, чтобы создавать или приводить к созданию излишних препятствий в международной торговле. С этой целью технические регламенты не оказывают более ограничивающее воздействие, чем это необходимо для достижения законных целей, с учетом рисков, которые возникали бы, когда такие цели не достигаются. Такими законными целями являются, *inter alia*: требования национальной безопасности; предотвращение обманной практики; защита здоровья или безопасности людей, жизни или здоровья животных или растений, или охрана окружающей среды. При оценке подобных рисков учитываются такие факторы как, *inter alia*, имеющаяся научная и техническая информация, соответствующая технология или предполагаемое конечное использование товаров». Третейская группа также пришла к выводу о том, что действия США не нарушают параграф 2.4 ст. 2 СТБ, в соответствии с которым «в том случае, если возникает потребность в технических регламентах и существуют соответствующие международные стандарты или завершается их разработка, члены используют их или их соответствующие разделы в качестве основы для своих технических регламентов, за исключением случаев, когда подобные международные стандарты или их соответствующие разделы были бы неэффективными или неподходящими средствами для достижения поставленных законных целей, например, вследствие существенных климатических или географических факторов или существенных технических проблем».

В январе 2012 г. Мексика и США обратились с апелляцией на принятое третейской группой решение. Апелляционный орган ОРС в итоге отменил в большей части решение третейской группы и признал маркировку «безопасно для дельфинов», введенную США, не соответствующей нормам ВТО и нарушающей принцип недискриминации в отношении Мексики. Ряд выводов Апелляционного органа имеет важнейшее значение с точки зрения применения норм права ВТО в целях защиты окружающей среды.

Так, показательным является тот факт, что Апелляционный орган признал, что маркировка «безопасно для дельфинов», установленная национальным законодательством США в целях сохранения популяции дельфинов, соответствует п. 1 ст. 1 Приложения I к СТБ, то есть является техническим регламентом, обязательным к исполнению, а не добровольным стандартом. Далее Апелляционный орган признал, что действия США нарушают параграф 2.1 ст. 2 СТБ и являются дискриминационными по отношению к Мексике. Как указывалось ранее, законодательство США не позволяло использовать маркировку «безопасно для дельфинов» для продукции из тунца, выловленного с помощью кошелькового невода в восточной части тропической зоны Тихого океана. Более того, маркировка «безопасно для дельфинов» в соответствии с законодательством США не выдается даже при условии, если независимые наблюдатели могут подтвердить, что во время промысла тунца с помощью кошелькового невода ни один дельфин не был убит или тяжело ранен. То есть фактически эта мера дей-

1 Кошельковый невод - сетное отцеживающее пелагическое орудие лова (сардины, ставриды, скумбрии, тунца, сельди) с сейнеров и сейнеров-траулерах. Кошельковые неводы достигают 3000 м в дл. и 300 м в высоту. Морская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volna-parus.ru/koshelkoviynevod.html>

2 Сайт Delphinidae [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.delphinidae.ru/publ/delphinidae/pjatnistyj_prodelphin/10-1-0-271

3 United States Code, Title 16, section 1385; Dolphin Protection Consumer Information Act, the Code of Federal Regulations, Title 50, Section 216.91; Dolphin-safe requirements for tuna harvested in the ETP by large purse seine vessels, the ruling in *Earth Island Institute v. Hogarth*, 494 F.3d 757 (9th Cir. 2007).

ствовала в отношении продукции из тунца, вылавливаемого судами Мексики, поскольку большинство мексиканских судов используют именно кошельковый невод для ловли тунца, а применение других альтернативных способов ловли тунца является для Мексики экономически не оправданным. Вместе с тем законодательство США не устанавливает описанных выше ограничений в отношении продукции из тунца, выловленного в других районах за пределами тропической зоны Тихого океана. Причем в этих районах ловлю тунца осуществляют преимущественно другие страны.

Апелляционный орган в своем решении пришел к выводу о том, что мера, предусмотренная законодательством США, оправдана с точки зрения риска нанесения вреда популяции дельфинов. Вместе с тем Апелляционный орган не согласился с тем, что данная мера должна действовать исключительно в отношении района тропической зоны Тихого океана, в то время как другие способы ловли, применяемые в других районах, другими странами, также могут быть опасны для популяции дельфинов¹. Более того, Апелляционный орган пришел к выводу о том, что маркировка «безопасно для дельфинов» не требует учитывать смертность дельфинов за пределами тропической зоны Тихого океана, следовательно, «продукция из тунца, выловленного таким образом, будет маркирована знаком “безопасно для дельфинов” даже в случае, если дельфины были убиты или тяжело ранены»². Таким образом, несмотря на то, что Апелляционный орган пришел к выводу, что природоохранная мера, введенная национальным законодательством США, нарушает принцип недискриминации в отношении Мексики, в своем решении он указал на необходимость применения мер, преследующих аналогичную природоохранную цель и в других районах ловли тунца, поскольку мера, предусмотренная национальным законодательством США, не является достаточно сбалансированной. Далее Апелляционный орган пришел к выводу, что действия США соответствуют параграфу 2.2 ст. 2 СТБ и не оказывают на торговлю более ограничивающее воздействие, чем это необходимо для достижения законных целей, с учетом рисков, которые возникли бы, когда такие цели не достигаются. Апелляционный орган рекомендовал США привести меру, предусмотренную законодательством США, в соответствие с СТБ, что в данном случае означает, что США обязаны ужесточить требования в отношении маркировки продукции из тунца, выловленного за пределами тропической зоны Тихого океана.

Таким образом, в данном решении ОРС признал в качестве обязательного для исполнения технического регламента меру, установленную национальным законодательством государства с природоохранной целью (сохранения популяции дельфинов). Более того, вывод о том, что применяемая США природоохранная мера является дискриминационной по отношению к Мексике, не повлек в качестве последствия ее отмену. Напротив, для исполнения решения ОРС США должны ужесточить применение природоохранных мер в отношении продукции из тунца, поставляемой на внутренний рынок США, выловленного в других районах за пределами тропической зоны Тихого океана. Очевидно, что такое решение ОРС принято в контексте концепции устойчивого развития, и прежде всего в контексте «экологического» компонента данной концепции.

Актуальность рассматриваемой темы подтверждается тем фактом, что количество дел, связанных с защитой окружающей среды, в связи с реализацией международных торговых отношений растет. Доказательством этому служит тот факт,

что сегодня в производстве ОРС находятся еще два дела, о которых речь пойдет далее.

Дело «О мерах, затрагивающих импорт и продажу товаров на внутреннем рынке (Плата за загрязнение окружающей среды). Украина против Молдовы» (2011 г.)

Суть дела заключается в следующем. 17 февраля 2011 г. Украина обратилась в ОРС с просьбой о консультациях с Молдовой на предмет соответствия норм Закона Республики Молдова «О плате за загрязнение окружающей среды» 1998 г. нормам права ВТО. В соответствии со ст. 11 указанного закона Республики Молдова плата за помещение под таможенный режим импорта товаров, в процессе использования которых загрязняется окружающая среда, устанавливается для юридических и физических лиц, выпускающих подобные товары в свободное обращение в Республике Молдова, и вносится согласно установленным нормативам до или в момент помещения товаров под таможенный режим импорта. Юридические и физические лица, закупающие указанные товары на территории Республики Молдова у хозяйствующих субъектов, не имеющих налоговых отношений с ее бюджетной системой, вносят соответствующую плату согласно тем же нормативам до или в момент пересечения внутренних таможенных постов. Плата за упаковку из пластика или «tetra-pack», в которой содержится продукция (за исключением молочной), вносится предварительно или при помещении товара под таможенный режим импорта и устанавливается в следующих размерах: от 0,80 лея до 3 леев. Украина обвиняет Молдову в нарушении ст. III ГАТТ (национальный режим внутреннего налогообложения и регулирования), поскольку указанная ст. 11 не распространяется на аналогичные товары национальных производителей Молдовы. В связи с тем, что Украина не получила от Молдовы согласия в отношении проведения консультаций в течение периода, предусмотренного ст. 4 Договора (10 дней), Украина потребовала учреждения третейской группы ОРС. 17 июня 2011 г. ОРС учредил третейскую группу. Аргентина, Китай и ЕС заявили о своих намерениях участвовать в деле в качестве третьих сторон. На сегодняшний момент третейская группа учреждена, но ее состав находится в стадии формирования.

Дело «О взимании «утилизационного сбора» в отношении автомобилей. Европейский Союз против России» (2013 г.)

С 1 сентября 2012 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 августа 2012 г. № 870 г. «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств» введена мера нетарифного ограничения торговли. Данная мера была принята в целях реализации положений Федерального закона «Об отходах производства и потребления» 1998 г. В соответствии со ст. 24.1 указанного Закона «за каждое колесное транспортное средство, ввозимое в Российскую Федерацию или произведенное, изготовленное в Российской Федерации, за исключением колесных транспортных средств, указанных в п. 6 настоящей статьи, уплачивается утилизационный сбор в целях обеспечения экологической безопасности. Плательщиками утилизационного сбора для целей настоящей статьи признаются лица, которые: осуществляют ввоз транспортных средств в Российскую Федерацию; осуществляют производство, изготовление транспортных средств на территории Российской Федерации; приобрели транспортные средства на территории Российской Федерации у лиц, не уплачивающих утилизационного сбора в соответствии с абзацами вторым, третьим и седьмым пункта 6 настоящей статьи, или у лиц, не уплативших в нарушение установленного порядка утилизационного сбора». В результате введения утилизационного сбора у ряда государств – членов ВТО, в частности у государств Европейского Союза, возникли претензии к России, связанные с несоблюдением норм права ВТО, предусматривающих принципы либерализации международной торговли, экономической недискриминации и национального режима. Эти претензии были связаны с положением, предусмотренным указанным

1 United States-Measures Concerning the Importation, Marketing and Sale of Tuna and Tuna Products. Appellate Body Report WT/DS381/AB/R, 2012. Para. 262. – P. 103.

2 United States-Measures Concerning the Importation, Marketing and Sale of Tuna and Tuna Products. Appellate Body Report WT/DS381/AB/R, 2012. Para. 327. – P. 125.

выше Постановлением Правительства РФ, в соответствии с которым работающие в России автопроизводители могут взамен предоставить властям гарантии безопасной утилизации транспортных средства в будущем, в отличие от экспортеров, которые обязаны уплатить утилизационный сбор непосредственно при пересечении границы РФ. В ответ Россия признала необходимость приведения своего национального законодательства в соответствие с указанными принципами права ВТО. В мае 2013 г. правительственная комиссия РФ одобрила поправки в ст. 241 Федерального закона «Об отходах производства и потребления». Указанные поправки были направлены на приведение в соответствие данного Федерального закона с правом ВТО. Однако в завершившуюся 5 июля весеннюю сессию Госдумы РФ законопроект рассмотрен не был. 9 июля 2013 г. Европейский Союз уведомил Секретариат ВТО о просьбе провести консультации с Российской Федерацией о мерах, введенных Россией, касающихся взимания так называемого «утилизационного сбора» на легковые и грузовые автомобили. По мнению Европейского Союза, указанные меры ущемляют права экспортеров автомобилей из Евросоюза в Россию. В то время как импортные автомобили подпадают под «утилизационный сбор», автомобили, произведенные национальными российскими производителями, не обязаны его платить. Кроме того, от «утилизационного сбора» освобождены автомобили, экспортируемые из Беларуси и Казахстана. Таким образом, в отношении Европейского Союза нарушаются принципы наибольшего благоприятствования и национального режима со стороны России. Также ЕС утверждает, что структура «утилизационного сбора» направлена на защиту национального производителя. 16 октября 2013 г. Парламент Российской Федерации принял Федеральный закон «О внесении изменений в статью 24.1 Федерального закона “Об отходах производства и потребления”» (об уплате российскими производителями автомобилей утилизационного сбора). В соответствии с указанным законом с 1 января 2014 г. обязанность по уплате утилизационного сбора будет распространяться на автомобили, произведенные в России, ввозимые с территории стран Таможенного союза, а также на автомобили, помещенные в Калининградской области под процедуру свободной таможенной зоны. Как указывается в Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 24.1 Федерального закона “Об отходах производства и потребления”», задача по принятию настоящего законопроекта продиктована необходимостью адаптации российского законодательства к условиям членства Российской Федерации во Всемирной торговой организации. Вносимые изменения влекут за собой упразднение института добровольных обязательств по последующей утилизации, которые могли на себя принимать российские производители вместо уплаты утилизационного сбора. Таким образом, Российская Федерация исполнит свои обязанности члена ВТО по уравниванию в правах отечественных производителей и импортеров. В свою очередь, это значительно снизит риски подачи иска в орган по разрешению споров ВТО на Российскую Федерацию в связи с введением утилизационного сбора. В отсутствие настоящего Федерального закона суд ВТО станет для России неизбежной процедурой, намерение инициировать которую неоднократно озвучивалось представителями Еврокомиссии ЕС. Принятие настоящего Федерального закона не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета. Напротив, увеличение числа плательщиков и объектов обложения сбором значительно увеличит поступления в федеральный бюджет.

Таким образом, очевидно, что решения ОРС способствуют предотвращению коллизий как в национальном законодательстве государств, так и в праве ВТО, возникающих из-за отсутствия унифицированных экологических стандартов. В рассмотренных решениях ОРС дал толкование понятия «истощаемых природных ресурсов», содержащегося в п. (g) ст. XX ГАТТ, в соответствии с которым понятия «невозобновляемый

природный ресурс» и «истощаемый природный ресурс» являются разными. «Возобновляемый природный ресурс» может также относиться к «истощаемым природным ресурсам». Кроме того, при вынесении решения, связанного с применением ст. XX, ГАТТ ОРС использовал систематическое толкование норм международного права и толковал нормы ст. XX ГАТТ в контексте многосторонних соглашений о защите окружающей природной среды. Также важным является то, что при определении степени риска причинения вреда жизни и здоровью человека ОРС использует не только количественные, но и качественные характеристики экономической деятельности. Такой подход в значительной степени способствует предотвращению ущерба жизни и здоровью человека и окружающей среде в целом.

На примере рассмотренных решений ОРС можно увидеть, как применение и толкование положений ст. XX ГАТТ и других норм международного экономического права менялось от приоритета норм, предусматривающих либерализацию торговли, до приоритета норм, направленных на защиту окружающей среды. Во всех рассмотренных решениях ОРС подтвердил право государств – членов ВТО на защиту окружающей среды при осуществлении международной торговли. По мнению ОРС, в соответствии со ст. XX интересы государства, для защиты которых предназначена данная статья, имеют преимущественное значение перед обеспечением доступа на рынок.

Практика ОРС свидетельствует о том, что решение другого органа международной юстиции, касающееся защиты окружающей среды, может иметь преюдициальную силу для ОРС. ОРС также признает в качестве обязательного для исполнения технического регламента меру, установленную национальным законодательством государства с природоохранной целью.

По словам директора ВТО Паскаля Лами, критики природоохранной направленности в ВТО были «удивлены тем, что их предсказание о том, что нормы, регулирующие торговлю, будут иметь преимущественную силу, перед природоохранными нормами не оправдались. “Озеленение” ВТО началось»¹. Таким образом, участники ВТО для урегулирования международных экономических отношений основываются на прогрессивном развитии права ВТО с учетом охраны окружающей среды, унификации и гармонизации права ВТО при активном взаимодействии с международным экологическим правом. При этом используются отраслевые принципы международного экологического права: принцип природоохранного сотрудничества и принцип обмена экологической информацией.

Пристатейный библиографический список

1. Бринчук М.М. Экологическое право. – М.: Юрист, 2005.
2. Вина Джа. Регулирование охраны окружающей среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/Handbook_rs_Jha_ch46.pdf
3. Ерофеев Б.В. Экологическое право России. – М.: Б.И., 2002.
4. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М.: Волтерс Клавер, 2004.
5. Пискулова Н.А. Экологические аспекты развития международных экономических отношений. – М.: МГИМО, 2005.
6. Бертел Р. Доклад на конференции министров окружающей среды «Рио+5» «Здоровье и окружающая среда: пять лет спустя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://localstrategy.seu.ru/LA21/health-and-environmental.html>
7. Солнцев А.М. Современное международное право о защите окружающей среды и экологических правах человека. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
8. Тишков А.А. Экологические последствия вступления России во всемирную торговую организацию (ВТО) // Экологическая политика № 12 (107). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trade.eoaccord.org/docs/tishkov.htm>

1 The WTO and its Agenda for Sustainable Development – Yale University. WTO news: speeches – DG Pascal Lamy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.org/english/news_e/sppl_e/sppl179_e.htm

Коннова Е.В.

О КРИТЕРИЯХ ОДНОСТОРОННЕГО ХАРАКТЕРА АКТОВ ГОСУДАРСТВ

Интересы правовой определенности и предсказуемости международных отношений требуют ясности в вопросе о выборе правовых режимов, применимых к конкретным правоотношениям. В статье на основе анализа ряда односторонних актов государств, касающихся Всемирного банка семян, сокращения выбросов в атмосферный воздух, оказания помощи в чрезвычайных ситуациях природного характера, отказа от ядерного и химического оружия выявлены критерии установления строго одностороннего характера актов государств. Использование данных критериев позволяет определить правовой режим, подлежащий применению при реализации обязательств, вытекающих из отдельных актов интерэкоправа и других актов, совершаемых государствами в одностороннем порядке.

Ключевые слова: односторонние акты государств, договорные обязательства, квалификация международно-правовых актов, интерэкоправо.

Konnova E.V.

ON THE CRITERIA OF UNILATERAL CHARACTER OF STATES' ACTS

Interests of legal certainty and predictability of international relations require clarity in connection with the choice of legal regimes, which are to be applied to specific legal relationships. On the basis of analysis of a range of unilateral acts of states, relating to the World Bank of Seeds, reduction of air emissions, assistance in situations emergency of natural character, renunciation of nuclear and chemical weapons, the article identifies criteria for establishment of a strictly unilateral character of States' acts. Application of these criteria allows to determine the legal regime applicable to realization of obligations, arising from particular acts of interecolaw and other acts, committed by States unilaterally.

Key words: Unilateral Acts of States, Contractual Obligations, Qualification of International Legal Acts, Interecolaw.

Расширение международного сотрудничества сопровождается совершенствованием способов его осуществления. Все чаще в своих внешних сношениях государства используют односторонние акты. Закрепляя юридические гарантии в тех вопросах, по которым по тем или иным причинам пока не удалось достичь договорного регулирования, односторонние акты государств содействуют стабильности и предсказуемости международных отношений. Между тем эффективность использования этого инструмента международного сотрудничества снижается ввиду отсутствия разработанного алгоритма правовой квалификации отдельных односторонних заявлений в качестве односторонних актов соответствующих государств.

В каждом случае, когда речь идет о правовом акте, совершенном в одностороннем порядке, встает вопрос о том, применим ли к нему международно-правовой режим односторонних актов государств или для возникновения правовых последствий требуется их принятие явным или молчаливым образом, что означало бы применение к такому акту договорного режима. От решения этого вопроса зависит и момент вступления в силу соответствующих обязательств (доведение акта до сведения адресата или время, с которого можно констатировать установление договорной связи). Целью данной работы является выработка критериев для установления одностороннего характера актов государств, налагающих международные обязательства на их авторов.

Несмотря на несомненную актуальность, указанной проблеме до настоящего времени уделялось недостаточное внимание в доктрине международного права. В научных работах, посвященных односторонним актам государств (например, А.Х. Абашидзе, М.В. Ильяшевич, Дж. Баррозо Гонсалеса, Р. Гарсия Броша, К. Гудман, Р.А. Каламкарьяна, Ф. Пфлюгера, К. Скубишевского, Э. Соя¹), обращается внимание на разли-

чие зависимых (несамостоятельных) и независимых (самостоятельных) односторонних актов государств. Акты, относящиеся к первой категории (зависимые), не способны самостоятельно вызвать международно-правовые последствия, а потому являются односторонними лишь формально (по процедуре принятия). В строгом смысле односторонними являются лишь акты, относящиеся ко второй категории (независимые), которые вызывают последствия в силу одного лишь волеизъявления автора акта.

В данной работе термин «односторонний акт государства» применяется исключительно в отношении таких, независимых, односторонних актов. Правовой режим этих актов отличается от правового режима иных актов, совершаемых в одностороннем порядке. Использование термина «односторонний акт государства» по отношению к актам, которые являются односторонними лишь в формальном смысле, по нашему убеждению, вносит путаницу в теорию международного права, а в практическом плане затрудняет определение подлежащих применению правовых норм. Более того, огульное использование этого термина порождает дискуссии в отношении самой правомерности совершения государствами односторонних актов, например, в сфере охраны окружающей среды². Однако, как справедливо отмечает М.А. Медведева, в условиях неминусовой угрозы окружающей среде односторонние акты государств имеют преимущество перед долговременными переговорами по заключению договора и «тем более, им отдается предпочтение перед бездействием, которое может способствовать деградации окружающей среды»³.

Коннова Е.В.

1 Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики. Воронеж, 2013. С. 78–90; Barroso Gonzalez, J., Garcia Broche R. Los actos unilaterales y su aplicacion en Cuba // Realidad Juridica [Electronic resource]. – 2006. – Vol. 7. – № 1. // [Электронный ресурс] / Сайт «Realidad Juridica». – Режим доступа: <http://realidadjuridica.uabc.mx/realidad/contenido-uniat.html>; Goodman, C. Acta Sunt Servanda? A regime for the unilateral acts of states at international law : paper, presented at the 2005 ANZIL conf. – P. 6–7 // [Электронный ресурс] / Сайт «The Australian National University, College of Law». – Режим доступа: <http://150.203.86.5/cipl/>

Conferences_SawerLecture/05-ANZSIL-Papers/Goodman.pdf; Каламкарьян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. – М., 1984. – С. 30–31; Pflueger Fr. Die einseitigen Rechtsgeschäfte im Völkerrecht. – Zürich, 1936. – S. 65; Skubiszewski K. Les actes unilatéraux des états // Droit international: bilan et perspectives : in 2 vol. / M. Bedjaoui. – Paris, 1991. – Vol. 1. – P. 233 ; Suy E. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. – Paris, 1962. – P. 35–36.

2 Медведева М.О. Односторонні акти держави в сфері охорони навколишнього середовища // Часопис Київського університету права. – 2009. – № 4. – С. 341–342 // [Электронный ресурс] / Сайт «МИРМОС». – Режим доступа: http://MIELD.narod.ru/MedvedevaMA2_one_side.doc (20.02.2014).

3 Там же.

Односторонние акты государств (в их понимании в строгом смысле) не только допустимы по международному праву, но и имеют позитивное значение. В особенности это справедливо для международного права окружающей среды, являющегося во многом, по наблюдению Е.А. Высторобца, правом «доброй воли», для которого характерно самоотречение и которое «должно обладать <...> инструментами экстренного реагирования, отличаться гибкостью»¹. Все эти характеристики в полной мере присущи обязательствам, добровольно принимаемым государствами в одностороннем порядке.

Во избежание терминологической путаницы для описания актов, совершаемых государствами в одностороннем порядке, которые не соответствуют критериям одностороннего акта государства, по нашему убеждению, необходимо использовать иную терминологию (односторонние действия, меры, односторонняя практика и т. п.). Сказанное повышает необходимость проведения исследований, способствующих четкому разграничению актов, являющихся истинно односторонними, и актов, являющихся таковыми лишь формально.

В международно-правовой литературе рассматривался вопрос о принадлежности отдельных типов актов (таких, как, например, оговорки, присоединение к международному договору, его денонсация, иные акты, регулируемые Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г., декларации о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН, установление ширины территориального моря, предоставление гражданства, иные акты, являющиеся осуществлением суверенных прав государств, предоставляемых международным правом) к категории зависимых актов. Между тем проблема определения истинно одностороннего характера акта может возникнуть и в отношении актов, совершаемых в одностороннем порядке и направленных на создание новых обязательств, которые не относятся ни к одному из названных типов. Эта проблема особенно актуальна для актов, содержащих ссылки на международные договоры, акты, реализация которых требует участия их адресатов, совместных заявлений государств.

В доктрине нам не удалось обнаружить алгоритм квалификации таких актов в качестве односторонних актов государств. При рассмотрении отдельных актов из практики государств (например, отказ Беларуси, Казахстана, Украины от ядерного оружия, провозглашение Австрией, Туркменистаном постоянного нейтралитета) ученые расходятся во мнениях касательно возможности их квалификации в качестве актов, имеющих односторонний характер.

В данной статье исследование проблем правовой квалификации осуществляется на основе обобщения результатов анализа частных случаев. Это позволит внести правовую определенность в правовой режим соответствующих актов и прийти к общим рекомендациям относительно алгоритма правовой квалификации односторонних актов государств.

Неоднозначной является квалификация имеющего огромную значимость для международной экологической, генетической и продовольственной безопасности обязательства, принятого Норвегией в 2006 г., касающегося так называемого «Всемирного банка семян» на архипелаге Шпицберген. Этот банк – специальное «постоянно действующее хранилище, созданное для глобального использования»², в котором размещается 4,5 миллиона образцов сельскохозяйственных культур

со всего мира, что позволит возродить виды растений в случае их исчезновения в результате техногенной катастрофы или природных катаклизмов³. Сложность квалификации данного акта в качестве одностороннего состоит в том, что фактическая передача семян в хранилище сопровождается подписанием контракта между Норвегией и страной, передающей материал⁴. В этом плане приглашение государств к передаче образцов представляет собой своего рода публичную оферту. Одновременно рассматриваемый акт, будучи обращен ко всему мировому сообществу и совершенный в интересах «всей человеческой цивилизации»⁵, является односторонним обязательством *erga omnes*: адресатом первоначального заявления и заинтересованным субъектом в данной ситуации выступает все мировое сообщество. Такая квалификация заявления Норвегии означает, что все заинтересованные субъекты международного права, а не только сторона, предоставившая образцы по контракту, могут требовать соблюдения обязательств по хранению переданных семян растений.

Некоторую схожесть с упомянутым односторонним обязательством Норвегии с точки зрения особенностей их правовой квалификации в качестве односторонних имеют акты, касающиеся оказания помощи в связи со стихийными бедствиями или иными обстоятельствами чрезвычайного характера. Так, после прошедшего в 1998 г. в странах Центральной Америки урагана «Митч» правительство Испании объявило о моратории на погашение задолженности пострадавших от него стран⁶. Примером одностороннего обязательства в этой сфере могут служить также заявления правительства Кубы в сентябре 2005 г. о готовности направить в США медицинский персонал для оказания необходимой помощи после урагана Катрина⁷. Практика односторонних обязательств в этой сфере используется достаточно широко. При этом сама процедура предоставления помощи, кредита, оказания пожертвования и т. п. не может осуществляться в одностороннем порядке. Для того чтобы реализовать обязательства этого типа на практике, всегда необходимо согласие государства-адресата. Такие обязательства (как и вышеупомянутое одностороннее обязательство Норвегии) приобретают схожие черты с офертой, но, вызывая самостоятельные правовые последствия, являются односторонними актами соответствующих государств.

Во-первых, в отличие от оферты недопустим отзыв таких обязательств в любое время до их принятия. Это обусловлено самой природой подобных обязательств: иная трактовка противоречила бы принципам сотрудничества и международной

1 Высторобец Е.А. Идентификация источников международного экологического права – *Fontes jus naturae gentium* // Правоведение. – 2010. – № 5. – С. 186-208 // [Электронный ресурс] / Сайт «МИРМПАС». – Режим доступа: <http://MIELD.narod2.ru/>.

2 Hjørnegård S. Speech on the First Session of the Governing Body of the International Treaty on Plant Genetic Resources for Food and Agriculture, Madrid, 12–13.06.2006. // [Электронный ресурс] / Сайт «Regjeringen». – Режим доступа: <http://www.regjeringen.no/nb/dokumentarkiv/stoltenberg-ii/lmd/taler-og-artikler/2006/the-first-session-of-the-governing-body-.html?id=420755>.

3 Svalbard Global Seed Vault: Arctic Seed Vault Opens Doors for 100 Million Seeds // [Электронный ресурс] / Сайт «Regjeringen». – Режим доступа: <http://www.regjeringen.no/en/archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Agriculture-and-Food/Nyheter-og-pressemeldinger/nyheter/2008/arctic-seed-vault-opens-doors-for-100-mi.html?id=501721>.

4 Agreement between (Depositor) and the Royal Norwegian Ministry of Agriculture and Food concerning the Deposit of Seeds in the Svalbard Global Seed Vault. // [Электронный ресурс] / Сайт «Nordgen». – Режим доступа: http://www.nordgen.org/sgsv/scope/sgsv/files/SGSV_Deposit_Agreement.pdf.

5 Svalbard Global Seed Vault: Arctic Seed Vault Opens Doors for 100 Million Seeds // [Электронный ресурс] / Сайт «Regjeringen». – Режим доступа: <http://www.regjeringen.no/en/archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Agriculture-and-Food/Nyheter-og-pressemeldinger/nyheter/2008/arctic-seed-vault-opens-doors-for-100-mi.html?id=501721>.

6 Седьмой доклад об односторонних актах государств: подгот. Спец. докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седенью, 2004 г., 56 сес. Комис. междунар. права, А/CN.4/542. – Женева: ООН, 2004. – С. 11.

7 Выступление Фиделя Кастро Руса на акте, посвященном созданию Международного контингента врачей, специализирующихся на ситуациях бедствий и тяжелых эпидемий, имени Генри Рива и выпуску кубинских студентов-медиков 19 сентября 2005 г. // [Электронный ресурс] / Сайт Посольства Республики Кубы в Беларуси. – Режим доступа: http://cuba.newsby.by/info/view_info/37/?PHPSessiD=8d3298d71a1101a08cea3f7065d58a51.

солидарности в ситуациях бедствий. Кроме того, непоследовательность поведения предлагающих помощь государств сама по себе может способствовать усугублению последствий бедствия. Во-вторых, сами по себе такие акты вызывают обязательство предпринять определенные действия в соответствии с данным обещанием для того, чтобы принятие предоставляемых прав стало возможным на практике. Это также обусловлено спецификой ситуаций бедствия, необходимостью оперативного реагирования на них, принципом эффективности предоставляемой пострадавшему государству помощи.

Таким образом, реализация некоторых односторонних актов государств требует не просто согласия, но и совершения некоторых действий бенефициарами соответствующих актов. Между тем это не лишает такие акты одностороннего характера, поскольку обязательства по международному праву возникают для их авторов с момента доведения акта до сведения адресатов.

Некоторые односторонние акты государств содержат ссылки на международные договоры. В этом плане следует учитывать, что связь односторонней декларации с международным договором сама по себе не означает неприменимости к ней режима односторонних актов государств. Так, односторонний характер носят принятые некоторыми государствами – членами ЕЭС и ООН обязательства по сокращению выбросов углекислого газа в большей степени, чем это предусматривается Дополнительными протоколами к Конвенции по трансграничному загрязнению воздуха на большие расстояния 1979 г.¹ Основное значение в данном контексте имеет отсутствие обусловленности обязательств положениями соответствующих международных соглашений (совершение их сверх требований договора и без увязывания с соблюдением, исполнением обязательств по договору). Иными словами, акты, обладающие истинно односторонним характером: 1) не являются реализацией обязательств по международному договору; 2) не ставятся в зависимость от соблюдения и исполнения международного договора, равно как и от их принятия другими субъектами международных правоотношений.

Примером такой обусловленности, не позволяющей квалифицировать акт в качестве одностороннего, может служить осуществленный Беларусью и Казахстаном в 1994 г. акт отказа от ядерного оружия. Аналогичный акт Украины, на наш взгляд, ошибочно рассматривается в науке² в качестве примера одностороннего юридического отказа. Анализ процедуры отказа Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины от ядерного оружия позволяет сделать вывод о договорной природе соответствующих актов.

Во-первых, необходимо отметить, что отказ от ядерного оружия осуществлялся во исполнение обязательств по присоединению к Договору о нераспространении ядерного оружия 1969 г., принятых в соответствии с Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия 1991 г.³, а также Лиссабонским протоколом 1992 г. к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г.⁴ Во-вторых, последовавшие за подписани-

ем Протокола послания Президентов Республики Казахстан и Украины и Председателя Верховного Совета Республики Беларусь, адресованные Президенту США и подтверждавшие обязательства по отказу от ядерного оружия, содержали формулировки, прямо указывавшие на зависимость этих обязательств от Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений⁵, а также от готовности Российской Федерации принять выводимые с территорий вооружения⁶. Таким образом, будучи обусловленными международными договорными обязательствами, рассматриваемые акты отказа не отвечают критерию самостоятельности вызываемых международно-правовых последствий.

Кроме того, указанные акты не отвечают критерию относительного характера односторонних актов государств, не допускающего возникновения обязательств для субъектов международного права, не участвовавших в создании акта. Односторонний акт отказа не мог бы вызвать тех обязательств, которые закреплены в рассматриваемом в доктрине в качестве одностороннего акта⁷ Трехстороннем заявлении Президентов Украины, России, США (вопросы компенсации стоимости высокообогащенного урана в ядерных боезарядах, обязательства по технической и финансовой помощи в целях обеспечения надежного и безопасного демонтажа ядерного оружия, процедура осуществления его ликвидации (с выводом его на территорию России))⁸. Учитывая эти особенности, полагаем, обязательства по отказу Республики Беларусь, Украины, а также Казахстана от ядерного оружия и встречные обязательства США и России регулируются режимом, предусмотренным для международных договоров.

Примером актов, последствия которых обусловлены их принятием другими государствами, что не позволяет отнести их к односторонним актам государств в строгом смысле, считаем также акты объявления о постоянном нейтралитете. Ряд авторов (например, Р.А. Каламкарян, Э. Сой, В. Фриделер⁹) указывают, что постоянный нейтралитет может быть установлен посредством одностороннего акта государства. Однако, на наш взгляд, обязательства, возникающие для объявившего о своем

1 Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики. – С. 146; Chazournes L.B. de. Unilateralism and environmental protection: issues of perception and reality of issues // *European Journal of International Law*. – 2000. – Vol. 11. – № 2. – P. 317.

2 Мельник С.О. Односторонние акты держав у міжнародному праві: деякі аспекти практики України // *Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України*. За ред. В.Н. Денисова. – К., 2006. С. 66–71.

3 Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия : [заключено в г. Алма-Ате 21.12.1991 г.] // *Консультант Плюс* : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

4 Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений

от 23 мая 1992 года // *Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002* : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы. – С. 153–155.

5 Послание Президента Украины Л. Кравчука Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 7 мая 1992 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002*: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы. – С. 155; Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 19 мая 1992 г. // Там же. – С. 156.

6 Послание Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 20 мая 1992 г. // Там же. – С. 156–157.

7 Мельник С.О. Односторонние акты держав у міжнародному праві: деякі аспекти практики України. С. 71.

8 Трехстороннее заявление Президентов России, Соединенных Штатов Америки и Украины о сокращении ядерного оружия и гарантиях безопасности Украине и Приложение к нему от 14 января 1994 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002*. – С. 202.

9 Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. С. 71; Suy, E. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. – P. 133–135; Fiedler W. Unilateral acts of states in international law // *Encyclopedia of public international law* : in 12 vol. / Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law; under the direction of R. Bernhardt. – Amsterdam, 1984. – Vol. 7 : History of international law, foundations and principles of international law, sources of international law, law of treaties. – P. 518.

нейтралитете государства, до признания нейтралитета со стороны других государств не носят международно-правового характера. Сами по себе односторонние декларации о постоянном нейтралитете создают «конституционную обязанность для государственных органов поддерживать» нейтралитет¹, позволяя «в любое время, соблюдая... конституционную процедуру, изменить или отозвать» его² без каких-либо затруднений в международном плане, не нарушая при этом прав других государств³.

В качестве одного из основных требований для определения одностороннего обещания, способного повлечь международно-правовые последствия, является намерение государства-автора взять на себя юридические обязательства. Ключевую роль при определении такого намерения и юридической природы обязательств по постоянному нейтралитету играет телеологическое толкование соответствующих деклараций. Вряд ли следует делать вывод о том, что, объявляя о постоянном нейтралитете, государство ставит целью принятие обязательств по его соблюдению вне всякой связи с признанием этого нейтралитета третьими государствами. Полагаем, что целью подобного акта выступает именно последующее признание и уважение нейтралитета другими участниками международного общения, возникновение комплекса взаимных прав и обязательств в связи с постоянным нейтралитетом, которые бы способствовали обеспечению безопасности государства, заявляющего о своем нейтралитете. Например, в ст. 1 Конституции Туркменистана содержится прямое указание на то, что «признанный мировым сообществом постоянный нейтралитет Туркменистана является основой его внутренней и внешней политики»⁴. В связи с этим декларации об объявлении постоянного нейтралитета следует квалифицировать как предложения, которые приобретают юридическую силу лишь после их принятия и не являются односторонними актами государства в строгом смысле.

Некоторыми особенностями обладает правовая квалификация в качестве односторонних актов государств совместных заявлений государств. Следует отметить, что участие в совершении акта более чем одного субъекта международного права не означает того, что соответствующий акт не может быть квалифицирован в качестве одностороннего. В случаях, когда совместные заявления адресованы субъектам, не участвующим в их формулировании, и имеют целью создание обязательств со стороны авторов акта по отношению к таким третьим субъектам, соответствующее заявление следует квалифицировать в качестве коллективного одностороннего акта. Таким образом, при квалификации совместных заявлений в качестве коллективных односторонних актов особое внимание следует уделять направленности принимаемых обязательств на субъектов международного права, не участвующих в создании акта.

Подходящим примером коллективного одностороннего акта является совместная декларация Индии и Пакистана 1992 г., в которой они, подтвердив свои обязательства по односторонним декларациям, касающимся отказа от обладания химическим оружием, взяли на себя более широкие по сравнению с ними обязательства по запрету обладания,

распространения и использования химического оружия⁵. В 2005 г. главами государств – членов Организации договора о коллективной безопасности было принято совместное заявление, в котором эти государства объявили «не выводить в космос оружие любого вида» и выразили надежду, что и другие государства последуют этому примеру⁶. К правоотношениям между авторами соответствующих актов применим договорной режим. В то же время, будучи сделаны *erga omnes*, такие заявления закрепили соответствующие обязательства государств-авторов по отношению ко всему мировому сообществу и потому представляют собой коллективные односторонние акты государств.

Обобщив использованные нами для установления одностороннего характера отдельных актов критерии, можно предложить следующий алгоритм отграничения односторонних актов государств, налагающих обязательства на их авторов, от актов, регулируемых договорным правом. Акт обладает односторонним характером, если он отвечает каждому из следующих критериев:

- отсутствие обусловленности вступления в силу закрепляемых в акте обязательств их принятием иными субъектами международного права или, по крайней мере, нацеленность акта на возникновение каких-либо обязательств до момента такого принятия;
- отсутствие обусловленности обязательств по одностороннему акту договорными обязательствами государства-автора акта;
- предоставление актом прав для субъектов, не участвовавших в его создании;
- отсутствие в акте обязательств для субъектов, не участвовавших в его создании.

Применение указанных критериев для правовой квалификации позволит внести большую правовую определенность во внешние сношения государств, способствуя установлению подлежащего применению к отдельным актам правового режима (договорного или режима односторонних актов государств).

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.
2. Высторобец, Е.А. Идентификация источников международного экологического права – *Fontes jus naturae gentium* // Правоведение. – 2010. – № 5. – С. 186-208 // [Электронный ресурс] / Сайт «МИРМПЮС». – Режим доступа: <http://MIELD.narod2.ru/>
3. Выступление Фиделя Кастро Руца на акте, посвященном созданию Международного контингента врачей, специализирующихся на ситуациях бедствий и тяжелых эпидемий, имени Генри Рива и выпуску кубинских студентов-медиков 19 сентября 2005 г. // [Электронный ресурс] / Сайт Посольства Республики Кубы в Беларуси. – Режим доступа: http://cuba.newsite.by/info/view_info/37/?PHPSESSID=8d3298d71a1101a08cea3f7065d58a51
4. Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // [Электронный ресурс] / Сайт Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: www.dkb.gov.ru/start/index.htm
5. Каламкарян, Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств / Р.А. Каламкарян; Акад. наук

1 Coppini, P. La neutralité permanente de l'Autriche // *Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques*. – 1957. – № 1. – P. 20.

2 Kunz J.L. Austria's permanent neutrality // *American Journal of International Law*. – 1956. – Vol. 50. – № 2. – P. 419.

3 Graham M.W. Neutralization as a movement in international law // *American Journal of International Law*. – 1927. – Vol. 21. – № 1. – P. 88.

4 Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 года № 691: по состоянию на 26 сент. 2008 г. – Законодательство стран СНГ // [Электронный ресурс] / Сайт «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=2376&oidn=_0SPONUG3QN_0SPONUG3Q.

5 India – Pakistan Joint Declaration on the complete prohibition of chemical weapons, New Delhi, 19 August 1992. // [Электронный ресурс] / Сайт «Stimson». – Режим доступа: <http://www.stimson.org/research-pages/India-Pakistan-Joint-Declaration-on-the-Complete-Prohibition-of-Chemical-Weapons>.

6 Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // [Электронный ресурс] / Сайт Организации Договора о коллективной безопасности. – Режим доступа: www.dkb.gov.ru/start/index.htm.

СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. В.И. Менжинский. – М.: Наука, 1984.

6. Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 года № 691: по состоянию на 26 сент. 2008 г. – Законодательство стран СНГ // [Электронный ресурс] / Сайт ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?regnom=2376&oidn=_0SPONUG3QN_0SPONUG3Q.

7. Медведева, М.О. Односторонні акти держави в сфері охорони навколишнього середовища // Часопис Київського університету права. – 2009. – № 4. – С. 341-346. // [Электронный ресурс] / Сайт «МИРМПООС». – Режим доступа: http://MIELD.narod.ru/MedvedevaMA2_one_side.doc.

8. Мельник, С.О. Односторонні акти держав у міжнародному праві: деякі аспекти практики України // Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України. За ред. В.Н. Денисова. – К.: Юстініан, 2006.

9. Послание Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 20 мая 1992 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы.

10. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 19 мая 1992 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы.

11. Послание Президента Украины Л. Кравчука Президенту Соединенных Штатов Америки Дж. Бушу от 7 мая 1992 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы.

12. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 года // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002: хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед., ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы.

13. Седьмой доклад об односторонних актах государств: подгот. Спец. докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седенью, 2004 г., 56 сес. Комис. междунар. права, А/CN.4/542. – Женева: ООН, 2004.

14. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия: [заключено в г. Алма-Ате 21.12.1991 г.] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

15. Трехстороннее заявление Президентов России, Соединенных Штатов Америки и Украины о сокращении ядерного оружия и гарантиях безопасности Украине и Приложение к нему от 14 января 1994 г. // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Рос. ассоц. междунар. исслед.,

ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М., 2002. – Т. 4: Документы.

16. Agreement between (Depositor) and the Royal Norwegian Ministry of Agriculture and Food concerning the Deposit of Seeds in the Svalbard Global Seed Vault. // [Электронный ресурс] / Сайт «Svalbard Global Seed Vault». – Режим доступа: http://www.nordgen.org/sgsv/scope/sgsv/files/SGSV_Deposit_Agreement.pdf

17. Barroso Gonzalez, J., Garcia Broche R. Los actos unilaterales y su aplicacion en Cuba. – 2006. – Vol. 7, № 1. // [Электронный ресурс] / Сайт «Realidad Juridica». – Режим доступа: <http://realidadjuridica.uabc.mx/realidad/contenido-uniat.html>

18. Chazournes, L.B. de. Unilateralism and environmental protection: issues of perception and reality of issues // European Journal of International Law. – 2000. – Vol. 11. – № 2.

19. Coppini, P. La neutralité permanente de l'Autriche // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1957. – № 1.

20. Fiedler, W. Unilateral acts of states in international law // Encyclopedia of public international law : in 12 vol. / Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law ; under the direction of R. Bernhardt. – Amsterdam, 1984. – Vol. 7: History of international law, foundations and principles of international law, sources of international law, law of treaties.

21. Goodman C. Acta Sunt Servanda? A regime for the unilateral acts of states at international law : paper, presented at the 2005 ANZIL conf. // [Электронный ресурс] / Сайт «The Australian National University, College of Law». – Режим доступа: http://150.203.86.5/cipl/Conferences_SawerLecture/05-ANZSIL-Papers/Goodman.pdf.

22. Graham M.W. Neutralization as a movement in international law // American Journal of International Law. – 1927. – Vol. 21, № 1.

23. Hjørnegård S. Speech on the First Session of the Governing Body of the International Treaty on Plant Genetic Resources for Food and Agriculture, Madrid, 12–13.06.2006. // [Электронный ресурс] / Сайт «Regjeringen». – Режим доступа: <http://www.regjeringen.no/nb/dokumentarkiv/stoltenberg-ii/lmd/taler-og-artikler/2006/the-first-session-of-the-governing-body-.html?id=420755>.

24. India – Pakistan Joint Declaration on the complete prohibition of chemical weapons, New Delhi, 19 August 1992. // [Электронный ресурс] / Сайт «Stimson». – Режим доступа: <http://www.stimson.org/research-pages/India-Pakistan-Joint-Declaration-on-the-Complete-Prohibition-of-Chemical-Weapons>.

25. Kunz J.L. Austria's permanent neutrality // American Journal of International Law. – 1956. – Vol. 50. – № 2.

26. Pflueger Fr. Die einseitigen Rechtsgeschäfte im Völkerrecht. – Zürich: Schulthes, 1936.

27. Skubiszewski, K. Les actes unilatéraux des états // Droit international: bilan et perspectives : in 2 vol. / M. Bedjaoui. – Paris, 1991. – Vol. 1.

28. Suy E. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. – Paris: Libr. gén. de droit et de jurisprudence, 1962. – 290 p. – Bibliothèque de droit international; t. 23.

29. Svalbard Global Seed Vault: Arctic Seed Vault Opens Doors for 100 Million Seeds // [Электронный ресурс] / Сайт «Regjeringen». – Режим доступа: <http://www.regjeringen.no/en/archive/Stoltenbergs-2nd-Government/Ministry-of-Agriculture-and-Food/Nyheter-og-pressemeldinger/nyheter/2008/arctic-seed-vault-opens-doors-for-100-mi.html?id=501721>

Чимбеев А.Н.

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ФОРМАХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье автор исследует вопросы правового регулирования и государственной поддержки малых и средних промыслов в России в XV – XIX веках.

Ключевые слова: купец, кустарное производство, промысел.

Chimbeyev A.N.

GENESIS OF LEGAL REGULATION OF SMALL AND MEDIUM KINDS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

In the article the author researches the issues of legal regulation and state support of small and medium crafts in XV – XIX centuries Russia.

Key words: merchant, handicraft industry, craft.

Если обратиться к истокам возникновения малого предпринимательства, то можно констатировать, что история его развития началась задолго до возникновения крупных предприятий. Следует обратить внимание на то, что изначально в основе возникшей торговли, кустарного производства и ремесла не стояла цель систематического извлечения прибыли, что отличает это явление от сущности современных институтов. Мелкий промысел помогал людям прокормиться, выжить, а не аккумулировать капитал или развивать производство.

Наиболее быстрый рост и широкое распространение малое торговое, ремесленное производство получило в начале XV в. в городских слободах, которые принадлежали государству. Каких-либо требований к мелким торговцам и ремесленникам государство не предъявляло, а потому регистрировать свою деятельность, и тем более платить налоги было не обязательно. Немного сложнее заниматься своим промыслом было в сельской местности, где преобладал внутрисемейный оборот, то есть продукт производился и реализовывался внутри семьи. Помимо этого, в деревнях люди были намного беднее чем в городе, и если товар и реализовывался, то в основном посредством натурального обмена¹.

В это же время возникли крупные ремесленные структуры, в основном связанные с оружейным делом, способные обслуживать государственные заказы.

Изначально мелким промыслом занимались только те, кто был далек от знатных сословий, не имел чинов и дохода от государства. Но даже такое нищенское положение людей, которые «ремесленными... и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служат не служат» (Глава XIX «О посадских людях» Соборное уложение 1649 года (извлечение))² вызывало у власти раздражение, выливающееся в репрессии.

Представляется, что именно тогда было положено начало формированию класса (сословия) предпринимателей, способных не только выживать в тяжелых условиях, платить налоги, но и развиваться. При этом в России купечество как нормативно закреплённый сословный класс общества появилось только в эпоху Петра I, когда старообрядческий уклад жизни стал сменяться буржуазным и возникла объективная необходимость в консолидации торговых и иных, имеющих свой промысел, людей в одну социальную группу, занимающую определенное место среди населения России³.

Так, в вышедшем 16 января 1721 г. Регламенте Главного магистрата термин «купец» («купецкие люди», «купечество»)

стал определять именно субъектов, занимающихся коммерцией⁴ (то же можно сказать и о правовой природе предпринимательской деятельности). При всем этом следует учитывать, что Россию традиционно относят к странам, в которых предпринимательский дух, инвестиционная активность и склонность к накоплению капитала были минимальны. В большинстве своем доходы от коммерческой деятельности шли на приобретение предметов роскоши, престижного потребления⁵. Поэтому, несмотря на имперскую модель модернизации, осуществленную в России наиболее последовательно и радикально⁶, по сравнению со странами (Польша, Германия, страны Юго-Восточной Европы), в которых построение капиталистического общества шло медленными темпами, за формальным признанием сословия коммерсантов (купечества)⁷ какого-либо значительного (революционного) скачка в развитии капиталистических отношений не последовало.

Изначально российское право именовало купцом не только самого коммерсанта, но и его контрагента-покупателя. Во всяком случае, именно такой объем понятия содержался в судебных актах 1497 г., 1550 г., 1589 г. и в Соборном уложении 1649 г. Возможно, такой, с точки зрения современного правоведа, неправильный подход к торговым отношениям был вызван не плохим качеством законодательства, а тем, что до XVIII в. в лексике русского языка отсутствовало существительное «покупатель»⁸. Тем не менее нормы, регулировавшие только профессиональную деятельность торговцев, по своему содержанию вполне очевидно указывали на последних, были однозначны и понятны в применении (см., например, ст. «О займех» Судебника 1497 г.⁹).

В это же время, в отсутствие законодательного закрепления, формируется такая категория торговых людей, как гости (гостиная сотня, суконная сотня), входивших в привилегированные фракции (цехи) внутри торгового сообщества.

Формально разделение российского предпринимательского сообщества на мелкий, средний и крупный промысел произошло после издания екатерининского Манифеста «О высочайше дарованных разным сословиям милостям по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта

4 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 6. – № 3708.

5 См.: Орлов Д.И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX века. Дис. ... к.и.н. – М., 2001. – С. 4–5.

6 См.: Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998. – С. 13–24.

7 Наделенных, между тем, значительно меньшими привилегиями, чем, например, дворянство.

8 См.: Перхавко В.Б. История русского купечества. – М.: Вече. – 2008. – С. 111–120, 141–143.

9 История государства и права России: Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. – М.: Манускрипт. – 1995. – С. 27.

1 Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков (часть I). Предпринимательское право. – 2006. – № 2. – С. 31–36.

2 См.: История государства и права России: Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. – М.: Манускрипт. – 1995. – С. 119.

3 См.: Судовиков М.С. Понятие «купец» в российском законодательстве дореволюционной эпохи // История государства и права. – 2012. – № 10.

1775 г. и «Жалованной грамоты» городам 1785 г. Как ни странно, основной причиной издания указанного Манифеста было не стремление к экономическому развитию России, а желание отблагодарить те социальные слои и сословия россиян, которые оставались верными трону во время Пугачевского восстания, а также закрепить верноподданные чувства последних. В итоге к купеческому сословию стали относить только тех торговцев и промышленников, которые состояли в гильдиях и имели капитал не менее 500 рублей. Такие лица переставали облагаться подушным налогом, взамен которого платили сбор в один процент от капитала, что можно считать даже не льготным, а символическим налогом. Также они освобождались от телесных наказаний. Все остальные торговцы и ремесленники (мещане) не могли называться купцами¹. Помимо купечества, предпринимательской деятельностью стали активно заниматься и помещики – дворяне, строя полотняные, суконные и особенно винокуренные заводы.

Что касается мелких ремесленников и торговцев, как правило, крестьян, причем, как вольных, так и крепостных, которые не имели такой суммы и, соответственно, не попадали в указ (были «безуказными»), то с ними власть боролась различными методами: их штрафовали, у них конфисковывали товар, инструменты и тому подобное. Тем не менее в середине XVIII в. при поддержке дворянства крестьянам разрешили заниматься торговлей сельскохозяйственной продукцией повсеместно (в том числе беспощинно поставлять ее армии), а иным товаром только в селениях и на дорогах вдали от больших городов². И все-таки государство в этот период не оказывало содействия мелкокустарному производству и торговле. В то же время оно активно помогало в развитии производства владельцам крупных предприятий, участникам компаний, которые становились представителями зарождающейся российской буржуазии.

Перелом в отношении власти к мелкому и среднему предпринимательству произошел в результате реформ 60–80 гг. XIX в. Отмена крепостного права не сразу привела к существенному подъему экономики за счет возросшей предпринимательской активности. Реформа предусматривала двухгодичную процедуру получения имущественной независимости крестьян и дворовых людей от помещиков, как на земле, так и приписанных к заводам, фабрикам, соляным промыслам и иным предприятиям. Но наиболее важным для настоящего исследования является положение о возможности перехода крестьян в другие сословия (ч. 2 п. 13 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.³).

Также крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, единолично или группами (цельми обществами) обретали право заключать гражданско-правовые договоры как с частными лицами, так и с государством (казной). При этом они могли свободно торговать без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин, создавать фабрики и иные промышленные, торговые и ремесленные предприятия, вступать в гильдии и торговые разряды. Для своей гражданско-правовой защиты в суде крестьяне приобретали гражданскую и гражданско-процессуальную дееспособность⁴.

Однако юридическая свобода не предоставляла крестьянам имущественную независимость от помещиков, на чьих землях они имели оседлость. Последние предоставляли кре-

стьянам в постоянное пользование участки земли, но за это назначали повинность. Также землю можно было выкупить, но в большинстве своем крестьяне не имели на это средств⁵.

Это с одной стороны, с другой – с помещиков слагалась обязанность содержать крестьян (обязанность по продовольствию и призрению), а также они переставали платить за последних государственные подати и отправлять за них денежные и натуральные повинности. Формально приобретя юридическую свободу, крестьяне обзавелись обязательствами, исполнить которые многим было не по силам. Тем не менее заметно увеличилось количество малых предприятий, быстрыми темпами стало развиваться кустарное производство. В начале XX в. в России насчитывалось до 20 млн. кустарей-одиночек. Например, в Центральном регионе не менее четверти крестьянских дворов в течение года занимались неземледельческими промыслами. Правительство Царской России оказывало поддержку таким мелким хозяйствам посредством размещения среди них государственных заказов. Так, посредством кустарного промысла с 1888 г. по 1902 г. было выполнено различных государственных заказов для различных ведомств на сумму 1,2 млрд. рублей⁶.

В 1888 г. был принят Закон «О порядке заведования кустарными промыслами»⁷, направленный на поддержку мелкого кустарного промысла. Государство выделяло ежегодные субсидии. Был создан Кустарный комитет при Министерстве государственных имуществ и земледелия. Было дано поручение губерниям поддерживать кустарей на местах, для чего создавались сельскохозяйственные общества и кустарные комитеты.

Однако рассматривать крестьян-кустарей (или даже мещан) как субъектов предпринимательской деятельности, по-видимому, не следует, даже несмотря на то, что при поверхностном взгляде на данный вид деятельности можно было утверждать, что в большинстве своем они занимались хозяйственной деятельностью с целью получения прибыли в результате использования собственного (или заемного) капитала и наемного труда. Тем не менее, например, образованная в 1874 г. при Совете Торговли и Мануфактур Министерства финансов Особая Комиссия по исследованию кустарной промышленности дала следующее определение кустарной промышленности: «...это есть тот вид обрабатывающей промышленности, который является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит более или менее дополнительным при сельскохозяйственных занятиях»⁸.

Как можно видеть, в данной дефиниции нет никаких элементов, соответствующих сущности предпринимательства. Так что в период трансформации во многом феодального общества в индустриальное кустари в большей степени являлись представителями формирующегося среднего класса, а не класса предпринимателей⁹. Тем не менее, если говорить о государственной поддержке данного вида деятельности, то можно отметить, что на уровне земств проводимые последними мероприятия дали положительный результат, подтверждаемый

1 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 20. – № 14275; – Т. 22. – № 16188.

2 См.: Алешкин А.И. История развития малого предпринимательства в России // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 2.

3 Полное собрание законов Российской Империи. С 1649 года. Собрание второе. – Т. 36. – № 36657.

4 Глава I «О правах личных и по состоянию» Раздел I «О правах крестьян, вышедших из крепостной зависимости» Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г.

5 Ручкина Г.Ф., Матвеева Н.А. О некоторых проблемах правового регулирования в сельском хозяйстве (опыт сопредельных государств) // Международное публичное и частное право. – 2013. – № 5 (74) – С. 39.

6 См.: Колкотин А. Кустарный вопрос в России. – СПб, 1905. – С.76.

7 Полное собрание законов Российской империи. – Собрание III. – Т. 8. – № 5080.

8 Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. I. – СПб, 1879. – С. 10–11.

9 См.: Иванова Н. Л. Дискуссионные и малоизученные вопросы истории предпринимательства дореволюционной России // Индустриальное наследие: материалы II Международной научной конференции, г. Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г. / Науч. совет РАН по проблемам рос. и миров. экон. истории; МГУ им. Н. П. Огарева, ист.-соц. ин-т; [редкол.: В. А. Виноградов (отв. ред.) и др.]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. – С. 270.

заметным ростом численности кустарей и сохранением их экономической самостоятельности в тех регионах Российской империи, где такая помощь проводилась наиболее активно¹.

1917 г. изменил политическую и экономическую обстановку в России и до объявленной большевиками Новой экономической политики (НЭПа) ни малое, ни среднее, ни крупное предпринимательство не только не развивалось, а быстро уничтожалось новой властью как социально чуждое явление для страны рабочих и крестьян². Тем не менее механизм поддержки малого и среднего предпринимательства (льготное кредитование, размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ для государственных нужд, специальные налоговые режимы и т. д.), пусть с большими трудностями, но все-таки реализуемый в современной России, был разработан еще в XIX в. и давал положительные результаты.

Пристайный библиографический список

1. Алешкин А.И. История развития малого предпринимательства в России // Безопасность бизнеса. – 2010. – № 2.
2. Иванова Н. Л. Дискуссионные и малоизученные вопросы истории предпринимательства дореволюционной России // Индустриальное наследие: материалы II Международной научной конференции, г. Гусь-Хрустальный, 26-27 июня 2006 г. / Науч. совет РАН по проблемам рос. и миров. экон. истории; МГУ им. Н. П. Огарева, ист.-соц. ин-т; [редкол.: В. А. Виноградов (отв. ред.) и др.]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006.
3. История государства и права России: Источники права. Юридические памятники XI-XX вв. – М.: Манускрипт. – 1995.

- 1 См.: Карташова М.В. Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в.: на материалах Нижегородской губернии. Диссертация ... к.и.н. – Нижний Новгород, 2008. – С. 64.
- 2 Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков (часть II) // Предпринимательское право. – 2006. – № 3.

4. Карташова М.В. Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в.: на материалах Нижегородской губернии. Диссертация ... к.и.н. – Нижний Новгород, 2008.

5. Колкотин А. Кустарный вопрос в России. – СПб, 1905.

6. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.

7. Орлов Д.И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во второй половине XIX века. Дис. ... к.и.н. – М., 2001.

8. Перхавко В.Б. История русского купечества. – М.: Вече. – 2008.

9. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание III. – Т. 8. – № 5080.

10. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 6. – № 3708.

11. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 20. – № 14275;

12. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – № 16188.

13. Полное собрание законов Российской Империи. С 1649 года. Собрание второе. – Т. 36. – № 36657.

14. Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков (часть I) // Предпринимательское право. – 2006. – № 2.

15. Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков (часть II) // Предпринимательское право. – 2006. – № 3.

16. Ручкина Г.Ф., Матвеева Н.А. О некоторых проблемах правового регулирования в сельском хозяйстве (опыт сопредельных государств) // Международное публичное и частное право. – 2013. – № 5 (74).

17. Судовиков М.С. Понятие «купец» в российском законодательстве дореволюционной эпохи // История государства и права. – 2012. – № 10.

18. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Т. I. – СПб, 1879.

Поляков С.А.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Концепция международной безопасности российского государства как неотъемлемая часть ее внешней политики появилась, развивалась и укреплялась одновременно с возникновением и становлением русского государства. Примерно к первой половине IX в. в торгово-промышленном мире русских городов сложились внешние и внутренние отношения, которые обусловили защиту границ страны и внешней торговли. Затем разгром старых крупных городов, таких как Владимир, Суздаль, Ростов и, соответственно, изменения в экономических и торговых связях, привели к тому, что в XIII–XV вв. интенсивное развитие получают Тверь, Нижний Новгород, Москва, Коломна. Эти города становятся центрами не только внутренней, но и внешней торговли, основными направлениями деятельности которых становится сотрудничество как с западом (Литва, Польша), так и с востоком (Кавказ, Крым, Средняя Азия). Конец XVII – начало XX вв. обусловлен расширением границ России за счет прилегающих территорий, установлением отношений с ведущими европейскими государствами. При этом отношения России с ведущими странами Европы в данный период времени были продиктованы конкретными текущими геополитическими реалиями – заключением союзов и присоединением различных военных коалиций для ведения военных действий. Концепция международной безопасности русского государства сформировалась на основе исторических взглядов, убеждений, восприятий, предопределивших основы обеспечения безопасности.

Ключевые слова: безопасность, международные отношения, международные договоры, военные действия.

Поляков С.А.

Polyakov S.A.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF INTERNATIONAL SECURITY IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

The concept of international security of the Russian state as an integral part of its foreign policy appeared to develop and strengthen simultaneously with the emergence and formation of the Russian state. Roughly the first half of the IX century in world trade and industrial Russian cities have developed internal and external relationships that led to the protection of the country's borders and foreign trade. Then defeat of the old major cities such as Vladimir, Suzdal, Rostov and accordingly changes in economic and trade relations led to the fact that in XIII–XV centuries Tver, Nizhny Novgorod, Moscow, Kolomna received intensive development. These cities became centers of not only domestic but also foreign trade, the main activities of which it becomes both cooperation with the West (Lithuania, Poland) and with the East (the Caucasus, Crimea, Central Asia). End of XVII and beginning of XX centuries is determined by the expansion of Russia's borders at the expense of adjacent territories establishing relationships with leading European states. At the same time Russia's relations with the leading countries of Europe in this period were dictated by specific current geopolitical realities – forming of various coalitions and conclusion of alliances for military warfare. The concept of international security of the Russian state was formed on the basis of historical attitudes, beliefs, perceptions, predetermined framework for ensuring safety.

Key words: security, international relations, international treaties, acts of war.

Концепция международной безопасности российского государства как неотъемлемая часть ее внешней политики появилась, развивалась и укреплялась одновременно с возникновением и становлением русского государства. Она была подчинена главной цели – защите жизненно важных интересов государства и общества – и основана на понимании государственного управления, охватывая основные сферы общественной жизни.

По нашему мнению, возникновение и развитие российской концепции международной безопасности в дореволюционный период прошло несколько этапов.

I этап – связан с образованием Киевской Руси в IX в. и ее распадом в XII в.

Примерно к первой половине IX в. в торгово-промышленном мире русских городов сложились внешние и внутренние отношения, которые обусловили защиту границ страны и внешней торговли. Для реализации указанной цели на просторах Восточной Европы произошло объединение древнерусских государств с центром в городе Киев.

До XII в. границы Киевской Руси не были четко обозначены. И если с севера на юг границы определялись географическими границами Белого и Черного морей соответственно, то на западе и особенно на востоке они были весьма условными. При этом границы на западе считались более или менее определенными, так как они отделяли территорию Киевской Руси границами таких независимых государств, как Польша, Венгрия, Чехия. Оставшаяся территория Киевской Руси не была четко обозначена, и в этом не было необходимости, так как Русь окружали земли народов и племен, которые были на более низкой ступени развития, не имевшие собственной го-

сударственности, или знавшие только свою первоначальную форму развития¹.

По мнению историков (С.Ф. Платонова², И.Я. Фроянова³, В.О. Ключевского⁴ и др.) в партнерах во внешней политике у Киевской Руси было в общей сложности около четырех десятков различных государств, княжеств, союзов и племен, из которых около трети являлись западноевропейскими монархиями, почти полтора десятка составляли русские княжества, а остальную часть – малые народы и племена. Больше число соседних неславянских народов находилось в вассальной зависимости от Киевской Руси и платили ей дань. Вместе с тем необходимо отметить, что и сама Киевская Русь находилась в подчиненном положении перед варягами и уграми, платя им дань. Указанные обстоятельства и предопределили различные функции Киевского государства в международных отношениях – как в отношении соседних малых народов, которые не имели собственной государственности, так и по отношению к уже образованным государствам.

Стабильные международные отношения у Киевской Руси в этот период сложились с государствами Поволжья – Булгарией и Хазарией, на Кавказе – с Дагестаном; на севере – со скандинавскими странами – Данией и Швецией. Нередко эти отношения прерывались конфликтами, но тем не менее всегда неизменно возобновлялись и укреплялись с последующим ростом взаимной политической и коммерческой выгоды. Менее регулярные

1 Греков Б. Д. Киевская Русь//изд. 3 перераб. и доп. – М. Изд-во Академии наук СССР 1939. – С.75.

2 Платонов С.Ф. Курс лекций по русской истории. – М.,1990.

3 Фроянов И.Я. Древняя Русь. – СПб, 1995.

4 Ключевский В.О. Курс русской истории: часть I. – М.,1987.

и стабильные международные отношения были с дальними странами – Англией, Германией, Италией, Францией.

Вопросы государственного престижа Руси, расширения ее международных связей и обеспечения международной безопасности продолжали постоянно оставаться в центре внимания киевских правителей. Укрепление международной безопасности достигалось как за счет политических сделок, так и за счет военной силы. Иногда о предстоящей войне уведомляли противника, но часто к войне готовились тайно путем ведения военных переписок. Следует отметить, что дипломатия того времени была отнюдь не примитивна, она носила печать своего времени. По мере формирования государства применяемые в ней средства, методы и формы ее ведения постепенно улучшались¹.

Следует также сказать, что в сложной системе международной безопасности Киевской Руси важное место занимали браки. Так, Ярослав Мудрый (1019–1054) был женат на дочери шведского короля Олафа, Ингигерде, его старшая дочь Елизавета вышла замуж за норвежского короля Харальда, средняя – Анна – была замужем за французским королем Генрихом I, после смерти которого она стала регентшей Франции, младшая – Анастасия – за венгерским королем Андреем. В свою очередь, русские князья стремились к укреплению международной безопасности России с зарубежными странами, часто беря в жены девушек из королевских и царских семей.

Таким образом, хочется отметить, что уже на этапе возникновения и становления древнерусского государства князья всячески стремились к расширению границ своего государства, к укреплению политических и экономических связей, и главное – к обеспечению международной безопасности российского государства не только путем ведения военных действий, но и заключения брачных союзов.

II этап – характеризует внешняя политика Московского государства в XIII–XVII вв.

После распада Киевского государства к середине XIII в. центр русской политической жизни переместился на северо-восток (Владими́ро-Суздальскую) и северо-запад (Новгородскую) Руси. На этой территории была сформирована народность Великорусского государства. Разгром старых крупных городов, таких как Владимир, Суздаль, Ростов и, соответственно, изменения в экономических и торговых связях привели к тому, что в XIII–XV вв. интенсивное развитие получают Тверь, Нижний Новгород, Москва, Коломна. Эти города становятся центрами не только внутренней, но и внешней торговли, основными направлениями деятельности которых становится сотрудничество как с западом (Литва, Польша), так и с востоком (Кавказ, Крым, Средняя Азия).

Борьба за освобождение от золотоордынского ига в XIII–XV вв. становится приоритетной внутренней задачей русского государства. Восстановление экономики страны и ее дальнейшее развитие создают все необходимые условия для объединения русских земель. В конце XIII в. – начале XIV в. быстро начинает возвышаться Московское княжество.

Международная история рассматриваемого времени предельно насыщена военными столкновениями, войнами. Степень открытости и незащищенности границ России, уязвимость к вторжению и к угрозам войны предопределяют необходимость дальнейшего наращивания военной мощи Московского государства, использования военных средств для решения внешнеполитических проблем, связанных с укреплением ее международной безопасности.

На наш взгляд, одним из удачных способов укрепления международной безопасности Московского государства в данный период явилось дальнейшее расширение международных связей путем поддержания постоянных дипломатических и торговых отношений с различными странами. Присоединение Казани (1552 г.) и Астраханского ханства (1554–1556 гг.) открыли широкие возможности для установления контактов со странами Центральной Азии, Кавказа, Ирана, что способствовало укреплению позиций на международной арене. Большая роль

в этом процессе принадлежала дипломатическим и торговым отношениям с Германской империей, Англией, итальянскими государствами. В 80–90-х гг. XVI в. происходило дальнейшее сближение с Кавказом, присоединение Украины к России².

Наиболее важным направлением укрепления международной безопасности России на рубеже XVII и XVIII веков было южное – борьба с Турцией. Россия по-прежнему, как и в период царствования Федора Алексеевича (1676–1682 гг.), продолжала укреплять свои международные позиции – успешное участие в «Чигиринской кампании» против турок ознаменовалось подписанием в 1681 г. Бахчисарайского мира с Турцией. Во время правления Софьи в 1686 г. с Польшей был подписан вечный мир, закрепивший протекторат над Киевом и повлекший объединение российского государства с Венецией, Польшей, Габсбургской империей в широкую антитурецкую коалицию, именуемой Священной лигой.

В рассматриваемый период правовым обеспечением международной безопасности следует считать все формы решений, принимавшихся монархами, в том числе решения Земских соборов, в деле создания сил и средств, которые подавляли и уничтожали противника, а также заключенные договоры и соглашения с монархами других стран. Важнейшим правовым документом, положившим начало становлению международной безопасности в стране, следует считать также и Соборное уложение 1649 г.³

III этап – включает период существования Российской империи (конец XVII – начало XX вв.)

В глобальном контексте можно сказать, что в этот период доминирующим курсом внешней политики России становится дальнейшее укрепление ее международной безопасности, превращение России в мировую державу путем использования следующих направлений. Во-первых, расширение границ России за счет прилегающих территорий; во-вторых, установление отношений с ведущими европейскими государствами. При этом отношения России с ведущими странами Европы в данный период времени были продиктованы конкретными текущими геополитическими реалиями – заключением союзов и присоединением различных военных коалиций для ведения военных действий.

Во времена правления Петра I тенденция к укреплению международной безопасности Русского государства продолжается. Так, во время Великого посольства Петра I в 1697–1698 гг. произошло расширение антитурецкого союза, созданного в январе 1797 г. между Россией, Венецией и австрийским Габсбургам.

Другим не менее важным направлением укрепления международной безопасности в годы правления Петра I становится борьба за выход России к Балтийскому морю, возвращение земель, потерянных Россией в период Смутного времени начала XVII в. В результате участия России в Северной войне (1700–1721 гг.) происходит образование русской империи, просуществовавшей до революционных событий 1917 г.

В рассматриваемый период правовое обеспечение концепции международной безопасности России нашло закрепление в Артикуле воинском 1715 г.; Воинском Уставе 1716 г.⁴

В «эпоху дворцовых переворотов» (1725–1762 гг.) международная политика русской империи была не менее эффективной.

В целом внешняя политика этого периода продолжила тенденции петровской эпохи. С начала XVIII в. перед российским государством стояли четыре основных направления внешней политики, которые бы укрепили ее международную безопасность – «балтийское», «польское», «черноморское» и «германское» или «центральноевропейское». Оказавшись в менее благоприятной международной обстановке после во-

1 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – С.75.

2 Цыганков П.А. Международные отношения: Учебное пособие. – М.: Новая школа, 2006. – С.55.

3 Абрамович Г.В., Ивина Л.И. и др. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. – Ленинград, 1987. – С.35.

4 Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 2012. – С.169.

ины за испанское наследство (1701–1714 гг.), Россия отстояла свою позицию в Балтийском море и в Польше. В войне со Швецией (1741–1743 гг.) Россия подтвердила условия Ништадтского мира. В результате русско-турецкой войны (1735–1739 гг.) Россия вернула Азов, потерянный во время Прутского похода Петра I.

Анализируя период царствования Екатерины II, необходимо отметить, что международная политика России в эпоху ее правления была также достаточно успешной. России удалось еще более укрепить свои международные позиции на Балтике и в Польше, присоединить Северное Причерноморье и укрепить свои позиции в Германии (после конгресса Тешен в 1779 г.).

Как представляется, успехи в укреплении мировых позиций России на данном этапе ее развития можно объяснить многими причинами. Во-первых, в конце XVIII в. Россия в полной мере извлекла пользу от успешных результатов петровских реформ, в том числе системы управления и экономики. Во-вторых, Россия успешно использовала конфликт между Австрией и Пруссией, Англией и Францией. Так, в войне за независимость североамериканских колоний Франция была вынуждена искать новых партнеров и тем самым начала сближение с Россией.

В начале XIX в. Россия выходит на третье место в Европе по военно-политическим возможностям, но в то же время по-прежнему значительно отстает от Англии и Франции. Последние, несмотря на заинтересованность в союзе с Россией, все же располагают возможностью влиять на ее международное положение и политическую ситуацию. Важную роль данный внешний фактор сыграет в последнем дворцовом перевороте против Павла I.

Рассматривая вопросы укрепления российской международной безопасности в первой половине XIX в., можно выделить несколько основных направлений:

- во-первых, продолжение международной политики, связанной с расширением территории России, путем укрепления позиций России на Балканах, Кавказе и Черном море;
- во-вторых, участие в военных коалициях против наполеоновской Франции. В целом, эти войны были успешными для России.

Не менее важным явилось и то обстоятельство, что в начале XIX в. в международных отношениях России появляется принципиально новый фактор – формируется так называемая Венская система международных отношений, сформированная по окончании наполеоновских войн на Венском конгрессе (1814–1815 гг.), доминирующими государствами на котором становятся Россия, Англия и Австрия².

В 1815 г. по инициативе Александра I на Венском конгрессе создается Священный Союз, в который помимо России, вошла Австрия и Пруссия, а позднее (1818 г.) – Франция. В результате пять государств Союза решали судьбу Европы в начале XIX в.

В 1830–1840 гг., во второй четверти XIX в. роль России в борьбе с любыми проявлениями «перемен» в международной жизни возросла. Тем не менее важную роль в укреплении международной безопасности России по-прежнему играет восточный вопрос – борьба с Османской империей. Россия стремилась обеспечить безопасность своих южных границ и установить контроль над черноморскими проливами – Босфор и Дарданеллы, которые имели большое экономическое и военно-стратегическое значение. В результате двух успешных Русско-турецких войн 1828–1829 гг. и 1806–1812 гг. произошло освобождение славянских народов от гнета Османской империи – России удалось значительно ослабить своего противника. Вместе с тем успехи России вызвали негативную реакцию со стороны стран Западной Европы, в первую очередь – союзников России по Венскому конгрессу – Англии и Франции.

Русская дипломатия не смогла своевременно правильно оценить ситуацию. В итоге – в 1853 г. начинается новая война с Турцией (Крымская война). В 1854 г., подписав военный договор с Османской империей, Великобритания и Франция выступают против России.

Царским правительством Крымская война была проиграна. В начале 1856 г. в Париже переговоры между Россией и ее противниками привели к подписанию мирного договора. Наиболее тяжелые условия для России выразились в нейтрализации Черного моря как «ресурса», путем установления запрета иметь на черноморском побережье военно-морские силы, арсеналы и крепости. Россия, по сути, была лишена возможности вести активную внешнюю политику в регионе. Поражение в Крымской войне означало развал Венской системы, ослабление позиций на международной арене. В результате сформированной так называемой Крымской системы международных отношений доминирующее положение в определении европейской политики было отведено Англии и Франции – победителям в Крымской войне, а Россия фактически потеряла свой статус ведущей европейской державы.

Во второй половине XIX – начале XX вв. обеспечение международной безопасности России предопределяет выбор стратегического союзника между тремя лидирующими государствами Европы – Англией, Германией и Францией.

Одним из важнейших шагов в восстановлении международного положения России становится Русско-турецкая война 1877–1878 гг., триумфально завершившаяся победой русского народа. 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано (близ Стамбула) было подписано предварительное мирное соглашение, при котором Сербия, Черногория, Румыния получили полную независимость, а Болгария стала автономным княжеством.

Вновь укрепившиеся позиции России на Балканах не устраивают страны Западной Европы. Летом 1878 г., в основном усилиями британской дипломатии, на Берлинском конгрессе условия мира не пересматриваются в пользу России. Тем не менее победа в войне способствует укреплению положения России на Балканах и на международной арене в целом.

В конце XIX в. сбалансированность сил в мире приводит к тому, что Россия переориентируется на Францию и Англию. В 1892 г. Россия и Франция подписывают военную конвенцию, направленную против Германии. Впоследствии на основании указанной Конвенции формируется франко-русский союз, к которому в 1907 г. присоединяется Англия. В последующем против Германии формируется союз России, Великобритании и Франции, именуемый «Антантой», способствующий укреплению позиций России на международном поприще.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу, что концепция международной безопасности русского государства сформировалась на основе исторических взглядов, убеждений, восприятий, предопределивших основы обеспечения безопасности, необходимых для охраны общественного порядка и общественной безопасности, национальных интересов страны, сводимых к исключению насилия в результате участия в военных действиях. На различных этапах развития российского государства наблюдается как рост, так и спад ее международного влияния.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамович Г.В., Ивина Л.И. и др. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. – Ленинград, 1987.
2. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. – Л.: 1986.
3. Греков Б. Д. Киевская Русь//изд. 3 перераб. и доп. – М. Изд-во Академии наук СССР 1939. – С.75.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории: часть I. – М., 1987.
5. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968.
6. Платонов С.Ф. Курс лекций по русской истории. – М., 1990.
7. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 2012.
8. Тюкавкин, Г.В. Аксенова История России. XIX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – Ч. 1. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2013.
9. Фроянов И.Я. Древняя Русь. – СПб, 1995.
10. Цыганков П.А. Международные отношения: Учебное пособие. – М.: Новая школа, 2006.

1 Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. – Л.: 1986. – С. 70.
2 Тюкавкин, Г.В. Аксенова История России. XIX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – Ч. 1. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2013. – С.110.

Рустамов А.А.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Статья содержит небольшое исследование по вопросу универсальности прав человека в международном праве. Необходимость исследования этого вопроса связана с растущим интересом к правам человека во всем мире. Сегодня ни одно государство не может обходить этот вопрос стороной, так как репутация страны во многом зависит от положения соблюдения прав человека. Автор подчеркивает важность и необходимость претворения в жизнь прав человека независимо от страны и общества, а также предлагает свои выводы.

Ключевые слова: универсальность, права человека, естественное право, международное право.

Rustamov A.A.

THE UNIVERSALITY OF HUMAN RIGHTS AS THE IMPORTANT FACTOR OF THE DEVELOPMENT

The article contains a small study of the issue of universality of human rights in international law. Need for researching this issue is connected with growing interest to human rights around the world. Today any state can't avoid this issue as the reputation of the country in many respects depends on the provision of observance of human rights. The author emphasizes importance and need of implementation of human rights irrespective of the country and society as well as offers the conclusions.

Key words: universality, human rights, natural law, international law.

Право – это все то, что истинно и справедливо.

Виктор Гюго

1. Введение

В наше время права человека носят универсальный характер. История развития человеческих отношений, обществ и государств как раз свидетельствует об универсальности этих прав. Конечно, в силу особенностей каждой страны, пришлось пройти долгий путь к признанию прав человека универсальными. Где-то к этому пришли быстро, где-то еще сегодня этого нужно стараться достичь.

Права человека во всем мире сближают страны и народы, которые хотят жить в гармонии и согласии, независимо от пола, языка, расы, религии и других различий. В том и есть большой плюс прав человека, что они универсальны для всех людей, которые избрали демократический путь развития, где больше всего эти права защищаются и совершенствуются. Права человека универсальны, ибо если бы было наоборот, то тогда отпала бы необходимость их международно-правовой защиты, как на национальном, так и на международном уровне.

Специалист А. Юров замечает, что существует два подхода к правам человека. Права человека – это: 1) убеждения, система ценностей, философская концепция (т. е. защита справедливости и человеческого достоинства); 2) четкие правовые нормы и эффективно работающие механизмы: то, что в международной терминологии часто называют «международное право прав человека» («International Human Rights Law»)¹.

2. Права человека и естественное право

В настоящее время демократический уровень и опыт, прежде всего, западных государств – яркое подтверждение тому, что без полноценной защиты прав человека невозможно развитие страны и общества в целом. «Нельзя представить современную жизнь без прав человека, потому что эти права, опираясь на принципы свободы, равноправия, справедливости, носят универсальный характер»².

Права человека, являясь частью мировой истории и культуры, дали мощный импульс для формирования многообразных человеческих взглядов и мировоззрений. Моральная, социальная, историческая, философская и, наконец, политическая ценность прав человека выступают как плацдарм для дальнейшего развития стран в XXI веке. Человек (личность), общество, государство, – вот три кита, на которых сегодня держатся и развиваются права человека.

Рустамов А.А.

Фархад Мехтиев убежден в том, что главный источник прав человека и есть сам человек³. Можно добавить, что человек на протяжении всей истории своими мыслями, убеждениями, действиями сделал себя объектом внимания и уважения со стороны других людей, общества и государства. А в XXI в. он окончательно стал главным актором на поле правовых отношений как внутри, так и вне границ одного государства.

Права человека связаны со статусом человека в обществе. Поэтому с древних времен человек стремился быть свободным и иметь кров над головой, чтобы во всем было равноправие и справедливость и т. д. В этом отношении естественное право выступало как маяк среди мрака. Естественное право – это, в сущности, естественные, а потом уже правовые и политические идеи человечества.

Как известно, Древняя Греция и Древний Рим стали родиной идеи естественного права. Рабовладельческое общество только признавало «сильных», состояло из каст, другие страны и народы считались «слабыми и нецивилизованными», с помощью силы можно было управлять всем. Хотя это качество было и в азиатских странах, например, в Индии и Персии.

Со временем отношения в обществе, статус человека (гражданина и негражданина) стали меняться. Солон, Гесиод, Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон, Протагор, Зенон, Антифон, Алкидам, Аристотель и другие стали родоначальниками перемен в умах и сердцах. Идеи древнегреческих философов были с большим воодушевлением восприняты в Риме. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий, Цицерон и другие развивали идею естественного права.

Идеи естественного права и прав человека еще больше стали развиваться в Средние века, а потом и в XVIII–XIX вв. Ренессанс и эпоха Просвещения дали «второе дыхание» этим идеям. Учение о природе, божественное представление о мире стали меняться и развиваться. Вольтер, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Аквинский, Г. Гроций, Д. Локк, Т. Пейн, И. Кант, Гегель, И. Бентам, Д.С. Милль и многие другие сотворили чудо, если можно так выразиться, для реформирования отношений человека с государством, в целом системы права и правовых отношений в обществе. Конечно, нельзя забывать о том, что революции и события, особенно во Франции и США, дали прогрессивным силам во всем мире возможность утверждать, что человек (личность) – прежде всего, и права человека – это важная область человеческой деятельности.

3. Идея стала явью или универсальность – неотъемлемое свойство прав человека

Естественное право, как общие представления о законах природы, справедливости, совести, порядке, стало людям казать-

1 Курс «Права человека» / Сост. В. Карастелев: Учеб. пособие. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. – С. 9–10.

2 Алиев Амир Ибрагим оглы. Международно-правовая защита прав человека (на азербайджанском языке): Учебник. – Баку: NATCO MMC, 2009. – С. 41.

3 Мехтиев Фархад Совет оглы. Права человека в теории и практике (на азербайджанском языке). – Баку: Адильоглы, 2009. – С. 7.

ся уже недостаточным. После многолетних войн, особенно после Первой и Второй мировых войн, многие государства поняли и приняли главную истину мировой истории – для того чтобы развиваться, нужен мир между государствами и народами.

Принципы и нормы международного права стали главной основой этих взаимоотношений. Как важная область международного права, права человека в XX в. стали притягивать всех: и философов, и политиков, и обычных граждан. Человечество наконец-то осознало, что без уважения и защиты прав человека нет будущего нашей планеты.

Устав ООН от 1945 г. впервые заложил основу защиты прав человека на универсальном уровне: «С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует: а. Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития; б. Разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования; с. Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 55 Устава ООН)¹.

А Всеобщая декларация прав человека, принятая Организацией Объединенных Наций в 1948 г., положила начало всемирной защите прав человека не только на международной арене, но и, что очень важно, на национальном уровне. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека)².

Те страны, которые по разным причинам не хотели бы, чтобы другие государства вмешивались в их внутренние дела, не могли отказаться от идеи защиты прав человека как общей ценности человечества. После этого процесс приобрел необратимый характер, были приняты другие важные документы в области прав человека, например: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и т. д.

Принцип универсальности прав человека означает, в том числе, что каждое государство должно соблюдать определенные общепризнанные международно-правовые нормы в области прав человека не только в отношении собственных граждан, но и в отношении иностранных граждан, а также лиц без гражданства³. Созвучна с этой мыслью Конституция Азербайджанской Республики: «Каждый с момента рождения обладает неприкосновенными, незыблемыми и неотъемлемыми правами и свободами» (ст. 24 Конституции Азербайджанской Республики)⁴.

Права человека – всеобщая ценность, т. е. ценность, которую люди заслужили сами своей борьбой против тирании, тоталитаризма и других проявлений подавления человека (личности). Поэтому эта ценность не может существовать только для одной страны и народа. В основе прав человека лежит, как нам кажется, главное качество этого «чудо-явления» человечества – одинаковое отношение к потребностям человека (личности), независимо от того, где он родился и живет. Вот почему права человека универсальны. Именно это свойство позволяет правам человека стоять выше всего остального.

По мнению профессора Л. Гусейнова, права человека носят естественный и универсальный характер, поэтому их защита не

является сугубо внутрисоциальным делом⁵. И не случайно, как правильно пишет Л. Уляшина, универсальность является одной из черт, относящихся к понятийно-образующим признакам МСПЧ (международных стандартов прав человека)⁶.

Универсальность прав человека позволяет защитить и ставить интересы человека (личности) выше, чем какие бы то ни было другие ценности. Универсальность выступает как гарант того, что права человека – это своего рода неписаная конституция человечества в XXI веке. Не может быть прав человека только для определенного государства. Это равносильно тому, чтоб сказать, что демократия имеет национальные очертания. Универсальность прав человека, наверное, главное достижение человека для человека, личности для личности.

4. Выводы

В XXI в. права человека стали особой областью права, и не только международного. Права человека потому и универсальны, что охватывают и внутреннюю, и внешнюю политику государств. Сегодня мнение о стране складывается, прежде всего, по тому критерию, как и насколько в этой стране соблюдаются права человека.

Универсальность прав человека имеет особенности и выражается в следующем:

- права человека являются объектом внимания мировой общественности, международных организаций и стран в целом;
- демократический строй является важной гарантией полной защиты прав человека;
- в области прав человека действует три уровня механизмов защиты: национальные, европейские (региональные) и международные;
- универсальность, как неотъемлемое качество прав человека, дает возможность людям во всем мире чувствовать себя в некоторой степени защищенными, по крайней мере, с помощью действующих механизмов права человека лучше претворяются в жизнь;
- в области прав человека еще многое надо сделать, но многие государства (правительства) понимают, что защита прав человека – это уже необратимый процесс;
- как принцип, универсальность является движущей силой развития прав человека в современном мире.

Сегодня Комитет ООН по правам человека, Европейский суд по правам человека, неправительственные организации, правозащитники, международные и европейские организации – одним словом, все работают ради одной цели: чтобы права человека навсегда стали всеобщим достоянием человечества.

Пристайный библиографический список

1. Алиев Амир Ибрагим оглы. Международно-правовая защита прав человека (на азербайджанском языке): Учебник. – Баку: NATCO MMC, 2009..
2. Гусейнов Латиф Гусейн оглы. Международное право (на азербайджанском языке): Учебник. – Баку: Ганун, 2012.
3. Конституция Азербайджанской Республики (на азербайджанском языке) – Баку: Ганун, 2009.
4. Курс «Права человека» / Сост. В. Карастелев: Учеб. пособие. – М.: Московская Хельсинкская Группа, 2012.
5. Международное право / Под ред. проф. А.Н. Вылегжанина: Учебник. – М.: Юрайт, 2012.
6. Мехтиев Фархад Совет оглы. Права человека в теории и практике (на азербайджанском языке). – Баку: Адильоглы, 2009.
7. Уляшина Л.В. Международные стандарты в области прав человека: проблемы правовой дефиниции // Московский журнал международного права. – 2009. – № 4.

1 Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter9.shtml>

2 Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/udhr/>

3 Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина: Учебник. – Москва: Юрайт, 2012. – С. 272.

4 Конституция Азербайджанской Республики (на азербайджанском языке) – Баку: Ганун, 2009. – С. 9.

5 Гусейнов Латиф Гусейн оглы. Международное право (на азербайджанском языке): Учебник. – Баку: Ганун, 2012. – С. 156-160.

6 Уляшина Л.В. Международные стандарты в области прав человека: проблемы правовой дефиниции // Московский журнал международного права. – 2009. – С. 62.

Михеев Д.С. РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Система общих принципов организации местного самоуправления в настоящее время нуждается в упорядочении, поскольку от нее во многом зависят направления дальнейшего развития местного самоуправления. В статье анализируются нормы федерального законодательства с позиций закрепления в них принципов местного самоуправления, а также регулирования ведущего принципа – гласности.

Ключевые слова: местное самоуправление, принцип гласности, федеральный закон, население, органы местного самоуправления.

Mikheev D.S. REGULATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF LOCAL GOVERNMENT IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The system of the general principles of the organization of local government needs now streamlining as the directions of further development of local government in many respects depend on it. In article standards of the federal legislation from positions of fixing of the principles of local government in them, and also regulation of the leading principle – publicity are analyzed.

Key words: local government, principle of publicity, federal law, population, local governments.

В последнее время одной из проблем местного самоуправления называется отсутствие четко сформулированных и обоснованных общих принципов его организации¹. Такие высказывания небезосновательны, поскольку в муниципально-правовой науке вопросы принципов рассматриваются фрагментарно, также отсутствует четкость в их регулировании федеральным законодательством.

На сегодня в системе принципов нет однородности, в ней, хотя и уверенно доминирует принцип гласности местного самоуправления, но остается правовая неурегулированность в федеральном законодательстве.

В этой части следует напомнить, что базовый правовой акт о местном самоуправлении – Федеральный закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², внес прогрессивные начала в правовую регламентацию местного самоуправления в целом, однако при всей очевидной новизне этот закон не содержал единого перечня принципов местного самоуправления. Справедливо замечает И.И. Овчинников, что только путем анализа содержания статей закона можно было выявить принципы территориальной организации местного самоуправления, построения системы органов, формирования финансово-экономической основы, участия населения в осуществлении местного самоуправления, ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления³.

В правовой регламентации принципа гласности также Федеральный закон от 28 августа 1995 г. оказался далеко позади от предшествующего ему Закона СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», ст. 4 которого устанавливала, что местное самоуправление осуществляется на принципах:

– волеизъявления народа через Советы народных депутатов, референдумы и иные формы непосредственной демократии;

– законности;

– самостоятельности и независимости Советов народных депутатов, их ответственности за решение вопросов местного значения;

– защиты прав и законных интересов граждан;

– выборности Советов народных депутатов, органов территориального общественного самоуправления, их подконтрольности населению;

– гласности и учета общественного мнения;

1 Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 года // Российская газета. – 2013 – 13 декабря.

2 СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.

3 Овчинников И.И. Муниципальное право Российской Федерации. – М.: РАГС, 2010. – С. 97.

Михеев Д.С.

– сочетания местных и государственных интересов⁴.

Включение принципа гласности и учета общественного мнения в Закон от 9 апреля 1990 г. было закономерным продолжением положений Конституции СССР 1977 г., которая в ряде своих статей устанавливала гласность в деятельности Советов народных депутатов и их органов. Отсутствие столь важного принципа организации местного самоуправления в Конституции Российской Федерации 1993 г. не лучшим образом сказалось на его последующем правовом регулировании в федеральном законодательстве. Красноречивым примером тому служит первый постсоветский закон о местном самоуправлении. В целом жизнь его оказалась недолговечной, так как он страдал известными недостатками, одним из которых является и отсутствие положений, создающих правовые основания для взаимодействия граждан с органами местного самоуправления – открытости деятельности местных органов, доступности информации об их работе, т. е. тех основных элементов, которыми характеризуется принцип гласности местного самоуправления. В связи с чем логичным стало принятие нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.⁵

Вместе с тем правовой пробел в регулировании принципов местного самоуправления, отмечавшийся в предыдущем законодательном акте, так и не был ликвидирован. В нем, как и прежде не содержится единого перечня принципов, хотя в названиях и тексте некоторых глав и статей принцип гласности используется. Так, п. 2 ст. 33 закрепляет, что непосредственное осуществление населением местного самоуправления и участие населения в местном самоуправлении основываются на принципах законности, добровольности⁶. В названии главы «Принципы территориальной организации местного самоуправления» и ст. 18 «Принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления» при наличии термина «принципы» они как таковые далее не раскрываются.

Принцип гласности местного самоуправления также не нашел прямого закрепления в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. Вместе с тем его элементы присутствуют в отдельных статьях и дают основания полагать, что принцип гласности в качестве основополагающего начала задает параметры открытости деятельности органов местной власти, доступности для населения информации об этой деятельности, отчетности органов муниципальной власти, общественного контроля со стороны населения, выявления и учета мнения населения при принятии решений по вопросам местного значения.

4 Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 267.

5 СЗ РФ. – 2003. – №40. – Ст. 3822.

6 СЗ РФ. – 2003. – №40. – Ст. 3822.

В этом смысле прогрессивной следует считать главу 2 «Принципы территориальной организации местного самоуправления», которая регулирует вопросы изменения границ, преобразования муниципальных образований, упразднения и создания поселений. Обязательным при этом является:

- согласие населения, выраженное путем голосования, предусмотренного ч. 3 ст. 24 закона, либо на сходе граждан;
- согласие населения, выраженное представительными органами соответствующих муниципальных образований;
- учет мнения населения муниципального образования, выраженного представительным органом муниципального образования.

Независимо от способа выявления мнения населения (непосредственно или через представительный орган) это важное условие выступает элементом принципа гласности, не позволяющим осуществлять территориальные преобразования без участия жителей, интересы которых затрагиваются. Помимо возможности граждан влиять на принятие решений, связанных с вопросами местного значения, статья содержит и другие элементы принципа гласности – открытость процедуры изменения границ, информирование населения о предстоящих преобразованиях, консультации с населением муниципального образования депутатов представительного органа, в случаях если он выражает мнение населения; непосредственное голосование граждан по изменению границ.

Следует подчеркнуть, что глава 2 в смысле закрепления принципа гласности местного самоуправления выступает в законе одним из немногих положительных примеров. Вместе с тем в силу особой значимости территориальной основы местного самоуправления полагаем необходимым усилить данную главу и прямым упоминанием о принципе гласности, изложив ч. 2 ст. 10 в следующей редакции:

«Установление и изменение границ территорий муниципальных образований осуществляется законом субъекта Российской Федерации на основе принципа гласности и учета мнения населения муниципальных образований в соответствии с требованиями статей 11–13 настоящего Федерального закона».

Одним из приближенных к принципу гласности местного самоуправления в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. выступает институт непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления. По мнению И.И. Овчинникова, формы прямого народовластия способствуют выработке решений, имеющих большое общественное значение. Непосредственная демократия является связующим звеном между населением и выборными органами, эффективным способом оценки их деятельности. По мере развития демократических процессов в нашей стране все в большей степени будет возрастать необходимость в прямом диалоге населения и органов муниципальных образований, так как эффективное осуществление местного самоуправления возможно только при инициативном и активном участии населения в решении вопросов местного значения¹.

Федеральный закон закрепил в статьях 22–32 следующие формы непосредственной демократии в местном самоуправлении: местный референдум; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; собрания граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращение граждан в органы местного самоуправления. Следует признать справедливым суждение И.И. Овчинникова, что эти формы позволяют населению осуществлять прямые контакты с органами местного самоуправления. В них отчетливо проявляются все элементы исследуемого принципа гласности.

Одной из таких форм является местный референдум, в котором с первой стадии – инициативы о его проведении, обозначены открытость и публичность, а субъектами инициативы

его проведения называются граждане, общественные объединения, избирательные объединения.

Все этапы проведения местного референдума ориентированы на гласность: агитация по вопросам референдума, голосование, подсчет голосов и установление результатов референдума, опубликование его итогов. Как население, так и избирательные, общественные объединения вправе осуществлять агитацию, формируя у избирателей мнение по вопросам референдума, делегировать своих наблюдателей на участки проведения референдума, которые осуществляют общественный контроль за его ходом. Решение, принятое на местном референдуме, обязательно в соответствии с ч. 7 ст. 25 к исполнению на территории муниципального образования, а органы местного самоуправления обязаны обеспечить его исполнение (ч. 8 ст. 25), в чем явно проявляется такой элемент принципа гласности, как влияние населения на выработку решений органов местного самоуправления.

Муниципальные выборы, посредством которых формируются выборные органы и избираются должностные лица местного самоуправления, также имеют сходство с местным референдумом. Основным принципом проведения муниципальных выборов выступают также их открытость и гласность. Элементы принципа гласности в этапах местного референдума в равной степени присутствуют и в стадиях избирательного процесса. Обе формы непосредственной демократии не могут быть реализованы без участия в нем граждан и их взаимодействия с органами местного самоуправления.

Среди других форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в контексте изучения принципа гласности местного самоуправления вызывают научный интерес публичные слушания. Они в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» регулируются лишь одной ст. 28, задающей общие параметры важнейшей форме гражданского участия в решении вопросов местного значения. Часть 4 этой статьи устанавливает, что порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования и нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Обязательным является заблаговременное оповещение жителей муниципального образования о месте и времени проведения публичных слушаний, их ознакомление с проектом муниципального правового акта, а также последующее опубликование итогов публичных слушаний².

Приведенная норма свидетельствует о том, что федеральный закон, наделяя правомочиями по правовой регламентации публичных слушаний муниципальные образования, обозначает обязательными условиями их реализации: информированность населения о публичных слушаниях, обеспечение открытости ознакомления с проектом муниципального правового акта, возможность участия граждан в публичных слушаниях. Все перечисленные условия являются структурными элементами принципа гласности местного самоуправления, в связи с чем можно заключить, что федеральным законом созданы правовые предпосылки для последующего принятия муниципальных правовых актов, регулирующих принцип гласности в процедурах организации и проведения публичных слушаний.

Не комментируя далее другие нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», следует заключить, что хотя он и заявляет в своем названии общие принципы организации местного самоуправления, однако как такового перечня их не приводит. Исследуемый принцип гласности напрямую в законе не упоминается, несмотря на то, что отдельные его элементы закреплены в различных нормах. Все более очевидным становится несоответствие базового закона о местном самоуправлении современному вектору развития местного самоуправления, ключевым принципом которого является гласность в организации местного самоуправления.

1 Овчинников И.И. Муниципальное право Российской Федерации. – М.: РАГС, 2010. – С. 231–232.

2 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ с посл. изм. и доп. // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 28.

Красноярова Н.И.

СИСТЕМА ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ Внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах делового оборота

Автор исследует тематику российского гражданского права и права международной торговли, обосновывая классификацию не способов и средств правовой защиты, а юридических конструкций внесудебной защиты прав кредитора его собственными юридическими действиями в зависимости от их правовых регуляторов. В содержание научно-практической конструкции включаются возможности совершения сопряжённых способов реализации вторичного правомочия и взаимодействующая с ними подсистема юридических фактов, условий и оговорок договора (контракта). Проведённое автором исследование позволяет заключить, что система прокредиторских конструкций представлена тремя видами моделей защиты прав действительного кредитора на случай неисполнения, существенного или предвидимого неисполнения должником простого договорного обязательства. Выявлены основные разновидности нормативных конструкций, включая обусловленные выбором торговых терминов группы F и C Инкотермс®2010. К договорным разновидностям самоприменимых защитных конструкций кредитора причислены не только эксклюзивные, но и видоизменённые варианты нормативных конструкций российского, иностранного права и актов частноправовой унификации, аналоги применяемых в коммерческой практике, заимствованных из типовых контрактов, правовых руководств. Конструкции *new lex mercatoria* представлены моделями, содержащимися не только в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010, но и в проектах академических групп по гармонизации европейского частного права, актах ассоциаций производителей, подрядчиков, проектантов.

Ключевые слова: вторичное правомочие, кредитор, простое договорное обязательство, правовой регулятор, гражданско-правовая конструкция, внесудебная защита прав, правовая самопомощь, деловой оборот, внутренний и внешний оборот.

Красноярова Н.И.

Krasnoyarova N.I.

THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONSTRUCTIONS OF CREDITOR'S EXTRAJUDICIAL REMEDY IN TREATY OBLIGATIONS OF THE BUSINESS TURNOVER

The author investigates themes of Russian civil law and international trade law, justifying the classification not of the methods and remedies, but of the legal constructions of extrajudicial creditor's remedy by its own legal action, depending on their legal regulators. The information contained in scientific and practical constructions methods include conjugate implementation of unilateral authority and subsystem of legal facts, conditions and reservations of agreement (contract) interacting with them. Research conducted by the author suggests that the system of procreditor's constructions consists of three kinds of creditor's remedy models in the event of a real failure, essential or foreseeable default by the debtor of simple contractual obligation. There are basic kinds of regulatory constructions, including due to selection of trade terms of F and C Incoterms® 2010. not only exclusive, but also variations of Russian regulatory constructions, constructions of foreign law and acts of private law harmonization, analogs used in commercial practice, borrowed from standard contracts, legal guides are related to the contractual varieties of self-applicable creditor protective structures. *New lex mercatoria* constructions are presented by models, not only contained in the Principles of International Commercial Contracts UNIDROIT 2010, but also in projects of academic groups on harmonization of European private law, acts of associations of producers, contractors, designers.

Key words: unilateral authority, creditor, simple contractual obligation, legal regulator, civil construction, extrajudicial remedy, legal self-help, business turnover, internal and external rotation.

Положение ч. 2 ст. 45 Конституции РФ позволяет каждому защищать свои права «всеми способами, не запрещёнными законом». Способы защиты рассматриваются как меры, установленные не только законом, но и договором¹, предусмотренные законом и выработанные договорной практикой².

Проводится идея, что чистота правового регулирования должна исключать использование нескольких способов судебной защиты в отношении одного и того же права³. Весьма показательным для несостоятельности данного взгляда является не только, например, альтернативный характер предоставляемых кредитору Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – ВК 1980 г.) защитных возможностей во внешнем обороте, но и допустимое их сочетание. При применении средств правовой защиты по контрактам международной купли-продажи товаров реко-

мендуется учитывать правило трёх «с»: соразмерность, совместимость и своевременность⁴.

Разработанные в гражданском праве понятия мер защиты и мер ответственности отражают судебную защиту прав любых субъектов гражданского права⁵. Особенности защиты прав кредитора – стороны простого договорного обязательства – его собственными юридическими действиями эти термины охватить не в состоянии. Рассредоточенные в части первой и второй гражданского кодекса РФ самозащитные юридические действия кредитора не получили ясного законодательного обобщения. Более широкий по содержанию термин международного происхождения «средства правовой защиты» включает не только, вопреки иному утверждению⁶, способы защиты, меры ответственности и требование об исполнении

1 Яковлев В.Ф. Принуждение в гражданском праве / Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. – М.: Городец, 2000. – С. 218.

2 Гражданское право: Учебник. – Т. I / Под ред. О.Н. Садикова. – М., 2006. – С. 52 (автор – О.Н. Садилов).

3 Абознова О.В. Проблемы реализации права на обращение за судебной защитой в гражданском и арбитражном процессе // Закон. – 2006. – № 11. – С. 86.

4 Зыкин И.С. Практика применения средств защиты прав продавца и покупателя по Венской конвенции 1980 г. // Международный коммерческий арбитраж. – 2007. – № 1. – С. 20.

5 Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск. 1982. – С. 46–74, 116–160; Павлов А.А. Присуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных отношениях. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 18.

6 Елькин С.К. Защита права как средство правовой защиты и мера ответственности // Арбитражная практика. – 2005. – № 12. – С. 59.

обязательств. «То, что в правовых системах континентальной Европы принято относить к институту договорной ответственности, в англо-американском праве составляет лишь часть правомочий, которыми обладает потерпевшая сторона и которые называют средствами защиты (remedies). Другую часть средств правовой защиты потерпевшего контрагента вряд ли можно отнести к мерам, в которых материализуется ответственность нарушителя. В их числе право продавца перепродать товары, право покупателя произвести заменяющую покупку, право на отказ от договора и другие»¹. Для правильного понимания возможности правового воздействия на поведение неисправного должника необходима систематизация не способов и средств правовой защиты, а юридических конструкций защиты прав кредитора его самоисполнимыми юридическими действиями.

Для построения системы конструкций внесудебной защиты прав кредитора без поддержки суда, регулятивного арбитража и посредников необходима их научная классификация. Предложенные в юридической литературе классификации вторичных правомочий, на которых основаны защитные конструкции прав действительного кредитора и односторонних юридических действий по защите прав не любой стороны простого договорного обязательства, а исключительно кредитора, нельзя назвать полными.

Самым очевидным критерием для деления вторичных правомочий избирается направленность действия на те или иные последствия для пассивной стороны вторичного правоотношения². Руководствуясь данным признаком, выделены а) вторичные права обязывающего действия (право акцепта); б) вторичные права управомочивающего действия (право одобрения и право запрещения на совершение сделки в корпоративных отношениях); в) вторичные права лишаящего действия (по прекращению прав пассивной стороны). Недостатком данной классификации, по нашему мнению, является её построение путём объединения разных по юридической природе правообразовательных и вторичных правомочий, осуществляемых на разных уровнях внесудебной защиты прав, когда на основе правообразовательных правомочий при заключении договора разрабатываются прокредиторские конструкции, а при неисполнении должником обязательств применяются предусмотренные правом, актами частного права конструкции или договорным текстом конструкции.

По критерию направленности одностороннего юридического действия вторичного управомоченного субъекта предложено второе деление вторичных возможностей на две группы: умаляющие и прекращающие право пассивного субъекта. К умаляющим права должника отнесены право кредитора на приостановление исполнения обязательства и право на одностороннее изменение порядка расчётов. К прекращающим – право зачёта и право одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично³. В этом делении, на наш взгляд, не учтены иные, кроме основных способов реализации вторичного правомочия, структурные части юридической конструкции защиты прав как системного образования.

По иной классификации односторонними мерами самозащиты имущественного характера в сфере договорного права рассматриваются зачёт штрафных санкций к причитающимся кредитору платежам, одностороннее уменьшение цены, безакцептное списание долга. К односторонним организационным мерам – односторонний отказ от существенно нарушенного договора, приостановление встречного исполнения, перевод неисправного покупателя на авансовую форму опла-

ты⁴. Это разделение, мы считаем, не разграничивает правовые регуляторы односторонних действий, поэтому затрудняет их практическое применение.

Прежде выявления системы цивилистических конструкций раскроем содержание предмета её построения. Чёткое теоретическое осмысление понятия структурных частей и видов конструкций внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах его односторонними волеизъявлениями в науке гражданского права отсутствует. Таким образом, затронутые в настоящей статье проблемы требуют глубокого анализа. На наш взгляд, концептуально цивилистическая конструкция внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах делового оборота – это закреплённая правовыми регуляторами целостная модель, включающая возможности совершения действительным кредитором структурно сопряжённых способов реализации вторичного правомочия и когерентно связанную и взаимодействующую с ними подсистему юридических фактов, договорных условий и оговорок, применяемая в нормативно-договорных пределах. Предметное исследование права и практики позволяет способами реализации вторичного правомочия действительного кредитора по договорному обязательству рассматривать односторонние сделки, юридические поступки, гражданско-правовые процедуры и деловые извещения кредитора о юридических фактах в рамках договора.

Решить наибольшее число научных и практических задач позволит более полный критерий деления не вторичных правомочий или односторонних действий, а научно-практических конструкций внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах делового оборота по разновидности их правовых регуляторов. Логическое разделение конструкций по предлагаемому критерию позволяет установить связи между отдельными группами конструкций, выработать системные знания об этом юридическом продукте в пределах каждой группы и тенденциях развития отдельных видов. Эта сложная, но логичная классификация защитных конструкций объективно не может иметь основание только в праве, проявляющееся в применении к группе конструкций особых норм права, особых правовых понятий и юридических терминов для их обозначения. Деление по предложенному основанию способно учитывать циркуляцию юридических конструкций из договорной практики в национальное право, из разработанных на международном уровне унифицированных регуляторов обратно в договорную практику и национальные законы.

Систему цивилистических конструкций внесудебной защиты прав кредитора в договорных обязательствах делового внутреннего и внешнего оборота составляют их классификация в зависимости от особенностей правовых регуляторов каждого вида конструкций и их разновидности в пределах отдельного вида.

Видовая классификация включает три модели защиты прав действительного кредитора на основе его вторичных правомочий на случай неисполнения, существенного или предвидимого неисполнения, содержащиеся: 1) в нормах правовой системы РФ; 2) договорных текстах и 3) правилах внешнеэкономических (негосударственных) актов авторитетных международных организаций. Небольшой или малозначительный характер неисполнения не противоречит добросовестности («*exception non adimpleti contractus*», «*inadimplenti non est adimplendum*») (ст. V. 1. 4 Принципов Trans-Lex)⁵.

Диспозитивные нормы международных конвенций с участием РФ, ГК РФ, иных федеральных законов являются основными правовыми регуляторами конструкций защиты прав кредитора вне суда, регулятивного арбитража или посредни-

1 Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 33.

2 Бабаев А.Б. Вторичные права // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 785.

3 Там же. – С. 788.

4 Карапетов А. Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. – М.: Статут, 2011. – С. 5.

5 Trans-Lex Principles Printout Version [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trans-lex.org/946000>.

ков при неисполнительности должника по простым договорным обязательствам. Нормативные регуляторы конструкций защиты увеличивают предсказуемость воздействия на неисправного контрагента в деловом сообществе. Восполнение в обороте пробелов договора в части конструкций внесудебной защиты с учётом, прежде всего, действующего (применимого) права выдвигает существующие нормативные варианты конструкций на первое место.

В составе нормативных конструкций внесудебной защиты прав кредитора представлены следующие основные разновидности: 1) воспрепятствование продавцом при предвидимом неисполнении договора передаче товара покупателю, даже если покупатель располагает документом, дающим ему право получить товар (ст. 71(2) ВК 1980 г.); 2) снижение покупателем цены товара, не соответствующего договору (статьи 50, 51 ВК 1980 г.); 3) односторонний отказ от исполнения обязательства в предпринимательских отношениях (ст. 310, п. 2 ст. 328 ГК РФ); 4) односторонний отказ от исполнения договора (п. 3 ст. 450 ГК РФ); 5) расторжение договора по заявлению при существенном нарушении договора (статьи 25, 47, 63, 64, 74 ВК 1980 г.) или при неисполнении должником обязательства по поставке товара или неуплате цены в течение установленного кредитором дополнительного срока разумной продолжительности (статьи 47, 63 ВК 1980 г.); 6) односторонний отказ от договора после безрезультатного истечения дополнительно установленного должнику срока на исполнение (ст. 464, п. 2 ст. 480 ГК РФ); 7) односторонний отказ заказчика, поставщика от государственного (муниципального) контракта (ч. 13, 14 ст. 95, ч. 21, 22 ст. 95 Федерального закона от 05. 04. 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»); 8) отказ нерискующего кредитора от повторной поставки утраченного/повреждённого в период транзита товара по договорам на основе торговых терминов группы F и C; 9) зачёт встречных денежных требований об уплате неустойки и о погашении задолженности (ст. 410 ГК РФ); 10) продажа подрядчиком результата работы при уклонении заказчика от её принятия (п. 6 ст. 720 ГК РФ), продажа с аукциона груза, удерживаемого перевозчиком (п. 5 ст. 160 КТМ РФ), самостоятельная реализация (если иное не предусмотрено соглашением сторон) удерживаемых продовольственных и скоропортящихся грузов перевозчиком при уклонении грузополучателя от внесения платы за перевозку грузов и иных причитающихся перевозчику платежей (ст. 35 Устава железнодорожного транспорта РФ) и др.

Совершенствование нормативных конструкций внесудебной защиты прав происходит за счёт ратификации российским государством материально-правовых конвенций, обновления редакции отечественных гражданских кодексов и законов, изменения норм иностранного права (избранного сторонами применимым к контракту), появления новых редакций актов частноправовой унификации, в том числе систематизированных правил по использованию национальных и международных торговых терминов разделения рисков случайной гибели и бремени несения расходов по товару, из-за пересмотра правовых позиций судов и регулятивных арбитражей, изменения прецедентов. Не случайно в английском праве различают обязательные (binding) и убедительные (persuasive) прецеденты.

Правовая природа ряда нормативных защитных конструкций в науке исследована не равнозначно. Решение вопроса о включении в их число тех, которые основаны на торговых терминах, зависит от юридической природы Инкотермс. Вопрос о правовой природе Инкотермс 2010 российским законодателем не решён. Как отмечают исследователи, «Инкотермс нельзя отождествлять с обычаями международной торговли»¹.

1 Зыкин И. С. Негосударственное регулирование // Международное частное право. Современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский – М., 1994. – С. 407–409; Канашевский В.А. Внешнеэкономиче-

Только «неписанные, несистематизированные», «издавна сложившиеся и непрерывно на протяжении длительного времени применяемые (действующие) в международном торговом обороте юридические (обязательные) нормы, обладающие свойством общеизвестности, определённости (ясности) и единообразия», рассматривает международными торговыми обычаями в собственном смысле слова В.А. Белов². Обычаи, санкционированные государством путём отсылки к ним в законе или признания и закрепления в судебном решении, применяются как правовые нормы³. Практику придания законодательством различных стран обычаям силы «своего внутреннего закона» отмечает А.Л. Маковский⁴.

За Инкотермс 2010 (документ неправительственной организации деловых кругов) признаётся самостоятельный по отношению к обычаям делового оборота статус. В частности, В.А. Канашевский отмечает: «В настоящее время Инкотермс обладают самостоятельной юридической силой и оказывают значительное влияние на регулирование отношений с участием предпринимателей, порой даже больше, чем принятые в той или иной стране официальные источники права»⁵. При этом учитывается сложившееся применение регулятивными арбитражами Инкотермс не только в силу прямо выраженной воли сторон договора, но и как акта, действующего «своей собственной силой»⁶, даже при отсутствии в контракте указаний о базисных условиях поставки. Эта практика, как и распространение торговых терминов в последней редакции на внутринациональные договоры, выводит Инкотермс 2010 за пределы обычая делового оборота и не позволяет, как прежде, рассматривать их неофициальной кодификацией Международной торговой палаты (далее – МТП).

Рассмотрим возможность отнесения этих конструкций к числу нормативных при внесудебной защите прав кредитора по простому договорному обязательству. Она зависит не только от умения правовых консультантов российского бизнеса юридически грамотно применять рекомендации международного кодификатора по выбору и применению торговых терминов, по заключению трансграничных сделок на основе Типового договора МТП⁷, специально адаптированного для договоров, регламентируемых ВК 1980 г. Но законодателю в России пора закрепить сложившуюся в начале XXI в. в мире и в нашей стране концептуальную и судебную квалификацию диспозитивного регулятора торговых терминов как закона. В Испании, Ираке и Украине Инкотермс признан законом. Признание Инкотермс 2010 нормативным актом в составе правовой системы РФ расширит круг диспозитивных регуляторов нормативных конструкций юридической защиты кредитором своих прав по договорам внутринациональной и международной купли-продажи (поставки).

Правила МТП по использованию национальных и международных торговых терминов (Инкотермс 2010) не регулируют последствия неисполнения внутринациональных и внешнеэкономических договоров. Исключением являются те из

ские сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 475–476.

2 Белов В.А. Торговые обычаи как источник международного торгового права: содержание и применение // Правоведение. – 2013. – № 1. – С. 62.

3 Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: понятие, применение, формирование, применимое право, типовые контракты. – М., 1983. – С. 13–17.

4 Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Международное частное морское право. – Л., 1984. – С. 31.

5 Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 479.

6 Там же. – С. 477.

7 Типовой контракт ICC международной купли-продажи. Редакция 2013. Публикация ICC № 738 R = The ICC Model International Sale Contract. 2013 Revision. ICC Publication № 738E – М.: ICC Russia, 2013.

них, которые фиксируют досрочный переход на покупателя рисков случая, «когда покупатель нарушает свою обязанность по принятию товара или по номинированию перевозчика согласно терминам группы F»¹ либо не выполняет обязанности по направлению продавцу извещения о времени для отгрузки, месте назначения или пункте получения товара в этом месте согласно терминам группы С.

В итоге последняя редакция Инкотермс, дополняя нормы писаного права, включает семь вытекающих из существа торгового термина разновидностей конструкций одностороннего отказа кредитора от перевозочения на него должником рисков утраты/повреждения товара при внутренней и международной поставке.

Предлагаем следующее обоснование выдвинутого тезиса. Момент перехода рисков случайного повреждения/утраты товара с продавца на покупателя определяют сделки продавца по идентификации товара, по сдаче товара перевозчику², независимо от того, была ли произведена доставка товара покупателю в пункт назначения или нет. Поэтому от продавца требуется предоставление товара в качестве замены только в случае, когда поставленный товар оказывается утраченным или поврежденным в период его нахождения на риске продавца (должника), согласованном в договоре через конкретный термин или вытекающем из содержания условий договора (при отсутствии ссылки на редакцию Инкотермс). Следовательно, отказ продавца (кредитора), исполнившего поставку с наступившим переходом на покупателя рисков случая, в повторном предоставлении товара для замены утраченного/поврежденного товара в период транзита является его правомерным односторонним действием по защите своих прав в виде юридического поступка. На выбор сторонами конструкции защиты, на основе содержащегося в Incoterms®2010 торгового термина, указывает оговорка договора со словосочетанием из общепринятого его наименования (аббревиатуры) и ссылкой на пункт поставки в контексте терминов FCA, FAS, FOB, CPT, CIP, CFR, CIF.

Таким образом, в совокупности классическая оговорка договора, фиксирующая выбор торгового термина из публикации МТП № 715, указанное в ключевых понятиях Инкотермс 2010 (термины группы F и С) событие случая, и закреплённая существом избранного торгового термина возможность совершения продавцом (кредитором) одностороннего юридического поступка по отказу от повторной поставки составляют структуру конструкции защиты прав кредитора самоисполнимыми юридическими действиями.

Следует отметить, что если в договоре закреплён термин, модифицированный в торговом обороте, сложившийся в портовой практике или практике торговли специфическим товаром, с принятыми в морской торговле надбавками либо указано о дополнениях к терминам группы F и С без оговорок о сохранении неизменными всех остальных условий, тогда вытекающие из сути этих неклассических терминов конструкции внесудебной защиты прав кредитора относятся к виду договорных, учитывающих правовой эффект самого договора.

Следование действующим нормативным правилам о внесудебной защите прав есть поведение, для которого в принципе существует конституционно разрешённая альтернатива – защита прав на основе созданной при заключении договора защитной системы договорно-частных правил. Государство оценивает подобные договорные усилия сторон как необходимые, санкционирует свободу договора и автономию воли

сторон в формулировании соответствующих положений договоров. Внесудебная защита прав посредством договорных конструкций особенно актуальна в условиях прогнозируемого многократного расширения сферы применения частных договоров в интеллектуальной экономике³. Российскому гражданскому кодексу присущ умеренно прокредиторский подход в регулировании возможностей кредитора по защите прав⁴. Данное обстоятельство объясняет, почему стороны сосредотачиваются на целенаправленном создании на случай неисполнения, существенного или предвидимого неисполнения обязательств договорных конструкций, которые бы нивелировали продолжительные нормативно-правовые установления либо пробелы в законодательном регулировании, отвечающие интересам должника. Стороны имеют возможность izbавить свой договор даже от воздействия императивных (но не сверхимперативных) норм российского (применимого) права, если эти нормы не удовлетворяют стороны вследствие своей архаичности или непригодности к потребностям международного коммерческого оборота⁵. В связи с этим обоснованным считаем предложение о том, чтобы договорное регулирование было закреплено в качестве принципа гражданского права в ст. 1 ГК РФ⁶.

Деятельность сторон по оформлению в тексте заключаемого договора целевых конструкций внесудебной защиты прав мы рассматриваем правоустановительной защитой прав кредитора. Прогнозирование спорных деловых ситуаций при исполнении договорных обязательств реально осуществляется уже на стадии формирования структуры и формулирования условий договоров. Элементы договорных конструкций внесудебной защиты достаточно полно отражаются в документах в ходе переговоров, а не только в тексте договора при его подписании. Предвидящий свои защитные проблемы при неисполнительности должника ещё при заключении договора субъект предпринимательства стремится творчески проявить волю на согласование соответствующих своему будущему положению кредитора защитных конструкций. В тексте подписанного договора закрепляется комплекс «поведенческих максимум (возможностей)»⁷ кредитора в ситуациях неисполняемого неисполнения должником договорных обязательств, хотя структура конструкции возможностями совершения односторонних действий кредитора не исчерпывается. Разработка и проведение в договоре индивидуального варианта конструкции внесудебной защиты прав кредитора по простому обязательству невозможны без скрупулёзной работы владеющих профессиональными знаниями и навыками специалистов. Создание этого рода конструкций, как свидетельствуют материалы договорной практики, осуществляется посредством правовой самопомощи.

В развитие этого тезиса скажем, что правовая самопомощь может быть определена как целенаправленное проведение стороной в тексте заключаемого предпринимательского договора эксклюзивной системы устойчиво связанных условий о самостоятельных юридических действиях кредитора по защите прав и целевых оговорок либо как восполнение про-

1 Рамберг Я. Комментарий к Инкотермс 2010: понимание и практическое применение. Публикация ICC № 720. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 26.

2 Антипов Н.П., Кастрюлин Д.Ф. Переход риска случайной гибели или повреждения товара по договору международной купли-продажи: теоретический аспект // Внешнеторговое право. – 2003. – № 1. – С. 20.

3 Примак Т.К. Экономические теории и проблемы законодательного, договорного регулирования // Закон. – 2007. – № 9. – С. 179.

4 Синявская М.С. Нарушения договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 30.

5 Асосков А.В. Проблема свободы формулирования договорных условий в международных контрактах // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1. – Т. 7. – С. 57.

6 Шевченко Л.И. О понятии, сущности и значении договорного регулирования имущественных отношений в условиях рыночной экономики // Государство и право. – 2005. – № 10. – С. 46.

7 Белов В.А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издатель, 2007. – С. 138.

белов нормативных конструкций, содержащихся в диспозитивных нормах правовой системы РФ (иного примененного к контракту права), путём учёта прецедентных решений судов и регулятивных арбитражей, существующих в бизнес-практике юридических инструментов секундарной защиты, иных доступных к отбору источников. Квалифицированная правовая самопомощь сторон по частнопроводному регулированию конструкций является предпосылкой осуществления самоисполнимых юридических действий по защите своих прав любой из них как кредитором по неисполненному неденежному и денежному обязательству.

Правовая самопомощь не нарушает пределов предмета гражданско-правового договорного регулирования¹, является наиболее интеллектуальной частью договорного компонента правового регулирования, помогает осознать проблемы в правовом познании и решать их по конкретному договору. Понятие правовой самопомощи находит фактическое применение в договорной работе, поэтому необходимо в научном обороте и образовании.

Замечание учёного об относительно редком отражении в юридической литературе собственно регулирующих свойств договора² совершенно справедливо. В научных публикациях не часто отражаются интеллектуально-волевые усилия сторон в защитном по отношению к правам кредитора направлении. Исключением являются комментированные подходы МКАС при ТПП РФ, иных регулятивных арбитражей и судов к разрешению споров. Прецеденты также оказывают существенное «влияние на содержание предпринимательских договоров»³, отработку договорных и нормативных конструкций. В процессе договорного регулирования формируется структура устойчиво связанных и взаимодействующих защитных максимумов кредитора при неисполнительности должника. Согласование сторонами договорных конструкций внесудебной защиты прав с отклонением от правового стандарта диспозитивных норм увеличивает юридическую безопасность договоров, так как учитывает преследуемые в обороте цели конкретного договора. Опытные коммерсанты предпочитают осуществлять правоустановительную защиту путём включения в текст договора положений о целевых конструкциях. Практика требует от участников делового оборота постоянного уточнения и детализации правовых конструкций на основе сочетания разнообразных юридических действий кредитора с защитными оговорками в каждом новом заключаемом договоре.

При создании договорной конструкции внесудебной защиты прав кредитора стороны, в первую очередь, учитывают наличие нормативных моделей. К договорному виду самоприменимых защитных конструкций кредитора относятся следующие законченные образования:

– зафиксированные в тексте договора видоизменённые варианты нормативных конструкций защиты по сравнению с диспозитивно урегулированной конвенционной нормой, нормой российского закона, единообразным правилом согласованно применимых к контракту Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г.⁴, Принципов

европейского договорного права⁵, Принципов европейского права: договоры коммерческого агентирования, франшизы и дистрибуции⁶.

Например, остановка продавцом погрузки товара без извещения об этом покупателя при наличии факта просрочки платежа (Генеральный контракт международной купли-продажи товаров от 2 декабря 2002 г. между венгерской фирмой (продавец) и российской организацией (покупатель)); задержание поставки главной части комплекта до оплаты согласованной цены контракта⁷; отказ принять частичное исполнение и др.;

– близкие к предусмотренным в иностранных право-порядках и региональных кодификациях, родственные с отражёнными в кодифицированных и некодифицированных обычаях оборота, соседствующие с применёнными в коммерческой и торговой практике, их аналоги.

Например, отказ нерисконесущей стороны (кредитор) от заменяющей поставки утраченного от действия случая товара по контракту с модифицированным относительно Инкотермс@2010 торговым термином FOR или FOT (варианты FCA); восстановление продавцом владения неоплаченными товарами путём отзыва адресованного перевозчику, складодержателю деливери-ордера⁸; отмена продавцом права покупателя на пользование гарантиями бесперебойной работы оборудования⁹; использование переводного векселя, которым должником оформлен отсроченный платёж по директиве ЕС от 29 июня 2000 г.¹⁰; отработанное ещё в практике применения ОУП СЭВ паушальное (с учётом убытков от неиспользования товара) снижение покупателем цены товара, не соответствующего договору¹¹; оставление поставщиком за собой переведённой покупателем на его расчётный счёт денежной суммы, эквивалентной стоимости неввозвращённой многооборотной тары¹² и др.;

– заимствованные из выработанных международными правительственными организациями (ЮНСИТРАЛ, ЕЭК ООН, УНИДРУА) и неправительственными организациями (МТП, FIDIC, FIATA, ORGALIM) типовых контрактов (общих условий), правовых руководств, типовых правил, унифицированных правил.

В частности, одностороннее уменьшение цены оставляемого себе покупателем товара с неустранёнными продавцом дефектами, односторонний отказ от контракта, заключённого на основе типового контракта (публикация МТП № 738 2013 г. – п. 10.3, п. 11.4 Общих условий); снятие грузоотправителем с аккредитива причитающейся ему суммы за проданный товар до его прибытия в пункт назначения по договору смешанной перевозки путём предъявления оборотного мультимодального транспортного коносамента ФИАТА в банк¹³;

1 Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 7–8.

2 Гонгало Б.М. Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. К 80-летию С.С. Алексеева. – М., Екатеринбург: Статут, 2004. – С. 96.

3 Бельх В.С. Судебный прецедент как источник правового регулирования: Спорные вопросы теории и практики // Закон. – 2012. – № 5. – С. 191.

4 Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА в редакции 2010 г. // Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 305–359.

5 Пугинский Б.И., Амиров А.Т. Развитие европейского договорного права // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2011. – № 1 (8). – С. 176–198.

6 Principles of European Law: Commercial Agency, Franchise and Distribution Contracts (PEL CAFDC). – Oxford: University Press, 2006.

7 Schweizerische Zeitschrift für Internationales und Europäisches Recht. – 1995. – S. 278.

8 Кокин А.С., Левиков Г.А. Транспортно-экспедиторские услуги при международной перевозке грузов. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 222.

9 Мозолин В.П., Фарнсворт Е.А. Договорное право в США и СССР. История и общие концепции. – М.: Наука, 1988. – С. 129.

10 Буднева Г.Н. Новеллы Торгового кодекса Франции // Закон. – 2008. – № 11. – С. 213.

11 Розенберг М.Г. Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. – М.: Международ. отнош., 1989. – С. 196.

12 Мыскин А.В. О месте и роли юридических обычаев в современном российском гражданском праве // Юрист. – 2013. – № 13. – С. 34.

13 Оборотный мультимодальный транспортный коносамент ФИАТА-FBL // Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 813.

– инициативные, самостоятельно разработанные контрагентами и их юридическими консультантами. Например, зафиксированная в контракте между венгерской фирмой (продавец) и российским покупателем конструкция отказа от исполнения поставки: «Продавец поставляет товар покупателю только при безупречном соблюдении/выполнении условий и/или срока платежа. Продавец имеет право без предупреждения и безо всяких последствий отказаться от выполнения данной сделки, а также потребовать 5 % стоимости от суммы её (из-за необходимости вынужденной распаковки товара), если несоблюдение такого условия выявляется в момент, когда сообщение о готовности товара к поставке уже было передано продавцом покупателю».

А также запрет продавцу отгружать на судне иные товары, кроме прошедших санитарную проверку товаров покупателя; беспорное возложение расходов по оплате таможенных сборов, возникших в связи с заменой некачественного оборудования, на продавца¹; получение покупателем оплаченной продавцу стоимости товара, не соответствующего договору, по инвойсу²; отказ покупателя вносить оставшуюся часть суммы оплаты до тех пор, пока продавец не примет обратно дефектный товар³; зачёт стоимости перевода инструкций на поставленные из-за границы приборы; запрет отказа от оплаты поставленного товара при наступлении обстоятельств непреодолимой силы⁴.

Стороны в тексте договора (контракта) могут расширять пределы применения конструкции отказа от контракта при предвидимом неисполнении договорных обязательств. Примерами таких обстоятельств являются: изменения в показателях кредитоспособности должника; вынесение решения суда, способного повлиять на возможность должника исполнять договорные обязательства; возбуждение против должника дела о принудительном банкротстве; неисполнение должником обязательств или сокращение сроков исполнения обязательств по другим договорам⁵. Таким образом, создание в тексте договора правового комплекса правил о юридических фактах, существенно лишаящих сторону правомерных ожиданий исполнения, исходя из которых она заключала договор, и её ответных «присвоенных правовых возможностей»⁶, исключают уязвимость прав кредитора.

От применения договорных конструкций нельзя неправомерно уклоняться. Этот факт не остаётся без реакции регулятивного арбитража при разрешении споров по договорным обязательствам. Рассмотрим ситуацию, когда вместо согласованного права предъявления инкассо на вырученные от реализации забракованного товара суммы российской организацией был заявлен иск норвежской фирме (поставщику). В дополнительном соглашении к контракту об условиях оплаты части товара при её несоответствии требованиям контракта была согласована оплата товара по претензионным извещениям о несоответствии не на основании отгрузочных документов, а со счёта продавца в отдельном порядке. В соответствии с этими условиями дополнительного соглашения кредитор мог защитить свои права самостоятельно, выставив норвежской фирме инвойс, что ответчик и предлагал сделать. Из-за применения российской организацией судебной формы защиты взамен согласованной в

контракте договорной конструкции зачёта МКАС возложил на истца расходы ответчика, связанные с защитой его прав через юридические представители⁷. В другом деле МКАС отказано в удовлетворении заявления ответчика об урегулировании спора путём возврата истцу отгруженного им по контракту товара. Это означало бы включение в контракт без согласия одной из сторон не согласованной правовой конструкции, противоречило бы принципу договорной свободы⁸.

Чтобы охватить всю систему конструкций внесудебной защиты прав кредитора по договорному обязательству, опираться только на два вида конструкций (нормативную и договорную) уже недостаточно. Наряду с ними продолжает формироваться «параллельный мир юридических норм, инструментов и конструкций – мир международного (наднационального) торгового права»⁹. Имеются и иные, более осторожные определения правовой природы и предназначения общепринятой вненациональной системы принципов и правил¹⁰, оказывающих существенное влияние на гармонизацию конструкций внесудебной защиты договорных прав. Ян Рамберг считает, что «вероятно, ещё преждевременно говорить об этих принципах как уже об общепринятом торговом праве, заменяющем собой или дополняющем национальное право»¹¹. В содержании Принципов УНИДРУА и Европейских принципов отмечено присутствие элементов договорных норм, обычая, совпадающих норм и принципов национального законодательства, обыкновений, типовых контрактов, общих условий, прецедентной практики¹².

Международному сообществу для применения к транснациональным контрактам, наряду с кодифицированными сводами принципов договорного права, группами экспертов-юристов многих стран с разными правовыми системами предоставляются и другие акты *new lex mercatoria*. К их числу относятся: Принципы, определения и модельные правила Европейского частного права. Проект общих подходов (DCFR)¹³, Принципы TransLex, Проект Регламента о всеобщем европейском торговом праве (КОМ (2011)6356)¹⁴, Orgalime S 2012¹⁵, Типовые контракты МТП (публикации № 738, 644, 646 и др.), Типовое соглашение между заказчиком и консультантом об оказании услуг международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC)¹⁶, Условия договора для строительства 1999 г. (Красная книга)¹⁷, Условия договора для монтажа оборудования, проектирования и строительства 1999 г. (Жёлтая

1 Дело МКАС № 126/2004. Решение от 23.03.05. // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2005 г. / Сост. М.Г. Розенберг. – М.: Статут, 2006. – С. 134, 136.

2 Дело МКАС № 246/2000 // Эж – юрист. – 2002. – № 36. – С. 7.

3 Internationales Handelsrecht (IMR). – 2005. – № 3. – С. 117.

4 Розенберг М.Г. Спор по вопросам, связанным с расчётами // Комментарий судебной-арбитражной практики. – Вып. 2. / Под ред. В.Ф. Яковлева. – М.: Юрид. лит., 1995. – С. 122.

5 Фокс Ч. Составление договоров: Чему не учат студентов / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – С. 39.

6 Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в частном праве: основные положения и критическая оценка опыта применения // Правоведение. – 2011. – № 6. – С. 48.

7 Дело МКАС № 246/2000. Решение от 08. 10. 2001 // Эж-юрист. – 2002. – № 36. – С. 7.

8 Розенберг М.Г. Спор по вопросам, связанным с расчётами // Комментарий судебной-арбитражной практики. – Вып. 2. / Под ред. В.Ф. Яковлева. – М.: Юрид. лит., 1995. – С. 124-125.

9 Белов В.А. Источники международного торгового права: закономерности и тенденции // Законодательство. – 2013. – № 9. – С. 82.

10 Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 22.

11 Там же. – С. 23.

12 Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). – СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 82.

13 Principles, Definitions and Model Rules of European private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/justice/policies/civil/docs/dcfr_outline_edition_en.pdf

14 Proposal for a Regulation OfThe European Parliament And OfThe Council on a Common European Sales Law(COM)/2011/0635 final-2011/0284(COD) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0635:FIN:en:PDF\(29.01.2014\)](http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0635:FIN:en:PDF(29.01.2014)).

15 Общие условия поставки механической, электрической и электронной продукции. Брюссель, март 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ims.vmt-gmbh.de/en/files/2012/05/ORGALIME_S_2000_RU.pdf

16 Client-Consultant Model Services Agreement. – 4th ed. – Geneva, 2006.

17 Conditions of contract for construction (Red Book) / FIDIC. – 1st ed. – Geneva, 1999.

книга)¹, Условия договора для проектов «под ключ» 1999 г. (Серебряная книга)². Новое торговое право не является случайным скоплением правил, а состоит из норм, правил или практики, которые регулярно обобщаются и пересматриваются международными организациями. Поэтому саморегулирование сторонами международных коммерческих контрактов своих отношений обоснованно определяется одним из элементов современного *lex mercatoria*³.

Рассмотрим регулирование третьего вида защитных конструкций. Третья книга Проекта общих подходов (DCFR) включает положения о гражданско-правовых процедурах кредитора в структуре конструкций самозащиты: дополнительного срока исправления исполнения (ст. 3:103), уведомления о неисполнении (ст. 3:106), приостановления исполнения взаимных обязательств кредитором (ст. 3:401). Подробно урегулированы две завершённые конструкции защиты прав односторонними действиями кредитора: прекращение договора по уведомлению (ст. 3:502–3:509); снижение кредитором цены товара, не соответствующего условиям договора (ст. 3:601).

Принципы TransLex, подготовленные учёными Центра транснационального права CENTRAL в Кёльнском университете, обновляются и дополняются (доступным на специальном интернет-сайте) анализом практики разрешения внешнеэкономических споров⁴. Это позволяет учитывать подходы судов при формулировании договорных и применении нормативных конструкций.

Проектом Регламента о всеобщем европейском торговом праве предусмотрено создание на национальном уровне второго режима договорного права, одинакового на всей территории ЕС, сосуществующего с действующим национальным договорным правом европейских государств для применения к договорам трансграничного характера на основе ясно выраженного соглашения сторон о его применении. В главе 13 уточнено регулирование (при его несовершенстве по ст. 328 ГК РФ) процедуры частичного приостановления продавцом исполнения обязательств при рассрочке или ином делении исполнения обязательств покупателем, если только неисполнение покупателем обязательств не было вызвано приостановлением своих обязательств продавцом (ст. 133(3)). Аналогично германским подходам в 30 дней определён срок процедуры *Nachfrist* (дополнительного срока) и автоматическое признание покупателя не исполнившим обязательство в дополнительный срок без направления продавцом констатирующего этот факт уведомления (ст. 135(2 и 3)).

Общие условия поставки механической, электрической и электронной продукции объединения промышленных союзов машиностроения, электро- и металлообрабатывающей промышленности восемнадцати европейских стран (Orgalime S 2012) (ст. 10) рекомендуют применение торговых терминов FCA, CPT и CIP и, следовательно, конструкций секундарного содержания, обусловленных избранием этих торговых терминов. Особенности (по сравнению с ВК 1980 г.) в Orgalim последней редакции является регулирование односторонней процедуры крайнего срока исполнения при просрочке поставки (ст. 15) и неприёмке поставки в дату поставки (ст. 17).

В соответствии с утвердившейся прецедентной практикой применения норм ВК определён не только конкретный срок уведомления о дефекте продукта, но и его содержание (ст. 29).

Существенно детализированы пределы отказных конструкций. Конструкция одностороннего отказа покупателя от контракта при существенном нарушении в виде непоставки товара после истечения крайнего срока исполнения допускает возможность отказа в отношении лишь той части изделия, которая из-за просрочки поставки не может быть использована по назначению (ст. 15). Специфично, против норм ВК 1980 г., регулирование процедуры приостановления исполнения продавцом при просрочке платежа, юридической конструкции отказа от контракта при просрочке оплаты более чем на три месяца и методики исчисления размера пени и расходов за просрочку оплаты (ст. 21). Допустим отказ от контракта в отношении той части продукта, которая из-за дефекта не может быть использована по назначению, если дефект является настолько серьёзным, что он лишает покупателя преимуществ от заключения контракта (ст. 37). Независимо от положений о процедуре приостановления исполнения контракта, если становится очевидно, что другая сторона не в состоянии выполнить свои обязательства, для каждой из сторон в Orgalime S 2012 более точно (по сравнению с редакцией Orgalime S 2000) урегулирована конструкция отказа от исполнения своих контрактных обязательств по письменному уведомлению (ст. 44).

Типовой контракт международной купли-продажи товаров МТП (2013)⁵ содержит ссылку на применение в первую очередь норм ВК 1980 г. Использовать эту проформу купли-продажи контрагентам рекомендовано «как модель для составления их собственного индивидуального договора»⁶, если доступны заменяющие товары, включая поставки по договору дистрибуции, консигнации, строительного подряда. Наиболее подходящим, по мнению составителей Типового контракта при продаже готовых изделий, часто отгружаемых «от двери до двери», является более расширенный по сравнению с актом Orgalim 2012 выбор торговых терминов FCA, CPT, CIP, DAT и DAP, а subsidiarily применимым (при отсутствии выбора сторон) предлагается швейцарское право⁷. Поэтому российским консультантам бизнеса при заключении договора на основе проформы МТП следует юридически взвешенно предлагать выбор торговых терминов DAP и DAT по экспортным контрактам, которые будут опосредовать конструкции внесудебной защиты прав зарубежного покупателя, если товар погиб или был повреждён в пути.

В Типовом соглашении между заказчиком и консультантом об оказании услуг FIDIC подробно и императивно урегулирована конструкция отказа в одностороннем порядке консультанта от договора консультативного инжиниринга при просрочке заказчиком оплаты со дня выставления счёта или превышения периода приостановления оказания услуг по каждому из указанных оснований. Ввиду отсутствия в российском законодательстве оптимальной договорной модели консультативного инжиниринга, применение систематизированных в письменной форме положений Типового соглашения FIDIC российскими компаниями в ходе реализации между-

1 Conditions of contract for plant and design-build (Yellow Book) / FIDIC. – 1st ed. – Geneva, 1999.

2 Conditions of contract for EPC/turnkey projects (Silver Book) / FIDIC. – 1st ed. – Geneva, 1999.

3 Вилкова Н.Г. Саморегулирование сторонами международных контрактов своих отношений – один из элементов современного *lex mercatoria* // Трансграничный торговый оборот и право: Сб. ст. и эссе: междунар. коммер. арбитраж, междунар. частное право, сравнительное, гражд. право и процесс, право междунар. торговли, экон. анализ права / Сост. и науч. редакторы: А.И. Муранов, В.В. Плеханов. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 21–30.

4 Шестакова М.П. Тенденции развития правового регулирования международной купли-продажи // Журнал российского права. – 2013. – № 4. – С. 87–88.

5 Типовой контракт ICC международной купли-продажи. Редакция 2013. Публикация ICC № 738 R = The ICC Model International Sale Contract. 2013 Revision. ICC Publication № 738E – М.: ICC Russia, 2013.

6 Рамберг Я. Комментарий ICC к Инкотермс 2010: понимание и практ. применение. Публикация ICC № 720. / Пер. с англ. Н.Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 17.

7 Вилкова Н. Г. Саморегулирование сторонами международных контрактов своих отношений – один из элементов современного *lex mercatoria* // Трансграничный торговый оборот и право: Сб. ст. и эссе: междунар. коммер. арбитраж, междунар. частное право, сравнительное, гражд. право и процесс, право междунар. торговли, экон. анализ права / Сост. и науч. редакторы: А.И. Муранов, В.В. Плеханов. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 29.

народных строительных проектов было бы спорно рассматривать санкционированным (ст. 5 ГК РФ) применением обычая делового оборота¹. Выявленные FIDIC нормы международных строительных обычаев после их обобщения являются теперь нормами современного акта частноправовой унификации.

Таким образом, в ходе вновь и вновь возобновляемых попыток создания на вненациональном уровне понятных для всех заинтересованных сторон инструментов гармонизации и унификации европейского частного права в определённой степени были усовершенствованы также и конструкции внешне-судебной защиты прав кредитора по договорным обязательствам. При их регулировании в международных коммерческих контрактах на основе вненациональных актов профессионально компетентные и юридически равные стороны получают возможность своевременно учитывать в договоре тенденции к глобализации коммерческого права и практики.

Любые вненациональные правовые регуляторы, а не только своды принципов договорного права, могут регулировать конструкции внесудебной защиты прав не любой стороны, а именно действительного кредитора по простому обязательству, если юридически квалифицированно выражена воля на их применение.

Пристатейный библиографический список

- Абознова О.В. Проблемы реализации права на обращение за судебной защитой в гражданском и арбитражном процессе // Закон. – 2006. – № 11.
- Антипов Н. П., Кастрюлин Д. Ф. Переход риска случайной гибели или повреждения товара по договору международной купли-продажи: теоретический аспект // Внешнеторговое право. – 2003. – № 1.
- Асосков А.В. Проблема свободы формулирования договорных условий в международных контрактах // Вестник гражданского права. – 2007. – № 1. – Т. 7.
- Бабаев А.Б. Вторичные права // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007.
- Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
- Белов В.А. Торговые обычаи как источник международного торгового права: содержание и применение // Правоведение. – 2013. – № 1.
- Белов В.А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат., 2007.
- Белов В.А. Источники международного торгового права: закономерности и тенденции // Законодательство. – 2013. – № 9.
- Бельх В.С. Судебный прецедент как источник правового регулирования: Спорные вопросы теории и практики // Закон. – 2012. – № 5.
- Буднева Г.Н. Новеллы Торгового кодекса Франции // Закон. – 2008. – № 11.
- Варавенко В.Е. Предпосылки применения Типового соглашения об оказании услуг международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) российскими участниками международных строительных проектов // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1.
- Вилкова Н.Г. Саморегулирование сторонами международных контрактов своих отношений – один из элементов современного *lex mercatoria* // Трансграничный торговый оборот и право: сб. ст. и эссе: междунар. коммер. арбитраж, междунар. частное право, сравнительное, гражд. право и процесс, право междунар. торговли, экон. анализ права / сост. и науч. редакторы: А.И. Муранов, В.В. Плеханов. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.
- Гонгало Б.М. Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. К 80-летию С.С. Алексеева. – М., Екатеринбург: Статут, 2004.
- Гражданское право: Учебник. – Т. I / Под ред. О.Н. Садикова. – М., 2006.
- Дело МКАС № 126/2004. Решение от 23.03.05. // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2005 г. / Сост. М.Г. Розенберг. – М.: Статут, 2006.
- Дело МКАС № 246/2000. Решение от 08. 10. 2001 // эж-Юрист. – 2002. – № 36.
- Елькин С.К. Защита права как средство правовой защиты и мера ответственности // Арбитражная практика. – 2005. – № 12.
- Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: понятие, применение, формирование, применимое право, типовые контракты. – М., 1983.
- Зыкин И.С. Практика применения средств защиты прав продавца и покупателя по Венской конвенции 1980 г. // Международный коммерческий арбитраж. – 2007. – № 1.
- Зыкин И.С. Негосударственное регулирование // Международное частное право. Современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский – М., 1994.
- Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Международное частное морское право. – Л., 1984.
- Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
- Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.
- Карапетов А.Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. – М.: Статут, 2011.
- Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. – М.: Юрид. лит., 1991.
- Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
- Кокин А.С., Левиков Г.А. Транспортно-экспедиторские услуги при международной перевозке грузов. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
- Комментарий судебно-арбитражной практики. – Вып. 2. / Под ред. В.Ф. Яковлева. – М.: Юрид. лит., 1995.
- Мысник А.В. О месте и роли юридических обычаев в современном российском гражданском праве // Юрист. – 2013. – № 13.
- Мозолин В.П., Фарнсворт Е.А. Договорное право в США и СССР. История и общие концепции. – М.: Наука, 1988.
- Оборотный мультимодальный транспортный коносамент FIATA-FBL // Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. Четвёртое изд. Публикация ICC № 711 / пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
- Общие условия поставки механической, электрической и электронной продукции. Брюссель, март 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ims.vmt-gmbh.de/en/files/2012/05/ORGALIME_S_2000_RU.pdf.
- Павлов А.А. Присуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных отношениях. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
- Примак Т.К. Экономические теории и проблемы законодательного, договорного регулирования // Закон. – 2007. – № 9.
- Путинский Б.И., Амиров А.Т. Развитие европейского договорного права // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2011. – № 1 (8).
- Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА в редакции 2010 г. // Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. Четвёртое изд. Публикация ICC № 711 / пер. с англ. под ред. Н. Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
- Рамберг Я. Комментарий к Инкотермс 2010: понимание и практическое применение. Публикация ICC № 720. / пер. с англ. Н.Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
- Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. Четвёртое изд. Публикация ICC № 711. / пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
- Розенберг М.Г. Спор по вопросам, связанным с расчётами // Комментарий судебно-арбитражной практики. – Вып. 2 / Под ред. В.Ф. Яковлева. – М.: Юрид. лит., 1995.
- Розенберг М. Г. Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. – М.: Междунар. отнош., 1989.
- Синявская М.С. Нарушения договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
- Типовой контракт ICC международной купли-продажи. Редакция 2013. Публикация ICC № 738. – М.: ICC Russia, 2013.
- Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в частном праве: основные положения и критическая оценка опыта применения // Правоведение. – 2011. – № 6.
- Фокс Ч. Составление договоров: Чему не учат студентов: Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
- Шевченко Л.И. О понятии, сущности и значении договорного регулирования имущественных отношений в условиях рыночной экономики // Государство и право. – 2005. – № 10.
- Шестакова М.П. Тенденции развития правового регулирования международной купли-продажи // Журнал российского права. – 2013. – № 4.

1 Варавенко В.Е. Предпосылки применения Типового соглашения об оказании услуг международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) российскими участниками международных строительных проектов // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 11, 13.

Ганеев Р.Р.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Основной целью настоящей статьи является исследование особенностей гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, градостроительное право, гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере градостроительного права.

Ganeev R.R.

FEATURES OF CIVIL LIABILITY FOR VIOLATIONS IN URBAN LAW

The main purpose of this article is to study the features of civil liability for violations of urban law.

Key words: civil liability, urban law, civil liability for violations of town planning law.

Исследованию института гражданско-правовой ответственности посвящено большое количество работ известных ученых в области права. Среди них особо можно выделить таких, как С.Н. Братусь, Ю.Г. Басин, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.П. Грибанов, Ю.Х. Калмыков, Г.К. Матвеев, М.Н. Малеина, В.Л. Слесарев, В.А. Тархов, А.М. Эрделевский и др.

Вместе с тем градостроительное право как новая комплексная отрасль права сформировалась относительно недавно¹. Этим объясняется отсутствие глубоких исследований вопросов гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права.

Как разновидность юридической ответственности ответственность в гражданском праве обладает всеми свойственными ей признаками. Вместе с тем гражданско-правовой ответственности присущи и особенности, обусловленные спецификой гражданского права.

В числе основных отличительных признаков гражданско-правовой ответственности традиционно выделяют: имущественный характер, ярко выраженную компенсационно-восстановительную направленность, инициативу потерпевшей стороны в ее применении и др. Поскольку гражданское законодательство регулирует, главным образом, имущественные отношения, то и гражданско-правовая ответственность, как понимает большинство авторов, имеет имущественное содержание, а ее меры (гражданско-правовые санкции) носят имущественный характер².

В гражданско-правовой литературе можно встретить обоснованную точку зрения, что гражданско-правовая ответственность является самостоятельным институтом гражданского права, распространяющим свое действие, по общему правилу, на все виды гражданских правоотношений³.

Действительно, институт гражданско-правовой ответственности содержит все нижеперечисленные признаки, присущие правовому институту. К признакам правового института, в частности, относят: регулирование составляющими правовой институт нормами самостоятельного и четко очерченного круга правовых отношений; законченность правового регулирования, что характеризует устойчивость юридической связи внутри правового института; юридическая однородность правового регулирования, что предопределяет существование наиболее общих и основополагающих для всего правового

Ганеев Р.Р.

института специальных понятий и терминов; наличие общей правовой нормы, лежащей в основе соответствующего правового института, что следует из признака однородности правового регулирования; особенность (функций) задач соответствующей группы правовых норм, составляющих правовой институт⁴.

Институт гражданско-правовой ответственности, по нашему мнению, состоит из более дробных образований – субинститутов. Среди последних можно выделить субинститут гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права. В качестве признаков, позволяющих объединить отдельные нормы, объединяющие отношения гражданско-правовой ответственности в правовой субинститут, выступают: 1) специфика предмета правового регулирования; 2) наличие особых функций; 3) специфический субъектный состав; 4) в отдельных случаях – особый порядок применения мер гражданско-правовой ответственности.

В гражданском праве исследованию подвергались и другие относительно обособленные структурные комплексы, объединяющие нормы, регулирующие отношения гражданско-правовой ответственности.

Например, Е.А. Суханов выделяет гражданско-правовые меры ответственности за нарушение банковского законодательства⁵. В работе В.И. Романова отдельному исследованию подвергается гражданско-правовая ответственность за нарушение лесного законодательства Российской Федерации⁶. Обоснованным является вопрос выделения субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере рынка ценных бумаг⁷.

Каждому из приведенных совокупностей норм, регулирующих отношения, связанные с применением конкретных мер гражданско-правовой ответственности, присущи признаки, отличающие их друг от друга. Например, они отличаются по субъектному составу отношений гражданско-правовой ответственности. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. №395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изменениями и дополнениями)⁸ выделяются особые субъекты банковской деятельности (банк, небанковская кредитная

1 Ганеев Р.Р. О сущности градостроительного права и его связях с гражданским правом // Евразийский юридический журнал. – № 2 (21). – 2010.

2 См., например: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Изд-во «Статус», 1997. – С. 492; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000. – С. 310–311; Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: «РГ Пресс», 2010.

3 См.: Гражданское право: Учебник: в 2-х т. – Т.1 / Под ред. Суханова Е.А. – М.: БЕК, 1998. – С. 432; Васькин В.В., Овчинников Н.И., Рогович Л.Н. Гражданско-правовая ответственность. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1988. – С. 13–15.

4 См.: Арсланов К.М. Функции правового института морального вреда при посягательстве на честь, достоинство, деловую репутацию и сферу частной жизни гражданина по законодательству России и Германии / Автореф. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1999. – С. 10.

5 Правовое регулирование банковской деятельности / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: УКЦ «ЮрИнфоР», 1997. – С. 78, 107–111.

6 См.: Романов В.И. Гражданско-правовая ответственность за нарушение лесного законодательства Российской Федерации // Российская юстиция. – 1998. – № 9.

7 См.: Ганеев Р.Р. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере рынка ценных бумаг // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2001.

8 Российская газета. – 10.02.96. – № 27; 07.08.98. – № 150.

организация и др.), к которым могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности.

Заметим, что в указанной сфере существуют меры гражданско-правовой ответственности, применяемые только к субъектам, определенным законодательством о банковской деятельности. Например, согласно ст. 856 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) предусматривается гражданско-правовая мера ответственности банков за несвоевременное зачисление на счет поступивших клиенту денежных средств и др.

Изложенное выше позволяет предположить, что совокупность норм, содержащих меры гражданско-правовой ответственности за нарушение банковского законодательства, также является одним из субинститутов гражданско-правовой ответственности.

Одним из аргументов в пользу последнего положения является наличие специфического предмета правового регулирования субинститута гражданско-правовой ответственности.

Под предметом правового регулирования по общему правилу понимают определенную совокупность однородных общественных явлений, то есть сферу, на которую распространяется право¹. При этом в структуре предмета правового регулирования выделяются следующие элементы: субъекты; объекты регулируемых общественных отношений; социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическая деятельность людей².

В качестве предмета правового регулирования субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права, по нашему мнению, следует рассматривать отношения – притязания, возникающие в результате столкновения интересов отдельных субъектов градостроительного права и нарушения норм законодательства о градостроительной деятельности. Специфика указанных отношений – притязаний в сфере градостроительного права обусловлена необходимостью восстановления (компенсации) имущественной сферы притязателя – субъекта градостроительного права и наказания (поражение правовых возможностей) правонарушителя в рассматриваемой сфере.

Полагаем, что указанные отношения, выделяемые нами в качестве предмета правового регулирования субинститута гражданско-правовой ответственности, отличаются относительной самостоятельностью и однородностью.

Относительная самостоятельность отношений – притязаний, возникающих в связи с нарушением интересов (или условий их удовлетворения), в основном признается в гражданском праве³.

Развивая указанную мысль, заметим, что характерной чертой отношений – притязаний, возникающих из столкновения интересов субъектов градостроительного права и обусловленной необходимостью восстановления (компенсации) имущественной сферы притязателя, является наличие особого субъектного состава (застройщик, технический заказчик и др.), а также специфика объектов правового регулирования (здания, сооружения и иные объекты капитального строительства). Содержание данных отношений – притязаний зависит, прежде всего, от содержания обычных отношений, возникающих в сфере градостроительного права, в которых проявляется интерес – объект нарушения. Поэтому в качестве правонарушителя и притязателя, в основном, выступают субъекты основных отношений, складывающихся в сфере градостроительного права.

Субъекты же основных (обычных) отношений в сфере градостроительного права отличаются спецификой, определя-

емой законодательством о градостроительной деятельности. В частности, в качестве специфических субъектов градостроительного права по действующему законодательству можно выделить: застройщика, собственника объекта капитального строительства, технического заказчика и др.

Совершение правонарушения в сфере градостроительного права порождает возникновение рассматриваемых отношений-притязаний, которые выражаются в появлении у лица, чьи права и законные интересы оказались нарушены, права требовать от правонарушителя восстановления или компенсации нарушенного состояния и наказания последнего.

В связи с изложенным полагаем, что в сферу правового регулирования субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права входят ответные действия притязателя – субъекта градостроительного права, совокупность различных приемов воздействия на нарушителя и исполнение последним обязанностей по восстановлению (компенсации) имущественной сферы потерпевшего.

Как известно, регулируемые гражданским правом товарно-денежные отношения носят эквивалентно-возмездный характер. В связи с этим и гражданско-правовая ответственность, по общему правилу, направлена на эквивалентное возмещение потерпевшему причиненного вреда или убытков, а ее применение имеет целью восстановление имущественной сферы потерпевшего от правонарушения, но не его неосновательное обогащение. Отсюда компенсационная природа гражданско-правовой ответственности, размер которой должен в принципе соответствовать размеру понесенных потерпевшим убытков, но не превышать его. Из этого общего правила имеются отдельные исключения, связанные с возможностью увеличения размера ответственности (например, при защите прав граждан-потребителей или при возмещении внедоговорного вреда в соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ) либо его ограничения (прямо установленные федеральным законом на основании правила п. 1 ст. 400 ГК РФ, например при определении размера ответственности транспортных организаций в договоре перевозки)⁴. Таким примером исключения из общих правил может служить также гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере градостроительного права, которая отличается увеличенным размером ответственности сверх возмещения вреда (далее сокращенно – повышенная гражданско-правовая ответственность).

Так, согласно п. 1 ст. 60 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрДК РФ) в случае причинения вреда личности или имуществу гражданина, имуществу юридического лица вследствие разрушения, повреждения здания, сооружения либо части здания или сооружения, нарушения требований к обеспечению безопасной эксплуатации здания, сооружения собственник такого здания, сооружения (за исключением случая, предусмотренного частью 2 настоящей статьи), если не докажет, что указанные разрушения, повреждение, нарушение возникли вследствие умысла потерпевшего, действий третьих лиц или чрезвычайного и непредотвратимого при данных условиях обстоятельства (непреодолимой силы), возмещает вред в соответствии с гражданским законодательством и выплачивает компенсацию сверх возмещения вреда:

- 1) родственникам потерпевшего (родителям, детям, усыновителям, усыновленным), супругу в случае смерти потерпевшего – в сумме три миллиона рублей;
- 2) потерпевшему в случае причинения тяжкого вреда его здоровью – в сумме два миллиона рублей;
- 3) потерпевшему в случае причинения средней тяжести вреда его здоровью – в сумме один миллион рублей.

В соответствии с пп. 2, 3 ст. 60 ГрДК РФ к такой гражданско-правовой ответственности в некоторых случаях могут быть

1 См., например: Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. / Под ред. проф. М.Н. Марченко. – Т. 2. Теория права. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С. 234-235.

2 Там же. – С. 234.

3 См., например: Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. – С. 20.

4 См.: Гражданское право: в 4 т. – Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: «Волтерс Клувер», 2008.

привлечены концессионер, застройщик, технический заказчик.

Заметим, однако, что указанная разновидность повышенной гражданско-правовой ответственности не распространяется на случаи причинения вреда вследствие разрушения, повреждения многоквартирного дома, части такого дома, нарушения требований к обеспечению безопасной эксплуатации такого дома (п. 10 ст. 60 ГрК РФ).

Соответственно, одной из особенностей субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права является взаимосвязь размера гражданско-правовой ответственности с конкретным объектом капитального строительства¹. Так, в случае, если речь идет о любом объекте капитального строительства (здание, сооружение, объект незавершенного строительства), кроме многоквартирного дома, то применяются правила ст. 60 ГрК РФ, устанавливающие повышенный размер гражданско-правовой ответственности. В случае же, если речь идет о многоквартирном доме, то возмещение вреда, причиненного вследствие разрушения или повреждения многоквартирного дома, его части, нарушения требований к обеспечению безопасной эксплуатации многоквартирного дома, осуществляется в соответствии с гражданским законодательством (п. 11 ст. 60 ГрК РФ).

Еще одной особенностью субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере градостроительного права является взаимосвязь лица, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности, с конкретной разновидностью объекта капитального строительства. Так, если речь идет о здании, сооружении (за исключением многоквартирного дома), то к повышенной гражданско-правовой ответственности могут привлекаться собственник здания, сооружения или концессионер (пп. 1, 2 ст. 60 ГрК РФ). Если же речь идет об объекте незавершенного строительства (за исключением многоквартирного дома), то к повышенной гражданско-правовой ответственности могут быть привлечены застройщик и технический заказчик (п. 3 ст. 60 ГрК РФ). В случае же, когда речь идет о многоквартирном доме, то повышенный размер гражданско-правовой ответственности, предусмотренный ст. 60 ГрК РФ, не применяется.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере градостроительного права имеет не только компенсаторно-восстановительную функцию, но и важную стимули-

рующую направленность, призванную побуждать субъектов градостроительного права к добросовестному выполнению своих обязанностей. Учитывая социальную значимость сферы градостроительства, существует необходимость в более глубоко правовом регулировании гражданско-правовой ответственности в указанной сфере. Как показало настоящее исследование, гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере градостроительного права имеет свою специфику, обусловленную особенностями законодательства о градостроительной деятельности в отношении субъектов и объектов градостроительного права.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланов К.М. Функции правового института морального вреда при посягательстве на честь, достоинство, деловую репутацию и сферу частной жизни гражданина по законодательству России и Германии // Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 1999.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Изд-во «Статут», 1997.
3. Васильев В.В., Овчинников Н.И., Рогович Л.Н. Гражданско-правовая ответственность. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000.
5. Ганеев Р.Р. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере рынка ценных бумаг // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2001 г.
6. Ганеев Р.Р. О сущности градостроительного права и его связи с гражданским правом // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 2 (21).
7. Ганеев Р.Р. Правовой режим объектов капитального строительства // «Евразийский юридический журнал». – 2011. – № 1 (32).
8. Гражданское право: в 4 т. – Т. 1: Общая часть / Отв. ред. – Е.А. Суханов. – М.: «Волтерс Клувер», 2008.
9. Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: «РГ Пресс», 2010.
10. Гражданское право: Учебник: в 2-х т. – Т. 1 / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 1998.
11. Правовое регулирование банковской деятельности / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: УКЦ «ЮрИнфоР», 1997.
12. Романов В.И. Гражданско-правовая ответственность за нарушение лесного законодательства Российской Федерации // Российская юстиция. – 1998.
13. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.

1 Подробнее о правовом режиме объектов капитального строительства см.: Ганеев Р.Р. Правовой режим объектов капитального строительства // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №1 (32).

Сердюк П.П.

СОСТОЯНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ РЕСТИТУЦИИ В УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ ГОСУДАРСТВ МИРА

В статье представлены результаты исследования наименее изученного в мировой литературе вопроса о состоянии возмещения вреда, причиненного преступлением, а также восстановления допреступного состояния – реституции. Уделено также внимание вопросу государственной компенсации вреда, причиненного преступлением. В исследовании использованы данные из 34 государств мира, которые представляют все заселенные континенты планеты.

Ключевые слова: виктимизация, компенсация, потерпевшие, реституция.

Serdiuk P.P.

CONDITION OF RESTITUTION ENFORCEMENT IN THE CRIMINAL JUSTICE OF THE COUNTRIES WORLDWIDE

The paper presents the results of a study of the least studied question in the world literature on the state of compensation for damage caused by the crime, and rehabilitation of pre-crime's state – restitution. Also attention is given to the issue of state compensation for the damage caused by the crime. The study uses data from 34 states, representing all the inhabited continents of the world.

Key words: victimization, compensation, victims, restitution.

Сердюк П.П.

Статистика применения уголовно-правовой реституции в разных странах – довольно редкое явление. Как справедливо отмечают Г. Ньюман и Г. Говард, главным препятствием на пути проведения глубокого анализа на метауровне является относительная малочисленность, недостаточная достоверность и надежность данных¹. Статистические показатели выявить довольно непросто, а иногда без репрезентативного исследования соответствующей выборки документов вообще невозможно. В рекомендациях ООН (2003 г.) о развитии системы статистики уголовной юстиции указана форма данных уголовного суда. В ней предусматривается обязательная графа «Реституция» с указанием ее размера. Однако статистические отчеты стран преимущественно не предусматривают такой информации, хотя судебная отчетность и предполагает указание на причиненный ущерб потерпевшим от преступлений. В нашем исследовании были изучены показатели реституции и компенсации ущерба от преступлений в 34 странах мира, представляющих все заселенные континенты и составляющих около 20% от всех стран, что соответствует правилу репрезентативности данных.

На уровне Европейского Союза Комиссией европейских сообществ было принято положение «О компенсации жертвам преступлений» (Green Paper, 2001 г.). В нем предусматривается компенсация потерпевшим ущерба от преступлений на принципах субсидиарности и суброгации. Это означает, что государство компенсирует ущерб в том случае, когда у виновного в причинении вреда недостаточно средств для такой компенсации, на сумму, равную части, которой не хватает для полной компенсации (субсидиарность), а также в полной мере, если у виновного нет средств для компенсации вообще (суброгация). Государство осуществляет компенсацию лишь с того момента, когда выясняется, что средства виновного лица и/или страховой организации исчерпаны, а страховые организации ограничены договором и могут не покрывать всего вреда. При этом государство имеет право впоследствии требовать от виновного лица компенсации таких расходов, т.е. средств, которые государство выплатило потерпевшему в счет компенсации преступного вреда².

К. Бак, исследуя вопрос Европейской системы компенсации жертвам преступлений, рассматривает его в контексте ее

оснований. Она предлагает несколько вариантов: повышение эффективности уголовной политики и уменьшение вероятности самоуправства в отношении виновных в преступлениях; система смягчения восприятия либерализации и уменьшение ретрибутивных основ уголовной юстиции; существование более уязвимых жертв, которым не под силу самостоятельно оправиться от последствий преступления. По нашему мнению, к рассмотренным К. Бак вариантам можно отнести еще два, а именно – «социальную солидарность» и политическую выгоду государства³. Что касается первых трех, то из-за очевидной связи современной системы компенсации с «публичными интересами» и уголовным правом, представляется, что такая система является своеобразным средством смягчения гнева жертв преступлений относительно их оценок эффективности обеспечения государством безопасности граждан – избирателей власти. К. Бак, стремясь видеть в системе «социальную солидарность», не находит ее, надеясь на реформу, которая обеспечит эту справедливость. На пути такой солидарности стоят действующие институциональные принципы компенсации. К их числу относятся невозможность получить компенсацию для человека, который нелегально находится на территории стран Европейского Союза и стал жертвой насильственного преступления⁴, а также связь компенсации с определенными юридическими факторами, например, видом преступления, формой вины, виктимным поведением потерпевшего, которое часто делает невозможным получение им компенсации. Сюда также входит обязательное предварительное обращение потерпевших в полицию в связи со своей виктимизацией и т. д. Последние ограничения вполне выгодны для государства. С одной стороны, количество насильственных преступлений, за которые осуществляется компенсация, сравнительно невелика относительно всего населения в большинстве стран мира и в европейских странах в частности, с другой – государственная компенсация демонстрирует гражданам-избирателям лояльность государственной власти и ее озабоченность проблемой. Как точно отмечает К. Бак, данная рестрикция выплат означает, что система не основывается на принципе «социальной солидарности»⁵. Скорее всего, основой такой системы является принцип политической целесообразности. Чаще всего

1 Newman G., Howard G. Introduction: Varieties of Comparative Criminology // International Journal of Comparative Sociology. – 2001. – Vol. XLII. – № 1–2. – P. 3.

2 Green Paper. Compensation to crime victims. Commission of the European Communities. Brussels, 28.09.2001. COM (2001) 536 final [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rada.gov.ua:8080/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=19219.

3 Buck K. State Compensation to Crime Victims and the Principle of Social Solidarity Can Theoretical Analysis Contribute to a Future European Framework? // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2005. – Vol. 13. – № 2. – P. 150–151.

4 Green Paper. On a Community Return Policy on Illegal Residents. Brussels, 10.04.2002. COM (2002) 175 final [Электронный ресурс]. – Режим доступа: .

5 Buck K. Opere citato. – P. 161–170.

общие суммы выплат компенсации жертвам насильственных преступлений весьма незначительны, ограничены квотами и т. д. Очевидно, что ни в одной стране система, которая бы обеспечивала высокую вероятность выплаты виновными лицами хотя бы половины суммы потерпевшим, невозможна. Это бремя может взять на себя либо сама жертва преступления и его близкие, либо общество.

В проекте Закона Украины «О возмещении за счет государства материального ущерба гражданам, пострадавшим от преступления» государственная компенсация ущерба исключается, если возможна хотя бы частичная компенсация за счет виновного лица или в ином порядке (страховая компенсация). Государственная компенсация осуществляется еще в досудебной стадии уголовного процесса, хотя и через решение суда. Предусматривается право государства на регрессное требование к виновному лицу после обнаружения такого лица и предъявления ему обвинения в совершении соответствующего преступления¹. В Украине за период с начала 2007 г. до конца 2009 г. количество дел, в которых компенсация расходов виновными в совершении преступления в связи с временной нетрудоспособностью потерпевшего не выплачивалась страховым фондом при наличии самой страховки, составило 0,31%, что соответствует общему показателю компенсаций за пределами уголовно-процессуальных отношений. Представляется, что ввиду того, что компенсации страховыми организациями осуществляются за счет договорных отношений с лицами, которые возникли еще до того, как они стали потерпевшими от преступлений, то и говорить о наличии таких компенсаций в Украине пока не приходится. Учитывая это, слово «компенсация» дальше можно употреблять в общем смысле как синоним одного аспекта реституции. Реституция имеет больший смысл по сравнению с компенсацией, поскольку последняя не предусматривает восстановление в правах, возврат имущества. Фактические реалии показывают, что в Украине восстановление в правах, которое осуществляется на уровне предписаний в приговоре, – это очень редкое явление. Например, за период с 02.01.2007 по 30.12.2009 гг. в 2,2% уголовных делах по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 172, 175 УК Украины (грубое нарушение законодательства о труде; невыплата заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат), права потерпевших восстанавливались. Делались соответствующие записи в трудовых книжках, возобновлялась должность потерпевшего, определялись соответствующие даты для осуществления регрессивных социальных выплат. Однако осуществлялось это еще до вынесения приговора и добровольно самими обвиняемыми или по их распоряжению, без предписания в приговоре. Иски о возмещении в релевантных гражданских делах (в которых были ссылки на вынесенные приговоры по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 172, 175 УК Украины) составили 16,1% по отношению к уголовным делам этой категории. В них, как правило, потерпевшие требовали возмещения материального и морального ущерба, понесенных в связи с нарушением их трудовых прав. Всего за указанный период было 1,5% уголовных дел по обвинениям в совершении преступлений, предусмотренных статьями 172, 175 УК Украины, где было возможно восстановление в трудовых правах. Прежде всего, это касалось нормы, предусмотренной ст. 172 УК Украины, применение которой составило 0,83% относительно уголовных дел за этот период, которые рассматривались в судах Украины. Применение же нормы, предусмотренной ст. 175 УК Украины (0,67%) могло включать возмещение материального и морального вреда.

1 Про відшкодування за рахунок держави матеріальної шкоди громадянам, які потерпіли від злочину: проект Закону України № 6283/п від 25 жовтня 2004 р. Прийнято в першому читанні (18 січня 2006 р.) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.rada.gov.ua:8080/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=19219.

Основная нагрузка таких возмещений приходилось на гражданские дела, релевантные указанным уголовным делам. В целом, возмещение материального и морального ущерба по этим преступлениям не превышало 16,1%, при этом большая его часть выведена за рамки уголовного процесса и рассматривалась как содержание гражданско-правовых деликтных отношений. Уголовные дела по обвинению в привлечении заведомо невиновного лица к уголовной ответственности и вынесении неправомерного приговора (статьи 373, 375 УК Украины) также потенциально включают возможность восстановления потерпевших в правах. Однако за вышеупомянутый период ни одного уголовного дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 373 УК Украины, в котором бы в приговоре содержалось предписание о восстановлении потерпевшего в правах, нет. В гражданских делах (2,25% относительно всех привлечений заведомо невиновного лица к уголовной ответственности за период 2007–2009 гг.), релевантных привлечению заведомо невиновного лица, возмещению подлежали лишь материальный и моральный вред. Предписаний о восстановлении прежнего состояния лица, восстановлении на работе и т. п. не предполагалось, ведь гражданские дела ограничены исковыми требованиями, а указанные требования не высказывались. В делах по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 375 УК Украины, восстановление потерпевшего в правах по предписанию в приговоре также не обнаружено, а количество таких дел составляло 0,006% по отношению ко всем уголовным делам за указанный период, т. е. за пределами статистической закономерности. Следовательно, не является фактом, под который можно подводить обобщения. Но можно говорить о том, что такого восстановления в рамках уголовно-правовых отношений не происходит. Картина не изменится, даже если базовым периодом оценок взять один год. В таком случае показатель увеличится до ≈0,02%, что также за пределами статистических закономерностей, поскольку этот показатель не превышает величину погрешности измерения. Сравнение статистики Генеральной прокуратуры Украины за 2007–2009 гг. подтверждает когерентность полученных данных². За пределами статистических закономерностей находится этот показатель и в Российской Федерации, например, в 2008 г. он составлял 0,0002% от всего количества уголовных дел за этот год. По данным, которые приводит А.А. Пантелеева, в РФ около 10–12% осужденных в действительности не совершали преступлений³. Правда, она не указывает, по какой методике определялся этот показатель. В ЕС он составляет до 5%. Однако и этот показатель не верифицирован. В то же время А.В. Бажанов подчеркивает, что официальный учет заявлений реабилитированных о возмещении причиненного им вреда противоправным уголовным преследованием в РФ, по состоянию на 2011 г., не осуществлялся⁴. Так же, как в Украине и в большинстве стран мира. Парадигма уголовного права делает этот вопрос для власти не интересным.

Между прочим, именно в этой категории дел есть что «восстанавливать» с точки зрения статусных прав, ведь неправомерно осужденные теряют не только блага, которые ограничиваются осуждением и наказанием, но часто и работу, положительный социальный статус, который они вынуждены восстанавливать самостоятельно, т. е. начинать все сначала.

2 Інформація про стан законності в державі за 2007-2009 рр. (відповідно до статті 2 Закону України «Про прокуратуру»). Генеральна прокуратура України. Офіційний інтернет-портал [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/vlada.html?_m=publications&_t=rec&id=36585.

3 Пантелеева А.А. Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями подразделений дознания и предварительного следствия (на примере деятельности горрайорганов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 17.

4 Бажанов А.В. Возмещение имущественного вреда реабилитированному в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 3.

Здесь Фемида предпочитает не только слепую беспристрастность, но и полное молчание. Очевидно, именно это и является закономерностью, которую неудобно признать, но она свидетельствует о наличии определенных предпосылок, которые привлекают не менее чем сама закономерность. В гражданских делах (6,6% в отношении всех постановлений неправосудных приговоров за период 2007–2009 гг. в Украине), релевантных постановлению неправосудных приговоров, возмещению подлежали только материальный и моральный вред. Предписаний о восстановлении прежнего состояния лица, восстановлении на работе и т. д. также не предусматривалось.

Существующая судебная статистика, по нашему мнению, не демонстрирует действительной ситуации с возмещением ущерба потерпевшим от преступлений, которые на самом деле представлены в приговорах и решениях судов. В ней определяются пропорции потерпевших от преступлений, а характер последних зависит от природы ущерба. Например, указание на то, что 74,6% составляяет материальный и моральный вред, а остальные (25,4%) – вред жизни и здоровью¹ является малоинформативным, если исследователю надо узнать о том, какой и насколько вред возмещается на практике. Исходя из этой статистики, можно представить, что поскольку вред жизни и здоровью компенсировать нельзя, то значит, эта категория вреда не возмещается, оставаясь предметом уголовно-правовой репрессии, как средства психологической компенсации для заинтересованных лиц. В Европейском сообществе существует официальная позиция, что медицинские расходы на восстановление здоровья относятся к материальному ущербу, в отличие от боли, страданий (физических и психических), нарушения целостности личности, относящиеся к нематериальному вреду², который в РФ и Украине связывают с моральным вредом. Представляется, что компенсацию расходов на лечение, погребение погибших, правовую помощь в связи с потерей кормильца, проведение экспертиз следует отличать от компенсации ущерба в экономическом смысле, когда возмещают стоимость имущества, утраченного из-за хищения. Если восстановление здоровья возможно путем лечения, то и компенсацию расходов на лечение не стоит воспринимать только через призму экономической составляющей, тем более что, как оказалось, таким компенсациям присущи свои закономерности. В приговорах судов Украины случаются редкие случаи компенсации ущерба за невозможное благо – жизнь или здоровье (0,31%), причем здесь имеются в виду не средства на лечение, на захоронение умершего, возмещение морального вреда. Очевидно, что в этой доле менее 1% нет закономерности, скорее всего, здесь имеет место ошибка судей, но это является косвенным подтверждением, что компенсация далеко не всегда определяется экономическими критериями.

В Российской Федерации показатель реституции определяют в 74%³, хотя данная доля не адекватна настоящему уровню реституции, ведь в официальной статистике ссылаются на совокупный размер причиненного вреда и совокупное присужденное возмещение. Исходя из Инструкций⁴, судьи в РФ заполняют

учетно-статистическую карточку уголовного дела, ориентируясь на указанный в обвинительном заключении и подтвержденный в судебном заседании вред. Но в делах, где заявлен гражданский иск, вопрос причиненного ущерба остается на уровне, представленном обвинением. Однако в РФ по данным судебной статистики в 17% уголовных дел подаются иски о возмещении вреда, причиненного преступлением, 15,2% которых полностью или частично удовлетворяют. Определять истинный уровень реституции, исходя лишь из указанного обвинением вреда и непропорционально низкого количества гражданских исков по этому вопросу не корректно. Указанные 74% и 15,2% не означают, что 58,8% уголовных дел предусматривают возмещение еще до вынесения судебного решения или приговора, поскольку изучение конкретных уголовных дел свидетельствует о том, что как раз в большинстве уголовных дел такой ущерб полностью или частично не возмещается. Реальным показателем уровня уголовно-правовой реституции в РФ будет показатель в 15,2%, учитывая, что в судебной статистике РФ количество гражданских исков, релевантных уголовным делам, рассмотренным вне уголовного процесса, не указывается. Гипотетически можно предположить, что эта доля (15%) соответствует уровню активности потерпевших относительно возмещения причиненного им вреда. Хотя те, кто были активными в выявлении преступления, совершенного против них, во время уголовного процесса, теряют свою активность и их доля уменьшается до 15%. Здесь процент возмещений не всегда зависит от настойчивости потерпевших, играют роль и следователи, и судебные факторы, и обвиняемый/осужденный. Тем не менее, практика показывает, что активность и настойчивость потерпевших, способность отстаивать свои интересы во всех инстанциях играет ведущую роль в реституции. Показатель 15% близок к показателям ответственности между реституцией и нелатентной виктимизацией относительно насильственных преступлений в США, Канаде, Великобритании, Новой Зеландии.

В УК РФ внедрили идею реституции в главе 151 «Конфискация имущества», которая была введена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. В ней в ч. 1 ст. 1041, ст. 1043 говорится о приоритете возврата денег, ценностей и иного имущества законному владельцу над фискальными действиями государства. В ч. 2 этой статьи предусматривается возвращение всех «узурфруктов» от имущества, которое было добыто преступным путем. Предусматривается компенсация другим имуществом, если возврат имущества в натуре невозможен из-за потребления, отчуждения и т. п. (ст. 1042 УК РФ). Как следует из названия этого раздела, указанная мера должна считаться «другой мерой уголовно-правового характера», а основанием ее применения предлагают признавать получение виновным лицом денег, ценностей, иного имущества или доходов в результате совершения преступления⁵. Представляется, что следовало бы закрепить также положение, согласно которому имущество, полученное через совершение преступления другим лицом, также должно быть возвращено законному владельцу, а также все «узурфрукты», полученные от него.

Суды в Украине применяют реституцию по делам о преступлениях против жизни и здоровья, это реституция, связанная с расходами на захоронение умершего, которая предоставляется вторичным потерпевшим, или реституция расходов на лечение. Уровень такой реституции составляет соответственно – 5,3% и 23,6% из всех возмещений, которые определяются

1 Судова влада України. Офіційний веб-портал. Управління організації роботи з ведення судової статистики, діловодства та архіву судів Державної судової адміністрації України. Огляд даних про стан здійснення правосуддя в 2008 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступа: .

2 Green Paper. Compensation to crime victims. Commission of the European Communities. Brussels, 28.09.2001. COM (2001) 536 final [Електронний ресурс]. — Режим доступа: .

3 Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2009 году. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=42>.

4 Инструкция по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: Приказ Генерального директора Судебного департамента при

Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г., № 161 [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;ba-se=LAW;n=62370>; Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г., № 36 [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;ba-se=LAW;n=66296>.

5 Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. — 2007. — № 6. — С. 54.

в приговорах. В Украине доля возмещений за умышленные преступления против жизни составляет 12,3%, а за телесные повреждения – 29,6%. Средним показателем компенсаций преступного вреда, учитывая досудебные добровольные реституции, является доля в 30,4% от всех преступлений. Довольно странной выглядит ситуация, когда за преступления против собственности требуется и присуждается реституция в 49,5% дел, а за преступления против здоровья или такие, где дополнительным объектом является жизнь и здоровье, – только в 29,6% и, как отмечалось, всего в 12,3% дел – компенсация расходов на погребение погибших от умышленного убийства. Возможно, такой низкий процент можно объяснить тем, что требования компенсаций выделяются в отдельное производство, ведь в большинстве уголовных дел гражданские иски не предъявляются. Исследование показало, что количество решений по гражданским делам о компенсации вреда, причиненного преступлением, составляло всего лишь 0,27% от количества уголовных дел за исследуемый период. Количество дел с удовлетворением гражданского иска о возмещении вреда, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием органа дознания, досудебного следствия, прокуратуры, суда за 2008–2009 гг., составляло 0,01% от всех категорий гражданских дел, рассмотренных судами за этот период. Из всех исков этой категории удовлетворялись около 60%¹. Такой небольшой показатель не должен удивлять на фоне того, что доля указанных решений в отношении всех гражданских дел за исследуемый период составляет 0,05%. Отсюда то, что компенсация вреда, причиненного преступлением, составила менее 1%, является нормальной практикой для украинской юстиции. Однако 30,4%, как средний показатель компенсаций за общеуголовные преступления (ядерная преступность), – достаточно невысокий показатель. Это при том, что за преступления против жизни и здоровья он непонятно низкий. Вот что действительно должно удивлять. Впрочем, из этой трети потерпевших, которым присуждена реституция, вероятная доля тех, кто получают ее реально, со дня вынесения приговора или решения через систему исполнительного производства, составляет около одной трети. Большинство таких исполнений судебных решений осуществляется недобровольно. Показатель колеблется от одной трети до половины, в зависимости от региона и масштаба статистической выборки².

В обобщенной таблице (рис. 1) представлены преимущественно полные данные по уголовно-правовой реституции в государствах мира, выявить которые можно было, лишь применяя все возможности изысканий, поскольку в статистических отчетах и исследованиях эти цифры очень редко отмечают прямо. В ней можно заметить значительные различия между странами в показателях уголовно-правовой реституции/компенсации. Очевидна закономерность, что из всех потерпевших, которые обращались с требованиями возмещений, в почти половине правовых систем компенсацию/реституцию получала преимущественно треть потерпевших.

Т.В. Варчук и К.В. Вишневецкий утверждают, что существующие различия в реституции и компенсации, связанные с качественными различиями в параметрах общей и правовой культуры, зависят от степени сплоченности общества, практики деятельности полиции и стереотипного отношения к ней населения, границ открытости частного пространства личности³. Но все же цифры указывают другое.

Среди пропорциональных закономерностей на показателе реституции может влиять уровень применения имущественных наказаний. Чем выше процент применения штрафов, тем ниже уровень присуждения реституции и еще меньше уровень ее выполнения. Это объясняет то, почему в развивающихся странах доля присуждения реституции выше, хотя эти страны значительно беднее и население живет небогато. Впрочем, даже в тех странах, где нормативно закреплен приоритет реституции/компенсации над финансовыми санкциями (Англия и Уэльс, Норвегия, Швеция)⁴ уровень реституции/компенсации ниже, чем во многих развивающихся странах. Это нельзя объяснить низким уровнем правовой культуры, поскольку эти страны признаются образцом для подражания в уровне общей и правовой культуры (см.: рис. 2). Впрочем, из общей закономерности следует выделить США, где уровень применения штрафов небольшой, а доля реституции составляет одну пятую от всех потерпевших. В этом видна обратная закономерность.

Такой малый процент штрафов должен был повысить уровень реституции по сравнению с другими странами, например, с Украиной, но этого не произошло. То же самое касается Чили, ЮАР, Индии, Словении. Отдельно следует сказать о Франции и Чехии.

Во Франции высокий уровень применения штрафов, но также высокий и уровень реституции. Но это происходит потому, что показатель реституции определен из альтернативной системы юстиции, т.е. восстановительного правосудия, когда к делинквентам, как правило, не применяется наказание. В Чехии невысокий показатель применения штрафов, но один из самых высоких показателей реституции. Объясняется это тем, что, к сожалению, удалось отыскать лишь данные, касающиеся реституции в альтернативной системе – восстановительном правосудии. Особое внимание вызывают Болгария и Беларусь, где при невысоких показателях применения штрафов остаются сравнительно невысокие показатели реституции.

Это обусловлено другими факторами, для определения которых необходимо провести отдельное комплексное исследование. Вообще, основываясь на количественных закономерностях, можно указать, что в большинстве стран при репрезентативной выборке указанная пропорция действует так: высокие доли применения штрафов и низкие показатели реституции. Однако не штрафы являются «ахиллесовой пятой» реституции/компенсации, они могут только уменьшать уровень возмещений. Невысокие показатели реституции/компенсации являются константой во всех странах по выборке, которая представляет все заселенные континенты и регионы. Причины того, что так происходит, можно видеть в традиционной системе уголовной юстиции, впрочем, не второстепенную роль играет и сама психология потерпевших, которые не слишком проявляют заинтересованность в требовании возмещений, даже если они не латентные потерпевшие и достигают стадии судебного рассмотрения дела.

В развитых странах жертвы преступлений больше удовлетворены деятельностью полиции и других государственных органов в содействии, а вот в развивающихся странах наоборот. Очевидно, это не связано с реституцией, поскольку в качестве критериев называют отношение, реагирование, раскрытие преступления полицией или другими органами. Наиболее довольными респондентами в этом плане являются жители скандинавских и западноевропейских стран (кроме Италии). А вот дальше на восток, хотя уровень реституции и растет, удовлетворенность потерпевших падает⁵.

С. 144.

1 Розгляд місцевими загальними судами справ та матеріалів у порядку цивільного судочинства, 2009 р. Аналітичні таблиці щодо стану здійснення правосуддя у 2009 р. Офіційний веб-портал «Судова влада України» [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.ua/sudova_statystyka/.

2 Департамент державної виконавчої служби Міністерства юстиції України. Статистика [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://dvs.gov.ua>.

3 Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: Учеб. пособие / Под ред. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. –

4 Van Dijk J., Groenhuijsen M. Benchmarking Victim Policies in the Framework of European Union Law. – In: Walklate S. (Ed.). Handbook of Victims and Victimology / Jan Van Dijk, Marc Groenhuijsen. – Cullompton, UK, and Portland, OR: Willan, 2007. – P. 254.

5 Ibidem. – P. 258–263.

Государства	Уровень локализации (применяется ли) уголовного возмещения	Доля уголовных дел по насильственным преступлениям и преступлениям, в которых потерпевшие пострадают лично	Доля уголовных дел по преступлениям против собственности	Уровень общей реституции	Уровень реституции за насильственные преступления и преступления, в которых потерпевшие пострадают лично	Уровень реституции за преступления против собственности	Уровень применения штрафов	Доля не активных потерпевших (общее или насильственные преступления / преступления против собственности)	Доля реституции спонсируемая из активов потерпевших (исключая преступления, предусматривающие реституцию)
Украина	38	24	67	30,4	29,6	49,5	14,7	29,6/49,5	30
США	29,5	48,2	38,4	21	15-20	40	3,4	47/40	18/40
Канада	64	14	80	7,8	1,2	4,8	41	5/13	14/36,9
Бразилия	45	18	64	6	-	-	34,8	3,5/3,9	-
Чили	38	22	68	26,2	12,2	11,3	3,4	30	29
Колумбия	35,5	6	22	-	24,8	-	3,7	0,5/12	28,7
Великобритания	39	48	52	9	34	31,5	52	3,2/3,9	30
Франция	8,4	13	64	47,7*	10,2	-	52	52,1/57,5	-
ФРГ	64	19	7	11,3	-	-	80,7	15/44,3	30
Швейцария	50	3,5	89,6	-	-	-	31,9	37	-
Нидерланды	54,2	5,5	68	14	20	-	37,3	36	26
Италия	45,3	0,8	72	9	-	9	33	20	28
Новая Зеландия	39	0,5	74	4,4	10,2	27,1	60	22,5/49,2	27,4
Австралия	52	4,8	69	14,1	36,5	29,2	70	37	32
Польша	42	-	-	7	-	-	21,1	46	48
Болгария	36	5	61,8	6,2	-	-	7,9	47	-
Чехия	63,5	5,2	58,4	44*	-	-	7	-	-
Литва	34	1,5	68,6	-	41	-	16	16	-
Эстония	26	-	-	3,7	-	-	25,6	30	-
РФ	85	8,3	37,1	15,2	-	-	25,3	15	-
Беларусь	76	5,4	43,2	10	-	-	10	24	22
ЮАР	52	-	-	20	-	-	14,5	74/56	-
Индия	56	19,8	20,1	22,6	-	19,9	7	24/21	25
КНР	26,3	23,5	40,9	1,2	-	-	2,4	33/29	-
Тайвань	10,7	-	-	13,1	-	0,15	20,7	11/69,4	32
Республика Корея	4,39	-	-	6,8	-	-	28	7,8	-
Япония	32,4	-	-	1,3	40	-	88,2	55	31
Швеция	51,1	-	-	12,7	-	-	67,3	25/48	48,9
Финляндия	39,1	-	-	46**	46	-	56	53/27	50
Норвегия	58	-	-	6	6	-	53,8	10/3	30
Испания	17,9	17,2	17,4	3,2	-	-	25,1	48	3,2
Словения	8	-	-	3,38	-	-	2	50	-
Турция	4,8	-	-	8,9	-	-	5,4	38	-
Иран	1,8	-	-	0,1	-	-	-	30	-

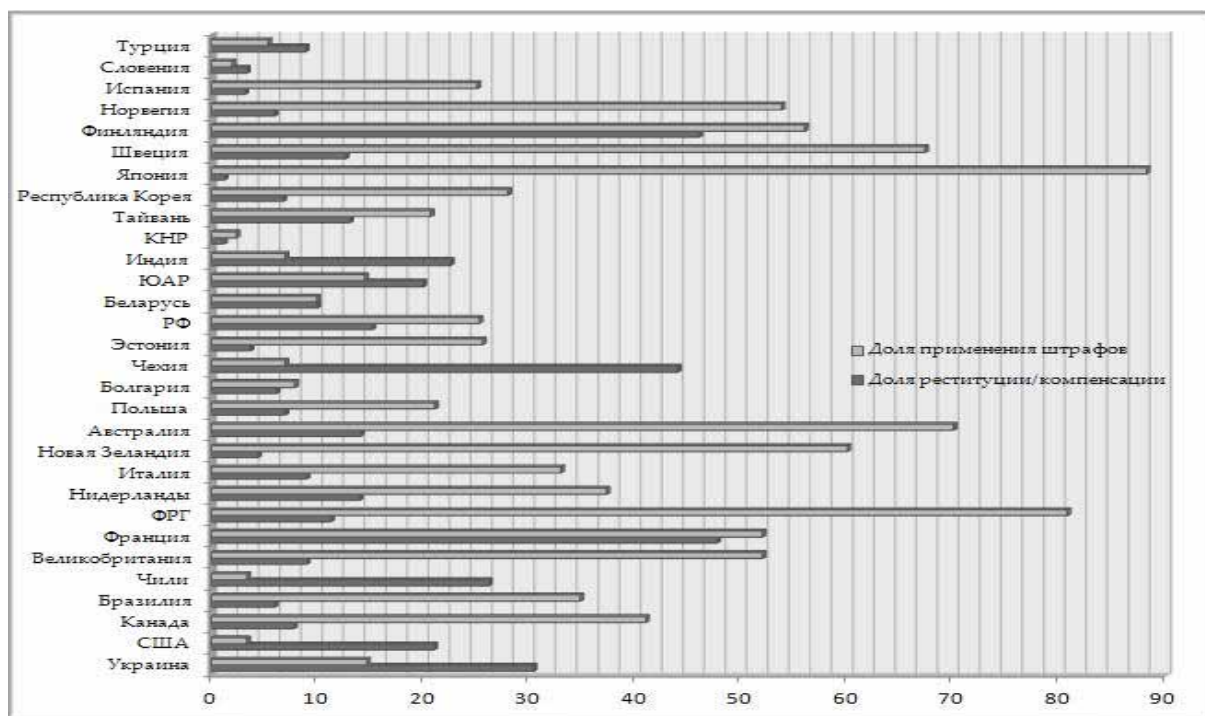
Рис. 1. Сводные данные об уголовно-правовой реституции/компенсации в государствах мира¹

Рис. 2. Пропорциональность между уровнями реституции/компенсации и применения штрафов (%)

1 (*) – реституция определена лишь в контексте неклассической уголовной юстиции (медиация); (**) – этот показатель касается только насильственных преступлений. Доля возмещений за преступления против собственности остается неизвестной. К тому же указанный показатель обусловлен тем, что большинство дел, по которым осуществлялась реституция/компенсация, предусматривали медиацию, а для нее, по финскому законодательству, возмещение ущерба – обязательное условие примирения.

Можно увидеть и другую закономерность. Она заключается в том, что между количеством потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы, и тех из них, которые получили или которым присудили реституцию/компенсацию, существует пропорция. Она отличается для потерпевших от насильственных преступлений и потерпевших от преступлений против собственности (рис. 3; рис. 4).

Но это не значит, что, например, из 30% потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы государства, реституцию или компенсацию получают почти все или даже больше. Это значит то, что из той доли потерпевших, которые обращаются, реституцию получает в большинстве стран мира близкое количество к доле обратившихся, т. е. из 30% последних приблизительно 30%, из 50% тоже около 50% получивших реституцию. Отсюда доля потерпевших от всего их количества является активной в отстаивании своих прав, но из этой доли получает возмещение примерно такая же доля. Это можно увидеть в Украине, Чили, Италии, Новой Зеландии, Австралии, Польше, Беларуси, Индии, Тайване, Норвегии.

В США, Нидерландах, Японии и Испании доля потерпевших значительно выше, чем реституция, особенно в Испании. Впрочем, в остальных указанных странах уровень реституции непропорционально выше доли потерпевших, хотя в целом и низкий. Примечательным является то, что это преимущественно развитые страны. Зато для преступлений против собственности ситуация меняется. Похожими являются доли относительно потерпевших от этих преступлений в США, Чили, Нидерландах, Италии, Австралии, Польше, Беларуси, Индии, Швеции, также почти в половине стран выборки.

Очевидна еще одна закономерность, полученная на основе данных из целой выборки, которые удалось получить, как уже отмечалось, в результате проведения целого «расследования», а иногда и сложных математических расчетов. Она заключается в том, что реституция за преступления против собственности применяется почти в два раза чаще, чем за насильственные преступления. Несмотря, казалось бы, на аксиому, фактическая нагрузка судов по этим двум категориям преступности не столь однозначна. А такую нагрузку следует учитывать, поскольку во время судебных заседаний зачастую решается судьба реституции по вышеназванным категориям преступлений.

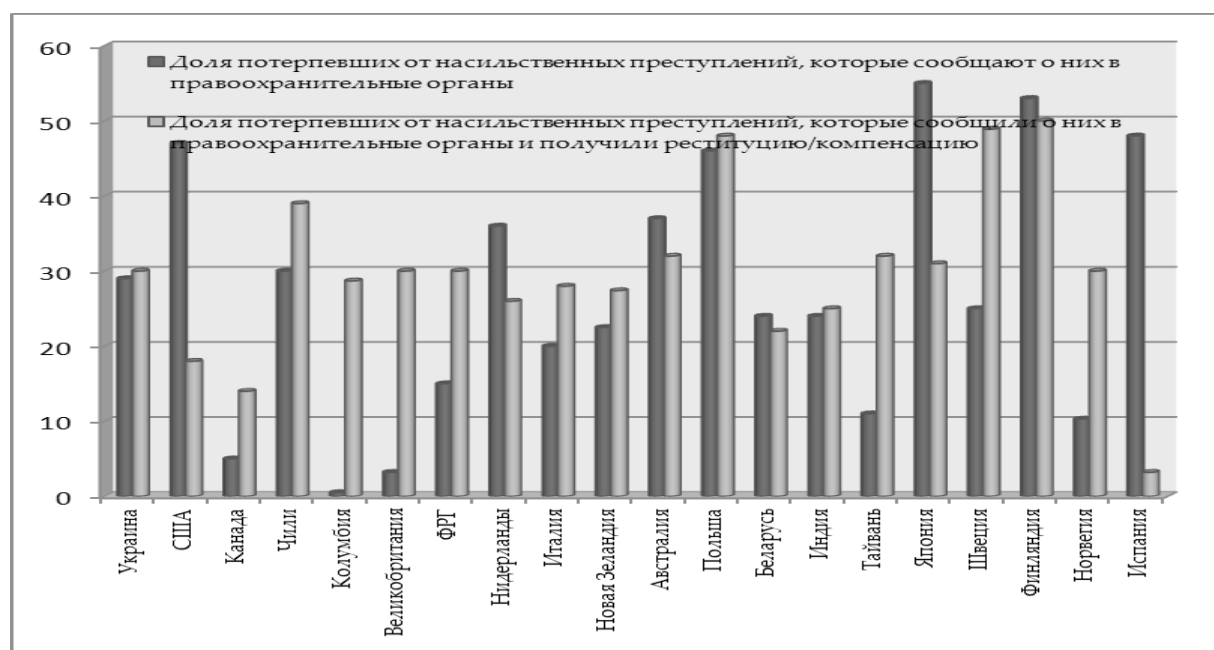

Рис. 3. Пропорция между долей потерпевших от насильственных преступлений, которые обратились в правоохранительные органы, и тех из них, кто получил или которым присудили реституцию/компенсацию

Объяснить это не трудно. Количество преступлений против собственности всегда намного выше, чем количество насильственных преступлений. Впрочем, активность потерпевших от насильственных преступлений выше, чем от других. Чаще всего имеют место преступления против собственности, однако существуют примеры, когда насильственные преступления среди уголовных дел преобладают, как в США и ФРГ, или между этими двумя категориями уголовных дел незначительная разница, как в Великобритании, Индии и Испании. Отсюда естественные пропорции видов преступности не всегда сказываются на вопросе судебной репрезентативности соответствующих категорий дел. Хотя в среднем уровень реституции за преступления против собственности выше, чем за насильственные преступления из-за того, что первые количественно преобладают, а значит, и количество соответствующих потерпевших больше. Компенсаторно-реституционные программы для потерпевших от насильственных преступлений преимущественно занимают ведущее место в государственных политиках исследуемых стран. Впрочем, уровень реституций/компенсаций даже за насильственные преступления остается весьма скромным.

В качестве гипотезы исследования полагался тезис о том, что уровень криминальной виктимизации должен влиять на уровень реституции. Эта гипотеза не подтвердилась, поскольку данные об уголовной виктимизации чрезвычайно завышены и в их истинности следует усомниться¹. На рис. 5 видно, что оба уровня не находятся в корреляции, по крайней мере, не видно определенной корреляции.

1 Сердюк П.П. Теоретичні й методологічні проблеми сучасного кримінального права: монографія. – Запоріжжя: Акцент Інвест-Трейд, 2012. – С. 573–595.

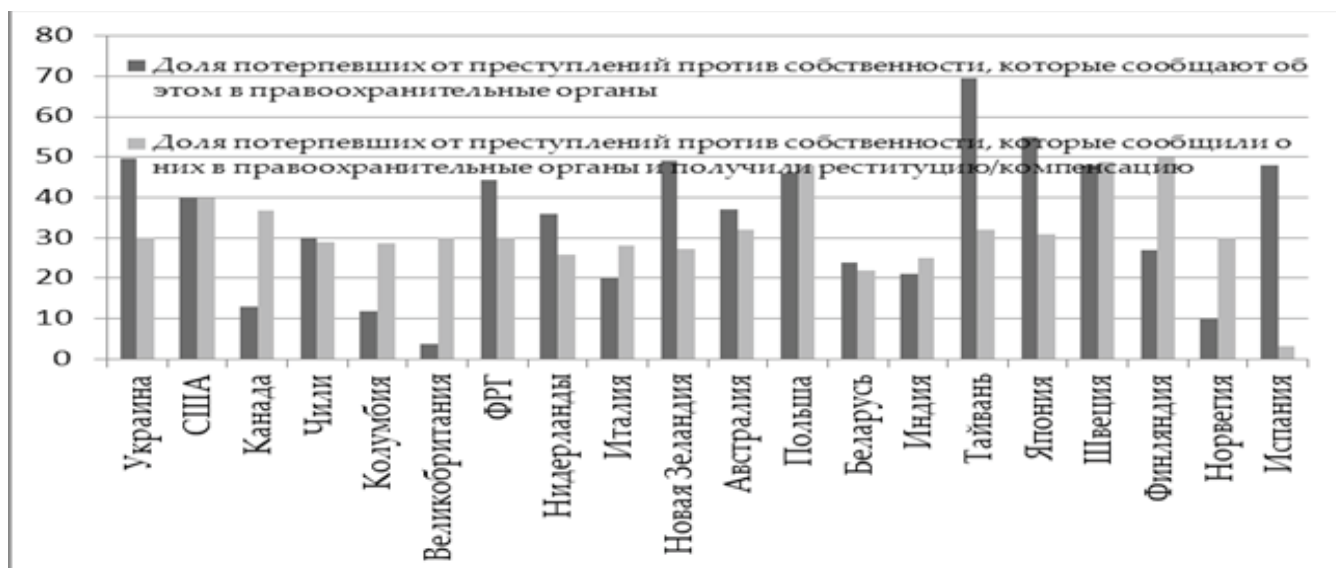

Рис. 4. Пропорция между долей потерпевших от преступлений против собственности, которые обратились в правоохранительные органы, и тех из них, кто получил или которым присудили реституции/компенсацию

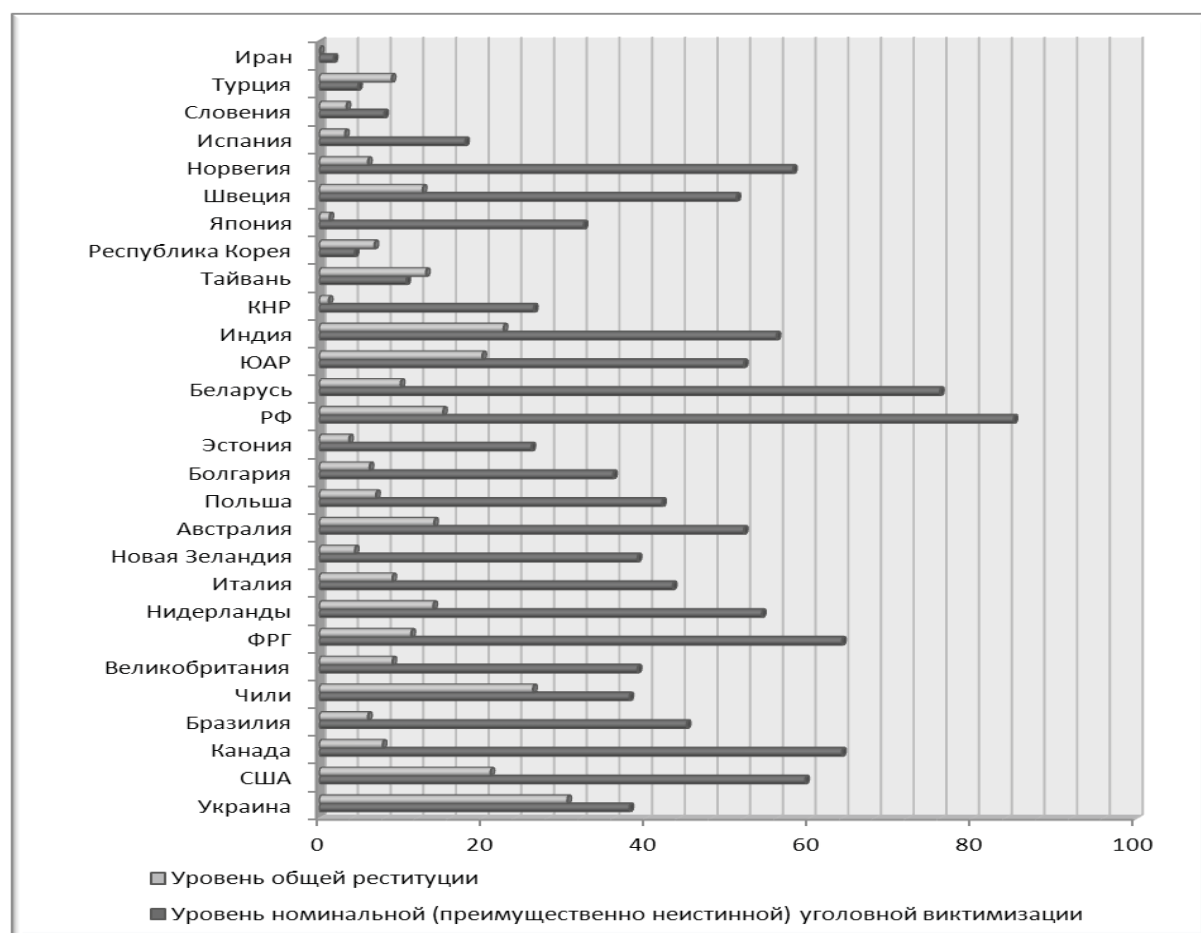

Рис. 5. Пропорции между уровнями уголовной виктимизации и уголовно-правовой реституции (%)

Представляется, что проделанная работа не была напрасной, поскольку она вооружает фактами, которые не всегда приятны и заставляют трезво относиться к концепции реститутивной юстиции. Последняя, без преувеличения, более выгодна для потерпевших, однако от нее ожидают таких результатов, которые даже ей не под силу.

На пути к этому стоят не только институциональные и традиционные преграды. Прежде чем говорить об эффективности систем и возлагать на них надежды, следует дать ответ на концептуальные вопросы. В частности, почему среди бюрократи-

ческих, аксиологических и других социальных и личностных факторов существует своеобразный «абсентеизм» потерпевших? Не всегда потерпевшие не проявляют активность в поисках справедливости из-за недостатков системы и соображений сохранения своей репутации. Очевидно, что ответ на это надо искать не столько в социальной сфере, сколько в области психологии, генетики и нейробиологии, которые можно применять в социально-релевантном контексте. Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного исследования и усилий исследовательских команд.

Пристатейный библиографический список

1. Бажанов А.В. Возмещение имущественного вреда реабилитированному в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
2. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: Учеб. пособие / Под ред. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
3. Департамент державної виконавчої служби Міністерства юстиції України. Статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvs.gov.ua>
4. Инструкция по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г., № 161. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=62370>
5. Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г., № 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=66296>
6. Інформація про стан законності в державі за 2007-2009 рр. (відповідно до статті 2 Закону України «Про прокуратуру»). Генеральна прокуратура України. Офіційний інтернет-портал [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/vlada.html?_m=publications&_t=rec&id=36585
7. Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6.
8. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2009 году. Судебный департамент при Верховном

Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=42>

9. Пантелеева А.А. Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями подразделений дознания и предварительного следствия (на примере деятельности горрайорганов внутренних дел): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

10. Про відшкодування за рахунок держави матеріальної шкоди громадянам, які потерпіли від злочину: проект Закону України № 6283/п від 25 жовтня 2004 р. Прийнято в першому читанні (18 січня 2006 р.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rada.gov.ua:8080/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=19219

11. Розгляд місцевими загальними судами справ та матеріалів у порядку цивільного судочинства, 2009 р. Аналітичні таблиці щодо стану здійснення правосуддя у 2009 р. Офіційний веб-портал «Судова влада України» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.ua/sudova_statystyka/

12. Сердюк П.П. Теоретичні й методологічні проблеми сучасного кримінального права: Монографія. – Запоріжжя: Акцент Інвест-Трейд, 2012.

13. Судова влада України. Офіційний веб-портал. Управління організації роботи з ведення судової статистики, діловодства та архіву судів Державної судової адміністрації України. Огляд даних про стан здійснення правосуддя в 2008 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

14. Buck K. State Compensation to Crime Victims and the Principle of Social Solidarity Can Theoretical Analysis Contribute to a Future European Framework? // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2005. – Vol. 13. – № 2.

15. Green Paper. On a Community Return Policy on Illegal Residents. Brussels, 10.04.2002. COM (2002) 175 final [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

16. Green Paper. Compensation to crime victims. Commission of the European Communities. Brussels, 28.09.2001. COM (2001) 536 final [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

17. Newman G., Howard G. Introduction: Varieties of Comparative Criminology / Graeme Newman, Gregory Howard // International Journal of Comparative Sociology. – 2001. – Vol. XLII. – № 1-2.

18. Van Dijk J., Groenhuijsen M. Benchmarking Victim Policies in the Framework of European Union Law. – In: Walklate S. (Ed.). Handbook of Victims and Victimology / Jan Van Dijk, Marc Groenhuijsen. – Cullompton, UK, and Portland, OR: Willan, 2007.

Кудрявцева А.В., Петров А.В.

УЧЕНИЕ О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ

В статье освещаются вопросы становления учения о сведущих лицах и экспертах в уголовном судопроизводстве России, влияние германских и французских ученых на эти взгляды, проводятся некоторые параллели с современным пониманием природы и сущности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: судебная экспертиза, сведущие лица, доказательство, уголовное судопроизводство.

Kudryavtseva A.V., Petrov A.V.

THE DOCTRINE OF THE JURIDICAL EXPERTISE IN THE PRE-REVOLUTIONARY WORKS OF LEGAL SCIENTISTS

The research paper highlights the issue of formation of the doctrine of versed persons and experts in the criminal trial of Russia, the influence of German and French scientists on this views. Some parallels with contemporary understanding of the nature and essence of using special knowledge in criminal proceeding are held.

Key words: forensic examination, versed person, evidence, criminal procedure.

Теоретические работы, посвященные природе привлечения сведущих людей в уголовный процесс, появились лишь в начале XIX в. Причем это касается не только России, но и Германии, Франции и Англии.

В теории уголовно-процессуального права XIX в. высказывалось несколько точек зрения на природу экспертизы:

1. Экспертиза – это разновидность осмотра. Сторонниками этой точки зрения были Бонье, Фейербах, Ярке¹. В России – С.И. Баршев, В.Д. Спасович².

2. Мнение сведущего лица – разновидность показаний свидетеля. Сторонниками этой точки зрения были Стиффен, Каррара, Грольман, Пратобеввер, Бирнбаум³. В России – К.В. Шавров⁴.

3. Экспертиза – самостоятельный вид доказательств. Этой точки зрения придерживался Миттермайер. В России так называемые «дети судебной реформы» – И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, Н.Н. Розин, С.И. Викторский⁵.

4. Наиболее оригинальной точкой зрения являлась концепция, выдвинутая профессором Л.Е. Владимировым, в соответствии с которой эксперт является научным судьей⁶.

Проанализируем взгляд на процессуальную природу экспертизы как на разновидность осмотра. Мы уже говорили о том, что эта точка зрения имеет свои корни в средневековом процессе, где для производства осмотра приглашались хирур-

ги и лекари. При этом во взглядах сторонников этой точки зрения прослеживается мысль о том, что осмотр с участием сведущих людей – это исследование доказательств особого рода. С.И. Баршев писал: «Предметы судебного исследования, обнимаемые чувствами, часто для исследования их требуют особенных недостающих в следователе и суде познаний и искусства; поэтому теория и законы признают источником убеждения в подобных предметах осмотр их посредством сведущих людей... Этот источник убеждения должен быть признан непосредственным потому, что мнение сведущих людей вполне здесь представляет и заменяет мнение судьи или следователя, которые призывают их на помощь»⁷. С.И. Баршев, рассматривая процессуальное положение эксперта, высказывал мысль о том, что обвиняемому необходимо предоставить право на отвод эксперта точно так же, как и на отвод судьи. Он выделял следующие критерии для оценки содержания мнения сведущего лица: 1) наличие разумных оснований; 2) твердость и категоричность мнения; 3) отсутствие противоречий в самом мнении; 4) отсутствие противоречий между мнением и обстоятельствами дела; 5) отсутствие противоречий в наблюдениях и мнениях сведущих людей⁸.

В.Д. Спасович, рассматривая экспертизу как разновидность осмотра, в то же время высказывает интересную мысль о сущности экспертизы: «Всякое решение суда есть в сущности ничто иное, как силлогизм, и судебное решение есть работа построения такого силлогизма. В настоящем деле силлогизм, который требуется построить, такой: первая посылка: кто одержим такими-то признаками болезни, тот сумасшедший, а, следовательно, неспособный человек; вторая посылка: Терпигореву были когда-то присущи эти признаки, заключение – значит, Терпигорев был когда-то сумасшедшим»⁹. Он считал, что большую посылку могут дать суду и следователю только сведущие люди. Тем самым привлечение сведущих людей В.Д. Спасович рассматривал не как обыкновенный осмотр, а как сложное уникальное явление, в котором усматриваются как признаки осмотра, так и особые свойства и качества, которые делают осмотр с участием сведущих людей особым видом доказательств по делу.

Среди сторонников взгляда на мнение эксперта как на показание свидетеля мы встречаем германских и английских ученых: Пратобеввер, Бирнбаум, Титтман, Шнейдер. В частности, Пратобеввер рассматривал экспертизу как свидетельские показания и как суждение. В первом случае он называет эксперта ученым, сведущим свидетелем, во втором случае – судьей.

1 Рахунов Р.Д. Теория и практика судебной экспертизы. – М., 1953. – С. 224.

2 А.Ф. Кони их называл «отцами» судебной реформы 1864 г. С.И. Баршев был единственным профессором Московского университета в течение 1838–1864 гг., современником двух царствований Николая I и Александра II. Наиболее известные его работы: «О преимуществах следственного процесса над обвинительным», «Ионафан Брэдфорд – жертва уголовного правосудия», «Об устности и гласности судопроизводства», «О суде присяжных», «О необходимых гарантиях уголовного суда», и, наконец, работа «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству». (СПб., 1841), где он высказывает свои воззрения на природу судебной экспертизы.

3 Рахунов Р.Д. Теория и практика судебной экспертизы. – М., 1953. – С. 224.

4 Эта точка зрения основывалась на англосаксонском уголовном процессе, в котором устоялся взгляд на эксперта как на особого рода свидетеля. См.: Уилшир А.М. Уголовный процесс. – М., 1947. – С. 161.

5 «Детями» судебной реформы А.Ф. Кони называл тех прогрессивных судебных деятелей и представителей либерального направления в науке о суде, которые были «ближайшими учениками отцов», т.е. создателей Судебных уставов 1864 г. и «практически приложителей их в жизнь». См.: Н.Н. Полянский Представители науки уголовного процесса на юридическом факультете МГУ (дооктябрьский период) // Ученые записки. – Вып. 180. – М., 1956. – С. 169–177.

6 Владимиров Л.Е. Учение о доказательствах. – Тула, 2000.

7 Баршев С.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841. – С. 77.

8 Баршев С.И. Указ. соч. – С. 196.

9 Речь В.Д. Спасовича по делу Терпигорева // Спасович В.Д. Собрание сочинений. – Т. 5. – СПб., 1890. – С. 295.

Бирнбаум, Титтман, Шнейдер называют эксперта рациональным или ученым свидетелем¹. Французские ученые Бонье и Эли проводят резкую границу между экспертом и свидетелем².

Критикуя Эли, русский ученый К.В. Шавров отстаивал позицию, в соответствии с которой различия между экспертом и свидетелем носят исключительно внешний характер. Однако он не включал в число свидетелей экспертов-психиатров, так как считал, что судьи в психиатрических вопросах не компетентны и поэтому мнение сведущего лица не может быть проконтролировано и сопоставлено с другими доказательствами. Это означает, что мнение эксперта-психиатра является обязательным для суда³. Среди тех, кого принято считать сторонниками взгляда на экспертизу как на показания свидетеля, а эксперта рассматривать как сведущего свидетеля, не было ни одного ученого, который бы не делал оговорку о том, что в некоторых случаях эксперта нельзя считать свидетелем. Другими словами, можно лишь отчасти считать этих ученых выразителями точки зрения, принятой английским уголовным процессом.

Подробный анализ взглядов на экспертизу делает Л.Е. Владимиров, который сущность дискуссии видит в следующем: «В центре этой полемики стоял вопрос: есть ли экспертиза доказательство или нет; если она должна быть отнесена к доказательствам, то представляет ли она самостоятельный их вид или нет; если нет, то к какому виду уголовных доказательств она больше всего подходит и, следовательно, должна быть отчислена». Л.Е. Владимиров сторонник той точки зрения, что эксперты – судьи фактов на том основании, что их решению подлежат фактические данные, обуславливающие решение всего дела⁴. Владимиров критикует позицию, в соответствии с которой экспертиза – вид личного осмотра, а эксперт – помощник следователя и судьи или инструмент в руках следователя и судьи.

Указывая на недостатки точки зрения, в соответствии с которой эксперт – это свидетель, Л.Е. Владимиров анализирует такие понятия, как показания и заключение по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Показания по Уставу – это «точный отчет о том, что ему известно по делу» (ст. 716–718 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). «Слово “заключение” нужно понимать в том смысле, что это есть результат применения к отдельным явлениям общих начал науки или искусства». Первая черта понятия «эксперт» состоит в том, что он должен обладать специальными сведениями по какой-либо науке, а вторая черта – он представляет суду мнения (ст. 334, 645, 1753 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.).

Л.Е. Владимиров критикует взгляд Миттермайера на экспертизу как на самостоятельный особый вид доказательств. В связи со сказанным было бы интересно привести позицию Миттермайера дословно: «Сущность экспертизы как доказательства состоит в мнениях, высказываемых сведущими людьми по предмету их специальности» и далее: «Достоверность экспертизы зависит от целого ряда предположений, а оценка судьей ее значения состоит в логической операции определения существования условий, внушающих доверие к мнению эксперта, судья определяет, есть ли ручательства за правильность мнения эксперта: а) в его личности; б) в его желании говорить истину, без обращения внимания на последствия его мнения для кого бы то ни было, самостоятельно вне всяких влияний; в) в его свойствах, ручающихся за правильность сделанного наблюдения и правдивую передачу результатов последнего; г) в его знаниях и опыте; д) в самом способе изложения экспертизы, укрепляющем в слушателях убеждение, что она результат спокойного, беспристрастного и основательного

исследования»⁵. Л.Е. Владимиров, критикуя воззрения Миттермайера, указывает: «...есть ли экспертиза доказательство или суждение об обстоятельстве дела? ...Прежде чем определять сходство экспертизы с тем или другим видом доказательств, нужно предварительно решить вопрос: есть ли экспертиза доказательство в техническом значении этого слова»⁶.

Сам Л.Е. Владимиров считает, что экспертиза не доказательство как логический аргумент, а оценка доказательств, а эксперт – судья факта. Он рассматривает заключение эксперта, вердикт присяжных и приговор как акты одной процессуальной природы. Цель судебной-медицинской экспертизы он видит в восстановлении состава преступления: «...ясна цель медицинского изыскания на предварительном следствии. Она заключается в восстановлении объективного состава преступления». Это воззрение Л.Е. Владимиров имеет свои корни в средневековом розыском процессе. «Каролина» предписывает осмотр мертвых тел судом и врачами совместно, из такого совместного осмотра выработалась типичная форма участия сведущих лиц в германском процессе⁷. Судья не может выносить приговор, если сам не уверен, что проступок совершен и о нем не вынесено заключение как о виденном и раскрытом. И далее «с логической точки зрения, эксперт на предварительном следствии в принадлежащей ему сфере явлений производит такое же исследование, как и следователь в своей».

Рассматривая деятельность экспертов на следствии судебном, Л.Е. Владимиров делит экспертов на научных и ненаучных (справочных свидетелей). Под ненаучной экспертизой он понимает простое истолкование. «Последнее здесь возможно, и может быть сделано с успехом, потому, что судьи и присяжные в состоянии понимать дело». Если же присяжные не в состоянии понимать экспертизу, то медик не истолкователь, а решатель вопросов. В доказательство своей правоты Л.Е. Владимиров приводит слова Миттермайера: «Прежде всего, нужно признать ложную мысль, будто судьи и присяжные, в случае разногласия экспертов, в состоянии решать вопрос – какому из представленных медицинских заключений нужно отдать предпочтение, кто, таким образом, из экспертов прав? Такое суждение ставило бы судей в положение решателей научных вопросов и предполагало бы обладание в полной мере сведениями, без которых ни один человек не решится оценивать достоинства научных заключений»⁸. Причем к научным экспертам Владимиров относил врачей-экспертов. В связи с особым положением врача-эксперта как научного судьи Л.Е. Владимиров предлагает предоставить им все те права, которые даны присяжным заседателям; «права эти необходимы для добытия материалов нужных эксперту, при составлении основательного мнения по подлежащим обсуждению вопросам»⁹.

Если присяжные не в состоянии оценить и понять заключение научного эксперта, как им поступать в тех случаях, когда в деле имеются два противоречащих друг другу заключения? Л.Е. Владимиров предлагает позволить экспертам советоваться, внушив им, чтобы они по возможности старались прийти к единогласному заключению, если же и после этого эксперты не придут к единому мнению, то присяжные, руководствуясь правилом, вытекающим из принципа презумпции невиновности, должны разрешить противоречие в пользу подсудимого.

Среди русских ученых подавляющее большинство «детей» судебной реформы уголовного судопроизводства придерживалось той точки зрения, что экспертиза представляет собой самостоятельный вид доказательств. Среди этих ученых

1 Владимиров Л.Е. Учение о доказательствах. – Тула, 2000. – С. 255.

2 Владимиров Л.Е. Там же. – С. 456.

3 Шавров К.В. Экспертиза в уголовном суде // Вестник права. – 1899. – № 7. – С. 36–37.

4 Владимиров Л.Е. Учение о доказательствах. – Тула, 2000. – С. 247–252.

5 Цит. по Владимирову Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула, 2000. – С. 266.

6 Там же. – С. 268.

7 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 285.

8 Там же. – С. 301.

9 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 304.

М.В. Духовской, С.И. Викторский – представители Московского университета, И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, В.К. Случевский – представители Петербургского университета.

С.И. Викторский относил экспертизу к самостоятельному виду доказательств, критикуя взгляд на экспертизу как на разновидность следственного осмотра и показание свидетеля, так и взгляды проф. Л.Е. Владимиров на эксперта как на научного судью. В частности, он писал в 1912 г.: «Наши законы смотрят на экспертизу как на самостоятельный вид доказательств, что явствует из следующего: 1) в них нет постановлений об обязательном совпадении осмотра с экспертизой; 2) в них имеется запрещение спрашивать свидетеля, какого он мнения о факте; 3) заключения экспертов по ним подлежат контролю и свободной судебской оценке. Последнее усматривается из ст. 343, 334, 346, 690, 692 Устава уголовного судопроизводства 1864 года; первая из них считает необходимым при осмотре мертвого тела присутствие понятых и других к тому приглашенных лиц (как гарантия верности заключения врача) и наделяет их правом заявлять свое мнение о действиях и объяснениях врача, которые им покажутся сомнительными. По второй статье, в случае сомнения в правильности заключения сведущих лиц или при разногласии во мнении их судебный следователь может требовать заключения от других сведущих людей или о командировании их представить высшему специальному установлению. Или же отправить туда самый предмет исследования, подобное же право имеется у следователя и в случаях сомнения относительно специальной экспертизы по осмотру мертвого тела (ст. 345)»¹.

Представляется интересным привести воззрения профессора И.Я. Фойницкого на процессуальную природу экспертизы, процессуальное положение эксперта, на пределы использования специальных познаний в уголовном процессе, на предмет и содержание экспертизы. Многие его высказывания звучат современно. И.Я. Фойницкий писал о проблеме разграничения специальных и общедоступных знаний: «Экспертиза уместна и нужна только при техническом характере соответствующих знаний и опытности, отсутствующих у суда. Если эти сведения и опытность общежитийские и суд обладает ими, она излишня. Нет надобности в увеличительном стекле, когда глаз и без него обладает со всей точностью и ясностью видит наблюдаемый предмет»². Он считал, что экспертиза должна назначаться потому, что у суда отсутствуют необходимые специальные познания. С критикой этой позиции мы встретимся в советское время у А.А. Эйсмана³. Так, ссылаясь на решения правительствующего Сената, И.Я. Фойницкий указывает: «Так, и Сенат признавал неоднократно, что в случае грубой, бросающейся в глаза подделки определение достоинства кредитного билета может быть произведено мировым судьей и съездом без приглашения эксперта (1872/814, Кривкина; 1875/145, Слюсарева); мировым установлениям Сенат даже предоставляет право сличения почерков, не прибегая к сведущим людям (ст. 107 УГС; 1868/848, Шарова; 1869/4, Черепковского), если они не затрудняются прийти сами к твердому и положительному заключению (1868/541, Зюзина)»⁴.

И.Я. Фойницкий рассматривает вопрос об основаниях назначения экспертизы, называя их условиями экспертизы: «Существенным условием экспертизы представляется затем необходимость ее для разъяснения дела. А это в свою очередь зависит от того: а) относится ли к делу обстоятельство, для разъяснения которого возбуждается вопрос об экспертизе, и б) нужны ли для его разумения технические знания и опытность. Первый вопрос решается по общим началам учения об

относимости, второй – согласно приведенным положениям о технических и общежитийских областях знания»⁵.

И.Я. Фойницкий, рассматривая вопрос об инициативе в назначении экспертизы, указывает на то, что значительную роль в привлечении сведущих лиц в уголовное судопроизводство играют стороны: «Если сторона, не ограничиваясь ходатайством о производстве экспертизы вообще, укажет суду определенных лиц, требуя их вызова в суд в качестве сведущих людей, то такое требование, предполагая формальные условия выполненными, представляется для суда в конце концов обязательным (например, если сторона заявляет согласие принять вызов экспертов за свой счет)»⁶.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. различаются осмотр и освидетельствование чрез следователя, чрез сведущих людей вообще и чрез врачей. И.Я. Фойницкий рассматривает осмотр и освидетельствование чрез сведущих людей и чрез врачей как экспертизу, имеющую самостоятельную процессуальную и доказательственную природу, а не как разновидность осмотра и освидетельствования.

В качестве юридических условий привлечения лиц в качестве эксперта Устав уголовного судопроизводства указывает на основания отвода сведущих людей. «Сведущие люди, приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны иметь все качества достоверных свидетелей»⁷. «Сведущие люди не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле, или состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями. Сведущие люди прежде представления объяснений на суде приводятся к присяге тем же порядком, как и свидетели (ст. 713–717). До исполнения обряда присяги стороны могут отводить сведущих людей по неимению ими тех качеств, которые требуются от них законом»⁸.

И.Я. Фойницкий указывает на то, что к экспертизе «... кроме лиц физических могут быть привлекаемы и лица юридические. Так, судебный следователь в случае сомнения в правильности заключения сведущих лиц может отправить предмет исследования для экспертизы высшему специальному установлению (ст. 334 УУС); освидетельствование душевного расстройства подсудимого производится особо установленным для того присутствием (ст. 355 УУС); в случаях подделки кредитных билетов экспертиза их производится Экспедицией заготовления государственных бумаг (1867/123, Талантовой; 1871/655, Авдеева)»⁹.

Ссылаясь на судебную практику конца XIX в., И.Я. Фойницкий писал: «Выбор экспертов принадлежит суду и сторонам: если стороны не поименовали экспертов в тех ходатайствах, которые предъявляются ими по ст. 578 УУС, то суд совершенно свободен в таком выборе и сам определяет способность выбираемого быть экспертом (1817/1831, Горбунова); он может пригласить в качестве экспертов или тех же лиц, которые производили экспертизу на предварительном следствии, или других (1870/453, Браиловского и др.). Если же стороны поименовали желаемых экспертов, то вызов их определяется теми же правилами, что и свидетелей (1871/1867, Ильина)»¹⁰. Надо заметить, что этот вопрос напрямую не регламентирован Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.

Немного иначе раскрывает этот вопрос С.И. Викторский: «Первый вопрос, который возникает, – это право сторон на вызов экспертов в суд. Такое право у них имеется, но не безусловное, и суд может отказать стороне в ее просьбе, если найдет несущественными обстоятельства, подлежащие разъяснению

1 Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – С. 295.

2 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 291.

3 Эйсман А.А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. – М., 1967. – С. 90.

4 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 291.

5 Там же. – С. 293.

6 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 294.

7 Ст. 327 Устава Уголовного судопроизводства. – С. 152.

8 Ст. 693, 694 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. – С. 187.

9 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 295.

10 Там же. – С. 296.

через экспертов»¹. Это суждение основано на ст. 578 УУС: «Стороны могут просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для проверки сделанного уже испытания»².

«Признать или не признать необходимость переосвидетельствования или осмотра всецело зависит от усмотрения суда, который обязан только мотивировать свое определение об отказе просителю и который ограничен еще тем, что не может поставить на свое разрешение такой вопрос, разъяснение коего требует особых сведений в какой-либо отрасли знания»³.

По-разному ученые высказывались относительно содержания судебной экспертизы. И.Я. Фойницкий указывал: «По содержанию экспертиза, как было уже замечено, обнимает, с одной стороны, наблюдение на основании специальных познаний и опытности и отчет о таком наблюдении, с другой – изложение мнения или заключения, вытекающего из данной области знания и построенного по законам ее»⁴. Л.Е. Владимиров видел сущность экспертизы в исследовании: «Врач не исполнителем отдельных только действий, предписываемых судьей, а самостоятельный исследователь медицинских вопросов... С логической точки зрения эксперт на предварительном следствии в принадлежащей ему сфере явлений производит такое же исследование, как и следователь в своей». Но под исследованием Л.Е. Владимиров понимал осмотры, допросы подсудимых, свидетелей и составление акта. Причем он считал, что исследование производит только «научные эксперты», а сведущие люди (справочные свидетели) только дают простое «истолкование» обстоятельств, требующих специальных познаний»⁵.

Н.Н. Розин, придерживаясь в целом позиции, что экспертиза – это особый вид доказательств, отмечал: «Современный процесс не признает в экспертизе предустановленного доказательства, разрешает ее критику сторонами и требует оценки ее судом и постановления ее в связь со всеми другими доказательствами в процессе...»⁶. Причем сущность экспертизы он также видел в исследовании: «Под экспертизой разумеется производимое по предложению или с разрешения суда исследование имеющего судебно-правовое значение материала сведущими, т.е. имеющими по данному вопросу специальные знания, людьми с целью представить суду компетентное заключение...»⁷.

М. В. Духовской считал, что «показания» эксперта имеют среднее значение; это «с одной стороны, как бы помощники судье в деле личного наблюдения; с другой стороны, тоже свидетели, но по специальному предмету»⁸.

Различные точки зрения высказаны дореволюционными учеными на особенности оценки заключения эксперта судом. Так, Н.Н. Розин писал: «Эти общие положения (заключения эксперта), естественно, не подлежат критической проверке судьи, так как предлагаются именно приглашенными для этой цели специалистами»⁹. Он также считал, что судебной оценке подлежат только выводы эксперта. В.К. Случевский полагал, что судья вправе оценить лишь фактическую сторону акта эксперта, он писал «что же касается второй составной части заключения экспертов – их выводов, то не подлежит сомнению, что в отношении оценки их суд менее компетентен, чем в отношении оценки фактической части заключения. Тут он встречается с такими спе-

циальными сведениями, благодаря отсутствию которых в себе самом он вынужден был обратиться к содействию экспертизы»¹⁰.

Интересны взгляды на экспертизу А.Ф. Кони. Он считал, что эксперт, пока имеет дело с судебно-медицинскими доказательствами, может считаться научным судьей. Его заключение можно исключить из цепи улик, но нельзя толковать произвольно. Прочитываем его дословно, так как впервые в теории прозвучала мысль о разграничении экспертной и юридической оценки доказательств. «Эксперт дает заключение о том, что говорит ему знание, опыт и навыки о спорных, сомнительных или неясных без его помощи объективных данных дела, совершенно независимо от их отношения к виновности или невиновности заподозренного, обвиняемого или подсудимого. Поэтому, в пределах его показания, он является научным судьей того материала, который им добыт путем исследования, или подвергнут его рассмотрению. Конечно, его заключение не может быть обязательным для суда и отнюдь не является предустановленным доказательством, не подлежащим проверке и критике. В распоряжении суда нередко находятся житейские данные и сведения, которые могут не только сливаться с выводами экспертизы в одно целое, но даже и прямо им противоречить на почве логики фактов. Но, во всяком случае, критика экспертизы должна быть строго обоснована, и к труду эксперта по большей части большому, требующему траты сил и времени, надо относиться с особым вниманием»¹¹.

Пристатейный библиографический список

1. Баршев С.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997.
3. Владимиров Л.Е. Учение о доказательствах. – Тула, 2000.
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М., 1910.
5. Кони А.Ф. Суд – наука – искусство. Собрание сочинений в 8-ми томах. – Т. 1. – М., 1966.
6. Полянский Н.Н. Представители науки уголовного процесса на юридическом факультете МГУ (дооктябрьский период) // Ученые записки. – Вып. 180. – М., 1956.
7. Рахун Р.Д. Теория и практика судебной экспертизы. – М., 1953.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб., 1916.
9. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. – СПб., 1910.
10. Спасович В.Д. Собрание сочинений. – Т. 5. – СПб., 1890.
11. Уилшир А.М. Уголовный процесс. – М., 1947.
12. Хрестоматии по уголовному процессу России. – М., 1999.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1996.
14. Шавров К.В. Экспертиза в уголовном суде // Вестник права. – 1899. – № 7.
15. Эйсман А.А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. – М. 1969.

1 Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – С. 303.
 2 Устав уголовного судопроизводства 1864 года. – С. 177.
 3 Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – С. 304.
 4 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 297.
 5 Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула, 2000. – С. 283, 284, 299.
 6 Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916 / Цит. по Хрестоматии по уголовному процессу России. – М., 1999. – С. 226.
 7 Там же. – С. 224.
 8 Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М., 1910. – С. 209–210.
 9 Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб., 1916. – С. 434–435.

10 Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. – СПб., 1910. – С. 392.
 11 Кони А.Ф. Суд – наука – искусство. Собрание сочинений в 8 т. – Т. 1. – М., 1966. – С. 205.

Макарова Н.Ю.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ПРОГРАММЫ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ МАЛОЭТАЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье говорится о том, что на первоначальном этапе расследования мошенничеств в сфере малоэтажного строительства складываются три типичных следственных ситуации в зависимости от того, известно ли лицо или лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, программы действий следователя, расследование мошенничеств, малоэтажное строительство.

Makarova N.Yu.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS, PROGRAMS OF ACTIONS OF AN INVESTIGATOR, AND PECULIARITIES OF INITIAL STAGE PLANNING OF INVESTIGATION OF THE FRAUD IN THE SPHERE OF LOW-HEIGHT CONSTRUCTIONS

The article states, that there are three typical investigative situations during initial investigation of the fraud in the sphere of low-height constructions, depending on the fact, whether the identity of person or the persons, which are held criminally liable, is known.

Key words: typical investigative situations, programs of actions of investigator, fraud investigations, low-height constructions.

Большинство положений, касающиеся следственных ситуаций и программ расследования, связываются с первоначальным этапом расследования. Первоначальный этап начинается с момента возбуждения уголовного дела. Это положение не оспаривается никем из учёных-криминалистов. В то же время в теории криминалистики нет чётких указаний на момент окончания первоначального этапа и наступления последующего.

Так, И.А.Возгрин связывает окончание первоначального этапа расследования с исчезновением безотлагательного характера проводимых в это время следственных, розыскных и превентивных мер¹. При этом автор говорит о том, что следственные действия, проводимые на первоначальном этапе расследования, требуют, как правило, незамедлительного выполнения. Причём И.А.Возгрин предлагает отказаться в криминалистических работах от термина «неотложные следственные действия», поскольку он, в соответствии с ныне действующим УПК РФ, означает только «действия, осуществляемые органами дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» (ст. ст. 5, 157 УПК РФ). В связи этим И.А.Возгрин предлагает использовать термин «первоначальные безотлагательные следственные действия», которые должны:

а) быть направлены на решение поисковых, познавательных, превентивных и иных важных задач, возникающих в начале расследования;

б) иметь глубокие связи между собой и проводимыми оперативно-розыскными мерами, т.е. образовывать особый комплекс наиболее активной части работы по уголовному делу;

в) осуществляться в основном непрерывно до разрешения задач начала расследования;

г) проводиться в предельно короткий срок – от одного до нескольких рабочих дней;

д) при необходимости по сложным уголовным делам уже с начала расследования поручаться не одному следователю, а следственной группе (ст. 163 УПК РФ);

е) в случаях, когда в этом возникает необходимость, выполняться следователями во взаимодействии с должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 4 ст. 157 и ч. 7 ст. 164 УПК РФ).

ж) выбираться следователем с учетом более точного, чем на предварительном этапе, перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и служить основанием для выдвижения и уточнения следственных версий;

з) определяться с учетом сложившейся по делу следственной ситуации и методическими рекомендациями, а также другими ценными данными, содержащимися в частной криминалистической методике расследования соответствующего вида преступлений².

Автор выделяет достаточно много признаков, которые характеризуют первоначальные безотлагательные следственные действия. Однако, на наш взгляд, большинство из этих признаков могут характеризовать и все остальные следственные действия, проводимые по делу. Нам кажется, что основным признаком данных действий следует считать их направленность на разрешение задач первоначального этапа расследования, которые также наиболее полно были определены И.А. Возгриным и заключаются в следующем:

1. Преследование и задержание лиц, совершивших преступление, по «горячим следам».

2. Выявление с помощью иных доказательств лиц, совершивших преступление и их соучастников.

3. Предупреждение готовящихся и пресечение делящихся преступлений.

4. Обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение следов совершённого преступления.

5. Установление свидетелей и потерпевших.

6. Назначение и проведение экстренных судебных экспертиз.

7. Осуществление активного взаимодействия следователя с оперативными работниками и иными сотрудниками органов дознания³.

На наш взгляд, автор не случайно среди первых задач называет установление преступников, по возможности задержание их по «горячим следам». Представляется, что именно эти задачи являются приоритетными на первоначальном этапе расследования. И если они не решены, то нельзя говорить и об окончании первоначального этапа.

В.К.Гавло говорит о следственных ситуациях последующего этапа расследования, что они складываются после первоначальных и неотложных следственных действий и характеризуют обстановку расследования по делу в целом на основе установленных фактических данных⁴. Автор не указывает, какие именно фактические данные должны быть установлены

2 Там же. – С. 279–280.

3 Там же. – С. 278.

4 Гавло В.К. Следственная ситуация // Следственная ситуация: сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 39–40.

1 Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 280.

для того, чтобы обстановка расследования коренным образом изменилась и наступил последующий этап расследования. Вероятно, это во многом зависит от вида расследуемого преступления. Однако, применительно к мошенничествам, совершённым в сфере малоэтажного строительства, мы склонны считать, что такими фактическими данными должны являться сведения о лице или лицах совершивших преступление. До тех пор, пока они не установлены, задачи первоначального этапа расследования нельзя считать решёнными.

Иногда момент наступления последующего этапа расследования связывают с появлением в деле обвиняемого. Однако, факт предъявления обвинения – это процессуальный аспект расследования. Поэтому правильнее было бы говорить, что первоначальный этап расследования заканчивается тогда, когда по делу собрано достаточно доказательственной информации для предъявления обвинения конкретным лицам. То есть доказан факт совершения преступления данными лицами.

Следственная ситуация трактуется как фактическое положение, складывающееся на определенный момент расследования или перед его началом, характеризующее все следственное своеобразие данного момента и определяемое совокупностью доказательственной, оперативно-розыскной, процессуально-тактической, методической, организационно-технической и иной значимой для расследования информации.

Следственную ситуацию в криминалистической литературе рассматривают в двух аспектах: а) фактическом, характеризующимся результатами, достигнутыми к определенному моменту расследования; б) перспективном, являющимся следствием оценки достигнутых результатов и состоящем в определении направлений дальнейшего благоприятного для субъекта расследования развития сложившейся ситуации¹.

Следственные ситуации можно классифицировать по различным основаниям. Большое значение имеют такие виды следственных ситуаций, как: 1) типичные и специфические (индивидуальные); 2) конфликтные и бесконфликтные; 3) простые, сложные и особо сложные. В свою очередь сложные ситуации могут быть подразделены на: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно-неупорядоченные и комбинированные. В криминалистической литературе иногда выделяют так называемые тупиковые ситуации. Представляется, что вывод субъекта расследования о том, что он столкнулся с тупиковой ситуацией, в конечном итоге способен предопределить существенное снижение интенсивности и целеустремленности в его деятельности по расследованию. Отсюда можно говорить о возникновении не тупиковой, а особо сложной ситуации. При этом следует исходить из того, что любое преступление может и должно быть раскрыто².

Выявление и описание типичных ситуаций, которые характеризуются часто повторяющимися признаками, свойственными отдельным видам и разновидностям преступлений на определенном этапе расследования, в конечном итоге помогает точнее сориентироваться в сложившемся фактическом положении и способствует выбору наиболее эффективных для данного положения приемов и способов расследования³.

Типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершаемых в сфере малоэтажного строительства, можно выделять и классифицировать по различным основаниям. Чаще всего типичные следственные ситуации, описываемые в частных криминалистических методиках, выделяются в зависимости от характера информации, которой следователь располагает в отношении преступника.

1 Танасевич В.Г. Значение криминалистической характеристики преступлений и следственных ситуаций для методики расследования преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. – М.: ВЮЗИ, 1980. – С. 88.

2 Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. Автореф. дис. докт. юрид. наук. – М., 1987. – С. 9–11.

3 Хлюпин Н.И. Следственные ситуации и методика расследования преступлений // Актуальные проблемы раскрытия преступлений. – М., 1985, С. 94–95.

На первоначальном этапе расследования мошенничеств в сфере малоэтажного строительства также можно выделить три типичных следственных ситуации в зависимости от того, известно ли лицо, или лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности.

1) Лицо, подлежащее привлечению к ответственности, известно. Оно может быть задержано по подозрению в совершении преступления либо оставаться на свободе, но его место нахождения известно, а лицо не скрывается от следствия. Как правило, такая ситуация складывается в тех случаях, когда строительная организация зарегистрирована на реальное её руководителя и у него имеется продуманная заранее версия, которая позволяет объяснить его действия таким образом, чтобы сложилось представление, что в них отсутствует состав мошенничества, а дело носит гражданско-правовой характер. Например, мошенник заявляет о своём намерении выполнить обязательства по договору, которые не смог выполнить вовремя из-за допущенных просчётов, внезапно подорожавших строительных материалов, несоблюдения сроков строительства со стороны нанятой им строительной бригады, плохих погодных условий и т.п. На первый взгляд представляется, что данная ситуация наиболее благоприятна для производства расследования, однако на практике это бывает далеко не так. Поскольку в случае ссылки мошенника на различные обстоятельства, помешавшие ему выполнить обязательства по договору об оказании строительных услуг или поставке строительных материалов, опровергнуть такие заявления достаточно трудно, так же как и трудно устанавливать субъективную сторону данного преступления вообще.

В этом случае программа первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий направлена на обеспечение полного выяснения обстоятельств совершения мошеннических действий, обеспечение возмещения причинённого ущерба. В этой ситуации производятся: допрос заявителя, допросы сотрудников строительной организации, выемка документов, содержащих рекламную информацию о деятельности организации (если они не предоставлены в процессе предварительной проверки), выемка регистрационных документов, документов налоговой отчётности (если они также не были предоставлены ранее), допрос подозреваемого (обвиняемого), проверка его по криминалистическим учётам на предмет судимости за аналогичные преступления, обыски в помещениях строительной организации и дома у подозреваемого лица и иных её сотрудников, осмотры строительных объектов, по поводу которых были заключены договоры, или участков, где они должны были быть возведены, назначение экспертиз: технико-криминалистической экспертизы документов (договоров, приходных ордеров и т.п.), исследования почерка и подписей, аудиторская проверка предприятия, под прикрытием которой совершалось преступление, судебно-бухгалтерская или экономическая экспертиза финансового состояния организации, наложение ареста на имущество физических лиц, причастных к мошенничеству и строительной организации.

2) Лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, известно, но неизвестно его местонахождение. Данная ситуация складывается в случаях, когда строительная фирма была зарегистрирована на действительных руководителей (руководителя), которые намеревались длительно осуществлять преступную деятельность по типу «пирамиды», однако ситуация вышла из-под контроля и соответствующие лица попали в сферу интересов правоохранительных органов. В этом случае основная цель первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий состоит в розыске указанного лица.

В этой ситуации проводятся: допрос заявителя, допросы сотрудников строительной организации, в том числе – имеющих отношение к заключающим конкретные договоры, допросы всех лиц, располагающих сведениями о скрывшемся физическом лице, руководителе организации, дача поручения органам дознания об установлении данного лица и его задержании, выемка оригиналов регистрационных и отчётных документов, обыск в помещениях строительной организации,

дома у её руководителя и сотрудников, а также иные действия, характерные для предыдущей ситуации. Как видно из сказанного, основная задача первоначального этапа расследования в данном случае – установление местонахождения лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности.

3) Лицо, совершившее мошеннические действия, неизвестно. Такая ситуация, как правило, складывается в тех случаях, когда организация изначально была зарегистрирована на подставное лицо (так называемого «номинала»), или виновный действовал под чужим именем, используя поддельные или чужие документы.

В указанной ситуации главная цель первоначального этапа расследования заключается в установлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Программа расследования включает те же мероприятия, которые производятся во второй ситуации. Кроме того, необходимо подробно допросить лиц, принимавших участие в регистрации организации, лиц, чьи документы были использованы для регистрации или предоставлялись мошенником при заключении договоров как свои собственные; необходимо составить словесный и композиционный портрет лица (лиц), совершивших преступление, провести проверку по криминалистическим учётам и принять другие меры по установлению его данных. В целях дальнейшего доказывания причастности к преступлению задержанного лица необходимо тщательно осмотреть место составления договора и других документов на предмет установления следов пребывания там подозреваемого (следов рук, ног, окурков со следами слюны и т.п.), исследовать следы рук на приходных ордерах, выданных потерпевшим: данные следы помогут в дальнейшем идентифицировать личность виновного. После задержания лица при необходимости следует предъявить его для опознания сотрудникам строительной организации, не причастным к совершению мошенничества, или потерпевшим.

Планирование расследования мошенничества основывается, прежде всего, на данных, которые следователь получил в результате проведения предварительной выемки материалов и проведения первоначальных следственных действий. В зависимости от имеющейся информации следователь принимает решение о наиболее оптимальных путях и способах расследования, определяет основные его направления.

Понятие «планирование расследования» тесно связано с понятием «следственная версия», которая является таким логическим средством, без которого в ходе расследования невозможно установление всех обстоятельств преступления. Одной из главных задач расследования является установление лица, совершившего мошенничество. В начале расследования многие обстоятельства, характеризующие личность мошенника, неизвестны. Анализируя имеющиеся фактические данные, следователь выдвигает предположения о личности мошенника, т.е. строит следственные версии. Диалектика познания заключается в том, что в процессе расследования проверяется множество следственных версий, и к моменту раскрытия преступления остается, как правило, одна, отражающая объективную истину.

Версии выдвигаются по всем делам, ибо пока не завершено расследование, мнение следвателя об исследуемом событии всегда носит характер предположения, требующего подтверждения. Следственные версии могут строиться в отношении расследуемого события в целом (общие версии) и в отношении отдельных его обстоятельств (частные версии)¹.

Типичными общими версиями первоначального этапа расследования являются:

а) мошенничество действительно имело место при обстоятельствах, вытекающих из первоначальных материалов;

б) мошенничества не было, заявитель добросовестно заблуждается;

в) мошенничества не было, заявитель сообщает о мошенничестве ложно (инсценировка мошенничества). Выдвигается и подтверждается сравнительно редко.

Типичными частными версиями могут быть следующие:

а) о личности мошенников;

б) о распределении и местонахождении денежных средств, полученных в результате совершения преступления;

в) об обстоятельствах и способе преступления;

г) о размерах ущерба.

Относительно личности мошенника могут быть выдвинуты следующие типичные версии – мошенничество совершено:

а) одним лицом или группой лиц;

б) мошенником-гастролером либо жителем населенного пункта (района, города, области);

в) ранее судимым за аналогичное преступление или не имеющим судимости.

Планирование расследования мошенничества включает:

а) построение следственных версий на основе детальной и всесторонней оценки показаний пострадавших лиц, изучения поддельных документов и прочих материалов, которые следователь уже имеет к моменту планирования, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию;

б) определение перечня и содержания первоначальных следственных действий, необходимых для фиксации следов преступления, которые могут быть утрачены, и последовательности следственных действий;

в) установление сроков производства намеченных мероприятий и лиц, ответственных за них.

Большое значение, тем более в тех случаях, когда предварительная проверка не осуществлялась, имеет разработка совместных планов проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Такой план может составляться как в ходе оперативных мероприятий, так и после ознакомления следвателя с материалами. План должен предусматривать вопросы о внезапности проведения намеченных мероприятий; местах проведения обысков, арестов, порядка проведения допросов; наложении ареста на имущество; использовании помощи специалистов; назначении экспертиз и т.д. Успех планирования во многом зависит от качества проведения первоначальных следственных действий.

Необходимо сделать вывод о том, что на первоначальном этапе расследования мошенничеств в сфере малоэтажного строительства складываются три типичных следственных ситуации в зависимости от того, известно ли лицо или лица, подлежащие привлечению к уголовной ответственности.

1) Лицо, подлежащее привлечению к ответственности известно. Оно может быть задержано по подозрению в совершении преступления либо оставаться на свободе, но его место нахождения известно, а лицо не скрывается от следствия.

2) Лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, известно, но неизвестно его местонахождение.

3) Лицо, совершившее мошеннические действия, неизвестно. Такая ситуация, как правило, складывается в тех случаях, когда организация изначально была зарегистрирована на подставное лицо (так называемого «номинала»), или виновный действовал под чужим именем, используя поддельные или чужие документы.

Каждая из этих ситуаций отличается рядом сложностей, которые следвателю приходится преодолевать на первоначальном этапе расследования, и для преодоления которых предлагаются типовые программы расследования. Однако такая типовая программа является лишь определённым ориентиром и предполагает выдвигание всех необходимых версий и составления на их основе индивидуального, конкретного плана расследования.

1 Криминалистика: Краткий курс – М.: ИНФРА-М., 2003, – С. 53.

Быстров Г.Е., Побежимова Н.И.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматриваются понятие, сущность, особенности, принципы, основные направления государственного регулирования сельского хозяйства

Ключевые слова: государственное регулирование сельского хозяйства, принципы государственной аграрной политики, устойчивое развитие сельских территорий, приоритетные подотрасли сельского хозяйства, единство продовольственного рынка.

Bystrov G.E., Pobezhimova N.I.

STATE REGULATION OF AGRICULTURE

The article reviews and discusses notion, essence, particularities and principles of the state agrarian policies, the steady development of the agricultural territories, the most important subsections of agriculture and the unity of the rural market.

Key words: state regulation of the agriculture, the principles of agrarian policy, steady development of the agricultural territories, the most important subsections of agriculture, the unity of the rural market.

Понятие, сущность и особенности государственного регулирования сельского хозяйства. В современных условиях меняются координаты российского аграрного права, которое закрепляет комплекс мер, направленных на преодоление негативных последствий как малопродуктивного развития АПК в период перестройки, так и издержек реформаторских действий первого этапа аграрной реформы в 90-х годах XX в. Существование «провалов» продовольственного рынка, неспособность государства противостоять монопольным действиям заготовительных, перерабатывающих, обслуживающих и торговых предприятий и организаций – поставщиков материально-технических ресурсов сельскохозяйственным товаропроизводителям потребовало внести серьезные коррективы в «правила игры» на продовольственном рынке в направлении обеспечения социально справедливого общественного распределения продовольствия¹.

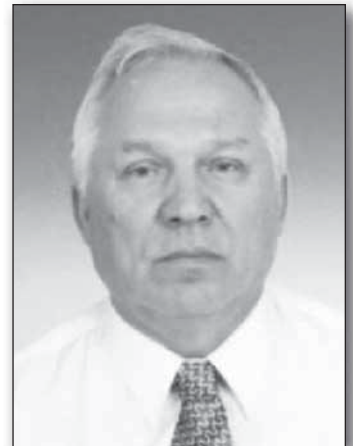
Этим вызвана необходимость существенного изменения стратегии и тактики реформ в целом, аграрной реформы, в частности, связанного с усилением государственного регулирования продовольственного рынка, переориентацией капитала с торговых и финансовых отраслей на вложения в производственную сферу в АПК и привлечение иностранных инвестиций. В современных условиях четко прослеживается стремление законодателя усилить экономические и социальные функции государственного регулирования продовольственного рынка как управляемого и регулируемого механизма свободного движения сельскохозяйственной продукции и товаров, функционирование которого обеспечивается едиными нормами и правилами, регулирующими предпринимательскую деятельность субъектов продовольственного рынка.

Такой подход выражен и в ФЗ от 26 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства», закрепившем перемены, заложенные в аграрном законодательстве начала XXI в., направленном на усиление регулирующих и стимулирующих функций государства как монопольного (функционирующего на общих основах и правилах, подверженного антимонопольным ограничениям) субъекта социального рыночного хозяйства, организующего «рынок в направлении обеспечения и регулирования свободной, совершенной конкуренции, защищенной от монополизма и рыночных “провалов”»².

В данном Федеральном законе предпринимается попытка определить и границы, и методы государственного вмешательства в устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских

1 Быстров Г.Е. Государственное регулирование сельского хозяйства. // Аграрное право, Книга 1. Часть общая. Учебник / Науч. ред. д.ю.н., проф. Быстров Г.Е., д.ю.н., проф. Воронин Б.А. – Екатеринбург, 2013. – С. 260.

2 Буздалов И. Н. Социальное рыночное хозяйство как базовое общественное условие устойчивости развития агропромышленной системы. В кн.: Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. Никоновские чтения.– М., 2007. – С. 10–11.

Быстров Г.Е.

Побежимова Н.И.

территорий, связанное с их стабильным социально-экономическим развитием, увеличением объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышением эффективности сельского хозяйства, достижением полной занятости сельского населения и повышением уровня его жизни, рациональным использованием земли.

Государство, как отметил Министр сельского хозяйства Российской Федерации Н.В. Федоров, уже взяло на себя налоговое, таможенное, ценовое регулирование сельского хозяйства, а также другие важные вопросы и выделяет значительные субсидии³. Однако, в современных условиях при вступлении России во Всемирную торговую организацию необходима новая система управления отраслью как главного фактора стабилизации и развития отрасли.

Принятые меры по совершенствованию системы управления АПК не могли, по свидетельству академика И.Г. Ушачева, переломить многолетнюю тенденцию застоя и деградации аграрного сектора экономики страны. Россия еще не достигла даже дореформенного уровня валовой продукции сельского хозяйства, который составил в 2011 г. 87,6% в сопоставимых ценах по отношению к 1990 г.

По-прежнему крайне низким остается уровень доходности большей части сельскохозяйственных товаропроизводителей. Это привело к образованию кредиторской задолженности в размере 1,6 трлн. рублей, превышающих годовую выручку от реализации сельскохозяйственной продукции.

При этом сохраняются негативные тенденции, связанные с тем, что в инновационной сфере из-за недостатка собственных и привлеченных ресурсов не обеспечиваются необходимые темпы модернизации агропромышленного производства.

В социальной сфере сохраняется неоправданное отставание уровня оплаты труда занятых в сельском хозяйстве от ее уровня в среднем по экономике страны (52%), медленно развивается социальная инфраструктура сельских территорий, в большинстве регионов сохраняются демографические проблемы.

В этой связи ключевыми задачами остаются переход экономики агропромышленного комплекса на инновационную социально-ориентированную модель, на что неоднократно об-

ращали внимание лидеры Российского государства и что отмечается в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года и в Государственной программе развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы¹.

Для правового обеспечения продовольственной безопасности России исключительное значение приобретает совершенствование системы государственного регулирования сельского хозяйства с учетом роста значимости рыночных механизмов в деятельности сельскохозяйственных коммерческих организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. При этом наблюдается смена акцентов государственного регулирования с административных (прямых) методов на косвенные. С этим связано возрастание роли и значения кредитного, налогового, таможенного, тарифного и нетарифного, антимонопольного регулирования рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия, которые выделены в качестве косвенных методов осуществления государственной аграрной политики².

Государство имеет право не только осуществлять государственное регулирование экономики, оно обязано это делать. Справедливо сказанного подтверждает Хартия экономических прав и обязанностей государств, принятая 12 декабря 1974 г. на Пленарном заседании XXIX сессии Генеральной ассамблеи ООН. Согласно ст. 7 Хартии «каждое государство несет основную ответственность за содействие экономическому, социальному и культурному развитию своего народа».

С этой целью каждое государство имеет право и несет ответственность за выбор средств и целей развития, за полную мобилизацию и использование своих ресурсов, осуществление прогрессивных экономических и социальных реформ, за обеспечение полного участия своего народа в процессе и выгодах экономического развития. Все государства обязаны индивидуально и совместно сотрудничать, а также устранять препятствия, которые мешают такой мобилизации и использованию³. Действующее законодательство не дает определения и не раскрывает понятие государственного регулирования. Лишь в некоторых законах о государственном регулировании отдельных отраслей делается попытка его определения.

В недействующем в настоящее время ФЗ от 14 июля 1997 г. «О государственном регулировании агропромышленного производства»⁴ государственное регулирование определялось как экономическое воздействие государства на производство, переработку, реализацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также на материально-техническое обеспечение и производственно-техническое обслуживание агропромышленного производства.

В большинстве нормативных актов понятие «государственное регулирование» не раскрывается. В экономической и юридической литературе содержится множество определений государственного регулирования.

В большинстве случаев оно раскрывается через категорию «деятельность». Достаточно распространенным является мнение о том, что «государственное регулирование экономики – это нормативная, индивидуально-регулятивная и организационная деятельность государства в лице уполномоченных органов, воздействующая на рыночный (экономический) процесс с целью защиты публичных интересов»⁵.

Близкое к этому понимание государственного регулирования предпринимательской деятельности выражено в работах профессора Е.П. Губина, который под государствен-

ным регулированием экономики понимает «деятельность (воздействие) государства в лице его органов, направленную на упорядочение отношений в рыночной экономике и предпринимательстве»⁶.

Профессор Ю.Н. Старилов, перечисляя основные функции государственного управления, дает определение функции регулирования. «Регулирование – использование методов и способов управления в процессе организации системы государственного управления и её функционирования. Регулирование – это установление общеобязательных требований и процедур для объектов управления и различных субъектов права в целях обеспечения общественного порядка, безопасности, равенства участников экономических отношений, основ демократической конкурентности, прав и свобод граждан»⁷.

К области административно-правового регулирования Ю.Н. Старилов относит управленческие отношения, возникающие как внутри государства и его органов, так и при взаимодействии органов публичного управления с гражданами, организациями и иными субъектами права, для регулирования которых формируется определенная система нормативных актов и могут применяться специфические методы, приемы и правовые средства. При этом в настоящее время всё чаще предметом теоретического анализа отношений в сфере действия норм административного права становятся главные содержательные характеристики административно-правового регулирования. Основу административно-правового регулирования в новой системе экономических и политико-правовых отношений, складывающихся в правовом государстве, составляют такие направления, как управленческий процесс, административные процедуры, административное судопроизводство⁸.

Представляют интерес определения правового регулирования, которые были сформулированы профессором С.С. Алексеевым и профессором Ю.А. Тихомировым.

Профессор С.С. Алексеев характеризует правовое регулирование как осуществляемое при помощи правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и т. д.) результативное, нормативно организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными «потребностями» данного социального слоя⁹.

Более лаконичным выглядит это же определение у профессора Ю.А. Тихомирова, который считает, что правовое регулирование – это «механизм нормативного упорядочения, организации и деятельности субъектов права и формирования устойчивого правопорядка»¹⁰.

Государственное регулирование характеризуется как «положительное» государственное управление, т. е. непрерывное решение вопросов государственной и общественной жизни государством и органами государственной власти.

Содержание государственного регулирования состоит из следующих элементов:

- нормативное установление общих требований в конкретной сфере управленческой деятельности;
- экономическое и правовое регулирование развития конкретных отраслей;
- государственная поддержка и защита российских работников, производителей и потребителей;
- контроль за выполнением установленных законом требований, поручений, положений;
- координационное управление;
- реализация подведомственных контрольно-надзорных полномочий.

1 Ушачев И.Г. Система управления – основа реализации модели инновационного развития агропромышленного комплекса России. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2012. – С. 3–4.

2 Быстров Г.Е. Государственное регулирование сельского хозяйства. // Аграрное право, Книга 1. Часть общая. Учебник / Науч. ред. д.ю.н., проф. Быстров Г.Е., д.ю.н., проф. Воронин Б.А. Екатеринбург, 2013. – С. 262.

3 Действующее международное право. – Т.3. – М., 1997. – С. 135.

4 СЗ РФ. 1997. – № 29. – Ст. 3501; 2003. – № 2. – Ст. 160.

5 Тотьев К.Ю. Предпринимательское право. Публично-правовой статус предпринимателя. – М., 2003. – С. 25.

6 Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства. Правовые проблемы. – М., 2005. – С. 71.

7 Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. – М.: Норма, 4-е издание, 2009. – С. 46.

8 См.: Там же. – С. 73, 131–133.

9 См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1966. – С. 5.

10 Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М., 1998. – С. 358.

Функции государственного регулирования за последние годы всё чаще находят отражение в законодательных актах. Так, например, в сфере деятельности органов исполнительной власти находят отражение вопросы налогообложения, таможенной деятельности, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, борьбы за экологическую чистоту, ветеринарии, целевого использования сельскохозяйственных земель и др.

Достаточно обоснованной является позиция ученых, которые полагают, что в некоторых отраслях государственного управления, таких как управление внутренними делами, обороной, иностранными делами, государственное руководство и управление невозможно и нецелесообразно заменять государственным регулированием. В других же отраслях, например в экономике, в сельском хозяйстве на практике применяется механизм государственного регулирования. Государственное регулирование способствует в большей мере, чем режим централизованного прямого управления, созданию благоприятных экономических, организационных и юридических условий для функционирования предприятий, коммерческих и некоммерческих организаций.

Значительным своеобразием отличается государственное регулирование сельского хозяйства, которым обозначается деятельность государства по воздействию на систему аграрного предпринимательства, функционирующего преимущественно на рыночной основе с применением методов экономического регулирования (цен, налогов, кредитов, пошлин), а также государственных заказов, лицензий, квот, иных административных методов воздействия.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве осуществляется в установленных Конституцией РФ целях. При этом государство выступает как субъект политической власти и носитель публичных интересов, для защиты и реализации которых оно вправе вмешиваться в частную хозяйственную деятельность в случаях, пределах и формах, предусмотренных Конституцией РФ, Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» и иными федеральными законами.

Наряду с совершенствованием законодательной базы в сфере сельского хозяйства принимаются Федеральные целевые программы, Государственная программа сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, Концепция развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 года.

Функции государственного регулирования и управления сельским хозяйством. Если рассматривать проблему управленческих функций с позиций соотношения функций государственного управления и государственного регулирования в сельском хозяйстве России, то следует исходить из общего определения управленческих функций и их назначения по созданию оптимальной структуры и системы управления как в целом в государстве, так и в конкретных отраслях хозяйства страны.

Функции управления – это конкретные направления управляющего (организующего, регулирующего, контролирующего и проч.) воздействия государственного управления на объект управления.

К основным функциям государственного управления относят всеобщие, типичные, имеющие специальную направленность виды взаимодействия между субъектами и объектами управления, которые характерны для всех управленческих связей и которые обеспечивают достижение согласованности и упорядоченности во всех сферах государственного управления.

В число основных функций государственного управления входят:

- информационное обеспечение управления;
- прогнозирование и моделирование;
- планирование;
- организация;

- распорядительство;
- руководство;
- координация;
- контроль;
- учет;
- регулирование.

Все основные управленческие функции используются в той или иной мере и при осуществлении государственного регулирования сельским хозяйством и применимы в сфере деятельности АПК.

В то же время есть ряд важных функций государственного регулирования, которые характерны для управления и регулирования именно в области сельского хозяйства России.

Можно выделить пять функций государственного регулирования сельского хозяйства. Первая важная функция государственного регулирования состоит в том, чтобы создать устойчивую систему продовольственного обеспечения страны на основе формирования федеральных и региональных продовольственных фондов, их достаточных резервов для государственных нужд, стабилизационных продовольственных фондов для сохранения здоровой окружающей среды и повышения качества жизни российских граждан.

Речь идет о самообеспечении страны продовольствием, так как Россия и до реформы потребляла значительное количество продовольствия, ввозимого как из республик бывшего СССР, так и из-за границы. В настоящее время объем импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья по сравнению с 1990 г. вырос в несколько раз. Проблемы импортозамещения как необходимого условия обеспечения продовольственной безопасности России, Украины, Казахстана, Беларуси неоднократно поднимались на Международных конференциях государств – членов ЕврАзЭС¹.

Не действующий в настоящее время Федеральный закон от 14 июля 1997 г. «О государственном регулировании агропромышленного производства»² (ст. 1) выделял в числе первоочередных задач государственного регулирования сельского хозяйства проблему продовольственной безопасности России.

В настоящее время некоторые попытки решить вопросы, связанные с обеспечением продовольственной безопасности страны, предприняты Указом Президента РФ № 120 от 30 января 2010 г. «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»³, выделившим в качестве основной цели государственного регулирования сельским хозяйством обеспечение населения российскими продовольственными товарами. Этим вызвана необходимость усиления и расширения публично-правовых форм государственного регулирования продовольственного рынка, связанных, прежде всего, с реализацией права российских граждан на полноценное питание.

Данное право, как известно, ранее было закреплено п. 1 ст. 25 Всеобщей Декларации прав человека, утвержденной и провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.: «Каждый имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и семьи...». Применение в России норм п. 1 ст. 25 Всеобщей Де-

1 Ушачев И.Г. Экономические и правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности стран СНГ. В кн. Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 1. – М., 2009. – С. 37–53; Коровкин В.П. Сучкова Н.А. Развитие импортозамещения как необходимое условие обеспечения продовольственной безопасности России и повышение конкурентоспособности агропромышленного производства. Там же. – С. 301–308.

2 СЗ РФ 1997. – № 29. – Ст. 3501; 2003. – № 2. – Ст. 160.

3 СЗ РФ 2010. – № 5. – Ст. 502.

кларации прав человека о праве человека и гражданина на полноценное питание обеспечивается нормами различной отраслевой принадлежности.

Важная роль в реализации этого права принадлежит, прежде всего, положениям ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, которая рассматривает принцип социального государства как одну из основ конституционного строя, отражая тем самым новую возросшую роль государства в материальной обеспеченности беднейших слоев населения базовыми продуктами питания на уровне стандартов современного развитого общества.

Существует ошибочное мнение, что право на полноценное питание не является индивидуальным правом, поскольку оно рассматривается в программах правительства в экономической и социальной областях. Между тем, ст. 11 Декларации гласит, что право на полноценное питание есть право каждого человека и гражданина. В данной норме право на питание трактуется не как широкое коллективное действие, а как человеческое право, предоставленное каждому индивиду. К тому же, из мнения о том, что право на питание есть часть конкретной программы, вовсе не следует вывод о том, что для реализации иных прав человека и гражданина не требуется принятие правительственных программ. В действительности любое правительство должно иметь специальные программы для того, чтобы защитить любое человеческое право. Это касается борьбы с любым социальным злом: будь то голод, насилие, террор или похищение людей.

Существует также заблуждение, что экономические права человека по своей правовой природе отличаются от гражданских и политических прав. В связи с этим гражданские и политические права человека называются негативными, так как они не зависят от функционирования государства и потому бесплатны. Что касается экономических, социальных и культурных прав, то они называются позитивными. Предполагается, что для их реализации нужна соответствующая деятельность государства и потому они должны быть платными.

В настоящее время это заблуждение относительно значения социально-экономических прав для обеспечения правового статуса личности преодолено. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах обращается особое внимание на то, что идеал свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен, только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами так же, как и своими гражданскими и политическими правами». Эту точку зрения подтвердила Генеральная Ассамблея ООН (резолюция от 4 декабря 1986 г.) провозгласив «неделимость и взаимозависимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав».

Из конституционного признания России социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, и положений п. «е» ст. 71 Конституции РФ, которая относит к ведению РФ установление основ федеральной, в том числе и продовольственной, политики и федеральные программы в области социального развития, следует, что государство как социальная служба должно выполнять два вида обязательств перед обществом.

Во-первых, обязанность государства в сфере защиты прав граждан на полноценное питание состоит в том, что оно должно принимать меры по устранению продовольственной зависимости страны от зарубежных стран и сокращению импорта продовольствия, который по прежнему остается каналом утечки капитала за границу путем манипуляций с контрольными ценами, фиктивными авансовыми переводами денег, оплатой розничных услуг, что подрывает экономическую систему государства.

Во-вторых, государство призвано установить социальный порядок, создать справедливую политику продовольственного обеспечения, содействуя при этом решению двух задач. Во-первых, бесперебойному поступлению на продовольственные рынки пищевых продуктов в объемах, достаточных для удовлетворения в них потребностей населения, в том числе лиц с

фиксированными государственными доходами, пенсионеров и детей, зависящих от государственного социального обеспечения.

В-третьих, повышению уровня калорийности суточного рациона питания населения в соответствии с физиологическими нормами при существующей структуре потребления, системе цен, уровне доходов, социальных пособий и льгот. Постепенно складывается система продовольственной помощи лицам, не имеющим достаточного дохода для покупки продовольствия.

1 января 2013 г. введен в действие Федеральный закон от 3 декабря 2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации»¹. Предложенная Министерством труда потребительская корзина в большей степени соответствует фактическому потреблению малоимущего населения: 50% доходов на питание и по 25% – на непродовольственные товары и услуги.

Министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин объясняет такие изменения в методике определения потребительской корзины тем, что «действующий сегодня порядок определения прожиточного минимума на основе набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, устанавливаемых в натуральных показателях, устарел и в значительной степени не оправдался, поскольку структура потребительской корзины существенно отклонилась от фактического потребления типичного малоимущего домохозяйства»².

Новая методика определения потребительской корзины, предложенная Министерством труда, ориентирована лишь на питание и не учитывает потребность населения в непродовольственных товарах и услугах. Она нацелена на нищие слои населения, на отсталый образ жизни, в то время как структура потребления изменяется в сторону увеличения в ней доли непродовольственных товаров.

Фактически структура потребления постепенно изменяется в сторону увеличения доли потребления непродовольственных товаров и оплаты услуг и снижения доли продуктов питания. В структуре каждой из групп также наблюдаются существенные изменения³. Нормативы потребительской корзины должны соответствовать рациональному уровню потребления, в котором продукты питания не должны превышать 30%, непродовольственные товары – 47% (из них ткани, одежда, обувь – 20%, мебель, предметы культуры и быта – 18%, прочие товары – 9% и все услуги – 23%)⁴.

Состав корзины в России довольно беден (мяса можно купить 40 кг. в год, юбку – раз в пять лет, на культурные развлечения потратить 45 руб. в месяц, в денежном выражении на второй квартал 2008 г. это 4446 руб. в среднем на человека в месяц⁵. Нельзя считать приемлемым и положение дел в области потребления продуктов питания. Так, душевое потребление молока и молокопродуктов, мяса и мясопродуктов в 2010 г. относительно 1990 г. составило лишь 71,8% и 90,3% соответственно⁶.

В наиболее благополучных странах (например, в Швеции) стоимость потребительской корзины составляет 1000 и более долларов США в месяц. В Греции, Португалии и других странах этого уровня развития – около 500–700 долл. При этом

1 СЗ РФ 2012. – № 50 (часть IV). – Ст. 6950.

2 Смольякова Т. Не хлебом единым / Российская газета. – 5 июля 2012 г.

3 Додонова И.В. Уровень и качество жизни сельского населения России: критерии оценки и пути повышения. // Экономика, труд и управление в сельском хозяйстве. – 2013. – № 1 (14). – март, 2013. – С. 82.

4 Елисеева И.И. Социальная статистика // [Электронный ресурс] / Сайт Электронной библиотеки социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>.

5 Российская газета. – 2008. – 25 ноября.

6 Р.Х.Адуков. Концептуальные положения развития государственного управления АПК России. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Система управления – основа реализации модели инновационного развития агропромышленного комплекса России. – М., 2013.

следует учитывать разную стоимость товаров и услуг в России и некоторых других странах, а также неодинаковые традиционные потребности населения.

Следует учитывать существенную разницу продовольственных корзин между богатыми и бедными регионами страны. Средняя пенсия также не достигает юридического прожиточного минимума. Обещание Правительства РФ достигнуть этого уровня к 2009 г. до сих пор не выполнено¹. Пособия по безработице ниже фактического прожиточного минимума (по постановлению Правительства РФ с 1 января 2009 г. независимо от предыдущей заработной платы максимум пособия должен составлять для работающих 4900 руб. в месяц, для неработающих – 850 руб.)²

В результате по официальным данным за чертой бедности проживает приблизительно шестая часть населения, по неофициальным – до 40%. В то же время Россия в 2008 г. находилась в 2008 г. на втором месте в мире (после США) по числу долларовых миллиардеров. Их число каждый год (по крайней мере, до 2010 г.) росло быстрее, чем в развитых странах, и до 2010 г. они ежегодно удваивали свое состояние³.

Потребление непродовольственных товаров и услуг формирует общий фон не только в благосостоянии населения, но духовно-нравственный характер его жизни. Вполне закономерно мировая практика (МОТ) признает, что уровень и качество жизни определяют структуру потребления, в котором преобладающими являются расходы на непродовольственные товары и услуги. России нужна потребительская корзина, которая будет ориентирована не на малоимущее население, а на средний класс. Только в этом случае возможно повышение уровня жизни населения⁴.

В-четвертых, государство должно противодействовать деятельности мощных продовольственных компаний, которые создают искусственный продовольственный дефицит, нарушают договорные обязательства, взвинчивают цены на продовольствие. Тревожным сигналом в связи с этим является повсеместное повышение цен на основные продукты питания (муку, хлеб, мясо, молоко) в августе 2010 г., которое является следствием не только негативного влияния засухи и массовых неурожаев, но и спекулятивных действий многих участников торгового рынка. Основная вина за рост цен на продовольственном рынке, по мнению экспертов, ложится не на сельскохозяйственных товаропроизводителей, а на торговые сети. Если в странах ЕС наценка ризлторов составляет 8–12%, то в России она порой достигает от 30% до 300%⁵.

В связи с этим выдвигаются обоснованные предложения внести изменения в ФЗ от 28 декабря 2009 г. «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁶ и установить в законе нижний предел закупочных цен на товары сельскохозяйственных товаропроизводителей и максимальную торговую наценку для всей цепочки поставщиков от поля до прилавка. В средствах массовой информации обсуждаются также предложения ввести по опыту США продовольственные талоны для малоимущих граждан России.

Существенный вклад в решение проблем правового обеспечения продовольственной безопасности России может внести использование мирового опыта обеспечения продовольственной безопасности. При этом необходимо учитывать общепринятую классификацию основных подходов к обе-

спечению продовольственной безопасности в зависимости от уровня аграрного потенциала стран, ориентированных на экспорт (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), протекционизм (Япония и Норвегия) и промежуточную политику (большинство стран ЕС).

Ключевыми факторами обеспечения продовольственной безопасности в развитых странах являются приоритет либо поддержка сельскохозяйственного товаропроизводителя и гарантированное максимальное самообеспечение всеми видами продовольствия потребителя либо равная поддержка как сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и потребителей сельскохозяйственной продукции. В России можно использовать оба варианта поддержки и потребителей, и сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В определенной мере для решения этих проблем может быть использован правовой опыт применения в Казахстане и Беларуси Государственной программы импортозамещения, утвержденной постановлением Правительства Республики Казахстан от 20 августа 2001 г. № 1088 и Государственной программы импортозамещения Республики Беларусь 2001–2005 годов и 2006–2010 годов. Приоритетами этих программ является импортозамещение, как необходимое условие повышения продовольственной и генетической безопасности Казахстана и Беларуси.

При решении правовых проблем продовольственной и генетической безопасности России надо учитывать, что агрессивные иностранные биотехнологические корпорации пытаются установить монополию на российском рынке семян и продовольствия, используют свое превосходство в научных разработках и политическом влиянии. Актуальным в связи с этим является вопрос о том, можно ли сохранять политику либерального саморегулирования или необходимо законодательно закрепить импортозамещение в качестве основного направления продовольственной безопасности России и повышения конкурентоспособности агропромышленного производства.

Вторая функция государственного регулирования сельского хозяйства связана с созданием рыночной производственной инфраструктуры на селе. Речь идет о формировании и функционировании федеральных и региональных продовольственных рынков. В Государственной программе⁷ особо выделены специальные правила регулирования рынка зерна, мяса, сахара. Для этого используются инструменты наблюдения за индексом цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и индексом цен (тарифов) на промышленную продукцию (услуги), используемую сельскохозяйственными товаропроизводителями, поддерживается паритет индексов таких цен (тарифов), закрепляется комплекс мер, направленных на повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции и российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечение качества российских продовольственных товаров.

Третья функция государственного регулирования сельского хозяйства состоит в том, что для формирования эффективно функционирующего рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государство проводит закупочные интервенции в форме закупок и залоговых операций с сельскохозяйственной продукцией и продовольствием. Аграрное законодательство предусматривает также торговые интервенции в форме их распродажи из федерального и региональных продовольственных фондов.

Легализация государственных закупочных интервенций получила отражение в ст. 14 ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства»⁸, который создает правовую основу для осуществления государственных закупочных интервенций, когда рыночные цены на сельскохозяйственную продукцию опускаются ниже уровня, установленного для проведения закупочных интервенций. Не менее важно положение о правилах осуществления государственных товарных интервенциях, которые проводятся в случае недостатка на рынке

1 Российская газета. – 2008. – 14 ноября.

2 Российская газета. – 2008. – 28 декабря.

3 Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства. В кн. Конституция, закон и социальная сфера общества. Материалы научно-практической конференции. (Москва, 1 декабря 2008 г.). – М. 2009. – С. 23.

4 Додонова И.В. Уровень и качество жизни сельского населения России: критерии оценки и пути повышения // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – № 1 (14). – март 2013. – С. 82.

5 Кукол Е. Контрольная закупка Набиулиной. Минэкономразвития намерено отслеживать госконтракты от стадии планирования до полного завершения // Российская газета. – 2010. – 20 августа.

6 Российская газета. – 2009. – 30 декабря.

7 СЗ РФ 2007. – № 31. – Ст. 4080.

8 СЗ РФ 2007. – № 1 (часть 1). – Ст. 27.

сельскохозяйственной продукции и роста рыночных цен сверх максимальных расчетных цен.

Правительством РФ 28 сентября 2004 г. утверждены Правила осуществления государственных закупочных и товарных интервенций для регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. В рассматриваемом нормативном правовом акте значительное место уделяется функциям Министерства сельского хозяйства РФ, на которое возлагается ответственность за организацию государственных и закупочных интервенций и регулирование уровня цен, при достижении которых проводятся государственные закупочные и товарные интервенции.

Четвертая функция государственного регулирования сельского хозяйства связана с ориентацией законодательства на повышение качества жизни сельского населения, повышение роста доходов лиц, занятых в сельском хозяйстве, создание материальной базы устойчивого развития сельских территорий и достойных условий жизни сельского населения.

На практике до сих пор остаются незащищенными социальные права сельского населения. Падает престижность и доходность сельскохозяйственного труда. За чертой бедности находится почти половина сельского населения. Наблюдается повсеместное обнищание сельских жителей. Проявления бедности особенно очевидны в районах с так называемым депрессивным характером экономики, расположенных вдали от региональных центров и в неблагоприятных экономических условиях. За период реформ продолжительность жизни на селе снизилась и составляет у женщин 73,4 года, мужчин – всего 60,9 лет. Как видно, среднестатистический крестьянин едва доживает до пенсионного возраста¹.

Вызывает тревогу возрастание смертности на селе, депопуляция в 64 регионах страны, деградация качественного потенциала рабочей силы, снижение ее общеобразовательного и квалификационного уровня. «Для большинства сельских административных районов характерна низкая (до пяти человек на 1 кв. км) и нижайшая (до одного человека на 1 кв. км) плотность населения, что увеличивает по обоснованному мнению академика А.В. Петрикова, геополитические риски»².

В Приоритетном национальном проекте «Развитие АПК», Федеральной целевой Программе «Социальное развитие села до 2012 года», утвержденной постановлением Правительства РФ № 858 от 3 декабря 2002 г.³ с учетом ее пролонгации до 2013 г., а в последующем – предполагаемой к разработке Федеральной целевой программе устойчивого развития сельских территорий на 2014–2017 годы (с учетом ее пролонгации до 2020 г.), как это предусмотрено Концепцией развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р; в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (с изменениями от 24 июля 2009 г.) «О развитии сельского хозяйства» осознается необходимость обеспечения устойчивого развития сельских территорий, в том числе строительства и содержания в надлежащем порядке связывающих населенные пункты автомобильных дорог.

Одна из основных функций государства состоит в том, что оно создает условия для устойчивого развития сельских территорий, расширения рынка труда в сельской местности, повышения уровня жизни сельского населения, в том числе оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве. Социальные функции государства связаны с созданием условий для повышения комфортности проживания в сельской местности, обеспечением равного доступа с горожанами к благоустроенному

жилью, здравоохранению, образованию, торговле, бытовому обслуживанию.

Важнейшим направлением устойчивого развития сельских территорий является улучшение демографической ситуации и повышение трудоустроенности в депрессивных регионах. Проект Концепции социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации до 2020 года предлагает решать эти проблемы в рамках федеральной и региональной целевых программ, которыми должны быть определены меры, направленные на переселение и привлечение рабочих кадров, специалистов из городов и других субъектов Российской Федерации, стран СНГ для сельскохозяйственной деятельности и работы в сфере социальных услуг (образование, здравоохранение и др.). «Расходы предприятий и организаций АПК на обустройство семей, переселяющихся в такие регионы, могут покрываться за счет средств федерального бюджета в размерах, определяемых Правительством Российской Федерации и предусмотренных в федеральном бюджете»⁴.

Пятая функция государственного регулирования сельского хозяйства выполняется путем решения конкретных задач в области охраны окружающей среды и природопользования. Это нашло отражение в Федеральном законе от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды», в котором выделена специальная глава УП «Требования в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности». Закон определяет эти требования как меру экологически допустимого поведения предпринимателя. Закон ужесточает требования к хозяйственной деятельности и признает недостаточным, как ранее, выдачу разрешений и лицензий на природопользование. В ст. 31 закрепляется требование об экологической сертификации, регистрации источников загрязнения, об отчетности предприятий, об организации производственного контроля.

В законе закрепляются новые повышенные требования к сельскохозяйственной деятельности, которая является постоянным и мощным источником загрязнения, особенно почв и вод. В новом законе появилось новое требование: объекты сельскохозяйственного назначения должны иметь необходимые санитарно-защитные зоны и очистные сооружения, которые должны исключать загрязнение почвы, воды, воздуха (ст. 43). Это означает, что при предоставлении земли для сельскохозяйственных целей часть земель должна отводиться для защитных зон, либо должны быть предоставлены дополнительные участки для санитарно-защитных зон.

Экологическая функция государства нашла свое закрепление в ФЗ «О развитии сельского хозяйства», который провозглашает в качестве одной из основных целей государственной аграрной политики сохранение и воспроизводство используемых для нужд сельского хозяйства земельных угодий и их почвенного плодородия, водных ресурсов, объектов растительного и животного мира.

Усиление публично-правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве нашло отражение и в правовой доктрине, в которой особое внимание обращается на проблемы экологизации аграрного законодательства, как наиболее приближенные к природопользованию. Законодательство закрепляет общие экологические требования при осуществлении сельскохозяйственной деятельности, при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации, консервации и ликвидации зданий, строений и сооружений и иных объектов, специальные экологические требования при мелиорации земель, размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию и эксплуатации мелиоративных систем.

В ряду других важнейших проблем экологизации аграрного законодательства особо должны быть выделены проблемы организационно-правового обеспечения химической и

1 Адуков Р.Х. Концептуальные положения развития государственного управления АПК России. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции « Система управления – основа реализации модели инновационного развития агропромышленного комплекс России». – М., 2013.

2 Петриков А.В. Государственная программа развития сельского хозяйства. В кн. Правовой механизм государственного регулирования поддержки агропромышленного комплекса. Под ред. Боголюбова С.А. – М.: Норма, 2009. – С.81.

3 СЗ РФ 2002. – № 49. – Ст. 4887; 2006. – № 16. – Ст. 1734.

4 Проект. Концепция социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года. Научные основы. – М., 2011. – С. 29.

биологической безопасности в агропромышленном комплексе; стратегии сохранения почв как одного из приоритетов обеспечения устойчивого развития России; экологического земледелия и выхода экологически чистой сельскохозяйственной продукции на мировые продовольственные рынки; вопросы нормативно-правового обеспечения рыбохозяйственного комплекса и продовольственной безопасности России; проблемы ландшафтного использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения¹.

Создание устойчивой системы продовольственной безопасности связано с правовыми проблемами экологизации сельского хозяйства. Речь идет об организационно-правовом обеспечении развития экологического земледелия и производстве качественного и безопасного продукта питания. При этом надо учитывать исследование Международной комиссии «По вопросам будущего развития производства продуктов питания» и проекты по реализации устойчивого сельского хозяйства в 52 странах мира.

Эти мировые экономические тенденции в развитии экологического земледелия и производства продуктов питания, провозглашенные в Докладе ФАО от 6 мая 2007 г. «Органическое сельское хозяйство», взаимосвязаны с проблемами правового регулирования генно-инженерной деятельности. Оздоровление человеческой популяции и улучшение состояния окружающей среды возможно только с учетом анализа мирового опыта развития сельскохозяйственного производства и экологизации земледелия.

В сентябре 2012 г. предприняты некоторые попытки решить вопросы, связанные с обеспечением продовольственной безопасности страны, в проекте ФЗ «О производстве органической сельскохозяйственной продукции и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации», на что ранее в 1999 г.² и в 2010 г.³ обращалось внимание в юридической литературе. Это направление государственного регулирования

является одним из приоритетных в совершенствовании аграрного законодательства, направленного на устойчивое обеспечение населения Российской Федерации экологически чистой высококачественной сельскохозяйственной продукцией. Этим вызвана необходимость усиления внимания к проблемам стимулирования сельскохозяйственных товаропроизводителей при производстве органической сельскохозяйственной продукции; поддержки потребительской сельскохозяйственной кооперации, малого и среднего предпринимательства, предоставляющих услуги сельскохозяйственным товаропроизводителям органической сельскохозяйственной продукции, информационно-методического и научно-методического обеспечения сельскохозяйственных товаропроизводителей, осуществляющих органическое сельскохозяйственное производство.

Принципы государственного управления и регулирования сельским хозяйством. Среди основополагающих принципов государственного управления сельским хозяйством особо выделяют такие принципы, как:

- законность;
- федерализм;
- демократизм;
- прозрачность;
- доступность и др.

В то же время главным вопросом государственного регулирования сельского хозяйства является вопрос о принципах государственной аграрной политики. К этим принципам относятся:

- равная доступность и адресность государственной поддержки для всех сельскохозяйственных товаропроизводителей;
 - равная доступность для всех субъектов продовольственных рынков информации о рынках и о государственной аграрной политике;
 - единство агропродовольственного рынка и рынка ресурсов для сельскохозяйственного производства на всей территории РФ и обеспечение равных условий конкуренции на этом рынке;
 - последовательность осуществления мер государственной аграрной политики и ее устойчивое развитие;
 - участие союзов (ассоциаций) сельскохозяйственных товаропроизводителей в формировании и реализации государственной аграрной политики.
- В формулировках многих из этих принципов, провозглашенных ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (ст. 5), нашли прямое отражение соответствующие положения Конституции РФ. В ряде случаев такие формулировки лишь косвенно связаны с конституционными положениями. Однако и они выражают нормативно-руководящие идеи, положения, присущие аграрному праву как комплексной интегрированной отрасли права.

В законодательстве предусматриваются и другие принципы, такие, например, как:

- свобода предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве в рамках общественного хозяйственного порядка;
- самостоятельное распоряжение сельскохозяйственным товаропроизводителем своей собственностью;
- ограничение вмешательства государственных органов в аграрные отношения; аграрный протекционизм (его внутриэкономический и внешнеэкономические аспекты);
- гарантированность исполнения обязательств государства перед сельскохозяйственными товаропроизводителями;
- декриминализация аграрной экономики;
- обеспечение правопорядка и законности в предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве.

Основные направления государственного регулирования сельского хозяйства. Государственная программа и Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» с учетом целей и задач государственной аграрной политики выделяют основные направления формирования новой системы государственного регулирования продовольственного рынка России.

1 Боголюбов С.А. Проблемы экологизации аграрного законодательства. В кн. «Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 1. – М., 2009. – С. 111-122; Яковлев А.С. Проблема охраны почв: теория, практика и совершенствование законодательства; Экимов А.И., Урсул А.Д. Экологическое право и право устойчивого развития России; Агафонов В.Б. Особенности предоставления в пользование участков недр на землях сельскохозяйственного назначения; Аленов М.А. Вопросы обеспечения экологической безопасности в свете интеграционных процессов в Центральной Азии; Астанин В.В. Исключение коррупционных рисков в земельном законодательстве и законодательстве о недрах России; Баканева Н.Г. К вопросу об особенностях правового регулирования земельных отношений в Краснодарском крае; Бакирова Р.Т., Левахин В.Г. Некоторые проблемы правового регулирования аренды земель сельскохозяйственного назначения; Балашов Е.В. Совершенствование государственного регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения; Баранов С.А. Организационно-правового обеспечения развития экологического земледелия и регулирование рынка органической сельскохозяйственной продукции; Белецкая Р.И. Правовая охрана водных объектов от загрязнения в сельском хозяйстве. В кн. «Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 11. – М., 2009. – С. 17-88.

2 Ярандайкин Р.С. Организационно-правовые проблемы производства и реализации экологически чистой сельскохозяйственной продукции: Дисс. ...д-ра юрид. наук. – М., 1999.

3 Власов В.А. Продовольственная безопасность Российской Федерации как обязательное условие обеспечения ее реальной независимости // Юридический мир. – 2010. – № 10. – С. 8–11.

Приоритетным направлением государственного регулирования сельского хозяйства и продовольственного рынка является устойчивое развитие сельских территорий. Как отмечается в ст. 1 Закона о развитии сельского хозяйства, понятие «устойчивое развитие сельских территорий» имеет два аспекта. Во-первых, это устойчивое развитие сельских поселений – одного или нескольких объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других населенных пунктов). Во-вторых, это устойчивое развитие межселенных территорий.

В границах сельских поселений и межселенных территорий, в соответствии с требованиями земельного, градостроительного законодательства, лесного, водного, экологического законодательства, законодательства об особо охраняемых природных территориях и об охране объектов культурного наследия, законодательства о местном самоуправлении, осуществляется градостроительное планирование, территориальное зонирование и регулирование застройки жилья, дорог, подземных и воздушных коммуникаций транспорта, связи, энергоснабжения, канализации, объектов социальной сферы и создаются комфортные условия для жизнедеятельности сельского населения.

Последовательный переход к устойчивому развитию сельских территорий, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, осуществляется в соответствии с Федеральной целевой программой «Социальное развитие села до 2010 года»¹, действие которой продлено до 2013 г. Для финансирования жилищного строительства и реализации проектов инженерной и инфраструктурной подготовки строительных площадок для массовой жилищной застройки, решения других проблем, связанных с устойчивым развитием, выделено 20% Государственной программы².

Вторым важным направлением государственного регулирования сельского хозяйства и продовольственного рынка является создание общих условий функционирования сельского хозяйства. Государственная программа содержит комплекс мер, которые позволяют в рамках институциональных и структурных преобразований создать более благоприятные условия для функционирования сельского хозяйства. Такая ориентация Государственной программы позволяет реализовать меры по сохранению и восстановлению плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, создать систему государственного информационного обеспечения АПК, активизировать участие союзов (ассоциаций) сельскохозяйственных товаропроизводителей в формировании и реализации государственной аграрной политики.

Третьим важным направлением государственного регулирования сельского хозяйства и продовольственного рынка является правовое обеспечение развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства. Это позволяет усилить влияние экономических механизмов (восьмилетних субсидированных кредитов на строительство и реконструкцию животноводческих объектов, субсидий на возмещение части затрат на содержание маточного поголовья крупного рогатого скота мясных пород, овец и коз, оленей, табунных мясных лошадей) на регулирование предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве.

Государственная программа определяет, что одним из приоритетных направлений сельского хозяйства является растениеводство, в частности, такие его подотрасли, как элитное семеноводство, производство рапса, льноводство и закладка многолетних насаждений.

Четвертым важным направлением государственного регулирования сельского хозяйства и продовольственного рынка является ориентация Государственной программы на до-

стижение финансовой устойчивости сельского хозяйства. Тем самым создается правовая основа для финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий, сохранения льготного налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей, расширения земельно-ипотечного кредитования в сельском хозяйстве. Программные документы федерального уровня служат правовой основой для сохранения субсидированных процентных ставок по кредитам, предоставления льготных кредитов малым формам хозяйствования на альтернативную занятость и десятилетних кредитов на приобретение высокотехнологичных машин для растениеводства и животноводства.

Пятым важным направлением реализации Государственной программы является регулирование продовольственного рынка. Программные документы федерального уровня служат ориентиром для решения трех задач. Во-первых, в законодательстве должны быть заложены меры, которые позволяют устранить межрегиональные торговые барьеры, препятствующие свободному движению сельскохозяйственных товаров. Во-вторых, должно быть расширено использование внебанковских, альтернативных форм кредитования – лизинга, системы складских (зерновых) расписок, залога сельскохозяйственной продукции. В-третьих, необходимо формирование рыночной инфраструктуры (создание кредитно-финансовых, страховых, торговых, кооперативных, акционерных, государственных структур, обслуживающих сельскохозяйственные коммерческие организации и всех субъектов продовольственного рынка). В-четвертых, формирование эффективной системы государственного регулирования сельским хозяйством происходит в новых и весьма жестких условиях присоединения России к ВТО и реализации нормативных положений Таможенного Союза России, Беларуси и Казахстана.

Это связано, прежде всего, с усилением конкуренции на агропродовольственном рынке и с более чем двукратным снижением и без того мизерной бюджетной поддержки отрасли. Если порог, установленный ВТО по ней для России на 2012 и 2013 гг., составляет по \$9 млрд., то в течение пяти лет запланировано ее постепенное снижение и доведение в 2018 г. до базового уровня в \$4,4 млрд. В расчете на 1 га сельхозугодий это составит лишь 738 руб. (\$23), что, как минимум, на порядок меньше, чем в странах – аутсайдерах ЕС. Для сравнения, в США объем бюджетной поддержки отрасли при более благоприятных природных и экономических условиях составляет более \$100 млрд³.

Приоритетом государственной агропродовольственной политики должно быть обеспечение единства полноценного продовольственного рынка, который не может функционировать в какой-то ограниченной зоне экономического пространства. Не может быть эффективным продовольственного рынка в одном отдельно взятом регионе, если экономика других регионов функционирует по иным законам (например, по законам планово-распорядительной системы). Формирование продовольственного рынка должно быть всеохватывающим и должно происходить одновременно на всей территории РФ. Это требование закреплено ст. 74 Конституции РФ, которая не допускает установления каких-либо таможенных границ, пошлин, сборов, каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров и услуг и финансовых средств. В этой сфере не может быть никаких ограничений на передвижение товаров и услуг, за исключением особых случаев, когда речь идет о торговле наркотиками и медикаментами.

Между тем, на практике администрации отдельных субъектов РФ устанавливают всевозможные лицензии, квоты, ограничения на цены и торговые наценки, местные налоги и сборы, льготы отдельным хозяйствующим субъектам, препятствующие свободному движению сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Широко распространены также

1 СЗ РФ 2002. – № 49. – Ст. 4887; 2004. – № 44. – Ст. 4362; 2005. – № 19. – Ст. 1813.

2 Петриков А.В. Государственная программа развития сельского хозяйства. В кн. Правовой механизм государственного регулирования поддержки агропромышленного комплекса. Под ред. Боголюбова С.А. – М.: Норма, 2009. – С. 82.

3 Адуков Р.Х. Резервы увеличения объемов бюджетной поддержки сельхозпроизводителей России в условиях ВТО. / Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Механизмы государственной поддержки аграрного сектора экономики в условиях глобализации». – Орел, 2013.

торговые барьеры, которые вводит местная власть, запрещая вывоз сельскохозяйственной продукции и продовольствия за пределы территории субъекта РФ. Такого рода запреты на вывоз продовольствия мотивируются по общему правилу тем, что выплаченные региональной властью дотации на животноводческую продукцию должны оставаться на территории своего региона.

В определенной мере административные торговые барьеры были спровоцированы также товарными кредитами, по которым производилась поставка нефтяными компаниями горюче-смазочных материалов сельскохозяйственным коммерческим организациям. При этом непогашенные в срок долги по товарным кредитам были переоформлены в долговые обязательства регионов. Потому региональные власти вводят сезонные ограничения на вывоз сельскохозяйственной продукции и продовольствия до уплаты долгов по товарным кредитам.

На практике широко распространены ограничения на ввоз отечественного продовольствия на свою территорию, которые устанавливает правительство Москвы, регулярно закупая продовольствие за границей за счет валютных кредитов федерального правительства. Свободному движению продовольствия препятствуют также ограничения на ввоз чужой ликероводочной продукции как подакцизного и высокодоходного товара, от реализации которого в региональный бюджет поступают значительные доходы.

В связи с этим возникают вопросы, с одной стороны, об установлении эффективных механизмов защиты единства продовольственного рынка, с другой – об эффективности контроля и правовых мер по обеспечению режима законности и охране Конституции РФ (часть первая ст. 74), запрещающей установление каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров на территории страны. Такого рода незаконные акты, устанавливающие торговые барьеры на пути свободного движения сельскохозяйственной продукции и продовольствия, отменяются судами либо по протестам прокуроров, либо по жалобам граждан, оспаривающим в суде действия и нарушения, затрагивающие права и свободы граждан.

Существуют и иные формы защиты единства продовольственного рынка от нарушения нормотворчеством субъектов РФ. Конституционный надзор и контроль могут осуществляться Президентом РФ, федеральными органами исполнительной власти. Однако наиболее эффективным механизмом охраны единства продовольственного рынка и обеспечения режима законности в деятельности региональных органов государственной власти, регулирующих продовольственный рынок, является судебный конституционный контроль и прокурорский надзор.

Пристатейный библиографический список

1. Аграрное право. Книга 1. Часть общая. Учебник / Научные редакторы д.ю.н., проф. Быстров Г.Е., д.ю.н., проф. Воронин Б.А. – Екатеринбург, 2013.
2. Аграрное право. Книга 2. Часть особенная. Учебник / Научные редакторы д.ю.н., проф. Быстров Г.Е., д.ю.н., проф. Воронин Б.А. – Екатеринбург, 2013.
3. Адуков Р.Х. Концептуальные положения развития государственного управления АПК России. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Система управления – основа реализации модели инновационного развития агропромышленного комплекса России». – М., 2013.
4. Адуков Р.Х. Резервы увеличения объемов бюджетной поддержки сельхозпроизводителей России в условиях ВТО. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Механизмы государственной поддержки аграрного сектора экономики в условиях глобализации». – Орел, 2013.
5. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1966.
6. Баранов С.А. Организационно-правового обеспечения развития экологического земледелия и регулирование рынка органической сельскохозяйственной продукции // Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграр-

ных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 11. – М., 2009.

7. Боголюбов С.А. Проблемы экологизации аграрного законодательства. В кн. «Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 1. – М., 2009.

8. Буздалов И. Н. Социальное рыночное хозяйство как базовое общественное условие устойчивости развития агропромышленной системы. В кн.: Многофункциональность сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. Никоновские чтения. – М., 2007.

9. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства. Правовые проблемы. – М., 2005.

10. Действующее международное право. – Т. 3. – М., 1997.

11. Додонова И.В. Уровень и качество жизни сельского населения России: критерии оценки и пути повышения // Экономика, труд и управление в сельском хозяйстве. – 2013. – № 1 (14).

12. Елисеева И.И. Социальная статистика [Электронный ресурс] / Сайт Электронной библиотеки социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>

13. Коровкин В.П., Сучкова Н.А. Развитие импортозамещения как необходимое условие обеспечения продовольственной безопасности России и повышение конкурентоспособности агропромышленного производства. // Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС. – Т. 1. – М., 2009.

14. Папцов А.Г. Государственное регулирование экономики за рубежом: аграрный аспект. М., издательство «МИД». – 2006.

15. Петриков А.В. Государственная программа развития сельского хозяйства. В кн. Правовой механизм государственного регулирования поддержки агропромышленного комплекса. Под ред. Боголюбова С.А. – М.: Норма, 2009.

16. Проект. Концепция социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года. Научные основы. – М., 2011.

17. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. – 4-е издание. – М.: Норма, 2009.

18. Смольякова Т. Не хлебом единым. // Российская газета от 5 июля 2012 г.

19. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М., 1998.

20. Тотьев К.Ю. Предпринимательское право. Публично-правовой статус предпринимателя. М. 2003.

21. Ушачев И.Г. Экономический механизм реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. АПК: экономика и управление. – 2012. – № 11.

22. Ушачев И.Г. Система управления – основа реализации модели инновационного развития агропромышленного комплекса России. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2012.

23. Ушачев И.Г. Экономические и правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности стран СНГ. В кн. Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС». – Т. 1. – М. 2009.

24. Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства. В кн. Конституция, закон и социальная сфера общества. Материалы научно-практической конференции. (Москва, 1 декабря 2008 г.). – М., 2009.

25. Яковлев А.С. Проблема охраны почв – теория, практика и совершенствование законодательства // Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Беларуси, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования. Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Беларуси, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС. – Т. 1. – М. 2009.

26. Ярандайкин Р.С. Организационно-правовые проблемы производства и реализации экологически чистой сельскохозяйственной продукции: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.

Толбузина Т.В.

О ДВУХ АСПЕКТАХ РЕФОРМЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИИ

В статье рассмотрен новый взгляд на реформирование трудового права, дается оценка уже внесенных и вносимых в Трудовой кодекс РФ изменений и дополнений, в частности, по регулированию «дистанционного труда» и «заемного труда», и сформулированы некоторые критические соображения по общим вопросам реформирования трудового права в России.

Ключевые слова: трудовое право, Трудовой кодекс, дистанционный труд, заемный труд, реформа трудового права, законодательство, Федеральный закон.

Tolbuzina T.V.

ON THE TWO ASPECTS OF THE REFORM IN THE RUSSIAN EMPLOYMENT LABOUR LAW

The article examines a new view on reforming the employment law. It evaluates the amendments and additions that have been already made or are being made into the Russian Labor Code, particularly such of them that concern regulation of «distant labor» and «outstaffing». The article gives some critical considerations on general issues of reforming the employment law in Russia as well.

Key words: employment law, the Russian Labor Code, distant labor, outstaffing, reform of the employment law, legislation, Federal law.

Модернизация экономики России неизбежно ведет к изменению правового регулирования многих традиционных и новых трудовых отношений. В идеале эти изменения должны вводиться параллельно с дальнейшим совершенствованием социального партнерства¹ в сфере труда, расширением договорных отношений, регулирования труда отдельных категорий работников, обеспечением более полной защиты трудовых прав всех работающих, и, в особенности, социально уязвимых категорий населения.

С этой точки зрения вполне объяснимо внимание заинтересованной в этом процессе части нашего общества к содержанию и реформированию Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ или ТК). Самые радикальные предложения сводятся если не к отказу от действующего ТК РФ, то к разработке нового, содержание которого должно существенно отличаться от ТК, введенного в действие с 1 февраля 2002 г. Более того, С.П. Маврин и Е.Б. Хохлов выступили «против идеи создания этого Кодекса как такового»². Наиболее решительный в этом отношении Е.Б. Хохлов считает, что низкая эффективность применения ТК «касается всех сколько-нибудь значимых его характеристик, начиная от концептуальных пробатов и заканчивая уровнем юридической техники»³.

Против такого радикализма стоит возразить, сославшись на авторитетное мнение Ю.П. Орловского. «Трудовой кодекс, – пишет он, – решил многие принципиальные вопросы, имеющие значение для применения трудового законодательства»⁴. В этом же ключе говорил Ю.П. Орловский и в одном из своих интервью: «Действующий Трудовой кодекс регулирует традиционные трудовые отношения между работниками и работодателями с четко определенным перечнем правомочий и обязанностей каждой из сторон трудового договора...»⁵.

Толбузина Т.В.

Вместе с тем ныне действующий ТК РФ не полностью отвечает на главный вопрос, отражает ли он уровень правового регулирования соответствующих трудовых отношений.

К сожалению, по многим аспектам регулируемых трудовых отношений ТК действительно является малоэффективным, а некоторые отношения вообще остаются вне правового поля. Поэтому дискуссия по поводу того, что трудовое законодательство нуждается в реформировании, уже давно можно считать законченной, не упуская, однако, из виду, что и как необходимо реформировать.

По нашему мнению, дальнейшему реформированию подлежат: определения квалификации работников, недостаточная прозрачность механизма трудовой деятельности работника и оплаты его труда, отношения между работодателями и работниками, выполняющими работу дистанционно, регулирование заемного труда, который до сих пор находится «вне правового поля»⁶. Приведенный перечень вопросов, подлежащих реформированию, далеко не полный и может быть существенно дополнен.

Первый аспект реформы трудового права касается создания новой нормативной базы для регулирования так называемого дистанционного труда. Ранее этот вид работ регулировался статьями 310–312 главы 49 ТК: «Особенности регулирования труда надомников». Однако понятие дистанционных работников гораздо шире понятия надомников. К первой категории относятся пенсионеры, инвалиды или женщины с малолетними детьми, т. е. уязвимые в социальном отношении лица. К другой категории относятся вполне здоровые и чаще всего благополучные люди, обладающие высокой квалификацией: дизайнеры, программисты, журналисты, иные специалисты, могущие выполнять свою работу дистанционно.

19 апреля 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон). Закон устранил данный пробел в ТК посредством внесения в него новой главы 491 «Особенности регулирования труда дистанционных работников».

В новой главе ТК дано определение понятия «дистанционный работник». Это лицо, заключившее трудовой договор о дистанционной работе, на которое распространяется действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, но с учетом особенностей, установленных настоящей главой. Новое состоит в том, что все операции по заключению трудового договора, обмена информацией и до-

1 Заметим, что осуществление социального партнерства возможно по двум направлениям. Это так называемое традиционное, или «социальное представительство», и альтернативное первому – система участия.

2 Маврин С.П., Хохлов Е.Б. О кодификации трудового законодательства России // Государство и право. – 1996. – № 6; См. также: Хохлов Е.Б. Направления совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. – 2011. – № 9.

3 Хохлов Е.Б. Направления совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С.13.

4 Орловский Ю.П. Реформа трудового права продолжается // Трудовое право. – 2013. – № 6. – С. 3; См. также: Эксклюзивное интервью с Ю.П.Орловским // Трудовое право. – 2012. – № 5. – С. 6.

5 Там же.

6 Орловский Ю.П. Правовое регулирование трудовых отношений в современный период // Хозяйство и право. – 2011. – № 2. – С.49.

кументацией, непосредственно связанные с устройством и трудовой деятельностью дистанционного работника, выполняются в форме электронных документов, удостоверенных усиленной квалифицированной электронной подписью. Все это существенным образом облегчает все «дорабочие» контакты работодателя и работника. Правда, при предоставлении обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством работник направляет работодателю оригиналы необходимых в таких случаях документов «по почте заказным письмом с уведомлением»¹.

Оптимальными являются нормы, устанавливающие особенности заключения и изменения условий договора о дистанционной работе. Как отмечалось, трудовой договор о дистанционной работе заключается путем обмена электронными документами. Однако работодатель не позднее трех календарных дней со дня заключения данного договора обязан направить дистанционному работнику заказным письмом с уведомлением нотариально заверенные копии трудового договора на бумажном носителе. По соглашению сторон трудового договора о дистанционной работе сведения о такой работе могут вноситься в трудовую книжку дистанционного работника. Но Закон допускает и другой вариант. При заключении трудового договора о дистанционной работе впервые «трудовая книжка дистанционному работнику может не оформляться»². В этих случаях основным документом о стаже дистанционного работника «является экземпляр трудового договора о дистанционной работе»³.

Закон предусматривает также изменение условий трудового договора с дистанционным работником. Соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора заключается путем обмена электронными документами, но с обязательным требованием указания места нахождения работодателя. Дистанционный работник может использовать оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства, предоставленные или рекомендованные ему работодателем, или свои собственные.

Закон обеспечивает организацию и охрану труда дистанционных работников. С этой целью работодатель обязан исполнить требования ч. 3 ст. 212 ТК «Обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда», в частности знакомит дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем. При этом другие обязанности работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда, установленные ныне действующим ТК, другими федеральными законами, а также нормативно-правовыми актами субъектов РФ, «на дистанционных работников не распространяются, если иное не установлено трудовым договором о дистанционной работе»⁴.

Законодателем не упущен и вопрос о режиме рабочего времени и отдыха дистанционного работника. Режим рабочего времени и отдыха устанавливается самим работником, если иное не предусмотрено трудовым договором о дистанционной работе. Порядок же предоставления такому работнику ежегодного оплачиваемого отпуска и иных видов отпусков определяются трудовым договором о дистанционной работе в соответствии с настоящим Кодексом и иными актами, содержащими нормы трудового права.

Наконец, Закон предусматривает (ст. 3125) особенности прекращения договора о дистанционной работе и увольнения работника по инициативе работодателя по основаниям,

которые установлены в трудовом договоре. «Эта формулировка, – отмечает Ю.П. Орловский, – отличается от аналогичного основания расторжения трудового договора с иными категориями работников, где отсутствуют слова “по инициативе работодателя”»⁵. Итак, ст. 3125 «блокирует лишь ст. 71 и 81 ТК РФ, которые относятся к основаниям расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Все иные основания прекращения трудового договора применяются к дистанционным работникам»⁶.

Таким образом, Законом установлены следующие новые правила: заключения и изменения условий трудового договора о дистанционной работе; организации и охраны труда дистанционных работников; режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника; прекращения трудового договора о дистанционной работе.

Можно предположить, что с принятием Закона число дистанционных работников в определенной мере увеличится. Уже давно этому способствует развитие электронных способов обмена информацией и документацией между работодателем и работником при устройстве на работу вне места нахождения предприятия или его филиала, в том числе на большом удалении от работодателя и одновременно с соблюдением основных условий организации и охраны труда. Привлекательным для дистанционных работников является то, что они самостоятельно, по собственному усмотрению определяют режим рабочего времени и времени отдыха, за исключением, может быть, предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска и других отпусков. Собственно, и по объективным причинам, порожденным современными условиями развития экономики и сферы услуг, число дистанционных работников имеет тенденцию к увеличению.

На примере реализации Закона можно проследить выполнение защитных функций трудового права в такой необычной сфере трудовых отношений, какой является дистанционный труд, с одновременным решением проблемы повышения эффективности производства, опираясь на передовые технологии и высокий уровень квалификации дистанционных работников.

Что касается второго аспекта, относящегося к проблеме использования и регулирования «заемного труда» (аутстаффинга), то для понимания данной проблемы необходим более полный учет международно-правовых норм в сфере труда, в частности, Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 181 «О частных агентствах занятости». В Конвенции заемный труд определяется как наем работников для третьей стороны, т. е. когда работник состоит в отношениях с одним работодателем, а работу выполняет для другого.

Положение, сложившееся с заемным трудом в России, противоречиво. С одной стороны, в странах ЕС и ряде других стран заемный труд давно стал нормой, хотя в последние годы от него стали активно отказываться. Это объясняется постоянно снижающейся вовлеченностью «заемных» работников в производственный процесс, корпоративную культуру и коллектив компаний»⁷. С другой стороны, если соотносить этот вид труда с российскими правовыми реалиями, то заемный труд «в какой-то мере противоречит существующим ныне основам трудового законодательства»⁸. Действительно, законодательство России предусматривает две стороны отношений: работника и работодателя, и иных вариантов не существует. Поэтому, не без оснований подчеркивает А. Устю-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/10/freelance-dok.html>.

2 Там же.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/10/freelance-dok.html>.

4 Там же.

5 Орловский Ю.П. Реформа трудового права продолжается // Трудовое право. – 2013. – № 6. – С.9.

6 Там же.

7 Устюшенко А. Новое в законодательстве // Трудовое право. – 2013. – № 12. – С. 7.

8 Там же. – С. 6.

пенко, «на сегодняшний день использование заемного труда запрещено»¹.

В такой ситуации трудно говорить об использовании заемного труда. Но, как говорится, запретный плод сладок, и исключить применение заемного труда в нашем Отечестве нельзя. И коль скоро он никак не регулируется, то негативные последствия его применения очевидны.

Некоторые ведущие специалисты в области трудового права России, видимо, не сомневаясь в том, что рядовые работники (о руководителях речь не идет) достигли уровня зрелости для заемного труда, полагают, что для регулирования такого труда необходимо включение в раздел XII ТК РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» «соответствующей отдельной главы»². Нормы данной главы должны обеспечить трудовые права заемных работников по всему их спектру, в частности, предусмотреть обязанности предприятий, использующих заемный труд, по выполнению распорядка рабочего времени, охране труда, обеспечению других гарантий для заемных работников. Должны быть определены «виды деятельности, где заемный труд не должен применяться» (например, опасные производства)³.

Необходимо заметить, что наш законодатель «зря хлеба не ест» и работает в этом направлении. Так, среди значимых изменений трудового законодательства в наступившем 2014 г. есть законопроект № 451173-5 «О мерах, препятствующих уклонению работодателей от заключения трудовых договоров путем необоснованного заключения договоров гражданско-правового характера, использования механизмов “заемного труда” или другими способами»⁴. Принятый во втором чте-

нии, данный законопроект, «пусть и с известными ограничениями, допускает введение заемного труда»⁵.

Это означает, что для определенной категории работников в качестве работодателя будет выступать некое лицо – «агентство занятости». Поэтому условия труда, его особенности, закрепляемые, согласно действующему законодательству, в трудовом договоре и не подлежащие изменению в одностороннем порядке, могут быть изменены «по усмотрению формального “работодателя”»⁶. Вполне возможно, что на данном этапе развития нашего общества «законопроект, дающий возможность применения заемного труда, окажется полезным нововведением»⁷.

Мы рассмотрели всего два аспекта проводимой реформы трудового законодательства. Полагаем, что законодателям, занимающимся изменениями и внесением дополнений в действующий ТК, необходимо ускорить и разработку нового Трудового кодекса, отвечающего современным условиям в развитии нашего общества.

Пристатейный библиографический список

- 1 Там же. – С.7
- 2 Орловский О. Правовое регулирование трудовых отношений в современный период // Хозяйство и право. – 2011. – № 2. – С.49.
- 3 Там же.
- 4 Цит по: Трудовое право // 2013. – № 12. – С. 6.
- 5 Устюшенко А. Новое в законодательстве // Трудовое право. – 2013. – № 12. – С. 7.
- 6 Там же.
- 7 Устюшенко А. Новое в законодательстве // Трудовое право. – 2013. – № 12. – С. 7.

- 1 Маврин С.П., Хохлов Е.Б. О кодификации трудового права России // Государство и право. – 1996. – № 6.
- 2 Орловский Ю.П. Правовое регулирование трудовых отношений в современный период // Хозяйство и право. – 2011. – № 2.
- 3 Орловский Ю.П. Реформа трудового законодательства продолжается // Хозяйство и право. – 2013. – № 6.
- 4 Хохлов Е.Б. Направления совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. – 2011. – № 9.
- 5 Устюшенко А. Новое в законодательстве // Трудовое право. – 2013. – № 12.
- 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/10/freelance-dok.html>

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательство ЮРИС

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 96 +7 (499) 724 25 45

Открыть и отправить заявку, а также ознакомиться с каталогом перейдите по адресу URSS@URSS.ru
Если возникли и вопросы, обращайтесь по телефону или электронной почте, указав на сайте <http://URSS.ru>

Каталог издан в Интернет-магазине <http://URSS.ru>
E-mail: URSS@URSS.ru

ISBN 978-5-397-03886-7

Кирип Р.С.

ОБЪЕКТЫ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: КОДИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Проблема правового регулирования отношений, связанных с освоением недр планеты, на современном этапе развития учения о таких объектах является весьма актуальной. Исходя из положений теории права, в качестве объектов геологических правоотношений, по качественному критерию, предлагается выделить геологические участки недр, геологические объекты и территории, геологическую информацию и геологическую деятельность. В статье делается вывод о том, что четырехмерная модель объектов геологических правоотношений может послужить основой для разработки таких разделов Геологического кодекса, как «Георесурсное право», «Геоинформационное право», «Право геологической деятельности».

Ключевые слова: геологические правоотношения, недра, месторождения полезных ископаемых, геологическая информация, геологическая деятельность, кодифицированный акт.

Kirin R.S.

OBJECTS OF GEOLOGICAL LEGAL RELATIONSHIPS: CODIFICATION ASPECT

A problem of the legal adjusting of the relations related to the mining development of the Earth on the modern stage of studies' development of such objects is very up-to-date. Coming from positions of theory of law, as objects of geological legal relationships, as quality criterion, it is suggested to distinguish the geological areas of mining development of the Earth, geological objects and territories, geological information and geological activity. In the article are drawn conclusions on four dimensional measuring model of geological legal relationships' objects, which can serve as a basis for of such divisions' development of the Geological code's sections as «Georesource law», «Geoinformation law», «Geological activity law».

Key words: geological legal relationships, mineral resources, deposits of minerals, geological information, geological activity, codifications act.

Проблема объекта правоотношения принадлежит к числу наиболее дискуссионных в теории права даже на фоне практически общепринятого восприятия его назначения, состоящего в том, чтобы: а) раскрыть смысл существования правоотношения; б) показать, для чего субъекты вступают в правовое отношение и действуют в нем, реализуя свои права и обязанности.

А.А.Черняков, синтезируя значение термина «правообъектность», поясняет, что под ним следует понимать легитимность социальных условий, в которых права и свободы становятся предметом правового интереса притязающих на него субъектов – физических либо юридических лиц, в том числе государства, его органов¹.

На наш взгляд, данная категория в общетеоретическом аспекте должна логично коррелировать с понятием «правообъектность» и рассматриваться как способность определенного блага (явления, предмета, процесса, состояния, условия, деяния) выступать объектом правоотношения. Подобное утверждение основывается на наличии в каждой отрасли права специальных норм, назначением которых является установление круга благ, подпадающих под действие норм данной отрасли. Это обстоятельство имеет особое значение в кодификационном аспекте, поскольку в соответствующем законодательном акте реализовать указанное можно посредством перечисления признаков, указания на качества, которыми объекты должны обладать, чтобы выступить в роли адресатов норм отрасли. Поэтому совокупность установленных нормами права качеств, констатирующая или дающая объекту возможность быть носителем и отдавать (проявлять) имеющиеся или приобретенные/приобретаемые блага, способные удовлетворять интересы уполномоченного лица, и следует рассматривать как правообъектность.

Поднятая проблема в полной мере затрагивает и такое правовое мегаобразование, как экологическое право и, в частности, его структурную составляющую – природоресурсное право, среди объектов которого одно из центральных мест за-

Кирип Р.С.

нимает сфера благ, связанная с участком недр планеты, подпадающего под юрисдикцию конкретного государства.

Опираясь на ранее проведенные исследования², можно представить круг недрозосферных объектов в виде четырехмерной модели со всем многообразием количественно-качественных и пространственно-временных характеристик объектов недроправовых отношений.

Так, в соответствии с выдвинутой теорией, по качественному критерию (содержание объекта) следует выделить:

1. Материальные блага: 1.1) природные блага – природные объекты и природные ресурсы, которые вовлечены, были вовлечены или могут быть вовлечены в геологическую деятельность, в том числе, геологические территории и геологические объекты; 1.2) вещные и имущественные блага – вещи и имущество в сфере геологической деятельности, в том числе ценные бумаги, документы и имущественные права.

2. Нематериальные блага: 2.1) интеллектуальные блага – результаты, продукты геологической интеллектуальной и творческой деятельности; 2.2) информационные блага – геологическая информация; 2.3) личные неимущественные права в сфере геологической деятельности.

3. Деятельные блага: 3.1) производственные блага – услуги и результаты осуществления геологической деятельности; 3.2) организационные блага – процессы и результаты управления геологической деятельностью.

По количественному критерию (структура объекта) объекты геологических правоотношений можно разделить на: 1) комплексные; 2) интеграционные; 3) дифференцированные.

По пространственному критерию (объем объекта) объекты геологических правоотношений делятся на: 1) общие; 2) родовые; 3) непосредственные.

По временному критерию (стадийность объекта) среди объектов геологических правоотношений выделяем: 1) объекты организации геологической деятельности; 2) объекты осуществления геологической деятельности; 3) объекты прекращения геологической деятельности.

Теоретически потенциальная совокупность групп объектов геологических правоотношений может быть представлена

1 Черняков А.А. Право, объект права и объект правового отношения: проблемы теории // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3. – С. 13–19.

2 Кирип Р.С. Понятие геологического права Украины // Юридическая Украина. – 2013. – № 1(121). – С. 89–94.

от общих комплексных материальных объектов организации геологической деятельности до непосредственных дифференциальных деятельных объектов ее прекращения.

При этом очевидно, что представленная классификация не имеет и не может иметь четко обозначенных границ, поскольку объектам геологических правоотношений очень часто присущи черты не только групповые, но и общегрупповые, и межгрупповые. Кроме того, следует учитывать достаточно тесную связь совокупности горных, геологических и подземных отношений, которая в динамике может отражать и их отдельное развитие, и смену одного вида отношений другими и сопровождение. Так, например, геологическое изучение недр (далее – ГИН) включает в себя опытно-промышленную разработку месторождений полезных ископаемых (далее – МПИ), которая по своей природе является разновидностью добычи полезных ископаемых (далее – ДПИ). В свою очередь, последняя может сопровождаться эксплуатационной разведкой, то есть по сути – отдельным видом ГИН.

Подобная двойственность юридической природы характерна и для других эколого-хозяйственных (эколого-промышленных, ресурсно-хозяйственных) правовых объединений, имеющих сложный предмет правового регулирования – совокупность общественных отношений, при которых в хозяйственную деятельность вовлечены природные ресурсы – объекты права собственности украинского народа. То есть спецификой предметов правового регулирования геологического права, равно как и горного, подземного и недроправа, в целом является органическая диффузия недроресурсного и хозяйственного характеров их объектов.

Рассматривая материальные блага в качестве объектов геологических правоотношений, следует отметить, что недра как природный объект и природный ресурс, по нашему мнению, могут быть идентифицированы как объект правоотношений практически в большинстве отраслей права, в том числе в административном, конституционном, международном, налоговом праве. Поэтому в природоресурсных отраслях интеграционным объектом межотраслевого уровня следует считать геологическую среду – часть земной коры (горные породы, грунты, донные отложения, подземные воды и тому подобное), которая взаимодействует с элементами ландшафта, атмосферой и поверхностными водами и может испытывать влияние техногенной деятельности¹. Как видно из определения, данный объект входит в сферу отношений недроправа, земельного, водного, ландшафтного, атмосферного и хозяйственного права.

Общим комплексным объектом материальной группы всех правовых формирований, объединяемых недроправом, безусловно следует признать государственный фонд недр – совокупность всех участков недр, которые используются, и участки недр, не вовлеченных в использование, в том числе континентального шельфа и исключительной (морской) экономической зоны. Особенности этого объекта являются то, что: а) государственный фонд недр формируется Государственной службой геологии и недр Украины совместно с Государственной службой горного надзора и промышленной безопасности Украины; б) частью государственного фонда недр является Государственный фонд МПИ Украины (далее – ГФ МПИ). Характеризуя последний следует подчеркнуть, что: а) объектами учета ГФ МПИ являются все разрабатываемые и неразрабатываемые месторождения всех видов полезных ископаемых с оцененными запасами; б) ГФ МПИ включает все МПИ, в том числе техногенные, с запасами, оцененными как промышленные; в) резервом ГФ МПИ являются все предварительно оцененные месторождения всех видов полезных ископаемых, независимо от того, для каких целей и какими предприятиями, учреждениями и организациями выполнялись

работы²; г) ГФ МПИ и его резерв формируется Государственной службой геологии и недр Украины³.

Таким образом, составляющими ГФ МПИ являются геогенные (природные, первичные) и техногенные (искусственные, вторичные) МПИ, которые выступают в качестве родовых интеграционных объектов материальной группы:

месторождения полезных ископаемых – это нагромождение минеральных веществ в недрах, на поверхности земли, в источниках вод и газов, на дне водоемов, которые по количеству, качеству и условиям залегания являются пригодными для промышленного использования;

техногенные месторождения полезных ископаемых – это места, где накопились отходы добычи, обогащения и переработки минерального сырья, запасы которых оценены и имеют промышленное значение (такие месторождения могут возникнуть также в результате потерь при хранении, транспортировке и использовании продуктов переработки минерального сырья)⁴.

В качестве общего интеграционного объекта материальной группы можно рассматривать минерально-сырьевую базу – совокупность разведанных и предварительно оцененных запасов полезных ископаемых (далее – ЗПИ) и сопутствующих компонентов, которая может быть применена в отраслях экономики при условии получения экономической выгоды на уровне, достаточном для осуществления расширенного производства с целью обеспечения экономической безопасности государства⁵.

В круг общих дифференцированных объектов материальной группы, исходя из анализа положений действующего законодательства о недрах и геологического законодательства, логично отнести: 1) участки недр для геологической деятельности; 2) геологические объекты; 3) геологические территории.

Под участком недр, используя законодательную терминологию, следует понимать ограниченную по площади и глубине часть земной коры, на которую в установленном порядке предоставляется специальное разрешение на пользование недрами⁶. Отдельно выделяется и такое понятие, как «участок нефтегазоносных недр».

Наконец, детальный анализ существующей классификации запасов и ресурсов полезных ископаемых государственного фонда недр⁷, характеризующихся определенными уровнями промышленного значения и степенями технико-экономического и геологического изучения, а также распределяющихся на классы, которые идентифицируются с помощью международного трехзначного цифрового кода, позволил представить группу непосредственных объектов в такой комплексной интерпретации:

Код 111 – участки недр, детально оцененные с разведанными балансовыми запасами;

Код 121 – участки недр, предварительно оцененные с разведанными балансовыми запасами;

Код 122 – участки недр, предварительно оцененные с предварительно разведанными балансовыми запасами;

Код 211 – участки недр, детально оцененные с разведанными условно балансовыми и забалансовыми запасами;

2 Постановление Кабинета Министров Украины от 02.03.1993 г. № 150 «О Государственном фонде месторождений полезных ископаемых Украины» // Собрание постановлений Правительства Украины. 1993. – № 7. – Ст. 151.

3 Кодекс Украины о недрах // Ведомости Верховной Рады Украины, 1994. – № 36 (06.09.94). – Ст. 340.

4 Ст. 5 КоН.

5 Закон Украины «Об утверждении Общегосударственной программы развития минерально-сырьевой базы Украины на период до 2030 года» // Официальный вестник Украины, 2011. – № 39 (03.06.2011). – Ст. 1581.

6 Закон Украины «О нефти и газе» // Официальный вестник Украины, 2001. – № 33 (31.08.2001). – Ст. 1524.

7 Официальный вестник Украины. – 1997. – № 19. – С. 104.

1 Закон Украины «О государственной геологической службе» // Официальный вестник Украины. – 1999. – № 48 (17.12.99). – Ст. 2335.

Код 221 – участки недр, предварительно оцененные с разведанными условно балансовыми и забалансовыми запасами;

Код 222 – участки недр, предварительно оцененные с предварительно разведанными условно балансовыми и забалансовыми запасами;

Код 332 – участки недр, предварительно оцененные с предварительно разведанными запасами без определения их промышленного значения;

Код 333 – участки недр, начально оцененные с перспективными ресурсами без определения их промышленного значения;

Код 334 – участки недр, начально оцененные с прогнозными ресурсами без определения их промышленного значения.

Очевидно, что данная классификация распространяется, прежде всего, на участки недр, которые вовлечены или готовятся к вовлечению в один из видов пользования недрами, а именно – геологическое изучение недр, в том числе в опытно-промышленную разработку МПИ общегосударственного значения. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает достаточно высокий уровень дифференциации объектного состава каждого из видов недропользования.

По мнению украинских геологов, выполненный ими анализ подтвердил, что группы запасов, соответствующие международным категориям (подкатегориям), используются в Украине в практической работе по использованию недр и учёту запасов на уровне отраслевого государственного управления и горнодобывающих предприятий. Эти категории и подкатегории могут быть включены в Классификацию Украины и использоваться в работе¹.

Что касается создания геологических объектов и геологических территорий, имеющих важное научное, культурное, санитарно-оздоровительное значение (научные полигоны, геологические заповедники, заказники, памятники природы, лечебные, оздоровительные учреждения и др.), то действующий Кодекс Украины о недрах (далее – КоН) (ст. 14) рассматривает данный вид деятельности как один из видов пользования недрами. Кроме того, следует иметь в виду, что редкие геологические отложения, минералогические образования, палеонтологические объекты и иные участки недр, представляющие особую научную либо культурную ценность, могут быть объявлены в установленном законом порядке объектами природно-заповедного фонда. В случае обнаружения при пользовании недрами редких геологических отложений и минералогических образований, метеоритов, палеонтологических, археологических и иных объектов, представляющих интерес для науки и культуры, пользователи недр обязаны остановить работы на соответствующем участке и сообщить об этом в заинтересованные государственные органы (ст. 59 КоН).

Основным объектом геологических правоотношений нематериальной группы, сфера которого также несомненно подлежит кодификации, следует признать геологическую информацию. Последний термин в современном геологическом законодательстве Украины употребляется сразу в двух определениях: 1) геологическая информация – это зафиксированные данные геологического, геохимического, аэрокосмического, экономического содержания, характеризующие строение недр, присутствующие в них полезные ископаемые, условия разработки месторождений, другие качественные и количественные параметры, особенности недр и полученные по результатам геолого-разведывательных (далее – ГРП), геолого-экологических, научно-исследовательских, эксплуатац

онных и иных работ²; 2) геологическая информация (информация о недрах) – данные геологического, геофизического, геохимического, гидрогеологического, инженерно-геологического, геолого-экономического, технологического, эколого-геологического, физико-географического, геодезического, геоастрономического, геобиологического, петрографического, палеонтологического, и иного геологического содержания, характеризующие геологическое строение недр, МПИ, состав и свойства горных пород, руд, минералов, подземных вод, а также иные качественные либо количественные параметры и признаки недр, горных пород и МПИ³.

Сравнительный анализ геологического и информационного законодательства показал, что геологическая информация, как объект геологических правоотношений, имеет достаточно сложное содержание и может представлять не только те виды информации, которые традиционно охватываются общими и специальными актами, а именно: а) документированные либо публично объявленные сведения о событиях и явлениях, которые имели либо имеют место в обществе, государстве и окружающей среде (Гражданский кодекс Украины); б) любые сведения и/или данные, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отображены в электронном виде (закон «Об информации»); в) сведения, материалы и документы в любом формате, которые получают, обсуждаются, формируются, пересылаются, преобразуются, накапливаются, обрабатываются, используются, систематизируются, отображаются и хранятся в информационных, информационно-телекоммуникационных и информационно-аналитических системах; г) сведения в любой форме и любом виде, на любых носителях (в том числе переписка, книги, пометки, иллюстрации (карты, диаграммы, органограммы, рисунки, семы и т.п.), фотографии, голограммы, кино-, видеofilмы, микрофильмы, звуковые записи, базы данных компьютерных систем либо полное или частичное воссоздание их элементов), объяснения лиц и любые другие публично оглашенные или документированные сведения.

Следует обратить внимание и на то, что геологическая информация является объектом товарных отношений и может использоваться как часть взноса в уставный фонд во время создания предприятий. Однако, как отмечает Р.А. Хамитов, в настоящее время не все правовые нормы соблюдаются как пользователями недр, так и представителями федеральных органов исполнительной власти, поскольку: 1) объекты документированной геологической информации не оцениваются и не берутся на бухгалтерский учет как имущество; 2) не выделяются объекты авторского права, обладающие статусом исключительных прав (интеллектуальная собственность) и не устанавливаются их правообладатели; 3) геологическая информация может просто продаваться, а не предоставляться для пользования по договору, что обесценивает геологическую информацию, принадлежащую на правах собственности государству, и не позволяет извлекать должную экономическую выгоду от ее использования в условиях рыночной экономики⁴.

В качестве родового комплексного объекта геологических отношений можно рассматривать Государственный информационный геологический фонд Украины («Геоинформ»), имею

1 Направления гармонизации Классификации запасов и ресурсов полезных ископаемых Украины с РКОН-2009 / Рудько Г.И., Ловинюков В.И., Нецкий А.В. Государственная комиссия Украины по запасам полезных ископаемых. // [Электронный ресурс] / Сайт «UNESCE». – Режим доступа: http://www.unesce.org/fileadmin/DAM/energy/se/pp/unfc_egrc/egrc4_april2013/26_april/9_Rudko_Ukraine_r.pdf

2 Постановление Кабинета Министров Украины от 13.06.1995 г. № 423 «Об утверждении Положения о порядке распоряжения геологической информацией».

3 Приказ Государственного комитета природных ресурсов Украины от 13.12.2004 г. № 244 «Об утверждении Правил нормативного обеспечения геологического изучения недр».

4 Хамитов Р.А. Геологическая информация и право собственности // Минерально-сырьевая база. Экономические и правовые механизмы управления. – С. 17–21. // [Электронный ресурс] / Сайт «Anrb». – Режим доступа: http://www2.anrb.ru/geol/PAPERS/K2008/03_003_08.pdf

щий статус отраслевого государственного архива¹. Геоинформ проводит государственную регистрацию и учет работ по ГИН. Условия распоряжения геологической информацией, в том числе и той, которая подлежит обязательной передаче в Геоинформ, утверждаются правительством (ст. 39 КоН).

Учитывая то, что месторождения, в том числе техногенные, запасы и проявления полезных ископаемых подлежат учету, родовыми интеграционными объектами в данной группе выступают: 1) государственный кадастр месторождений и проявлений полезных ископаемых; 2) государственный баланс ЗПИ.

Государственный учет месторождений, запасов и проявлений полезных ископаемых осуществляется в порядке, устанавливаемом Кабинетом Министров Украины, исходя из которого происходит государственный учет месторождений, в том числе техногенных, запасов и проявлений полезных ископаемых – это система сбора, обработки и хранения данных о результатах ГРП и горнодобывающих работах. Целью государственного учета является постоянное определение состояния, перспектив развития, рационального использования и охраны минерально-сырьевой базы².

Государственный учет ведется на основании:

- отчетов о результатах геолого-съёмочных, поисковых, ГРП, тематических, проектно-поисковых и научно-исследовательских работ геологического профиля;

- годовых отчетов горнодобывающих предприятий;

- отчетов о результатах технологических испытаний минерального сырья, технико-экономических обоснований, решений ДКЗ;

- других документов, касающихся оценки и списания запасов.

Система учета объектов ГФ МПИ включает: 1) информацию государственного кадастра месторождений, проявлений полезных ископаемых и государственного баланса ЗПИ; 2) государственную и отраслевую отчетность предприятий и организаций, которые ведут разведку месторождений, в том числе техногенных, добычу и проводят обогащение полезных ископаемых. При этом Государственный кадастр месторождений и проявлений полезных ископаемых содержит сведения о каждом МПИ, включенном в ГФ МПИ, относительно: а) количества и качества ЗПИ и присутствующих в них компонентов; б) горнотехнических, гидрогеологических и иных условий разработки МПИ, а также его геолого-экономической оценки; в) ведомости о каждом проявлении полезных ископаемых.

Основанием для составления государственного кадастра является паспорт месторождения или проявления полезных ископаемых, который разрабатывается для каждой группы полезных ископаемых. Форма паспорта, методическое руководство по составлению паспортов и инструкция по ведению государственного кадастра разрабатывается и утверждается профильным министерством. Кроме того, оно же осуществляет организацию и методическое руководство путем ведения государственного кадастра, а также осуществляет сбор, учет, систематизацию, хранение, обработку и предоставление кадастровых данных заинтересованным пользователям. Среди материальных объектов особо следует отметить подлежащие отдельному учету, а именно:

- отработанные МПИ общераспространенных полезных ископаемых;

- проявления общераспространенных полезных ископаемых;

- нефтегазопроявления;

- нефтегазоперспективные площади, структуры;

- параметрические, поисковые, разведывательные и эксплуатационные нефтяные и газовые скважины;

- шлиховые ареолы, точки и зоны минерализации, отдельные минералогические находки с высоким содержанием ценных компонентов;

- геохимические, геофизические аномалии.

Государственный баланс запасов полезных ископаемых содержит сведения о: а) количестве, качестве и степени изученности ЗПИ по месторождениям, имеющим промышленное значение, их размещении, уровне промышленного освоения; б) добыче, потерях и обеспеченности общественного производства разведанными ЗПИ.

Учету в государственном балансе подлежат ЗПИ отдельно по каждому объекту (месторождение, участок месторождения, шахтное поле и др.) по: 1) основным промышленным типам, сортам, маркам, технологическим группам полезных ископаемых в соответствии с действующими государственными стандартами; 2) способам отработки, с выделением запасов сырья, пригодного для добычи подземным, открытым, гидравлическим и другими способами.

В итоге по каждому объекту учета отдельной строкой выделяются запасы, находящиеся в охранных зонах транспортных магистралей, под населенными пунктами, заповедниками и т. п. Государственный баланс ЗПИ и государственный кадастр месторождений и проявлений полезных ископаемых ведутся Госгеонедрами Украины.

Еще одной особенностью геологической информации является тот факт, что наряду с традиционными источниками она имеет группу объектов, обладающих информационно-материальной природой. Так, к первичной геологической информации законодательство относит:

- керн скважин;

- пробы нефти, газа, воды;

- образцы каменного материала;

- коллекции различного назначения;

- дубликаты проб.

Такие же сложные отношения по поводу разновидовых объектов возникают и на практике. Например, предприятия, проводившие геолого-разведывательные работы, передают пользователям недр на срок разработки МПИ, перечисленные в специальном разрешении на пользование недрами³: 1) один экземпляр геологического отчета о разведке МПИ, запасы которых оценены ДКЗ; 2) справку о выполнении рекомендаций, изложенных в решении ДКЗ относительно оценки ЗПИ; 3) акт технического состояния скважин (для месторождений нефти и газа), который составляется с участием представителей горнодобывающих предприятий и органов государственного горного надзора, а также материалы относительно всех ликвидированных в процессе разведки скважин; 4) образцы горных пород, керны скважин, дубликаты проб, которые в дальнейшем могут быть использованы в процессе изучения, доразведки и разработки МПИ, а также для целей, не связанных с ДПИ; 5) сохраненные разведывательные горные выработки (шахты, шурфы, канавы и т. п.) и скважины, которые могут быть использованы во время разработки месторождений и для целей, не связанных с ДПИ; 6) ликвидированные в установленном порядке выработки и скважины, производственно-технические здания, сооружения и другое имущество; 7) сохраненные в первичном виде наземные и подземные центры и знаки геодезической (маркшейдерской) опорной сетки и съёмочного обоснования, а также знаки возле устья разведывательных выработок (скважин, шурфов, штолен и т.п.), каталог координат, составленный по установленной системе, и высотных отметок

1 Постановление Кабинета Министров Украины от 08.11.1996 г. № 1366 «О придании Государственному информационному геологическому фонду Украины статуса отраслевого государственного архива».

2 Постановление Кабинета Министров Украины от 31.01.1995 г. № 75 «Об утверждении Порядка государственного учета месторождений, запасов и проявлений полезных ископаемых».

3 Постановление Кабинета Министров Украины от 14.02.1995 г. № 114 «О Порядке передачи разведанных месторождений полезных ископаемых для промышленного освоения».

пунктов съемочного обоснования и устья разведывательных выработок. В случае невозможности сохранения знаков возле устья разведывательных выработок (на пахотных землях, у русел рек и т. п.) эти устья топографически привязываются к реперам, установленным на свободных участках земли.

К объектам данной группы следует отнести также результаты выполненных работ по ГИН, которые, в соответствии с установленными требованиями, приводятся в: 1) геологических или научно-исследовательских отчетах; 2) изданных картах геологического содержания. После утверждения этих результатов в установленном порядке они передаются исполнителями работ по ГИН на постоянное хранение в Геоинформ. Вместе с упомянутыми отчетными геологическими материалами туда передаются также учетные документы:

- учетные карточки изученности;
- копии контуров расположения изученных площадей или профилей проведенных работ, сделанные с обзорных карт масштаба 1:1000000.

Таким образом, дифференцированными объектами геологических правоотношений данной группы являются объекты, относительно которых Геоинформ выполняет основные работы по учету, анализу, систематизации и обобщению результатов ГИН¹:

1) отчетные материалы по геологической изученности недр (осуществляется инвентарный учет, их сохранность, и использование в установленном порядке);

2) учетные карточки и копии расположения изученных площадей (профилей проведенных работ) (проводится проверка и систематизация);

3) ведутся: а) картотека геологической изученности недр; б) компьютерные базы данных по геологической изученности недр;

4) составляются: а) контурные карты и картограммы геологической изученности; б) аналитические таблицы по видам геологической изученности.

Геологическая деятельность, как общий объект геологических правоотношений, также имеет соответствующее законодательное понимание, а именно – производственная, научная и иная деятельность, связанная с ГИН. Поэтому логичным будет рассматривать в качестве родового комплексного деятельного объекта именно геологическое изучение недр – специальные работы и исследования, направленные на получение информации о недрах с целью удовлетворения нужд общества².

В приказе Государственного комитета природных ресурсов Украины от 13.12.2004 г. № 244 «Об утверждении Правил нормативного обеспечения геологического изучения недр», кроме основного определения, полностью соответствующего законодательному, приводится и определенная трактовка содержания ГИН – проведение геологических исследований, поиска, разведки и оценки запасов и ресурсов полезных ископаемых.

Несколько расширенная трактовка данного понятия относительно нефтегазоносных недр содержится в ст. 1 Закона Украины «О нефти и газе» – комплекс работ (геологическая съемка, геофизические, геохимические, аэрокосмогеологические исследования, прямые поиски, бурение и испытание скважин, опытно-промышленная разработка, научно-исследовательские и тематические работы, их анализ и обобщение), которые проводятся с целью изучения геологического строения и нефтегазоносности недр на определенной территории.

Исходя из положений ст. 37 КоН, целью проведения работ по ГИН является: 1) получение данных о геологическом строении недр, процессах, происходящих в них; 2) обнаружение и

оценка полезных ископаемых, изучение их формирования и размещения; 3) выяснение горнотехнических и иных условий разработки МПИ и использование недр для целей, не связанных с ДПИ. Кроме того, к объектам действенного вида следует отнести и те, которые вытекают из положений закона «О государственной геологической службе Украины», а именно:

- организация и проведение ГИН;
- обеспечение реализации государственной политики в сфере пользования недрами;
- осуществление планомерного проведения региональных геологических исследований, поисков и разведки необходимых и стратегически важных полезных ископаемых;
- накопление и хранение геологической информации о недрах;
- установление кондиций на минеральное сырье для подсчета ЗПИ в недрах;
- проведение научных исследований в сфере ГИН;
- координация и осуществление геологического контроля и др.

В целом ГИН делится на два вида работ: 1) полевые работы – комплекс геолого-разведывательных, геофизических, топографических, почвенных и других специальных исследований, проводимых непосредственно на территории, подлежащей ГИН; 2) камеральные работы – всесторонняя научная обработка и обобщение материалов, полученных по результатам полевых работ³.

Родовым интеграционным объектом данного вида следует считать геолого-разведывательный процесс, который в зависимости от вида полезного ископаемого имеет два определения⁴. В свою очередь, геолого-разведывательные работы – это комплекс специальных работ и исследований, осуществляемых с целью ГИН, а стадия геолого-разведывательных работ – часть геолого-разведывательного процесса, определяемая присущими ей объектами геологического изучения, целями и методами ГРР, требованиями к их конечным результатам.

Собственно ГРР проводятся по таким стадиям:

Стадия I. Региональное геологическое изучение территории Украины.

Подстадия I-1. Региональные геолого-геофизические исследования масштаба 1:1000000 – 1:500000.

Подстадия I-2. Региональные геологосъемочные, геофизические и геологопрогнозные работы масштаба 1:200000 (1:100000).

Подстадия I-3. Геологосъемочные и геологопрогнозные работы масштаба 1:50000 (1:25000).

Стадия II. Поиск и поисковая оценка месторождений полезных ископаемых

Подстадия II-1. Поисковые работы.

Подстадия II-2. Поисково-оценивающие работы.

Стадия III. Разведка месторождений полезных ископаемых

Выделенные объекты геологических правоотношений вполне соответствуют стадиям ГИН по схеме, принятой в России и рекомендованной ООН, а именно: 1) Региональное геологическое изучение – Reconnaissance (рекогносцировка); 2) Поиски – Prospecting (поиски); 3) Оценка – General exploration (общие исследования); 4) Разведка – Detailed exploration (детальные исследования).

1 Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Украины от 18.07.2000 г. № 73 «Об утверждении Инструкции о порядке учета результатов работ по геологическому изучению недр».

2 Ст. 2 Закона Украины от 04.11.1999 г. «О государственной геологической службе Украины».

3 Постановление Кабинета Министров Украины от 10.12.2008 г. № 1075 «Об утверждении Методики определения стоимости геологической информации, полученной за счет средств государственного бюджета».

4 Приказ Геолкома Украины от 15.02.2000 г. № 19 «Об утверждении Положения о стадиях геолого-разведывательных работ на твердые полезные ископаемые»; Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Украины от 16.07.2001 г. № 260 «Об утверждении Положения о стадиях геолого-разведывательных работ на подземные воды (гидрогеологические работы)».

Группа дифференцированных объектов действенного вида представлена широким кругом работ по ГИН. При этом необходимо иметь в виду, что основным документом, по которому регистрируются или перерегистрируются работы по ГИН, является Перечень работ по ГИН, составляемый согласно установленной форме по направлениям и видам полезных ископаемых: 1) поисковые и разведывательные работы; 2) региональные геологосъемочные и геофизические работы; 3) гидрогеологические и инженерно-геологические работы; 4) эколого-геологические работы; 5) научно-исследовательские, тематические и исследовательско-методические работы; 6) специальные работы, работы на континентальном шельфе и исключительной (морской) экономической зоне, работы по прогнозу землетрясений.

Проведенный анализ горного, геологического законодательства и законодательства о недрах позволяет сделать вывод о том, что в процессе кодификации их нормативно-правовых актов в качестве законообразующих составляющих следует рассматривать сложившуюся совокупность объектов геологических правоотношений, структуризацию которых целесообразно провести в соответствующей книге «Геологическое право» Кодекса законов о недрах либо разделах иного вида кодифицированного законодательного акта – Геологическом кодексе – «Георесурсное право», «Геоинформационное право», «Право геологической деятельности». При этом в законодательном акте целесообразно осуществлять правовое регулирование, как правило, до уровня комплексных, интеграционных и общих, родовых объектов, а уровень дифференцированных и непосредственных объектов реализовывать преимущественно в подзаконных актах.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Украины «О государственной геологической службе» // Официальный вестник Украины, 1999. – № 48 (17.12.99). – Ст. 2335.
2. Закон Украины «О нефти и газе» // Официальный вестник Украины. – 2001. – № 33 (31.08.2001). – Ст. 1524.
3. Закон Украины «Об утверждении Общегосударственной программы развития минерально-сырьевой базы Украины на период до 2030 года» // Официальный вестник Украины. – 2011. – № 39 (03.06.2011). – Ст. 1581.
4. Закон Украины от 04.11.1999 г. «О государственной геологической службе Украины».
5. Кирип Р.С. Понятие геологического права Украины // Юридическая Украина. – 2013. – № 1(121). – С. 89-94.
6. Кодекс Украины о недрах // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1994. – № 36 (06.09.94). – Ст. 340.

7. Направления гармонизации Классификации запасов и ресурсов полезных ископаемых Украины с РКООН-2009 Рудько Г.И., Ловинюков В.И., Нецкий А.В. Государственная комиссия Украины по запасам полезных ископаемых [Электронный ресурс] / Сайт «UNECE». – Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/energy/se/pp/unfc_egrc/egrc4_april2013/26_april/9_Rudko_Ukraine_r.pdf

8. Официальный вестник Украины. – 1997. – № 19.
9. Постановление Кабинета Министров Украины от 02.03.1993 г. № 150 «О Государственном фонде месторождений полезных ископаемых Украины» // Собрание постановлений Правительства Украины. – 1993. – № 7. – Ст. 151.
10. Постановление Кабинета Министров Украины от 08.11.1996 г. № 1366 «О придании Государственному информационному геологическому фонду Украины статуса отраслевого государственного архива».
11. Постановление Кабинета Министров Украины от 10.12.2008 г. № 1075 «Об утверждении Методики определения стоимости геологической информации, полученной за счет средств государственного бюджета».
12. Постановление Кабинета Министров Украины от 13.06.1995 г. № 423 «Об утверждении Положения о порядке распоряжения геологической информацией».
13. Постановление Кабинета Министров Украины от 14.02.1995 г. № 114 «О Порядке передачи разведанных месторождений полезных ископаемых для промышленного освоения».
14. Постановление Кабинета Министров Украины от 31.01.1995 г. № 75 «Об утверждении Порядка государственного учета месторождений, запасов и проявлений полезных ископаемых».
15. Приказ Геолкома Украины от 15.02.2000 г. № 19 «Об утверждении Положения о стадиях геолого-разведывательных работ на твердые полезные ископаемые».
16. Приказ Государственного комитета природных ресурсов Украины от 13.12.2004 г. № 244 «Об утверждении Правил нормативно-обеспечения геологического изучения недр».
17. Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Украины от 18.07.2000 г. № 73 «Об утверждении Инструкции о порядке учета результатов работ по геологическому изучению недр».
18. Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Украины от 16.07.2001 г. № 260 «Об утверждении Положения о стадиях геолого-разведывательных работ на подземные воды (гидрогеологические работы)».
19. Хамитов Р.А. Геологическая информация и право собственности // Минерально-сырьевая база. Экономические и правовые механизмы управления [Электронный ресурс] / Сайт «Anrb». – Режим доступа: http://www2.anrb.ru/geol/PAPERS/K2008/03_003_08.pdf
20. Черняков А.А. Право, объект права и объект правового отношения: проблемы теории // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. С. Абашкина на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Австралии (University of Australia, Ньюкасл, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, морского разрешения споров, проблемы защиты прав человека, африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцева
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

А. М. Солнцева

СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Наши издательства предлагают следующие книги:

117223, Москва, Мясницкая ул. 28
Телефон / Факс: (495) 724 25 45
www.urss.ru
E-mail: urss@urss.ru

Шагиева Р.В., Шагиев Б.В.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

В данной статье проанализирована правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности. Устанавливается ее отличие от правозащитной и других видов правореализационной деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоприменительная деятельность, правозащитная деятельность, правоохранительные органы, теория правоохраны, государственный орган, механизм государства.

Shagieva R.V., Shagiev B.V.

LAW ENFORCEMENT ACTIVITY AS A KIND OF LEGAL ACTIVITY: PROBLEMS OF THEORETICAL JUSTIFICATION

This article analyzes law enforcement as a kind of legal activity. Its divergence from human rights practices and other enforcement activities is established.

Key words: law enforcement, law-enforcement activity, advocacy, human rights practices, law enforcement theory, the public authority, the mechanism of the state.

Основания выделения такой разновидности юридической деятельности, как деятельность правоохранительная, заслуживают особого рассмотрения. В общетеоретической литературе широкое распространение получила типология юридической деятельности, в которой правоохранительная (юрисдикционная) деятельность рассматривается как разновидность правоприменительной¹.

Однако при ознакомлении с литературой, рассматривающей деятельность правоохранительных органов, обнаруживается другой подход. А точнее – отсутствие единого подхода к ее пониманию. Например, В.М. Сырых считает, что благодаря правоохранительной деятельности представляется возможным решить следующие задачи:

1) обеспечить неукоснительное соблюдение порядка создания организаций, учреждений, ограничив возможности для появления разного рода лжеорганизаций, ориентированных по преимуществу на совершение противоправных деяний;

2) не допустить в сферу хозяйственной, социально-культурной и иной деятельности организации и учреждения, не способные надлежащим образом осуществлять взятые на себя коммерческие, образовательные, медицинские и иные услуги;

3) удостоверить факт совершения сделки или иного юридически значимого действия с тем, чтобы придать ему доказательственную силу в случае возникновения правового конфликта между сторонами;

4) создать правовой режим, затрудняющий возможность совершения противоправных деяний и обеспечивающий их оперативное выявление, путем проведения эпизодических или систематических проверок исполнения требований законов, иных нормативных правовых актов.

Успешное решение названных задач обеспечивается весьма широким кругом органов и организаций. Практически правоохранительную деятельность в той или иной мере осуществляют все органы государства, в том числе и законодательные (представительные) органы...»².

Д.В. Пожарский, характеризуя правоохранительную деятельность Российской Федерации, предлагает для ее характеристики использовать понятие «охранительная функция государства» и предлагает в ее внутренней структуре выделить следующие компоненты:

– подфункция охраны конституционного (государственного) строя;

– подфункция охраны (обороны) государства и его граждан;

– подфункция охраны и защиты прав и свобод личности;

– подфункция охраны собственности;

– подфункция охраны культуры и духовности общества;

– подфункция охраны природы³.

В.Н. Галузо предлагает ввести новую отрасль юридической науки – «теорию правоохраны» – для изучения правоохранительных органов. В своем исследовании он берет за основу определение правоохраны как урегулированной правом деятельности управомоченных государственных органов по принудительному обеспечению правового порядка на основе соблюдения баланса интересов личности, общества и государства. На основании этого определения он классифицирует правоохранительные органы, также относя к ним большую группу органов, содействующих правоохранительным, условно поименованных «правоприменительными органами». Это налоговые и иные финансовые органы; судебно-экспертные учреждения; нотариальные органы; органы записи актов гражданского состояния, а также группа негосударственных организаций – органы судебного сообщества; третейские суды; товарищеские суды; адвокатура; частный нотариат; частные детективные и охранные службы; негосударственные судебно – экспертные учреждения⁴.

Ситуация запутывается и связи с тем обстоятельством, что указанная теоретическая характеристика правоприменительной деятельности и ее видов не касается такой разновидности юридической деятельности, как правозащитная деятельность, существование которой в последнее время не вызывает сомне-

Шагиева Р.В.

Шагиев Б.В.

1 См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1963. Вып. 1. – С. 73.

2 Сырых В.М. теория государства и права: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. – С. 341.

3 Пожарский Д.В. Охранительная функция государства: вопросы системности // Государство и право. – 2012. – № 2. – С.110-114.

4 Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 110-114.

ний¹, а ее значение для формирования правового государства все больше возрастает. В научной литературе понятия правовой охраны и правовой защиты (правоохранительной и правоохранительной деятельности) нередко рассматриваются как синонимичные, взаимозаменяющие друг друга². Все это делает необходимым специальное рассмотрение этой проблемы.

Деятельность государства и его органов и учреждений охватывает различные сферы жизни современного общества. Решение проблем, связанных с обеспечением нормального функционирования экономики, осуществление внешней политики, создание условий для развития культуры, науки и образования, поддержание обороноспособности и охрана государственной безопасности страны, а также выполнение других важных функций – таково содержание этой многообразной и многоплановой деятельности.

В отечественном правоведении общепринятым положением (аксиомой) по-прежнему остается постулат о единстве, взаимосвязи и взаимодействии права и государства³. Согласно с ним делается вывод, что само существование государства во многом предопределено необходимостью создания права, обеспечения его осуществления. В этом можно усмотреть дань материалистическим представлениям о праве и государстве. Общеизвестны слова Ф. Энгельса о том, что на весьма ранней ступени развития общества возникает «...потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражавшееся в обычае, становится затем законом. Вместе с законом необходимы и органы, которым поручается его соблюдение, – публичная власть, государство»⁴. Соответственно, этим и обусловлено наличие правотворческой и правоприменительной деятельности. Генетически это юридическая деятельность первичного порядка⁵. Коль скоро правовое опосредование общественной жизни необходимо для осуществления государственных задач, то правотворчество и правоприменение, предназначенные для общего (нормативного) и индивидуального регулирования важнейших общественных отношений, становятся неизбежным следствием правового способа бытия человеческого общества.

Но в связи с возникновением и самовоспроизводством самого правового феномена обоснованно ставится вопрос и о необходимости осуществления государством целого комплекса дополнительных мероприятий по охране его от нарушений и посягательств. Эффективное функционирование правовой системы общества неизбежно требует каждодневного мониторинга ее состояния, на основе которого должны применяться меры своевременного реагирования на любые угрозы ее нормальному существованию (в том числе и превентивного характера). Одно из центральных мест в деятельности государства занимает выполнение задач по обеспечению законности и правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина,

охране прав и законных интересов государственных и негосударственных организаций, трудовых коллективов и общественных объединений, борьбе с преступлениями и иными правонарушениями.

Это становится одним из постоянных направлений деятельности разнообразных органов государственной власти, т. е. функцией государства. Так, неслучайно, характеризуя функции государства, исследователи-теоретики права и государства выделяют и правоохранительную функцию, объединяющую деятельность по охране всех форм собственности, прав и свобод граждан, правопорядка, борьбе с преступностью и обороне страны; они также отмечают, что правоохрана имеет целью недопущение отклонения от установленного правопорядка, а также восстановление его при помощи принудительных средств⁶.

Являясь неотъемлемой частью деятельности государства, каждая функция объективно нуждается в обеспечении соответствующим органом (системой органов) государственной власти. А.Б. Венгеров довольно точно подметил, что «государственный орган следует создавать под ту или иную функцию, а не наоборот – создавать орган, потом находить ему занятие, функцию»⁷. Соответственно, логично поставить вопрос о том, что наличие в развитом механизме государства обособленной группы органов, решающих эти задачи, свидетельствует о самостоятельности правоохранительной функции.

Для подавляющего большинства органов государственной власти диапазон их деятельности не замыкается, естественно, на решении названных, хотя и весьма важных, но все же конкретно ограниченных задач – задач непосредственной охраны законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. У них на первом плане другие задачи – решение текущих и перспективных экономических вопросов, вопросов культуры, науки, образования, обороноспособности и государственной безопасности, внешней политики, экономического сотрудничества с другими странами и т. д. Некоторые функции по охране законности и правопорядка они выполняют как бы попутно, наряду с осуществлением своих основных задач.

Специально обеспечением законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступлениями и иными правонарушениями занимается гораздо более узкий круг органов государственной власти. Это те органы, которые существуют только или главным образом для выполнения такой роли. Их уже давно принято именовать органами охраны общественного порядка (нередко их называют и органами охраны правопорядка), т. е. органами, которые призваны охранять обусловленный экономическими, социальными, нравственными, культурными, историческими и иными факторами, Конституцией РФ, другими законодательными и правовыми предписаниями порядок жизни и деятельности государства и общества, российских граждан и иных лиц, проживающих в России.

Весьма близко к понятию органов охраны общественного порядка (правопорядка) примыкает понятие правоохранительные органы. Понятия эти весьма схожи, но не идентичны. Круг конкретных органов, к которым они относятся, не совпадает. Не все органы охраны общественного порядка (правопорядка) можно считать правоохранительными. Равным образом среди правоохранительных есть такие, которые не занимаются и не должны заниматься охраной общественного порядка или правопорядка в широком смысле этого слова.

Чтобы четко усвоить суть критериев, которыми следовало бы руководствоваться при отнесении тех или иных государственных органов к числу правоохранительных, весьма важно уяснить признаки деятельности, получившей в определенной

1 Нслучайно в последнем варианте номенклатуры научных специальностей наряду с правоохранительной деятельностью появилась и правоохранительная. – См.: Приказ Минобрнауки РФ от 10 янв. 2012 г. № 5 «О внесении изменений в номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февр. 2009 г.» № 59.
2 См. об этом: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2009. – С. 81.
3 См.: Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / Под ред. Р.В. Шагиевой. – М., 2011. – С. 22-23.
4 Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. Т.18. – С. 272.
5 В общей теории государства и права уже давно предлагается рассматривать общественные отношения, входящие в предмет правового регулирования, объемно, с точки зрения обусловленности одной группы отношений – другими (См. Р.З. Лившиц. Современная теория права. Краткий очерк. – М., 1992. – С. 41–42; Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. – Казань, 1987. – С. 240).

6 Червонюк В.И. Теория государства и права. – М., 2007. – С. 123, 142.

7 Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 1998. – С. 186.

мере условное и признаваемое не всеми, но уже ставшее привычным для многих наименование «правоохранительная деятельность».

В общей теории государства и права превалирует мнение о том, что правоохранительная функция реализуется на практике именно через правоохранительную деятельность¹. Данный термин и обозначаемое им понятие являются сравнительно молодыми. Они введены в юридический обиход всего лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. Отчасти этим и можно было бы объяснить тот факт, что понятие «правоохранительная деятельность» еще не состоялось. Вокруг него идут активные споры, высказываются разные суждения, а вместе с этим – и разные мнения о том, какие органы надо считать правоохранительными. В действующем законодательстве по данному поводу четких указаний нет.

В контексте наших рассуждений она генетически следует за правотворчеством и правоприменением, образуя как бы юридическую деятельность вторичного порядка. Если право не будет постоянно воссоздаваться в ходе общего (нормативного) и индивидуально-правового регулирования, то деятельность по его (права) охране теряет всякий смысл. Поэтому правоохранительная деятельность, будучи тесно связанной с правотворчеством и правоприменением, не должна рассматриваться как разновидность правоприменительной. И хотя она в основном направлена на обеспечение правореализации, однако по своему содержанию и формам осуществления, по результатам, объекту и предмету воздействия, наконец, по субъектам она отличается от правоприменения, о чем более подробно будет сказано дальше.

Характерно, что понятие правоохранительной деятельности считается как бы само собой разумеющимся. Многие авторы, использующие его в своих работах, не считают нужным дать его определение, а просто перечисляют те мероприятия, которые могут составить содержание этой деятельности, перечень которых оказывается то шире, то уже. Так, С.С. Алексеев рассматривает правоохранительную деятельность как деятельность государственных органов, включающую в себя исследование обстоятельств деяний, в которых обнаруживаются признаки правонарушений, принятие специальных юридических мер воздействия против правонарушений (правовая ответственность), а также претворение в жизнь этих мер воздействия².

Другой автор – И.С. Самощенко – считал, что правоохранительная деятельность по характеру представляет собой активно властную деятельность по принуждению к исполнению требований норм права³. В других работах данный автор допускал, что термин «охрана права от нарушений» может употребляться в более широком смысле, охватывающем обеспечение законности, т. е. предупреждение правонарушений и ликвидацию их последствий⁴. Позднее аналогичную позицию обосновывал Т.М. Шамба, различая соответственно правоохранительную деятельность в узком и широком смысле⁵.

Н.В. Витрук, разрабатывая общую теорию юридической ответственности, справедливо полагает, что меры юридической ответственности и предшествующие им иные меры государственно-правового принуждения действуют не автоматически, а в результате имеющей свои особенности сознательной специфической деятельности компетентных государственных

органов и должностных лиц. Виды такой деятельности определяются в литературе как обеспечение, охрана и защита. И хотя по вопросу их разграничения мнения исследователей расходятся, наиболее общим является понятие правоохранительной деятельности⁶.

В связи с тем, что на общетеоретической основе не обнаруживается единства мнений по исследуемому вопросу, в целях поиска наиболее целесообразного понимания правоохранительной деятельности следовало бы обратиться к специальной юридической литературе. Как известно, в отечественном правоведении уже давно существует такой предмет, как «Правоохранительные органы Российской Федерации», в рамках которого традиционно освещается данная проблема. Однако и здесь наблюдаются разногласия. Во-первых, некоторые авторы раскрывают понятие правоохранительной деятельности в качестве таковой, которая осуществляется правоохранительными органами. И далее озадачиваются определением последних: «...правоохранительные органы – это специально созданные государством структуры, основной задачей которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с правонарушениями и их предупреждение».

Правоохранительные органы обеспечивают выполнение требований действующих правовых норм всеми субъектами социальных отношений с помощью специальных методов и средств, предусмотренных законом. Прежде всего, они наделяются правом применять меры государственного принуждения в целях обеспечения законности в порядке, предусмотренном законом. Помимо мер государственного принуждения, они вправе применять и иные меры властного воздействия: предупреждение правонарушений, правовоспитательные, организационные и иные меры воздействия. Но всегда отличительной чертой в их деятельности является то, что они уполномочены на то государством, эта деятельность для них является основной, они применяют меры государственного воздействия, которые предусмотрены соответствующими законами и в установленном законом процессуальном порядке, исполнение которых обязательно для соответствующих должностных лиц и граждан. В этом их существенное отличие от иных организаций, занимающихся правозащитной деятельностью, которая также имеет положительное воздействие и может координироваться с работой правоохранительных органов⁷.

Другие, охарактеризовав существенные признаки правоохранительной деятельности, дают ее определение: «...правоохранительная деятельность – это деятельность государственных и общественных организаций, которая осуществляется с целью охраны права специально на то уполномоченными органами и общественными формированиями, путем применения мер юридической ответственности, в соответствии с законом и с соблюдением установленных процедур»⁸. В чем ценность такого определения? Оно по своей сути тавтологично. Получается, что правоохранительная деятельность – это та, которая осуществляется с целью охраны права... Ничего не добавляет и упоминание о том, что она осуществляется особыми органами, в соответствии с законом, с соблюдением установленных процедур. Какая разновидность юридической деятельности (правотворчество, контроль и надзор, правоприменение и т. д.) не обладает этими признаками? Не спасает дело и действительно полезное упоминание о том, что эта деятельность осуществляется путем применения мер юридической ответственности. Но сами авторы, понимая недостаточность

1 См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1963. – Вып. 1. – С. 73.

2 См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1963. Вып. 1. – С. 74.

3 См.: Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. – № 3. – 1956. – С. 89-90.

4 См.: Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. – М., 1960. – С. 88-89.

5 См.: Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. – М., 1985. – С. 124-126.

6 См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2009. – С. 81. Здесь же дан подробный обзор мнений по поводу понимания правоохранительной деятельности (С. 82–83).

7 Правоохранительные органы: учебник / Под общ. ред. Н.А. Петухова и Г.И. Загорского. – М., 2004. – С. 13-16.

8 Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник. – М., 2006. – С. 9 14.

этого указания, пытаются уже за рамками этого определения включить в содержание правоохранительной деятельности и деятельность по поддержанию порядка: патрулирование на улицах и в общественных местах, контроль за проведением массовых мероприятий (уличных шествий, митингов, пикетирования), защиту политических, имущественных, социальных и других прав граждан, обеспечение законности функционирования государственных структур, хозяйственных органов и общественных формирований и т. д. Единственное, что не заслуживает включения в содержание правоохранительной деятельности, согласно цитируемому авторам, – это многие функции обеспечения национальной безопасности страны с присущими ей мерами по предотвращению политических, экономических военных угроз¹.

И, наконец, заслуживает внимания третье мнение, выраженное С.Л. Лосем, который считает, что правы те авторы, которые, наоборот, определяют «правоохранительные органы» через категорию «правоохранительная деятельность». Такой подход представляется ему вполне обоснованным. Органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, и если эта деятельность является у них основной, могут определяться как правоохранительные. Данным автором дается следующее определение: «...правоохранительная деятельность – это предусмотренная действующим законодательством государственная или санкционированная государством деятельность, направленная на охрану и защиту прав граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей, осуществляемая, как правило, в определенном процессуальном порядке специально уполномоченными на то лицами и связанная с применением законных мер государственного принуждения»².

В этом определении четко прослеживается подразделение правоохранительной деятельности на две составляющих: «охрана» и «защита». И хотя в этом определении также не удается избежать тавтологии (не только в том, что правоохранительная деятельность направлена на охрану прав граждан, юридических лиц и государства, но и в том, что эти права и защищаются и охраняются), сама по себе постановка вопроса о том, что это только та охрана и защита, которая связана с применением законных мер принуждения, позволяет нам в дальнейших рассуждениях попытаться все-таки как-то разграничить правоохранительную деятельность в узком и широком смысле, а также сопоставить правоохранительную деятельность с правозащитной.

В поисках определения правоохранительной деятельности остается рассмотреть позицию законодателя по этому поводу. Хотелось бы заметить, что не существует такого определения и в российском законодательстве, хотя в некоторых законодательных актах сам термин «правоохранительная деятельность» упоминается³. В условиях проведенной административной реформы и реформы государственной службы эволюция правоохранительной деятельности должна была обрести особый характер⁴. Тем не менее многие исследовате-

ли утверждают, что в соответствующих официальных юридических документах правоохранительной деятельности не уделяется необходимого внимания: незавершенной, в целом, им представляется система используемых законодателем понятий – «субъекты правоохранительной деятельности», «правоохранительная функция», «регламентация правоохранительной деятельности»⁵.

Проведенный ими анализ законодательных и иных правовых актов позволяет констатировать, что в рамках реформы государственной службы правоохранительное направление получило наименование «правоохранительная служба»⁶. Вот этому понятию в федеральном законодательстве дано определение: «Правоохранительная служба – это вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина»⁷.

Однако предусмотренного в цитируемом законодательном акте федерального закона «О правоохранительной службе», после введения в действие которого это понятие начнет действовать, до сих пор нет. Не существует и законодательного понятия «правоохранительный орган».

Продолжая изучение официальных правовых документов, можно обнаружить, что термин «правоохранительная деятельность» используется в некоторых международных документах. К примеру, в Таможенном кодексе таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) имеется ст. 7, которая озаглавлена «Правоохранительная деятельность таможенных органов». В ней четко раскрывается позиция таможенного союза относительно того, какие направления правоохранительных действий призваны осуществлять таможенные органы государств – членов таможенного союза: они являются органами дознания по делам о контрабанде, об уклонении от уплаты таможенных платежей и иных преступлениях, производство по которым в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза отнесено к ведению таможенных органов; осуществляют оперативную-розыскную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, признаваемое законодательством этих государств преступлением, производ-

1 Там же.

2 Правоохранительные органы России: учебник / Под ред. В.П. Божьева. – М., 2011. – С. 18-19.

3 Например: ст.5 Закона РФ от 27.01.1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Росс. газ. 1993. 21 сент.; ст.7 Федерального закона от 27.05.2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета – 2003. – 31 мая и т.д.

4 Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г. № Пр-1496; Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» //СЗ РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945; Постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» //СЗ РФ. – 2005. – № 4. – Ст. 305; Постановление Правительства Российской Федера-

ции от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2005. – № 31. – Ст. 3233; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 г. № 679 «О порядке разработки административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» // СЗ РФ. – 2005. – № 47. – Ст. 4933; Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах и План мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах. Одобрены распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р // СЗ РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720; См. также: Реформа государственной службы Российской Федерации (2000–2003 годы) //Рук. авт. коллектива А.Г. Барабашев. – М., 2006.

5 Новиков А.Б. Совершенствование правового обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов // Внешнеторговое право. – № 2. – 2008. – С. 42.

6 Там же.

7 Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 31 мая; Указ Президента РФ от 05.06.2003 г. (ред. от 18.05.2012 г.) «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» // Российская газета. – 2003. – 11 июня.

ство по которому отнесено к ведению таможенных органов, исполнение запросов международных таможенных организаций, таможенных и иных компетентных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами; осуществляют производство по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза¹.

В «Программе действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства» имеет место раздел «совместная деятельность правоохранительных органов и специальных служб»². Так, на основе положений Программы по борьбе с различными формами организованной преступности на территории государств – участников Союза Беларуси и России на период до 2000 г., Концепции безопасности Союза Беларуси и России, международных договоров должно было осуществляться тесное взаимодействие в борьбе с преступностью. С этой целью: унифицируется законодательство в области деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствуется российско-белорусская договорно-правовая база сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и безопасности; проводятся согласованные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по предупреждению, выявлению, пресечению распространения противоправных деяний, совершаемых преступными группировками на территории государств – участников; вводится в эксплуатацию единый межгосударственный банк данных о лицах, причастных к террористической деятельности, незаконным вооруженным формированиям, контрабанде, наркобизнесу и другим наиболее опасным преступлениям; выявляются и отслеживаются реальные, прогнозируются потенциальные угрозы жизненно важным интересам Союзного государства, налаживается взаимный обмен информацией по вопросам безопасности; осуществляются мероприятия против негативного информационного воздействия на государственные органы, общественные организации и население Союзного государства, а также пресекаются любые попытки противоправной разведывательной деятельности специальных служб и организаций третьих стран, промышленного шпионажа; активизируется взаимодействие в области подготовки кадров, научных исследований, разработки и производства вооружения, специальных средств, техники и оборудования для правоохранительных органов и специальных служб³.

Думается, что игнорировать позицию российского и международного законодателя на этот счет не следует. Кроме этого, соглашаясь с приведенными ранее мнениями о том, что можно говорить о правоохранительной деятельности в широком и узком смысле, в целях терминологической чистоты под собственно правоохранительной деятельностью возможно попробовать понимать только ее юрисдикционный аспект (узкое понимание). «Можно, конечно, – справедливо замечает Н.В. Витрук, – согласиться с тем, что все меры, направленные на обеспечение нормальной (позитивной) реализации прав и свобод, а также на исполнение обязанностей и соблюдение запретов, находящихся в коррелятивной связи, являются мера-

ми общей охраны реализации норм права. Однако существование мер общей охраны не исключает наличия и действия мер специальной охраны, применяемых в процессе правоохранительной деятельности в виде мер правовой защиты в случаях нарушения требований диспозиции правовых норм и реализации мер юридической ответственности. Этот вид деятельности квалифицируется как специальная правоохранительная – юрисдикционная – деятельность компетентных органов и должностных лиц»⁴.

Использование Н.В. Витруком в качестве равнозначного слову «правоохранительный» термина «юрисдикционный» выглядит на первый взгляд привлекательно. Но если ознакомиться с имеющимися в юридической литературе мнениями относительно понятия «юрисдикционная» деятельность, выясняется, что и тут нет единообразия. Разброс мнений таков, что в одних случаях получается, что юрисдикция включает в себя практически все разновидности юридической деятельности (совокупность полномочий по правовому регулированию общественных отношений в определенной правовой сфере, по осуществлению законодательной, судебной, исполнительно-распорядительной деятельности⁵), а в других – сводится только к рассмотрению юридических дел и к вынесению юридически обязательных решений⁶. В специальном исследовании, посвященном административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел в области дорожного движения, предпринята попытка выработать компромиссное решение относительно понятия «административно-юрисдикционная деятельность». Оно интересно с точки зрения того, что в нем автор (В.В. Головкин) стремится связать юрисдикцию с правоохранительной деятельностью: «Принимая во внимание, что юрисдикция уполномоченных органов (должностных лиц) тесно связана с правоприменительной, правоохранительной (курсив наш – Б.Ш., Р.Ш.), государственно-властной, квазисудебной деятельностью, полагаем, что понятие “юрисдикционная деятельность” следует ограничивать от термина “юрисдикция”... С учетом содержания последнего считаем, что юрисдикционная деятельность включает следующие виды – исполнительно-распорядительной, правоприменительной, правоохранительной, квазисудебной деятельности, осуществляемой уполномоченными на то органами (должностными лицами) в определенной правовой сфере в соответствии с установленной действующим законодательством и иными нормативными правовыми актами»⁷.

Как видим, автор приходит к выводу, что правоохранительная деятельность является лишь разновидностью юрисдикционной, четко отличает ее от правоприменительной, что не позволяет поставить знак равенства между ними, как это делает Н.В. Витрук. Не вдаваясь подробно в споры о самой юрисдикции и юрисдикционной деятельности, считаем нецелесообразным при определении понятия «правоохранительная деятельность» использование термина «юрисдикционный», акцентирующего исследовательский интерес на несколько иной характеристике различных видов деятельности государственных органов.

В контексте приведенных рассуждений можно констатировать, что при характеристике понятия правоохранительной деятельности в него вкладывается разное и нередко крайне ограниченное содержание:

– для одних такая деятельность – это лишь то, что делается компетентными государственными органами в сфере борь-

1 Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) (ред. от 16.04.2010) // СЗ РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6615.

2 Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства». Совершено 8 декабря 1999 г. // Российская газета – 2000. – 1 февраля.

3 Перевалов Д.В. Структура и содержание правового статуса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам по законодательству Республики Беларусь // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (1). – С. 129–138.

4 Витрук Н.В. Указ. соч. – С. 82–83.

5 См.: Шергин А.П. Административная юрисдикция. – М., 1979. – С. 15.

6 С.С. Алексеев. Государство и право: начальный курс. – М., 1994. – С. 148.

7 Головкин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – С. 39–40.

бы с преступлениями (другими словами, ставится знак равенства между понятием «правоохранительная деятельность» и понятием «борьба с преступностью»);

– для других – это борьба и с преступлениями, и с иными правонарушениями;

– для третьих – это то, что принято называть «поддержанием общественного порядка» (патрулирование в общественных местах, контроль за правильным проведением массовых мероприятий – демонстраций, митингов, пикетирования, применение специальных средств для усмирения «разбушевавшейся» толпы и т. д.).

Столь упрощенные подходы нельзя признать правильными, поскольку они существенно искажают суть рассматриваемого вида государственной деятельности и используются для обоснования весьма спорных суждений о том, какие органы следовало бы считать правоохранительными.

Сторонники таких подходов не учитывают то, что сфера охраны права значительно шире, чем сфера борьбы с преступностью или нарушениями общественного порядка. Право должно охраняться не только от подобных, явно недопустимых актов беззакония или антиобщественных явлений. Но нужно не забывать, что в не меньшей мере недопустимыми являются также какие-либо иные проявления противоправности, попытки незаконно ограничивать, злонамеренно ущемлять или умалять любые права и законные интересы, кому бы они ни принадлежали – российскому гражданину, иностранцу, лицу без гражданства, какому-то должностному лицу, коммерсанту, государственной или негосударственной организации.

Все подобные антиобщественные явления должны пресекаться не менее решительно, чем преступления или нарушения порядка в общественных местах, а их негативные последствия – устраняться или исправляться. Чтобы такое не происходило в обществе или не приобрело значительных масштабов и нужна деятельность, именуемая правоохранительной в широком смысле этого слова.

Вопрос о задачах правоохранительной деятельности, как и вопрос о ее понятии и содержании, в целом пока что в законодательном порядке четко не обозначен. Но это не значит, что таких задач у нее нет. Они существуют, и об их наличии можно судить по содержанию ряда законодательных актов, в которых в той или иной мере решаются вопросы организации и основ деятельности различных правоохранительных органов. На основании анализа федеральных законов о правоохранительных органах вполне допустим вывод о том, что задачи правоохранительной деятельности целесообразно подразделять на две группы: задачи общие, характерные для всех ее направлений, а также задачи конкретные, специфические для отдельных направлений.

Для определения общих задач можно проанализировать Закон о безопасности, где в ст. 1 подчеркивается, в частности, что основными объектами, которые должны защищаться системой государственных органов (в том числе правоохранительных) являются: «...личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность»¹. Это положение и следовало бы считать основным ориентиром при раскрытии содержания общих задач правоохранительной деятельности. Во всяком случае, в нем четко обозначены те ценности, которые должны охраняться. Охрана именно этих ценностей и составляет суть, основное содержание общих задач.

Для конкретных видов правоохранительных органов в соответствии с возложенными на них полномочиями законодательство предусматривает свои, специфические задачи. Определенные специфические задачи осуществляются и в рамках

конкретных направлений (функций) правоохранительной деятельности.

С учетом сказанного можно определить понятие правоохранительной деятельности как такой государственной или санкционированной государством деятельности, которая осуществляется с целью охраны и защиты права и предупреждения его нарушений специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка. Правоохранительная деятельность включает в себя три составляющих:

1. Охрана существующего в государстве правопорядка.
2. Защита существующего правопорядка.
3. Предупреждение нарушений существующего в государстве правопорядка.

Если деятельность органа государственной власти или иной организации связана только с одной или двумя составляющими, то она вряд ли может быть причислена к числу правоохранительных, а выступает либо правозащитным, либо контрольно-надзорным видом деятельности и др.

Правоохранительная деятельность как деятельность юридическая должна включать в себя полный комплекс указанных составляющих.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1963. – Вып. 1.
2. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / Под ред. Р.В. Шагиевой. – М., 2011.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2009.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 1998.
5. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: PRO ET CONTRA. – М.: Государство и право. – 2012. – № 11.
6. Головкин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
7. Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. – М., 1992.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 18.
9. Новиков А.Б. Совершенствование правового обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов // Внешнеторговое право. – 2008. – № 2.
10. Правоохранительные органы: учебник / Под общ. ред. Н.А. Петухова и Г.И. Загорского. – М.
11. Правоохранительные органы России: учебник / Под ред. В.П. Божьева. – М., 2011.
12. Перевалов Д.В. Структура и содержание правового статуса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам по законодательству Республики Беларусь // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (1).
13. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства: вопросы системности // Государство и право. – 2012. – № 2.
14. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2007.
15. Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. – № 3. – 1956.
16. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. – М., 1960.
17. Червонюк В.И. Теория государства и права. – М., 2007.
18. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. – Казань, 1987.
19. Шамба Т.М. Советская демократия и правопорядок. – М., 1985.
20. Шергин А.П. Административная юрисдикция. – М., 1979.

1 Федеральный закон от 5 марта 1992 года № 2446 – 1 «О безопасности» // Российская газета. – № 103. – 06.05.1992.

Иванов А.Н.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье раскрывается проблематика изменения политических приоритетов административной реформы в современной России. Особое внимание уделяется влиянию политических факторов на изменение приоритетных направлений административной реформы в регионах России.

Ключевые слова: административная реформа, этапы административной реформы, политическая элита, политические приоритеты, государственное управление.

Ivanov A.N.

CHANGING OF POLICY PRIORITIES OF ADMINISTRATIVE REFORM IN MODERN RUSSIA AT VARIOUS STAGES OF ITS REALIZATION

The article reveals the problems of changing political priorities of administrative reform in modern Russia. Special attention is paid to influence of political factors on changes in priority directions of the administrative reform in the regions of Russia.

Key words: administrative reform, stages of administrative reform, political elite, political priorities, public administration.

Иванов А.Н.

Если проанализировать реализацию современной административной реформы (АР) в России на различных этапах, то мы можем наблюдать изменение приоритетных направлений реформ, фундированное политическими факторами.

Необходимость реформирования государственного аппарата как актуальная задача повестки дня понималась политической элитой новой России начиная с 1990-х гг. Во времена президентства Б.Н. Ельцина в 1997 г. группой экспертов под руководством М.А. Краснова была разработана Концепция административной реформы¹. Главной проблемой, на решение которой направлена Концепция, авторами признавалась оторванность власти от народа. Но данная Концепция не получила утверждения. Основной причиной этого явились политические факторы, а именно политическая нестабильность, вызвавшая необходимость, в первую очередь, сохранения политического режима и баланса внутриэлитных групп.

Кратко остановимся на реализации административных реформ в течение первых двух сроков президентских полномочий В.В. Путина. Речь о необходимости реформ государственного управления звучала в политическом дискурсе 2000–2004 гг., занимая важную роль в посланиях Президента Федеральному собранию. Но реальные очертания АР приняла только в 2003 г. с принятием Указа Президента РФ². Приоритетными задачами развития государственного управления на 2003 г. назывались радикальное сокращение функций, осуществляемых государственными органами, развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики и др. Это была «инвентаризационная» стадия административной реформы, в которой Правительственная комиссия уделяла основное внимание выявлению избыточных и дублирующих функций, осуществляемых органами власти. Всего было проанализировано 5634 функции, из них признано избыточными – 1468, дублирующими – 263, требующими изменения – 868.

Но «спокойный» ход АР был прерван в начале 2004 г. Импульс реформе был дан отставкой Премьер-министра М.М. Касьянова, при этом основной упор был сделан на изменение структуры Правительства РФ по принципу «министерства-служба-агентства». Выдвигаясь на второй срок президентских полномочий, В.В. Путин отказался от правительственного варианта реформы, «взяв на вооружение тот, что готовился в

его администрации»³. Характерной особенностью административной реформы 2004 г. является также тот факт, что в новоиспеченном правительстве Фрадкова «из 17 членов правительства новичками в нем, и то с некоторой долей условности, можно считать всего 7». Влияние политических факторов выразилось и в том, что уже в 2005 г. В.В. Путин отказывается от ранее декларируемой идеи о необходимости только одного вице-премьера, введя в состав правительства первых вице-премьеров С.Б. Иванова и Д.А. Медведева.

Нужно отметить, что во время второго срока президентства В.В. Путина и президентства Д.А. Медведева АР реализовывалась государственными менеджерами в автономном режиме, не становясь предметом особого внимания политической элиты. Административная реформа в Российской Федерации, проведенная в 2006–2010 гг. согласно Концепции⁴, была направлена на достижение следующих целей и задач: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, регламентация и стандартизация государственных и муниципальных услуг. К концу 2010 г. на федеральном уровне утверждено 447 административных регламентов предоставления услуг. На региональном и муниципальном уровнях утверждены более 6000 и 4000 административных регламентов соответственно.

На текущем этапе АР сохраняется прежняя «клиентоориентированность» реформы, при которой приоритетное внимание уделяется качеству государственных услуг, переводу их на электронный вид, предоставлению по принципу «одного окна», реализация общесистемных мер снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг.

Таким образом, АР на современном этапе превращается в технологическое мероприятие, направленное на комфорт потребителя государственных услуг. Одними из причин подобной «клиентоориентированной» направленности АР и отсутствия политических конфликтов относительно путей ее реализации являются стабильная политическая ситуация и баланс элитных групп.

1 Краснов М., Сатаров Г. История первой попытки административной реформы (1997–1998) // Отечественные записки. – 2004. – № 2. – С. 196–206.

2 Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/186148/>

3 Байгузин Р.Н. Административные реформы в России: история и современность. – М.: Наука, 2006. – С. 551.

4 Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 N 1789-р (ред. от 10.03.2009 г.) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86001/

Султанова Л.Ю.

ТИПЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ЭЛИТАРНОГО РЕКРУТИНГА

В статье описаны типы политического лидерства, разработанные в отечественной политической науке, и то влияние, которое они могут оказывать на трансформацию механизмов элитарного рекрутинга на региональном уровне.

Ключевые слова: региональная политическая элита, политическое лидерство, механизмы элитарного рекрутинга.

Sultanova L.Yu.

TYPES OF REGIONAL POLITICAL LEADERSHIP AND TRANSFORMATION OF MECHANISMS OF ELITE RECRUITING

This article describes the types of political leadership developed in domestic political science and the impact they can have on transformation of elite recruiting mechanisms at the regional level.

Key words: regional political elite, political leadership, mechanisms of elite recruiting.

Султанова Л.Ю.

Российские элитологи сходятся во мнении, что совершенно особым значением в структуре элиты, в том числе и на региональном уровне, обладает политический лидер. Насколько каналы и механизмы рекрутирования региональной политической элиты взаимосвязаны с типом политического лидерства и насколько может региональный лидер в силу своего понимания набора высших управленцев изменять механизмы рекрутирования?

В исследовательских практиках достаточно подробно разработана классификация типов политического лидерства. Н.Ю. Лапина под типом политического лидерства понимает набор идеологически оформленных политических средств, которые используются региональными руководителями в борьбе за власть и ее удержание, а также реальные ресурсы и пределы влияния индивидуального политического актора¹.

Исследователем выделяются три основных типа лидерства: патерналистский, патриархальный, модернистский. Патерналистский тип характерен для «русских» аграрных и аграрно-промышленных регионов со сниженным инновационным потенциалом. Политики такого типа подчеркивают свою близость к простым людям и понимание их проблем. Патриархальный тип лидерства сформировался в 1990-е годы в национальных республиках. По типу реализации власти и способам воздействия на население патриархальные лидеры близки патерналистам, но в национальных республиках лидер выступает как руководитель, отстаивающий энокультурные и национальные ценности того или иного народа. Модернистский тип лидерства сложился в промышленно развитых урбанизированных регионах с демократическим типом голосования, поэтому для них характерно выдвижение и реализация инновационных проектов, отсюда ориентация на проведение реформ и отбор в команду профессионалов высокого уровня².

Для дальнейшего развития Российской Федерации на региональном уровне, по мнению Н.Ю. Лапиной, доминирующим становится политический тип лидера-прагматика (эффективного менеджера). Его эффективность будет измеряться конкретными результатами деятельности: социально-политической стабильностью и показателями экономического развития региона, наличием новых проектов и притоком инвестиций. Ближе всего к этому типу лидерства модернистский тип³.

С ней согласна определенная часть исследователей, которые на основе аналитических модели элитогенеза, включенных в нее индикаторов (источников, сред, социокуль-

турных срезов, карьерных алгоритмов), выделяют три «идеальных типа» становления высшего административно-управленческого персонала: два основных и один переходный. Основные типы – преимущественно лидерские, а переходный тип – преимущественно менеджерский, и именно последний тип, по мнению исследователей, интересен больше всего, так как остро сигнализирует о наметившихся переменах в сознании политической элиты⁴.

Иную, во многом сходную, но более расширенную классификацию типов политического лидерства в регионах дает С.Н. Барзилов. Он выделяет шесть типов власти на уровне регионов: смешанный тип, авторитарный тип, лоббистский тип, популистский тип, партийно-харизматический тип, мобилизационный тип. В этом списке, учитывая изменения, произошедшие на российском политическом пространстве, нас интересует три типа – смешанный, авторитарный, лоббистский.

Смешанный тип, как переходный вариант, характерен для малочисленных местных политических режимов, не контролируемых местными экономическими и финансовыми ресурсами. У этого типа отсутствует развитая номенклатурно-клановая база, а глава региона одновременно является и главой исполнительной власти.

«Авторитарный тип, – по мнению С.Н. Барзилова, – характерен для сравнительно упрочившихся политических режимов, когда губернатор как бы находится над законодательной, исполнительной и судебной властями, являясь своего рода арбитром и сосредоточением интересов местных номенклатурных кланов»⁵.

Лоббистский тип характерен для регионов, в которых присутствует противостояние различных кланов или территориальных группировок административной номенклатуры и бюрократии. Лидер в подобной ситуации отражает интересы одной из противоборствующих сторон. Лоббистский тип встречается при смене регионального политического лидера, когда бывшая клановая группировка находится в конфронтации с новой группировкой.

Следует подчеркнуть, что модели, предложенные Н.Ю. Лапиной и С.Н. Барзиловым, при всех их теоретической проработанности в каждом конкретном случае нуждаются в определенной корректировке.

В ходе смены политического лидера часто бывает задействован целый комплекс причин, наиболее важные из них

1 Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе // Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2004. – С. 95.

2 Лапина Н.Ю. Указ. Соч. – С. 94–104.

3 Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе // Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2004. – С. 116–117.

4 Паутов А.А. Элитогенез и высший административно-управленческий персонал государства в условиях кризисного развития: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2000. – С. 23.

5 Барзилов С.Н. Губернаторская власть как институт и субъект регионального политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М., 2000. – С. 140–141.

приводят к тому, что меняется не только тип политического лидера, но и механизмы рекрутинга региональной элиты.

Одной из основных причин смены лидера можно назвать «вызовы времени», в конкретных современных российских условиях это необходимость запуска и отладки модернизационных процессов. «Поиск модернизационных стратегий, – по мнению Лапиной, – заставляет региональных руководителей искать новые кадровые решения (назначение на ответственные посты в администрациях топ-менеджеров), которые усиливают неоднородность управленческих команд и провоцируют возрастание конфликта между «старыми» и «новыми» управленцами»¹. Связано это с тем, что политическая модернизация требует создания эффективных властных институтов и механизмов, формирования компетентной и эффективной бюрократии, что мало соответствует представлениям о властных функциях сформировавшегося элитного слоя.

Несомненно также, что в процессе изучения трансформации региональных элит необходимо учитывать взаимоотношения между центром и регионом, а также влияние первого на внутрирегиональную политику. Поэтому вторым немаловажным фактором изменения механизмов рекрутинга является стремление федеральной элиты не только поддерживать порядок и спокойствие в регионе, но и тенденция к установлению контроля над наиболее ценными экономическими ресурсами.

Анализ постсоветского развития Республики Башкортостан привел А. Хайбуллина к выводу, что она пошла в 1990-е гг. по пути «инструменталистской модернизации», когда традиционное общество переносит на свою почву технические нововведения, выработанные «на стороне», с целью модернизировать свою систему жизнеобеспечения². Неудивительно, что характер модернизации Республики Башкортостан в эти годы определил и тип его элиты, которая была «демократической» по своему происхождению элиту, но без механизмов ее обновления. Власть формировалась по ценностным, этническим и личностным принципам (клановый тип связи), но не по критерию профессионализма³.

Отличительными чертами региональной политической элиты времен президентства М.Г. Рахимова, по мнению А. Хайбуллина, стали: 1) мифологическое сознание; 2) патерналистское отношение к государству; 3) неспособность поставить общенациональные интересы выше личных; 4) стремление получить и сохранить социальный статус номенклатурного типа; 5) аграрный тип происхождения⁴.

1 Лапина Н.Ю. Указ. Соч. – С. 76–77.

2 Хайбуллин А. 20 лет под знаком «суверенитета»: особенности развития Республики Башкортостан в 1990-2010 гг. // [Электронный ресурс] / Сайт РБ-XXI традиционалисты. – Режим доступа: <http://www.rb21vek.com/ideologyandpolitics/645-20-let-pod-znakom-suvereniteta-osobennosti-razvitiya-respubliki-bashkortostan-v-1990-2010-gg.html>

3 Хайбуллин А. Указ. Соч.

4 Хайбуллин А. Башкирская элита на обломках «суверенитета»: причины и последствия системного кризиса // Сайт РБ-XXI традиционалисты // [Электронный ресурс] / Сайт РБ-XXI традиционалисты. – Режим доступа: <http://www.rb21vek.com/ideologyandpolitics/618-bashkirskaya-elita-na-oblomkah-suvereniteta-prichiny-i-posledstviya-sistemnogo-krizisa.html>

Назначение нового главы Башкортостана было вызвано как потребностями модернизации и полного урегулирования взаимоотношений центра и региона, так и неудовлетворенностью кадровыми решениями прежнего руководства. Новый руководитель Р.З. Хамитов подверг политику своего предшественника и его команды резкой критике. По его мнению, в республике укоренились клановость, кумовство, коррупция и взяточничество⁵.

Основными неформальными факторами формирования элитного слоя при Р.З. Хамитове являются ослабление позиций лиц титульной нации, происхождение (увеличение доли выходцев из городской среды), до определенной степени учитывается оппозиционность предшествующему лидеру, но чаще всего Р.З. Хамитов говорит о профессионализме, судя по всему, понимаемом как способность осуществлять управленческие функции.

Новый глава республики позиционирует себя сторонником прозрачной политики, демократичности и справедливости. В связи с этим он пытается внедрить открытый тип рекрутирования политических элит, для которого характерен отбор по личным и профессиональным качествам кандидата. С другой стороны, оппозиция постоянно упрекает его в «кадровой чехарде» и подборе лояльных лиц. «Идеальная» модель формирования региональной политической элиты Республики Башкортостан, учитывая реальную политическую ситуацию, может заключаться в сбалансированном сочетании принципов клиентелизма (формирование личной команды) и профессионализма (сохранение части старой команды, приглашение опытных управленцев).

Пристатейный библиографический список

1. Барзилов С.Н. Губернаторская власть как институт и субъект регионального политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000.

2. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2004.

3. Паутов А.А. Элитогенез и высший административно-управленческий персонал государства в условиях кризисного развития: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2000.

4. Хайбуллин А. 20 лет под знаком «суверенитета»: особенности развития Республики Башкортостан в 1990-2010 гг. // [Электронный ресурс] / Сайт РБ-XXI традиционалисты. – Режим доступа: <http://www.rb21vek.com/ideologyandpolitics/645-20-let-pod-znakom-suvereniteta-osobennosti-razvitiya-respubliki-bashkortostan-v-1990-2010-gg.html>

5. Хайбуллин А. Башкирская элита на обломках «суверенитета»: причины и последствия системного кризиса // [Электронный ресурс] / Сайт РБ-XXI традиционалисты. – Режим доступа: <http://www.rb21vek.com/ideologyandpolitics/618-bashkirskaya-elita-na-oblomkah-suvereniteta-prichiny-i-posledstviya-sistemnogo-krizisa.html>

6. Хамитов Р. Нам нужно искоренить принципы кумовства и личной преданности в кадровой политике // [Электронный ресурс] / Официальный сайт Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://www.bashkortostan.ru/organizations/168/news/12784.html>

5. Хамитов Р. Нам нужно искоренить принципы кумовства и личной преданности в кадровой политике // [Электронный ресурс] / Официальный сайт Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://www.bashkortostan.ru/organizations/168/news/12784.html>

Бондаренко В.Н.

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ ПРАВА

В данной статье рассматриваются основные принципы философского исследования права (метатеоретические, теоретические и праксиологические).

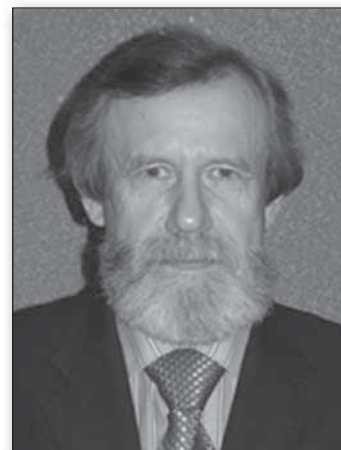
Ключевые слова: логические, методологические, мировоззренческие, метафизические, онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические принципы философского постижения права.

Bondarenko V.N.

PRINCIPLES OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF LAW

In this article the basic principles of philosophical research of the law (metatheoretical, theoretical and praxiological) are considered.

Key words: logical, methodological, worldview, metaphysical, ontological, gnoseological, axiological and praxiological principles of philosophical comprehension of the law.

Бондаренко В.Н.

Право с давних пор вызывает особый интерес у философов. В современную эпоху данный интерес не только не ослабел, но и существенно возрос. Объясняется это спецификой развития культур и цивилизаций в наше время, а также местом и ролью права в них. Такая заинтересованность в философском постижении права заметна, прежде всего, в понимании принципов отмеченного его постижения.

Принципы философского исследования права представляют собой некую систему, в пределах которой их можно объединить по разным основаниям. Среди них целесообразно выделить следующие: логические, методологические, мировоззренческие, метафизические, онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические принципы.

Логические принципы философского постижения права, в свою очередь, можно разделить на формально-логические (идущие от Аристотеля) и содержательно-логические (впервые обоснованные Г. Гегелем). Главное отличие между ними заключается в том, что первые из них отрицают необходимость противоречий в исследовании права, а вторые – трактуют противоречия в качестве необходимого момента в его познании¹. Формально-логические принципы позволяют рассмотреть право, его нормы и правила как непротиворечивую систему, обязательную для осуществления в том или ином государстве, способствуют выявлению формально-логического соответствия норм производных законов положениям Конституции, что возможно только в условиях стабильного государства. Содержательно-логические принципы способствуют выявлению противоречий в реальном процессе правового творчества, особенно на переходных стадиях в становлении и развитии права, его базовых и второстепенных норм и правил, исследованию различных принципов и оснований правовой деятельности.

Методологические принципы философского понимания права также по-разному прослеживаются в философии. Их применение и значение в таком понимании обусловлено формами развития философской методологии. Среди этих форм можно отметить несколько: объективная философская методология; субъективная философская методология; интересующая философская методология². На каждой из данных стадий доминируют специфические методологические принципы философского постижения права.

В объективной философской методологии парадигматическим принципом исследования права, его норм и правил является принцип объективности, то есть нейтрального, беспристрастного их изучения. Но в таком случае философы (вольно или невольно) абсолютизировали собственное познание права

и его проявлений. Поэтому принцип объективности обуславливает использование в философском понимании права и таких производных принципов, как принцип детерминизма (всеобщей обусловленности всех правовых норм и правил) и принцип историзма, т. е. развития, предполагающего качественное изменение права. Не случайно данная форма философской методологии в исследовании правовых норм и правил базируется главным образом на методах объяснения.

В субъективной философской методологии применяются иные принципы философского познания права, а именно: в ней парадигматическим принципом выступает принцип субъективности. Использование принципа субъективности в философском понимании права вело к выявлению нелинейной логики в правотворчестве, к рассмотрению различных тенденций в нём, к своеобразному отказу от линейной логики в исследовании права, его норм и правил, к ограничению абсолютизации в рамках конкретной философской позиции. Вместе с тем это обусловило выведение других производных методологических принципов философского постижения права – принципа индетерминизма и принципа антиисторизма, противоположных принципам детерминизма и историзма (развития). Поэтому субъективная философская методология основывается по преимуществу на методах понимания.

В интересующей философской методологии прослеживаются другие принципы философского исследования права. В качестве самого главного (парадигматического) принципа в ней выступает принцип интересующей в осмыслении правовых норм и правил. Это означает стремление соотносить линейную и нелинейную логику, понимание взаимосвязи и взаимопроникновения принципов объективности и субъективности (как и производных от них принципов), дальнейшее осознание тенденций абсолютизации в философском постижении права. В то же время принцип интересующей вёл к использованию в философском изучении права таких методологических принципов, как принцип соотношения детерминизма и индетерминизма и принцип взаимосвязи историзма и антиисторизма. В силу этого в интересующей философской методологии осуществлялось взаимодействие методов объяснения и понимания в исследовании правовых норм и правил, ставилась проблема границ любой философской методологии в отмеченных процессах.

Мировоззренческие принципы философского постижения права, его норм и правил имеют особую значимость. Они позволяют выявить связь права со всеми типами мировоззрения (художественно-образным, мифологическим, религиозным, мистическим, научным и философским), проанализировать проблему влияния на правотворческий процесс обыденно-практических установок людей, тем самым ставя вопрос о том, является ли обыденно-практический подход к праву демонстрацией особого типа мировоззрения или общей предпосылкой воздействия на него вышеотмеченных типов мировоззрения. Вместе с тем именно эти принципы

1 См.: Аристотель С. Метафизика / Пер. с греческого А.В. Кубицко. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 79; Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1975. – С. 167.

2 См., о тезисе К. Апеля и Ю. Хабермаса о трёх парадигмах (объективности, субъективности и интересующей) // Хёсле В. Гении философии нового времени. – М.: Наука, 1992. – С. 7.

преимущественно способствуют осознанию места и роли философского рассмотрения правовых правил и норм, учитывая соотношение философии с другими формами мировоззренческого изучения права. К мировоззренческим принципам философского постижения правовых норм и правил можно отнести: принцип целостности; принцип системности; принцип структурности; принцип функциональности; принцип иерархичности; принцип процессуальности; принцип плюрализма объяснения и понимания права.

Метафизические принципы философского постижения права помогают обнаружить первые причины и основания становления и развития правового творчества, выявить правовые законы и закономерности, трактовать право главным образом в его субстанциональном измерении, как некую правовую субстанцию, имеющую определённую автономию, рассматривать право вообще, право как таковое. Они позволяют в дальнейшем философском понимании права, его норм и правил исследовать взаимосвязь различных аспектов: онтологических, гносеологических, аксиологических и праксиологических, выступающих, прежде всего, как иные принципы философии права.

Среди онтологических принципов постижения правовых норм и правил следует выделить такие, как: принцип демаркации бытия, небытия и ничто в правовом творчестве, во всех проявлениях права; принцип соотношения сущности и существования в бытии права; принцип разграничения основных бытийных форм становления и развития права; принцип взаимосвязи творчества и исполнения в правовой деятельности; принцип взаимодействия правовых норм и правил с различными структурами общества, государства и мирового сообщества. Именно они, как все отмеченные выше принципы (логические, методологические, мировоззренческие и метафизические), в значительной мере обуславливают и гносеологические принципы философского осмысления права.

Осознание гносеологических принципов постижения права, его норм и правил немислимо без учёта тех стадий, которые присущи философии познания, то есть гносеологии, среди которых следует выделить: классическую гносеологию, неклассическую гносеологию и постнеклассическую гносеологию. Каждой из этих стадий присущи свои гносеологические принципы.

Классическая гносеология в изучении права и его проявлений основывается на следующих исходных положениях: главный объект (предмет) постижения права, его норм и правил – проблемы их бытия; доминирование объекта (предмета) познания над субъектом познания, а тем самым отрицание влияния субъекта познания на объект (предмет) познания в исследовании права во всех его составляющих; господство классической философской рациональности в осознании права и его форм.

В неклассической гносеологии применяются другие базовые принципы в постижении права, его норм и правил: основной объект (предмет) в исследовании права и его проявлений – проблемы их становления; на первый план выводится не объект (предмет), а субъект познания, но тем самым признаётся влияние субъекта познания на объект (предмет) познания с помощью методов, средств и процедур познавательного процесса в осмыслении права и его форм; доминирование неклассической философской рациональности в изучении права, его норм и правил.

Постнеклассическая гносеология базируется на иных принципах постижения права: главный объект (предмет) в рассмотрении права и его форм – проблемы взаимодействия их бытия и становления; доминирование отношений между субъектами познания над объектами (предметами) познания (а поэтому признаётся влияние субъектов познания на объекты познания (предметы) не только с помощью методов, средств и процедур познавательного процесса, но и посредством ценностно-целевых структур, присущих субъектам познания, в исследовании права, его норм и правил); принцип господства постнеклассической философской рациональности в изучении права и его проявлений.

Осознанно или неосознанно ценностные аспекты присутствуют в логических, методологических, мировоззренческих, метафизических, онтологических и гносеологических принципах философского осмысления права, его норм и правил. Но наиболее полно и целостно они представлены в аксиологических принципах философии права, получивших бурное развитие в неклассической, а потом и в постнеклассической философии. Именно они позволили по-иному взглянуть на соотношение чувств, логоса и интуиции во всех основных моментах философского постижения права и его проявлений, нанесли сокрушительный удар по всем философским тенденциям и традициям, претендующим на абсолютное понимание права, его норм и правил, очертили проблему разрывов в правовом творчестве и в их философском осознании.

К базовым аксиологическим принципам философского постижения права можно отнести: приоритет ценности над логосом и реальностью в исследовании права и его форм; сравнимость, но не соизмеримость правовых норм, правил и ценностей; противопоставление ценности-переживания смыслу-осознанию в рассмотрении права и его проявлений; изучение правовых ценностей по преимуществу с помощью метода понимания, а исследование правовых смыслов главным образом посредством метода интерпретации; принцип взаимосвязи аксиологических и праксиологических принципов философского познания права и его форм.

Праксиологические (практические) принципы философского изучения права и его проявлений связаны главным образом с постижением правовой практики и с её конкретным осуществлением в правовой деятельности. С их помощью рассматриваются, прежде всего, различные виды правовой практики, правовой деятельности, выявляются различные основания становления и развития данных видов.

Среди них следует, прежде всего, выделить принцип взаимодействия праксиологических принципов с другими принципами философского постижения права, тем самым определив логическую и методологическую взаимосвязь между ними. А именно: целесообразно классифицировать все указанные выше принципы, в том числе и праксиологические. В данной классификации можно выделить три взаимосвязанные группы: метатеоретические принципы (логические, методологические, мировоззренческие и метафизические); теоретические принципы (онтологические, гносеологические и аксиологические); праксиологические (о них идёт речь).

Вторым из праксиологических принципов философского постижения права является принцип достаточных оснований, без которых немислимо существование и развитие этих, то есть праксиологических, принципов. Данный принцип означает, что указанные принципы не могут существовать не только без метатеоретических и теоретических принципов философского осознания права и его форм, но и без таких оснований, как социальные и собственно правовые основания. Среди социальных оснований нужно выделить следующие: экологические, экономические, собственно социальные, политические, духовно-идеологические. Собственно правовые основания – это различные правовые духовные практики: чувственные, рациональные, интуитивные, духовные.

Третьим из праксиологических принципов философского постижения права выступает принцип разграничения различных видов чувственной, рациональной, интуитивной и духовной правовой практики. При этом следует иметь в виду, что наименее изученными в современной философии права являются интуитивные и духовные виды правовой практической деятельности.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что в этой статье даётся только общая характеристика принципов философского постижения права. На большее автор не претендует.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель С. Метафизика / Пер. с греческого А.В. Кубицкого. – М: Изд-во Эксмо, 2006.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики. – М: «Мысль», 1975.
3. Хёсле В. Гении философии нового времени. – М.: Наука, 1992.

Динамика социальных отношений сопряжена с исследованием самого «эталона» человека, мира его идеальных ценностей. Социальные отношения связаны с духовно-экзистенциальной природой человеческой личности и представляют собой предпосылку социальной и культурной регуляции общечеловеческих отношений, структурообразующими элементами которых выступают производство, воспроизводство. Особенностью динамики социальных отношений является «кристаллизация» самого понятия «духовно богатой личности».

Ключевые слова: динамика социальных отношений, экзистенциальная природа человеческой личности, процесс воспроизводства, потребления и распределения благ, структура социальных отношений.

Safina L.H.

SPECIFIC FEATURES OF DYNAMICS OF THE SOCIAL RELATIONS AND THEIR STRUCTURE

Dynamics of the social relations is linked to research of «pattern» of the person and the world of its ideal values. The social relations are connected with spiritual and existential nature of the person and represent precondition of social and cultural regulation of universal human relations the structure-forming elements of which are production and reproduction. Thus, the feature of dynamics of the social relations is «crystallization» of the concept of «spiritually rich personality».

Key words: the dynamics of social relations, existential nature of the person, the process of reproduction, consumption and distribution of benefits, the structure of social relations.

Социальные отношения предопределяют сам тип общества. Этот тип, в конечном счете, обусловлен самой структурой социальных отношений, тем межчеловеческим элементом, который связан с совместной жизнью людей, с различными формами и способами общения людей, с отношениями общения.

Социальная философия при этом не рассматривает конкретную действительность социальной жизни, а лишь устанавливает в качестве социального нормативного учения сами нормы общественной жизни, в соответствии с которыми эта жизнь призвана развиваться. Социальная философия направлена на размышление о возможностях, которые представляет человеку лучшим образом устроенный мир, и, таким образом, сама динамика социальных отношений включает в себя надежду на более справедливый мир. Но все вопросы «о лучшем мире, о бесконечности возможных миров и т. п. распадаются, стало быть, в прах»¹.

Право является квинтэссенцией социальных отношений, их регулятором. Идеал права – регулировать социальные отношения наилучшим способом, удовлетворяя потребности как можно большего числа индивидов. Динамика социальных отношений сопряжена с исследованием самого «эталона», идеального задания человека, мира его абсолютных ценностей. Роль данного «эталона» вполне аналогична роли любого идеального задания, которое соотносится с повышенной эффективностью, с самым качеством социальной и духовной жизни человека. Эта духовная жизнь невозможна вне потенции ее самоопределения. Самоопределение же, в свою очередь, не реализуется вне развития личностных параметров: любви к свободе, стремления к социальной справедливости, надежды на новый более интересный и справедливый мир.

Идеал, или «эталон», как некий всеобъемлющий комплекс свойств человека, как некая «система» отсчета становится фактором развития сущностных сил человека. Все это необходимо для обоснования социальных решений субъекта, перспектив духовного и культурного совершенствования социальных «стандартов», гарантирующих выживание человека в сложном глобализированном мире возможностей.

Динамика социальных отношений требует обоснования самой идеи духовного воспитания и самоорганизации человека, его интеллектуальных ресурсов, которая достигается на исключительно нравственной основе. Эта самоорганизация предполагает, в свою очередь, самопознание самого перехода

от «мотива прибыли», который, видимо, выступает как цель производства и воспроизводства социальной жизни, к самому социальному качеству социальной и духовной жизни. При этом человек, конечно же, призван ориентироваться на идею воспроизводства природной среды и развития своих сущностных, духовных сил, на возрождение духовных ценностей, на воссоздание духа солидарности людей, на развитие свободы личности человека, мыслимой как уверенность в своем завтрашнем дне.

Динамика социальных отношений сопряжена в то же время с трудностями осуществления гармонии между необходимо компенсирующим воздействием социальной среды и системой его осуществления. В реальности тот или иной неблагоприятный поступок контролируется самой совестью, как важнейшим социальным регулятором. Это, в свою очередь, стимулирует человека к исправлению своего поведения. А данное исправление, конечно же, органичным образом сопряжено с эффектом самоопределения духовных структур, присущих человеку и обществу в целом.

Сегодня человек вступает в сферу поисков идеальной основы личности. Идеальное устройство человека в данном плане сопряжено с разработкой социальных и духовных программ самой жизни общества. Но человек, нацеленный на поиск социальной справедливости, которая приоткрывает его сущностные силы, приобретает именно ту «точку опоры», которая приближает его к реализации своих наилучших устремлений. Эти устремления, безусловно, составляют важнейший структурный элемент социальных отношений, поскольку сама экономика не в состоянии формироваться без духовного фактора, вне становления сущностных сил человека.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е, изд. – Т. 13.
2. Фихте И.Г. Наукоучение 1801-го года / Пер. с нем. Б.В. Яковенко, под ред. Е.Н. Трубецкого. – М.: Издательство «Логос», Издательская группа «Прогресс», 2000.
3. Фихте И.Г. Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. – СПб.: Мифрил, 1993.
4. Levi-Strauss C. Mythologica IV 12, Ffm, 1976.

¹ Фихте И.Г. Наукоучение 1801-го года / Пер. с нем. Б.В. Яковенко, под ред. Е.Н. Трубецкого. – М.: Издательство «Логос», Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 154.

Бреслер М.Г.

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В продолжение идей Э. Дюркгейма о солидарности автор формулирует новый феномен информационного общества – сетевая солидарность. Этот вид солидарности, обусловленный особенностями коммуникационного взаимодействия в сетевых сообществах, способствует повышению социального капитала человека, эффективности его экономической, политической и социальной деятельности.

Ключевые слова: информационное общество, сетевая солидарность, социальный капитал.

Bresler M.G.

SOCIAL SOLIDARITY IN THE INFORMATION SOCIETY

In continuation of the ideas of E. Durkheim about solidarity author formulates a new phenomenon of the Information Society – a network of solidarity. This kind of solidarity due to the peculiarities of the communicational interaction in online communities promotes raising of human social capital, efficiency of his economic, political and social activities.

Key words: information society, network solidarity, social capital.

Актуальность статьи определена трансформационными процессами, происходящими при формировании информационного общества, как нового этапа цивилизационного развития, сопровождающегося изменением всех институтов общества, его социальной структуры и типа коммуникационного взаимодействия. В новых условиях изменяется и природа социальной солидарности. По мере формирования информационного общества происходит переход от органической солидарности к новым формам взаимодействия. Информация приобретает роль основного ресурса, особую роль получает информационный обмен. При этом роль последнего в социализации человека становится важнейшим фактором. Сетевое строение межгрупповой и межличностной коммуникации повышает укорененность индивида в социальной сети, повышает кластеризацию этой сети. В сетевых сообществах солидарность возникает не только на основе необходимости в разделении труда, не только на основе механического выполнения обязанностей, но и на основе осознания «родства» нахождения в одном сообществе. Мы назвали этот новый тип взаимодействия, продолжая традицию Э. Дюркгейма¹, сетевой солидарностью. Парадоксально, но при развитии и усложнении солидарности от людей требуется все меньше усилий. Механистическая солидарность в аграрном (сельском) обществе регламентировала всю жизнь человека согласно обычаю и традиции. Неповиновение главе рода, нарушение обычая означало для человека полное выпадение из общинной системы, лишение моральной и материальной поддержки, в некоторых случаях – физическую смерть. Органистическая солидарность в индустриальном (городском) обществе требует простого взаимодействия между людьми на основе разделения труда. Столяр нуждается в плотнике, тот в лесорубе, всем им нужен солдат, чтобы их охранял. С развитием индустриального общества закрепление профессий уже перестает быть обычаем. Сообразно своему желанию человек осваивает то или иное ремесло, становясь одним из «органов» общественного организма. С развитием массового производства в индустриальном обществе человек становится все более зависимым от органистической солидарности. Сборщик на конвейере уже не может самостоятельно производить и реализовывать свой продукт труда. Он лишь часть «органа», который взаимодействует со многими другими крупными системами, создающими все более сложные продукты. Выход из системы органистической солидарности возможен, но также связан с последствиями, пусть не столь драматичными. Покидая «орган» – структуру общества, – человек либо становится частью иной структуры, либо очень быстро маргинализируется. Уволить с работы, исключить из пар-

1 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Избранные произведения / Пер с франц. – М.: Канон, 1996. – С.57–58.

Бреслер М.Г.

тии (либо из какого-либо клуба, союза, ассоциации), лишить гражданства – серьезные наказания индустриального общества, сродни изгнанию из общины. Исключенный из системы разделения труда, «удаленный из органа» человек сталкивался с трудностями «вживления» в новый организм. Такой же процесс мы наблюдаем при «умирании органа» – закрытии завода. Массовый характер деиндустриализации начала 90-х годов XX в. в России привел к массовой маргинализации населения. Человек, потерявший возможность быть частью сильного организма (завода), вынужден был срочно искать иное занятие, создавать новые цепочки взаимодействия. Чаще всего эта деятельность носила индивидуальный характер в виде мелочной торговли, частного извоза, мелкотоварного производства продуктов питания (с огорода). В этот период органистическая солидарность просто умерла там, где произошло «отмирание органов», а механистическая солидарность быстро возродилась преимущественно в теневых, криминальных кругах общества. Пример России в 90-х годов не уникален, ведь подобные процессы можно наблюдать во время кризисов индустриального общества в разное время и разных странах, что свидетельствует о всеобщем характере таких явлений. Из анализа развития солидарности в кризисный период можно сделать общий вывод об органистической солидарности как о важнейшем институте индустриального общества. Однако человек информационного общества менее зависим от других. Его «орудия труда» могут находиться в личной собственности, используя информационно-телекоммуникационные сети, человек может распространять продукт своего труда среди многих потребителей. Атомизация общества стала возможна, ученые заговорили даже о полном исчезновении групповой солидарности. Один из ведущих ученых Никлас Луман в рамках парадигмы символического интеракционизма считал, что с тех пор, «как благодаря средствам коммуникации все люди стали достижимы друг для друга в том, что касается их структурных ожиданий, существует лишь одно общество – мировое», направленное на интеракции системообразующего типа. Что, согласно Никлаусу Луману, должно исключить любую возможность достижения «общинного» образца солидарности в интеракционных системах².

Исключение внутригруппового взаимодействия логично и было бы возможно, если бы человеческое общество было сформировано в виде единого гигантского кластера. Увы, но человеческая природа такова, что возможность коммуникации всех со всеми и, соответственно, духовного единения всего общества не реализуется, общество гомогенным не становится

2 Подробнее см. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. с нем. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // Социологический журнал. – 2000. – № 1/2. – С. 16–35.

ся. Напротив, межличностные интеракции крайне неравномерны. Интенсивность выше среди людей с близкими ценностями, мировоззрением, идеями, идеалами, что приводит к сближению коммуникационных кодов и снижению затрат ресурсов на кодирование/декодирование информации, и, как следствие, повышению эффективности коммуникации. Вследствие этого в общей социальной сети коммуникаций образуются кластеры, что соответствует в социальном пространстве сетевым сообществам¹. Как верно отмечает А.В. Назарчук: «Современные сети способны разворачиваться и сжиматься, открываться и закрываться, образовывать самую причудливую геометрию охвата, оперативно включать новых участников и освобождаться от них. Все это означает достижение принципиально новой ступени социальной сложности»².

В процессе изучения процессов создания и развития сетевых сообществ нами был обнаружен феномен солидарного поведения участников сетевого сообщества. Многократно можно наблюдать феномен взаимопомощи в процессе коммуникаций в социальной сети. Дифференциация приоритета передачи информации проходит не столько за счет новизны или исключительной важности, сколько за счет личных просьб членов сетевых сообществ, по принципу «сетевой солидарности» – нового феномена социальной жизни общества. Сетевая солидарность направлена на оказание над-утилитарной помощи членам сообщества. Это может быть просьба к сетевому сообществу оказать помощь в поиске, распространении или создании какой-либо информации, высказать одобрение материалу или фотографии, прокомментировать сообщение, разместить на своей странице материал подписчика – «друга», а также проголосовать по его просьбе. Такая помощь не требует больших материальных либо временных затрат и не содержит обязательств поступать так в дальнейшем. Однако эти услуги способствуют усилению динамики коммуникационных связей, усилению процессов самовоспроизводства в сообществе, укрепляют и препятствуют распаду сообщества в целом. В информационном обществе определяется прямая зависимость социального капитала человека от его сетевой укорененности. Пребывание в сетевом взаимодействии с другими людьми повышает возможности человека в его экономической, политической, социальной деятельности. Сетевая солидарность как необходимая форма взаимопомощи в информационном обществе прослеживалась и ранее. В обществе, где механистическая солидарность была разрушена вследствие разрушения родственно-соседской общины, а органистическая ещё не сложилась, взаимопомощь приобретала иные формы. Описанное М. Вебером³ общество в США конца XIX в. представляет собой агломерацию людей, не связанных механистической солидарностью. В большинстве своем это иммигранты первого поколения, различные по своим ценностям, усвоенным традициям и обычаям, которые практически не имели сложившейся репутации. Иммигранты не имели источников социального

капитала, необходимого для предпринимательской деятельности, получения кредита, иной помощи от окружающих. Идентификационным показателем принадлежности к сетевому сообществу служила принадлежность к той или иной религиозной общине. Коммуникация внутри религиозной общины была крайне ценной. Зарождающаяся органистическая солидарность позволяла работать в общине с большей эффективностью, но более важным, по оценке самого М. Вебера, было «то обстоятельство, что каждая оберегающая свою репутацию секта примет в число своих членов лишь того, чье «поведение» позволяет с полной уверенностью квалифицировать его как безупречного в нравственном отношении человека». Агрегация создавалась по признаку близости ценностей, и кредит давался на основе сетевой солидарности. Механистическая солидарность постоянно действует внутри общины, органистическая солидарность позволяет надеяться получить благо сразу после выполнения работы иным «органом», а сетевая солидарность не подразумевает непосредственного получения благ после акта взаимопомощи. Так же, как и банкир Северной Америки в XIX в. помогал безвестному ремесленнику или фермеру, не ожидая получения каких-либо благ от известных и зажиточных членов той же конгрегации. Но вступив в коммуникацию в сетевом сообществе, он способствовал его развитию и получал блага в дальнейшей деятельности, как в виде прибыли от возвращенного в срок кредита, так и в виде роста доверия и социального капитала. Мы хотели бы разграничить понятия «сетевой солидарности» и «классовой солидарности» в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса⁴, так как сетевые сообщества могут состоять из представителей самых различных социальных групп общества, объединенных по признаку близости ценностей.

Сетевая солидарность – феномен, присущий информационному обществу как таковому, и не может расцениваться как исключительно позитивное или негативное явление. Общий информационный поток настолько насыщенный, что большинство сообщений пользователь не рассматривает полностью, но распространяет, основываясь на просьбе подписчика.

Пристайный библиографический список

- 1 См. например Albert R., Barabasi A.-L. Statistical mechanics of complex networks, // *Reviews of modern physics*. – Vol. 74. – January 2002. – P. 47–97.
- 2 Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии*. – 2008. – №7. – С. 64.
- 3 Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 273–276.

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Избранные произведения / Пер. с франц. – М.: Канон, 1996.
2. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. с нем. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // *Социологический журнал*. – 2000. – № 1/2.
3. Albert R., Barabasi A.-L. Statistical mechanics of complex networks, // *Reviews of modern physics*. – Vol. 74. – January 2002.
4. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии*. – 2008. – №7.
5. Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма // *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1990.
6. Козлова, Т. З. Проблема солидарности в трех социологических традициях // *СОЦИС (Социологические исследования)*. – 1997. – № 5.

- 4 Подробнее см. Козлова, Т.З. Проблема солидарности в трех социологических традициях // *СОЦИС (Социологические исследования)* – 1997. – № 5. – С. 116–119.

Вахитов Р.Р.

**ЕВРАЗИЙСТВО Н.С. ТРУБЕЦКОГО И П.Н. САВИЦКОГО:
ЭТАТИЗМ И ПЕРСОНАЛИЗМ**

Статья посвящена проблеме предназначения государства (в частности имперского евразийского государства) согласно учению евразийцев. Утверждается, что евразийцы видели в государстве феномен культуры, который призван объединять территорию того или иного месторазвития, без чего невозможна реализация провиденциального смысла «симфонической личности» народа.

Ключевые слова: евразийцы, империя, государство-материк, симфоническая личность, месторазвитие, многонародная нация, эйдос.

Vakhitov R.R.

**EURASIANISM OF N.S. TRUBETSKOY AND P.N. SAVITSKY:
ETATISM AND PERSONALISM**

The article is devoted to the problem of the state predestination (in particular the Imperial Eurasian state) according to the teaching of the Eurasians. It is argued that the Eurasians saw cultural phenomenon in the state, which is called to unite the territory of a developmental place, without which the implementation of the providential meaning of a «symphonic personality» of nation is impossible.

Key words: Eurasians, Empire, state-mainland, symphonic personality, developmental place, multinational nation, Eidos.

В представлениях Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого об историческом процессе огромная роль отводится государству. При этом, на наш взгляд, существует глубинная связь между персоналогией указанных евразийцев и их пониманием государства.

Союзы народов или «многонародные нации» (Н.С. Трубецкой), занимающие тот или иной географический мир и превращающие его в месторазвитие, надстраивая над географией пласт культуры, по евразийцам есть симфонические личности.

Н.С. Трубецкой раскрывает это понятие в предисловии к сборнику статей «К проблеме русского самопознания» (1927 г.): «...Наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие – как частнонародные, так и многонародные»¹. Подобными симфоническими личностями являются народы, а также их союзы, связанные географическим соседством и перекличками в языках и культурах, превращающие их в «особый мир» (так, например, симфонической личностью является Россия – Евразия). Личность есть цельность и поэтому она не сводима к простой сумме индивидов, входящих в данный народ или особый мир.

По Н.С. Трубецкому, личность имеет духовный уровень, возвышающийся над материальной эмпирией: «Личность имеет и дух, и плоть, и выявляется... в духовной... и в плотской сферах»². Плоть личности – социальное тело, которое предполагает связь с географической территорией, хотя и не совпадает с этой территорией.

Симфонической личности человечества по Н.С. Трубецкому не существует, и личности «многонародных наций» есть наиболее высокие в иерархии относительных личностей (выше их только личность Бога). Государство, охватывающее весь данный географический мир, или империя есть результат творчества такой личности и в этом смысле оно стоит в одном ряду с национальной литературой, архитектурой, живописью, самобытным экономическим кладом и т. д.

Государство выражает особенности той или иной многонародной личности, но само оно личностью не является. В творчестве, создании самобытной культуры, условием чего является самопознание народа, по Трубецкому, состоит смысл жизни и народов (равно как и отдельных людей).

Государство, по евразийцам, существует, помимо того чтобы поддерживать порядок среди населения и защищать его от внешних опасностей, для того, чтоб удерживать территорию (курсив наш – Р.В.). Н.С. Трубецкой определял государство как «географически-волевое» начало: «Социологически

1 Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999. – С. 93.

2 Там же. – С. 96.

Вахитов Р.Р.

государство есть территория, все жители которой подчиняются определенным законам и повелениям, исходящим из одного волевого центра, т.е. правительства. <...> Государство есть т.ск. категория “географически-волевая”. <...> Кроме того, понятие государства непременно и существенно связано с понятием волевого насилия»³. Не будем забывать, что для евразийцев территория – не просто земля, камни, песок, водные ресурсы, полезные ископаемые и т. д. Территория – это вторая составляющая месторазвития, первая составляющая которого – культура.

Используя метафору Ф. де Соссюра, которой он демонстративно относился, означавшего и означаемого в знаке, культура и территория подобны двум сторонам одного листа бумаги. С утерей территории и культура начинает страдать, и вырождаться, ведь наряду с политически-административной колонизацией, существует и культурная колонизация (П.Н. Савицкий).

По мере создания империи империиобразующий народ включает новые ландшафты, населяющие их народы и их культуры в свою историческую память, «пропускает их через себя» и вырабатывает образ этой территории, отождествляемый с образом Родины. Но дело не только в этом, территория, как утверждал П.Н. Савицкий, организована неким интеллигентным принципом, структурой, которая является эйдосом в платоновском смысле⁴.

Тот же эйдос организует и культуру народов, населяющих данную территорию, и потому составляющих единую многонародную нацию. Одно это позволяет говорить о спаянности культуры и территории и о том, что если нет соответствия между тем и другим (структура культуры не повторяет структуру территории ввиду того, что государство сузилось и утерело часть территорий), то наступает и кризис культуры.

Пристатейный библиографический список

1. Логовиков П.В. (Савицкий П.Н.) Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Прага, 1930.

2. Степанов Б. Спор евразийцев о церкви, личности и государстве (1925–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001/2002 / Под ред. М.А. Колерова. – М., 2002.

3. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999.

3 Степанов Б. Спор евразийцев о церкви, личности и государстве (1925–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001/2002 / Под ред. М.А. Колерова. – М., 2002. – С. 132.

4 Логовиков П.В. (Савицкий П.Н.) Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Прага, 1930.

Корбут Л.В.**ОБЗОР ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРАВОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ СЕМЬИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЮРИСТОВ**

Обзор посвящен заседанию комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов совместно с Российской ассоциацией международного права. В рамках этого заседания были рассмотрены вопросы международного похищения детей в свете соотношения Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и Конвенции о защите детей 1996 г. и прецедентная практика Верховного суда Англии и Уэльса о факторе психологической привязанности при установлении государства постоянного проживания детей. Анализ правовых основ противодействия международному похищению детей представляет интерес для органов государственной власти, специалистов в области семейного права и родителей, которые на практике столкнулись с похищением детей.

Ключевые слова: комиссия по правовому положению семьи, Международный союз юристов, Российская ассоциация международного права.

Korbut L.V.**REVIEW OF THE MEETING OF THE COMMISSION ON LEGAL STATUS OF FAMILY
OF INTERNATIONAL UNION OF LAWYERS**

Review is devoted to the meeting of the commission on the legal status of the family of the International Union of Lawyers together with the Russian Association of International Law. During this meeting were discussed issues of international child abduction in the light of the ratio of the Convention on International Child Abduction 1980 and the Convention on the Protection of Children 1996 and the case law of the Supreme Court of England and Wales on the psychological attachment factor in determining the state of residence of children. Analysis of the legal framework for combating international child abduction is of interest to public authorities, experts in the field of family law and parents, who in practice are faced with child abduction.

Key words: commission on the legal status of the family, International Union of Lawyers, Russian Association of International Law.

12 февраля 2014 г. в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте государства и права Российской академии наук состоялось заседание Комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов совместно с Российской ассоциацией международного права.

В заседании приняли участие ученые-юристы, представлявшие Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, Российскую ассоциацию международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Дипломатическую академию Министерства иностранных дел Российской Федерации, Курский государственный университет, Международный союз юристов, Союз юристов Москвы.

Открыла заседание председатель комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов Л.В. Корбут. В своем выступлении она отметила актуальность исследования вопросов международного похищения детей в свете того, что в эпоху глобализации количество браков с участием иностранных граждан стремительно растет. Иногда такие браки распадаются, и возникает проблема общения обоих родителей с детьми, которая не всегда решается по соглашению сторон.

Поэтому всё чаще при возникновении споров приходится учитывать законодательство различных государств, участвующих в спорах о детях, которое может существенно отличаться. В настоящее время Россия является участницей ряда международных соглашений, регулирующих семейные отношения, в частности, Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.¹ (Конвенция о международном похищении детей 1980 г.) и Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г.² (Конвенция о защите детей 1996 г.).

Анализ положений Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и Конвенции о защите детей 1996 г. представляет интерес для органов государственной власти, специали-

стов в области семейного права и родителей, которые на практике столкнулись с международным похищением детей.

Затем Л.В. Корбут предоставила слово для выступления кандидату юридических наук, старшему научному сотруднику Института государства и права Российской академии наук, члену Исполкома Международного общества семейного права, члену Комитета Организации Объединенных Наций по правам ребенка О.А. Хазовой.

О.А. Хазова выступила с докладом на тему: «Соотношение Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и Конвенции о защите детей 1996 г.».

Докладчица посвятила свое выступление сравнительному анализу Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и Конвенции о защите детей 1996 г.

Эти конвенции являются новыми для России. Так, Конвенция о международном похищении детей 1980 г. вступила в силу для России 1 октября 2011 г., а Конвенция о защите детей 1996 г. – 1 июня 2013 г.

В настоящее время в Конвенции о международном похищении детей 1980 г. участвует 91 страна, и она считается одним из наиболее успешных документов, регулирующих правовое положение детей. В частности, Конвенция о международном похищении детей 1980 г. позволяет не только вернуть детей, неправомочно увезенных в другие государства, но и предупредить возможные нарушения их прав.

Целями Конвенции о международном похищении детей 1980 г. является предотвращение незаконных перемещений детей из одних стран в другие, а также возвращение незаконно перемещенных и удерживаемых детей лицам, являющимся их законными представителями. Конвенция о международном похищении детей 1980 г. также призвана обеспечить реализацию прав опеки и доступа.

При этом под опекой понимается право заботиться о детях и право определять их место жительства. Право доступа включает право забирать детей на ограниченный период времени в иные места, чем места их постоянного проживания.

Следует иметь в виду, что Конвенция о международном похищении детей 1980 г. не регулирует отношения между родителями по поводу детей. Цель Конвенции о международ-

Корбут Л.В.

1 СЗ РФ. – 2011. – № 51. – Ст. 7452.

2 СЗ РФ. – 2013. – № 32. – Ст. 4297.

ном похищении детей 1980 г. заключается в возвращении неправомерно перемещенных детей.

Конвенция о международном похищении детей 1980 г. закрепляет обстоятельства, которые указывают на незаконность перемещения или удержания детей. Так, в силу ст. 3 Конвенции о международном похищении детей 1980 г. перемещения или удержания детей рассматриваются как незаконные, если они осуществляются с нарушениями прав опеки и во время перемещения или удержания права опеки осуществлялись или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

Незаконное перемещение детей, как правило, связано с насильственным изъятием детей из привычной среды, что неизбежно их травмирует. В связи с этим Конвенция о международном похищении детей 1980 г. предусматривает положение о незамедлительном возвращении детей. Для этого в шестинедельный срок с момента, когда стало известно о незаконном перемещении или удержании детей, возможно осуществление оперативных действий. При этом процедуры по возвращению детей должны быть начаты до истечения годичного срока с момента незаконного перемещения детей.

В настоящее время в России идет работа над проектом федерального закона о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с присоединением России к Конвенции о международном похищении детей 1980 г.

В Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предполагается ввести главу, которая будет посвящена процедуре рассмотрения дел на основании Конвенции о международном похищении детей 1980 г.

В России в каждом из восьми округов планируется выделить один районный суд, который будет заниматься рассмотрением дел на основании Конвенции о международном похищении детей 1980 г.

О.А. Хазова обратила внимание на то, что признаком противоправного похищения детей является нарушение фактически осуществляемых прав опеки. К примеру, отец отказывается признать своего ребенка в добровольном порядке. Мать подает иск в суд о признании отцовства. Отцовство признается судом, который обязывает отца выплачивать алименты. Отец с ребенком не общается, а только выплачивает алименты по исполнительному листу. Тем не менее, родители обладают оди-

наковыми правами в отношении детей, и ни один из родителей не может увести ребенка без согласия другого за границу.

Однако на практике встречаются спорные ситуации. К примеру, возможен отказ одного из родителей добровольно вернуть ребенка. В некоторых случаях допускается отказ от возвращения ребенка.

Так, в силу ст. 13 Конвенции о международном похищении детей 1980 г. судебные или административные органы запрашиваемых государств не обязаны предписывать возвращение детей, если лица, учреждения или организации, выступающие против возвращения, докажут, что: лица, учреждения или организации, осуществлявшие заботу о детях, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания детей или дали согласие на их перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против перемещения или удержания; или имеется серьезный риск того, что возвращение детей создаст угрозу причинения им физического или психологического вреда или иным образом поставит их в невыносимые условия.

Суды также могут отказать в возврате детей, если они придут к выводу о том, что дети возражают против их возвращения, и они уже достигли такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание их мнение.

При этом следует иметь в виду, что Конвенция о международном похищении детей 1980 г. распространяется на детей в возрасте до 16 лет, несмотря на то, что согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹ ребенком признается каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста.

Суды могут отказать в возвращении детей в случае, если это противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод.

Так, испанский суд отказался вернуть ребенка на том основании, что раввинский суд Израиля признал жену, похитившую ребенка у отца, «женой-бунтаркой». Поэтому суд принял решение передать ребенка отцу.

Для реализации положений Конвенции о международном похищении детей 1980 г. в странах учреждаются центральные органы, которые оказывают содействие заявителям.

Согласно ст. 7 Конвенции о международном похищении детей 1980 г. центральные органы государств – участни-

1 Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 45. – Ст. 955.

Конвенции сотрудничают друг с другом и способствуют сотрудничеству между компетентными органами государств, чтобы обеспечивать немедленное возвращение детей и достижение других целей.

В частности, они принимают следующие меры: для обнаружения местонахождения детей, которые были незаконно перемещены или удержаны; для предотвращения дополнительного вреда детям или ущерба заинтересованным сторонам; для гарантирования добровольного возвращения детей; для облегчения мирного решения спорных вопросов; для обмена информацией относительно социального положения детей; для предоставления информации общего характера о законодательстве государств; для возбуждения судебных или административных разбирательств с целью добиться возвращения детей и проведения мероприятий по организации и гарантированию эффективного осуществления права доступа; для обеспечения правовой помощи и консультаций юристов, включая участие адвокатов и т. д.

При этом согласно п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 1097 «О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей»¹ Министерство образования и науки Российской Федерации является центральным органом, отправляющим обязанности, возложенные на центральные органы Конвенцией о международном похищении детей 1980 г.

Затем докладчица приступила к анализу положений Конвенции о защите детей 1996 г. Целями Конвенции о защите детей 1996 г. являются: определение государств, органы которых обладают юрисдикцией по принятию мер, направленных на защиту личности или имущества детей; определение права, подлежащего применению судами; обеспечение признания и исполнения мер защиты; установление сотрудничества между уполномоченными органами государств.

Согласно ст. 3 Конвенции о защите детей 1996 г. меры, направленные на защиту личности или имущества детей, могут касаться: возникновения, осуществления, прекращения или ограничения родительской ответственности; прав опеки, включая права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, права определять место проживания детей, а также прав доступа; опекунов, попечительства и аналогичных институтов; назначения и функций любых лиц или органов, несущих ответственность за личность или имущество детей; помещения детей в приемные семьи или организации для детей, оставшихся без попечения родителей; контроля со стороны компетентных государственных органов за надлежащим уходом за детьми; управления, распоряжения имуществом детей и т. д.

Конвенция о защите детей 1996 г. не применяется к установлению или оспариванию родства между родителями и детьми; решениям об усыновлении; фамилии и имени детей; эмансипации; обязательству по содержанию; доверительному управлению имуществом или наследованию; социальному обеспечению; государственным мерам общего характера в отношении образования или здравоохранения; мерам, применяемым в результате уголовных преступлений, совершенных детьми; решениям о праве на убежище и об иммиграции.

Конвенция о защите детей 1996 г. применяется к детям с момента их рождения до достижения ими восемнадцатилетнего возраста.

Юрисдикцией принимать меры, направленные на защиту личности или имущества ребенка, обладают суды места обычного проживания детей. В случае изменения места обычного проживания детей юрисдикцией обладают органы государства нового места обычного проживания.

Для реализации положений Конвенции о защите детей 1996 г. государства назначают центральные органы, которые принимают все необходимые меры для того, чтобы: способствовать, путем посредничества, примирительных процедур или подобных средств, принятию согласованных решений для

защиты личности или имущества детей; оказывать содействие в обнаружении местонахождения детей, если имеются основания полагать, что дети могут находиться и нуждаться в защите на территории запрашиваемого государства.

Следует иметь в виду, что в силу постановления Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2012 г. № 1169 «О центральном органе, исполняющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей»², Министерство образования и науки Российской Федерации является центральным органом, исполняющим обязанности, возложенные на центральный орган Конвенцией о защите детей 1996 г.

Несмотря на то, что Конвенция о международном похищении детей 1980 г. и Конвенция о защите детей 1996 г. формально являются независимыми документами, при неправомерных похищениях детей у родителей есть право выбора между этими Конвенциями.

Для Конвенции о международном похищении детей 1980 г. предусмотрены ускоренные процедуры рассмотрения дел. Для Конвенции о защите детей 1996 г. предусмотрены обычные процедуры и сроки рассмотрения дел. Практика показывает, что применение Конвенции о защите детей 1996 г. занимает более длительное время.

Возраст детей, к которым применяются Конвенции, различен. Так, Конвенция о международном похищении детей 1980 г. распространяется на детей до 16 лет, а Конвенция о защите детей 1996 г. применяется в отношении детей до достижения ими возраста 18 лет.

Решающее значение для Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и для Конвенции о защите детей 1996 г. имеет место обычного проживания детей. Гражданство детей не имеет значения.

Конвенция о защите детей 1996 г. позволяет при определенных обстоятельствах судам отказывать в возвращении детей. Так, согласно ст. 23 Конвенции о защите детей 1996 г. в возвращении детей может быть отказано в следующих случаях: если меры были приняты судами, которые не обладали юрисдикцией по рассмотрению таких дел; если меры были приняты в ходе судебных процессов, без предоставления детям возможности быть выслушанными; по требованию любых лиц, заявляющих, что эти меры нарушают их родительскую ответственность; если такое признание явно противоречит публичному порядку запрашиваемых государств, принимая во внимание наилучшие интересы детей; если меры несовместимы с последней мерой, принятой в государстве места обычного проживания детей и т. д.

Затем докладчица обратила внимание на практику применения Конвенции о защите детей 1996 г. Так, первым делом, которое рассмотрено по Конвенции о защите детей 1996 г., является дело супругов Нейштадт.

Фабула дела заключается в следующем. У Р.Э. Нейштадт и И.В. Нейштадт трое сыновей: Даниэль Якоб, рожденный в марте 2006 г., Йонатан, рожденный в мае 2008 г., и Меир, рожденный в декабре 2011 г. Р.Э. Нейштадт и И.В. Нейштадт познакомились на свадьбе общих друзей и вскоре после этого заключили помолвку, а в декабре 2004 г. вступили в законный брак. Супруги жили в Вене, где И.В. Нейштадт в то время учился, но вскоре переехали в Цюрих, где родились Даниэль Якоб и Йонатан, а затем в Лондон, где прожили вместе несколько лет. Здесь родился еще один ребенок – Меир.

Муж И.В. Нейштадт был невнимательным и грубым со своей женой. В 2007 г. муж начал применять насилие к своей жене и в результате этого их брак распался.

Первые процессуальные действия были предприняты в марте 2011 г. по инициативе Р.Э. Нейштадт, которая прекратила совместное проживание с мужем, будучи беременной своим третьим ребенком Меиром. По решению суда право опеки над детьми было предоставлено матери.

Поскольку первые месяцы в Лондоне агрессивное поведение И.В. Нейштадт по отношению к детям усилилось, было принято решение, что свидания отца с детьми могут происходить лишь в присутствии их матери.

И.В. Нейштадт обещал записаться на курсы для родителей, клялся, что любит детей и хочет им только добра. И Р.Э. Нейштадт, поверив этим обещаниям, сама способствовала организации встреч детей с отцом, не возражала против определения порядка его участия в их воспитании.

В сентябре 2011 г. И.В. Нейштадт согласился обратиться за помощью к психиатру из-за своих вспышек ярости и в ответ во внесудебном порядке получил от Р.Э. Нейштадт разрешение на неограниченное общение с детьми в течение дня.

Суд зарегистрировал прошение о разводе в феврале 2012 г., но Р.Э. Нейштадт не смогла оперативно завершить процесс, поскольку И.В. Нейштадт затягивал дело, отказываясь подписывать необходимые бумаги.

Затем И.В. Нейштадт обратился в лондонский суд с просьбой предоставить ему право проводить с детьми большее число дней в течение недели, а также право неконтролируемого доступа к детям в ночное время.

Затем в российском консульстве в Лондоне он получил российские паспорта на двух старших детей. Он уговорил свою бывшую супругу разрешить ему взять детей на каникулы в Москву, в гости к его брату П. Нейштадту. В путешествии должны были принимать участие его родители, проживающие в Германии.

Под предлогом провести неделю рождественских каникул у своего брата в Москве, И.В. Нейштадт ввел в заблуждение Р.Э. Нейштадт и ее адвокатов, предоставив им авиабилеты, оформленные на него и детей, с вылетом по маршруту Лондон – Москва 25 декабря 2012 г. и обратно 7 января 2013 г., а также адрес дома своего брата в Подмоскowie, где дети должны были проводить каникулы. Он дал письменное обещание, что дети будут общаться с мамой не менее трех раз в неделю.

7 января 2013 г. в день, когда дети, согласно письменной договоренности между родителями, должны были вернуться в Лондон, Р.Э. Нейштадт получила письмо по электронной почте от своего бывшего мужа, в котором он сообщал ей о том, что дети в Англию не вернутся. На протяжении следующего месяца И.В. Нейштадт отказывался сообщить своей бывшей жене местонахождение детей.

11 сентября 2013 г. Московский городской суд признал правомерным решение Высокого суда Соединенного Королевства о возвращении обоих детей в Англию.

20 ноября 2013 г. состоялись последние апелляционные слушания в Московском городском суде по решению, принятому 11 сентября 2013 г. Суд постановил, что дети должны быть переданы матери и вернуться в Англию немедленно.

Л.В. Корбут поблагодарила О.А. Хазову за интересный и содержательный доклад и отметила, что как Конвенция о международном похищении детей 1980 г., так и Конвенция о защите детей 1996 г. требуют дальнейшего изучения, анализа и разработки механизмов их применения на практике.

Затем Л.В. Корбут предоставила слово для выступления кандидату юридического наук, преподавателю Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации С.В. Гландину.

С.В. Гландин выступил с сообщением на тему: «Прецедентная практика Верховного суда Англии и Уэльса о факторе психологической привязанности при установлении государства постоянного проживания ребенка по Конвенции о международном похищении детей 1980 г.».

Выступающий отметил, что 24 января 2014 г. Япония стала 91-м государством – участником Конвенции о международном похищении детей 1980 г.

Великобритания участвует в Конвенции о международном похищении детей 1980 г. с 1 августа 1986 г. С середины 2009 г. в Великобритании начал свою работу Верховный суд. В 2010 г. был принят и 6 апреля 2011 г. вступил в силу Семейно-процессуальный кодекс.

Первым делом стало решение, вынесенное и опубликованное в 2014 г. по Делу LC (Children) [2014] UKSC 1. В Англии Верховный суд является третьей и последней инстанцией. Каждое решение Верховного суда Англии является прецедентом.

11 ноября Верховный суд в составе 5 судей слушал дело по жалобе отца, которого нижестоящие суды признали незаконно удерживающим детей в Англии, и по жалобе дочери об отказе привлечь ее в качестве стороны процесса.

Затем выступающий перешел к рассмотрению факты дела. Так, у отца и матери было четверо детей: тринадцати, одиннадцати, девяти и пяти лет. Отец является поданным Англии, а мать – гражданка Испании. Семья жила вместе в Англии. Когда отношения родителей закончились в 2012 г., мать решила начать новую жизнь и забрала детей в Испанию. Позже было установлено, что отец дал согласие на этот шаг.

До 23 декабря 2012 г. дети безвыездно проживали в Испании, пока между родителями не была достигнута договоренность о том, что они будут гостить у отца до конца рождественских праздников. Они должны были вернуться в Испанию 5 января 2013 г. Тем не менее, дети сказали отцу, что они не хотят возвращаться в Испанию, спрятали свои паспорта, из-за чего их отъезд в Испанию стал невозможным. С тех пор дети остались с отцом в Англии.

В соответствии с Конвенцией о международном похищении детей 1980 г. мать подала заявление о возвращении детей в Испанию по упрощенной процедуре. Отец возражал против возвращения детей и также ходатайствовал о привлечении старшего ребенка в качестве стороны процесса.

До начала слушаний сотрудник органа опеки узнал мнение старшего ребенка и двух других детей. Было установлено, что дети, в особенности старший ребенок, вообще не хотели возвращаться в Испанию. В ходе выяснения их мнения все они, в особенности старший ребенок, жаловались на жизнь в Испании.

Дети считались постоянно проживающими в Испании по состоянию на 5 января 2013 г. Поскольку отец согласился с правом матери на неопределенный срок забирать детей в Испанию, судья установил, что именно там находится их обычное местожительство. Он также посчитал, что дети достигли значительной степени интеграции в новую для них семейную и социальную среду в Испании. Таким образом, суд решил, что удержание детей является незаконным по смыслу ст. 3 Конвенции о международном похищении детей 1980 г., которая устанавливает условия противоправного перемещения или удержания детей.

Суд пришел к выводу о том, что старший ребенок возражал против возвращения в Испанию и достиг необходимого возраста и степени зрелости. Помимо этого, он установил, что хотя другие дети также достигли возраста и степени зрелости, при которой было бы целесообразно принять во внимание их мнения, выраженные ими мнения являлись скорее пожеланиями, нежели возражениями. Суд не усмотрел, что возвращение в Испанию детей или одного из них поставит их в невыносимые условия. Несмотря на то, что суд установил факт отказа старшего ребенка возвращаться в Испанию, он все-таки принял решение о его возвращении. Руководствуясь принципом защиты детей от судебных разбирательств, суд также постановил, что старший ребенок не должен привлекаться в качестве участника судебного разбирательства.

При этом суд первой инстанции разрешил отцу и всем трем детям обжаловать дело в апелляционной инстанции. На промежуточной стадии слушаний судья апелляционного суда, единолично рассматривающий дело, дал разрешение детям обжаловать решение об отказе предоставить им процессуальный статус по делу.

Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции вернуть старшего ребенка в Испанию и отправил дело в суд первой инстанции на разрешение по существу вопроса о том, поставит ли двух детей разделение со старшей сестрой в невыносимые условия. В остальном решение суда первой инстанции было оставлено без изменений, а апелляционные жалобы без удовлетворения.

Верховный суд счел уважительным желание отца отменить решение, установившее в качестве государства обычного проживания детей Испании. При этом испанский суд правомочен в установленном порядке затребовать детей обратно, а английский суд должен был подчиниться такому решению.

Верховный суд подтвердил положение, в котором определены критерии, определяющие, считается ли ребенок обычно проживающим в определенном месте, есть ли некоторая степень интеграции ребенка в новую социальную и семейную среду. При этом Верховный суд признал, что критерии, использованные Высоким и Апелляционным судом в данном деле, уже устарели.

Верховный суд постановил, что когда ребенок на законных основаниях начинает проживать с одним из родителей в государстве обычного проживания данного родителя, будет очень странным, если этот ребенок не приобретет там же и своего обычного места жительства.

Тем не менее, Верховный суд признал возможность в узко ограниченных случаях толковать данную норму по иному и указал судам, что в вопросах определения государства обычного проживания учет степени интеграции и предоставляет такую возможность. В связи с этим суд единогласно постановил, что психологическая предрасположенность ребенка и будет играть решающую роль в отношении определения обычного места жительства ребенка. Это и стало основной причиной принятия Верховным судом к рассмотрению данного дела.

Также Верховный суд отправил дело в суд первой инстанции для определения государства обычного пребывания детей по состоянию на 5 января 2013 г. Логическим следствием этого вывода является норма о праве детей на место жительства, отличное от места жительства того из родителей, с кем они обычно проживают.

Суд дал понять, что такие правовые понятия, как «пожелания», «мнения», «намерения» или «решения», не существенны при определении степени интеграции ребенка в социальную и семейную среду. Необходимо обращать внимание на то, стало ли государство обычного пребывания родителя в период проживания с этим родителем психологически ближе ребенку.

Тем не менее, судьи высказали различное мнение. Большинство судей посчитали, что критерий психологической предрасположенности можно применять только к подросткам, а в отношении настоящего дела – только к старшему ребенку. Они высказали сомнение, что психологическая предрасположенность двух старших детей смогла бы повлиять на вывод судьи о государстве их обычного проживания. Их вывод, что судья первой инстанции должен пересмотреть обыч-

ное место жительства детей, был основан, в первую очередь, на гипотезе, что в свете очевидной близости всех четырех детей постоянное проживание старшего ребенка в Англии может повлиять на определение государства обычного проживания детей. Возможное обычное место проживания старшего ребенка в Англии может стать «противовесом очевидной значимости фактора обычного проживания матери в Испании».

Меньшинство судей посчитали, что психологическая предрасположенность детей младшего возраста, т. е. детей школьного возраста, в отношении определения обычного проживания может иметь такое же значение, как и у детей-подростков. Таким образом, они готовы были бы смириться с необходимостью придания большего веса психологической предрасположенности двух старших детей в то время считающихся проживающими в Испании, несмотря на их юный возраст: десять и восемнадцать лет соответственно.

Судам требуется обращать внимание на все фактические обстоятельства, указывающие на степень интеграции, чтобы определить, считает ли ребенок себя проживающим в новом для себя государстве. Намерения родителей, в том числе единолично воспитывающих детей, являются вопросом факта и не должны оказывать решающего воздействия на оценку суда.

Следует иметь в виду, что суд вправе признать детей лицами, участвующими в деле, если сочтет, что это наиболее соответствует их интересам.

Верховный суд также постановил, что старшему ребенку должен быть присвоен статус стороны по делу, как только он сможет предоставить соответствующие доказательства своей психологической готовности к участию в деле. Было принято решение о том, что оглашения в суде письменных показаний старшего ребенка достаточно.

Доклад О.А. Хазовой и выступление С.В. Гландина вызвали множество вопросов и оживленную дискуссию. Все участники заседания дали высокую оценку научному и организационному уровню проведения данного мероприятия. Председатель комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов поблагодарила участников заседания и подвела итоги работы комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов.

В частности, она обратила внимание на необходимость подготовки различных информационных материалов и проведения научно-практических мероприятий, посвященных особенностям применения Конвенции о международном похищении детей 1980 г. и Конвенции о защите детей 1996 г.

Алисиевич Е.С.

ЗИМНЯЯ АКАДЕМИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ (10–12 ФЕВРАЛЯ 2014 г.)

Обзор посвящён Зимней академии по правам человека, которая прошла на базе юридического факультета РУДН 10–12 февраля 2014 г. Академия была организована университетами – членами Консорциума, совместно реализующими магистерскую программу «Международная защита прав человека» под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и при поддержке МИД России. Зимняя академия охватывала обсуждение методологии преподавания прав человека, презентацию инновационных курсов магистерской программы по правам человека, а также обмен опытом внедрения этих курсов в учебный процесс.

Alisievich E.S.

WINTER ACADEMY ON HUMAN RIGHTS AT THE PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA (FEBRUARY 10–12, 2014)

The review deals with the Winter Academy on Human Rights, held at the PFUR Faculty of law on February 10–12, 2014. The Academy was organized by universities – members of the Consortium that implement the Master's program «International protection of human rights» under the auspices of the UN Office of the High Commissioner for Human Rights and with the support of the Ministry of foreign affairs, Russian Federation. Winter Academy covered the discussion of the methodology of teaching human rights, the presentation of innovative courses, worked out for the Master's program on human rights and their implementation in the educational process.

10–12 февраля 2014 г. в РУДН прошла Зимняя академия по правам человека, которая была организована в рамках осуществления Консорциумом вузов (РУДН, МГИМО (У) МИД России, РГГУ, КФУ и ПГНИУ) первой в России межвузовской магистерской программы «Международная защита прав человека». Магистерская программа, построенная по образцу программы подготовки магистров в области прав человека (Е.МА, Венеция) Европейского междууниверситетского центра по правам человека и демократизации – Венецианского консорциума, объединяющего сорок один европейский университет, успешно реализуется начиная с 2009 г. под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и при поддержке МИД России.

Зимняя академия по правам человека, проведённая на базе юридического факультета РУДН, содействовала укреплению партнёрских отношений между вузами – членами Консорциума через развитие академической мобильности профессорско-преподавательского состава.

Ее проведение было организовано с целью повышения квалификации преподавателями Казанского (Приволжского) университета и Пермского государственного научно-исследовательского университета, которые ведут дисциплины по правам человека в рамках магистерской программы.

Повестка Зимней академии по правам человека предусматривала: обсуждение методологии преподавания прав человека; презентацию инновационных курсов магистерской программы по правам человека и обмен опытом их внедрения в учебный процесс; дискуссию относительно формирования безбарьерной информационной среды по вопросам образования в области прав человека; обмен опытом подготовки специалистов в области прав человека и обсуждение современных подходов к преподаванию прав человека на уровне магистратуры, а также анализ интерактивных моделей проведения семинарских занятий с целью формирования у студентов практических навыков работы.

Слушатели Зимней академии получили возможность ознакомиться с работой Межвузовского ресурсного центра по правам человека – центра научно-исследовательской деятельности в рамках проекта, приспособленного, в том числе, для чтения лекций в онлайн режиме и проведения видеоконференций.

В рамках церемонии открытия Зимней академии по правам человека с приветственным словом к слушателям обратились декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор В.Ф. Понька, старший советник ООН Р. Коменда, заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, доктор юридических наук, профессор РУДН

Старший советник по правам человека ООН Ришард Коменда и д.ю.н., проф., Уполномоченный по правам человека Воронежской области Т.Д. Зражевская

и МГИМО (У) МИД России А.Х. Абашидзе, представитель Московского офиса УВКПЧ ООН Р. Алуаш, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований ИГП РАН, доктор юридических наук, главный редактор «Евразийского юридического журнала» И.З. Фархутдинов, а также Уполномоченный по правам человека Воронежской области, д.ю.н., проф. Т.Д. Зражевская.

Особое внимание участники Зимней академии по правам человека уделили обсуждению общеметодологических подходов к преподаванию прав человека, поскольку уникальность магистерской программы заключается не только в объединении потенциала шести российских университетов, но и в гармонизации методологической составляющей, а также междисциплинарном подходе к обучению, используемых членами Консорциума.

Преподаватели кафедры международного права РУДН выступили с презентациями уникальных инновационных курсов, разработанных в рамках магистерской программы: доктор юридических наук, профессор А.Х. Абашидзе – курс «Договорные органы по правам человека системы ООН»¹, кандидат юридических наук, доцент А.М. Солнцев – курс «Защи-

1 Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека в системе правозащитных механизмов Организации Объединенных Наций: Учебно-методический комплекс. – М: РУДН, 2012.

та экологических прав человека»¹, кандидат юридических наук, доцент Е.В. Киселева – курсы «Дискриминация и гендерные вопросы в современном международном праве»² и «Международно-правовое регулирование миграции», кандидат юридических наук, доцент Е.С. Алисиевич – курс «Поощрение и защита уязвимых групп в международном праве»³, кандидат юридических наук, доцент Ф.Р. Ананидзе – курс «Защита прав коренных народов и меньшинств», кандидат юридических наук, доцент Н.С. Семёнова – курс «Международно-правовое регулирование права на миграцию», кандидат юридических наук, ассистент Н.Ф. Кислицына – «Международный бизнес и защита прав человека», кандидат юридических наук, доцент Аду Яо Никез – курс «Права человека и вызовы XXI века».

Презентации курсов также провели доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса МГИМО (У) МИД России А.Г. Волеводз (курс «Международное уголовное судопроизводство и права человека»⁴) и кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ Н.В. Шатина (курс «Обеспечение прав человека в России»⁵).

В качестве слушателей в работе Зимней академии по правам человека приняли участие: от Казанского (Приволжского) федерального университета кандидат юридических наук, доцент У.Ю. Маммадов, кандидат юридических наук, доцент М.В. Кешнер, кандидат юридических наук, доцент Н.Г. Нугаева, кандидат юридических наук А.Р. Каюмова; от Пермского государственного национального исследовательского университета – доктор юридических наук, профессор Ю.В. Васильева, кандидат юридических наук, старший преподаватель В.А. Крыжан, кандидат юридических наук И.Р. Маматказин, а также ассистент А.В. Костицын.

Зимняя академия по правам человека стала первым из двух мероприятий, организованных Консорциумом вузов с целью развития образования в области прав человека. Второй элемент программы – Летняя школа по правам человека, организуемая для студентов 23–27 июня 2014 г. на базе РУДН с участием ведущих преподавателей вузов – членов Венецианского консорциума и Консорциума российских университетов, экспертов договорных органов ООН, представителей УВКПЧ ООН, учёных и практиков в области прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека в системе правозащитных механизмов Организации Объединённых Наций: Учебно-методический комплекс. – М: РУДН, 2012.
2. Алисиевич Е.С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.
3. Волеводз А.Г. Международное уголовное судопроизводство и права человека: программа курса. – М: РУДН, 2012.
4. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.
5. Солнцев А.М. Защита экологических прав человека: Учебно-методический комплекс. – М: РУДН, 2012.
6. Шатина Н.В. Институты обеспечения прав человека в России: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.

Слева-направо:
Старший советник по правам человека ООН Р. Коенда
и д.ю.н., проф., декан юридического фак-та РУДН В.Ф. Понька

Слева-направо:
Старший советник по правам человека ООН Ришард Коенда,
д.ю.н., проф., декан юридического фак-та РУДН В.Ф. Понька,
зав. кафедрой международного права РУДН,
член Комитета ООН по экономическим, социальным
и культурным правам, д.ю.н., проф. А.Х. Абашидзе,
представитель Московского офиса УВКПЧ ООН Р. Алуаш.

Зав. кафедрой международного права РУДН,
член Комитета ООН по экономическим, социальным
и культурным правам, д.ю.н., проф. А.Х. Абашидзе

1. Солнцев А.М. Защита экологических прав человека: Учебно-методический комплекс. – М: РУДН, 2012.
2. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.
3. Алисиевич Е.С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.
4. Волеводз А.Г. Международное уголовное судопроизводство и права человека: программа курса. – М: РУДН, 2012.
5. Шатина Н.В. Институты обеспечения прав человека в России: Учеб. пособие. – М: РУДН, 2012.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. № 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
 2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адрес eurasiaLaw@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
 3. Объем публикации – до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
 4. Шрифт основного текста работы – 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В.В.doc). Поля документа: верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 2, правое – 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
 5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
 6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) – шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее – резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
 7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
 8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1-2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок – 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
 9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
 10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
 11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
 12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
 13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
 14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
 15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.
 16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
- Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
17. Плата за аспирантов за публикации рукописей не взимается.
 18. Гонорар за публикацию не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
 19. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
 20. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

- АБДУДЖАЛИЛОВ Абдулжабор** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.
- АЛИСИЕВИЧ Екатерина Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- АРАБАЕВ Автандил Анисович** – заслуженный юрист Кыргызской Республики, доктор юридических наук, профессор, главный научный консультант Юридического института при Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына, главный редактор научного журнала «Право и политика».
- БАТЫРЬ Вячеслав Анатольевич** – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
- БОКЛАН Дарья Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской Академии внешней Торговли.
- БОНДАРЕНКО Александр Викторович** – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
- БРЕСЛЕР Михаил Григорьевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы Башкирского государственного университета.
- БЫСТРОВ Григорий Ефимович** – доктор юридических наук, профессор кафедры аграрного и земельного права Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, академик РАЕН, Вице-президент Европейского Комитета аграрного права. Член Научно-консультативных Советов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.
- ВАХИТОВ Рустем Ринатович** – кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета.
- ВЫСТОРБЕЦ Евгений Анатольевич** – кандидат юридических наук, доцент Кафедры земельного и экологического права ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» ВС РФ и ВАС РФ, руководитель Центра интерэккоправа ЕврАзНИИПП.
- ГАНЕЕВ Рустем Рафаилевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Казанского федерального университета, г. Казань.
- ГЕТА Максим Ростиславович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, заместитель декана юридического факультета по научной работе Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета.
- ГУСЕИНОВ Октай Рамазанович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ.
- ЕЛИСТРАТОВА Валентина Владимировна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии.
- ЗАЙЦЕВА Татьяна Александровна** – соискатель кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ИВАНОВ Алексей Николаевич** – ведущий специалист Информационно-аналитического управления – пресс-службы Администрации ГО г. Уфа.
- КИРИН Роман Станиславович** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и хозяйственного права, Государственный ВУЗ «Национальный горный университет».
- КОННОВА Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры международного права Белорусского государственного университета, старший научный сотрудник Центра интерэккоправа Евразийского НИИ проблем права.
- КОПЫЛОВ Станислав Михайлович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- КОРБУТ Людмила Васильевна** – председатель комиссии по правовому положению семьи Международного союза юристов.
- КРАСНОЯРОВА Надежда Ивановна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права Тюменского государственного университета, Института государства и права.
- КУДРЯВЦЕВА Анна Васильевна** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета.
- МАКАРОВА Светлана Владимировна** – аспирант кафедры трудового права Уральской государственной юридической академии; ассистент кафедры правовых дисциплин Шадринского государственного педагогического института.
- МАЛАШКО Анна Павловна** – кандидат юридических наук, главный советник процессуально-правового отдела Экономического Суда Содружества Независимых Государств.
- МАЛЫКО Александр Васильевич** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН.
- МИХЕЕВ Денис Степанович** – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и процесса Марийского государственного университета.
- МОХАММАД Сарвар Мохаммад Анвар** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович** – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Заслуженный юрист РФ, ветеран Великой Отечественной войны.
- ОЗЮМЕНКО Мария Владимировна** – аспирант кафедры административного и финансового права юридического факультета Российского университета дружбы народов.
- ПЕТРОВ Александр Васильевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южно-Уральского государственного университета.
- ПОБЕЖИМОВА Нелли Ивановна** – кандидат юридических наук, профессор, академик Евразийской Академии административных наук, профессор кафедры административного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- ПОЛЯКОВ Семен Алексеевич** – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета.
- РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович** – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Казахстан, Восточно-Казахстанская область.
- РУСТАМОВ Азер Акиф оглы** – доктор философии по праву, преподаватель Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики.
- РЯБОШАПЧЕНКО Анастасия Александровна** – аспирантка кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия».
- САФИНА Лира Ханафовна** – соискатель кафедры философии и истории науки, Башкирский государственный университет.
- СЕРДЮК Павел Павлович** – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Национальной академии прокуратуры Украины.
- СУЛТАНОВА Лиана Юнировна** – аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- ТОЛБУЗИНА Татьяна Викторовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и социального права (филиал РГСУ г. Дедовск).
- ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович** – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета.
- ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович** – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.
- ЧИМБЕЕВ Алексей Найданович** – аспирант кафедры частного права ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет».
- ШАГИЕВ Булат Васильевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса филиала РГСУ в г. Люберцы.
- ШАГИЕВА Розалина Васильевна** – доктор юридических наук, профессор, первый Проректор Российской академии адвокатуры и нотариата.
- ШУШАЕВА Тамилла Абдуллаевна** – аспирантка кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

About the authors

- ABDUDZHALILOV Abdudzhabor** – Candidate of legal sciences, leading research fellow of the Institute of philosophy, political science and law of the Academy of science of Republic of Tajikistan.
- ALISIEVICH Yekaterina Sergeevna** – Candidate of legal sciences, associate professor of the Department of International law of the Russian Peoples' Friendship University.
- ARABAEV Avtandil Anisovich** – Honoured Lawyer of the Kyrgyz Republic, doctor of legal sciences, professor, chief scientist at the Institute of Law at the Kyrgyz National University Balasagyn, chief editor of the scientific journal «Law and Politics».
- BATYR Vyacheslav Anatolievich** – Candidate of legal sciences, professor, professor of International Law Chair at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA).
- BOKLAN Daria Sergeevna** – Candidate of legal sciences, associate professor of the Chair of international law of Russian Academy for Foreign Trade.
- BONDARENKO Alexander Viktorovich** – Candidate of Philosophy, associate professor, deputy head of the department of philosophy of the Ufa state petroleum technical university.
- BONDARENKO Viktor Nikolayevich** – Doctor of philosophy, professor, professor of Philosophy, Sociology and Political Science Chair of the Bashkir State Pedagogical University.
- BRESLER Mikhail Grigoryevich** – Candidate of philosophical sciences, associate professor of Marketing and Advertising Chair of Bashkir State University.
- BYSTROV Grigory Efimovich** – Doctor of legal sciences, professor of the Agrarian and Land law Chair of the Russian State Agrarian University – MTA named after K.A. Timiryazev, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Vice-President of European Committee of Agrarian Law. A member of Scientific and Advisory Councils of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
- CHIMBEYEV Alexey Naidanovich** – postgraduate student of the Private Law Chair of the Russian State University for the Humanities.
- DANELYAN Andrei Andreyevich** – Candidate of legal sciences, associate professor of Private International Law of the Diplomatic Academy of the Russian Federation.
- FARKHUTDINOV Insur Zabirovich** – Doctor of legal sciences, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal.
- GANEEV Rustem Rafailevich** – Candidate of legal sciences, associate professor of civil and business law at Kazan Federal University.
- GETA Maxim Rostislavovich** – Candidate of legal sciences, associate professor of criminal law and criminal procedure, the deputy dean of the Faculty of Law for Science at Novokuznetsk Institute – Branch of the Kemerovo State University.
- GUSEYNOV Oktay Ramazanovich** – Candidate of legal sciences, associate professor of the International Law Chair of the Russian Peoples' Friendship University.
- IVANOV Alexey Nikolayevich** – Leading specialist of the Department of information and analytics of press-service of the Ufa city Administration.
- KIRIN Roman Stanislavovich** – Candidate of legal sciences, associate professor, Head of the Chair of civil and economic law, State HEE «National Mining University».
- KONNOVA Elena Vladimirovna** – Senior lecturer of the International Law Chair of the Belorussian State University, senior researcher of the Centre of interecolaw within the Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law.
- KOPYLOV Stanislav Mikhailovich** – Candidate of legal sciences, associate professor of the International Law Chair at the Russian Peoples' Friendship University.
- KORBUT Lyudmila Vasilievna** – Chairman of the Commission of the legal status of the family of the International union of lawyers.
- KRASNOYAROVA Nadezhda Ivanovna** – Candidate of legal sciences, associate professor of the Theory of state and law and international law Chair of Tyumen State University, the Institute of state and law.
- KUDRYAVCEVA Anna Vasilievna** – Doctor of legal sciences, professor, professor of the Chair of Criminal procedure and Criminalistics at the South-Urals State University.
- MAKAROVA Svetlana Vladimirovna** – postgraduate student of Labour Law Chair at Ural State Law Academy, associate of the Chair of legal disciplines at Shadrinskiy State Pedagogical Institute.
- MALASHKO Anna Pavlovna** – Candidate of legal sciences, top advisor of procedural and legal department of the Economical Court of CIS.
- MALKO Alexander Vasilievich** – Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
- MIKHIEV Denis Stepanovich** – Candidate of legal sciences, associate professor, the acting head of the department of criminal law and process of the Mari state university.
- MOHAMMAD Sarvar Mohammad Anvar** – Candidate of legal sciences, associate professor of the International Law Chair at the Russian Peoples' Friendship University.
- NECHEVIN Dmitry Konstantinovich** – Doctor of legal sciences, professor of the O.E. Kutafin MSLA, Honoured lawyer of the Russian Federation, veteran of the Great Patriotic War.
- OZIUMENKO Mariya Vladimirovna** – postgraduate student of the Administrative and Financial Law Chair, Law faculty, Peoples' friendship university of Russia.
- PETROV Alexander Vasilievich** – Doctor of legal sciences, professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the South-Urals State University.
- POBEZHIMOVA Nelli Ivanovna** – Candidate of legal sciences, professor, Academician of the Eurasian Academy of administrative sciences,
- POLYAKOV Simon Alexeyevich** – postgraduate student of Kazan (Volga Region) Federal University, professor of the Chair of the Administrative Law and Process of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, a member of the Eurasian Academy of Administrative Sciences.
- RAKHIMBERDIN Kuat Khazhumuhanovich** – Doctor of legal sciences, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the East Kazakhstan State University named after S. Amanzholov.
- RUSTAMOV Azer** – Ph.D in law, lecturer of the Legal support of public administration Chair of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan.
- RYABOSHAPCHENKO Anastasiya Aleksandrovna** – postgraduate student of the Chair of European law and comparative legal studies of the National University «Odessa Law Academy».
- SAFINA Lyra Khanafovna** – applicant of the Department of philosophy and history of science Bashkir State University.
- SERDYUK Pavel Pavlovich** – Professor of criminology and criminal-executive law Chair, National Academy of Prosecutors of Ukraine.
- SHAGIYEV Bulat Vasilovich** – Candidate of legal sciences, associate professor of civil law and process of Lyubertsy RGSU branch.
- SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna** – Doctor of legal sciences, professor, first Vice-rector of the Russian academy of advocacy and notariate.
- SHUSHAYEVA Tamilla Abdullayevna** – postgraduate student at the International and European Law Chair, Kazan (Volga region) Federal University (Russia).
- SULTANOVA Liana Yunirovna** – postgraduate student of political science, sociology and public relations Ufa State Petroleum Technological University.
- TOLBUZINA Tatiana Viktorovna** – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Chair of social work, psychology and social law (branch of the Russian State Social University, Dedovsk city).
- TOLSTYKH Vladislav Leonidovich** – Doctor of legal sciences, associate professor of the Chair of Constitutional and International Law of Novosibirsk State Technical University.
- VAKHITOV Rustem Rinatovich** – Candidate of philosophical sciences, associate professor of the Bashkir state University.
- WYSTOROBETS Eugene Anatolievich** – Candidate of legal sciences, associate professor of Chair of Land and Environmental Law within Russian Academy of Justice at the Supreme Court of the Russian Federation and Higher Arbitrage Court of the Russian Federation, Head of the Centre of interecolaw within the Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law.
- YELISTRATOVA Valentina Vladimirovna** – Candidate of legal sciences, associate professor of the Chair of German and French languages of Saratov State and Legal Academy.
- ZAYTSEVA Tatyana Alexandrovna** – pretender for doctor's degree of International law Chair at Russian People's friendship university.